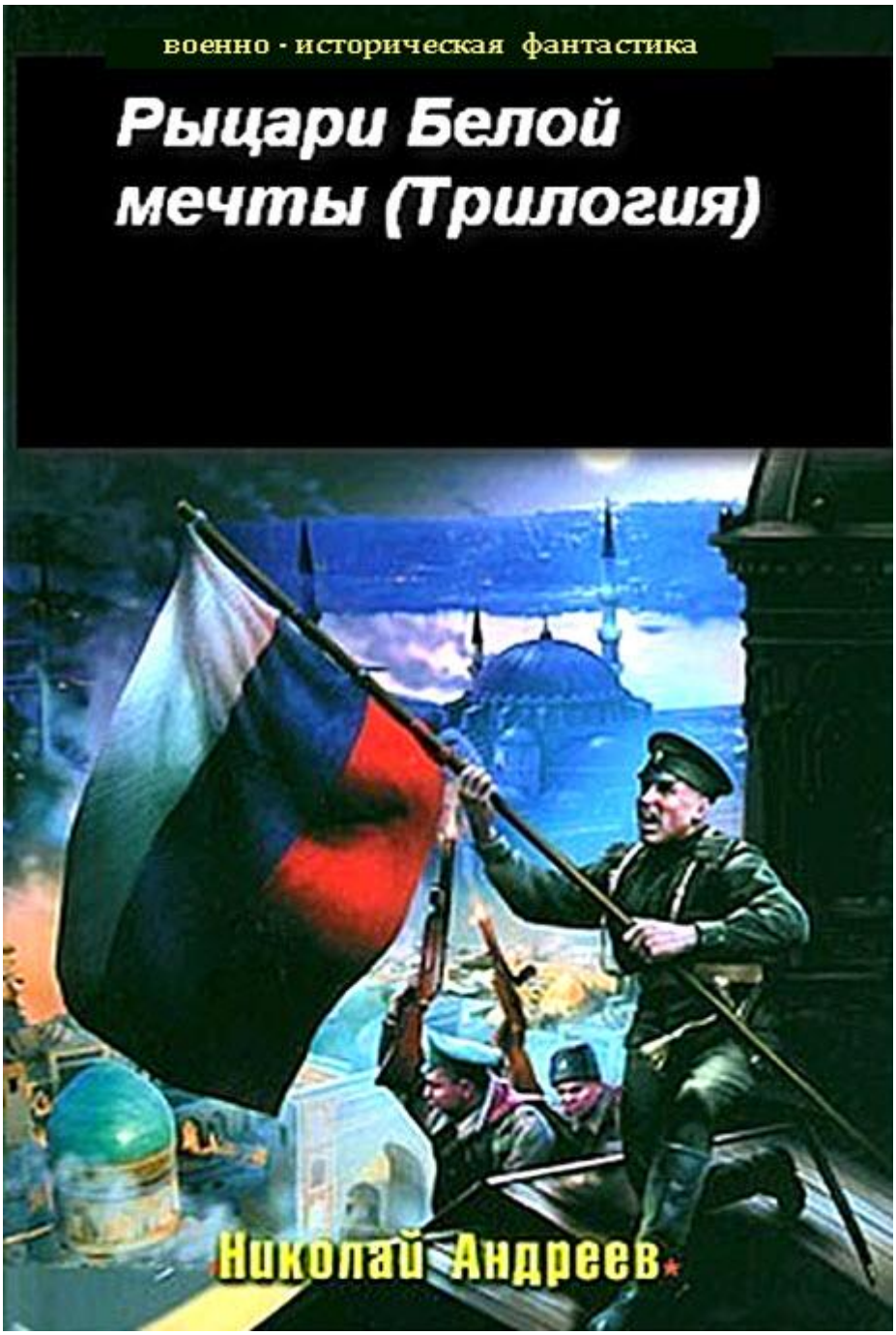
Николай Юрьевич Андреев
Рыцари Белой мечты (Трилогия)



СИ СИ

Аннотация

Аннотация:

Выкладываю трилогию одним томом. Попутно ищу издателя для неё. Том 1.Февраль 1917 года. Мятеж в Петрограде подавлен верными престолу войсками, Петроградский Совет разгромлен, Александр Керенский погиб в бою. Худшая страница русской истории зачеркнута и переписана набело. Не будет ни бессильного Временного правительства, ни большевистского переворота, ни похабного Брестского мира. Весной 1917 года русская армия — впервые с начала войны в избытке снабженная всем необходимым, не разложенная

пораженческой пропагандой — готовится к решающему наступлению на всех фронтах. Том 2. Весна, 1917 год. Февральская революция подавлена верными престолу войсками. Российская история пошла другим путем. В апреле начинается решающее наступление на всех фронтах. Новый Брусиловский прорыв сокрушает австрийскую оборону. Отчаянные атаки русской пехоты, поддержанной армадами тяжелых бомбардировщиков "Илья Муромец", сметают немецкие укрепления на Северном фронте. Первая Конная армия генерала Врангеля уходит в глубокий рейд по вражеским тылам. Русский десант высаживается в Царьграде — под грозный рев корабельной артиллерии, под победные марши военных оркестров, поднимающих войска на последний штурм: "Гром победы, раздавайся! Веселися, храбрый Росс!"... Том 3.Подтвердит ли негласное расследование, что Гучков, Милюков, Львов, Керенский и Ко готовили Февральскую революцию ещё с 15-го года? Что выберет контрразведчик Бобрев: счастье в любви или благо России? Сможет ли А. И. Спиридович, бывший начальник охраны царя, наконец-то вызвать Гучкова на дуэль? Чем пожертвует Великий князь Кирилл (он же Кирилл Сизов), чтобы предотвратить опасность новой революции? Узнать это вы сможете, прочтя книгу.

Андреев Николай Юрьевич
Рыцари Белой мечты
Трилогия

Книга первая
За Русь святую!

Пролог

Тяжкий скрип двери, показавшийся вздохом. Дерево, окованное металлом, сопротивлялась неожиданному нашествию, не желая открываться. Однако всё же поддалось. Бой оказался неравным: старое, ржавое железо — и мощная рука человека, некогда работавшего подмастерьем в кузне.

Маленькая, продуваемая вездесущими сквозняками камера "номер пять". Восемь шагов длиною, четыре — шириною. Железная кровать приютилась у одной из стен, железный же столик и старенький табурет, неподвижные, ввинченные в пол, — у другой. К стене прикрутили полку для посуды, чуть ниже неё, в углу — выносное ведро с тазиком и кувшином для умывания. В двери камеры прорезали окошко для передачи пищи. Над ним — маленькое-маленькое стёклышко. По злой иронии судьбы его когда-то назвали "волчком". Холод — здесь всегда царил жуткий холод, пробирающий до самых костей, замораживающий самую душу. Даже утеплённая шинель не спасла заключённого от простуды.

Именно таким оказалось последнее пристанище на белом свете адмирала Александра Васильевича Колчака, Верховного правителя России, одного из великих исследователей северных морей, патриота и рыцаря, Авеля среди каинов. Или же — старого чудовища, диктатора почище царя, убийцы, агента иностранных разведок, слуги интервентов, предателя и, вообще, "кокаиниста".. Того предателя, который даже под угрозой собственной жизни отказывался отдавать в руки "союзников" золотой запас империи. Того, кто сражался за ту Россию, в которую верил. Того, кто до самой своей смерти служил девизу "Ich diene". Да, адмирал служил до самой своей смерти. Служил своей стране и своему народу. Наверное, он заслужил имя предателя от тех, кто с лёгкостью мог пожертвовать восемью десятыми русской земли ради сохранения своей власти на

оставшемся клочке территории. Для них он точно был изменников и кровопийцей…

Колчак осунулся, поседел, постарел на десятки лет за одну ночь. Но он не сдался…

Узкие брови были сдвинуты к переносице. Легко угадать, что этот человек очень устал. Не из-за ареста — он устал от безнадёжной двухлетней борьбы, окончившейся полнейшим крахом. Адмирал почти не ел, спал короткими урывками, нервно бродил по камере после многочисленных и грубых допросов.

Председатель следственной комиссии Чудновский, особо невзлюбивший адмирала, старался чем угодно поддеть бывшего Верховного правителя. Заметив, что адмирал с удовольствием пьёт чай, приказал давать его только членам комиссии. И тогда один из "следователей", эсер Лукьянчиков, отдал Колчаку свой стакан. Таких людей уважали даже враги. Жаль только, что не всегда ценили друзья…

Но в последний день адмирал стал спокоен. Он почувствовал, нет, он понял, что ночью настанет конец этой глупой пьесе длиною в жизнь. Без суда, даже без формального окончания следствия. Просто следователи боялись опоздать, упустить такую "персону": к городу подходили каппелевцы, намеревавшиеся любой ценой отбить "своего адмирала".

Из первопрестольной телеграммой чётко указали, как следует поступить…

"Шифром.

Склянскому: Пошлите Смирнову (РВС 5) шифровку: Не распространяйте никаких вестей о Колчаке, не печатайте ровно ничего, а после занятия нами Иркутска пришлите строго официальную телеграмму с разъяснением, что местные власти до нашего прихода поступали так и так под влиянием угрозы Каппеля и опасности белогвардейских заговоров в Иркутске.

Ленин. "

В январе эта телеграмма уже лежала на столе у "высокого начальства"…

*** * ***

Дверь камеры отворилась. За Колчаком "пришли".

Однако когда заключенный глянул на конвойных, в глазах его читался не страх, нет — в них читалась решимость. Лучик надежды ещё не погас. Но уже ничего нельзя было изменить…

Колчак тяжело поднялся, расправил плечи. Один из пришедших зачитал постановление, а вместо этого мог просто сказать одно слово. Расстрел.

— Разве суда не будет? — лучик надежды угасал с каждым ударом сердца.

Ответом было молчание. Сам заключенный и так понимал, что нет, но всё-таки…вдруг…

Поздно надеяться: постановление уже есть. Значит, всё-таки расстрел? Пусть!

— Какие есть просьбы и заявления? — нарушил молчание вопросом зачитавший приказ тюремщик.

— Могу ли я встретиться с Анной Васильевной Тимирёвой?

— Нет. Есть ещё какие-нибудь просьбы?

Колчак качнул головой. Просьб больше не было. Встреча с любимой было тем последним и единственным, чего ещё хотел обречённый на смерть адмирал.

Александр Васильевич вышел в коридор, где его окружили конвойные. Лицо обречённого было бледно, но на удивление спокойно. Как же разительно отличалась физиономия коменданта! Тот заметно нервничал, боялся чего-то, ждал, как бы ничего не пошло не по плану….

А из волчка двери одной из камер возлюбленная не успела взглянуть в последний раз в

жизни на своего любимого. Только краешек шинели, лоскут ткани…Его образа Анна Васильевна никогда не забудет. Лишь им одним Тимирёва будет жить ещё долгие и долгие годы. И через много лет сердце будет биться, едва мелькнёт в мыслях лицо любимого…

Полвека не могу принять -
Ничем нельзя помочь -
И всё уходишь ты опять
В ту роковую ночь.
Но если я ещё жива
Наперекор судьбе,
То только как любовь твоя
И память о тебе.

Эти строки Анна Васильевна оставит в тысяча девятьсот семидесятом году. Уже пятьдесят лет не будет земле "милой химеры в адмиральской форме"…

Вышли в дежурную комнату. Снег хрустел под ногами. Было необычайно морозно, хотя заключенный свершено не замечал холода, как и его конвоиры. Обречённый потянулся к платку, делая вид, что вытирает пот со лба. Уголок ткани был уже у самого рта, когда один из конвоиров почуял неладное и рванул ткань из рук адмирала. Ампула с ядом. Последний шанс нарушить планы врага пропал в снегу. Но Колчак продолжал сохранять молчаливое спокойствие…

Вскоре вывели и второго заключённого. Обречённый на смерть адмирал встретил его кивком головы. Пепеляев. Им вдвоём предстояло вместе уйти в вечность…

Разбились на улице на два круга. В центре одного из них шёл Колчак, в центре другого — Пепеляев. Тот беспрестанно бормотал молитвы. Может быть, ещё не потерял надежду на спасение? Или грехи отмаливал? Не только свои, но и своих будущих палачей? Всей страны? Этого никогда не узнать. Колчак вдруг вспомнил, в какой день ему предстояло принять смерть, — "День всех усопших в нынешнюю лютую годину гонений исповедников и мучеников". За два года до того церковь установила это имя для седьмого февраля. Снова — злая ирония насмешливой судьбы.

"Как странно, Анна Васильевна, — Александр Васильевич надеялся, что любимая почувствует, услышит его последние слова, обращённые к ней. — Именно сегодня мне предстоит исполнить свой последний долг. Я думаю — за что плачу такой страшной ценой? Я знал борьбу, но не знал счастья победы. Я плачу за вас — я ничего не сделал, чтобы заслужить это счастье. Ничто не даётся даром, любимая Анна Васильевна".

Колчак высоко поднял голову. Он знал, что идёт на смерть. А воин, настоящий воин, для которого нет большей радости, чем битва, должен с честью, с достоинством, с гордостью принять последний вызов судьбы. Это уже много веков знали люди из Страны Восходящего Солнца, узнал некогда и сам адмирал. Но и другое ему было известно: когда-нибудь снова воссияет над Родиной солнце, и любой шаг может принести свет в Россию хоть на секунду.

Двинулись вдоль набережной замёрзшей реки. Иркутск спал — или, быть может, боялся показаться, даже зажечь огонь в домах, когда за городом слышался треск словно взбесившихся пулемётов, выстрелы, канонада пушек. В город рвались из последних сил обмороженные, голодные, смертельно уставшие каппелевцы. Они надеялись спасти, мечтали сохранить одного-единственного человека, Рыцаря Белой Мечты. Многие помнили, как Колчак обходил ряды солдат, награждая героев георгиевскими крестами. Был тут и один молодой солдат, из сибирских крестьян. Едва Александр Васильевич приколол к шинели бойцы Георгия, как слёзы потекли из глаз героя. Колчак слегка смутился, спросил что-что у

ротного. А потом взял ещё один Георгий и приколол его рядом с первым. Тот молодой сибиряк сейчас среди многих и многих шёл на штурм Иркутска…

Конвой завернул в переулок, поднимаясь в гору. Шум недалёкого боя здесь был ещё громче. Конвоиры нервничали. Пусть они потом будут рассказывать, что пламя радости за смерть врага народа согревало их и отгоняло страх. Не было этого. Был просто страх за свою жизнь: "Авось беляки встретят да приголубят пулей или штыком за своего Колчака?" — об этом думали конвойные…

Молитвы Пепеляева стали громче, некоторые слова даже удавалось разобрать. "Спаси и сохрани…Отче…Пресвятая Богородица". Показался пригорок. Смерть близилась, а вместе с нею — вечное небытиё, тьма, что навсегда поглотит души двух человек, которым просто не повезло с союзниками.

Вышли на какую-то поляну, расположенную на пригорке. Был виден вдалеке город, освещённый только-только зажигавшимися огоньками. Может быть, Иркустк, почувствовал, что Рыцарь гибнет, и радовался этому. Или же стенал от горя. Кто знает…

— Займите место на этом холме, — приказал командир конвоя.

Обречённые подчинились.

Главе палачей казалось, что жертвы будто юы стали больше, выше раза в два. Очень высоким чудился ему ту минуту Колчак..

— Прощайте, адмирал, — прошептал читавший до того молитвы Пепеляев.

— Прощайте, — по-военному коротко ответил обречённый Колчак.

Ярко светила полная луна, заливая каким-то сказочным, неземным светом. Лица расстрельной команды казались гротескными масками, слепленными из чуть-чуть подтёкшего воска.

Адмирал выкурил папиросу, милостиво предоставленную ему одним из палачей. Затем спокойной затушил её, застегнулся на все пуговицы и встал по стойке "смирно".

— Желаете ли, чтобы завязали глаза? — спросил наконец Бурсак, непосредственный начальник расстрельной команды.

— Считаю, что стоит смерть встретить с широко раскрытыми глазами: так проще, — ответил адмирал. Внутренне он уже полностью свыкнулся с мыслью о смерти.

Чудновский, наблюдавший за казнью, шепнул Бурсаку: "Пора".

— Взвод, по врагам революции — пли! — винтовки наизготовку. Но выстрелы палачей обогнал грохот пушек. Тех, кто спешил на помощь своему Рыцарю. Этот звук был последним в его жизни…

Потом сделали ещё два залпа по убитым — для верности. Даже тут боялись тех, кого расстреливали.

— Трупы куда девать? — когда страшное, но давно привычное дело было сделано, спросили "бойцы расстрельной бригады" командира конвоя и коменданта тюрьмы.

— А в реку, — конвоиры не хотели копать могилы для тех, кого-то только что убили. К тому же Бурсак и Чудновский боялись, что "эсеры разболтают, а потом народ повалит на могилу". А так — концы в воду…

Трупы уложили на сани-розвальни и покатили к реке. Прорубь присмотрели загодя: монашки из ближайшего монастыря оттуда воду брали. Подкатили на санях к самой речке. Прежде чем сбросить в прорубь, раздели: а чего добру-то погибать?

А потом…Потом Колчака — головой вперёд, а за ним и Пепеляева. И они поплыли под тонким слоем замёрзшей воды на север. Родная стихия бережно приняла тело адмирала и понесла в знакомые края, в свою полноправную вотчину. Навсегда…

Это потом родилась легенда, будто адмирал лично командовал своим расстрелом.

" Расстрелом офицера должен командовать старший или равный по званию. А так как таких здесь нет, то придётся мне отдавать приказы команде. Товсь! Цельсь! Пли!"

Есть ещё одна история, связанная со смертью Колчака. Штабной вагон адмирала выставили на постаменте в Иркутске как символ победы над Верховным правителем, как память о "славной войне". Однако никто из решивших поставить этот "монумент" не мог

даже представить, что каждое утро у вагона будут лежать живые цветы. Как у могилы, которую так и не получил адмирал. Власти поставили караул у "памятника". Но всё равно цветы появлялись. И тогда вагон приказано было уничтожить. Но с памятью такого совершить не смогли…

*** * ***

Кирилл Владимирович Сизов закрыл книгу, массируя виски. Все книги, что касались Гражданской войны, не давались этому человеку без сильнейшего душевного трепета. Знаете, каково это, когда чувствуешь: что надо сделать что-то очень важное, что-то способное перевернуть весь мир. А потом ты понимаешь: не сможешь. Не сможешь повернуть течение времени вспять, не сможешь встать в строй плечом к плечу с рыцарями белой мечты. Белые парадные кители, трёхлинейки и маузеры зажаты в грязных руках. И — ни одного патрона. Вместо них — белизна мундиров и ярость в глазах…

С самого своего детства Сизов грезил Гражданской войной. Странная эпоха…Кровь, братоубийство, предательство, голод, обречённость. И вместе с тем — верность Родине, преданность Долгу и Чести, причём как среди "красных", так и среди "белых". Да, сверстники Сизова вряд ли могли похвастаться знаниями той эпохи, кроме тех "фактов", которые вдалбливались в голову молодым поколениям. Бравые комиссары против пьяного офицерья, храбрые балтийцы против изнеженных юнкеров. Ведь как всё просто было: на нашей стороне хорошие, а на той — плохие. Жаль, что такое бывает только в сказках. Об этом Сизов успел узнать ещё в юности…

Предками Кирилла были дворяне из старинного, но обедневшего рода. Имение прадеда Сизова, Евгения Пятеримовича Синова, Синовка, захирело вскоре после первой русской революции. "Барин" оказался не самым рачительным хозяином, но он помогал крестьянам чем только мог. Если погорел — иди к Синову. Если неурожай — к Синову. Если свадьба, да приданого дочке недостаёт — всё к нему же, к Синову. Евгений Пятеримович не мог отказать в помощи, это ввергло семью в бедность — но и спасло жизнь Синовым. В годину лихолетья, начавшегося после февраля семнадцатого года, когда крестьяне забирали себе земли помещиков, Евгению Пятеримовичу деревня выделила две коровы, трёх коз да десяток кур с петухом. Правда, большую часть земельного надела Синовых поделили мужички между собой, так не до жиру… Не забыли люди добра Синова и когда красная власть пришла на их земли. Комиссаров не то чтобы не привечали, но и особо им не радовались. "Ленин далеко, да соседи близко!" — мудро рассуждали мужики, помалкивая о том, что семья Сизовых (фамилию "барин" решил от греха подальше сменить) совсем не приезжая, не беглянская, как пытались доказать комиссарам, а самая что ни на есть местная, барская. Несколько раз, правда, "гроза" чуть не прогрохотала над головами семьи Евгения Пятеримовича. Но, к счастью, всё обходилось, правда, глава семьи от волнений быстро стал плох, сердце начало сдавать, и вскоре, за неделю до смерти Ленина, отошёл в мир иной.

Старшим в семье стал Михаил Евгеньевич, дед Кирилла Владимировича. Он пошёл работать учителем истории в сельскую школу, которую организовала новая власть. Трудно, конечно, было привыкнуть к взглядам новой власти на историю России, но жить-т надо было! А потом стало легче: при Сталине снова начали Россию не тюрьмой народов считать, а великой страной. И этой стране были нужны герои. Не только новые, но и старые.

Сын Михаила Сизова, Владимир, рано женился на тихой, интеллигентной однокурснице, в восемнадцать лет, перед самой Великой Отечественной. Пошёл на фронт, дошёл до самой Праги — а потом вернулся на родину, в Синовку. Её так и не переименовали: власти то ли забыли наречь деревню как-то вроде Чапаевка или Ленинка, то ли решили не забивать голову подобными глупостями. А в пятьдесят третьем году, ровно за три дня до смерти Сталина, у Светланы и Владимира Сизовых родился сын Кирилл. Ещё в школе он был сметлив и умён не по годам, быстрее остальных решал самые сложные задачи по математике и физике, но более всего увлекался русским языком и историей. Родители решили, что лучше всего для него подойдёт юридический факультет. Именно на нём

Кирилла "заметили": однажды вызвали "куда надо" и спросили, не хочет ли он послужить на благо Родины после окончания факультета. Сизов особо не раздумывал. Так началась его карьера в органах…

Ещё до поступления на юридический факультет родители поведали Кириллу историю семьи. О том, что никакой он не Сизов, что совсем он не интеллигент, а дворянин, и что родная его деревня — в прямом смысле Его деревня. Вернее, была бы его, не случись двух революций. Кирилл, как ни странно, невероятно радостно воспринял это. В детства в Сизове жила надежда на то, что когда-нибудь кем-нибудь вроде Айвенго или Д'Артаньяна, благородного дворянина, причастного к сотворению истории родной страны…Да ещё и те книги, который читал Кирилл в детстве — они тоже сыграли немалую роль в становлении личности Сизова.

Булгаковские "Бег" и "Белая гвардия", рукописи Краснова и некоторые книги Мельгунова, чудом уцелевшие в пражских архивах, тайком привезённые в подкладке трофейного чемодана Владимиром с Великой Отечественной войны. Ещё — рукописные копии книжек Леонида Андреева и Ивана Шмелёва. То немногое, что осталось с былых времён, истинное сокровище семьи. Именно благодаря этому "богатству" Кирилл мечтал стать то рыцарем, то дворянином, то офицером. А после рассказов родителей и нескольких рукописных копий запрещённых в стране книг, родились грёзы о временах Гражданской войны, о белом кителе и смерти за Великую, Единую и Неделимую.

Но как было прожить в стране победившего коммунизма с такими-то взглядами? И Кирилл Владимирович научился скрывать свои настоящие убеждения. Думаете, легко уверенным голосом говорить, какими "выродками" были белогвардейцы? Легко ли смешивать с грязью свои идеалы? Легко делать вид, что ненавидишь тех людей, которых в глубине души боготворишь?

А Сизов мог. Может быть, именно поэтому, благодаря своей силе воли, Кирилл смог пробиться на высокие должности "в компетентных органах"? Где же ещё можно найти достаточно сведений о времени своих грёз? Только в архивах, и причём закрытых для случайного читателя. Ради исполнения своей мечты Сизов готов был пойти на многое…

Служба советником в Анголе, участие в создании агентурной сети в Мозамбике, Афган — это лишь немногое, что повидал и пережил Кирилл Владимирович, но при этом в душе остался романтичным мечтателем. Хотя, казалось бы, какая романтика, когда вокруг тебя гибнут люди, а ты всё живёшь, живёшь, живёшь…

Показав незаурядные способности по созданию и организации агентурных сетей, Кирилл Владимирович смог подняться по карьерной лестнице, сумел наладить контакт со многими влиятельными людьми. Но главное, Сизов познакомился и подружился с теми, кто ведал теми самыми архивами, до которых стороннему человеку не под силу было добраться.

Как ни странно, развал Советского Союза лишь сыграл на руку Кириллу Владимировичу: документы стало проще находить. И постепенно перед теперь уже полковником открывалась широкая картина краха империи, двоевластия, которое было похуже анархии, и эксперимента небольшой группки людей, посчитавших себя умнее остального народа. А ещё — помощи этим людям. Деньгами, что шли от извечных врагов страны, солдатами, проливавших кровь не хуже средневековых наёмников, и много чем ещё. Но чаще всего в ход шло предательство.

Очередным доказательством этого стали документы, принесённые другом Сизова, Сергеем Сидоровичем Кирсановым. Историк, работавший в основном по архивам, смог вынести "невыносную", и оттого невероятно интересную папку. Под серым картоном, кроме дела о поимке очередного шпиона капитализма, оказалось вложено множество невероятно старых бумаг. Причём явно из различных источников: отличалось качество бумаги тех или иных документов, печати, и даже шрифты разнились: то старинный попадался, то новый, советский. Но важнее всего были те факты, что оказались изложены под серым картоном.

Кирилл Владимирович дрожавшими руками принял папку, сказав, что постарается вернуть в самое ближайшее время. Однако Кирсанов заявил, что бумаги могут у Сизова

остаться хоть на веки вечные: выносить-то их запрещали из архивов, но кто в то бурное время следил за сохранностью бумаг? При особой сноровке можно было и не такое вынести. Да и у Кирилла они сохранились бы лучше, чем в архиве…

Первым в глаза бросилась докладная записка одного из чинов полиции. В правом верхнем углу — подпись адресата, начальника столичного отдела полиции. Чуть ниже — имя агента. Эти строки сильно пострадали, кажется, от воды: буквы оказались размыты, так что нормально прочесть не удалось. Какие-то сведения о слежке, об агентурной сети, имена филёров, провокаторов и шпиков. Сведения о некоей княгини…Кажется, первой шла буква "В", но фамилия тоже была изрядно "подмыта". А ниже…

Кирилл Владимирович даже задержал чуть ли не на минуту дыхание. Разум не готов был поверить в то, что видели глаза. "Всего лишь" список лиц, озаглавленный по-деловому просто: "Участники лож кн. Вырубовой". То, за чем историки гонялись многие годы. Масоны! Те самые масоны, настоящие, без маскарадов и мистики. Те, кто творил историю России — по словам одних. Те, кто загубил Россию — по словам других. Те, кого никогда не существовало — по словам третьих.

Сизов лишь пробежался глазами по списку. Но даже немногие фамилии поражали. Тут были и князья, и думские депутаты, офицеры, члены Временного правительства. И даже двое членов Центрального Комитета большевиков. Ком подкатил к горлу Кирилла Владимировича при прочтении двух имён.

Радомысльский Овсей-Гершен Аронович и Розенфельд Лев Борисович. Глаза просто отказывались читать дальше. После слов "в партии известны под псевдонимами…". Это стало чем-то вроде очередного "переворота" в сознании полковника. Он пока что не готов был поверить, что два лидера партии могли принадлежать к масонам. Хотя…почему бы и нет? Кирилл Владимирович решил перейти к другим документам, здраво рассудив, что другие могут оказаться намного интереснее, а этот списочек можно было бы прочесть и позже. К сожалению, в самом низу списка, в графе "Подозреваемые в участии и сочувствующие", было несколько человек, которым предстояло сыграть не последнюю роль в судьбе Сизова.

Кирилла Владимирович стал листать дальше. За документами о том, что в Московском отделении партии большевиков на верховных постах оказалось сразу трое провокаторов, пошла "бухгалтерия". Например, меню кремлёвских работников в голодную пору начала двадцатых годов. Икра, масло, белый хлеб, мясо — когда крестьяне умирали, не сумев попасть в город. Был отдан приказ не пускать лишние рты в крупные населённые пункты. И люди гибли на дорогах, в полях, у самых предместий…

Среди документов, датированных январём-февралём 1917 года, нашлась одна очень интересная фотография. Смутно знакомый человек в мундире контр-адмирала. Короткие, аккуратно уложенные тёмные волосы. Длинный острый нос. Подбородок со смешной ямочкой. И — невероятно печальные, глубокие как Тихий океан глаза.

Этот человек был, конечно, очень интересен, но не так, как его окружение.

Знакомые всё лица! Толстяк Родзянко, с небритой щетиной, в безразмерном фраке. Председатель Государственной Думы четвёртого и последнего созыва. Любил он очень воззвания к народу, к царю, к патриотизму. Взывал до самой Октябрьской революции. А потом решил, что воззвания — воззваниями, а жизнь — это жизнь, и вовремя спасся из охваченной большевизмом столицы. Судьба была у него затем невероятно интересная…

Князь Львов. Здесь он держал в левой руке свою широкополую шляпу. На плечи накинуто пальтишко, в правой — зажат кожаный портфель. И ведь не скажешь по нему, что руководил (скорее, пытался руководить) Россией более половины "жизни" Временного правительства.

А кто это с ним по соседству? Светловолосый (или седой, на чёрно-белой фотографии было не разглядеть), в пенсне, с торчащими в стороны усами…Ба! Сам господин Милюков. Сизов улыбнулся: он узнал лидера кадетов только благодаря пенсне. Когда-то подававшего надежды историка остановили на улице и избили черносотенцы. По довольно-таки

банальной причине: просто приняли за еврея. А всё пенсне… Да, было дело…

А рядом с ним — Гучков. Та ещё птица. Лидер партии октябристов, решивший, что он единственный, кто знает и понимает армию. Что, собственно, стало одной из причин развала и деморализации российских войск: Гучков вот так вот хорошо всё понял…

Фото было сделано на фоне набережной зимнего Петрограда. А нет, кажется, поблизости от порта где-то. Кирилл не мог сказать точно: слабоват был в географии северной столицы. А зря, между прочим.

Ну да ладно, не это было главное. Полковник снова принялся за просматривание документы. Какие-то донесения, несколько фактов из биографии присутствовавших лиц. Но вот, наконец-то — имя контр-адмирала, стоявшего в такой "дружной" компании. А вернее не просто контр-адмирала, но Великого князя Кирилла Владимировича Романова.

Сизов точно помнил о нём очень интересный факт. Великий князь (ну да, очередной "выродок" по мнению официальной советской историографии) в первые дни революции изъявил свою готовность помочь всеми силами …Кому бы вы думали? Ну да. Вот этим самым господам, что стояли возле него. Вставил гвоздику в петлицу, красны флаг водрузил над родным домом… Но только зачем члену правящей династии помогать её политическим убийцам? Сизов не знал. Вернее, знал, но слишком много: разные люди выражали совершенно разные мнения. Одни говорили, что Кирилл решил отомстить (было за что), прибрать побольше к власти к рукам, навести порядок, остановить кровопролитие. Всё это было, конечно, интересно, но слишком уж просто, и вряд ли можно было бы назвать причиной, побудившей Кирилла присоединиться к революции…

Дальнейшие документы оказались донесениями Охранки о существовании заговора против Николая II. Среди его участников упоминали имя и самого Кирилла Владимировича. Участников — но не лидеров…

Сизов рассмеялся: только сейчас полковник подумал, что они с Великим князем тёзки, да ещё и отчества одинаковые. И внешне не очень чтобы очень отличаются…Да, какие только интересные вещи не подбрасывает история! Хитро улыбнувшись, Кирилл вернулся к чтению документов…

Постепенно донесения Охранки сменились уже показаниями каких-то агентов. Похоже, Временного правительства. Они твердили одно и то же: Великий Князь собирается устроить переворот, вернуть династию к власти, повесить на столбах министров и так далее, и тому подобное…

Сизов резко вернулся к фотографии, едва прочтя это. Теперь он смотрел на этого человека по-иному. Кирилл Романов играл в какую-то свою игру. Сначала — поддержка Временного правительства. Затем — подпольная работа против него. Какова была истинная цель всего этого? Жаль, что Великий князь уже больше ничего не скажет: умер, пережив многих революционеров. Какие планы зрели в этой голове?

Кирилл Владимирович Сизов не знал ответов на свои вопросы и думал, что вряд ли всё узнает точно. Он лишь всмотрелся повнимательнее в Романова. Лицо контр-адмирала приковало взгляд полковника. А ещё точнее, не лицо, а глаза.

— Что, если бы план князя удался? — думал вслух полковник. — Ясно, что он искал поддержки у будущих членов Временного правительства. А если точнее, то у виднейших деятелей России того времени.

— Зачем? Для чего? Ради власти и влияния, — Сизов рассуждал точно так же, как если бы вербовал шпиона или пытался найти уязвимое место в агентурной сети противника. — Скорее всего, да. И опять же, зачем они ему нужны? Чтобы потом остаться в столице, когда грянет буря. Князь знал о ней. Не мог не знать: о приближении революции хорошо, если не кричали с утра на улицах, министры всё твердили о том, что висеть всем на фонарях…

И вдруг полковника осенило. Теперь он не отводил взгляда от глаз Романова на фотографии. Князь на самом деле задумывал восстание. А что? Быть постоянно рядом со слабым правительством. Иметь за своей спиной вооружённую силу, связи в обществе, деньги. Стоит только вовремя применить это всё — и вот уже можно брать на блюдечке с

кровавой каёмочкой Временное правительство. Но не сложилось, что-то у Романова пошло не так. Перехитрил сам себя? Или не хватило сил? А может, просто личность оказалась не та, что требуется для переворота, не оказалось у контр-адмирала внутренней силы? Ума недоставало…

Кирилл Владимирович подумал, что будь он на месте Великого князя, всё пошло бы иначе. Полковник сделал бы всё возможное, лишь бы Гражданская война — Сцилла и Харибда, разорвавшие империю и её народ на куски — не началась. Ведь у Великого князя, в отличие от тёзки, не было главного: знания. Знания о том, что произойдёт дальше…

Мысли и планы перемешались в голове полковника, но глаза продолжали неотрывно смотреть на фотографию. Внезапно Сизову почудилось, будто чёрно-белая фотокарточка обретает цвет, а изображение расплывается, ширясь и разрастаясь…

Вот оно уже заполнило всю комнату, затем — всю квартиру. А мгновением позже — весь мир. В глазах Кирилла потемнело, а уши наполнились самыми разными звуками. Кто-то окликал его. Звал по имени. Просил открыть глаза и посмотреть в объектив…

Великий князь Кирилл Владимирович Романов открыл глаза. Мир вокруг него продолжал плыть, но голова уже не так болела, как секундой до того. Похоже, мигрень, матушка иногда жаловалась на неё. Неужели стареет? Да нет, мрак это всё! Просто устал, просто очень и очень устал…

В голове внезапно мелькнула какая-то шальная мысль о перемещении во времени. И откуда только взялась-то?..

Глава 1

Повалил снег. Фотоаппарат наконец-то грянул белой вспышкой, заставившей Кирилла прикрыть глаза. Теперь можно наконец-то надеть шубу! Этот фотограф, господин Гаврилов, попросил, чтобы "судари непременно были без верхней одежды!". Что ж, великому князю и раньше приходилось помёрзнуть.

Георгий Евгеньевич Львов отказался снять пальто, не желая с ним расставаться. Что ж, потомки запомнят его именно таким, почему-то подумал Кирилл. Ну что за странные мысли всё норовят поселиться его сознании?

Контр-адмирал попросил разрешения откланяться. Головная боль, которая настигла его во время фотографирования, была лишь предлогом. На самом деле Великий князь находил общество своих "друзей" просто невыносимым. Чего стоил один небритый толстяк Родзянко! Не зря Никки ни во что не ставил председателя Государственной думы. Глядя на его щетину, Кириллу на ум приходили сравнения со свиньями, которых вот-вот должны зарезать. Но Михаил Владимирович был истинным сторонником монархии и даже Никки — в качестве главы этой монархии. Пусть даже родственник не заслужил такого уважения. В случае чего, на Родзянко можно будет полагаться. К тому же — он председатель Думы. А это много значит в неспокойное время.

И опять в голову пришла мысль: "Ничего это не значит". Эта фраза настигла сознание Кирилла где-то на полпути между Адмиралтейством и Зимним дворцом. Ещё была видна адмиралтейская игла, воспетая поэтами, припорошенная свежевыпавшим снегом. Слева, за хмурым гранитом набережной, застыла закованная в ледовый панцирь Нева.

А невдалеке уже виднелся и Зимний дворец. Кирилл решил пройтись по набережной напротив "дома Романовых". Великий князь думал, что это поможет выбросить из головы все лишние мысли. Благо никто не должен был мешать: народу в этот час было немного, всех распугал мороз. А ставшая родной стихия, пусть и замурованная в гранитный мешок, помогала успокоиться.

Кирилл Владимирович опёрся об ограду на Дворцовой набережной. Вгляделся в лёд. И продолжил свои размышления. Милюков и Гучков, вторя друг другу, предлагали великому князю довольно-таки заманчивый план.

Части Гвардейского экипажа в сопровождении представителей прогрессистов, которые

должны были "санкционировать" действия солдат и офицеров, направляются к Могилёву. Где-то между Царским селом и Ставкой гвардейцы останавливают императорский поезд и под многочисленными угрозами заставляют Никки отречься от престола.

Но это выглядело просто дико, если вдуматься. Например, Гучков дошёл до того, что предложил устранить императрицу Александру Фёдоровну. Кирилл даже думать потребовал прекратить об этом плане: всё-таки, убить человека! Да Никки совершенно откажется иметь какие-либо дела с теми, кто хоть пальцем тронет его семью.

Одновременно в Петрограде "верные люди", как изволил выразиться Александр Иванович Гучков, объявляют о свершившемся перевороте и разоружают сторонников свергнутого царя.

Львов же занимал промежуточную позицию между "толстяком" и "двумя юродивыми", как иногда про себя называл Кирилл Родзянко, Гучкова и Милюкова. Георгий Евгеньевич широко раскрытыми глазами вещал о том, что страну ведёт "безумный шофёр". Конечно, под этим "шофёром" князь подразумевал Никки. Но что нужно, чтобы этот водитель стал нормальным? Конечно же, надо просто убрать "немку", изолировать царя от кружения и выставить любые требования. Никки их тотчас исполнит, народ пойдёт за новым "шофёром" (или старым, но уже ставшим нормальным), продолжая войну. Но нельзя пойти путём террора и уничтожения сторонников былой власти. Львов был непреклонен и…

"Наивен" — снова мелькнула мысль в голове у Кирилла. Однако всего час назад, когда великий князь слушал предложения Георгия Евгеньевича, они казались ему самыми удачными.

"Нет, в том, что царь пойдёт на любые уступки, едва узнает, что его семья в опасности, — Львов прав, — хладнокровно рассуждал Кирилл. — Но народ не умолкнет и не сядет в машину к новому шофёру. Едва почувствует, что свобода, анархия, безнаказанность мелькнут за поворотом — рванут пограбить, поубивать, повеселиться!"

По спине Кирилла заструился пот. И не из-за жаркой меховой шубы, в которую был одет великий князь. Нет! Он никогда не думал…подобным образом.

"Толстяк", "двое юродивых" и "идеалист" (последнее прозвище от Кирилла получил Георгий Евгеньевич Львов) знали, что контр-адмирал из династии Романовых имеет самые смутные понятия о том, как правильно распоряжаться властью и чётко, уверенно, твёрдо управлять страной.

Многие в Петрограде по поводу и без оного вспоминали предложение Кирилла остановить в Сибири добычу золота. А рабочих отправить на фронт. "К чему золото нам, Никки?" — вопрошал Кирилл Владимирович. Глупое предложение. Особенно помня, сколько солдат маялись в запасных ротах в самом Петрограде: отнюдь не люди были важны. Во всяком случае, людей хватало.

Нет, не из-за таланта управленца думцы и представитель Земгора решили обратиться к Кириллу. Просто у великого князя был самый лучший и подготовленный боевой отряд в России. Гвардейский флотский экипаж. Краса и гордость Российской армии и флота. Он стал для Кирилла родным. Каждый офицер и нижний чин в нём был кем-то вроде кузена или дядюшки. А вот "двое юродивых" видели в нём лишь группу людей, способную единым махом арестовать царскую семью и поставить в трудное положение императора…

Кирилл вытер платком пот со лба. Слишком много мыслей, так не похожих на его собственные, вертелось у него в голове.

— Надо успокоиться. Мне следует заночевать в Адмиралтействе, — прошептал одними губами Кирилл Владимирович, идя прочь от Невы. Родная стихия не принесла успокоения. Наоборот, странные мысли только сильнее лезли в голову. А в кабинете должно было стать полегче.

Ночь Кирилл провёл в Адмиралтействе. Здесь по распоряжению великого князя поставили мягкий, обитый чёрной кожей диван. На нём он и прилёг, желая найти покой во снах, которых уже давно не видел…

Но внезапно проснулся посреди ночи, вдруг поняв, что сидит в кресле. Как он там

оказался? В руках Романов сжимал один из своих орденов. Он почему-то напомнил ему о Русско-японской войне. Грохот, пламя, тонущий "Петропавловск", холодная вода, показавшаяся ледяной. И нечаянное уже спасение от гибели. К сожалению, многим повезло не так сильно…

— Что же это я, в конце концов, — вздохнул Кирилл. Зачем он только слушал этих демагогов, Фемистоклов и Солонов, ничего не понимающих в настоящем положении дел, в том, что они могут сотворить?

Кирилл прикрыл глаза, и перед его внутренним взором внезапно промелькнули какие-то нечёткие образы. Но через мгновение они обретали ясность: это были фотографии.

Солдаты в шинелях, державшие в руках флаги. С красным полотнищем, между делом отметил Кирилл. Лица их были перекошены в каком-то угаре ярости и злобы. Рядом с ними встали матросы-балтийцы, куря, держа в руках винтовки, пистолеты. На поясе одного из них висели гранаты.

А за ними — догорающее здание. Это был…

Кирилл резко раскрыл глаза и тяжело задышал. Впервые он видел подобное. Воображение сыграло злую шутку: контр-адмирал словно видел фотографию давно произошедших событий. Но они ещё не случились: солдаты и матросы стояли перед одним из отделений полиции. Только вчера Кирилл видел это здание в целости и сохранности.

Романов вдруг подумал, что сходит с ума. А что? Усталость, тревожные предчувствия скорого "взрыва", такие интересные и заманчивые предложения, которые он выслушал утром… Нет, это просто переутомление. Быть может, инфлюэнца? Скорее всего, просто бред начинается. Да, точно, бред! Этим можно объяснить и то, как Кирилл неизвестно как оказался сидящим за столом ещё до пробуждения. И то, какие странные, непонятные, просто-таки дикие мысли упорно лезли к нему в голову…

Романов попытался заснуть, и вдруг почувствовал, что его рука против воли сомкнулась на ордене. Великий князь попытался разжать её, но тщетно! Пальцы просто не слушались приказов. Даже не немых, а устных!

Кирилл громким шёпотом начал твердить "разожмись", но пальцы продолжали сжимать орден. Внезапно и вторая рука перестала слушаться великого князя.

Контр-адмирал похолодел. Что с ним? Что происходит? И вдруг он повалился на диван. А голова заполнилась обрывками мыслей, слов, воспоминаний, имён…

Картина маслом. Какой-то странный лысый человек с бородкой, прижав левую руку к груди, устремил правую вперёд, в зал. Чуть дальше от него целая череда смутно знакомых фигур. И полный зал публики…

"Суда не будет?" — спрашивает у тюремщиков седой человек в шинели. Лицо чисто английского типа. Острое, худое. Но в глазах — огонь. Да это же герой похода барона Толля, вице-адмирал Александр Васильевич. Сейчас он на Черноморском флоте. Лелеет мечту о десанте в Константинополь…

И снова Колчак. Только теперь на нём совершенно другая форма. Чем-то смутно напоминающая британскую или американскую. Почти никаких знаков, кроме полосок на рукава, звездой на кокарде. Адмирал стоит у поручней судна, держа в вытянутой руке золотую саблю.

— Японцы, наши враги — и те оставили мне оружие. Не достанется оно и вам! — мощный бросок, и метал навсегда погрузился в волны. А адмирал вернулся в свою каюту. Понимая, что это конец…

Хохот балтийского матроса, обвешанного гранатами и патронными лентами.

— Глаза хоть завяжите, — просит офицер в изорванном кителе. Морской офицер…

— Глаза, говоришь, — давится смехом матрос, беря винтовку со вдетым в неё штыком у другого балтийца. — Ну сча завяжем, контра.

Удар штыка в глаза. Стон, наполненный болью и ненавистью. И кровь, стекающая из пробитых глазниц на гранит набережной. Офицер повалился, судорожно глотая воздух и закрывая ставшие пустыми глазницы. Ещё один удар штыком — и его мучения окончились.

— В воду гниду, нехай гниёт там, — бросил смеявшийся до того матрос, подходя к очередной жертве.

Неужто Зубатов?! Он самый! Читает какой-то документ. Видно только последние строчки.

"Да поможетъ Господь Богъ Россіи. Николай"

Зубатов, откладывая лист бумаги в сторону, открывает ящичек рабочего стола. Достаёт тяжёлый Парабеллум. Прикладывает к виску.

— Боже, храни Россию. Боже, храни царя, если народ его не сберёг, — на нажимает на курок…

Цепь офицеров в белых кителях, выпачканных в грязи. В руках — винтовки, трёхлинейки и берданки. Видно, что побывали не в одном бою, с честью послужив своему хозяину. А может, даже и не одному…

Редкая цепь идёт вперёд, не пригибаясь к земле, не останавливаясь, даже не стреляя из винтовок. На их лицах не дрогнул ни один мускул. Они знают, на что идут и зачем. На смерть — за единую и неделимую Россию. Белогвардейцы умирали, чтобы их потомки могли жить свободными. Жаль, что их мечтам не суждено было сбыться скоро…

Грязь хлюпает под ногами. Почему они не стреляют?

Свист пуль. И вдруг — прекратился. Кто-то впереди поднялся с земли и побежал прочь.

Почему не стреляют? — Патронов нет. Только штыки…

Беглеца настигла пуля. В спину. Какой-то латыш в кожаном пальто снял палец с курка и снова приник к земле.

Толпа людей в полностью красной одежде идёт в атаку. Их просто замечательно видно в летнем леску, на фоне зелёной травы и молодой коры деревьев.

— От они у меня сейчас. Данила, пали! — радостно улыбается, утирая ладонью нос, бородатый человек в солдатской рубахе и рабочей кепке. — Будут знать, как тряпки бабьи надевать!

Пулемётная трель — и люди в красной одежде попадали на землю. Кто-то — прячась от пулемётчика. Кто-то — не успев спрятаться, зарыться в землю, настигнутый очередью.

"Почему позади обоих отрядов одинаковые, красные флаги?" — рождается и умирает мысль. И ижевские и воткинские рабочие стреляют по таким же рабочим, с соседних областей и даже заводов. Русские стреляют по русским. И не видно этому конца да краю…

Высокий, стройная, хорошо подобранная фигура старого кавалериста, два Георгиевских креста на изящно сшитом кителе, доброе выражение на красивом, энергичном лице с выразительными, проникающими в самую душу глазами. Подчинённые души не чаяли в своём генерале Келлере.

Неутомимый кавалерист, делавший по сто верст в сутки, слезая с седла лишь для того, чтобы переменить измученного коня, он был примером для всех. В трудные моменты лично водил полки в атаку и был дважды ранен. Когда он появлялся перед полками в своей волчьей папахе и в чекмене Оренбургского казачьего войска, щеголяя молодцеватой посадкой, чувствовалось, как трепетали сердца обожавших его людей, готовых по первому

его слову, по одному мановению руки броситься куда угодно и совершить чудеса храбрости.

Стены Святой Софии и Богдан Хмельницкий молча взирали на трёх человек, шедших мимо сквера. Залп из-за деревьев. Потом — ещё залп, теперь винтовки караульных довершили дело. Одиннадцать пуль, а потом ещё и штыки — только так смогли навсегда ниспровергнуть этого колосса отнюдь не на глиняных ногах…

Кирилл Владимирович нервно сглотнул. Такого с ним никогда не было. Руки его тряслись: будто бы сам, мгновение назад, сидел за тем пулемётом. Или закрывал лицо руками, чтобы не видеть крови, хлещущей из ставших пустыми глазниц морского офицера. Или…Да были десятки или!

И выглядело это так…Так, как будто бы всё уже было, свершилось, стало достоянием истории много-много лет назад. И Романов сам был свидетелем этому.

Кирилл не мог ничего понять. Вдруг возникла мысль, что надо напиться. Он её сразу же отбросил — глупость. Так ничего не сделаешь со всеми теми ужасами, что проносятся в голове. После сладкого забытья это снова придёт. Откуда-то из глубины души пришло осознание, что видения будут с ним всегда. Потому что они — не видения. Потому что это правда. Потому что это уже было…

Казалось, ещё совсем немного — и Кирилл поймёт. Поймёт, что все они означали.

— Нужно о другом думать. Нужно. Иначе окончательно рассудком подвинусь. Будет первый Великий князь-пациент домов общественного призрения…

Кирилл снова вернулся на диван. Успокоение всё не приходило. Поэтому он решил подумать над делами. Как минимум над тем, о чём говорили представители Думы. Намечают всё сделать после четырнадцатого февраля. Демонстрации рабочих, пикеты. И вдруг — царь под нажимом думцев (а точнее, угрозами расправы с семьёй) принимает конституцию. "Юродивый" Милюков занимает долгожданное место в министерстве. Всё удалось. Все счастливы.

И только сейчас Кирилл понимает, что пришедшие к нему люди боятся. Боятся толпы, которая может поднять революцию. Поверни демонстрация к Зимнему или в Царское, примкни к ней многочисленные солдаты, ни разу не нюхавшие пороха в настоящему бою, разоружив полицию, — и думцы не смогут ничего поделать. Сколько братской крови прольётся!

Романов, утром даже не думавший ничего говорить Никки, внезапно пожелал бежать к царице, к министрам, надеясь предупредить о готовящихся делах. Однако менее чем через удар сердца ноги сами отказались идти.

"Охранка уже знает. Не стоит волноваться" — всплыло в голове.

Кирилл Владимирович похолодел. Всё это всё меньше и меньше ему нравилось.

Тело не повинуется разуму. Странные видения и мысли. Может, всё вокруг — сон? И сейчас Кирилл лежит в Зимнем или в больничной палате, а вокруг собрался консилиум врачей, решающих, как лечить горячку?

Нет, вряд ли. Бред или сон не может быть таким естественным. Натуральным. Осязаемым. И в то же время — таким странным. Например, что за глупые видения? Что за лысый, с бородкой…

— А я ведь где-то его видел. Или слышал про него, — вдруг осенило Кирилла.

Но почему-то казалось, что в образе того человека не хватает одной очень важной вещи. Что-то связано с головой. Но что именно? Не какая-то же кепка должна на ней быть! Здесь не хвата…Кепка? Да, именно!

Образ Ленина в кепке живо предстал перед мысленным взором Кирилла. Постойте! Точно! Этого человека зовут Владимир Ленин. Но откуда всплыло его имя? Романов был уверен, что ещё утром вряд ли бы смог даже вспомнить внешность этого …Владимира Ильича. И к тому же Ленина совсем не Ленином звали, оказывается. Это тоже только мгновение назад всплыло в голове у Кирилла.

Слишком много всего для одного человека. Голова командира Гвардейского экипажа

шла кругом. Что с ним творится? Кирилл повалился на диван. Кожаная обивка потеплела. Руки Романова затряслись. Такого с ним не было даже в день гибели "Петропавловска". Даже когда смерть была кругом: в огне горящего корабля, в толще воды, в обломках обшивки и палубы, Кирилл не боялся.

Сейчас же то, что с ним происходило, повергло Великого князя в ужас. Просто животный ужас. Но Романов не мог ничего с собою поделать. Тело отказывалось подчиняться разуму, порождавшему непонятные и жуткие видения.

Вот и они снова пришли…

Тихоня Духонин. Тонкие усики — натуральный мушкетёр! Таким место в романах Дюма, а не в наше дикое время.

Сидит в каком-то вагоне. Беседует с кем-то. Бубнит под нос что-то о поступке, который должен пробудить армию от кровавого сна.

Внезапно дверь купе открылась. Показался какой-то хмурый тип в кожаной куртке и кепке. На плече — кобура с маузером. К карману приколота совершенно глупая красная ленточка.

Позади него — несколько солдат и матросов. Вид ещё более озверелый, чем у их предводителя. Человек в кожанке бросает несколько резких фраз. Духонин спокойно встаёт, поднимает высоко голову и идёт вперёд. Конвоиры, похоже, ошалели от такой наглости: расступились перед "контрой", дали дорогу.

Вагон окружён озверелой толпой. Штыки винтовок колют воздух, надеясь умыться кровью. Духонин с поистине дьявольским спокойствием смотрит на это, делает шаг вперёд, командир конвоиров толкает его в толпу, на штыки…

И штыки пьют тёплую кровь, которую так желали. Пьют и не могут напиться…

Средних лет мужчина в мундире генерала от кавалерии сидел за столом. Виски его уже тронула седина. Но лицо оставалось моложавым. Глаза не утратили ясность и резкость. Полукруглые чёрные брови подчёркивали мужественный взгляд.

На письменном столе в беспорядке валялись бумаги. Шашка, вынутая из ножен, упавших на пол, лежала поверх документов.

Генерал снял какой-то орден со своего мундира. Кажется, Георгий.

— Если не я, то кто? Всколыхнётся православный Тихий Дон…

В его недрогнувшей руке оказался пистолет. Мгновенье — и всё кончено…

Закололо в левой части груди. Сердце. Кирилл не мог без боли терпеть эти видения. Постепенно Великий князь начал осознавать, кто были эти погибшие. Кто их убил. Они воевали за Россию. За ту Россию, в которую верили и любили. Сражались до конца. И гибли, если верили и знали, что иначе стране помочь нельзя.

Но что было с Россией?

Война? Нет. Хуже. Много хуже: безумие. Безумие ярости, безумие людей, которые кроме разрушения, убийства, ограблений поездов и террора.

— Откуда я… — обратился было сам к себе Кирилл, но замолчал. Где-то в глубине сознания он знал. Знал, что было. И что будет.

Романов тяжело вздохнул. Одновременно его рука, сжимавшая до того орден, расслабилась. И поддалась хозяину. Кирилл снова встал с дивана. Ноги снова его слушались. Хоть что-то радовало. А вот мысли… Мысли снова текли в разные стороны. И одно за другим приходили видения.

Заснеженные улицы ночного Петрограда. Дикий мороз и ветер. Вьюга. Какие-то люди, одетые во что попало, идут с винтовками наперевес в подворотню. И топчут ногами плакат "Вся власть Учредительному собранию!"…

Белый конь плывёт за уходящим далеко-далеко кораблём. И тонет, не в силах догнать стального титана. А на палубе плачет офицер в потрёпанном мундире, давным-давно утратившем белизну…

Молодой человек с обмороженными ногами отдаёт приказы идущим рядом с ним людям. Снег. Жуткий мороз. Кашель и стоны больных и умирающих людей. И лишь холодная решимость в глазах людей. Они идут спасать своего Адмирала. Остальное — неважно. Пусть смерть — но в обмен на жизнь белого Авеля. Жаль только, что тот молодой человек, Каппель, так никогда и не увидит своего Адмирала, найдя вечный приют на чужой земле…

Это всё — рыцари белой мечты. Герои Белого движения.

"Что это? — Не что, а кто. Это люди, которые сражались до последнего, лишь бы отстоять Единую и Неделимую, Великую, славную Россию. Они знали, что такое честь и долг. Не все. Но многие. Их враги были ещё хуже. Много хуже. Ты…Я знаю. Мы видели"

Похоже, Кирилл начал говорить сам с собою. Но это почему-то совсем не волновало его.

"Когда это произойдёт? Или произошло? — Это начнётся, едва старый режим рухнет. Император Николай II, Никки отречётся. Затем, даже на настоящее дело не набравшись сил, "первый гражданин России" отдаст судьбу своей Родины в руки кучки людей. Ты…Мы…Я уже знаем их. Милюков, Гучков, Керенский, Львов…Ещё несколько имён, чуть менее известных. Они начнут раздирать страну, заигрывая с будущими противниками Белого движения. С большевиками. А Керенский отдаст им власть. Семья отрёкшегося царя будет зверски убита. Многих Романовых постигнет та же участь. Офицеры, солдаты, крестьяне, рабочие — патриоты — погибнут в борьбе с новыми хозяевами страны. Но им не хватит сил. Слишком тяжёлое бремя достанется людям. Они не смогут его нести. И Россия, которая тебе…мне…нам известна, канет в небытиё. Навсегда.

Этого нельзя допустить! — Я знаю. Но только ты можешь сделать это. Нет, даже так: мы.

Кто — мы? — Великий князь Кирилл Владимирович Романов, контр-адмирал, глава Гвардейского экипажа. Тот, кто может спасти Россию и империю. И Кирилл Владимирович Сизов, полковник ФСБ. Тот, кто знает, как их спасти. Ну что, ты согласен вместе спасти нашу Родину?

Я — Романов. И этим всё должно быть сказано. Я морской офицер. И это лучшее доказательство моих слов. Я русский — и это последний довод"

Кириллу Романову вдруг привиделась улыбка отдалёно похожего на него человека.

"Я знал, что ты это скажешь"

Мгновенье — и нестерпимая боль пронзила всё тело Кирилла Владимировича. Словно тысячи молотобойцев пробовали свою силу на нём, осколки немецкой шрапнели пробивали грудь, а ледяная морская вода снова окружала его со всех сторон. От боли нельзя было продохнуть.

Кирилл повалился на пол, сжавшись в комок. Челюсть сводило от боли, глаза хотелось выцарапать, а сердце — вырвать из груди.

Но постепенно боль стала проходить. И разум Кирилла, пока боль отступала, менялся. Катарсис нужен был, чтобы два разума, Сизова и Романова, смогли слиться в один. Дабы новое сознание могло руководить телом, оно стало перестраивать организм, примериваться, подновлять.

И когда всё это удалось сделать, на полу кабинета валялся уже не Кирилл Романов или Кирилл Сизов. Нет, лежал кто-то средний между ними. Одновременно оба этих человека — и всё-таки ни один из них. Появился совершенно новый человек. Внешностью он ничем не отличался от Кирилла Романова, любимца светского общества и первого гонщика империи, разве что взглядом. Вот тот был истинно сизовским: цепкий, холодный, подмечающий малейшие ошибки и слабые места противника.

Кирилл поднялся с пола. Сел за стол. И первым делом начал составлять письма некоторым людям, не самым известным, конечно. Но именно им отводились первые места в плане, который окончательно созрел в разуме Кирилла Сизова, запертом целый день в сознании Кирилла Романова.

Это был единственно удачный уже по мнению обоих Кириллов план. Хитрый, с несколькими обходными манёврами. Чем-то он напоминал гонку. Гонку, в которой один становится победителем, а другой, сорвавшись с трассы, гибнет под обломками собственной машины.

Пока рука Кирилла выводила строки, его губы напевали песню. Она пришла из той части памяти, которая принадлежала полковнику Сизову…

Пройдёт совсем немного времени, и её станут петь всем, кому дорога прежняя Россия. Хотя бы часть её…

Слышишь, гвардеец? — война началася,
За Правое Дело, в поход собирайся.
Мы Смело в бой пойдём за Русь святую,
И, как один, прольём кровь молодую.
Рвутся снаряды, трещат пулемёты,
Скоро покончим с врагами расчёты.
Мы смело в бой пойдём за Русь святую…
И, как один, прольём кровь молодую
Вот показались красные цепи,
С ними мы будем драться до смерти.
Мы смело в бой пойдём за Русь святую…
И, как один, прольём кровь молодую
Вечная память павшим героям,
Честь отдадим им воинским строем.
Мы смело в бой пойдём за Русь святую,
И, как один, прольём кровь молодую
Русь наводнили чуждые силы,
Честь опозорена, храм осквернили.
Мы смело в бой пойдём за Русь святую,
И, как один, прольём кровь молодую
От силы несметной сквозь лихолетья
Честь отстояли юнкера и кадеты.
Мы Смело в бой пойдём за Русь святую,
И, как один, прольём кровь молодую

Глава 2

Кирилл только под утро закончил письма. Их было не так уж и много, но слова трудно давались ему в ту ночь. Как избежать всех "острых углов", но одновременно дать понять, что надвигается буря, которой ещё не было равных в истории?

Однако Романов…Или Сизов? Или оба? Хотя, какое это уже имело значение? Ведь теперь был только один человек. И помыслы его были направлены только на одно дело.

Это было свойство, перешедшее Великому князю от Сизова. Без целеустремлённости, понимания важности цели Кирилл Владимирович никогда не стал бы работником ГРУ. Юность сделала его двуличным: на службе и даже в кругу ближайших друзей не было человека, более преданного делу строителей светлого будущего и партии. Сослуживцы шутили, что только четверо человек могли бы похвастаться тем, что знают "Капитал"

наизусть: Маркс, Энгельс, Ленин и, конечно же, Кирилл Сизов. Правда, в знаниях последнего было несколько больше уверенности. Всё-таки у Ильича уже не получится спросить. Как и у Карла с Фридрихом.

Но глубоко внутри Сизова всегда прятался романтик. Да, белые тоже были не идеальными людьми. Во всяком случае, не все. Многие были готовы пойти на подлость, предательство, бегство, низость. Многие презирали красных, называя их быдлом и мародёрами, копошившимися в чреве рухнувшей страны, а потом переходили на их сторону по разным причинам.

Но ведь белые были всего лишь людьми. И у них были свои слабости. Однако Сизов не знал ни одного из лидеров движения, кто разжёг бы огонь ненависти, призыва к гражданской войне против своего народа, ратовал за поражение своей страны, или спокойно разъезжал в пломбированном вагоне, который благосклонно предоставил бы правитель государства, с которым Родина ведёт борьбу.

Был, конечно, для Сизова один из белых, кто вызывал отвращение: барон Унгерн. Он не жалел ни чужих, ни своих (своих даже меньше жалел). Пролилось много крови по его указаниям. При захвате Урги вырезали всё еврейское население столицы Монголии. Однако в глазах Сизова "творец коммунизма" был ничем не лучше Кровавого барона: ведь по его попустительстве погибло в десятки и сотни раз больше людей, чем по приказанию барона Унгерна.

Двуличие, двойная жизнь нелегко давались Кириллу. Продвижение по карьерной лестнице, устремление к сокрытым тайнам, хранившимся в архивах, желание докопаться до правды, понять, суть Гражданской войны — и постоянные депрессии. Упадки настроения, которые еле-еле удавалось скрывать, ссылаясь на усталость от работы. Тогда Сизов с головой уходил в своё дело, в работу с агентурой, карьеру. "Топил" себя в повседневности, лишь бы отвлечься от тяжёлых мыслей и тёмных чувств.

После развала Союза это стало намного проще. Как-то слишком много людей стали заявлять, что всегда были противниками рухнувшей власти, пытались вести с ней скрытую войну.

Как грибы после напоенного радиоактивной пылью дождя вырастали демократические, либеральные, анархические, даже монархические движения и кружки. Стало намного легче. И ещё горше: свобода превратилась во вседозволенность, вседозволенность — в безнаказанность, а безнаказанность — в анархию и кровь. Это до боли напоминало зарождение коммунистической власти. Только никакой войны, которую почти удалось выиграть, не понадобилось для краха государства. Правильно сказали на Западе: всесильное Политбюро подняло руки кверху и сказало: "Мы сдаёмся".

Именно после той разрухи Сизов всё более укреплялся в своей правоте: красный путь был неправильным. Хотя бы методами, которыми он создавался. Красным он стал от крови, а не от чего-либо ещё…

К вечеру второго февраля Великий князь Кирилл Романов вернулся домой. Там его встречала его любимая Даки, Виктория Фёдоровна.

Самая красивая женщина, которую когда-либо встречал Кирилл Романов. Сизов, впрочем, не очень оценил внешность немки. Но затаился на время.

— Я так ждала тебя! Где ты был, Кирилл? По городу всё чаще ходят глупые слухи о недовольстве. Будто бы бунт назревает: чернь решится пролить благородную кровь, — внезапно Даки замолчала. — Что с тобой, тебе нехорошо? Ты какой-то другой сегодня…

— Даки, не бойся, всё хорошо. Просто я окончательно понял, что Господь не зря сохранил мне жизнь в грохочущем аду "Петропавловска".

Сизов решил, что речь Кирилла слишком пафосная. Но — что поделаешь? Ведь всё-таки Романов говорил правду… А пока Кирилл радовался возвращению к Даки, его посланцы с письмами уже спешили в самые разные уголки империи…

Выглядевший старше своих лет человек в вице-адмиральской форме нервно ходил по своей маленькой каюте.

Сейчас на лице, состоявшем словно из одних нервов, особенно были видны морщины, залегшие в уголках рта, оттенённого синевой очень коротко выстриженных усов и бороды. Глаза устремились куда-то вдаль, к желанной и неблизкой цели. Вместе с поистине ястребиным, очень крупным носом это делало вице-адмирала похожим на птицу.

Как человек, адмирал подкупал собеседников искренностью, честностью и прямотой. Он, будучи скромен и строк к себе, отличался добротой и отзывчивостью к другим. Чистота души Колчака находила выражение в его обворожительной улыбке, делавшей обычное строгое лицо адмирала по-детски привлекательным. Александр Васильевич был замкнутым, кабинетным человеком. Чтение книг — вот его любимое времяпрепровождение. Очень часто он становился угрюмым, неразговорчивым, а когда говорил, то терял равновесие духа, обнаруживал крайнюю запальчивость и отсутствие душевного равновесия. Но он легко привязывался к людям, которые были постоянно возле него, и говорил с ними охотно и откровенно. Умный, образованный, Колчак блистал в задушевных беседах остроумием и разнообразными знаниями и мог, нисколько не стремясь к этому, очаровать своего собеседника.

Раздался стук в дверь каюты.

— Прошу, — бросил вице-адмирал.

Дверь не без скрипа открылась, и на пороге возник молодой, лет тридцати, офицер, подполковник. Худощавый, в очках, он немного суетился, отдавая честь. Кто бы мог подумать, что это начальник штаба Морской дивизии: впечатление строевого офицера он совершенно не производил.

— Не до формальностей. Как обстоят дела в дивизии? — перешёл сразу к делу вице-адмирал.

— Всё хорошо. Некоторые низшие чины жалуются на плохое снабжение. Однако это не только в Морской дивизии, а повсюду.

— Я знаю. Скажите, готовы ли солдаты в любой момент к исполнению операцию?

— Частично, — уклончиво ответил подполковник. — Видите ли, Александр Васильевич…Солдаты, как Вы знаете, у нас не самые лучшие. Поэтому я не думаю, что вся дивизия готова в любой момент погрузиться на корабли и отправиться воевать. Но приказу он подчинятся.

— Хорошо, — Колчак вздохнул. — Благодарю Вас, можете быть свободны. Я как раз и хотел это услышать.

— Благодарю, — подполковник так и не понял, к чему вообще было его вызывать. — Честь имею.

Вице-адмирал указал, что кто-нибудь из штаба дивизии должен сообщить о состоянии и моральном духе солдат. Вот и послали Верховского — отдуваться. Правда, он практически не знал настоящего состояния дивизии, начальником штаба которой являлся. Однако подполковник привык бегать по начальству — потому и отправили.

Александр Васильевич был настолько взволнован, что даже не задумался над тем, что Верховский плохо осведомлён о состоянии в Морской дивизии. Всё из-за письма, совсем недавно доставленного вице-адмиралу. Оно было отправлено Великим князем Кириллом Владимировичем Романовым.

Колчак знал князя по Порт-Артуру. Вспомнил, какой эффект произвёл взрыв "Петропавловска" и гибель адмирала Макарова. Однажды прошлое на некоторое время снова вернулось: к адмиралу попросился сын Макарова. С очередным проектом по обустройству флота. Правда, кто-то из офицеров предупредил "молодого": "Как потянется Колчак к столу — убегай зигзагами! Иначе свинец умаешься выковыривать".

И едва Александр Васильевич, потянулся к столу, чтобы достать какую-то бумагу, в надежде отвлечься от пафосного и наполненного романтикой и юношеским романтизмом "прожекта", как младший Макаров ретировался. То есть попросту сбежал из кабинета, в

двух-трёх фразах попросив прощения за назойливость и попрощавшись.

Колчак лишь устало пожал плечами на странное поведение очередного "прожектёра" и уже ждал следующего…

Текст письма был совершенно неожидан. Великий князь писал о создавшемся в Петрограде опасном положении. О том, что вскоре вспыхнет не просто восстание, но — революция.

"Я уверен, что она поколеблет страну и не даст нам шанса победоносно закончить войну с Врагом. Это нельзя остановить. Это нельзя предотвратить. Его Императорское Величество не хочет никого слышать, кроме свитских. А те ничего не понимают ни в войне, ни в политике, лишь только — в неприкрытой лести.

Боюсь, настают смутные времена. Кровавые времена, и флот будет очень серьёзно взволнован ими. Столица, я не сомневаюсь, окажется в руках восставших: в Петрограде нет и десятка достойных и умных людей, которые в силах остановить кровопролитие.

Поэтому я прошу Вас, господин вице-адмирал, удостовериться в боеготовности вверенного Вам флота. Сможете ли Вы в случае беспокойства и волнения в обеих столицах удержать матросов и офицеров в повиновении, отгородить Крым от внешнего мира на некоторый срок, необходимый, чтобы страсти улеглись?

И ещё. Зная, что Вы не совсем поддерживаете сегодняшнее положение дел, готовы ли в самой сложной обстановке прислушиваться к моим словам? Я надеюсь, что смогу протолкнуть идею скорейшего начала Босфорской операции. Однако в будущей обстановке это будет весьма трудно сделать. Один я вряд ли справлюсь.

Боюсь, мне придётся пойти на некоторые шаги, которые совершенно меня дискредитируют в глазах широких масс. Сомневаюсь, что иначе мне удастся удержать нашу Родину от поражения в войне. Лишь шагами, ранее представлявшимися невозможными, предательскими и опасными. Но другого пути, которым мы можем победить Врага, я не вижу.

Уповаю на Господа и на Ваше благоразумие"

Вот эти строки и не давали Колчаку покоя. О чём хочет сказать Великий князь? На что намекает? Из его слов ясно лишь то, что вскоре произойдёт взрыв, который сметёт царя и правительство. Возможно, так и есть. Всё давно к этому шло. Слабое, безвольное правительство, в котором мог работать только Григорович. И — не пустили его в председателя Совета министров. Милюков правильно говорил, что это или глупость, или измена. Скорее, конечно, второе…

А Кирилл сознательно идёт на измену (а как иначе понимать его слова о шагах, которые будут походить на предательство?). Но — ради Родины. Ради победы. Не будь слов о борьбе с Врагом, с Центральными державами, Колчак давно выкинул бы эту бумажку.

Но…Чего нельзя сделать ради победы в этой войне? Нет, никакой подлости нельзя допустить, ничего такого, что может запятнать радость победы. Но — победа…Но — бесчестие предательства…Но — война…

Вице-адмирал стал нервничать ещё больше. И всё-таки прошло семь или восемь минут, а Колчак уже сидит за столом, составляя ответ. Ради тени победы, ради Босфорской операции, ради России…

Меньше чем через час ответное письмо отправилось вместе с черноморским матросом и солдатом Гвардейского морского экипажа к Кириллу, в Петроград. А вместе с ними ещё и конверт для Анны. Колчак сильно скучал по своей любимой. И спешил сообщить ей о том, что предложил ему Романов…

Играл полковой оркестр. Офицеры и солдаты, уставшие за день, ужинали за общими столами. Это было как никогда важно: только здесь, в дивизии Маннергейма, расположенной в окрестностях Кишинёва, поддерживалась дисциплина. И одновременно генерал-майор

пытался сблизить солдат и офицеров после отхода к Кишинёву. Русские конные полки собирались вокруг этого города: их переводили с разных участков Румынского фронта для отдыха и приведения себя в порядок после казавшихся бесконечными боёв.

Карл Густав Маннергейм, сидевший за одним из столов, вспоминал католическое Рождество. Вечером офицеры, решившие сделать своему командиру приятное, преподнесли в подарок набор немецких зажигалок. Все — трофейные. Можно сказать, что за каждую из них солдаты проливали свою кровь. А утром, двадцать шестого декабря, дивизия вновь вступила в бой.

Внезапно трапезу барона Маннергейма прервали.

— Ваше превосходительство, к Вам вестовой, — отдал под козырёк Пётр Лещенко. Офицер-артиллерист, он пополнил ряды дивизии совсем недавно, но уже успел получить известность и уважение среди низших чинов офицерства за свой потрясающий голос. Многие говорили, что Петру после окончания войны стоит попробовать свои силы и поступить, скажем, в оперу. На это Лещенко лишь отшучивался, и говорил, что подумает над этим, входя с войсками в захваченную Вену. Он не сомневался, что скоро война закончится…

Карл Густав Маннергейм был не настолько уверен в этом. Хотя тоже считал, что полгода или год — и сможет вернуться в свой любимый Петроград.

— Хорошо. Надеюсь, это новости о нашем победном наступлении, — пытался отшутиться барон.

— Разве только оно развёрнуто Гвардейским морским экипажем, Ваше превосходительство, — поддержал шутку Лещенко.

Маннергейм, услышав, кто к нему явился, поспешил. Было очень любопытно, что тут делает посыльный от Великого князя Кирилла Владимировича Романова: вряд ли кто-то иной решился бы воспользоваться услугами подчинённых контр-адмирала.

В здании, приспособленном под казармы, барона ожидал морской офицер. Молодой, лет тридцати, безусый. Лицо его было широким, розовощёким. Светлые волосы, высокие скулы, мягкие глаза — явный славянин.

Маннергейм на его фоне очень сильно выделялся. Черноволосый, с безукоризненной причёской, тонким острым носом-клювом, подбородком с ямочкой, худым лицом. Он был похож на кого угодно, но только не на русского. Но в глубине билось сердце, в котором всегда было место для России и особенно — Петрограда. Карл Густав очень скучал по этому городу, надеясь добиться отпуска этой зимой и поехать в столицу. К тому же его туда гнали слухи, становившиеся день ото дня страшней и темней.

— Ваше превосходительство, у меня для Вас письмо от Великого князя. Изволите ли ознакомиться? — офицер достал из-за отворота мундира тонкий конверт, сложенный вдвое.

— Великий князь не говорил, что побудило его отправить мне письмо? — спросил Маннергейм, принимая протянутый конверт.

— Никак нет, но…

— Хорошо. Надеюсь, Вы ещё задержитесь у нас? Позвольте пригласить Вас к столу. Уверен, что Вы проголодались с дороги. А я пока что ознакомлюсь с посланием Великого князя. И ещё… — Карл Густав, как это ни странно, слегка замялся. — Вы не могли бы рассказать, как там, в Петрограде?

— Боюсь, что обстановка там не самая лучшая. Зреют новые стачки. Как бы не допустить нового Кровавого воскресенья. Но позвольте всё-таки последовать Вашему приглашению и занять место за столом. Я действительно устал с дороги.

— Прошу Вас. Распорядитесь, чтобы Вам подали на стол.

Густав прошёл вглубь казарм, к одному из столов. Обычно офицеры играли за ним в карты или обсуждали последние новости из с фронта.

После короткого приветствия шли весьма интересные строки.

"…быть может, к концу месяца так получится, что Ваше присутствие будет весьма необходимо в Петрограде. Скорее всего, ближе к марту в столице вспыхнут давно

ожидаемые беспорядки. К сожалению, сомневаюсь, что Его Императорское Величество сможет их подавить: обстановка явно не в его пользу. Посему прошу Вас выехать в столицу. Я буду ждать Вашего прибытия. Мне необходимо поговорить весьма о многом.

Скажем, готовы ли Вы будете возглавить другое подразделение, а не вверенную в данный момент Вам дивизию? Предположим, где-нибудь возле Петрограда. Обстоятельства могут так сложиться, что Северный фронт, и даже Балтийский флот, будут намного важнее, чем Румынский.

Прошу Вас подумать над моими словами. Уверяю, что они имеют под собой весьма определённую основу…"

Барон помнил Кирилла как весьма недалёкого человека. Скорее, Великий князь был гонщиком, прокладывающим новую автомобильную трассу по горам. Он вилял, юлил, бросался от одного проекта к другому, от кружка — к кружку. И, кажется, верил, что ему предстоит великая миссия.

Однако и Густав, как Колчак, хотел сперва отбросить в сторону глупое послание. Барон так бы и сделал, если бы не упоминание о некоторых вещах, о которых Кирилл Владимирович просто не мог знать.

Скажем, какую бутылку и какого шампанского выставили офицеры под Рождество для своего командира. Как Великий князь узнал? Это была какая-то мистика. Но в мистику Густав не верил. Во всяком случае, до сего момента. А ещё Романов писал о том, что грядущие события могут нанести вред Петрограду. Для Маннергейма этот город значил слишком много.

Аптекарский переулок. Именно там он жил после приезда в Петербург, у своей крёстной матери, баронессы Скалон. До сих пор Густав помнил, как удивил портного Карла Норденштрема. Не скаредностью или чем-либо ещё. Нет, — педантичностью.

Или, скажем, словно это было пять или шесть минут назад, перед глазами представал облик первой пары гвардейских коней. Светло-гнедой масти, ровного дыхания, прекрасного сложения. На иных в ту пору барон и не захотел бы ездить.

Шпалерная улица. Мороз, лёгкий снежок на мостовой. Раннее утро. Только недавно Империя вошла в новый, 1891 год. Густав в николаевской шинели с бобровым воротником, полковой фуражке (красный околышек на ней тогда особенно выделялся), приезжает в штаб Кавалергардского полка. Да, столица империи навсегда оставила след в душе Маннергейма. И если ей грозила опасность, то он был готов поверить в мистику. К тому же и вправду отпуск не помешает…

Также Кирилл просил поговорить с Сахаровым, командующим Румынским фронтом, и сообщить сомнения и волнения Романова насчёт ближайшего будущего империи. А также намекнуть на то, что вскоре обстановка в стране совершенно переменится…

С самого утра шестого февраля генерал-лейтенант Антон Иванович Деникин был на нервах. Вчера ему пришлось думать над ответом любимой, Ксении. В письме она спрашивала, если у них появится ребёнок, не станет ли Антон Иванович меньше любить её? Конечно же, ответ был ясен. Но Деникин волновался, как бы в его сердце нашлось место для детей. Вдруг он сможет любить, горячо, пылко, неистово, лишь Ксению?

Да ещё и от Великого князя Кирилла Владимировича пришло письмо. Это было более чем странно. Романов не имел никакого отношения к сыну крепостного крестьянина и польки?

Однако письмо было наполнено такими мелкими деталями и с первого взгляда вроде и незначительными деталями, что складывалось впечатление, будто бы хороший приятель слал весточку.

Но вот после приветствий и тех самых "дружеских штришков" шли не самые радостные вести. Петроград, скорее всего, будет охвачен восстанием. Потом оно вполне может перелиться в революцию. И это "принесёт не конституционную монархию, не

достойное великого народа государственное устройство, не прекращение засилья немцев", а разруху и кровь. Это принесёт гражданскую войну. И те, кто не попытается остановить катастрофу или смягчить её последствия, вольно или невольно, станут изменниками и предателями своего народа и своей страны.

Деникин не мог спокойно читать эти строки. Романов задел потаённые струны души генерал-лейтенанта. На лысине выступил пот, густые усы чуть-чуть двигались вместе с узкими губами. Ясные, чистые, честные глаза готовы были вот-вот наполниться слезами. Руки бессильно сжимались.

Антон Иванович решил ответить Кириллу Владимировичу. Заодно смог бы отправить письмо горячо любимой Ксении…

Ещё множество писем разошлось по фронтам и флотам вместе с нижними чинами Гвардейского корпуса и просто надёжными людьми, на которых Романов мог бы положиться. Все они были посланы под самыми благовидными предлогами: Сизов по старой привычке решил перестраховаться. Каждому посланцу были даны подробнейшие инструкции, что следует делать даже при намёке на угрозу сохранности тайны переписки.

Сказывалось прошлое. Однако если бы кто-то из особо исполнительных офицеров полиции или разведки.

А утром третьего февраля Кирилл отправился в Ставку, повидаться с Никки. Вдруг он всё-таки сможет убедить императора в опасности? Выложить все карты, сказать, что в Кирилле теперь две личности — значит скорее не спасти империю, а угодить в дом общественного презрения. Или в какую-нибудь заграничную лечебницу.

Оставалось только уповать на силу убеждения. И на то, что Николай II окажется не таким сильным фаталистом, каким его считали.

Однако сознание Кирилла Романова говорило, что царь вряд ли прислушается. А если даже обратит внимание — то спросит мнение царицы и придворных.

Только в крайнем случае, в жуткой и опасной обстановке царь иногда проявлял совершенно несвойственную ему решительность и твёрдость. Жаль, что опасной обстановка должна быть именно в глазах Николая, а не всей страны или окружения.

Кирилл не надеялся на победу. Но попытаться стоило…

Поезд уносил Великого князя в Ставку. Там ждал его первый настоящий "бой" за империю, который суждено было проиграть…

В просторном кабинете двое очень не похожих друг на друга людей склонились над картой. Она уже была потёртой от частого использования, пестрела от всевозможных рисованных флажков, стрелок, маршрутов передвижения войск и тому подобных вещей.

Однако двое офицеров всё своё внимание обратили отнюдь не на контуры местности, по которым сейчас шли победоносные отряды. На карте лежал раскрытый конверт. Рядом, скомканное, было и его содержимое: письмо, исписанное весьма знакомым одному из офицеров почерком.

— Николай Николаевич, что Вы думаете по поводу сего образца эпистолярного жанра? — внезапно нарушил молчание один из офицеров.

Вид его был довольно-таки колоритен. Мундир с приколотым Георгием, плотно облегавший далеко не худое тело. Полные щёки, спрятавшийся в густой бороде подбородок, прищуренные глаза. Солдаты в шутку называли его "ханом": так вполне могли выглядеть потомки Чингисхана. А Николай Николаевич Юденич и не хотел этого отрицать: подобные сравнения ему льстили. Хотя бы потому, что многие Чингизиды не были лишены полководческого дара. А уж некоторые из этого множества…

Вторым человеком в кабинете, по какой-то превратности судьбы, тоже Николай Николаевич. Вот только его фамилию многие и не упоминали: и так ясно. Романов. Николаша Романов, дядя царя.

Полная противоположность Юденичу по внешности. Короткая бородка, сухощавое телосложение, седые волосы, подтянутость. Такое впечатление, будто ещё минута — и он выйдет на парад, командовать эскадроном гусар, невероятно жутко грассируя.

Два Николая сошлись характерами, достигнув согласия в командовании Кавказским фронтом. Может быть, именно поэтому на этом театре военных действия были достигнуты потрясающие успехи. Казалось: совсем чуть-чуть, и Порта падёт к ногам Орла.

Однако, похоже, скоро успехам мог настать конец. Только два часа назад пришло письмо из столицы, от Великого князя Кирилла. Он писал, что вскоре начнутся беспорядки, сама династия поколеблется, и нужно немедленно что-то делать.

— И, неслыханное дело, этот морячок, — флот и его офицеры не были кумирами Николая Николаевича Романова. Отнюдь. — Пишет какие-то глупости! Надо ему поменьше вина потреблять.

— Я считаю, — попытался утихомирить князя Юденич. — Что надо прислушаться к голосу Кирилла Владимировича. Вы же знаете, в столице неспокойно, уже несколько раз трон мог пошатнуться. Вдруг это тот случай, когда страна стоит на пороге новой революции? В Петрограде хватает своих Робеспьеров и Дантонов. Даже Вам…

— Вздор! Кирилл, скорее всего, считает всё это остроумной шуткой. Мой племянник думает, будто сам может справиться и с внутренними врагами, и с внешними. Так пусть справляется. И не лезет в мою армию. Уничтожьте эти чернильные глупости!

Великий князь отвернулся от скомканного листка. А вот его тёзка не решился так обходиться с бумагой. Вдруг Кирилл Владимирович вовсе и не шутит, но имеет полные основания бить тревогу? Но вот его предложение, вернее, намёк в случае непредвиденной ситуации прислушиваться (то есть, конечно же, подчиняться) — полнейший вздор. Никто из Николаев в этом кабинете не стал бы даже прислушиваться к этому бреду. Какой-то морской офицер, всего лишь командующий речными флотилиями и Гвардейским экипажем, будет отдавать приказы целому фронту? Бессмыслица.

Юденич сжал потрёпанное письмо в кулаке. И продолжил с Великим князем обсуждение планов наступления на Месопотамию. Жаль, что Сизов не имел возможности дочитать до конца список лиц, которые подозревались в участии или сочувствии к масонским ложам Вырубовой. Тогда бы он, наверное, сопоставил два факта. Первый: то, что Николая Николаевича в своё время назначили Главковерхом по настоятельным "просьбам" французского правительства, которые более походили на требования или даже приказы. И второй факт: то, что французское правительство того времени будут потом называть "масонским филиалом"…

Глава 3

Поезд пришёл в Могилёв с заметным опозданием. Кирилл Владимирович, однако, был этому только рад: было время для обдумывания своих предстоящих действий.

Как всегда в подобных случаях, очень помогали бумага и чернила. Несколько минут — и уже появлялись первые заметки, упорядоченные в несколько пунктов. Часть сознания Сизова, правда. Плохо представляла, как можно удобно писать жутко неудобной позолоченной перьевой ручкой — казалась слишком тяжёлой. Однако Великий князь прекрасно справлялся, совершенно не замечая тяжести металла.

— Так-с, — пробубнил себе под нос Кирилл Владимирович, бросая взгляд на проделанный труд.

Пять листов, исписанных более или менее ровным почерком Великого князя слов, принадлежавших сознанию Сизова.

Сперва шло несколько строк, озаглавленных простым и коротким словом: "цель". Она была ясна: предотвращение гражданской войны в том масштабе, в котором она случилась в истории. Или только предстоит ей случиться? Сизов отмахнулся от этих мыслей, стараясь не заострять на них внимания. А то и до сумасшедшего дома недолго. Причём сойдёт с ума не

только Великий князь, но и работник ФСБ.

За целью следовал пункт, обозначенный как "пути к достижению". Здесь лист делился неровной линией на две части. Слева — "долгий, кровавый, ненадёжный". Справа — "быстрый, малой кровью, фантастический".

Больше всего текста Кирилл Владимирович уделил "долгому" пути. Да и продумал его намного лучше. Благо над чем-то подобным задумывался многие годы. А когда на горизонте замаячила возможность исполнения сокровенных желаний, то с достойным Сизифа рвением взялся за составления чёткого и ясного плана действий.

Сначала следовало заручиться поддержкой наиболее влиятельных, авторитетны и важных в последующих событиях лиц. А именно тех, кто хотя бы с сотой долей вероятности захотел бы встать на сторону Кирилла. Таких нашлось не так чтобы много, да и к большинству из них уже отправились посланцы князя.

Александр Васильевич Колчак. Адмирал, командующий Черноморским флотом. На него можно было полагаться, если дать понять: победа зависит от определённых действий, которые указал Кирилл в письме. Колчак, которого Бунин сравнил с Авелем, вполне способен вытерпеть многочисленные лишения, поднять матросов и морских офицеров. К тому же обладает кристально чистой репутацией и немалым авторитетом. Не зря, по некоторым слухам, его прочил в министры своего правительства Лавр Георгиевич Корнилов.

К нему Кирилл думал обратиться, но сразу же отмёл эту мысль: не подойдёт. Пускай генерала можно считать монархистом, но — честолюбив, ярый противник правящей семьи, сам захочет занять не последние должности в стране в случае чего. Но в своё время отказался отдавать…

Сизов-Романов рассмеялся, подловив себя на мысли, что забывается, в каком времени находится. Корнилову только предстоит защищать семью Николая II от нападок Петроградского Совета.

Карл Густав Маннергейм. Кавалер всех орденов империи, скучает по столице, ставшей ему родным городом. Хочет, чтобы всё было "по высшему разряду", со всей возможной точностью и тому подобное. Чем-то походит на английского лорда. К тому же в сувоё время предложит Юденичу помощь в наступлении на Петроград. Но с такими условиями, что кроме отказа Николай Николаевич даже не помыслит что-либо ответить. Барону тоже пошло письмо.

Антон Иванович Деникин. Сторонник коренных преобразований, но вроде бы за монархию. Правда, конституционную. В Гражданскую будет находиться в натянутых отношениях с Романовыми. Не пустить кое-кого на Юг. Но на него вполне можно полагаться, если пообещать реформы. И указать на то, что будет твориться после падения монархии. В общем-то, уже сделано.

Юденич и Николай Николаевич Романов. Им Кирилл Владимирович отправил письмо скорее из глупой надежды. Вряд ли они даже прочтут его послание, а тем более — обратят малейшее внимание на его слова. Не любит Николаша морских офицеров, очень даже не любит. Флот и его офицеры — что-то вроде второго сорта для бывшего Верховного главнокомандующего.

Также Кирилл намеревался обратиться к Алексею Щастному. Единственный человек, которому на Балтике мог довериться Кирилл. Именно Алексей Михайлович пытался спасти Балтийский флот от уничтожения врагом. Спас — а потом его уничтожили уже свои, новые власти России. Правда, звание у Щастного пока что низкое, но Сизов-Романов намеревался исправить это в ближайшее же время. По возвращении в столицу Сизов хотел встретиться с Алексеем Михайловичем.

Всех этих людей Кирилл хотел использовать в большой и невероятно рискованной "игре". Он не зря решил найти таких разных людей. Каждый должен был дополнять другого. Но сперва их нужно привлечь к идее Сизова-Романова о роли армии и флота в грядущих событиях.

Едва начнётся последняя неделя царской России, то есть настанут революционные

события, Великий князь изъявит свою поддержку Временному правительству. Как именно — уже придумано. Потом добьётся некоторых постов, уступок, и …

Что будет после этого, Кирилл не хотел раскрывать даже бумаге. Мало ли!

Однако был ещё и второй план: быстрый и фантастический. Он состоял в убеждении Николая II немедленно начать преобразования в стране. Удалить неугодных народу министров, согласиться на создание правительства доверия. И, конечно же, предотвратить выступления в двадцатых числах февраля петроградских рабочих. Этого можно добиться, запретив "плановую" манифестацию профсоюзов. Правда, такой план тоже весьма рискован: вдруг запрет станет сигналом к революции? И полыхнёт сильнее, чем после Кровавого воскресенья?

Народ и так устал от множества проблем, от войны, от бессилия правительства. Люди раздражены императрицей, считают её немецкой шпионкой. Без оснований или нет — тоже не всуё так ясно для Сизова. Маленький, едва тлеющий уголёк, поднесённый к куче тряпья слухов и волнений — загорится гигантский костёр, который уже не потушишь.

Сизов-Романов не думал, что Николай II прислушается к нему. Скорее всего, просто отнесётся как к очередному глупому слуху из столицы. Но попробовать всё равно стоило. Хотя бы ради успокоения собственной души…

Только проводник, робко постучавшийся в купе, оторвал Кирилла от тягостных раздумий. Длинные-предлинные светлые усы навевали мысли о швейцаре, готовом вот-вот произнести: "Извольте-с пожаловать, барин".

Однако проводник более ничем не походил на подобострастного встречающего вас у дверей гостиницы работника. Даже лёгкий поклон и обращение "Ваше Сиятельство", скорее всего, исполнены были из одного чувства долга. Проводник повидал великое множество самых разных людей, постоянно приезжавших в Могилёв, в Ставку, к царю, что привычен был и к князьям, и к послам, и к адмиралам.

— Скоро в Могилёв приезжаем, Ваше Сиятельство.

— Благодарю, любезный, — кивнул Кирилл, откладывая в сторону ручку и вставая с места. Купе показалось невыносимо душным и мёртвым…

А через каких-то полчаса — морозец, белый снег, люди, снующие на перроне. Кирилла Владимировича встречал автомобиль, присланный от губернатора (в его доме как раз и жил царь), извещённого заранее о приезде высокого гостя. Сизов-Романов не думал, что ему будут рады в Ставке: только недавно между его семьёй и царской наладились пусть и не тёплые, но как минимум — не враждебные отношения.

Кирилл оценил автомобиль: вместительный, удобный. Однако скорость на таком не разовьёшь, но на поворотах благодаря этому не будет заносить. Словом, машина для те, кто привык к надёжности и комфорту. Кириллу такие авто были не совсем по душе: Великий князь любил скорость. Ветер в лицо, свист в ушах, пальцы в кожаных перчатках обнимают руль, словно возлюбленную Даки. Скорость несла свободу. Такого упоительного чувства нельзя испытать нигде. После гибели "Петропавловска" третий в ряду претендентов на престол заработал лёгкий страх перед открытым морем. При виде пусть и родной, но ничем не ограниченной стихии, слышались крики людей, скрежет металла, взрывы и плеск воды, в которой нашло свою могилу столько людей.

Сравнительно быстро прибыли к губернаторскому дому. По соседству располагалась городская управа, в которой располагался штаб. Приземистые дома, от которых веяло чем-то глубоко русским, как любил выражаться Никки. В отличие от их гостей, как добавлял затем.

Беспрестанно в Ставку прибывали самые разные гости: в основном офицеры или представители Думы. В Могилёве располагалось представительство стран Антанты. Где-то тут был и генерал Жанен, этот седой француз с чёрными усами, напоминавший Кириллу (во всяком случае, на фотографиях) скорее жителя Кавказа или Средней Азии. Именно этот француз предаст Колчака, когда власть в Иркутске возьмут сперва левые эсеры, а затем

безропотно передадут большевикам.

Кирилл Владимирович подоспел как раз к завтраку. На нём собиралось обычно человек тридцать, решались некоторые вопросы, император выслушивал просьбы. Затем — начинался "сёркл". Николай II после завтрака, когда гости выходили в гостиную, ходил перед собравшимися, курил, заговаривал то с тем, то с другим.

Сизов-Романов поспешил в дом. Несколько гвардейцев провели его к императору, в кабинет. Завтрак вскоре должен был начаться, и у Великого князя оставалось некоторое время для приватной беседы.

Николай II сильно изменился (эта мысль принадлежала Кириллу Романову). Со времени принятия на себя звания Верховного Главнокомандующего, заметно похудел, состарился, осунулся. Стал нервным, чего за ним раньше не замечали. Эспаньолка поредела, в глазах появилась усталость, руки не находили себе места.

Никки коротко кивнул, увидев входящего в кабинет Кирилла. Подошёл поближе. Великий князь и последний император встретились посередине комнаты. Молчание затянулось. Никки решил его нарушить: глубоко вздохнул, улыбнулся уголками рта, отчего эспаньолка задрожала.

Всё-таки не зря Никки считали одним из самых тактичных и предупредительных людей. Даже усталость, не самые тёплые чувства к Кириллу и неожиданной встречи с ним не убили чувства такта.

— Как поживает Даки? Всё ли в порядке у детей?

— Божьей милостью, всё в порядке. Скучаю, конечно, по мне и по тебе, Никки. Ты не так часто появляешься в столице, среди подданных, — Кирилл начал поворачивать разговор в нужное русло.

— К сожалению, для блага страны я нужен здесь. Ты даже не можешь представить, как сложно хоть что-то путное сделать. Лишь немногие осознают, что же тут происходит. Ещё немного, и мы одержим победу.

— Никки, армия — это не вся держава. Знаешь, что сейчас происходит в столице? Я знаю, что министры не всегда пишут о настоящем положении дел. Неужели никто…

— И ты тоже пришёл рассказывать всяческие глупости о состоянии дел в Петрограде? Про очередную возможность голодного бунта? Хабалов и другие справятся с любым мятежом. Сил у них хватит.

— Каких сил? Там же запасные, — Кирилл уже начинал нервничать. Сизов не ожидал, что царь настолько не хотел взглянуть в глаза правде. — Полки. Пойманные дезертиры, инвалиды. Никто из них не станет защищать династию. Страна рухнет, когда в Петрограде народ начнёт строить баррикады. Да что там народ! Гарнизон не станет стрелять по своим соотечественникам. И тогда начнётся новая революция. Она разрушит всё: и монархию, и надежды на победу. Мы просто не выстоим, ничего не предпринимая.

— Бог даст — выстоим, — произнёс с полным душевного напряжения голосом Николай II. Он и вправду оказался страшным фаталистом. И это император? Император был бы хорошим семьянином. Но судьба сделала его властителем огромной страны. А для этой роли Никки не подходил. — Нас ждут, Кирилл. Ты останешься с нами на завтрак? Или приехал только для того, чтобы, — Никки на мгновение задумался. — Чтобы сказать то, что только что сказал?

— Да. Никки, — Сизов-Романов вздохнул. Последняя надежда убедить Николая II погибла, погребённая под царским фатализмом и верой в то, что народ не пойдёт в ближайшее же время против власти. Как же он ошибался.

— Хорошо, — Николай II кивнул, как будто самому себе и своим мыслям. — Передай Даки и детям мои наилучшие пожелания.

— Всенепременно, Никки. Я буду молить Бога, чтобы он защитил тебя и всю нашу страну.

— Благодарю, — Никки кивнул.

Эта странная аудиенция наконец-то закончилась. Надежда на спасение страны без

использования хитрости, двуличия и даже предательств погибла.

Теперь предстояло принять на себя крест Великого предателя, и никогда больше не снимать его с себя. Кирилл отправился назад, в Петроград, на поклон к Львову и визит к Керенскому. "Избранные революцией", только они смогут дать необходимое для исполнения плана Кирилла. Иначе — никак…

— Кирилл Владимирович, могу ли я с Вами поговорить? — у самого выхода Великого князя настиг флигель-адъютант Воейков.

Обычно именно он составлял компанию Николаю II в игре в домино. Воейков был приятен императору тем. Что практически не лез в разговоры о политике и не поднимал о ней вопросы. Хотя нередко мог так крепко выразиться о состоянии дел, что многие дамы могли жутко покраснеть.

— Да, конечно, — Кирилл остановился. В его голове метались, словно взбесившиеся львы по вольеру. Зачем он понадобился флигель-адъютанту? — Вас послал догнать меня император?

— Боюсь, что нет. — Воейков слегка замялся. — Давайте выйдем на свежий воздух, там и поговорим.

И как только этот храбрец не боялся в своём мундире простыть на улице? Ну что ж, не Кириллу же говорить адъютанту о здоровье. Снег захрустел под сапогами. Ветер, закружив маленькими снежинками, рванулся навстречу Великому князю и Воейкову. Однако флигель-адъютант даже не поморщился от холода. Похоже было, что Воейков полностью погрузился в свои мысли и раздумья насчёт предстоящего разговора.

— О чём же Вы хотели поговорить? — Кирилл спросил, когда от дома их отделяло шагов пятнадцать или двадцать.

— Кирилл Владимирович, Вы очень уверенно говорили с Его Императорским Величеством, — Воейков замялся, однако не опустил глаз при взгляде Романова-Сизова. — Да, мне выдалась возможность услышать Ваш разговор с самодержцем. Так вот, Вы очень уверенно говорили с Его Императорским Величеством. У Вас есть какие-либо доказательства того, что в столице затевается революция?

— Более чем, более чем, — Кирилл сделал многозначительную паузу. — Не только доказательства, но и полнейшая уверенность, что не далее как в конце месяца разразится настоящая буря в Петрограде. Я совершенно не сомневаюсь, что она, если ничего не предпринять, сметёт сегодняшний режим. И нас вместе с ним. Всех нас. Вы понимаете? Но Николай не захотел меня слушать. Теперь мне придётся самому предпринять всё возможное, чтобы хоть как-то спасти то, что ещё возможно.

Воцарилось молчание. Был слышен только шум всё усиливающегося ветра, да гудки поезда, отправляющегося с далёкой станции.

— Прошу прощения, но мне здесь больше нечего делать. Моё почтение, — Кирилл склонил голову. — Постарайтесь донести до императора, что если он ничего не предпримет, то мы все погибли.

— Я постараюсь, — Воейков кивнул и развернулся, направившись обратно к губернаторскому дому.

Кирилл услышал сквозь порывы ветра, как флигель-адъютант довольно точно выразил в нескольких непечатных словах всё, что думает о нынешних временах. Сизов-Романов не мог с ним не согласиться. В горле разлилась такая горечь, что хотелось промыть его. Даже не водкой, а чистым спиртом. Забыться в пьяном угаре. Но нельзя было этого, нельзя! Нужно было идти вперёд, с высоко поднятой головой, к победе! Но как идти, если чувствуешь, что руки и мысли вязнут в грязи фатализма, бессилия раскрыть императору глаза на то, что творится в стране. Он же даже не захотел выслушать Кирилла до конца! Что ж, придётся идти, стараясь не поднять руки и не проговорить: "Судьба. Я сдаюсь. Ты победила".

Несколько весьма крепких слов всё-таки слетели с губ Сизова-Романова. Водитель авто, услышав их, с удивлённым лицом воззрился на Великого князя, но ничего не сказал. Наверное, догадался, что за разговор держал Кирилл с императором.

— Поехали, только помедленней, к вокзалу. Мне больше нечего делать в этом городе.

— Хорошо, Ваше сиятельство, — водитель почёл за благо обратиться как можно формальнее к своему пассажиру. Вдруг ему что взбредёт в голову в таком состоянии?

Кирилл жутко хмурился. Его брови были сведены к переносице, взгляд упёрся в одну точку. В груди было неприятное ощущение покалывания. Поминутно Великий князь испускал тяжкие вздохи, посильнее прижимался к сиденью автомобиля, и всё время молчал. Это был один из худших дней в его жизни. Больно, когда надежды, пусть и казавшиеся несбыточными, рушатся на твоих глазах. Так, наверное, чувствовал себя Деникин, уплывая из Крыма в эмиграцию. Или Каледин, приставляя пистолет к виску.

Вернувшись в Петроград, домой, Великий князь всё продолжал выглядеть чернее грозовой тучи в первый майский день. Даки постоянно спрашивала, что же произошло, однако Кирилл не хотел и не мог ответить. Во всяком случае, не в тот день. Как сказать любимой жене: "Дорогая, император, уповая на волю Господа Бога, не решился остановить гибель страны?". К тому же так и подмывало добавить пару далеко не ласковых слов.

Но где-то к утру нового дня тучи начали расходиться: Кирилл снова взял себя в руки. И решил, что пора приступать к исполнению второго плана. Долгого, кровавого, но верного. Сперва — уже ставшее привычным письмо. На этот раз ему предстояло идти не так долго: в Балтийский флот, Алексею Михайловичу Щастному. В тот момент он был всего лишь командиром эскадренного миноносца "Пограничник", но в дальнейшем Шастному отводилась довольно-таки весомая роль. Скажем, именно он выведет в тысяча девятьсот восемнадцатом году Балтийский флот к Кронштадту, спасая от уничтожения или пленения. А потом корабли сдадут в утиль, а самого Щастного расстреляют. Конечно же, за измену Родине. Интересно только, в чём же была измена? В спасении достояния уже Советской республики? Или в том, что врагу не сдался? Или в том, что просто — офицер? Но это уже совсем другая история. К тому же у Кирилла было такое состояние, что лишнее воспоминание о подлостях, совершённых в истории, могло стать опасным. Вдруг бы и правда такими темпами потянуло к водке? Или к такому прохладному, спокойному "товарищу Маузеру?".

Нет, шальные мысли, прочь! Нельзя предаваться унынию, когда такое дело предстоит. У Сизова иногда опускались руки, когда цель, до исполнения которой всего мгновенье назад было рукой подать, становилась недосягаемой. Особенно депрессии обострялись от чувства того, что приходится скрывать свои убеждения, везде и всюду.

Кирилл встряхнул головой, прогоняя совершенно лишние в такие моменты думы. Предстояло решить весьма важную проблему: как дать понять Львову и другим министрам ещё не существующего Временного правительства, что Великий князь полностью поддерживает их политику?

Только будущий министр-председатель мог помочь Сизову-Романову воплотить его планы в жизнь. Рискованно, конечно, было искать его помощи. Кирилл сомневался, что после Февральской революции даже самое страстное желание помочь "Прогрессивному блоку" и Временному комитету не позволит члену рухнувшего царского дома занять мало-мальски серьёзное положение в правительстве. Разве что придётся действовать подлостью и двуличием. Что ж, Сизов вполне на это готов…

Николай II самозабвенно играл в домино. Он не обращал внимания на окружающий мир. Разве только изредка поглядывал на вздыхающего, сидящего в кресле Воейкова.

— Ваше Императорское Величество, разрешите обратиться! — внезапно перешёл на воинское обращение флигель-адъютант.

Император очень удивился, перевёл взгляд на Воейкова, вздохнул и одобрительно кивнул. Похоже, вскоре самодержцу предстояло услышать что-то о политике. И скорее

всего, в не самых красивых выражениях. Скорее, красноречивых.

— Я считаю, что Великий князь, говорил, пускай и не во всём, очень умные вещи…

— Не продолжай. Я знаю, что Кирилл был прав. Однако не могу я пойти сейчас на какие-либо страшные шаги. Французское правительство давно требует конституционных преобразований как плату за наши долги. Думцы говорят о правительстве доверия. Народ имеет некоторые проблемы с продовольствием. Я понимаю, что слишком опасно ничего не менять сейчас. Но война…Я не могу поступить, имея даже тень сомнения в полном спокойствии народа в ответ на мои действия. Армия поднимется, начнёт роптать. И это при угрозе ежедневного нападения врага. Бог даст, справимся, переживём зиму. А там уже и война закончится. Можно будет заняться внутренними врагами, как говорит Саша…

— Эх, Ваше Императорское Величество, — Воейков тяжело вздохнул, и уставился в пол. Щёки его покраснели, однако он не решился сказать те слова, что пришли ему на ум. Князь правильно сказал, что страна катится в пропасть.

Глава 4

В прихожей жалось несколько рабочих. Они неуверенно мяли в руках кепки. Отчего кепки? А вы пробовали купить тёплую шапку на меху, когда денег на и хлеб не всегда хватает? Когда ваши жёны доходят до такой крайности, как желание взять булочные? Когда дети жалобно просят: "Папка, а хлебушка сегодня не будет?".

Во многом из-за этого трое человек стояли в прихожей присяжного поверенного, депутата четвертой Государственной Думы, Александра Фёдоровича Керенского. Они надеялись испросить совета у этого заслужившего доверие работного люда человека, как жить дальше.

Жена хозяина встречала гостей, пока Александр Фёдорович одевался сообразно случаю. Керенский знал, что недавние мужики, крестьяне легче воспримут аккуратного барина, нежели интеллигента. А что составляет образ барина? Конечно же, лоск и аккуратность. Эти качества придавали хозяину квартиры извечный френч и короткая, бережно уложенная шевелюра.

— Товарищи. Проходите, что же Вы стоите как на приёме у городничего, — раздался голос Керенского, вышедшего в прихожую. Он мягко улыбался гостям, делая жесты руками, призывавшие рабочим пройти вглубь квартиры.

— Благодарствуем, — поклонился один из рабочих, постарше. Видимо, именно ему другие рабочие предоставили право говорить от своего лица.

Гости прошли в гостиную, сели за широкий круглый стол. Жена Керенского, недурная собой, удалилась на кухню, дать указания кухарке приготовить что-нибудь для гостей. Хозяйка дома разительно отличалась от Александра Фёдоровича: депутат-трудовик практически внешность имел заурядную, таких человек десять на дюжину. Может, именно из желания выделиться, кроме намерения изменить существующее положение дел, Керенский подался в политику?

— Как нынче вам живётся? Сильно прижимают на заводе? Как семьи? — Александр Фёдорович проявлял самое искреннее участие. Или хотел показать, что проявляет.

— Кось на сикось, Александр Фёдорович, — старший хотел показать уважение к Керенскому, обращаясь по имени-отчеству. Язык не поворачивался по-другому обратиться к такому уважаемому в рабочей среде человеку. — Хлеба не достаёт, денег почти нету. Детишки кушать просят. А что делать, если самому впору живот пояском перетягивать? Жёны каждый вечер спрашивают, когда деньги-то заплатят. Нелегко живётся, Александр Фёдорович. Вот нас тут с дружками с Путиловского-то завода отправили, делегатами.

Старший немного замялся, подбирая слова. Керенский внимательно смотрел на рабочего. Короткая чёрная бородка, в которой уже появилось серебро. Обветренное лицо, карие глаза, очень много повидавшие в этом мире, изредка дрожавшие руки, сухие пальцы, на которых кожа висела папиросной бумагой. Тёмные пятна залегли под глазами. Видно

было, что человек очень сильно уставал в последнее время.

— Мы тут думаем. Как жить-то дальше так? Устали мы, Александр Фёдорович, да оголодали, пообмёрзли. Не можем мы больше, мочи уж нашей нету. Знаем, что нужна работа народу-то православному. Немчина так и ждёт, когда бы кукиш показать. Ребятушки в окопах и землянках маются, мёрзнут. Не лучше им, чем нам, только хуже даже. И вот порешили спросить совета у такого человека, как ты, Александр Фёдорович. Рассуди: устраивать ли нам сейчас забастовку-то, али пообождать? Потерпеть до тепла, авось полегче станет? Что скажешь, Александр Фёдорович?

Керенский, внутренне был готов к подобному вопросу. Поэтому и ответ пришёл незамедлительно. Уверенный, красивый, тот, что так нравится простому мужику, уставшему от голода да непосильного труда.

— Недолго ещё осталось, товарищи, недолго! Надо трудиться на благо народа и страны, на благо таких же простых людей, как и вы. Когда враг вот-вот снова пойдёт на наших братьев и сыновей, когда готовится, — Керенский входил в раж, — борьба с немцами, когда враг ещё не побеждён, надо трудиться на благо нашей родной страны, нашего отечества, ради народа, ради победы.

Взгляд трудовика устремился вверх. Керенский поднялся на стул: он мог произносить речи только с возвышения, иначе "слова не шли". Александр Фёдорович, не делая никаких пауз, изменил тон своей речи, теперь он стал не пафосно-возвышенным, но яростным, взывавшим к сердцам рабочих:

— Но и не надо забывать о своих правах, о своём благе, о голодающих детях и жёнах, о самих себе. Надо заявить правительству и царю, находящихся во власти тёмных сил, — Керенский сделал ударение на последних трёх словах, — что рабочий народ не намерен более терпеть такого к себе обращения. Надо заявить, что дальше жить нельзя так, как жили раньше.

Керенский говорил ещё очень долго. Он упивался возможностью напрямую говорить с "народом", вещать, быть властелином их дум, объектом надежд и чаяний. Да, лидер фракции трудовиков четвёртой Государственной Думы находился в своей любимой стихии. Может, именно из-за своей любви к вниманию других он когда-то перевёлся с филологического факультета на юридический?

Да и вообще, судьба Александра Фёдоровича Керенского была весьма неординарной. Родился он в Симбирске, городе, который дал России сразу трёх одиозных лидеров революционной эпохи. Первый — Протопопов, последний министр внутренних дел Российской империи. Сам Александр Фёдорович Керенский, сын директора мужской гимназии и средней школы для девочек, и, наконец, Владимир Ильич Ульянов, сын потомственного дворянина, директора симбирского департамента народных училищ.

Правда, с Ульяновыми у Керенского были связаны не лучшие воспоминания. Когда Александр Ильич, брат будущего лидера большевиков, оказался замешан в заговоре против императора и повешен, то будущему лидеру фракции трудовиков каждый вечер чудилось, что скоро к их дому подъедет карета с опущенными зелёными шторками: после раскрытия заговора по Симбирску прокатилась волна арестов, которые обычно проходили ночью.

В юности Александр Фёдорович часто прислушивался к разговорам взрослых, обсуждал с отцом литературу и историю — и желал стать актёром или музыкантом. Проучившись в Ташкенте, далёком от европейской части России, получил некоторый "заряд вольнодумства". Как он сам позже говорил, именно в Ташкенте получил возможность непредвзято смотреть на окружающую обстановку, происходящие события, и быстро избавился от веры в благодетельного царя. А летом тысяча восемьсот девяносто девятого года отправился в Санкт-Петербург изучать классическую филологию, историю, юриспруденцию. Многое произошло после этого. Но самой главной датой в жизни Керенского, присяжного поверенного, было избрание по списку трудовиков в Думу в тысяча девятьсот двенадцатом году. А ещё — приглашение в масонскую ложу примерно в то же время.

Однако ещё в студенческие годы Александр Фёдорович был не чужд политической жизни. Он принимал участие в распространении листовок прокламаций "Союза освобождения". Это была организация, подпольно возникшая вокруг еженедельного журнала "Освобождения". Руководили "Союзом", кроме многочисленных земских деятелей, ещё и представители либеральной и социалистической городской интеллигенции. Например, на собраниях этой организации блистали князья Шаховский и Долгорукий, Петрункевич, Родичев. А потом "Союз освобождения" влился в партию кадетов, созданную после октября тысяча девятьсот пятого года.

С тем временем у Керенского было связано ещё одно воспоминание, кроме участия в работе "Союза освобождения", — Кровавое воскресенье.

Людские массы с портретами царя, иконами, гимнами двигались вдоль всего Невского проспекта, направляясь из рабочих районов. Во главе процессии шёл поп Гапон, имевший практически необъяснимое влияние на толпу. Шествие текло неспешно, и Керенский вместе с ним по Невскому, начиная с Литейного. На улицах собрались толпы людей: все хотели увидеть собственными глазами происходящее, посмотреть, что из этого выйдет. Однако ничего не вышло путного, лишь кровь, обагрившая улицы.

Едва Керенский дошёл до Александровского сада, на противоположной стороне которого располагался Зимний дворе, как послышались звуки трубы, просигналившие боевую готовность для кавалерии. Народ не понял, что значили те звуки, и остановились, не видя, что происходит впереди. Сперва со стороны Генерального штаба вылетел отряд кавалерии, раздались первые залпы. Затем открыл огонь и отряд, стоявший рядом с Адмиралтейством. Первые выстрелы — в воздух, затем — по людям. Несколько человек упали наземь. И вот тогда-то началась настоящая паника, ужас, страх за свою жизнь. Прохожие, в том числе и Керенский, смешавшись с толпой, побежали. Император обманул чаяния народа, желавшего просто мирно подать ему прошения. Это было одной из крупнейших ошибок Николая II. Первая русская революция началась с ошибки императора…

Одно из заседаний масонской ложи началось вскоре после ухода тех трёх рабочих. Они внимательно выслушали речи и советы Керенского, поблагодарили хозяев за угощение, и ушли. А в их глазах уже сверкала уверенность в том, что только шествие, только забастовка, только пикетирование помогут изменить "непорядок". Значит, речь была произнесена не зря.

Ближе к ночи, когда кухарка ушла в отведённую для неё комнату, Керенский вышел в переднюю встречать своих "братьев". Имён он не любил даже вспоминать, так сильно над ним довлела клятва сохранения тайны. Это был один из немногих церемониалов, сохранённых в новых масонских ложах. Их стали создавать не так давно, обновлёнными: никаких старинных обрядов, помпезности, оккультизма и мистики. Только желание изменить страну к лучшему. И это желание скоро могло исполниться.

Совет масонских лож старался вербовать в свои ряды как можно больше людей, связанных с политикой. Многие деятели подозревались в участии в собраниях, о причастии к ложам других было доподлинно известно. Полиция, однако, скорее всего не знала об их существовании: она гонялась за теми ложами, которые во главу угла поставили мистицизм и обряды. А если точнее, то глупостями и красивостями. Не более. Настоящего дела "мистики" не делали. Хотя и были связаны с зарубежными ложами. В отличие от "новых", которые связи с заграницей особо не поддерживали.

Сегодняшнее собрание было особым. На нём, кроме пятёрки членов ложи, участвовал и приглашённый гость. Причём один из самых влиятельных. Он давно уже был связан с масонами. Однако почему-то побаивался этой организации, не желал вступать. Правда, отношение этого гостя к лидерам лож было своеобразным: каким-то заискивающим, подобострастным. Многим это претило, однако Керенскому, похоже, нравилось. Ах да, разве не было ещё сказано, что Александр Фёдорович входил в число лидеров лож, и даже был секретарём их Совета?

"Братья" приходили порознь, коротко приветствуя хозяина квартиры и занимая свои места за столом. Все они так или иначе были связаны с политической жизнью в стране. Наверное, в определённых кругах возник бы настоящий фурор, распространись информация о членстве этих людей в ложах.

Последним пришёл гость. Раздался стук в дверь: звонком он решил не пользоваться. Керенский открыл дверь. На пороге возник сжимавший извечную широкополую шляпу, в плаще на плечах человек. Мороз, похоже, его совершенно не пугал: к жуткому холоду он привык ещё в детстве, в Сибири. Маленький кожаный портфель в левой руке. Короткая эспаньолка, давно не видевшая должного ухода. Прищуренные глаза, правая, свободная рука, сжата в подобие кулака. Гость явно нервничал, идя на квартиру Керенского, дабы принять участие в собрании.

— Георгий Евгеньевич, Вас только и ждут, — Керенский старался подбодрить князя Львова. — Специально не начинали.

— Я невероятно польщён, Александр Фёдорович, — через силу улыбнулся князь. — Надеюсь, ожидание меня не доставило Вам особых хлопот?

— Нет, совершенно нет! — Керенский заулыбался. — Пройдёмте, сегодня очень важное заседание.

— Только после Вас, Александр Фёдорович, — князь Львов чувствовал себя немного неловко в присутствии лидера масонской ложи.

В комнате началось оживление, едва вошёл Львов. Он коротко кивал в ответ на приветствия, занимая отведённое ему место за столом. Почти незаметно для стороннего наблюдателя его правая рука сжалась в кулак, а затем снова разжалась.

— Господа, надеюсь, вам не следует вновь напоминать, что всё, о чём мы будем здесь говорить, не должно слететь с ваших уст даже на допросе под пытками, не то что на исповеди? — это было чем-то вроде одной из немногих традиций, установившихся в ложе.

— Конечно же, нет, — ответил за всех остальных какой-то статный господин. Ему очень бы пошёл полицейский мундир, многие могли бы сказать. И не без оснований.

— Замечательно. Братья и сёстры, именно сегодня я окончательно понял, что перед нами открылся путь, который приведёт нас к давней великой цели. Старый, прогнивший режим может рухнуть в любую секунду, его надо только ткнуть, как гнилую доску, и гниль рассыплется. Это сделать достаточно легко: стоит лишь только вывести народ на улицу, дать понять, что он в силах покончить с тормозом развития нашей страны, глупостью, сумасшествием и тиранией дураков!

Вне всяких сомнений, Керенский намекал на Протопопова, своего земляка. Как позже вспоминал Александр Фёдорович, изначально последний министр внутренних дел царского правительства производил на него впечатление воспитанного, элегантного, умного человека. Но затем…

В середине сентября тысяча девятьсот шестнадцатого года. Неожиданно для многих, царь назначил товарища председателя Думы Александра Дмитриевича Протопопва. Он славился своим богатством и крупным земельным владением, некоторое время являлся предводителем дворянства Симбирской губернии. Однако никто не мог понять, почему именно Александр Дмитриевич назначен на столь ответственный пост министра внутренних дел? Да и в его умственном здоровье многие сомневались.

Керенский посетил Протопопва в его кабинете, практически сразу после назначения министром. Александр Дмитриевич встретил своего земляка в жандармском мундире, она ему невероятно шла, делала его весьма импозантным и эффектным, но никто не мог понять, зачем же Протопопов надел форму.

Затем Керенский обратил внимание на письменный стол, а точнее, его левый угол. Там, в рамке, находилась репродукция картины Гвидо, на которой автор запечатлел лицо Христа. Если смотреть издалека на изображение, то глаза казались закрытыми, если подойти ближе — можно было явственно понять, что веки подняты.

Протопопов бросил взгляд на Керенского, улыбнулся, и отметил:

— Я вижу, Вы удивлены, не правда ли? Вы так пристально всё время рассматривали Его. Я никогда не расстаюсь с Ним. И когда нужно принять какое-то решение, Он указывает мне правильный путь.

Этот разговор и то, что, как чувствовал лидер фракции трудовиков, происходило, Керенский назвал странным и необъяснимым. Протопопов говорил что-то ещё, однако Александр Фёдорович совершенно его не слушал. Он был ошеломлён, думал, сумасшедший ли новоиспечённый министр внутренних дел, или просто притворяется, что он ловкий шарлатан.

Министр всё излагал планы спасения России и сплочения её народа. Однако Александр Фёдорович более не обращал на его слова особого внимания. Откланявшись, перебив Протопопова на середине фразы, стремглав помчался в Таврический дворец, в кабинет Родзянко. Там как раз собралось несколько депутатов Думы.

— Да он сумасшедший, господа! — почти что кричал Керенский, не в силах промолчать.

— Кто сумасшедший? — переспросил Родзянко.

И Керенский пересказал всё, чему был свидетелем в кабинете нового министра внутренних дел. Едва дойдя до описания жандармского мундира, Александра Фёдоровича переб перебил Родзянко, рассмеявшись и заулыбавшись. Оказывается, Протопопов и Думу посетил в точно такой же форме.

А ещё председатель Думы поведал историю назначения Протопопова на место министра. Летом тысяча девятьсот шестнадцатого в Париж, Рим и Лондон совершила поездку парламентская депутация некоторых членов Государственного совета и Думы. Целью, конечно же, упрочение связей и сближение с союзниками. Протопопова назначили главой делегации, и со своей ролью он справился блестяще.

На обратном пути делегация остановилась на несколько дней в Стокгольме. И там будущий министр внутренних дел встретился с советником германского посольства, немецким банкиром Варбургом. А тот, в свою очередь, являлся другом посла Германии в Швеции Люциуса, занимавшегося вопросами пораженческой пропаганды и заведовал разведывательной работой в России. После известия об этой встрече в России и думе поднялась огромна буря возмущения. Это дело навсегда омрачило репутацию Протопопова, хотя тот и старался доказать, что провёл встречу далеко не по своей инициативе. Никто ему не верил. И все указывали на императора как на автора этой идеи…

— Однако извольте сказать, каким образом, Александр Фёдорович, — встрял в разговор Львов. Похоже, он оказался выразителем мыслей остальных собравшихся на квартире Керенского. — Можно будет вывести народ на улицы, чтобы правительство не предприняло никаких ответных шагов?

— Наоборот, Георгий Евгеньевич, нам и надо, чтобы правительство дало указание предпринять какие-либо шаги, направленные на замирение трудового народа. Тогда-то наши друзья, — Керенский кивнул в сторону одного из "братьев", на котором очень хорошо смотрелся бы полицейский мундир.

— Объяснитесь, Александр Фёдорович, прошу Вас, — Львов напрягся, кулак сжался ещё сильнее. — Если, конечно, это не повредит нашему делу.

— Всё просто, дорогой Георгий Евгеньевич. Сперва рабочие выйдут на манифестации. Я думаю, примерно через неделю или дней десять. Начало этому уже положено. Но, к сожалению, — Александр Фёдорович сделал упор на последнем слове, едва-едва улыбнувшись уголками своих узких губ. Выглядело это, надо признаться, жутковато. — К сожалению, эти действия не получат ощутимой поддержки в Думе. Режим воспользуется попыткой забастовки как предлогом усилить давление на рабочий народ и на опасные для него партии. Полиция ударит по рабочим комитетам. По строго определённым, конечно же. Их список нами загодя составлен для подобных случаев. Конечно же, брожение будет ещё

нарастать, и у нас будет возможность начать более активную деятельность. Наши братья и сёстры готовы принять участие в планах ложи. Уверен, что ещё не более месяца, — и гниль навсегда будет вырезана из плоти нашей страны, а над нашим излечившемся отечеством воссияет солнце свободы, равенства и братства!

Собравшиеся с замиранием сердца слушали речь Керенского. Александр Фёдорович чувствовал себя на вершине мира. Ему вспомнилась его первая политическая речь. Так ярко, словно это было вчера.

Огромная, казавшаяся тогда Саше Керенскому многотысячной, толпа толпилась у центрального входа, заполнила лестницу, коридоры. Один из студентов второго курса в каком-то неожиданном, удивительном порыве взбежал по лестнице наверх и разразился пламенной, страстной, потрясающей речью, призывая студентов помочь народным массам, их соотечественникам, в извечной освободительной борьбе. Саше Керенскому долго рукоплескали студенты.

А назавтра его вызвали к ректору. Благодаря безупречной репутации и, в особенности, личности, авторитету и заслугам отца Сашу Керенского оставили в университете. Но — "сослали" в отпуск к семье. Тогда юный бунтарь невероятно гордился этим. Ровно до того, как прибыл домой. Отец Саши был невероятно расстроен выходкой сына. Он легко доказал, что бунтарю вряд ли полностью известно положение народа, его проблемы, чаяния, желания. А чтобы сделать что-либо полезное для стран, надо прилежно учиться, стремиться к знаниям, к труду. Саша легко согласился с этим. Он понял, что почти не знает страны. К сожалению, он так никогда до конца и не узнал своего народа и его повседневной жизни. Но главное — не мог полностью разобраться в "обстановке канатоходца", когда судьба режима висела на волоске.

— Итак, Александр Фёдорович, — Львов разговаривал с Керенским далеко за полночь, когда "братья" и "сёстры" уже разошлись. — Сегодня, похоже, произошёл знаменательный разговор, не правда ли?

— Всё так, Георгий Евгеньевич! Но надо ещё очень много сделать, прежде чем всё то, о чём мы говорили этой ночью, претворилось в жизнь. Могу заверить, что примерно то же самое обсуждается и в других ложах. Мы все готовимся сделать последний, решительный шаг на пути к преобразованию нашей страны. Россия заслуживает демократию, правление народа. А не только одного класса. Как утверждают марксисты. Как может жалка горстка рабочих управлять всем трудовым населением? А ещё есть же и интеллигенция, и дворянство, и буржуазия! Решительная глупость — стараться привнести идеи марксистов в Россию, на совершенно не подходящую для этого почву.

— Ах, Александр Фёдорович, увольте меня от проповедования идей этих циммервальдцев-пораженцев! Земгор и так полнится шепотками о возможности сепаратного мира…

— Никакого сепаратного мира, ни при каких условиях! — Керенский, похоже, снова входил в демагогический угар. — Мы закончим войну, унёсшую столько жизней нашего народа, и закончим победой! Но, к сожалению, при сегодняшнем режиме добиться этого невозможно. Да, невероятно опасно устраивать революцию во время войны, она может смести страну. Но мы, объединенные великой целью, не допустим этого. Я обещаю, Георгий Евгеньевич.

— Хорошо. Тогда позвольте откланяться. Завтра предстоит трудный день…

Тяжёлые труды предстояли не только масонам и Львову. Александр Васильевич Колчак писал своей любимой Анне, какое предложение ему пришло от Кирилла Владимировича, строки полнились любовью и ожиданием грядущей бури, которая окажется кровавой, словно Золотой рог во время осады Порт-Артура.

Карл Густав Маннергейм старался выбить отпуск, чтобы поскорее приехать в дорогой и любимый Петроград. Письмо Великого князя внесло смятение в его душу, и барон хотел выяснить, так ли чудовищна обстановка в столице.

Антон Иванович Деникин хмурился, глядя на огарок свечи. Его терзали тяжкие думы насчет будущего России. Да, нынешний режим, быть может, из самых худших, что когда-либо видела Россия. Но что, если после его падения случится всё то, о чём писал Великий князь Кирилл? Ведь Деникин давал присягу на верность царю и Отечеству. А клятва офицера стоила едва ли не меньше его жизни.

И ещё многие и многие люди метались в своих постелях, силясь уснуть. А ещё — надеясь проснуться и узнать, что всё хорошо, что война закончена, что призрак крови и разрухи, призрак революции отступил от России. Но, к сожалению, это были лишь надежды…

Глава 5

Жутко мело с самого утра. Февральского солнца, которое должно было невероятно ярким в предвкушении скорой весны, оказывалось совершенно невозможно разглядеть за хлопьями снег, бешено летающими по городу. Сизов-Романов с каждым завыванием ветра, словно желавшего превзойти волчий вой, кутался в соболиную шубу. Однако делал это Кирилл Владимирович скорее по привычке: мысли, полностью занимавшие его голову, лишь разжигали пламя нервов и волнения в Великом князе. Всё утро и всю дорогу до оговоренного места встречи с Георгием Евгеньевичем Львовым Сизов думал, как завести разговор, как вернуться к теме переворота. И как дать понять, что даже в случае падения монархии будущие правители страны могут положиться на третьего в очереди на российский престол? Да, это была задача очень трудная, почти что невозможная. Но — почти. Много раз перед Сизовым вставали "невозможные задачи", в решение которых уже потеряли веру. Спасти пятерых десантников из плена в горах под Пешаваром.

Отряд пленных солдат, захваченных афганцами в разное время, поднял мятеж. Кто с голыми руками, кто с кое-как раздобытыми дубинками, они поли в свой последний бой. Надсмотрщики не могли понять, как практически безоружные люди могут просто подумать о бунте, не то что осуществить его. Однако они не знали, кто такие русские солдаты. А точнее, советские: на камни падали, издавая последний вздох, полный ненависти к врагу, рядом украинцы и белоруссы, киргизы и русские, татары и грузины. А охрана на лагеря, не в силах совладать с ними, повернула пушки и ударила прямой наводкой. Но даже в смерти наши не сдались…

Едва узнав о случившемся, началась подготовка операции по спасению людей из подобного лагеря буквально по соседству. Жаль только, что начальство зашевелилось, лишь когда погибло несколько сотен людей. Хорошо, что хотя бы взялись за это. Составление плана полностью легло на плечи Сизова: все или просто отказывались взяться, или перепоручали другим, вот так и дошли до Кирилла Владимировича. Подробности операции даже после развала Союза оставались засекреченными, но результат был налицо: наши пленные солдаты были освобождены. А на одном из многочисленных кладбищ появились свежие могилы, в которых лежали "погибшие при исполнении" спецназовцы. Свобода оказалась оплачена кровью людей, у которых тоже были родственники, дети, близкие. Но говорить о тех героях, что заплатили жизнью за счастье других, было нельзя. Может, именно из-за этого многие люди совершенно не так думали о стране, в которой жили. Ни о горьких поражениях, ни о многочисленных победах, в том числе и на "теневом фронте", не любили говорить. Хотя народ должен был знать своих героев и своих предателей в лицо. Но не знали. Сизов именно тогда получил звание полковника. Всё-таки оценили его работу. И запретили распространяться об участии в этой операции. Матери и жёны избежавших смерти в плену людей так и не смогли узнать имя того, кому они обязаны жизнью своих близких и любимых. Ну а на страницах учебников и пособий для определённых служб появился очередной пример действий по проведению масштабной операции в условиях враждебной местности.

Нынче же задачка была сложнее. Провернуть то дело, которое Сизов до сих пор считал

своим шедевром, только в масштабах целой империи. Нет, конечно, практически ничего общего между этим двумя делами не было. Но только не для Кирилла…

Местом встречи был избран Таврический сад. Сизов избрал его из-за боязни слежки. Нет, маловероятно было, что за ним следит Охранка, но всё-таки стоило подстраховаться. Кто в здравом уме может подумать, что Великий князь решит встретиться с кем-нибудь из желания обсудить политику или заговор против короны у оплота оппозиции, Государственной Думы? Начальство же в Охранке не настолько тупое, чтобы посчитать это основной причиной встречи — заговор Львова и Кирилла Владимировича против правящего дома. Естественно, двое таких фигур точно должны найти более удобное место. Сизов и сам прекрасно знал логику людей, подобных начальству Охранного отделения: ищут только то, что лежит на поверхности, что-то наиболее простое и легко объяснимое. И чаще всего это и является ошибочным, как раз не тем, чем является на самом деле, — все эти простые причины, лежащие на самой поверхности.

Заодно и на город посмотреть, оценить будущие позиции. Всё-таки в конце месяца предстояло на них повоевать, и ещё неизвестно, на чьей стороне. Широкие улицы с многочисленными переулками и закоулочками. Мосты, которые на первый взгляд легко перекрыть, но это в тёплое время года. А так — каналы можно и по льду перейти, разве что артиллерией или динамитом можно будет взломать лёд. Зимний дворец стоял у самой набережной, его можно было обстреливать с противоположного берега, или прямо с реки, как это произошло в истории. "Точнее, как это должно было произойти, но не произойдёт" — убеждал себя Сизов.

Однако нужно наступать организованно, решительно, ходко. Если же идти пьяной и неорганизованной толпой, поминутно посматривая на ближайшие подворотни как на спасительные обители, то это "шествие" быстро захлебнётся собственно кровью. Собственно, будь в феврале тысяча девятьсот семнадцатого года хотя бы десяток толковых людей в руководстве гарнизона и обороны столицы, не боящихся ответственности, — революции бы так и не произошло в тот день. Ведь что было в ту пору? Несколько дней проходили лишь манифестации, которые можно было вполне разогнать силой. Однако на это не пошли. Затем толпа возжелала крови, несколько полков переметнулись на сторону восставших. Несколько полков — из более чем ста тысяч человек. Да, гарнизонные части никуда не годились. Запасники, призывники, уставшие от войны унтеры с забродившими от страха перед посылкой на фронт мозгами. Они оставались "нейтральными", инертными, скучающими, сомневающимися ещё некоторое время после того, как Волынский полк начал пальбу по офицерам. Да и после того, как большая часть гарнизона тоже вскипела, можно было несколькими ударами снова привести их в порядок.

Сизов старался скрыться от мыслей о предстоящем "Феврале", поэтому вовсю занялся обдумыванием возможных действий, о боях за сердце империи. Кирилл Владимирович вообще очень часто, чтобы, отвлечься, раздумывал над, на первый взгляд, совершенно глупыми и ненужными вещами. Скажем. Проходя по одному мосту, служившему частью оживлённой магистрали, отмечал, где могут быть его слабые места. Или кладка нового здания — когда она даст слабину? После развала Союза, к сожалению, подобных "слабых" зданий становилось всё больше и больше. И в девяти случаях из десяти Сизов оказывался прав. Как это ни было горько для него.

Кирилл Владимирович набросал два плана, которых он бы придерживался, случись ему руководить подавлением выступлений гарнизона. Первый план полковник обозвал "силовым". Просто и даже без изюминки: такие планы Сизову не особо нравились, но что поделаешь? Когда следует выбирать между эффектным и эффективным — лучше выбирать эффективный. Многие, правда, выбирают первое, но такие очень редко выигрывают войны. Кирилл Владимирович же всегда предпочитал, если уж на то пошло, отсутствие излишнего лоска и действенность напускному блеску и глупости, спрятанной за вычурностью и витиеватостью. Но и без какой-то изюминки не может быть дела, иначе любимая работа когда-нибудь да станет серостью и обыденностью. А как раз две эти вещи и делают сердце

человека чёрствым, а душу глухой к чужим страданиям. Сизов сам прекрасно знал, как после нескольких месяцев войны сердца многих людей становились твёрже камня и черствей краюхи хлеба, закатившейся под пол несколько лет назад. И такое происходило сейчас с миллионами людей, всего пять лет назад и не помышлявшими, что смогут без угрызений совести заколоть бывшего однокурсника или обворовать умирающего от вражьей пули солдата, ещё тёплого, ещё цепляющегося за жизнь негнущимися пальцами.

"Силовой план" состоял в следующем. Сперва следовало дать толпе восставшего народа хлынуть на улицы, ведущие к Зимнему дворцу. Дать понять, что там якобы засели "кровососы и убивцы, терзавшие долгие годы Русь-матушку". Подождать немного. А потом устроить Канны: двинуть несколько конных сотен из боковых улиц, направить загодя поставленные на крыши пулемёты, а потом ещё ударить в лоб. Многие спаянные отряды, прошедшие дым Танненберга и окопную грязь Галиции — и те не всегда могли выдержать такие мощные удар, чего уж там говорить необстрелянных запасниках, только-только оторванных от сохи? Здесь, конечно, было пару неувязок. Например, конные сотни (особенно если это будут казаки) могут и не подчиниться приказу подавить выступление. Эти тоже не из героев, бравших на пику австрийцев, сами совсем недавно из станиц или слишком давно из них, что, в общем-то, было всё равно.

Однако в этом на первый взгляд просто плане крылось несколько опасностей. Первая — это возможность неповиновения карательных отрядов. Или опоздание одной из конных сотен на какие-то несколько минут. Или "человеческий фактор": восставшие просто не испугаются и решат биться до конца. Это также нельзя было отбросить как невозможное. Люди просто захотят жить, возьмутся за винтовки, в штыки ударят. И начнётся резня: уж озверевшая, желающая жить толпа сметёт жалкие заслоны.

И второй план, появился как раз из-за недостатков первого. И во многом из-за этого получил название "хитрый". Состоял он примерно в следующем. Мощные баррикады у самого Зимнего: можно будет собрать здесь все наличные силы, не растягивая чрезмерно "фронт". Как раз создастся иллюзия большого количества верных правительству сил. А это поможет направить мысли восставших в нужное русло. А уж особенно если направить несколько агитаторов и заявить, что никого не будут наказывать за выступление, и под обещанием этим поставят подписи все министры и царь. Несколько пушечных выстрелов, пулемёты на господствующих высотах, уверенный вид защитников самодержавия, мороз, — и вот, получите и распишитесь, подавление восстания. Однако, опять же, и тут боль множество минусов. Хотя бы потому, что очень много людей пострадает, пока волна восставших будет катиться к Зимнему. А то что они покатятся именно туда, не было никаких сомнений. Ну что же, оплот врагов, кровососов! Сперва пойдут к Государственной Думе самые рассудительные и трусливые, там пошумят. А вот наиболее буйные двинут к Дому Романовых, к Зимнему дворцу. И по дороге начнут жечь полицейские участки и здания судов, освобождать заключённых из тюрем, грабить магазины и склады, вбирать в себя всякое уличное отребье, которое всегда ждёт, как бы поживиться за чужой счёт.

Мог бы быть и третий план: убедить Николая ввести надёжные войска, любыми средствами гарнизонные части по разным армиям разослать. А заодно и буйную вольницу, Балтийский флот, утихомирить. Просто в Кронштадте как раз собрались одуревшие от скуки, отсутствия каких-либо дел и пробирающихся агитаторов матросы. Именно они стали потом символами матросов-балтийцев: патронные ленты крест-накрест, винтовки и гранаты. И злобный огонёк в глазах: как будто не человек смотрел, а какой-то побитый жизнью, прижатый в угол волк, затравленно глядящий на своих убийц. Однако убедить императора не удалось. Этот человек, родившийся в день Страдальца, похоже, уже не мог твёрдо руководить страной. Возможно, его мысли были заняты только готовящимся победоносным завершением войны. Сизов так и не смог понять этого человека, написавшего в переписи свою профессию — "Хозяин земли русской".

За подобными мыслями Кирилл Владимирович даже не заметил, как автомобиль, шипя и кряхтя двигателем, остановился у Таврического сада. Сизов-Романов кивнул водителю,

давая понять, что ждать придётся немало. А потом направился к условленному месту у замёрзшего пруда. Да, не могло быть никакой ошибки: раскидистая берёза, на которой по како-то ошибке природы осталось несколько побуревших листочков, проглядывавших сквозь снежный покров.

По саду гуляло несколько пар и с десяток отдельных прохожих, похоже, наслаждавшихся морозным воздухом. Сизов, как ни силился, пока что не определил, есть ли среди них шпики. Скорее всего, не было, или уровень их подготовки был не четой обучению агентов ГРУ и ФСБ. Хотя последнее скорее было из уровня фантастики, которую Кирилл Владимирович особо недолюбливал. Но, как ни странно, сам попал в невообразимую для нормального человека ситуацию. Да уж, всякое бывает на свете — раз за разом убеждался Сизов. Причём с каждым разом случалось всё более и более странное.

Вот, например, Львов наконец-то решил надеть не своё хлипкое пальто и широкополую шляпу, а более подходящий под погоду наряд: коричневое пальто с бобровым воротником и меховую шапку. Князь медленно шёл к условленному месту встречу, постоянно оглядываясь по сторонам и всматриваясь в лица прохожих. "Более умного способа выискать шпиков он не придумал" — пронеслось в голове Сизова-Романова.

— Добрый день, — кивнул Львов, продолжая поглядывать по сторонам. — Очень рад, что Вы всё-таки заинтересовались нашими предложениями.

— Приветствую, милостивый государь. К сожалению, раньше я не смог во всей полноте оценить Ваш замысел. Боюсь, Никки не самый лучший правитель в нынешней ситуации. Но давайте пройдёмся по этому прелестному саду, оценим красоту нынешней зимы, — Сизов кивнул в сторону дорожки, уходившей подальше от людских глаз, в глубину сада. — Там, тет-а-тет, нам никто не помешает.

— Извольте, — Львов, похоже, слегка нервничал. Его рука начала сжиматься в кулак и разжиматься. Интересно, что никто из мемуаристов не отметил этой особенности князя, министра-председателя двух составов Временного правительства. Такая, казалось бы, мелочь, но едва ли не "кричит" о личности Георгия Евгеньевича. Всё-таки князь был не так и глуп: двумя людям затеряться среди двадцати человек легче, чем среди двадцати тысяч деревьев и кустов. Потому и нервничал. Проклятая шпиономания…

Падал белый пушистый снег. К сожалению, и Сизов, и Львов давно вышли из того возраста, чтобы радоваться таким "мелочам". Кирилл Владимирович поймал себя на шальной и безумной мысли о том, что завидует детям: ведь тем не надо решать таких проблем, как Великому князю. Всё-таки хорошо быть пятилетним ребёнком, радующимся далёкой и оттого невероятно притягательной радуге, пронзившей небо после игривого летнего дождя.

Сизов изо всех прогонял воспоминания о детстве, хлынувшие на него. Пока что это ему удавалось. А уж если ещё и "постучится" память Романова…

— Георгий Евгеньевич, — перешёл Кирилл Владимирович на более доверительное обращение, стараясь показать, как важно для него предложение председателя Земгора. — Скажите, Ваши друзья готовы перейти к решительным действиям, необходимым для свержения существующего преступного строя?

Львов едва не споткнулся. Он, судя по всему, совершенно не ожидал, что Кирилл Владимирович сразу перейдёт к делу, когда они ещё не совсем удалились от людных мест Таврического сада.

— Мы намерены приложить все возможные усилия к этому, — похоже, всё-таки Львов не готов был ответить прямо. Что ж, он всегда "славился" своею нерешительностью — это как считали одни. А вот другие утверждали, что "нерешительность" Георгия Евгеньевича во многих ситуациях продиктована скорее нежеланием проливать братскую кровь. — Вы сами знаете, что мы раздумываем над несколькими возможными тактиками.

Далее князь углубился в рассуждения об опасности и преступности строя, похоже, это была одна из его любимых тем.

— Вспомните, мы выиграли хотя бы одну войну за последние полвека без огромного

напряжения? Русско-турецкая война, невзирая на храбрость наших солдат и таланты некоторых полководцев, хотя бы уважаемого Скобелева, едва не ввергла нас в финансовый кризис и ополчение всей Европы против империи. Это был бы новый Парижский договор. Хотя мы и дошли до Царьграда, этого исконно православного города, который сейчас находится в руках мусульман, но едва ли мы получили хотя бы десятую долю требуемого. А наша армия? Ни в одной стране мира, уверяю Вас, нет таких бездарных и безынициативных командующих. Разве что в Румынии. Мы уже три года воюем, а конца и края этой войны не видно. Хотя сколько раз чаша весов качнулась в нашу сторону? Не хватит и пальцев рук у всех депутатов Государственной Думы! И сколькими шансами мы воспользовались? Причём воспользовались не абы как, а успешно? Уверяю, даже неграмотный крестьянский ребёнок сможет сосчитать без труда.

Если бы шпики сейчас слушали, то вполне возможно, среди агентов Охранки появилось бы несколько сомневающихся. Наверное, в феврале, меньше чем за месяц до революции, только Сизов из всех подданных короны мог слушать и не задавать себе вопроса: "А вдруг он прав?", Но это было только начало.

— Но не только это помешало нам выиграть войну. Как можно воевать против Германии, когда половина командования — немцы, а ещё четверть — немецкие шпионы? Когда сама императрица родом из Германии, родственница кайзера? Не может быть сомнений, чтобы она…

"Чтобы она ненавидела Вильгельма, довёдшего до ужаснейшего состояния её родной Гессенский дом" — чуть не прибавил Кирилл Владимирович. Однако надо было стискивать зубы, но держаться.

— Чтобы она не посылала своему родственнику никакой информации о наших войсках. Да и в своих записях, как утверждают некоторые персоны, особо приближённые ко двору, она в мельчайших подробностях излагает все планы наших кампаний, передвижения войск и снабжения. Из одной ли праздности или любопытства? Сомневаюсь! А что Вы скажете о нашем правительстве? Толковые министры там долго не задерживаются, их просто затравливают. Вспомните одного Протопопва — он же сумасшедший! Что с него возьмёшь? Но его назначили на невероятно ответственную должность министра внутренних дел без всяких сомнений.

"И по настойчивым просьбам Родзянко и многих депутатов Думы". Кирилл просто не мог не комментировать, хотя бы внутренне, пафосные реплики Львова. Но приходилось терпеть. Ради победы. Ради России. Ради тех, чьи родители пережили Голодомор, коллективизацию и репрессии. И особенно за тех, кому с этим не повезло.

— Или, Великий князь, подумайте, что сейчас творится в тылу страны? В самой столице уже хлеба нет, цены растут, почти нет дров, топлива, транспорт скоро встанет. Правительство что-нибудь делает ради этого?

"А ещё лучше вспомним, что мы ещё не ввели абсолютную карточную систему на продукты, как это происходит почти во всех государствах наших противников". Львов-то ещё не знал, как в марте тысяча девятьсот восемнадцатого года австрийское и германское правительства будут чуть ли не умолять своих послов в Брест-Литовске как можно быстрее заключить мир с Россией и вытребовать себе продовольствие для голодающего населения. Иначе произошла бы катастрофа, и обе империи рухнули бы намного раньше. Но никто, кроме Сизова, об этом не знает. Пока что. Кирилл надеялся, что никогда и не узнают, если он сможет сделать то, что планирует.

— Я мог бы привести ещё множество примеров, которые легко докажут, что правящий режим прогнил сверху донизу. Но Вам всё это известно, иначе бы Вы к нам и не присоединились. Не могу ли я узнать, что Вас окончательно убедило прислушаться к нашим предложениям? — Львов перевёл взгляд на Сизова. До этого Георгий Евгеньевич, когда произносил тот пламенный и яростный монолог, смотрел куда-то вдаль, поверх снежных шапок, нахлобученных деревьями.

— Возможно, Вы знаете, — Кирилл Владимирович "закинул крючок", как он это

называл. Простая проверка: если Львов сейчас как-то дать понять, что ему известно, значит, интересуется судьбой третьего в очереди на престол империи. А если интересуется, значит, всё ещё имеет на него виды. Или не он, а его "начальство". Сизов не отвергал возможности того, что за Львовым кто-то стоял, и не только масоны. — Что я ездил к императору. Я пытался убедить Никки прислушаться к голосу разума и навести порядок, избавить страну от тех тёмных сил, которые правят бал здесь, в Петрограде. Но у меня ничего не получилось, и поэтому я полностью разуверился в нашем самодержце.

Последнее слово Кирилл особенно выделил, произнеся его с сарказмом. Пусть у Львова будет как можно меньше сомнений в честности и чистоте помыслов Великого князя, направленных на изменение существующего строя. Впрочем, особенно стараться полковнику не пришлось. Он и так думал, что надо очень многое поменять в существующем порядке вещей. Однако в успех демократии, а уж тем более социализма или коммунизма Кирилл совершенно не верил. Не для России. Народу обычно намного легче видеть одного правителя, чем пытаться понять, что теперь он сам себе правитель, и волен делать то, что хочет. Нет, всё равно спихнёт на чьи-нибудь плечи. А потому будет ругательски ругать избранника. Мол, нехороший человек, плохой, неподходящий, умеет лишь красно баять да обещать золотые горы. И как-то тихонько обойдут вниманием тот факт, что сами же эти ругатели и поставили того "недостойного" у власти. К тому же изберут вряд ли лучшего, скорее уж, самого подходящего, того, кто под стать избирателям. Или убогого, сирого и обиженного, таких очень любят с давних пор на Руси.

Георгий Евгеньевич ещё очень долго говорил. Он вообще был не чужд долгим разъяснениям своих позиций по особо важным вопросам. А ещё, похоже, он считал, что всё можно уладить словом, а не только делом. В глазах Львова то, что произносят уста, могло с лёгкостью убить, ранить, оживить. Однако слово вряд ли могло сковать подкову, зарядить винтовку, вспахать поле, пожинать заколосившиеся хлеба. А ещё — остановить разруху в стране декларациями, нотами протеста и приказами, не подкреплёнными особыми действиями. Так было (будет, или, может быть, есть?) на выступлениях большевиков до июля тысяча девятьсот семнадцатого. Львов был против ввода войск на улицы Петрограда, против кровопролития. Кто знает, если бы министр-председатель использовал верные силы гарнизона и армейские части, как бы повернулось русло истории. Да и можно ли его было повернуть в то время?

Кирилла Владимировича снова охватили сомнения: сможет ли он, даже имея за плечами прекрасную школу жизни, знания и умения, изменить поток той бурной реки, которую именуют временем? Хватит ли сил, выдержки, хладнокровия, уверенности в себе? Будет ли достаточно крепки сердца его соратников, а, главное, холодны и устойчивы к внешнему миру? Ведь не каждый выдержит то, что начнётся.

В какой-то миг, после очередного поворота дорожки, сердце Сизова забилось быстро-быстро. Шестое или восьмое чувство (седьмым Кирилл считал чувство юмора) со всей силы било в сердечный набат, предвещая беду. Настал момент опасности. Великий князь посмотрел на Львова — тот всё ещё вещал, мало обращая внимание на окружающий мир. А зря. Кирилл посмотрел по сторонам. Группа деревьев справа показалась ему слишком подозрительной. Рука сама собой нащупала подаренный некогда одной английской делегацией Романову веблей. Островитяне всё хвалились, что это лучший револьвер в мире за всю историю оружия. Что ж, Кирилл надеялся, что проверить это ему не предстояло. Но сердце так ныло…

Хрустнул снег. Львов продолжал вещать. Мелькнула какая-то тень между деревьями. Глаза Кирилла выцепили кусочек белого пальто у ствола самой дальней березы. А ещё — дуло пистолета. Даже времени для раздумий не оставалось. Бросок всем телом на Львова, не успевающего понять, какая муха укусила Великого князя, выстрел (тяжёлый, старый смитвессон, как услужливо подсказала память Романова), ответный выстрел. Пуля Кирилла содрала кору с дерева, пуля неизвестного — оцарапала разве что воздух.

Сизов стрельнул ещё несколько раз в то место, где видел неудавшегося убийцу — так,

на удачу. Вряд ли тот настолько глуп, чтобы повторить свою попытку убрать Львова или Романова. К тому же скоро сюда уже сбегутся, а ему следует уходить поскорее. Наверное, постарается затеряться в толпе, выйдя у одного из людных мест парка. А потом ищи его. Хорошо, если пальто не поменяет. А иначе? Не будешь же всех обыскивать…

Кирилл перевёл взгляд на Львова: надо отдать должное, будущий министр-председатель держался молодцом. Лицо его побелело, губу прикусил, но больше ничем не выдал своего страха. Может быть, просто не успел по-настоящему испугаться?

— Князь, с Вами всё в порядке? — Сизов помог подняться Георгию Евгеньевичу.

— Благодаря Господу Богу и Вашей помощи. Кто…кто же посмел…Это полиция, это всё охранка и полиция! — страх мешался с гневом в голосе Львова, что создавало неповторимый коктейль чувств.

— Возможно, Георгий Евгеньевич, возможно, — через несколько мгновений должны были уже показаться хранители порядка и "доброхоты" из прохожих. А план Кирилла уже начал работать…

Глава 6

Миноносцы вернулись из плавания. На пристань высыпала жиденькая группа встречающих: плохая погода заставляла люде сидеть по домам или же по ресторанам. Ну в крайнем случае, по гостям. Было скучно, серо, холодно, одиноко. Англичане в таких случаях любили предаваться воспоминаниям, сидя у камина если это были лорды) или стараясь согреться изнутри глотком грога (если это были победней да повеселей). Колчаку, почему-то, тоже вспоминалось прошлое. Может, не зря его сравнивали с англичанином? Хотя…

Английская крови у Александра Васильевича если и была, то от силы две-три капельки. Ну может, три с половиной. Да и не английского происхождения не то что род, но и фамилия. Колчак. Боевая перчатка, рукавица. И вправду, внешностью и привычками Александр Васильевич иногда походил на кольчужную рукавицу: хмурый, серьёзный, собранный, старавшийся быть сильным, при любых обстоятельствах, а свои страх и слабость не показывать окружающим. Волнение, надо сказать, иногда прорывалось наружу, и в эти моменты жизни Александр Васильевич становился чёрным как туча, нервным, выпускавшим пар не без потерь для окружающих. Мог и устроить разговор на повышенных тонах. Давали себя знать гены…

Побросав оружие, бунчуки, шатры и обоз, огромное воинство турок бежало, сверкая пятками, прочь с поля боя. Кто-то из магометан ещё пытался сопротивляться, но они сражались считанные минуты. Радости победы не было предела: как же, пройти сквозь Польшу, изнывая от скуки вечных переходов, а потом наконец-то войти на земли Молдавии — и одержать такую замечательную победу! Рослого гренадера, усатого, чья некогда чёрная как смола в чёртовом пекле шевелюра стала серебряной ещё при "батюшке Петре", лихо подбрасывали в воздух целым взводом. Именно он, сломав ружьё в штыковой, вырвал у гиганта-турка бунчук, а через какое-то мгновенье, показавшееся гренадёру веком, недруги уже стали показывать свои потные спины.

Тот же гренадёр, Савва Митрич, стоял в почётном карауле, приставленном к Колчак-паше, отдавшем графу Миниху, русскому военачальнику, ключи от города и собственную, позолоченную, со вставленными в рукоять благородными опалами саблю. Крепость Хотин пала. В далёком Истанбуле "светоч веры" рвал и метал, грозясь трёхбунчужного наместника Хотина окунать в чан с горящим маслом, пока он не покроется хрустящей корочкой. Колчак внял гласу разума (и предложения императрицы Анны Иоанновны) и отправился в Северную пальмиру. Правда, мучился простудами, тяготился холодом, слякотью, а потому вскоре направился на Правобережную Украину, к властвовавшему ещё там польскому магнату. Их связывала давняя тёплая дружба — и не менее удачное сотрудничество в торговле рабами и в занятии контрабандой. Однако рок словно преследовал Колчак-пашу — через некоторое время земли Правобережной Украины стали

частью Российской империи, и потомки сдавшего Хотин стали подданными правителей холодного Петербурга, а их судьба навсегда оказалась связанной со слякотью, холодом и ветром. Вода, реки. Море — вот что манило Колчаков. Предок вряд ли бы это одобрил. Он вообще был умным, Колчак-паша, хитрым и расчётливым. Потомки совсем не в него пошли. Трёхбунчужный явно устроил бы им нагоняй. А может, и не устроил. Кто знает…

А ещё судьба Колчаков была тесно связана с казаками. В Бугском казачьем войске за одного из лучших джигитовщиков почитался Лукьян, за верную службу получивший землицу в Херсонской губернии. Его сыновья, Иван и Фёдор, пошли разными путями в жизни. Первый "числился по гражданской", второй стал военным, за заслуги получивший первого мая тысяча восемьсот сорок третьего года потомственное дворянство. Первое мая тоже ой как много значить будет для Александра Васильевича…

Иван Лукьянович, обосновавшийся в подгнившей изнутри жемчужине у моря Одессе, обзавёлся тремя сыновьями, дочками. Один из сыновей, Василий, закончил гимназию имени Ришелье, который долго время был губернатором морских ворот Российской империи на юге, знал невероятно хорошо французский язык, грезил французским образом жизни, готовился пойти, как и отец, по гражданской. А потом грянула Крымская…

В большинстве своём в Севастополе обсуждали только новость о недавнем покушении на двух князей, Кирилла Владимировича Романова и Георгия Евгеньевича Львова.

Как сообщали газеты, во время прогулки по Таврическому саду князья были обстреляны неизвестным из револьвера, смитвессона. Оружие валялось неподалёку от места покушения. Строились самые различные догадки, от действий охранки до террористического акта эсдеков. Но больше всего "симпатий" газетчики отдавали "немецкому следу": вражеская разведка в очередной раз решила нанести удар по Родине, убрав члена правящего дома и лидера Земгора.

Все говорили о далёком Петрограде, о глупых политиках и их непонятной политике, а о матросах, защищавших Отечество, позабыли. Александр Васильевич Колчак, легко одевшись, не удосужившись даже утеплённого мундира надеть перед встречей героев, тяжело вздыхал при подобных мыслях. Всё-таки обыватели, по мнению вице-адмирала, совершенно не понимали роли простых солдат и матросов в Великой войне. Что там какие-то политиканы, которых не грех и припугнуть, по сравнению с проливающими свою кровь на благо Родине людьми? Это как сравнить серебро, уплаченное Иуде, и золото кольца Соломона. С одной стороны, разговоры, крики, постоянные призывы неизвестно к чему и непонятно зачем, а с другой — страдания, лишения и смерть. Нет, Александр Васильевич определённо не понимал обывателей. Ведь война! К чему разговоры о выстрелах в Таврическом саду?

О выстрелах, сделанных неизвестно кем. Это раньше эсеров-боевиков нельзя было представить без тяжёлого, придающего уверенности в своём деле и своих идеях смитвессона. А ещё с ним уголовники ходили на "дело", и иногда, выдавая себя за "идейных" — на "эксы". А потом всё больше и больше револьверов марки "Смит и Вессон" стали использовать и простые обыватели. Смитвессоны оказались, так сказать, по обе стороны баррикад.

Так что нельзя было точно сказать, кто же всё-таки решился стрелять в Романов и Львова. Однако не меньше шумихи наделал сам факт их встречи. Член правящего дома — и один из представителей оппозиции. Да, места некоторые газеты этому уделяли даже побольше, чем рассуждениям о личности несостоявшегося убийцы.

Колчак, правда, несколько разволновался, прочтя статьи, под заголовками вроде "Немцы вконец осатанели!" или "Германец бродит по столице!". Всё-таки он прекрасно помнил, что за письмо и от кого пришло ему не так давно. И пока что всё, что было в том письме, сбывалось. Например, вице-адмиралу всё-таки позволили увеличить количество времени, которое солдаты будущего Босфорского десанта проводили со священниками. Колчак специально побывал на одной из бесед батюшки с защитниками Отечества.

Мужчина преклонных лет, с окладистой бородой, гулким басом и серыми глазами, так

и лучившимися светом. Крепкие руки охотно осеняли крёстным знамением слушателей проповедей и простых, обыденных речей. Отец Серафим, принявший постриг после русско-японской войны, участник Мукдена, более не хотел проливать человеческую кровь, хоть японскую, хоть немецкую. Он не уставал повторять, что это на лицо все разные люди, да говорят по-разному, а как глянешь в душу. "Душа-то национальности не имеет, Александр Васильевич" — говорил отец Серафим, вспоминая разрывы снарядов и пули, свистевшие над его головой. Те пули, что не миновали двоих его братьев на реке Шахэ. Это тоже сыграло свою роль в уходе от мира Петра Ивановича Сидорина, взявшего после пострига имя Серафима. Но память-то не так легко поменять, как имя или фамилию. Поэтому не было горячей и уверенней оратора, взывавшего к защите Родины среди солдат и матросов. Колчак видел, что они прислушивались к словам отца Серафима, открывали душу его речам, внимали сердцем. А потом возвращались в казармы, укрепившиеся в мысли о том, что надо жизнь положить, но вырвать победу у врага.

Александр Васильевич задумчиво и даже несколько меланхолично взирал на Севастополь с Малахова кургана. "Как странно стоять здесь и знать, сколько крови пролили наши герои за этот клочок земли. Здесь и отец…" — думал Колчак.

Кондуктор морской артиллерии, Василий Иванович Колчак конвоировал транспорт пороха в Севастополь из города Николаева, да на базе Черноморского флота и остался. Он сам потом говорил, что не знал, как остался жив, служа помощником командира батареи на Малахов кургане, в самом горячем круге ада. В который превратился Севастополь. Контуженный осколком бомбы, разорвавшейся на батарее, через месяц уже шёл на невероятное "приключение": на виду у французов расположится с отрядом, который должен был спалить туры и фашины неподалёку от батареи. Несколько гранат — и вспыхнули вражеские приспособления, а потом занялись траншеи. Французы, обстреливаемые отрядом Колчака, мало что могли поделать с пожаром. В городе сперва подумали, что занялся Малахов курган, но быстро прибывший начальник штаба обороны Васильчиков, едва узнав, в чём дело, вызвал Василия Ивановича, и без лишних слов повесил ему на грудь знак Военного ордена (это потом его прозвали солдатским Георгием).

Потом отец будущего адмирала стал работать на Обуховском заводе, основанном промышленником Путиловым на берегах Невы. Выбрал Василий Иванович жену не из дворянок, а вёдшую свой род от донских казаков. А четвёртого ноября тысяча восемьсот семьдесят четвёртого года, под знаком Скорпиона, всегда готового к бою и опасности, победи, — или смерти, родился сын Александр. Внешностью он был не похож на отца, черты которого выделялись своею "округлостью" и мягкостью, в отличие от резкого, словно высеченного из скал лика сына. Через одиннадцать лет Александра направили в гимназию, совершенно не пророча ему военной карьеры. Вместе с Колчаком учился застенчивый тихоня Вячеслав Менжинский, ставший потом известным в качестве главы ОГПУ. Судьба играла в игры, понятные лишь ей одной: через не такое большое время Колчак оказался уже в Морском училище. А ещё — стал одним из первых учеников. Потом, в воспоминаниях некоторых выпускников. Александра Васильевича будут сравнивать с Савонаролой…

Едва какая-нибудь задачка не давалась, всё никак не хотела решаться, то раздавались слова: "Это к Колчаку. Он у нас голова", и кто-нибудь шёл "на поклон", как любили шутить. И мог видеть картину, не сухой гуашью, но насыщенными, жирными масляными красками.

В комнате, узкой и длинной, освещённой керосиновыми лампами, кадеты готовят задание на следующий день. Шелестение бумаги да скрип перьевых ручек и химических карандашей нарушает лишь тихий голос, необычайно уверенный и твёрдый голос худого кадета. Невысокий, загорелый, изредка шумно вдыхавший своим орлиным носом воздух, наполненный пылью, запахом керосина и ароматом знаний. И рядом — высоченный, плотный кадет, с плохо скрываемым обожанием и уважением в глазах. Так смотрят не на человека, а на ожившую книгу, в которой заключены все знания о мире и абсолютная истина.

Один из первых среди выпускников, получивший четвёрку только за минное дел, Колчак отправился в далёкое плавание во Владивосток. Сделали остановку и в Порт-Артуре, только что занятом русской эскадрой. Когда поднимался ветер, Колчак, как он любил потом шутить, легко мог понять, с чего дону из гор рядом с городом назвали Золотой. Пыль. Тонны, тысячи тонн пыли, заполнявшие воздух, превращая его во что-то подобное рассыпчатому песочному тесту. Но более всего Колчака поразила Япония, в портах которой его корабль дела остановку…

Снаряды японских гаубиц, падавшие на Старый город, застроенный китайскими хибарами. И никто никогда точно не знал: останется снаряд неразорвавшимся или сотрёт с лица земли десятки домов, собрав богатый кровавый урожай смерти. Колчак наблюдал за этим с борта миноносца. Рвались снаряды в городе, буравили окопы защитников Порта-Артура, нерусского города, ставшего родным для многих россиян. Многие из них обрели здесь свою могилу. А Александр Васильевич, сжимая кулаки от бездействия, более не мог смотреть на расцветавшие розами огни разрывов снаряд и бомб, и попросился на берег. Там он командовал батарей на горе Высокой …

А потом город сдали. Стессель, руководивший обороной, сдал его, несмотря на то, что ещё очень долго можно было оборонять Порт-Артур, превратив китайский городок в тихоокеанский Севастополь. Но не получилось…

Как же она теперь напомнила ему Малахов курган.

"Не дай Бог Севастополю повторить в этой войне участь Порта-Артура" — кричало сердце вице-адмирала. К счастью, шла совсем не русско-японская война. К сожалению, это была совсем не русско-японская…

После прогулки по Малахову кургану и инспекции кораблей, стоявших на рейде, командующий Черноморским флотом засел в своём кабинете за план Босфорской операции. Сколько раз он уже читал его, участвовал в его разработке, готов был, посмей кто разбудить вице-адмирала ночью, рассказать его в мельчайших деталях. Как жаль, что приходилось полностью его перекраивать. Кирилл Владимирович был невероятно убедителен в своём письме. И ещё более — уверен в том, что пишет. Это чувствовалось в каждом слове, в каждой точке, в каждой завитушке. К тому же он совершенно точно предсказал дату покушения на него и князя Львова. Вот тогда-то волосы дыбом встали на затылке Колчака, а в сердце разлетелись льдинки. Нет, конечно, сам Романов мог подстроить случай в Таврическом саду. Но факт оставался фактом: всё прошло точно по описанию Кирилла. Даже заголовки статей. И от этого становилось страшно. И ещё немножко — уверенней, как ни странно.

Поэтому на бумаге уже возникали детали нового плана. Приходилось рассчитывать только на три дивизии и полк, усиленный двумя пулемётными бригадами: по словам Романова, это было всё, что можно было бы стянуть в Крым. Впрочем, и атаковать приходилось далеко не самые лучшие укрепления. Заброшенные окопы, редкие батареи, армия, почти полностью уничтоженная в боях на Кавказе и в Галлиполи — вот и всё, чем могла похвастаться Турция, в чьё сердце был направлен удар.

Сперва требовалось наладить связи с местным христианским населением. Несколько подлодок должны были всплыть неподалёку от фракийского и малоазийского берегов. Романов обещал прислать специалистов, которые бы справились с предварительной подготовкой антитурецкого восстания. Вместе с людьми Кирилла Владимировича на берегу оказываются запасы оружия и турецкие лиры. Затем периодически должны были выгружаться новые группы "специалистов" и всего необходимого для подрывной работы. А затем, в первых числах июля, в Крыму уже оказывались требуемые силы. Правда, всё это жутко походило на смертельную и глупую авантюру. И тогда Кирилл в письме, признавая намётки плана "сумасшествием", парой строк развеял все сомнения Колчака. Романов просто вспомнил про поиски Земли Санникова и барона Толля…

"Заря". Корабль, навсегда запомнившийся участникам экспедиции. Выжившим участникам. Колчак, заросший бородой, бродил по каютам корабля. Повсюду были видны

следы запустения. Скрипело дерево под ногами. И барон Толль, ушедший в никуда. И надо найти это никуда, надо найти человека, так и не нашедшего землю среди ледяных полей. Это было первым самостоятельным делом Александра Васильевича. И он бы очень долго улыбался, расценив как шутку слова о том, что когда-нибудь станет героем книги, матёрым мореходом, рассуждающим, что никакой Земли Санникова нет. И ведь стал, только имени в той книге для него не нашлось. Как и места в стране, которую он любил больше жизни, больше семьи и больше Анны Васильевны…

Это было ещё до русско-японской войны. Барон Толль решил открыть земли, которые лежали к северу от Новосибирских островов. Земли Санникова. Путешественник заболел ими, грезил только о том неизвестном клочке суши. Толль смог "заразить" этой горячкой открытия новых земель и других. Сам Николай II побывал на корабле "Заря", на котором отплывала экспедиция. После небывалых лишений, многочисленных открытий, среди которых был и остров, названый в честь Колчака, — вынужденная поездка на материк некоторых матросов. А потом — новая экспедиция по спасению Толля. Барона так и не нашли. Остались только его записи. И сны — сны, наполненные холодом, морозом, несгибаемой волей к победе, мечтой о путешествиях и странствиях. Мечтой, которая обернулась гибелью людей…А ещё подарила тягу к странствиям у десятков и сотен людей. Но это будет потом…

Воспоминания на несколько минут захлестнули вице-адмирала, но он собрал свою волю в кулак, ради победы в войне. И смог вернуться к составлению плана. Всё-таки не стоило бросаться очертя голову. Без всякого знания того, что надо будет делать в следующий момент. Конечно, эти бумаги станут бумажками. Едва дойдёт до настоящего дела. Но на первое время они очень и очень помогут…

Так вот. В Крым стягивались дивизии, а Колчак должен был предоставить транспорты и охранение для них. Причём желательно не особо афишировать начало операции. Александр Васильевич качал головой, думая, что Романов ошибся в письме. "Руководство страны вряд ли одобрит Вашу операцию, и если Вы захотите запросить разрешение на начало операции, Вас могут лишить поста на флоте или перевести на Балтику" — как могут люди, объявляющие себя патриотами и радетелями за благо России, ставить крест на возможности спасти сотни тысяч жизней одним ударом? Ударом, который не потребует много сил, зато принесёт множество выгод даже в случае поражения.

Да и служить на Балтике Колчаку было не привыкать. Он начал войну именно там. Не раз проявлял себя как превосходный специалист по минному делу, да такой, что через много лет город Петра, снова переименованный, будет защищён с моря и благодаря наработкам Александра Васильевича. Однажды даже шифр перехватили немецкого флота, да так, что германцы и не подозревали об этом. Но Ставка не нашла ничего лучше, чем отдать полученные благодаря одному лишь невероятному везению данные англичанам. Здесь же, в Балтийском флоте, Колчак познакомился с адмиралом Эссеном. Происхождением немец, душою — настоящий русский, он тяжело переживал за Россию. Он не мог спокойной жить и видеть, как с таким трудом и тщанием построенные корабли, каждый рубль на которые выбивался огромными усилиями, стоят на приколе или патрулируют совершенно безопасные воды. И опять — первое мая…Эссен почувствовал себя плохо именно в этот день, ставший потом красным днём календаря…Адмирал умирал четыре дня от сердечной недостаточности и воспаления лёгких. Умирал тяжело, беспокоясь за судьбу ставшего родным Балтийского флота…

Снег, падавший с неба. Ставшее сумасшедшим море, так и норовившее проглотить, не подавившись, корабли миноносной бригады Колчака. Ночь. Пурга. Только-только подняли с мели три корабля, едва не искорёжившие себе днища. А потом- свет маяка, показавшийся заревом Судного дня: так его ждали. И к семи часа утра — в бой. Наших теснили немцы, грозясь прорвать фронт. Пушки миноносцев запели победный туш. Даже вражеские аэропланы и батареи, силившиеся уничтожить миноносцы, не помешали кораблям Колчака. И германец дрогнул, отошёл. Потом командир наземных сил, Меликов, улыбаясь и смеясь,

всё твердил, что теперь порядок, что пора Колчаку уходить, лишь с утра напомнив о силе русского оружия, грянув парой залпов по немецким позициям…

После часовой бомбардировки позиций противника наши наконец-то пошли в наступление и заняли городок Кеммерн. Они, наверное. Даже не задумывались, что провели первую удачную наступательную операцию после Великого отступления…

А вечером, пока Колчак спал, товарищи нашили на его пальто ленточки Георгия. Государь, узнав о бое, наградил капитана первого ранга Александра Васильевича Колчака орденом Георгия четвёртой степени. Будущий адмирал, проснувшись, долго думал, что кто-то оставил чужую одежду в его каюте…

Именно на Балтике Колчака ждёт взлёт, внимание со стороны "самых верхов", вызов в Ставку, свидание с императором, план Босфорской операции — и командование Черноморским флотом…

Девятнадцатого августа флот, взяв на борт десант, отправлялся к берегам Турции. При этом следовало прекратить всяческую связь с материком, "во избежание недоразумений и опасности для дела". Затем — высадка десанта на берегу Анатолии. Если бы всё пошло как надо, там уже встречали бы русские дивизии поднявшееся на восстание нетурецкое население. Также из Кавказской армии должны были прибыть армянские бригады добровольцев. Колчак, памятуя о резне, развёрнутой султаном против одного из народов собственного государства, не завидовал врагу. Армяне не станут жалеть противника, не станут терзаться по поводу смерти убийц своих родичей. Они станут одними из самых стойких солдат в десанте.

Затем после высадки надо было прорываться к Стамбулу. В городе должны были начаться вооружённые выступления. Не без помощи "специалистов" Романова. По словам Кирилла, город вряд ли смогут долго оборонять, при ударе и изнутри, и извне. Царьград наконец-то откроет ворота русской армии, через столько лет…

А на следующий день Центральные державы содрогнутся. А ещё больше — союзники. Они вряд ли будут ожидать, что в считанные дни можно будет завершить такую операцию. Да, если всё пойдёт чётко по плану…Хотя никогда такого не будет: вряд ли операция закончится в назначенный срок. Но в неудачу десанта Александр Васильевич просто отказывался верить, потому что не верить было нельзя.

Колчак отодвинул в сторону листки бумаги. Потёр виски. Взял с полки книгу. Раскрыл на обороте — там лежали письма Анны Тимирёвой, конверты, перетянутые алой атласной ленточкой. Бумага, хранившая мысли любимой, её образ…

Она навсегда запомнилась Александру Васильевичу именно такой: в невероятно шедшей ей русской одежде, с оборками, в ниспавшем на плечи платке, алеющем сарафане, внимавшей рассказу Колчака об элементалях. Хотя в тот день Тимирёва была одета совершенно в другое. Это просто два самых прекрасных воспоминания сливались в одно, создавая образ любимой…

— И каждая стихия, то бишь вода, огонь, земля и воздух наделены своими хранителями, в которых выражается мощь природы, но более всего красота и неповторимость её…

Александр Васильевич всё говорил и говорил, устремив чуть вперёд, мимо Анны Васильевны свой взгляд, и не замечал потому того особого внимания, которое было уделено рассказчику Тимирёвой.

— Однако, я не слишком утомляю Вас своим рассказом? — слегка потупился Колчак, только тут поняв, что говорит слишком уж долго, совершенно не уделяя времени своей прекрасной слушательнице. — Знаете, я нередко так увлекаюсь…

— Что Вы, Александр Васильевич, — Анна улыбнулась, и в глазах её заиграли искорки. — Я готова слушать Вас и дальше. Рассказывайте, не останавливайтесь, прошу, иначе я на Вас обижусь! Никто так легко не рассказывает о подобных высоких материях!

Дождь. Капли, барабанившие по крышам тёмного города, стучавшиеся в окна и

желавшие забраться поглубже, в тепло, за воротник. Холодно и тоскливо. И вдруг из мрака, который не могли разогнать немногочисленные фонари своим синеватым светом — Колчак. Разговор, плохо запомнившийся, и внезапно пришедшая мысль. Всего девять слов, изменившие судьбу обоих: "А вот с этим я ничего бы не боялась"…

Вечер. Морское собрание. Бал. И дамы — в русских нарядах. Вспышки фотографических аппаратов. Колчак всё-таки упросил подарить ему фотографию Анны Васильевны, сделанную в тот день…

— А я видел Ваш портрет у Колчака" — вдруг заводит разговор какой-то знакомый. Та мило улыбается, желая развеять какие-то сомнения. Возможно, свои собственные.

— Что же тут такого? Этот портрет не только у него одного.

— Да. Но в каюте Колчака был только Ваш портрет. И больше ничего.

Северные берёзы и клёны. Лето. Вокруг лишь зелень, запах цветов да птичьи трели. И не скажешь, что где-то льётся кровь, рубят в куски друг друга и желают истребить друг друга люди. А ещё совсем неподалёку морские офицеры в собрании празднуют перевод Колчака на Черноморский флот командующим. Но самого виновника торжества там нет.

А по саду гуляет только двое людей, он и она, держась за руки, признаваясь друг другу в любви, которая останется с ними до конца их жизни, мечтая о будущем, наслаждаясь природой и возможностью, выпавшим шансом побыть вместе, вдвоём. Да, это был самый счастливый их день…

Колчак с каким-то особым, нежным и тёплым взглядом, смотрел на строки, написанные рукою Анны Васильевны. Она рассказывала о своих делах, но они были не так важны, как возможность хотя бы так, хотя бы с помощью строк, выведенных рукою быть ближе к любимой…

А потом Александр Васильевич стал напевать строки романса, который когда-то посвятил Тимирёвой. Он не знал, что предсказал в нём свою судьбу. Судьбу, которая с появлением в этом времени Сизова изменилась окончательно и бесповоротно.

Гори, гори, моя звезда,
Гори, звезда приветная!
Ты у меня одна заветная
Других не будет никогда.
Сойдет ли ночь на землю ясна
Звезд много блещет в небесах.
Но ты одна, моя прекрасная,
Горишь в отрадных мне лучах.
Звезда надежды благодатная,
Звезда любви волшебных дней,
Ты будешь вечно незакатная
В душе тоскующей моей!
Твоих лучей небесной силою
Вся жизнь моя озарена
Умру ли я — ты над могилою
Гори, гори, моя звезда!

Вице-адмиралу сейчас хотелось вырваться из Севастополя, на броненосце, прорваться через Проливы, взорвать ко всем чертям по пути все флоты Центральных держав, и выйти на рейд где-нибудь под Ревелем. Там сейчас должна была быть Анна Васильевна. И чтобы оркестр играл что-нибудь торжествующе-дерзкое, рвущее душу радостью от встречи, назло всему и всем. Как жаль, что это было невозможно…

Глава 7

На Румынский фронт не часто доходили газеты. Сведения о тыле поэтому были весьма обрывочны. Но вот грянул гром…

Антон Иванович, сидя за письмом в каком-то бараке, кутаясь в шинель, выводил слова любви Ксении. Рядом стояла бутылка местного вина. Забродивший виноградный сок кое-как согревал, только хуже, чем родная "беленькая". Но проблем из-за него было не меньше. Казаки вконец распустились, "экспроприируя" на свои нужды у местных не только алкоголь, но и всё, что могло пригодиться. Командование кое-как старалось с этим бороться, но пользы от этого было мало.

Химический карандаш остановился на середине строчки: раздались тяжёлые, быстрые шаги, и через две-три секунды в помещение вбежал запыхавшийся поручик Талдомский. Тёмно-русый, с истинно польским носом, горделивой осанкой и взглядом потомственного шляхтича, хоть и далеко не богатого. В руках у него была зажата мятая газета: видимо, читали её уже не раз и не два.

— Антон Иванович, Вы только почитайте, что в Петрограде творят! — затараторил поручик, отчего его произношение стало резать слух польским акцентом. Антон Иванович, вообще-то, великолепно владел польским, но они с Талдомским договорились, что будут общаться на русском, даже если вокруг нет более никого…

Антон Иванович был наполовину русским, а наполовину — по матери — поляком. Отец его, Иван Ефимович, родившийся в тысяча восемьсот седьмом году, происходил из крестьян. В двадцать семь помещик отдал его в солдаты. А потом были революционная Венгрия, горящая земля Крыма под ногами, мятежная Польша. И все — безумно далёкие от родной деревни. Лишь однажды судьба забросила Ивана Ефимовича в городок, где жил его брат, вышедший в люди (как говорил сам отец Антона Ивановича) раньше него. Да только выйти в люди — это ещё не значит стать человеком. И особенно — остаться им. Иван Ефимович как раз пришёл домой к брату, когда у того был званый ужин. Жена не пустила деверя в гостиную, накрыв ему на стол на кухне. Иван Ефимович не стал есть и ушёл, не простившись. С тех пор они с братом не встречались…

На двадцать втором году службы Иван Ефимович сдал офицерский экзамен, в тысяча восемьсот пятьдесят шестом году, в чине прапорщике, назначен был в Александровскую бригаду пограничной службы. Через семь лет грянуло польское восстание…

Двухэтажный дом, сложенный из жёлтого кирпича, с деревянной крышей. Дорожки, ведущие прямо к дверям гостеприимного хозяина, местного помещика. Рыжеватый усач-слуга в древней ливрее (хозяин кичился своим родом, вёдшим начало от самой династии Ваза) с напускной улыбкой приветствует офицера русских пограничников. Пот струйкой течёт по лбу: принесло же…

— Вас проводить, пан?

— Сам дорогу найду, — русский, отодвигая привратника в сторонку, уверенным шагом идёт по коридору. Поворот. Ещё поворот. Дерево поскрипывает, но скрип его заглушают оживлённые голоса собравшихся в гостевой зале людей. Ставшая давно привычной польская речь.

Офицер резко распахивает двери. Голоса, как по строгой воинской команде, смолкают. На лицах собравшихся (глаз пограничника сразу подмечает, что одеты хоть и не богато, но со вкусом, с неким вызовом на аристократичность) застывает маска удивления и страха. Тут же кто-то собирается кинуться к офицеру, разоружить, но ретивого бородатого пана останавливают окружающие: признали нечаянного, незваного гостя.

— Какого чёрта вам тут понадобилось, мне известно. Только вот я солдат, а не жандарм. Так что не взыщите, ежели драться придётся. А сейчас можете есть, пить да разговоры разговаривать. Да только, — взгляд русского офицера, упавший на помещика, в чьём доме как раз проходило заседание заговорщиков, такое секретное, что о нём стало

известно всей округе, — зря затеяли вы это глупое дело. Вам-то русскую силу не одолеть, мы не лыком шиты, нечего и думать справиться. Только отправите на тот свет себя и всю родню. Смекайте, пока есть время.

В той речи Иван Ефимович, правда, вставил пару словечек, которые в нём быстро выдали его происхождение и привычку к краткости и простоте. К счастью, полки поняли их более или менее правильно.

Ещё раз Иван Ефимович окинул взглядом залу, развернулся и пошл обратной дорогой. Его взвод нервно дожидался командира. Если бы Деникин не вернулся, с поляками бы начали разговаривать языком оружия…

Густой пар, аромат берёзовых веников, запах пота и жар — всё это смешивалось в старинной баньке, сложенной ещё лет двадцать или двадцать пять назад из могучих дубовых брусьев. Внезапно раскрылась дверь, и в парную вбежал запыхавшийся солдат. Запыленная шинель, сбившееся, хриплое дыхание и яростный блеск в глазах.

— Господин прапорщик, косиньеры, — так прозвали польских повстанцев, у которых никакого оружия, кроме кос, почти что и не было, — идут.

— Ишь обнаглели! — Иван Ефимович, неимоверно злой оттого, что поляки не жали допариться, скомандовал немедленное Конечно же, мало кто успел не то что шинели, но и брюки надеть, рванули навстречу банде.

Много лет ещё, крестясь и шепча молитвы, местные рассказывали о "дикой охоте". На конях, крича и улюлюкая, по пыльной дороге неслись какие-то черти, решившие принять человечье обличие, да у многих не получилось. Чёрные, с красными глазами, голые, с саблями наперевес, злые, мчались охотники в ад, угрожающе и свирепо зыркая на попадавшихся по дороге людей…

— А поляк-то не хочет вылазить!

— А пали камин! Пущай повеселится! — Иван Ефимович готов был вот-вот разозлиться.

Деникину приказали доставить местного ксёндза, которого подозревали в разжигании ненависти к русским властям. Подозрения сам поляк и подтвердил, попытавшись убежать. Убежать-то он не смог, а вот спрятаться в каминной трубе — сумел. Лезть и пачкать золой одежды никому не хотелось, поэтому сперва бунтовщика решили уговорить по-хорошему. Не получилось. Поэтому решили по-плохому: разожгли тот камин, в который ксёндз влез.

Дрова затрещали — а из труб послышались крики и ругань, отборная, как черника, подаваемая к царскому столу.

— Как заливается-то ксёндз, ему бы в хор идти, а? — улыбнулся Деникин, а через мгновение тёмная туша рухнула на поленья, подняла тучу искр и стала кататься по полу, пытаясь затушить занявшуюся одежду…

Через два года после отставки, в которую вышел Иван Ефимович в чине майора, в тысяча восемьсот семьдесят первом году Деникин и Елизавета Фёдоровна Вржесинская, полька из городка Стрельно, из бедной семьи, зарабатывавшая себе и своему старику-отцу на скудную жизнь шитьём, сочетались браком. А четвёртого декабря тысяча восемьсот второго года в их семье родился сын Антон. Ещё в детстве он великолепно овладел и польским, и русским: отец до конца жизни не научился разговаривать по-польски, хотя его прекрасно понимал, а мать, читавшая русских авторов, так и не смогла общаться на языке мужа без акцента…

Денег, получаемых Иваном Ефимовичем, не хватало: в конце месяца, дней за десять до получки, приходилось ходить по знакомым, охотно и радостно дававшим взаймы. Правда, майор в отставке несколько дней перед этим, случалось, собирался, морально готовился к просьбам дать в долг, бывшим для него мукой. И сам не мог не дать последние деньги людям, влачившим ещё более жалкое существование. Елизавета Фёдоровна из-за этого нередко упрекала мужа: "Что же ты, Ефимыч, ведь нам самим нечего есть". И работала, напрягая до слёз глаза, страдая мигренью с конвульсиями…

Единожды в год, да и то — далеко не каждый, от министерства финансов, в подчинении у которого находилась пограничная служба, получали пособие, рублей сто или сто пятьдесят. Это было настоящим праздником для семьи Деникиных: отец возвращал долги, покупал себе пальтишко, шились обновки для Антона. К тому времени Иван Ефимович, привыкший к военной форме, из-за нехватки денег на пошив нового мундира, ходил в штатском — да в потрёпанной фуражке, с которой они никогда не расставался. Только в старом сундуке, пересыпанный нюхательным табаком (от моли), лежал последний мундир. "На предмет непостыдная кончины — чтобы хоть в землю лечь солдатом" — не уставал повторять Иван Ефимович…

Липкий от пролитого пива, вина, разлитой водки пол. Запах сдобы и жареного мяса. Корчма. Какой-то здоровенный поляк в медвежьей шубе, лишь подчёркивающей его богатырские плечи, пристально вглядывался в лицо бывшего майора. Антон уже хотел было указать отцу на странного пана, но тот опередил шестилетнего мальчика: вскочил с места, подбежал к Ивану Ефимовичу и стал обнимать его, целовать, хлопать по спине. Этот человек оказался из "крестников" Деникина. В годы польского восстания всех людей, задержанных с оружием, ждала ссылка, или кое-что намного хуже. Подростков, студентов, гимназистов Иван Ефимович обычно приказывал просто пороть, "всыпать мальчишкам под десятку розог" — и отпустить на все четыре стороны. Начальству об этом так никогда и не донесли: сотня не выдала своего командира…

Антон до конца жизни вспоминал, как из-за глупейшего приказа во Влоцлавском реальном училище, как бедный аккуратист, немец Кинель пытался рассказать о красотах польского языка — на корявом русском, а ученикам запрещалось во всякое время в стенах училища и даже на собственных квартирах говорить по-польски. Правда, после тысяча девятьсот пятого многое сменилось в лучшую сторону. А после поляки отомстили: за какой-то год, в тысяча девятьсот тридцать седьмом, было взорвано сто четырнадцать православных церквей, в которых были поруганы святыни, священники и многие верные прихожане арестовывались. В руины взрывом превратили великолепнейший Варшавский собор. А в день Пасхи примас Польши призывал идти следами фанатических безумцев апостольских в борьбе с православием…

Бедный ксёндз, чувствуя, что завалят ученики экзамен, раздавал им здания учить какой-то определённый билет.

— Прежде чем перейти к событиям, — изощрялись кто как мог ученики, — надо бы сперва затронуть…

Инспектор, думавший о чём-то своём. Пропускал мимо ушей…

— Наслышан я, — православный священник, созвав четырёх учеников из класса, всех православных там, тихо начал: — Наслышан я, что ксёндз на экзамене плутует. Нельзя и нам, православным. Ударить в грязь лицом перед римскими католиками. Билет — билетом, а спрашивать я буду вот что…

И каждому доставалось по теме. Жалко только, что в конце концов инспекторы поняли, что перед ними разыгрывают инсценировки…

Усевшись на окне третьего этажа, с полным бокалом вина в левой руке, какой-то чуть-чуть трезвый корнет громогласно приветствовал знакомых прохожих. Юный паренёк глядел на это в оба глаза, всегда поражаясь то ли храбрости, то ли глупости корнета. Только потом, через двадцать пять лет, Деникин, начальник штаба Восточного отряда Маньчжурской армии, да генерал Ренненкампф, командующий той самой армии, вспоминали те годы. Сложно было признать в начальнике Деникина того самого корнета…

Осенью тысяча восемьсот девяностого года, после записи в Первый Стрелковый полк, квартировавший в Плоцке, Деникин поступил в Киевское юнкерское училище с военно-училищным курсом, а вместе с Антоном Ивановичем ещё человек девяносто…

Пустые пушечные амбразуры, серые сводчатые стены-ниши, — и особый дух, аромат истории, овевавший крепость, в которой располагалось училище. Может быть, именно из-за него очередной смельчак спустился на землю по жгутам, связанным из белья да тряпья, а

потом быстро-быстро, изредка оглядываясь на громаду крепости, идёт к Днепру. Тиха украинская ночь — да только волнения полна: Деникин это понимает через несколько часов.

В открытое окно с лёгким звоном падает штык с прикреплённым к нему концом верёвки и фуражку. Следом показывается и очередной "гуляка". Двое его товарищей, весело и чуть пытливо подмигивая, рассовывают по карманам, кладут за пазуху все те вещи, которые не должны быть у того, кто в данный момент склонился над учебниками в казарме. Вот только с шинелью сложнее всего: в карман-то не положишь. И Деникин, перекрестясь, накидывает её на себя, а затем с напускной безмятежностью идёт в роту. И как назло: звуки приближающихся шагов. Антон Иванович только и успевает, что нервно сглотнуть.

— Вы почему в шинели? — спрашивает Деникина показывавшийся дежурный офицер, поигрывая желваками и глядя прямо курсанту в глаза.

— Что-то знобит, господин капитан.

Ничего, кроме сомнения, не мелькает во взгляде дежурного офицера. А в памяти всплывают: ночь, Днепр, верёвка…

— Вы бы в лазарет пошли…

— Как-нибудь перемогусь, господин капитан, — на сердце сразу отлегло…

Лёгкая дрожь в коленях: ещё бы, ведь экзамен пор русскому языку! И не только волнение перед экзаменатором, но и мысль: "Сработает или нет?" — не дают покоя и возможности успокоения.

— Ну-с, Вам попался билет под номером десять, изволите подготовиться?

— Так точно, — Антон Иванович окидывает взглядом кабинет. А затем идёт к парте. Губы еле заметно двигаются, считая…

А вот и десятая парта. Рука подныривает под неё. Ну-с, и заветный ответ на ужасный билет тут, ничего с ним не случилось…

Годы шли, и вот уже в тысяча восемьсот девяносто втором году — первое место настоящей службы, артиллерийская бригада в Седлецкой губернии, в городе Беле. Жило там тысяч восемь человек, три тысячи поляки да немножко русских, служилый "элемент", а остальные — авраамиты. Евреи-факторы, торговцы, облегчали службу тем, что могли достать практически и почти что в любых количествах — были бы только деньги. Правда, по договорённости офицеры одевались и даже обзаводились мебелью в долгосрочный кредит — жалованье-то было очень маленьким, пятьдесят один рубль в месяц, например, у Антона Ивановича. Служба, такая же скучная и местечковая, как и сам городишко, шла своим чередом. Первые пять лет прошли без особых изменений и потрясений. Всё переменилось с приходом нового командира. Он оказался настолько груб, циничен, нагл и глух к голосу разума, что даже не подавал руку своим подчинённым. О характере нового командира можно было своё мнение вынести, узнав, что однажды его угораздило заблудиться (и это после двух лет пребывания в Беле!) в собственной части, отчего бригада, в конном строю, ожидала его полтора часа…

И понеслось…В ответ на грубость и беспросветность войсковой жизни — пьянство, кутежи, карты. Три самоубийства — и рапортот лица всех обер-офицеров о событиях в бригаде. Вслед за разразившей по получении этого рапорта грозой в Петербурге "полетели шапки": несколько начальников ушли в отставку, а командир бригады был выгнан со службы…

И наконец-то — Академия генерального штаба. Экзамены пройдены благополучно, и осенью тысяча восемьсот девяносто пятого года Антон Иванович начинает трёхгодичное обучение. Курс был, мягко говоря, непосилен для обычного человеческого разума: за два года теоретического обучения нужно было пройти славистику, историю с основами международного права, государственное право, геологию, геодезии. И, как ни странно, очень долго совершенно не изучали опыт последней русско-турецкой войны. За почти тридцать лет — ни слова о тех событиях…

Собрание гвардии, армии и флота. Сам императора и сановники слушают речь

профессора Золотарёва, вещающего о внутренней политике Александра III, по чьему повелению было заложено офицерское собрание.

Лектор переходит к вопросам внешних сношений — и обрушивается с жаром на прогерманскую политику Миротворца. В передних рядах, среди придворных, раздаются возмущённые шёпотки и глухой ропот, специально, демонстративно двигают стулья, переговариваются, недобро, с гневным прищуром посматривают на профессора. И, после речи, — подходящий к профессору Золотарёву Николай II, горячо благодарящий за правдивую характеристику правления его отца…

Экзамен. История военного искусства. Ваграмское сражение. Деникин рассказывает некоторое время о ходе сражения, как вдруг его прерывает экзаменатор, Баскаков.

— Начните с положения сторон ровно в двенадцать часов.

Антон Иванович силится вспомнить, было ли что-нибудь значительное в это время, однако ему кажется, что никакого перелома не было. Поэтому экзаменуемый начинает сбиваться, всё никак не может подступиться к этому моменту, Баскаков раздражён.

— Ровно в двенадцать часов.

Снова то же самое.

— Быть может, Вам ещё с час подумать нужно? — бесстрастный голос и презрительный, морозный взгляд поверх собеседника.

— Совершенно излишне, господин полковник, — комиссия потом, словно издеваясь, дала Деникину шесть с половиной баллов, когда для прохода на второй курс требовалось семь. Пришлось начинать заново…

Мукден. Японцы стреляют по позициям одной из дивизий Конного отряда. В наблюдательный пункт, установленный в относительно безопасном месте, приезжает запыхавшийся, растерявшийся Баскаков раз за разом приезжает, чтобы узнать, "как думает Антон Иванович" по поводу манёвров японцев. И так до того, пока не попал под жаркий огонь пулемётчиков из Страны восходящего солнца. Деникиным овладело удовлетворение от встреч как расплаты за тот двенадцатый час Ваграма…

Антон Иванович так и не был причислен к генеральному штабу: за характер. Поднявшийся против порядков, царивших в Академии, в самих верхах Военного министерства, он не смог победить систему. До самой весны тысяча девятисотого года он боролся за вполне заслуженное место, а затем вернулся в свою бригаду…

А там, с появлением нового командира, настал новый порядок: даже карточную игру, штос, прекратили: генерал Завацкий однажды прямо сказал, что не позволит азартной игры среди батарейных офицеров. Сперва штос нашёл пристанище в холостяцких квартирах за зашторенными окнами, но не прижился и там, окончательно сгинув. Даже на гауптвахту при Завацком не сажали, хотя многие предпочли бы это наказание, чем разговор в течение нескольких часов в кабинете генерала:

— Перспектива незавидная. Легче бы сесть на гауптвахту. Это — человек, обладающий какой-то удивительной способностью в безупречно корректной форме в течение часа доказывать тебе, что ты — тунеядец или держишься не вполне правильного взгляда на офицерское звание, — рассказывал потом один из товарищей Деникина, вытиравший струившийся со лба пот…

В один из дней тысяча девятьсот первого года Антон Иванович отправил письмо Куропаткину, военному министру, поведав всю подоплёку истории его мытарств в Академии. Не ожидая какого-либо эффекта, Деникин снова вернулся к бригадной службе. И какого же было его удивление и радость, когда в канун тысяча девятьсот второго года товарищи из Варшавы прислали горячие сердечные поздравления "причисленному к генеральному штабу капитану Деникину". Письмо Куропаткину дошло, тот отправил его в Академию — а летом уже тысяча девятьсот второго года Антон Иванович был переведён в штаб второй пехотной дивизии, расквартированной в Брест-Литовске.

Солдату тогда жилось невероятно тяжело. От Архангельска до Кавказа обмундирование было одинаковым, никаких ассигнований на тёплую одежду до русско-

японской войны не выделялось, и шинелишка была одинаковой и для зимы, и для лета. Чтобы хоть как-то справиться с этим бедствием, в частях заводились суконные куртки, перешитые из изношенных шинелей, а в кавалерии — полушубки.

Спали на деревянных нарах или, иногда, отдельных топчанах, на которые стелились соломенные тюфяки и подушки без наволочек. Одеяла были пределом мечтаний для ротных командиров: опять же, никакого снабжения ими предусмотрено до тысяча девятьсот пятого года не было.

Бывало, и били: за мелкие проступки. Однако с военной реформы и до тысяча девятьсот пятого года телесное наказание допускалось лишь в отношении солдата, которому был вынесен приговор суда, переводивший виновного в разряд "штрафованных". Здесь мы обогнали англичан: те отменили рукоприкладство только в тысяча восемьсот восьмидесятом году для армии, и в тысяча девятьсот шестом году — для армии. А уж как измывались немцы и австрийцы над рядовыми…Германцы выбивали зубы, разрывали барабанные перепонки, заставляли слизывать пыль с сапог, есть солому. Австрийцы практиковали "подвешивание": провинившегося солдата со связанными, скрюченными привязывали к столбу так, что только кончики больших пальцев доставали до земли. Бывало, заковывали в кандалы так, что правая рука прикручивалась к левой ноге, и человек в согнутом положении проводил по пять-шесть часов…

Но была ли армия пропитана ненавистью к офицерству? Об этом можно спросить японских врачей, которые не нашли другого способа спасти ногу пленного русского офицера от ампутации, как только прирастить кусок живого мяса. Вызвалось двадцать человек, а выбор пал на Ивана Кантова: тот позволил вырезать у себя кусок мяса с ноги без снотворного и обезболивающего…

Грянула русско-японская…Больной, с порванными связками, Деникин подаёт рапорт с просьбой отправить его на фронт. В первый раз штаб округа отказал, сославшись на отсутствие указаний свыше. Во второй раз спросили, владеет ли Антон Иванович английским языком. "Английского языка не знаю, но драться буду не хуже знающих". Молчание. Наконец, начальник Деникина отправил частную телеграмму в Главный штаб — и Антон Иванович наконец-то отправляется в Заамурский округ пограничной стражи.

Ехать Деникину довелось в одном поезде с адмиралом Макаровым, который запомнился капитану характерной русской внешностью, окладистой бородой, светившимися добротой и умом глазами, верой в победу и русского солдата. Вторым именитым спутником оказался генерал Ренненкампф, который стал известен благодаря Китайскому походу. Молниеносным броском к Гирину, второму по размеру и населению городу Манчжурии, всего с тысячей казаков и маленькой батареей, он заставил китайский гарнизон сложить оружие и раскрыть ворота крепости. Было невероятно смешно смотреть на горстку казаков, окружённую со всех сторон пленными китайцами. Здесь же корреспондентом от "Русского инвалида", официальной газеты военного министерства, ехал подъесаул Краснов, будущий командир корпуса, воевавшего с большевиками под Петроградом, донской атаман, а позже — ярый сторонник Германии, чьи произведения стали любимым чтивом верхов нацистского руководства…

Роковой поезд. Адмирал Макаров и практически весь его штаб погибли, генерал Ренненкампф оказался ранен, множество его штабных убиты, несколько корреспондентов пали под Порт-Артуром…

Деникин, прибыв на место службы, понял, что судьба закинула его даже не на второстепенный театр военных действий. Тонкой паутиной расположившиеся вдоль дорог, четыре бригады пограничной стражи состояли в основном из казаков и офицеров-добровольцев. Смелые, бесшабашные, прекрасно знакомые с местностью, любящие "погулять", но отменно смелые, без робости идущие в бой с многократно превосходящим противником. Служба здесь была очень своеобразна. Первым делом требовалось умение отличить подходящего по дороге китайца: простой ли рабочий или же солдат. Нижние чины китайской армии одевались так же, как и простонародье, имея лишь некоторые,

малоприметные знаки отличия. Просто все деньги, выделяемые казной на форму, присваивали офицеры.

Одинокая дрезина, ползущая по железнодорожному полотну. Где-то вперед, на насыпи, бредут трое китайцев с ружьями.

— Что это за люди? — спрашивает Антон Иванович, прикрывая глаза от яркого солнца ладонью.

— Китайские солдаты, — отвечает, ничтоже сумнящеся, командир бригады.

— А как Вы их отличаете?

— Да главным образом потому, что не стреляют по нам, — широко улыбается бригадный…

Но далёкий от настоящей войны край был не для Антона Ивановича Деникина. Только очень своеобразная удача помогла ему: в более тихое место попросился один из офицеров Ренненкампфа. В его отряде было очень сложно уберечь голову. Но что нужно для молодого капитана?

Деникин попал на должность начальника штаба Забайкальской казачьей дивизии в относительное затишье, получив возможность очень хорошо ознакомиться с бытом солдат и офицеров. Спали в землянках, покрытых гаоляновой соломой, с чадящими "каминами" из найденных неподалёку камней. Многие месяцы, проведённые в таких жилищах, когда термометр показывал под двадцать градусов мороза, не располагали к хорошему настроению. Согреться получилось только в бою. Деникин и сам не заметил, как получил боевое крещение. На привале Антона Ивановича от написания доклада в штаб армии всё время отвлекал какой-то свист, писк, словно от крупных комаров или мелкого шмеля. Генерал Ренненкампф, с улыбкой, заметил, что японцы в этот раз стреляют не очень и метко — их "шмели" так и не попали ни в одного человека…

После этого череда поражений, позорных отступлений и яростных атак. Раз за разом лишь самую малость не хватало для победы над "самураями". Пал Порт-Артур. Мукден окончился горьким разочарованием. Генерал Куропаткин, командующий манчжурскими армиями, так и не смог отделаться от навязчивого пристрастия к отступлениям в решающие моменты боя. Во многом из-за его ошибок правительство так и не спросило мнения армии, когда решило подписать мир. Может быть, тогда бы дипломаты пошли на меньшие уступки, узнав, то после Мукдена японцы целых шесть месяцев не могли перейти в наступление из-за потерь, а в ряды армии набирались уже старики и дети. Но всё равно, Россия устала от войны. Так устала, что забурлила, загноилась раной революции. И эта рана прорвалась на Дальнем Востоке, когда Деникин возвращался домой.

Из-за фактического захвата поездов демобилизованными солдатами, приходилось часами и даже днями стоять без движения. Слабые, нерешительные, напуганные разгулом толпы начальники железной дороги и командующие гарнизонами, коменданты крепости подпадали под власть всюду появлявшихся комитетов солдатских и рабочих комитетов. И это при том, что в руках военного командования находились верные, опытные части…

Приходилось брать ситуацию в свои руки. Офицеры и солдаты в составе, на котором возвращался Деникин, арестовали особо рьяных "революционеров", назначили вооружённые револьверами дежурные части в вагоны и "взяли под контроль" нескольких машинистов. Те сами вызвались вести паровоз, но попросили, чтобы со стороны это выглядело, как будто их удерживают силой: чтобы совсем не положительно настроенные демобилизованные не сотворили чего-нибудь. Они попросились где-то под Самарой, когда состав остановился у семафора из-за забастовки машинистов. В Петербург Антон Иванович вернулся только под сочельник.

Столица наконец-то пришла в себя, отдав решительные приказания по усмирению беспорядков. Ренненкампф, выйдя из Харбина, обычно гнал особо рьяных запасных километров двадцать-тридцать по сибирскому морозу. После чего те вмиг забывали о "крамоле", дума лишь о тепле да сытной еде. А из Москвы навстречу выехал генерал Меллер-Закомельский, огромной кровью усмиряя дорогу от Москвы до Читы, ставя в вину

Ренненкампфу его "миролюбивый" нрав.

Только гром поражения да лопнувшие гнойники первой революции заставили правительство опомниться и начать преобразования в стране и, особенно, в армии. А ещё поколебали веру офицеров в своё призвание, в верность стези, ими выбранной, повлёкший за собой чуть ли не бегство из армии командного состава…

В Петербурге Деникина ждал очередной "сюрприз": не дожидаясь прибытия возвращающихся из Манчжурии офицеров, заместило все должности младшими по службе, не участвовавшими в войне, или же "воскресшими покойниками". Так стали звать тех, кто давным-давно прибыл с театра военных действий и так туда и не вернулся, пока не был подписан Портсмутский мир. Место Антона Ивановича оказалось занято, и ему пришлось пробыть "на временной должности" целый год, ожидая предоставления обещанного места начальника штаба дивизии. Снова потянулись хмурые будни. Сходили с ума от оскорблений начальства генералы, доказывая, что наследником Николая II является Пётр I, начались нападки прессы на засилье иностранцев в армии (национальности не указывали при анкетировании в армии, только веру — и неправославных среди генералов было чуть больше десятой части. Погиб Столыпин, по которому скорбела половина страны — другая же половина его осуждала и припоминала все настоящие и выдуманные "грехи". А потом прогремел выстрел в Сараево, ставший зарядом взрывчатки под хлипкой конструкцией европейского мира. Всего лишь выстрел террориста — а он повлёк за собой миллионы смертей. Вот что случается, когда кто-то желает использовать благие намерения как покрывало над желанием добиться собственной выгоды.

Выстрел стал началом для цепочки выступлений, более похожих на плохо скрываемый фарс: германский посол объявил Россию в подготовке к войне, указа о которой даже не было подписано. В ответ на предложение решить всё на Гаагской конференции — заявление о том, что вся тяжесть ответственности теперь лежит на Николае II. А он всё пытался смягчить последствия, всё старался вывести Германию из войны. Не получилось.

У нас не было нормальных планов развёртывания войск. У нас не было достаточного запаса боеприпасов. Не было планов мобилизации военной промышленности и источников пополнения военных запасов. У нас много чего не было: как и всегда, в общем-то, как во всех войнах, которые мы вели за многовековую историю. Но всё равно, мы шли в бой, чтобы побеждать — или умирать.

Август четырнадцатого года. Государственная дума, литовцы, латыши, поляки, евреи, эстонцы, финны — вся империя поднялась, откликнулась на манифест императора. Это был единый порыв сотен народов и миллионов человек. Никто не думал, то победу нельзя будет взять вместе с ключами от Берлина в считанные месяцы или хотя бы за год…

Наступление в Восточной Пруссии, окончившееся Мазурскими болотами. Горькое поражение. Но именно после него французский маршал Фош сказал, что "если Франция не была стёрта с лица Европы, то этим прежде всего мы обязаны России" и сотням тысяч загубленных жизней. Блистательное наступление в Галиции и Карпатах против Австро-Венгрии, едва не поставившее соседку на колени. Взятие без единого выстрела Львова и почти без сопротивления Галича. Деникин более не мог спокойно находиться в штабе, и ушёл в строй. Он чувствовал, что сможет сделать намного больше для победы над врагом, если будет воевать не на картах, а в реальной жизни. Антона Ивановича назначили в Железную бригаду — "пожарную команду", не раз "тушившую пожары" германских и австро-венгерских атак. Встреча с Корниловым. Галицийская битва, унёсшая двести тридцать тысяч жизней русских солдат и обескровившая австрийские войска. А потом — Великое отступление. Россия кровью платила за устойчивость Западного фронта англичан и французов. Слишком большой кровью. Бывали ясные моменты: например, взятие Луцка…

На письменном столе в маленькой комнате лежал листок телеграммы.

"Корпус занял Луцк и…"

А внизу — резолюция почерком генерала Брусилова, более походившая на шутку: "И взял там в плен генерала Деникина". Две боевые части спорили за право называться

покорителями города. Но именно бригада Деникина смогла взять вражескую крепость…

А потом, после Великое отступления — Брусиловский прорыв. Многие не уставали повторять, что дух Суворова решил спуститься с небес на землю и всё-таки помочь своим потомкам в этой войне. И — второй Луцк. Один из пленных австрийских офицеров, дрожащим голосом, затягиваясь сигаретным дымом, нервно, чуть ли не истерично, рассказывал ведущему допрос офицеру, что ничего не может понять.

— Ни теоретически, ни практически сделать этого было невозможно. Ваши солдаты — сущие дьяволы. По-моему, стоит нашей армии теперь соорудить гигантскую доску и на ней написать, что ни в коем случае, никогда больше нам нельзя воевать с Россией…

Легендарная Стальная дивизией немцев сошлась с героической Железной дивизией Деникина. В обеих частях лишь немногие могли после боя держать в руках оружие. И уж затем Деникин снова ворвался в Луцк. А потом его заметили — и отправили на Румынский фронт. Как обычно, приходилось ценой солдатской жизни вытягивать из пропасти союзников…

А под гром снарядов и пушек разыгрывалась другая, совершенно иная история: история любви "старого" офицера и потерявшей возлюбленного корнета, бросившей исторический факультет девушки Аси…

— Господи, почему сейчас хотя бы в тылу не может быть спокойствия? — воскликнул в сердцах Антон Иванович, пробежав глазами заголовок газеты. А ведь Кирилл предупреждал, что события могут пойти по такому руслу. Предсказал? Или подстроил…

Глава 8

Кирилл Владимирович смог оценить отличия "Красной стрелы" от её предшественника, курсировавшего между Петроградом и первопрестольной. И надо сказать, Сизову невероятно понравился именно "предок". Может быть потому, что и вагон был весьма и весьма неплох. К сожалению, времени на получение удовольствия от поездки, рассматривание зимних пейзажей в окно и потребления чая (или чего покрепче) у Кирилла не было совершенно. Всё время шло на обдумывание и планирование. Сизов с горькой усмешкой подумал, что так он недолго и до празднования успеха его "операции" среди карт и схем за столом кабинета: найдётся, над какой ситуацией пораскинуть мозгами.

Итак, что же было в наличии у Кирилла: он даже стал загибать пальцы. Первое. Никки невероятно разозлился, узнав о том, что третий в ряду наследников престола явно интриговал с оппозицией, при этом едва ли не отдав Богу душу. Император, дабы хоть как-то унять, к сожалению, далёкие от лени языки столичного общества и газетчиков, направил Кирилла в Москву и далее, в Тулу. Со стороны это должно было выглядеть как инспектирование промышленности и готовности её к снабжению летнего наступления русской армии. При этом "интриган" должен был ознакомиться с идеями некоторых инженеров, предлагавших для армии свои нововведения. Первым делом те должны были поступить в Гвардейский экипаж и, как ни странно, жандармерию с полицией. Кирилл мысленно пожал руку родственнику: Николай всё-таки внял голосу разума (или запискам черносотенных кругов), решив усилить более или менее надёжные части в Петрограде.

Второе. И это тоже не менее важно: за Сизовым, скорее всего, теперь ведётся слежка контрразведки или Охранки. Кириллу с этих пор придётся вести себя как можно более осторожно.

Третье. Вот это как раз более или менее приятно: Львов, а вслед за ним Гучков и, вероятно, Керенский, охотнее поверят в желании Кирилла Владимировича встать под знамёна демократии. Ну как же, родственники не доверяют, слежку назначают, и это — ревнителю блага для империи? То есть, конечно, блага в понимании думской оппозиции.

И, наконец, чётвертое, самое приятное: у Сизова теперь развязаны руки в деле снабжения Экипажа оружием. Кирилл помнил, что есть в Москве несколько людей, которые

могут предложить невероятно интересные образцы вооружения для армии. Конечно, понадобится вся изворотливость, хитрость и выдержка, чтобы провернуть это дело…

И тут у Кирилла заболела голова: верный признак того, что сознание Романова, дремавшее до того, начинало просыпаться. Так иногда бывало. За приступом головной боли, ввинчивающейся в виски ржавой отвёрткой, приходили образы, мысли, имена, названия предметов, но хуже всего были воспоминания. Иногда Романов "просыпался", когда сон одолевал Кирилла Сизова. Тогда Кирилл Владимирович погружался в прошлое претендента на престол Российской империи, становился свидетелем былых событий. Мчался на скорости по кручам (кажется, это была Италия), тонул в холодном, бурлящем, полном смертью море, боролся за свою любовь к Даки. Сложнее всего Сизову было чувствовать себя участником борьбы Кирилла Романова во имя великого чувства к этой "немке". Страсть, забота, любовь, тепло, быстро-быстро стучащее сердце, невидимые глазу крылья, вырастающие при одной мысли о Даки, — и завеса непонимания, презрения к человеку, нарушившему древние устои. А Кириллу Романову было всё равно, он боролся за свою любовь. И в конце концов победил.

На этот раз — пришли мысли, предлагающие простое решение всех проблем.

"Да расстрелять всю шайку-лейку большевицкую да думскую — и вся недолга. Нечего плести кружева интриг, когда можно решить всё быстро и красиво" — предлагал Романов.

"Отрезав голову гидры и не прижечь огнём — значит дать вырасти двум другим. Уничтожь Львова или даже Керенского, проблем не решить, а только прибавить. Если хоть один волос упадёт с их голов, тут же поднимется кровавая волна. Дума, кадеты, трудовики и многие другие, подгоняемые собственным желанием отомстить и настойчивыми толчками в спину масонами, создадут анархию. Императорская семья, которая сейчас в Петрограде, будет поднята на штыки или же брошена в тюрьму: всё потому, что именно Романовых обвинят в смерти будущих лидеров революции".

"Тогда надо устранить тех, кто сможет подняться, едва главари окажутся в аду. Руководство, партийных деятелей, "капралов" большевиков и эсеров с меньшевиками, ложи. Люди просто так не возьмут да поднимутся на революцию. На бунт — да. А революции кто-то готовит, так ведь?"

"Да. Но я не могу дотянуться — пока не могу — до тех, кто организовывает это дело. Ни до фирмы Гельфанда в Швеции и Дании, которая снабжает через кредиты большевистскую партию, ни до пьющих их любимый напиток, пиво, Каменева с Лениным и компанией, ни до Имперского банка и Генерального штаба Германской империи. Да, мне известны некоторые их агенты. Но пока что рано, можно вспугнуть. А голову гидры надо отрубать и жечь калёным железом"

"Каким же образом?"

"А я их выманю. Надо собрать их в России. За границей не доберёшься, у меня просто не будет шансов ударить по тем людям, что разваливают армию и страну всё сильнее и сильнее. К тому же надо будет действовать быстро. Если начать уничтожать ячейки — руководство заляжет на дно, и мы потеряем шанс его достать. Если убрать только руководство, и не уничтожить в кратчайшие же сроки его агентов — подчинённые рассеются по империи и заграницe, и через некоторое время снова начнутся волнения. Нужно создать организацию, которая смогла бы дотянуться и до голов гидры, и до её хвоста, запечь её надо всю в одной печке за один раз. Иначе смысла в этом я никакого не вижу. Но! Даже устранив политическую оппозицию, но не сделав ничего, дабы успокоить народ, улучшить его жизнь, привести к победе в кажущейся бесконечной и бессмысленной войне — мы проиграем. Без мощных реформ, ломки существующего строя, выпаривания и выплавки из всего этого шлака золотых гранул, всё просто рухнет на наших же глазах. И мы будем виноваты. Всё будет бессмысленно"

"Людей нельзя изменить за считанные дни. Как и реформ нельзя провести за неделю-другую"

"Да, но подарить надежду на лучшую жизнь, начать изменения, что-то стараться делать

— это тоже важно. И Временное правительство, и большевики победили во многом благодаря тому, что дали надежду народу на другую жизнь. Это так просто, что очень сложно до такого додуматься. Надежда. Надежда на лучшее, на изменения. Вот что нужно"

"Но все-таки, как ты надеешься избавиться от руководства? Разыграешь нападение метальщиков-эсеров, выстрелы из-за угла, взрыв транспорта?"

"Всё намного проще. Будут аресты. Уверен, что к этому времени смогу добиться достаточного влияния на контрразведку: предоставлю доказательства. Вернее, укажу на тех и людей и те места, где можно найти столько материала, что хватит на сотни смертельных приговоров"

"Ты думаешь, что этого бы и так не сделали, у тебя, в твоей истории? Но что-то ведь помешало"

"Да. Глупость или измена — вот что помешало. А ещё трусость, много-много человеческой трусости и слабости. Я же доведу дело до конца"

"Народ вступится"

"Ошибаешься: я покажу народу правду. Ту правду, которая сейчас нужна, те сведения, что являются для меня истиной. Люди будут читать и хвататься за сердце, их кулаки буду сжиматься, когда они поймут, как их всех хотели использовать. А ещё нужно будет чистосердечное признание некоторых "генералов" партии. Мне только нужно суметь направить события в нужное русло, повлиять на Временное правительство. И я знаю способ"

"Какой?"

"Ложь. На время мне придётся стать изменником, на взгляд стороннего человека, конечно, своих же идеалов. Надо будет великолепно играть".

"Но где же твоя честь? Романовы…"

"Моя честь там же, где миллионы людей, погибших в братоубийственной войне, умерших от голода, в то время как зерно продавали за границу, вывозили вагонами золото и драгоценности, и всё для того, чтобы накормить германскую и австрийскую армию. Вот где моя честь"

"Я с тобой" — Романов снова "уснул". Сизов же, подавив стон боли, осел на сиденье. Эти мысленные разговоры требовали невероятного количества энергии. Кирилл взглянул в окно поезда. Приближалась первопрестольная.

На вокзале Кириллу Владимировичу устроили не то чтобы пышный и радушный, но всё-таки тёплый приём. Как же, в годину испытаний царствующий дом не забывает о "простом" народе, который, обливаясь потом в своих соболиных шубах, собрался приветствовать третьего в ряду наследников престола. Сизов окинул взглядом перрон, приметил нескольких человек "в штатском" (скорее всего, это были "встречающие" от местного охранного отделения), криво улыбнулся и шагнул на землю древней столицы России.

Отцы города, генерал-губернатор, несколько офицеров гарнизона и с десяток чиновников от всяческих отделов по снабжению рассыпались в приветствиях, заверениях дружбы, радости от того, что наконец-то столицу посетил в такую трудную минуту один из членов царского дома, и прочее, прочее, прочее.

Кирилл Владимирович подумал, что и в советское, и в федеративное время подобные события мало чем отличались. Разве что форма менялась да названия чинов принимающих "дорогого гостя". Сизов даже с улыбкой представил себе, как бы это всё разнообразить. Конечно, без вездесущего цыганского табора с "К нам приехал наш любимый" нельзя было бы обойтись, да ещё от десятка-другого гимназисток и институток с цветами и чепчиками, которые непременно должны падать на гостя. Затем бы вместо посещения присутственных мест или пышных банкетов можно было выбраться на пикник к Москва-реке или Воробьёвым горам, причём прихватив и институток с гимназистами, и табор, но оставив как можно больше чиновников. К сожалению, даже император не смог бы ничего такого сделать, "моветон-с". Кирилл вздохнул, стараясь, чтобы на его лице держалась как можно более широкая улыбка. Если уж играть радость от встречи — то играть до конца и во всём. Пусть

думают, что попавший на передовицы всех столичных газет Романов и сам рад отправиться подальше, пообождать, пока шумиха спадёт, или когда для газетчиков появится нечто поинтересней.

А завтра предстояло вплотную заняться делом. Да так, чтобы никто и не догадался, что сам Кирилл Владимирович всемерно заинтересован в общении с инженерами и заводчиками в поставках вооружения для Экипажа. Вот смеху бы было, узнай все остальные, что Сизов и сам невероятно рад отправиться в Москву и Тулу. Как всё же хорошо получилось! Улыбка от этих мыслей становилась всё менее дежурной, а всё более — заговорщицкой. Играть — так играть. А лучшая игра- это жить. Так что — жить, жить и быть недалёким третьим в очереди претендентом, попавшем в политическую "передрягу", а не будущим творцом судьбы империи…

— Пулемётный расчёт, очередью, пли! — и тут же раздался треск пулемётной очереди.

Восемь "виккерсов", крепко стоявший на своих трёх "ногах", мерно выплёвывал град патронов в какую-то металлическую чешуйчатую пластину, или, если смотреть поближе, кирасу.

Обычно те, кто впервые видел творения подполковника Чемерзина, насмехались над "железкой". Но после первой же демонстрации им приходилось молча взирать с распахнутыми ртами на панцирь, который с трёх сотен шагов пробить пулемёты просто не могли. Их ещё в июне тысяча девятьсот пятого продемонстрировали в действии Николаю II в Ораниенбауме, и самодержец распорядился отправить на Дальний Восток первую партии "броней". Не успели они в срок…

Затем несколько партий изготовили для резерва столичной полиции, отправили около пяти тысяч "доспехов" в Варшавскую крепость — и благополучно позабыли. Как обычно, чиновники оценили жизнь солдата дешевле, чем стоимость панциря. Однако Сизов решил первым делом наведаться именно сюда, в департамент Московской полиции. Осмотрев сохранившиеся комплекты, Кирилл Владимирович потребовал нового испытания, желая лично убедиться в том, что Сизов читал только в книгах, а Романов слышал со слов очевидцев прошлых стрельб.

Сизов сглотнул, увидев, что пули застревают в обшитом шёлком панцире, не разлетаясь в стороны и не создавая даже трещин в металле. Кирилл всё-таки ещё не готов был поверить, что такого эффекта смогли добиться. Дело решил случай: кто-то из чиновников министерства финансов (целую делегацию направили в Москву вместе с проштрафившимся командиром Экипажа) заикнулся, что панцири слишком дорогие, и что жизнь солдата дорого обойдётся казне, и так влезшей в долги. Один такой обошёлся бы примерно в четыре-пять тысяч рублей. И тогда в Кирилле воспылал инстинкт "сделать назло".

— А ну-ка, подайте мне лёгкий панцирь, от револьверных пуль. Любой, можно даже не по размеру, — стараясь сдерживать воинственные нотки, попросил Сизов. Через мгновение он уже держал такой в руках.

Лёгкий, тонкий, пластинчатый, в чём-то похожий на лорику древнеримского легионера, обшитый шёлком, выглядел панцирь не очень надёжно. Кирилл Владимирович осмотрел его со всех сторон, попробовал поднять над головой — а затем быстро надел на себя. Ничего странного, начальство просто "игрушку пробует на зуб". И тут Сизов решил доказать, что ценнее, жизнь человека или несколько тысяч бумажек ассигнациями.

— Виктор Павлович, возьмите-ка револьвер, — обратился он к тому чиновнику министерства финансов.

— То есть, Ваше…

— Дайте Виктору Павловичу револьвер кто-нибудь, — в глазах плясали чёртики.

Кто-то всунул в руку вмиг побелевшего щуплого человека в очках, с прилизанными волосами и мутным взглядом, оружие.

— А теперь, Виктор Павлович, стреляйте. Ну же, стреляйте! — вот тут-то свитские, чиновники и представители полиции заволновались. Наверное, наконец-то догадались, что

что-то идёт "не по уставу".

— Но как же, как я могу, вдруг Вы, — министерский даже заикаться начал от страха.

— Немедленно! Нажмите на курок! Пли! — командный голос, или же рефлекс, или же страх сыграли своё дело, неизвестно, — но револьвер выстрелил.

Да, сильный толчок Кирилл Владимирович почувствовал, заболела левая часть живота: пуля, похоже, ударила неподалёку от ребра. Сизов снял панцирь, посмотрел недоверчиво на нетронутый китель, а потом начал смеяться: пуля застряла в металле.

— Вот видите, Виктор Павлович! И как думаете, что ценнее, моя жизнь или несколько тысяч рублей? А жизни других я ценю не менее, чем свою. Надеюсь, мой Экипаж получит ассигнования на покупку достаточного количество панцирей?

— Д-да, я н-надеюсь, — Виктор Павлович закрыл глаза и начал заваливаться на спину: обморок…

Тула разительно отличалась от Москвы: никакой первопрестольной, мещанской лени и медлительности, вороха чиновников разных мастей. А главное не было седовласого дворянства, заверяющего в преданности режиму, а всего через несколько недель уже готового "переродиться" в опору демократии и республики. К тому же свита Кирилла Владимировича заметно сократилась: множество под разными предлогами задержалось в Москве, памятуя о случае с чиновником министерства финансов Виктором Павловичем Душегубиным.

Да и обстановка на Императорском Тульском оружейном заводе оказалась очень деловой. Кирилла Владимировича Сизова встретило начальство завода и несколько инженеров, а также с десяток изобретателей и самородков, желавших показать свои творения. Казавшийся невнимательному человеку скучающим в этой обстановке Кирилл взирал на станки, рабочих, трудившихся на благо империи, собиравшим оружие (в жутких, конечно, для современника Сизова условиях), и внезапно оживился. Он всмотрелся в лица двух "самородков", что-то безуспешно пытавшихся доказать заводским инженерам. Черты этой пары показались Кириллу очень знакомыми. Где же он их видел? Внезапно в голове пронеслись схемы пулемётов и пистолетов, всплыли в памяти кадры хроник какого-то очередного Съезда, вручение наград, заводские собрания, бегущие в атаку советские солдаты, платящие своей жизнью за свободу Родины… Точно! Кирилл узнал тех двух самородков. Худое лицо, заострённые уши, военная, даже кавалерийская выправка, длинный и тонкий нос, внимательные и любознательные глаза, задумчивое выражение улыбчивого лица, выпирающий кадык, левая бровь поднимается при разговоре выше правой. Одним из тех самородков был Фёдор Васильевич Токарев, из донской казачьей семьи, в четырнадцатом году практически успевший провести испытания винтовки собственного образца (он даже своими руками её собирал, изготавливал детали!), но — пришла война. А затем служба есаул, командование сотней двадцать девятого Донского казачьего полка, возвращение на завод в Сестрорецке. Похоже, Токарев приехал сюда специально для того, чтобы всё-таки суметь "пробить" изготовление винтовок. Вторым же "самородком" оказался Василий Алексеевич Дегтярёв: широкое волевое лицо, пристальный взгляд маленьких глаз, мощный подбородок, выгнутые колесом брови. Этот потомственный оружейник оторвался от работы над проталкиванием наверх своего автоматического карабина под японский патрон. Целый год мучений, и тишина в ответ. Что ж, немудрено, что Василий Алексеевич решил попробовать счастья и пробиться к представителю царствующего дома. И был немало удивлён, как и Фёдор Васильевич, когда к ним первым подошёл Кирилл Владимирович Романов, кивнул, как старым знакомым, отправил заводского инженера за бумагой и химическим карандашом.

— Как продвигается работа над вашей винтовкой, Фёдор Васильевич? А что получается с карабином, Василий Алексеевич? Как вообще оцениваете положение дел в стране? — Кирилл Владимирович внимательно посмотрел в глаза оружейникам. — Только попрошу Вас быть предельно откровенными. Мы не на празднике, чтобы слушать хвалебные речи, и тем более не на похоронах, чтобы не говорить о плохом. Хотя…скоро может и до

этого дойти.

— Неимоверно сложно продвигается, — первым пришёл в себя от неожиданности Токарев. Здесь, наверное, сыграла врождённая уверенность, нередко переходящая в наглость, казаков, на равных говоривших и с Богом, и с царём. — Боюсь, дела обстоят не лучшим образом. Нет, конечно, всё не так плачевно, как в пятнадцатом, не приходится нещадно напрягать силы для производства огнеприпасов. Но всё равно — сложно.

— Однако я всё-таки думаю, что в предстоящем наступлении патронный и винтовочный голод всё-таки не будет так остро чувствоваться, — продолжил Дегтярёв.

— Что ж, это всё-таки обнадёживает, — Кирилл как раз выхватил из рук вернувшегося инженера бумагу и карандаши, разложил их на столе с неработающим станком и начал чертить какие-то схемы.

Натренированная многолетней работой в КГБ и ГРУ память услужливо подбрасывала Сизову одну за другой схемы из книг по германскому вооружению времён окончания Первой мировой. Кирилл сильно заинтересовался тогда тем оружием, которое, появись на год-два раньше, вполне могла бы изменить ход противостояния не в лучшую для стран Согласия сторону.

Дегтярёв и Токарев с замиранием сердца смотрели на создаваемые прямо на из глазах чертежи. Даже при первом взгляде оказывалось ясно, что задумка невероятно смелая, но притом и довольно-таки простая.

— Господа, посмотрите, перед Вами — конструкция, основанная на германском пистолете "Парабеллум". Сейчас противник только-только начинает вплотную заниматься этим оружием. Здесь используется патрон Бергмана калибром девять миллиметров, при этом основная идея здесь — неподвижный ствол и свободно движущийся затвор, можно спусковой механизм настроить на одиночный и непрерывный огонь, затвор служит к тому же и курком. Представьте, что когда солдат нажмёт на спусковой крючок, пружина затвора двигает его вперёд, выталкивает патрон, разбивая затем в патроннике капсюль. И затворная, и боевая пружина совмещены в одну. Знаете, как в пистолете Браунинга тысяча восемьсот девяносто седьмого, только несколько проще и лучше. Но есть и целая плеяда недостатков, — Сизов говорил это без остановки, без передыха, он хотел полностью завладеть вниманием и умами оружейников.

— Например, необходимо коробочный магазин заменить барабанным, этак на пятьдесят патронов, приходится носить множество огнеприпасов с собою, слишком велика скорость их потребления. Также необходим второй человек, который подносит запасные магазины и детали. Но, думаю, это оружие того стоит. Что скажете, первые образцы можно сделать, скажем, за месяц-два? Уверяю, что всё необходимое я попытаюсь вам предоставить.

Повисло молчание. Дегтярёв и Токарев переглядывались, уйдя в свои мысли.

— Думаю, что попробовать можно. Кажется, это похоже на придумку итальянца Ревелли, так? — и снова Токарев был первым, кто прервал молчание.

— Да, да, именно, Вы угадали! — Кирилл улыбнулся. — Но тут всё намного лучше продумано. Итак, вы согласны? Учтите, нужно работать со всей возможной скоростью, отрешившись от внешнего мира. Но, я думаю, после удачных испытаний этого оружия ваши карабин и винтовка уж точно получат преимущество в очереди на производство.

Сизов решил подзадорить конструкторов. Он был уверен, что и Дегтярёв, и Токарев увлекутся новой идеей, особенно когда в обмен на её реализацию им обещают "путёвку в жизнь" для их собственных изобретений.

— Думаю, попробовать можно. Но нужны производственные мощности, станки, мастера, деньги, в конце концов. И, конечно же, любая забастовка может надолго остановить работу, — наконец изрёк Дегтярёв. Итак, Кирилл одержал очередную маленькую победу в войне за русскую славу…

— Я считаю, что всё это как раз самое простое. Обещаю, что всё это будет вам предоставлено, я поговорю с Его Императорским Величеством и военным министром. Не думаю, что дело заглохнет. Итак, господа, помните, что у вас только месяц на создание

первых боеспособных образцов. Схема, как и мои соображения по её улучшению, у вас есть.

— Бог поможет. Уж ради этого можно и несколько ночей да в мастерской провести, — ухмыльнулся Токарев, шевельнув усами. В его глазах появился казацкий задор, с которым Степан Разин шёл на Персию, а гетман Наливайко громил поляков.

— Великолепно, господа, великолепно! Что ж, мою поездку можно назвать весьма и весьма удачной, — Кирилл однако подумал, что в несколько мест в Москве ему ещё предстоит посетить.

Но сперва — отправить телеграмму Никки, с просьбой поспособствовать помощи Дегтярёву и Токареву. Заодно и намекнуть, что в Босфорской операции, этом любимом плане императора, новое оружие должно сыграть не последнюю роль. Но нужно что-то делать и с разработкой Фёдорова. "Эх, — подумал Сизов, — и почему меня пораньше судьба не забросила? Как бы развернуться можно было!"

Кирилл Владимирович в великолепнейшем настроении направился дальше осматривать завод, а Дегтярёв и Токарев ещё долго стояли, склонившись над схемами, удивлённо цокали языками, затем бросали взгляды вслед Романову, возвращались к чертежам. И никак не могли понять, откуда такие тонкости в инженерном деле стали известны ничем особо не славившимся, кроме любви к автомобилям, человеке. Этот день навсегда перевернул мнение конструкторов по отношению к дому Романовых. В лучшую сторону. У них затеплилась надежда, что не всё потеряно для страны, что империя ещё "о-го-го!".

Глава 9

Кому-то могла показаться странной компанию, которую составил английский посол Джордж Бьюкенен лидеру октябристов Гучкову. Ну что, казалось, могли обсуждать английский лорд, потомок лидеров "партии короля", ещё в январе чуть ли не слёзно умолявший Николая II принять какие-либо меры для борьбы с ожидаемой со дня на день революции, настоятельно предлагающий (или даже требующий) либеральных реформ — и думский деятель накануне открытия очередной сессии Государственной Думы. А обсуждали они много чего интересного.

В сторону отставлены были бокалы с "Вдовой Клико", вазочка с печеньем и сладостями. Ужинать желания не осталось — требовалось поговорить о предстоящих и совершённых делах.

— Боюсь, этот Керенский до сих пор не отказался от вздорной идеи поднять рабочих на демонстрацию? — начал вкрадчиво лорд, прищурив глаза.

— Нет, на наши уверения в преждевременности этого шага Александр Фёдорович кричит направо и налево о том, что либералы не желают принять руку помощи трудовых масс. Керенский стоит на своём, он совершенно не хочет ничего и никого слышать, кроме идей левых о начале революции, — вздохнул Александр Иванович. Ему в голову отчего-то пришло воспоминание об англо-бурской войне. Знал ли он тогда, что вот так запросто будет разговаривать с послом короля, чьи солдаты взяли его, уволенного с КВЖД за дуэль молодого офицера, вместе с несколькими сотнями буров? И не только разговаривать, но и практически сотрудничать. Или, скорее, подчиняться. Деньги всё-таки (Александр Иванович лукаво улыбнулся) на дороге не валяются.

— И никак нельзя на него воздействовать через Ваших общих друзей? — Бьюкенен не стал упоминать масонов в разговоре, Гучков этого не любил. Всё-таки Военная ложа была не самой миролюбивой и открытой среди прочих. ВО многом из-за этого Александр Иванович скрывал свои связи с лидером думских трудовиков Керенским.

Сам Бьюкенен также был знаком с Александром Фёдоровичем, их даже вполне могли посчитать друзьями, лорду импонировала фигура Керенского, привлекала его возможность завладеть вниманием толпы, привлечь на свою сторону массы — и одновременно отталкивало желание бывшего присяжного поверенного быть вперед всех, руководить, возвышаться. Что-то в нём было от Оливера Кромвеля, может быть, желание завуалировать

свои политические амбиции заверениями в стремлении обеспечить интерес народа. Однако…однако даже иностранец понимал, что все эти обещания — вздор. Английский посол был прекрасно осведомлён о том, что Керенский в числе прочих социалистов поддержал состав "правительства доверия". Практически полностью "буржуазного". Такое могло произойти только в России. Во многом именно этому начинанию и был посвящён разговор Гучкова и английского лорда в тот вечер.

— Министр подтвердил, что Его Величество желает видеть Российскую империю конституционной монархией, поддерживающей знамя борьбы Согласия с Центральными державами до полной победы. Король и министры сомневаются, что этого можно добиться, если всё пойдёт тем же чередом. Все эти слухи о сепаратном мире, укрепляющийся с каждым днём отсталый режим, плетущийся в хвосте прогресса. Надеюсь, Вы понимаете, что намеченная операция должна произойти в конце сего месяца? Вам достаточно средств, предоставленных казначейством Его Величества?

— Думаю, что новых вложений не помешало бы. Видите ли…С недавних пор в наших глазах человеком, достойным стать одним из исполнителей нашей цели, теперь может быть не только Великий князь Николай Николаевич. В лице широких масс населения он всё-таки довольно далёк от будущего исполнителя. Да и известность его померкла по сравнению с прошлым временем. Глухой Кавказский фронт не располагает к такому же влиянию на общественное мнение, как тот же Таврический сад…

— Вы имеете в виду Кирилла? За ним нет авторитета в армии, насколько я знаю, — Бьюкенен сдержал удивления от новости. Что ж, к этому всё шло: и встречи контр-адмирала с думскими лидерами и деятелями Государственного Совета. Теперь в лице общественности Кирилл Владимирович мог оказаться и страдальцем за дело победы над "тёмными силами" и погрязшим во лжи и грязи режиме. Чего стоило только то, что он закрыл грудью Львова, этого "столпа демократии и народоправства". И, к тому же, одного из лидеров законспирированного комитета по подготовке к перевороту.

— Милорд, за нынешним режимом нет и столько зла, как пишут газеты, — заметил Гучков. Всё-таки сам Бьюкенен не должен был забывать, как мастерски оппозиция сумела направить слово репортёров против власти. Замалчивание побед — и раздувание неудач, простейшее решение, и оттого невероятно эффективное. Гучков, правда, морщился от одной мысли о газетёнке, финансировавшейся немцами. Та была уж слишком неудобна в создавшейся обстановке. — К тому же Кирилл будет целиком и полностью под контролем правительства и Согласия. Без авторитета он будет надеяться только на нас с вами да ещё верных делу свободы офицеров.

— В этом что-то есть. Однако Вы не боитесь, что кандидатура Кирилла вызовет народные волнения? Не нужны никакие демонстрации и массовые волнения. Только — переворот сверху, помните об этом, мы же столько внимания уделили этому вопросу.

— Если будет опасность возникновения волнений — мы сумеем их подавить. К тому же в крайнем случае остаётся кандидатура Михаила. За него стоит, как Вы помните, господин Милюков. Но…

— Да-да, я помню Ваши соображения против этой кандидатуры. Между тем, начнётся ли в срок операция по созданию пригодной нашему делу обстановки? Морис, — французский посол Палеолог, — волнуется, что мы теряем драгоценное время. Ещё чуть-чуть, месяц или два, и мы навсегда потеряем шанс на победу.

— Всё начнётся в срок, не волнуйтесь. Конечно, при условии, что Вы предоставите достаточно средств для осуществления нашей задумки.

— Можете не беспокоиться, Александр Иванович, — утвердительно кивнул лорд Бьюкенен, поднимаясь из-за стола. — Держите меня в курсе дел.

— Всенепременно, милорд, всенепременно, — Гучков пожал на прощание руку английского посла. Вот так запросто, за разговором двух приятелей, делались решения, что должны были повлиять на будущее миллионов.

Бьюкенен проводил гостя до выхода, где раскланялся с Гучковым и сел за доклад

министерству об обстановке в столице и Ставке. Лорд подумал, что зря Николай II ответил отказом на предложение немедленных реформ. "Мы с радостью проведём преобразования, которые нам предлагает наш родственник, но сперва ему следует ввести и поддерживать десяток-другой лет те учреждения, которые он нам так настоятельно предлагает" — это всё-таки было слишком грубо. Теперь не оставалось ничего, кроме "переворота сверху". Иначе Россия слишком усилится. Родная Англия может получить врага, опасней Германии многократно.

Александр Иванович обдумывал уже произошедшие события и только. Этот делец Рябушинский снова потребовал в обмен на деньги гарантий того, что после переворота будущее правительство проведёт реформы. Например, отменит указ царя о заморозке сделок с землёй и контроль производства некоторых товаров. Благо хотя бы присовокупил обещание не мешать промышленным комитетам саботировать поставки зерна и распределение продовольствия в столице. У Гучкова на лбу пот выступал от воспоминаний о том, как долго лидер октябристов спорил с Рябушинским о финансировании разработок Дегтярёва и Токарева. Кирилл Владимирович легко убедил и Львова, и самого Гучкова в том, что эти образцы пригодятся. Так, на всякий случай: вдруг не сумеют затушить беспорядки после переворота? Да и поддерживать порядок в стране с хорошо укомплектованными отрядами будет проще.

Ещё требовалось сообщить в Ставку, чтобы не мешали переброске частей Экипажа и нескольких румынских полков в Петроград. Николай давно требовал перебросить верные части в столицу: пусть, теперь получит желаемое. И не забыть напомнить, чтобы ни в коем случае не давали переводить гвардейские части на отдых к Царскому Селу. Слишком опасно для подготавливаемого дела…

А за несколько дней до того, на квартире Керенского, проходило в чём-то похожее на встречу Гучкова и Бьюкенена собрание. Только вот говорили там в совершенно ином тоне.

Александр Фёдорович, как и всегда, поднявшись, опёршись кулаками о стол, пытался убедить всех, что именно его план действий является верным и нужным народным массам.

— Бросив клич среди рабочих, позвав их к Думе, мы покажем единение трудового народа и вернейших сынов Отечества среди избранников народа. Нам никто не сможет противостоять: министры, эти ставленники Распутина и германские агенты, слишком глупы и слабы, чтобы что-то противопоставить трудовой массе. Люди будут требовать не только хлеба, но и изменения, воли, свободы, земли! Что противопоставит этому правительство? Ничего, господа и товарищи, ничего! Итак, кто за проведение демонстрации, за удар в мягкое брюхо гниющему режиму, гноящему народ?

— Мы за проведение, но не четырнадцатого, а десятого. Это будет символом, знаком того, что народ против суда над своими представителями от партии социал-демократов! — Керенского поддержал представитель от большевиков. — Мы за то, чтобы втоптать царский режим в грязь, единственное, чем он достоит и может править, за то, чтобы убрать теряющую силу в прениях и разговорах Думу, мы за то, чтобы пойти на Невский! Не нужно всех этих пустопорожних резолюций в пользу Думы и за правительство спасения страны! К чему это может привести? Только к новым разговорам, и всё. Нужно действовать, а не ждать. Если же выступление все-таки состоится четырнадцатого числа, то мы выступим, но — под другими лозунгами, откажем в поддержке нашим авторитетом демонстрантам, идущим к Думе ради пустых разговоров.

— Господа, это слишком опасно. Полиция возьмёт толпу в клещи и перебьёт. Вы можете себе представить кровь, которой окрасится набережные, тротуары и дорога у Таврического дворца? Это будет новое Кровавое воскресенье. И всё это — под стенами Думы. Несколько сотен полицейских, пулемёты — и смерть, господа, смерть! — Милюков говорил в таком запале, что даже не заметил, как у него на нос съехали очки. Он вообще не любил "преждевременности" — то есть активных действий. За это над ним нередко подсмеивались и даже подозревали в скрытых симпатиях к монархизму…

Группы людей, собирающихся в толпы: но ни на Невском, ни у Таврического. Требования изменений и нового правительства — под надзором полиции. Рабочие тужурки и кепки — наравне с шинелями и погонами прапорщиков. Улица и казарма становились одним целым, срастались в один организм. И это было страшно…

А в Думе — обвинения и пафосные речи о непонимании, отдалённости правительства от народных масс, отрешённости, страха.

А вне стен — обвинение, брошенное при встрече Керенским тому большевику, что выступил против общего выступления: "Вы разбили подготовленное с таким трудом движение демократии. Вы сыграли на руку царскому правительству". Александр Фёдорович бесновался, попутно ещё и обвинив саму Думу в том, что она разделяет с правительством страх перед рабочим классом…

Карл Маннергейм только-только вернулся с аудиенции у императрицы Александры Фёдоровны. Та невероятно сильно волновалась за здоровье слёгших с простудой Алексея, Ольги и Анастасии. Дети, однако, оживились, и даже обрадовались, когда в Царское Село прибыли солдаты четвёртого батальона Гвардейского Флотского экипажа под командованием Мясоедова-Иванова. Этот добродушный, верный делу монархии офицер не выразил никакого недовольства по поводу того, что отныне он подчиняется не Кириллу Владимировичу, а коменданту дворца. По прибытии Мясоедов-Иванов собрал всех офицеров и нижних чинов охранявших Царское Село частей и указал на то, что необходимо на каждое недоброе высказывание или даже намёк на Семью отвечать должным образом, парировать. "Хватит вставать под поток грязи, что на нас льётся из уст тех, кто не желает уходить на фронт или действовать на благо страны и победы". В этом он подчинился инструкциям, полученным от Кирилла Владимировича.

За день до этого он побывал у Николая и, как генерал свиты его Императорского Величества, смог добиться аудиенции. На его счастье, царь ещё в январе отъехал в Могилёв, поближе к фронту: обстановка напряжения и постоянная тревога, ожидание революции тяготили императора.

— Барон, я рад Вас видеть. Хоть одно уверенное лицо среди этой толпы трусов, — Николай II легко улыбнулся, завидев входящего шведа.

— Боюсь, я разочарую Вас, Ваше Величество. У меня тоже не так и много уверенности в сегодняшнем дне осталось. На моём фронте ещё более или менее, однако здесь неспокойно. Сейчас везде неспокойно, все ждут революции, Ваше Величество.

— Мне это известно, — Николай II разом сник: глаза потеряли блеск, лицо помрачнело, кулаки сжались. — Мне постоянно твердят об этом. Только Протопопов уверен, что всё будет спокойно, что всё обойдётся. Армии очень нужно спокойствие в тылу. Скоро мы прекратим эту войну. И будь что будет.

— Ваше Величество, Вы слишком сильно доверяетесь судьбе. Бог видит, Вы ещё всё сможете изменить. Не раз и не два Ваши предки, да и Вы сами, оказывались лицом к лицу с опасностью. Тринадцать лет назад было ещё хуже.

— Тогда со мною были Сергей Юльевич и Пётр Аркадиевич. Сердце моё терзается от мысли о том, что судьба не уберегла их.

Николай с самого пятнадцатого года всё чаще и чаще вспоминал двух своих премьеров, Витте и Столыпина. Глубоко душе он давно корил себя за то, что не захотел продолжить их реформы, не дал им хода. Теперь же и дня не проходит без известия о волнениях. Царь очень устал, он только надеялся, что Бог даст России шанс выиграть войну. Он готов был на всё, чтобы выполнить долг перед народом и союзниками.

— Но и сейчас есть люди, я уверен, которые могут усмирить волнующийся народ и дать внутренний мир империи. Господь не оставит страну без второго Столыпина.

— К сожалению, у меня нет сил и храбрости в это поверить. Нет второго Петра Аркадьевича, нет ни одного дельного человека, что поддержал бы династию. Только

Родзянки, Протопоповы и Штюрмеры. А больше и нет никого.

— Ваше Величество, позвольте Вас разубедить. Позвольте быть Вам полезным. Нет, не здесь или в Петрограде. В Гельсингфорсе: я знаю этот город и княжество Финляндское, я могу взять на себя роль того, кто поможет утихомирить этот город, если всё-таки начнётся бунт. Ваше Величество, только прикажите! — Маннергейм всё же решился последовать совету Кирилла Владимировича. Он видел, что контр-адмирал прав, прав, чёрт возьми! Нужно спасать страну, нужно действовать. — Дайте мне только мою часть. Прикажите её перевести в Гельсингфорс. Но…так, чтобы не было ясно, зачем она там. Как-нибудь неявно переместите её туда. Или хотя бы часть! Боюсь, что Ваше окружение, некоторые люди в Ставке могут препятствовать перемещению верных Вам войск. ещё, Ваше Величество, помните о тех частях, что снабжены кирасами Черепанова, пулемётными щитами и прочим новейшим снаряжением? Я считаю, что их тоже нужно перебросить к столице. Или — к первопрестольной. Тринадцать лет назад там вспыхнул один из сильнейших очагов восстания. В этот раз, если Бог не поможет, вряд ли будет иначе.

— Вы готовы, барон, к этому? — в глазах Николая всё-таки зажглась надежда. Маннергейм говорил так уверенно, так дерзновенно, что императору вспомнилась речь Петра Аркадьевича. И его слова: "Не запугаете!".

— Да, Ваше Величество, моё сердце велит мне служить Вам так, как это будет наилучше всего! — в голосе Маннергейма пробился "германский" акцент от волнения, да и фразу он построил не по всем правилам русского языка. Но Никола даже не заметил этого. Наконец-то император почувствовал, что хоть кто-то готов действовать в атмосфере всеобщей апатии и фатализма.

Николай Николаевич Романов с самого утра был сам не свой. Ему снова предложили подумать над тем, хочет ли он в случае беспорядков в столице принять "экстраординарные полномочия". Это, конечно, было очень заманчиво. К тому же предлагали "друзья" из лож. Николай ещё в пятнадцатом году мог получить в свои руки власть, тени всё сгущались над его племянником, министры вот-вот должны были начать активные шаги…И племяша сместил его с поста Главковерха! Никки был совсем не дурак, он чувствовал, что трон начинает шататься, и крики "либеральной общественности", звучавшие всё громче и истеричней призывавших вернуть Великого князя на место. Но прошло время — прошло и возмущение. Во всяком случае, "общественность" примолкла. И вот вновь предлагает Николаю Николаевичу повторить неудавшуюся попытку. Заманчиво, очень заманчиво. Но нужно думать, всё так неопределённо, нужно время, нужна уверенность в том, что Никки не выкинет что-нибудь, как полтора года назад. Нужно решить, нужно больше информации. Да и поточней должны быть предложения.

А Николай Николаевич Юденич смотрел на метания Великого князя, смотрел — и вспоминал строки письма Кирилла Владимировича. Очень многое, что он там написал, уже сбылось. Конечно, это и не могло значить, что и остальное исполнится "как по нотам" — но с тем же успехом предсказанные Кириллом события могли сбыться. Юденич в самом деле не знал, как же ему поступить, если "буря" придёт…

Александр Васильевич Колчак только что вернулся в свою каюту из казарм частей, что должны были участвовать в Босфорской операции. Затем разузнал о состоянии четырёх запасных полков в Одессе. Правда, они были невероятно раздуты: в ротах по две-три тысячи человек и всего двадцать-тридцать младших офицеров. Большинство из них было командировано как знающих турецкий язык, во множестве собрали армян. Остальным же приходилось учить азы языка, грамматику, что было всё-таки сложно.

Адмирал сел за книгу об истории Турции — практически сразу закрыл. Мысли метались, возвращаясь то к Босфорскому десанту в Зунгулаки, то к письмам Кирилла Владимировича, то к слухам из Петрограда. В столице люди ожидали революции, ожидали — и ничего хотели предпринимать. Да, нынешний режим вряд ли заслуживал всенародной

поддержки, но всё-таки офицеры и солдаты дали присягу! Почему они только ждут, но ничего не делают? Это же измена, измена присяге! Колчак не хотел верить, что никто ничего не желает делать. А что будет, если начнётся хаос? Будет то, о чём писал Кирилл Владимирович Романов. Скоро и вправду должно начаться. Что ж, Александр Васильевич был готов. Он знал, что следует сделать…

Петроград встретил Сизова ещё недружелюбней, чем Москва. На лицах людей, как и на небе, ничего кроме серости и хмари не отражалось. Народ устал от тягучей атмосферы ожидания катастрофы, многие в верхах уже твердили, что висеть им на фонарях.

Кирилл глубоко вздохнул. Сделано был много, ещё не сделано — намного больше. А времени уже не было. Начиналось утро восемнадцатого февраля…

Глава 10

Кирилл Владимирович, смешно потирая руки, смотрел из окна Адмиралтейства на покрытый коркой льда канал. Вскоре всё это должно было растаять, превратиться в серую массу грязи и мусора. Сизов усмехнулся сравнению погоды и предстоящих событий. Проехал автомобильный экипаж. Отчего-то потянуло на волю, на простор шоссейной дороги, и чтобы ветер бил в лицо и развевался шарф за спиной. Захотелось встретиться с любимой Даки и детьми… Но Кирилл ещё три дня назад отправил их в Финляндию, на дачу. Густав обещал присмотреть за его семьёй.

Карл Маннергейм… Сизов не ожидал, что так легко найдёт общий язык со шведом, кавалером всех орденов империи и будущим руководителем финской армии, что дважды будет воевать с Россией. Всё-таки судьба — интересная штука. Барон показался Кириллу человеком слова и дела. В его глазах сверкала уверенность в себе и решимость сделать всё "как надо и в лучшем виде". С гордо поднятой головой Густав поклялся в том, что первым примет на себя любой удар, что будет грозить империи и Романовым, в том числе и семье Кирилла. Сизов не менее получаса беседовал с Маннергеймом. А до этого в два раза большее количество времени потратил на то, чтобы оторваться от слежки Охранки. Избавиться от "хвоста" удавалось едва ли не сложнее, чем в той, советской жизни Кирилла. Сизов невольно отдал должное выучке агентов Третьего отделения. А ещё он не мог понять, какой же дурак мог решиться избавиться от таких опытных и верных стране людей. Сначала уничтожали, потом использовали, а потом добивали тех, кто ещё остался в стране. "Россия, как ты ещё существуешь-то на карте мира, когда что ни век, то кровавая баня и разрушение в считанные минуты построенного трудом многих и многих поколений?" — пронеслось в голове у Сизова, когда он указывал извозчику, на какие улицы следует свернуть. Лихач даже вслух не раз помянул сумасшедшего барина, заставлявшего петлять карету по Петрограду не хуже, чем еду по животу с похмелья.

А затем "барин" потребовал отвезти его к дому, вокруг которого ходил огромный ворох самых неприятных слухов. Приличные люди старались его обходить стороной, обитателям руку не подавать и знакомств с ними не заводить. Извозчик даже сплюнул при упоминании этого адреса. Но делать нечего, поехал: "Деньга-то плочена". И немалая деньга, между прочим, за такую можно и в геенну съездить, только б дорогу кто обратно показал да лошадям корма задал.

Там Сизов пробыл совсем недолго, лишь упомянул одного человека, про которого ходят самые разные слухи. "Вы, надеюсь, понимаете, что лучше его на время взять для допросов. Он слишком много зла может сделать в эти дни. Берётесь? Благодарю, да, всё под мою ответственность".

А потом махнули к Адмиралтейству. Кирилл замечал на лицах людей (в основном это были рабочие) нервозность и озлобленность. К тому же на завтрашний день социалисты планировали очередную забастовку, так, обычную, плановую в честь женского дня. Сизов и

сам напрягся: именно завтра всё должно было начаться. А в городе уже третий день были перебои с продовольствием. Хотя Кирилл лично видел, как протухшие мясные туши вывозятся на мусорки. Еда была. Не было только людей, которые бы организовали снабжение. Точнее. Даже люди были, но с ними уже поговорили и план Керенского, Гучкова и Львова по созданию напряжённой обстановки начал действовать.

Вечером Сизов спал в своём кабинете в Адмиралтействе. Он в последний раз обдумал план будущих действий, прикинул, как лучше действовать и что говорить, и, главное, когда вмешаться. Хотя он считал, что ему самому дадут возможность претворить свои задумки в жизнь. Переговорил по телефону с Царским Селом: офицеры Экипажа подтвердили готовность начать поход на Петроград в любое время. То же самое и с Балтийским флотом: Слащев вывел "на учения" корабли, на которых собрал самые спокойные и не разложившиеся от скуки и муштры команды. Маннергейм распоряжался в Гельсингфорсе, судя по телеграмме. Она пришла от некоего господина Карлтона господину Феоктистову, и в ней сообщалось об удачно провёрнутой сделке: барон давал знать, что гарнизон в его руках, а истребованные Маннергеймом румынские части вот-вот подойдут, дня через три-четыре. Жаль, что их было мало, всего тысяча офицеров и нижних чинов успевала к намеченному Сизовым сроку. Да и то — в разных составах. Но это уже было хоть что-то.

— Господи, если и не хочешь мне помогать — так хотя бы не мешай, — Кирилл отважился помолиться Богу, чего, как ни силился он вспомнить, раньше никогда не делал.

Сизов-Романов в последний раз перечитал составленные им бумаги, которые должны были разительно переменить ход вещей в предстоящую неделю. Как бумага может изменить историю? Кирилл при этой мысли осклабился и, вздохнув, прилёг на диван, даже не сняв мундира. Сейчас — спать. А потом не будет времени даже на то, чтобы надеть одежду нормально.

Александр Иванович Гучков и "толстяк" Родзянко спорили по поводу предстоящих событий. О небольших волнениях им было известно, к этому всё и шло, народ подталкивался, но председатель Думы боялся, что бунт может превратиться в целое восстание, а то и в революцию.

— Я Вас уверяю, всё будет хорошо. За неделю вряд ли произойдёт что-то экстраординарное, а в случае чего мы просто не допустим разрастания волнений во что-то большее. В столице у правительства достаточно сил, чтобы не допустить настоящей революции. Зато мы получим шанс надавить на царя и передать Кириллу Владимировичу диктаторские полномочия или хотя бы назначить новое правительство. А затем можно будет и убедить Николая в том, что сложившаяся обстановка требует его отречения. Наши друзья в Ставке и на фронтах готовы оказать посильную помощь в положительном решении императора. Жаль только, что адмирала Колчака нельзя убедить. Подступались, но…там — глухой омут, — вздохнул Александр Иванович.

Утро двадцать третьего февраля. Как потом скажет Шегловитов, председатель Государственного совета, на одном полюсе собрались "паралитики власти", а на другом — "эпилептики революции". А посередине был весь русский народ…

Метелей и морозов, в отличие от прошлых дней, не было. Припекало солнышко, солнечные зайчики играли на глади Невы и на мостовых, наводнённых гуляющей публикой (то есть в большей части бездельниками) и рабочими, высыпавшими на демонстрацию под плакатами "Даёшь хлеб!" (то есть теми, кто работать не хотел, найдя прекрасный для этого повод).

— Эй, люди, да до чего ж страна дошла. До чего народ довели? Еды нету, хлеба нету, сахара нету, денег нету! Айда с нами! Айда требовать хлеб! Айда требовать отдых и деньги! — слышались крики агитаторов, нёсших плакаты и транспаранты.

К ним потихоньку присоединялись простые прохожие и некоторые рабочие. Мелькали подростки, лихо сдвигавших набок тужурки и кепки, некоторые особенно разбитного и бешеного вида люди. Кто-то из них кинул расшатавшийся камень из мостовой — прямо в витрину продуктового магазина. Ещё не осели на земли осколки, как в лавку хлынул народ,

хватавшие еду. А булки и буханки падали на землю, втаптывались в снег и грязь. Кто-то из прохожих, вовремя спрятавшийся в переулке, подумал, что эти-то точно не голодные: голодный еду портить не станет, не станет мешать хлеб со снегом.

— Долой буржуев, долой правительство, долой войну, долой! — уже кричали в толпе, хлынувшей по Пороховому шоссе, Императорскому проспекту и многим другим улицам из окраин к центру. А толпы всё ширились и ширились, вбирая в себя хулиганьё, праздных студентов и многих рабочих.

Кое-где затевались митинги. Какой-нибудь возомнивший себя великим оратором человек вещал слушавшим о том, что дальше так жить нельзя, что правительство ничего не хочет и не может сделать, что царь молчит, что есть нечего. Иногда таких вот краснобаев брала под руки полиция, но тогда толпа просто уходила на другие места, и там всё начиналось по новой.

— Ну что, Александр Иванович, пора бы и начинать трубить в Иерихонскую трубу, — заметил между делом Родзянко, получая вести о положении в разных концах города. Вот оно, то, что и требовалось: волнения, которые показывают, что нынешнее правительство не в состоянии утихомирить народ и дать ему то, что он требует.

— На Ваше усмотрение, — Гучков меланхолично просматривал газеты. Всё шло так, как и было задумано. День, от силы — два, волнение спадёт, и можно будет начать давить на правительство. Всё шло как по маслу.

Николай читал телеграммы Родзянко и Шульгина, которые в один голос кричали о том, что в столице неспокойно.

— Какие же всё-таки они неуравновешенные, им везде видится революция. Ждали так долго, и удивляются, что она никак не придёт, — царь брался за доклады Протопопова, уверявшего, что всё спокойно и что всё под контролем, да и остальные твердили о "здоровой" обстановке в Петрограде и редких выступлениях, главным требованием которых было дать хлеба. Николай не понимал, откуда такие проблемы, если муки и продуктов хватит на две-три недели, да и вагоны с юга идут с новыми запасами.

Кирилл Владимирович переговорил по телефону со Львовым и Милюковым, заверил их, что в любой момент готов поехать в Ставку, просить Николая вместе с другими предоставить ему полномочия по наведению порядка. И, едва положив трубку, принимался за карту Петрограда. Он по памяти пытался восстановить все очаги будущего сопротивления и революции. В принципе, любой здравомыслящий военный смог бы враз разогнать бунтовщиков. Однако, к сожалению, здравомыслящих на верхах в Петрограде просто не осталось…

Сизов закончил работать над бумагами, отложил в сторону карты города, смежил веки и глубоко-глубоко вздохнул. А утром толпы снова вышли на улицу, уверенные в своей безнаказанности, попробовавшие пряного вкуса анархии и погромов…

— Прочь с дороги! — выкрикнул седовласый водитель трамвая, высунувшись из окошка. Прямо на рельсах собралась кучка петроградцев, с камнями и палками в руках. — Зашибу!

Но люди не слушали, и пришлось остановить машину. Пассажиры, сначала не понимая, что происходит, прильнули к окнам: трамвай начал качаться. А через мгновенье бросились на выход: толпа вот-вот должна была опрокинуть машину. Некоторые особо ретивые даже кидали камни вслед спасавшимся пассажирам…

— Бей дармоедов! — треск стеклянных витрин. Громили магазины и лавки. Продавцы торопились спасти в безопасном месте, пока зверевшая по минутам толпа выворачивала и корёжила их заведения. Нескольким не повезло, и их избили, не удовлетворившись грабежом.

— Не стрелять. Запрещено применять оружие! Не стрелять! — надрывался офицер городовых.

Умудрённый опытом разгона демонстраций ещё пятого года, он любил повторять: "Да, вот это было время! Содом творился в стране, да только люди с головой на верхах сидели. А нынче ж…". Иван Сидорин и сам был рад пальнуть для острастки в хулиганьё, да только нельзя было.

Городовой огляделся. С ним было четырнадцать человек — и это против более чем двух сотен. Они пытались оцепить один из переулков у Невского, да куда там!

— Эх, пугнуть бы этих бандюков! Как же их охолонить-то иначе? — в сердцах бросил Сидорин. Он увидел, что в толпе началось какое-то брожение, и внезапно из гущи людей полетели куски льда, доски, булыжники из мостовой. Петьке, только-только пришедшего на службу, задело правый висок льдиной, кровь замарала мундир и начала капать на снег.

— Отходим, назад! Берегись! — и снова забили по мостовой рядом с городовыми камни, мусор и осколки льда. — Эх, пальнуть бы!

И вдруг — хлопок выстрела. Сидорин почувствовал, что его тело холодеет и как что-то липкое течёт по его животу. Он опустил голову вниз, а потом завалился на ставший грязным снег. Не стало бравого городового, пережившего кошмар первой русской революции…

То же самое творилось и на других улицах, лишь с небольшими отличиями.

— Назад! Не показывать спину! Спиной не становиться! — и несколько слов отборным матом, "для понимания большего". Полиция просто не могла справиться с толпами, лишённая даже возможности отвечать выстрелами на град мусора и льда со стороны волнующихся толп.

А с людьми творилось что-то странное, жуткое. Копившаяся многие и многие месяцы злость наконец-то нашла свой выход. В глазах застыло озверение, кровь приливала к вискам, лица превращались в животные морды. Особенно страшное зрелище представляли собою нищие и чернорабочие. Голодные, озлобленные, замёрзшие, они громили лавки с особым остервенением, первыми бросались на немногочисленных городовых, выкрикивали угрозы всем и всему, и, не получая никакого отпора, храбрились всё больше и больше…

— Александр Иванович, а Вам не кажется, что события выходят из-под контроля? Люди и не думают успокаиваться, — Георгий Евгеньевич Львов разговаривал по телефонному аппарату с Гучковым. Даже при больших помехах и плохой слышимости можно было легко уловить в голосе председателя Земгора волнение и растерянность. Ведь всё должно было протекать более спокойно, иначе, такого не учли совершенно при обсуждениях переворота.

— Успокойтесь, Георгий Евгеньевич, это скорее всего просто провокация Протопопова. Вот увидите, самых буйных соберут на площадях, а потом начнут уничтожать без пощады. Того же самого мнения и левые партии. Всё в порядке, дорогой мой Георгий Евгеньевич, волноваться не стоит.

Кирилл Владимирович кое-как смог добраться до Мариинского дворца, там как раз проходило заседание нескольких членов правительства. Министры были в растерянности: градоначальник считанные минуты назад запросил казачьи части. Балк утверждал, что иных способов наведения порядка у него нету. Если же не справятся казаки — придётся вводить военное положение. Чего доброго, всё это могло вылиться в настоящую революцию.

— Я вас уверяю, господа, — Протопопов, в своём бессменном жандармском мундире, спокойно и ровно убеждал кабинет в том, что всё в порядке. — Казаков можно ввести, можно. Но до особенно опасного оборота не дойдёт, я вас уверяю. Мы сможем успокоить столичных жителей. Надо просто подождать, всё само собой уляжется. Спокойствие, только спокойствие.

Голос Протопопва стал воистину сахарным.

И Кирилл Владимирович, несмотря на то, что вроде и не имел право голоса, поднялся с

места и, легко вздохнув, заметил:

— Если уже меня пытаются остановить на улице, если уже семье Романовых нет прохода в столице, то что говорить о простых обывателях? — Сизов просто не мог удержаться от воспоминаний о то, что произошло считанные часы назад…

Визг тормозов. На этот раз Кирилл решил воспользоваться автомобильным экипажем, причём сел за руль лично: не доверял он никому управление машиной в такой сложной обстановке. И не зря. Возвращаясь после посещения Арсенала, Кирилл попал на Воскресенской набережной прямо в гущу событий. Здесь, правда народ ещё ходил с плакатами и транспарантами, а не револьверами и камнями, но всё равно — было очень неспокойно. Кирилл раздумывал, как бы объехать толпу, как события закрутились с ошеломительной скоростью.

Несколько начисто лишённых страха и совести парeньков, лет по шестнадцать-семнадцать, стали тыкать пальцами в сторону машины Сизова. В его сторону посмотрели ещё с десяток человек. На их лицах Кирилл не разглядел ничего хорошего, только желание повеселиться.

— Эй, твою благородь. -

Солнце припекало, поэтому Сизов ездил в распахнутой шубе, под которой был легко заметен мундир, поэтому угадать в нём офицера не составило труда. К счастью, демонстранты не были особо сведущи в знаках отличия. Иначе бы вряд ли Кирилла ждало даже такое "доброе и ласковое" обращение. Всё-таки к высшему офицерству отношение было дааалеко не такое почтительное. Могли "разглядеть" в нём душегуба и кровопийцу. — Ты-то нам и нужен.

На крик Кирилл решил не реагировать, пытаясь повернуть машину. Демонстранты заволновались, и несколько группок отделилось от основной массы и двинулась наперерез автомобилю Сизова. Авто заартачилось, время утекало сквозь пальцы, впереди замаячил призрак как минимум драки, два десятка на одного. Но просто так Кирилл Владимирович не хотел сдаваться. "Чтобы какая-то шантрапа испугала русского офицера? Да никогда! Ату их!" — похоже, эти мысли принадлежали сразу обоим пластам разума, и Сизову, и Романову.

— Прочь! Стоять, гады! Стоять! — Кирилл выхватил "Браунинг" и выстрелил несколько раз в воздух, а затем навёл ствол на ближайшего молодчика. — Пристрелю того, кто приблизится, поняли?!

Похоже, лицо "благороди" в ту секунду было особенно яростным, а радетели народного блага — слишком трусливыми: Кирилл смог повернуть автомобиль и ринуться прочь, к Арсеналу. Там пока что было спокойно, да и охрану всё-таки удосужились выставить.

— Я уверяю Вас, Кирилл Владимирович, полиция обязательно найдёт тех бунтовщиков и покарает их со всей возможной строгостью, — голос Протопопова стал приторным от мёда, в нём разлитого. Сизову этот человек становился всё более и более неприятен. — Народ успокоится в ближайшие же дни.

— Господин министр, тогда хотя бы извольте доложить императору о царящих в городе беспорядках. Думаю, Николай ещё не успел узнать о волнениях в столице? — глаза Кирилла сузились.

— Я не счёл нужным докладывать Его Императорскому Величеству о небольших беспорядках, — на лбу у Протопопва выступил пот. Явно министр не хотел докладывать императору об истинном положении вещей: иначе бы встал вопрос, а чем, собственно, занимается министр внутренних дел вместо того, чтобы поддерживать порядок в столице?

— Надеюсь, он получит телеграмму сегодня же, — Кирилл Владимирович был непреклонен. — И без украшательства и игры в слова. Император должен знать правду, не так ли, господа?

Министры заворочались. Им явно становилось не по себе при мысли о том, что император узнает о практическом их бездействии…

А пока телеграмма Протопопова, в которой в весьма спокойных и осторожных тонах сообщалось о "небольших беспорядках и волнениях" в городе, шла в Ставку, на улице Петрограда выехали казачьи сотни.

Молодые донцы и кубанцы, хмурясь и робея перед толпами волнующегося народа, так и норовящего кинуть во всадников чем-нибудь потяжелее, проклинали службу и запрет на применение оружия. Как "способствовать успокоению" людей, когда нельзя даже в воздух выстрелить для острастки?

Да и не те казаки пошли: тех, что раньше разгоняли демонстрации, давно взяли на фронт, в кавалерию, а здесь были молодые, ещё не понюхавшие пороху станичники, взятые от сохи или из пастухов.

Выручали только нагайки. Особо ретивого "народного радетеля", сунувшегося близко к казакам, могли ударить для острастки. И тогда казалось, что кожа трескается на теле — настолько сильной была боль, многие просто падали на землю и рыдали, кричали от неё. Но нагайка — это не револьвер, да и казаки просто не хотели воевать с простым народом.

— Эк они шумят-то, — заметил есаул, лет сорока. Он был единственным казаком старше тридцати в сотне.

— Гутарят, что за правое дело, за правое, — заметил подъесаул, потрепав гриву каурого. — Пошли испросить у одного знающего дело, пошли. Вот как вернутся, передадут, что сказал, так и решим, как быть.

Громившие витрины за считанные минут до того люди старались обходить казачьи сотни, боясь всадников. Но постепенно страх улетучивался, и с каждым часом народ подбирался к казакам всё ближе.

— Ну-тка, рысью, на этих! Неча бунтарить, неча! А что гутарят — так то только гутарят, а эти нас могут и похуже, чем немцы, отправить к Господу Богу! Рысью!

Сотня рванула коней вперёд, надеясь испугать демонстрантов. Петроградцы брызнули в разные стороны, огрызнувшись камнями и несколькими железными болванками. К счастью, никого не задело.

Есаул перевёл дух, когда площадь очистилась от "бунташников". Он знал, к кому пошли старшины за советом. Да только того человека уж и дома не было: забрали. Но вне зависимости от ответа того "мудреца", есаул Селиванов знал, что гнать взашей нужно всех этих студентиков и бездельников с улиц. Порядок — вот главное, особенно во время войны.

— Эх, дурилы, — ревел донец, размахивая направо и налево ногайкой для пущего эффекта.

Люди разбегались, исчезали в переулках и подворотнях, чтобы затем собраться в другом месте и снова создавать царство анархии в столице. Они просто устали от власти, которая не могла что-либо сделать для ослабления гнёта военного времени, решить проблем с продовольствием. Да и чувство того, что режим просто не в состоянии выиграть войну, становилось с каждой неделей всё сильнее и сильнее…

Карл Густав Маннергейм нашёл Гельсингфорс местом поопасней, чем Румынский фронт. Матросы, встречая офицеров, если и отдавали честь, то делали это нехотя, с плохо скрываемой злобой. Приказы принимали, скрипя зубами. Да и, к тому же, ни для кого не было секретом, что город наводнён немецкой агентурой, так что в каждом офицере или чиновнике с нерусской фамилией подозревали шпиона и кровопийцу. Солдаты гарнизона, конечно, были лишь немногим лучше.

Барон не нашёл иного выхода, чем собрать всех офицеров, морских в том числе, в здании Офицерского собрания. Первые слухи о начавшихся в Петрограде беспорядках добрались до города как раз к моменту открытия Собрания.

— Господа, Его Императорское Величество назначили меня на пост командующего гельсингфорским гарнизоном именно для того, чтобы навести порядок в городе. Разве вам

самим не горько взирать на нарастающее напряжение, отчуждённость, ненависть к офицерам? Кто, кроме нас, сможет всё это изменить? Император повелел мне действовать любыми методами, и я воспользуюсь этим правом. Первым делом необходимо оградить гарнизон и команды кораблей от волнений, которые обязательно последуют после известия о неразберихе, что сейчас происходит в столице. Господа морские офицеры, я прошу Вас вывести корабли вместе с командами в море, под предлогом манёвров. Умоляю Вас, хотя и не имею на то никакого права, постараться изолировать особо буйных, подозреваемых в анархизме матросов и нижних чинов от остальной команды. Я не вижу иного выхода облегчить создавшееся положение. Уверяю, что командование в дальнейшем одобрит Ваш поступок, и прошу не предаваться сомнениям в необходимости такого шага. Я беру на себя всю ответственность.

Морские офицеры заволновались, пошли тихие разговоры, затем кто-то поднялся со своего места и обратился к Маннергейму. Барон выглядел весьма внушительно: надевший парадный китель со всеми орденами, положивший левую руку на рукоятку сабли, а правой сжавший краешек столешницы, из-за которой выступал. Его глаза спокойно всматривались в собравшихся, оценивали, искали тех, кто кажется наиболее уравновешенным и чутким к голосу разума (вернее, к просьбе Маннергейма).

— Я считаю, что наше собрание можно назвать совещанием, а здание — штабом, господин генерал-лейтенант, — Густав ещё не привык к своему новому званию, только-только дарованному царём вместе с назначением на пост командующего гарнизоном Гельсингфорса. — И предлагаю, чтобы Вы огласили свой план по поддержанию порядка в городе.

Маннергейм только потом узнал, что его собеседником являлся совсем недавно получивший должность начальника штаба Балтийским флотом Алексей Михайлович Щастный. Густав навсегда запомнил взгляд моряка: холодный и ровный, будто воды Балтийского моря за мгновенье до шторма, цепкий, умный, уверенный, способный разбить любую преграду и докопаться до самой глубины души собеседника. Кирилл Владимирович, сообщивший, что Маннергейм может во всём полагаться на этого человека, оказался прав в своём выборе.

— В ближайшие же часы всё оружие должно быть изъято у частей, не вызывающих доверия офицеров, сконцентрировано в арсенале. При себе его могут иметь только те солдаты, в чьей верности их командиры не сомневаются. Из офицеров будут созданы батальоны и роты, в чьё ведение перейдёт охрана арсенала и поддержка полиции, если начнутся беспорядки. Господа, не считайте это унизительным делом: идёт война, и любое волнение в тылу может обернуться катастрофическими последствиями. Не забывайте, что вражеская агентура может воспользоваться недовольными для саботажа и диверсий. Поэтому поддержание порядка в городе я считаю равноценным бою с превосходящими силами противника. Но помните, что большой крови допускать нельзя: всё-таки здесь не фронт, и не германцы пытаются занять Гельсингфорс. Применяйте оружие лишь в крайних случаях, старайтесь стрелять в воздух: толпа образумится, если почувствует, что ей противостоит сила, а не безоружные люди. Также — занять почту и телеграф и не допускать распространения слухов о том, что происходит в Петрограде. Мы находимся на грани осадного положения, на бочке с порохом.

— Господин генерал-лейтенант, Вы передёргиваете, преувеличиваете опасность. Да и Вы можете себе представить батальоны, в которых вместо солдат — одни офицеры? Это нонсенс! Это глупость! — один из офицеров решил высказать своё мнение. Кажется, полковник. Маннергейм решил, что раз уж в собрании практически устроено совещание штаба, в который превратилось всё офицерство Гельсингфорса, то надо дать возможность высказаться всем желающим. — А если солдаты решат, не дай Бог, что командование решило переметнуться к немцам? Ведь наши действия могут быть истолкованы и так! Да и я не верю, что рядовые поднимут руку на своих командиров! Немыслимо! Вы можете сами поверить в то, что только сказали?

— А я не верю — я уверен, господа. Думаю, что собрание окончено. Немедленно передайте Ставке и адмиралу Небогатову, что нами приняты все меры по поддержанию боевой готовности гарнизона и эскадры. Да поможет нам Бог, господа. Сегодня Вы впишите свои имена в историю победы в этой войне.

Дисциплина всё-таки победила некоторое чувство неожиданности и прострации, которое завладело умами офицеров в первые минуты речи Маннергейма. Большинство не знало, что и думать. Но приказ — это приказ. Раз необходимо удержать город в спокойствии и устранить даже опасность беспорядков — это должно быть выполнено…

Александр Васильевич смотрел с капитанского мостика на неспокойное Чёрное море, воды которого прорезали корабли флота. Все — как будто идут на последний в жизни бой. Среди команд повисло молчание, даже кочегары не поругивали потихоньку, что раньше делали по поводу и без. Борта дредноутов, миноносцев, эсминцы вспенивали тёмную воду, поддававшуюся напору металла и человека, покорявшуюся морякам.

Колчак вывел всю севастопольскую эскадру в море утром двадцать третьего февраля, предварительно отдав приказание ввести цензуру телеграфных сообщений: все сведения о том, что в столице беспорядки, следовало не "пускать" в город, а передавать Александру Васильевичу. Кирилл Романов оказался прав: в столице действительно начались демонстрации и массовые волнения. К счастью, ни один из моряков или солдат на базе флоте не знал. Во всяком случае, пока.

Колчак вернулся в свою каюту и посмотрел на фотографию Анны Васильевны. Он очень надеялся, что буря обойдёт стороной его любимую. Александр не хотел верить, что он — так далеко, что он не может обнять и защитить Анну от всех опасностей, что он не в силах ничего сделать. Он только верил, что в ту минуту делал всё, что требовалось для удержания флота от беспорядков и благополучия страны. А если Колчак сделает это здесь, на Чёрном море, то кто-нибудь оградит и Анну там, на Балтике.

Вернувшись на мостик, Александр Васильевич приказал передать всем кораблям приказ:

— Идти вперёд так, словно перед вами — весь германский и турецкий флот, все ваши личные враги, собравшиеся для издевательства над вами. Докажите Богу и командующему, что вами можно гордиться!

Глава 11

Маннергейм, оставив дела на начальника штаба гарнизона, решил лично участвовать в исполнении собственного плана. Он считал, что если офицер отдал какой-то приказ, то он сам и должен суметь его выполнить. Иначе какой тогда из такого человека офицер русской армии?

Барон в окружении полутора десятка офицеров и тридцати солдат гарнизона, на которых по заверениям начальника штаба можно было полностью положиться, участвовали сборе оружия в казармах и переносе его в штаб гарнизона.

Внезапно послышались выстрелы и брань. Густав, выхватив из кобуры револьвер, понёсся на шум. Через мгновенье за ним последовали и остальные, стараясь не отставать от командира. Люди на ходу готовились к возможному бою.

Перестрелка началась невдалеке от городских доков. Восемь моряков и несколько человек гарнизона наткнулись на полицейский патруль, двух городовых под началом гарнизонного офицера. Приказ сдать оружие и разойтись по казармам они проигнорировали. Завязалась перепалка, в которой патруль доказывал, что командир гарнизона отдал приказ всему гарнизону разойтись по казармам и сдать оружие. Какой-то из матросов возопил: "Врут всё! Убить хотят! Всех перебить! Не дадимся!" — и выстрелил из пистолета почти в офицера почти в упор. Пуля пробила лёгкое: шансов на спасение у раненого не было. Зато городовые, почти сразу опомнившись, рванулись в стороны, укрывшись за стенами домов, и

сами открыли огонь.

Отряд Маннергейма подоспел как раз к апогею перестрелки: одного из городовых тяжело ранили в плечо, а у второго кончились патроны в револьвере.

— Прекратить огонь! Я генерал-лейтенант Маннергейм, командир гарнизона, сложите оружие! — барон кричал из-за стены одного из домов. Понимал, что сунешься, и ошалевшие солдаты и матросы разбираться не станут — сразу откроют огонь.

— Офицеры всех нас сдать с потрохами хотят, перебить! Не дадимся! — кричал тот самый матрос, убивший командира патруля.

Вслед за словами поспешили пули, просвистев у самого носа Маннергейма.

— Ну что ж, алягер ком алягеро, — Густав вздохнул и кивнул подоспевшим подчинённым. — Запомните: сейчас действовать надо решительно. Так что…

Густав, не закончив фразы, высунулся из-за кирпичной кладки стены, прыгнул в сторону сугроба, растянулся на куче снега и выстрели из лежачего положения в сторону бунтовщиков. Те, не бывавшие ни в одном настоящем сражении, воевать точно не умели: даже не удосужились найти укрытия при перестрелке с городовыми.

Пуля настигла того самого "сознательного" матроса: усатый мужик повалился на землю, не выпуская из рук оружия. Солдаты дали нестройный залп из винтовок, только тут рассыпавшись в стороны. Патронов не хватало и у них. Не пустят же их в город с целым арсеналом.

К барону присоединилось двое офицеров, не спускавших мушек револьверов с переулков, в которых прятались взбунтовавшиеся солдаты.

Маннергейм, не поднимаясь из сугроба, в последний раз предложил мятежникам сдаться:

— Повторяю, сдавайтесь! Я не хочу лишней крови. Хоть вы и открыли огонь по своим же, нарушили приказ офицера, но обещаю, что только зачинщики получат наказание. Сложите винтовки, чёрт побери!

Пуля свистнула над правым ухом Маннергейма — послышался стон раненого офицера: ему сильно оцарапало плечо выстрелом.

— Вы сами напросились! Прикройте огнём! — Густав махнул зажатым в правой руке револьвером, прыжком поднялся из сугроба и кинулся к переулку.

Одновременно с этим его отряд открыл огонь по переулку, не давая бунтовщикам и носа высунуть. Маннергейм подбежал к стене дома, остановился, отдышался и, улучив момент после очередного залпа своих подчинённых, выстрелил не глядя в темень переулка из револьвера на вытянутой руке.

В ответ — два выстрела из трёхлинеек и хруст снега, сминаемого убегающими.

Маннергейм, не думая, что кто-то из бунтовщиков ещё мог остаться с готовыми к бою трёхлинейками, выбежал на середину переулка, выстрелил в одного из убегавших и крикнул во всю мощь своих лёгких:

— Стоять! Всех перестреляю!

Пуля задела ногу одного из матросов: тот повалился на снег, катаясь по нему, не в силах сдержать криков боли. Похоже, выстрел повредил сухожилие.

Несколько солдат всё-таки остановились и упали на снег, отбросив в сторону ставшие ненужными винтовки.

Двое ли трое успели скрыться за поворотом.

— Догнать, — коротко приказал Маннергейм верным солдатам, ужё понёсшимся вслед за убегавшими. — Надеюсь, остальные подчинятся моему приказу. Совершенно распустили гарнизон и матросов!

— Германцы постарались, — постарался оправдаться один из офицеров. Молодой поручик, наверное, совсем недавно сидел за университетской скамьёй и внимал рассказам профессора о прошлом России с затаённым дыханием. — Здесь их будто микробов у больного.

— Значит, будем лечить этого больного, нещадно уничтожая всех микробов, — сухо

заметил Густав. — Мы должны как можно скорее обойти казармы, а затем договориться о совместных действиях с полицией. В ближайшие дни придётся туго. И, господа, любого, кого можно подозревать в связях с немцами, следует арестовывать на месте. Хотя это и не входит в ваши прямые обязанности, но этого требует ситуация.

— Так точно, господин генерал-лейтенант.

— Да, на Румынском фронте было полегче, — проговорил сквозь зубы Маннергейм и направился в сторону улицы, на которой скрылись бунтовщики. Затем кивнул в сторону развалившихся на снегу солдат и затихшего матроса. — А этих — на гауптвахту.

И снова — демонстрации становились всё напряжённей и яростней. Толпы людей, еле сдерживаемые городовыми, подкреплёнными отрядами казаков, не могли сдержать людского моря. Со всех концов города в министерство внутренних дел приходили сообщения о новых погромах, жертвах среди стражей порядка и возрастании количества волнующихся людей. Прекратили работу многочисленные заводы и фабрики города, что только влило в толпы новых людей.

Есаул Селиванов двадцать пятого февраля участвовал в оцеплении возле памятника Александру Третьему. Пригревало солнышко, небо посветлело, ещё бы не глядеть вокруг, смотря на озлобленные лица людей: и городовых, и казаков, и манифестантов. Всё-таки обычные, простые люди стояли по обе стороны. Многие казаки и сами не прочь были бы встать на место демонстрантов: им тоже многое надоело.

Митинговали. Какой-то оратор в очках и фуражке, потрясая руками, выкрикивал очередные заученные наизусть лозунги и требования, воззвания к душам и умам людей. Народ волновался, люди явно находились в нездоровом возбуждении, постоянно слышались одобрительные крики.

Один из приставов решил это дело прекратить, и подался вперёд, в сторону оратора. Сенька, казак из сотни Селиванова, внезапно посмотрел на пристава каким-то мутным взглядом и потянулся к шашке. Наверное, любо ему по сердцу было слушать "идейного".

Пристав повернулся спиной к Сеньке. Тот уже занёс шашку, как его руку у самого запястья перехватил Селиванов:

— Но-но, не балуй! Православных резать собрался! — донец пригрозил Сеньке зажатой в руке нагайкой. Тот порывался высвободить руку, но кулак, сунутый Селивановым прямо в солнечное сплетение ошалевшему казаку, всё-таки того угомонил. — Опосля помашешь, с германцем ещё погутаришь. А у меня баловать не смей! А ещё православный, эх!

Сенька сник. Казак понимал, что есаул не выдаст его порыв. А и вправду, как-то глупо всё получилось: в голове от слов оратора аж зашумело, душу будто наизнанку выворачивало, так и хотелось вторить "Нет войне! Даёшь мир!", рука сама потянулась к шашке, когда Сенька увидел, что кто-то краснобая хочет утихомирить.

Через час или полтора из боковых улиц показались солдатские шинели: это "гвардейцев" вывели на оцепление. Смешно сказать, но эта "элита" выглядела не лучше демонстрантов. Запасники, набивавшиеся в казармы как китайские крестьяне в своих хибарах, из чернорабочих, дезертиров и отсидевших преступников. Селиванов даже сплюнул при виде этих отбросов, получивших гордое звание гвардейцев. Тут и там, реже, чем звёзды на закрытом облаками ночном небе, мелькали офицерские мундиры. Офицеров не хватало, на обычный батальон — а не на две тысячи сброда, который на фронте приходилось переучивать.

— Дмитрий Сергеевич, — подпоручик, окинув взором толпу у памятника, обратился к ближайшему собрату по званию. — А Вам не кажется, что зря мы тут стоим? Да и солдаты, мягко говоря, не bien для такого дела?

— Я сам не понимаю, зачем разгонять тех, кто говорит не такие уж и глупые слова, — "Дмитрий Сергеевич", которому и двадцати пяти не исполнилось, находил особый изыск в том, что к нему обращались по имени-отчеству.

Оба подпоручика совсем недавно вместе гуляли на Татьянин день, орали "Gaudeamus" и тряслись перед экзаменом. А уйдя в армию в общем порыве, погнавшись за "поэзией шеврона и золотом погона", теперь жалели о своём поступке. Им сами хотелось оказаться среди ораторов, вести народ, овладевать их мыслями и побуждениями. Но — приходилось мёрзнуть и ждать. Солдатами командовать было невозможно, те совершенно не проявляли интереса к творящемуся вокруг. Пусти их разгонять толпу — начнут брататься с митингующими, а потом кааак…выкинут что-нибудь, будто в девятьсот пятом. Запасники просто не желали противостоять таким же людям, как и они, с теми же желаниями и мыслями в головах…

Дума собиралась на заседание. Александр Фёдорович возбуждённо переговаривался с товарищами по партии и "Прогрессивному блоку". Присоединился один из кадетов, переведя обсуждение в довольно-таки интересное русло.

— Александр Фёдорович, а как смотрите на события? Признаться, ни черта не понимаю в них! Да и вестей почти нет о событиях, — картинно развёл руками, взмахнул головой молодцеватый кадет. Похоже, из профессуры: только профессор мог так великолепно поигрывать пенсне, зажатым в руке, пальцами пианиста-виртуоза поглаживая стёклышки и металл оправы.

— Мои товарищи и друзья собирают и каждые десять минут по телефону сообщают о происходящем в Петрограде. Мне думается, начинается настоящая революция, которую давно все ждали. Комедия давно подошла к последнему акту, пора его уже и начинать. Однако не имею ни малейшего представления, когда Бог, этот великий режиссёр и конферансье, объявит о начале заключительного акта! — Керенский пожал плечами.

Он, конечно, не стал говорить, что события как нельзя кстати для осуществления его желаний. Пора начать штурм гнилого режима, окружённого бессильными что-либо сделать министрами и престарелыми генералами, дать народу знающих и умелых министров и подходящий России режим. Всё, нельзя дать "рыбе" — стране сгнить до хвоста, раз уж голова давно сгнила. Пора брать ситуацию в свои руки, судьба дарует ему такую возможность!

Заседали недолго, даже меньше двух часов. Даже во время заседания многие депутаты переговаривались друг с другом, сходясь во мнении, что судьба Думы висит на волоске, и до роспуска осталось совсем немного. Ходили даже слухи, что премьер давно прячет в ящичке указ о роспуске. Но думать об этом как-то не хотелось, депутаты надеялись на лучшее. И при этом понимали, что лучше города не покидать. Вот-вот ожидали настоящую бурю.

Кирилл уже кричал в телефонную трубку. Кое-как пробившись в Военное министерство к прямому проводу со Ставкой, Сизов пытался убедить Николая принять хоть какие-то активные меры.

— Сегодня или завтра гарнизон может перейти на сторону демонстрантов! Николай, это хуже, чем пятый год или шестой! Здесь же миллион солдат! Они же такие же люди, что митингуют и крушат магазины! Да они полицейские участки и суды на окраинах разгромили! Я своими глазами это видел! Здесь же власть рухнет, ни один из министров не справляется с ситуацией! Ты ведь это сам прекрасно знаешь! Ведь Александра и дети могут пострадать, подумай хотя бы о них! Разреши хотя бы применить силу, назначь новое министерство, это утихомирит толпу на некоторое время. Введи верные войска, артиллерию и осадное положение в Петрограде!

Да, Кирилл прекрасно помнил холодный, меланхоличный взгляд Николая, когда ему кто-то рассказывал о качествах Кабинета министров или о царящих в стране настроениях. А ещё — короткий ответ полным мороза голосом: "Я знаю".

— Кирилл, прекрати, — голос Николая наполнялся холодом. Сизов понял, что ему не удалось убедить императора. Снова. Он слишком сильно верил в свою несчастливую судьбу. — Протопопов, Балк и Хабалов справятся. Сил у них достаточно. А ты занимайся

своим делом.

Кирилла отстранил от аппарата Протопопов и затянул свою обычную успокаивающую тираду. Правда, на середине разговора министр сник, помолчал несколько минут, ответил, что всё сделает, и повесил трубку.

— Его Императорское Величество разрешили открывать огонь в крайних случаях по демонстрантам. Похоже, Ваши уговоры всё-таки подействовали на самодержца. Что ж, я выполню его приказания. Бог будет руководить мною, — Протопопов задрал подбородок и сверкнул глазами. Да, всё-таки и в "Прогрессивном блоке" были те ещё люди. Каждый пятый- Мессия, а каждый первый — человек, уверенный, что он прекрасно знает, как изменить страну к лучшему, а главное, что именно он может это сделать…

Кирилл, уйдя в хмуром настроении из Военного министерства, направился на Николаевский вокзал. Вот-вот должны были прибыть части с Румынского фронта. Как и было оговорено, в полной боевой выкладке. Чтобы в крайнем случае — сразу в бой. Офицеры, конечно, удивились такому приказу Ставки, но делать нечего: подчинились. Только решили подготовить морально солдат к тому, что они могут попасть вместо столицы — на фронт, и не спокойней, чем Румынский.

Дума разошлась. А на улицы — вышли войска. Клеили объявления о том, что солдатам разрешено открывать огонь по бунтовщикам. Естественно, многие просто не смогли прочесть — потому что не умели. Другие же просто не обращали внимания, пока горланили что-нибудь, били витрины, поджигали полицейские участки и задирали полицию и военных…

— Эй, прихлебалы! — раздавались выкрики из толпы. — Филёры и дармоеды! Кровопийцы народа! Своих же предали! Трусы!

Кричали не толпы, но отдельные "лица". Таких обычно следовало сразу на расстрел вести: за их спинами стояли далеко не простые силы. И часто — даже не из России…

— Да штоб вас! Гниды! Да чего смотрите? Чего? Против своих же идёте! С офицерьём и буржуями!

Несколько камней, задевших двух унтеров. Те смолчали, лишь скрипнув зубами. Стоявшая у Невского драгунская часть вообще была терпеливой.

— Михаил, сейчас бы им показать, кто тут враги своего же народа и офицерьё, — процедил сквозь зубы майор, обращаясь к задетому унтеру.

— Нельзя, Никитич, нельзя. По своим стрелять — это…

И звук револьверного выстрела, навсегда прервавший жизнь унтера. Тот упал с лошади, с открытыми глазами, на брусчатку. По мундиру начало растекаться бурое пятно.

Ярость обуяла майора Сергея Никитича Саввина. Его друга, с которым вместе воевали в Восточной Пруссии и выбирались из Мазурских болот, пощадили немецкие пули, не пощадила пул русская. "Господи, за что?". И сразу — другая мысль: о мести. Эти люди переполнили чашу терпения. Скоро они совсем потеряют человеческий облик.

— Пли по толпе! Пали! Огонь!

Залп из трёхлинеек, повалившиеся на припорошенную снегом землю раненые и убитые, и толпы людей, потерявших разум от страха…

— Господин поручик, — павловцев тоже вывели в оцепления. — Надо бы на ту крышу наших отправить. Не нравится она мне. Ой, не нравится.

И здесь — тоже унтер предчувствовал угрозу. Поручик-то что? Поручик недавно в армии, а унтер уже погулял, попили крови у него германец с австрияком да мадьяры.

— У Вас слишком…

Один из павловцев, рядовой, свалился, подкошенный выстрелом: пуля пробила сердце.

— Я ж говорил, — в сердцах выкрикнул унтер.

— Огонь по бунтовщикам! Огонь!

Несколько предупредительных — в воздух. Волынский полк старался остудить пыл толпы. Но демонстранты всё орали и издевались. И волынцы не выдержали, сделав залп по толпам петроградцев.

И снова — трупы русских людей, убитых соотечественниками. А "задир" так и не нашли, они вовремя скрылись или попрятались за людскими спинами…

А солдаты стреляли не глядя, боясь сотворённого ими дела, в воздух, зажмуривая глаза, отворачиваясь. Люди кричали и стонали, разбегаясь в стороны.

Керенский, узнав о выстрелах на улице, сжал кулаки: он был уверен, что революция закончилась, так и не начавшись. Ведь кто теперь посмеет волноваться под угрозой расстрела?

Кирилл спешил изо всех сил. Он не мог свободно действовать: его сразу бы заподозрили как минимум в попытке переворота и измене, но не мог и сидеть сложа руки — совесть не позволяла.

Сизов немного успокоился, лишь увидев прибывший состав, из пульмановских вагонов которого спешно выгружались пехотные части с Румынского фронта. Солдаты, хмурые, но спокойные и несуетливые, выкатывали пулемёты, выносили пулемётные щиты, поправляли трёхлинейки и берданки за плечами. Всё оружие Николай приказал держать наготове, чему немало удивились в Ставке, но всё-таки исполнили: предполагалось, что состав объедет Петроград, так что никакой сумятицы вид готовых к бою людей не взволнует петроградцев, но за несколько дней до того император приказал вывести состав на столицу.

А Маннергейм буквально позавчера, по телеграфу, в чьё командование поступали эти части, проинформировал командование сводного полка, что оно должно исполнять приказы Кирилла Владимировича. Это, конечно, было неслыханно: пехоте подчиняться морскому офицеру, пусть и из правящего дома, но…

Но Особый полк (переименованный так по указанию всё того же императора) на подъезде к столице узнал о волнениях в городе. Да и железнодорожные работники явно что-то затевали. Так что офицеры на общем собрании приняли решение всё-таки полностью подчиниться Кириллу Владимировичу. К тому же таким был приказ Маннергейма, их непосредственного командира. Да, странные дела творились в стране: офицеры обсуждали приказы командования, солдат выводили для разгона мирных демонстраций, Ставка подчас не выполняла распоряжений Верховного главнокомандующего, и никто "на верхах" не думал о благе страны. Большинство отчего-то гнались за собственной выгодой. Кирилл подавил вздох от этих непростых мыслей, когда завидел, что к нему спешит какой-то офицер.

Ага, судя по погонам, полковник. Лет сорока, плотный, с лихо закрученными усами и чуть подрагивающим кончиком правого уха, щурящимися глазами. Но особенно выделялись его руки. Мощные, загорелые, мозолистые. Он легко бы мог обхватить одним кулаком конскую подкову, а вторым в это время стучать молотом по наковальне. Во всяком случае, Кирилл живо представил себе кузню, где этот "коваль" забавляется с молотами, кувалдами, подковами, серпами, перебрасывая их из руки в руку или вертя над головой.

— Ваше высокопревосходительство, Особый полк по приказанию Его Императорского Величества и генерал-полковника Карла Густава Эмиля фон Маннергейма прибыл в Петроград в Ваше распоряжение. Командующий Особым полком полковник Николай Степанович Скоробогатов! — полковник так резко вздёрнул руку для отдачи чести, что Сизов испугался, что через мгновенье раздастся хруст костей. Но ручища Скоробогатова остановилось в считанных миллиметрах от виска.

Кирилл опустил взгляд на грудь Скоробогатова. Анна, Владислав, Георгий… На мундире полковника расположилась целая "семья" наград. Сразу было видно, что Николай Степанович в окопах не отсиживался…

— Без чинов, Николай Степанович. Благодарю, Вы сами не знаете, насколько приход Вашего полка поможет Родине, — Скоробогатов явно не умел скрывать своих чувств.

Он вытянулся по стойке "смирно", широко улыбнулся, но в глазах полковника

заплескалось волнение, готовое вот-вот выйти из берегов.

— Ваши солдаты и офицеры готовы сегодня же утром пресечь попытку восстания? Даже среди запасных батальонов? — Кирилл решил быть честным с полковником. Тот, как и его люди, заслуживал знания будущих событий хотя бы в крохотных рамках.

— Они будут готовы хоть к бою в окружении как только закончится их выгрузка. Кирилл Владимирович, где расположат моих солдат? Надеюсь, слухи о том, что здесь начинается голод, не соответствуют действительности? — Скоробогатов проявлял в первую очередь заботу о своих подчинённых. Кирилл надеялся, что полковник сможет пережить бурю в столицу: такие люди ему были очень нужны в будущем.

— Вы займёте Адмиралтейство, а насчёт ужина не волнуйтесь, всех накормят. Проблемы, конечно, с продовольствием есть, но по сравнению с Берлином, где люди умирают от голода — это так, шутка. Николай Степанович, у Вашей части есть флаги? И оркестр?

— Да, Кирилл Владимирович, — Скоробогатов оказался в замешательстве. — Однако…

— Боюсь, Вашей части придётся начать борьбу уже сейчас. У вокзала ждут грузовики и бронеавтомобиль. Прикажите солдатам в них грузиться с развёрнутыми знамёнами, под игру гимна. Справятся?

— Так точно, Ваше высокопревосходительство! — Скоробогатов на время позабыл о просьбе, более похожей на приказ, Кирилла чины не упоминать.

А через считанные минуты по улицам, приводя в замешательство прохожих, городовых, казаков и жителей окрестных домов ехала колонна грузовиков. В воздухе разливалась мелодия гимна, а солдаты пели, вбирая в себя все другие звуки. даже заглушая рёв моторов.

Кирилл улыбался. Вот-вот на Царскосельский вокзал должны были прибыть части Экипажа. Комендант Села дал разрешение на отъезд нескольких батальонов в столицу, для подавления беспорядков. Александра Фёдоровна находилась даже в приподнятом настроении, узнав, что верные трону люди отправляются подавлять мятеж.

А потом Кирилл грустил: он знал, что должен позволить крови пролиться, чтобы не оставить шансов Думе, правительству и царю бездействовать…

Глава 12

"Генерал-лейтенанту Хабалову повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжёлое время войны с Германией и Австрией".

Этот приказ, сильно запоздавший, зачитывали по всем казармам солдатам, офицерам и унтерам. Разбуженные люди, уставшие от трёхдневных оцеплений, морально подавленные тем, что участвовали в расстреле мирных людей, надломленные, слушали. И понимали: "Завтра снова то же самое. Только хуже".

Почти в то же время князь Голицын, премьер, достал из стола припрятанный загодя, "на крайний случай", указ царя о роспуске Думы. Проставил дату. И решил, что сделал всё, что от него требуется.

А в казармах Павловского и Волынского полка было очень неспокойно. Солдаты, как раз и стрелявшие по толпам людей, "принимали гостей".

— Что же вы, товарищи, по своим же соотечественникам стреляли? И это в войну? Нехорошо!

— Братцы, да чего же вы, а? Да вы же простых трудяг перебелили, у них же семьи без кормильцев!

— Стыдно, господа-солдаты, стыдно…

Но более всего наэлектризовало солдат появление Керенского. После многочисленных раздумий он решил лично выступить перед "чудесной толпой, готовой развесить уши". Александр Фёдорович чувствовал, что настал его звёздный час. Именно он будет записан в

анналах истории как человек, лично поведший войска к победе свободы и демократии в России! Он уже видел свои лики, отчеканенные на медалях и монетах "Честному вождю свободного народа" или что-то в этом роде. Да, именно в золоте! Керенский сам сможет всё решить! А если он будет медлить, то — конец! Царь выиграет войну, этой же весной, его авторитет вырастет слишком сильно, и шансов на изменение режима ещё долго не представится.

Сама история предоставила ему такой шанс: в казармы при особой сноровке мог пройти кто угодно с улицы, "укорить и направить" на путь истинный.

— Товарищи, вас заставили стрелять по своим же братьям! По простым рабочим и студентам! Кто-то из ваших родственников мог оказаться среди трупов, оставшихся лежать на мостовых! Но нужно искупить этот грех! Его можно искупить, я знаю, как! Нужно навсегда избавиться от того охвостья, зубоскалов и трепачей, что сейчас сидят в министерстве! Надо избавиться, сбросить с себя ярмо царизма! Нужно сражаться за демократию! За народ и волю! Ура! Бей прихвостней царя! Даёшь революцию! Даёшь свободу!

Керенский повалился со стула, на который поднялся, упав прямо на руки своим друзьям: обморок. Это произвело сильно впечатление на солдатскую и унтер-офицерскую массу. Да и офицеров задело за живое. Многие просто устали, хотели надежды. А если придётся хоть за чёртом пойти в ад — так и хорошо!

— Братцы, а ну-ка, вместе, разом, двинем! Доколе?!! — возопил какой-то солдат из угла. Его призыв подхватили и остальные.

И двинулись. Тех, кто пытался остановить толпу или хотя бы остаться в казармах, били или оттесняли в стороны. Керенский решил пойти вместе с толпой. Он пришёл более или менее в себя, и желал с этой же минуты повести за собой народ. За революцию, к победе!

Павловцы двинулись, вышли на улицу: и остановились.

Прямо у казарм застыли ряды солдат. Стволы пулемётов смотрели прямо на двери казарм, — то есть прямо в самую гущу толпы. Винтовки были взяты "на изготовку". Некоторые солдаты даже прицеливались, выбирали себе мишени.

На переулке застыл бронеавтомобиль "Мерседес", этакий гоночный экипаж, облачённый в стальной саван. Пулемёт "Максимум" торчал из пулемётной башни, готовый вот-вот разразиться очередью. Из двух небольших окошек, до того скрывавшихся за откидными люками, высунулись берданки.

— Стоять! Вернуться в казармы, иначе мы откроем огонь!

Керенский лихорадочно смотрел на происходящее, громко сглатывая. Он совершенно не ожидал, что за считанные минуты у казармы соберётся сотни три или четыре солдат да ещё бронеавтомобиль. Но павловцев-то было больше! Они должны победить! Идея поможет им одержать победу!

Александр Фёдорович хотел было начать очередную короткую речь, в надежде образумить пришедший отряд и перевести его на сторону борцов за демократию.

— Огонь, — раздалась команда откуда-то позади. Керенский похолодел: этот голос он узнал слишком хорошо. Кирилл Владимирович предал дело свободы…

В глазах лидера трудовиков всё потемнело: тьма пришла вместе со звуком залпа…

Кирилл Владимирович закусил губу. Ему было по-настоящему больно видеть, как русские стреляют по русским — и это военную пору. Но он не знал, как действовать иначе. В октябре большевики сделают точно самое, а потом, в восемнадцатом и девятнадцатом начнут уничтожать уже и мирных граждан, а не только "беляков". Кирилл всё же взял на себя ответственность стать палачом. Храбрости признаться в этом у него хватило, не то что у сотен других.

Полуторатысячная толпа, поредевшая, напуганная, потерявшая осознание происходящего, отступала в казармы. Люди бросали оружие, многие падали на землю, зарывая голову руками.

— Всё оружие — изъять. Приставить сотню человек, в казармы не входить. Охранять

только входы-выходы. Всякие разговоры с павловцами прерывать. В случае попыток любой агитации — открывать огонь. Исполнять. Всех офицеров и унтеров из казарм. Выяснить, кто стал зачинщиком бунта. Найти таких — и расстрелять. За измену России. Остальные — в грузовики, отъезжаем к Думе. Один бронеавтомобиль "Мерседес" должен остаться здесь. Для прикрытия. И помните: от ваших действий зависит судьба страны и войны.

Кирилл Владимирович нахмурил брови и помассировал виски — но только когда оказался внутри второго бронеавтомобиля, "Армстронга-Уитворта-Фиата". Сизов с усмешкой смотрел, когда садился, на его зенитную установку. "Будет теперь не залп "Авроры", а очередь зенитки — мельчает история, мельчает…"

Ещё хуже пришлось Волынскому полку: среди ночи казармы были оцеплены броневиками и частями Особого полка, здесь же выставили батальон Гвардейского флотского экипажа.

Несколько горячих волынцев всё-таки набрались храбрости и пальнули из окон, на что им ответили очередью из "Максимов". Тут же стало тихо.

Кирилл Владимирович прошёл внутрь казарм во главе с двумя взводами матросов из Экипажа. Повсюду — люди в замешательстве. Под окном валялось двое трупов, под ними уже растеклась ужа крови. Этот вид, похоже, быстренько охладил пыл мятежных частей.

Однако тела валялись не только у окна: на полу и у стен лежали офицеры, избитые или раненые — сложно разобраться.

— Кто это сделал? — Кирилл кивнул в сторону избитых офицеров. — Я спрашиваю, кто? Какой мерзавец решил поднять руку на командира? Какой мерзавец, не выдержав вида буйствующей толпы и строгости приказа, поднял руку на офицера?

Волынцы молчали. В казармы заходило всё больше и больше солдат, которых сюда привёл Кирилл.

— Трусы, — в сердцах бросил Сизов — и тут же раздался револьверный выстрел.

Кирилл откинуло в сторону, он растянулся на полу, раскинув руки в сторону, закрыв глаза. На его мундире отчётливо виднелась дыра, проделанная пулей. Моряки из Экипажа, увидев павшего командира, уже вскинули винтовки, готовясь дать залп. Послышался мат: волынцы услышали всё, что о них думают.

И первый залп: матросы стреляли вперёд, в ту сторону, откуда прилетела пуля. Люди падали, запрокидывая головы, заваливаясь назад, хрипя или крича, матерясь и безмолвствуя. Русские убивали русских…

— Отставить, — выкрикнул…Кирилл! — Чёрт побери, отставить! Прекратить!

Ещё несколько выстрелов — и стало тихо.

Сизов, не обращая внимания на продырявленный мундир (дыр было две: потом выяснилось, что звуки двух выстрелов слились в один), с широко раскрытыми глазами глядя на бойню, в которую превратилась казарма.

Двадцать или тридцать трупов, не меньше. Ещё двое больше — раненых. Кирилл нервно сглотнул, зажмурил глаза: он не хотел, всеми силами противился картине, полной алых красок. Уже слишком много крови стоила эта революция. Но Сизов всё же решил продолжать, он взял на себя ответственность, он поднял свой крест, который с каждым вздохом становился всё тяжелее и тяжелее.

Кирилл потрогал двумя пальцами одну из дыр в мундире: пуля застряла в панцире Черепанова, который загодя надел Сизов. Металлическая пластина спасла ему жизнь. Но если бы он мог своею жизнью заплатить за чужие смерти, спасти сотни тех, кто уже погиб, и кому только предстояло погибнуть в жерле революции — Кирилл сделал бы это незамедлительно. Но ничего не даётся так просто…

— Видите, до чего довели Вас глупость и проклятые агитаторы с провокаторами? Вы убивали людей на демонстрациях, теперь убивают вас. Запомните эту сцену. И когда кто-либо, когда-либо в вашей жизни станет призывать вас обернуть дула ружей ради блага революции, ради какого-то идеала — вспомните эту ночь. Может быть, это воспоминание направит вас по правильному пути.

Кириллу сжал кулаки и, демонстративно повернувшись к замершей в онемении и оцепенении солдатской массе, направился прочь из казарм, на ходу приказав:

— Здесь — делать то же самое, что и у павловцев. Никого не впускать и не выпускать. Не уходить отсюда. Только по моему личному приказу. Поняли? Личному!

На улице, вдохнув морозного воздуха, Кирилл сел в броневик. Завели грузовики. Путь теперь лежал к Таврическому дворцу, туда же должны были направиться кадеты, юнкера и надёжные части — Кирилл решил, что надо сделать за Хабалова его работу.

Занимался рассвет. Первые лучи солнца освещали волнующийся город. Грузовики и броневики оцепили Думу, к которой стекались со всех концов города люди, не знавшие, что происходит и думавшие, что в Таврическом они найдут ответ.

А депутаты сами оказались в замешательстве. До них уже дошли известия о мятеже волынцев и павловцев, быстро подавленных усилиями Кирилла Владимировича Романова. К тому же нигде не могли найти Александра Фёдоровича Керенского: его жена сообщила, что муж поздно вечером направился куда-то, с полным решимости лицом. До этого кто-то ему звонил, кажется, из трудовиков.

Представители левых партий неистовствовали: они обвиняли всех и вся в предательстве народа, избирателей, тех, кто доверился Думе, в новом Кровавом воскресенье. Однако и они примолкли, едва пришла новость о мятеже в Кронштадте: матросы, давным-давно волновавшиеся, подняли красный флаг, перебили офицеров и немногочисленных верных строю сослуживцев и теперь заперлись на острове, громя всё, что под руку подвёрнётся.

Удар за ударом в дубовую дверь. Капитан первого ранга Сидорков встал у узкого окна-бойницы, выходившей на воды Балтики. Куски льда плавали по тёмной воде. Небо только-только начал озарять рассвет: редкие алые лучики прорезали тьму, кромсая её на части, дарили надежду.

— Ух, гад! Заперся! Ломи, братва, ломи! — петли уже почти не выдерживали. Сыпалась штукартурка.

В Кронштадт как-то просочились вести о том, что запасные батальоны подняли мятеж, что народ вот-вот выйдет на баррикады, требуя мира и хлеба. И полыхнуло…

В крепости собрались самые горячие головы со всего флота, не нюхавшие дыма немецких линкоров и не попадавших под пули их пулемётов в десантах, не смотревшие на проплывавшие у самого борта мины. Безделье и муштра, вечное, опостылевшее однообразие: многих это может свести с ума, чаще же — может привести к тупой ярости, к желанию поменять, любыми способами поменять, чтобы не так, как раньше, чтобы хоть как-то иначе…

Матросы "поднялись", перебив всех офицеров, что пытались удержать их от восстания, предотвратить это. Началась бойня, избиение кучки людей толпой озверевших, опьянённых чувством безнаказанности (они-то ещё не знали, что устроили за бунт запасным батальонам) балтийцев.

Офицеры-балтийцы не сдались просто так. Они сражались до конца, как могли, защищая свою честь и выполняя священный воинский долг. Многие смогли укрыться в кабинетах и арсеналах, закрепиться там с оставшимися верными царю и порядку матросами.

Капитан первого ранга Кирилл Сидорков смог найти защиту за дверью кабинета. Но и за ним "пришли",

Капитан крутил барабан "нагана", пересчитывая оставшиеся в нём патроны. Три штуки. Много, это очень много. Даже если бы остался только один патрон — этого было бы достаточно.

Толчок в дверь — и та обрушилась вниз, ухнула на пол, подняв столб пыли. Кирилл, не целясь, дважды нажал на курок револьвера, направив его в своих бывших подчинённых. Два выстрела. Оба — в цели. Сидорков, вздохнув, приставил "наган" к виску и нажал на курок. В

последний раз в своей жизни. Капитан уходил к Богу только с одною мыслью: отчего люди перестают быть детьми, ведь не рождаются же они такими жестокими и охочими до чужой крови…

К этому "благому делу революции" присоединились рабочие нескольких заводов, уничтожив полицейские участки на Выборгской стороне и начав строить баррикады. Везде царила анархия. И люди испугались, просто испугались, поняв, что же происходит, чем оборачиваются беспорядки…

— Пали!

Стройный залп из полутора десятков винтовок и револьверов по улице. Люди внизу даже не расступились, не дрогнули, когда на мостовой оказалось ещё несколько трупов. Толпа неистовствовала, ломая двери полицейского участка.

— Порешат нас, братцы, — бесстрастно заметил один из околоточных, перезаряжая револьвер. — Как есть, порешат, как германьца.

— Отставить панику, — хлёстко приказал офицер. — Мы ещё им покажем, что значит полицию не уважать. Ребяты, ну-ка, ещё залп!

Работяги из соседнего завода выломали фонарный столб и, перехватив его наподобие тарана, пошли на "штурм" участка.

Сам Родзянко, собравший "совет старейшин" Думы утром двадцать седьмого февраля, ударился в панику, посылая одну телеграмму за другой в Ставку, а затем рассказываю старейшинам-лидерам думских фракций и некоторым членам Государственного совета, что же происходит в столице и Кронштадте.

Старейшины Думы нервничали, ругались, и не могли понять, что же делать: бунт ширился. Превращаясь в революцию, и было непонятно, увенчается она успехом, или бунтовщиков вздёрнут на фонарях. Приходили вести, что по городу разъезжает на грузовиках и броневиках какая-то воинская часть, никого не щадившая на своём пути, ни офицеров, ни солдат, ни полицию, ни манифестантов. Другие утверждали, что над бронеавтомобилем, что едет во главе колонны, развевается русский триколор, а третьи — что из грузовиков несутся слова "Боже, царя храни!", а вместо флага — хоругвь. Сперва эти слухи приняли за бред перепуганных или пьяных, однако…

Однако перед Таврическим дворцом остановилось семь грузовиков, из которых быстро-быстро стали выбегать солдаты, разворачиваясь в боевые цепочки, расставляя пулемёты, чьи дула смотрели на волнующийся, потерявший сон Петроград.

А из броневика, на котором не было ни хоругви, ни триколора, ни красного знамени, вышел Кирилл Владимирович Романов. Вид у него был невероятно внушительный: хмурый, решительный, пронзительный взгляд усталых глаз, револьвер в раскрытой кобуре, несколько офицеров и солдат, все в орденах и медалях, за спиной. Один даже, особо рослый детина, прихватил где-то ручной пулемёт Льюиса. Массивное оружие чем-то напоминало морское орудие, обрезанное, с приделанной к нему ручкой и дисковым магазином, с чуть сужавшимся к концу стволом. Завершали "картину масло" сошки, на время похода собранные и сложенные вдоль ствола. Эту бравую команду не посмели не то что остановить, но даже узнать, по какому поводу вооружённый отряд находится в Таврическом дворце.

Кирилл быстро нашёл кабинет Родзянко, жестом приказал остаться в коридоре всем, кроме солдата с ручным пулемётом, и, постучав в дверь, вошёл.

"Неизгладимое впечатление" — это слишком мягко сказано о том эффекте, который произвело появление Сизова среди старейшин. Родзянко остался сидеть, даже, кажется, вздохнул с облегчением. Монархист Шульгин улыбнулся, глядя на пулемёт. Милюков вскочил со стула, затем снова сел. Гучков же замер, похоже, он менее всего ожидал увидеть так скоро Кирилла с "ординарцем"-пулемётчиком.

— Кирилл Владимирович, как это понимать? — всё-таки первым проснулся Львов. — Что здесь делает этот солдат?

— Это мой ординарец, доверенное лицо, — "доверенное лицо" вытянулось во фрунт, да так, что аж пол заскрипел, а ствол "Льюиса" замелькал с невероятной скоростью перед глазами "старейшин". Те зачарованно, как будто под гипнозом, провожали дуло ручного пулемёта глазами. — Господа, боюсь, в городе начались настоящие беспорядки. Несколько запасных батальонов попытались присоединиться к манифестантам, подняли оружие на офицеров, но мне удалось их утихомирить. Временно, конечно, у меня слишком мало людей. Восстал Кронштадт, так что у нас под боком настоящее гнездо проказы, откуда по всему Петрограду будут распространяться миазмы революционной заразы. Вы же все помните пятый год? Боюсь, в условиях войны события будут развиваться намного хуже. Мы не можем этого допустить, господа. Поэтому я прошу Вас, Михаил Владимирович, отправить нескольких человек из собравшихся здесь в Ставку, к Его Императорском Величеству. Я сомневаюсь, что Николай понимает всю глубину царящих здесь беспорядков. Но, боюсь, нужен какой-нибудь решительный шаг, который заставит людей прекратить беспорядки и продолжить работу на благо победы над врагом.

— Да, Кирилл Владимирович, мы хотели поступить подобным образом. Однако…Что там происходит, в городе? Мы слышали отдалённую стрельбу, крики. Кажется, к дворцу подъезжали какие-то грузовики, — Георгий Евгеньевич заметно волновался: он не знал, как быть. Никто не ожидал, что беспорядки разрастутся в таких масштабах, а гарнизон поддержит манифестантов.

— Это солдаты, прибывшие с Румынского фронта, сейчас они окружают Таврический дворец, чтобы защитить его в случае нападения восставших. Люди должны понять, что символ власти, Дума, остаётся островом спокойствия посреди хаоса. Но несколько сотен человек не смогут удерживать дворец, если весь гарнизон выйдет из повиновения. Я лишь надеюсь на генерала Хабалова и на Его Императорское Величество. Можете быть уверены, господа, что Дума получила достаточные силы, дабы поддерживать хоть какое-то подобие порядка в центре столицы. Но — не более.

— Спасёт положение только отречение, я в этом уверен целиком и полностью, — высказался Гучков. — Иного выхода я не вижу. Правительство доверия уже не поможет. Массы просто не пойдут. Нужно отречение.

— Пусть Николай издаст указ о создании нового правительства, а затем отречётся в пользу наследника. Думаю, что это утихомирит самых буйных, — Шульгин вздохнул. Он был единственным монархистом среди "старейшин", и ему нелегко давались слова об отречении. Однако он понимал, что без решительных, действенных шагов монархия может быть сильно поколеблена. И это — в условиях войны. Такого нельзя допустить, кто ещё будет удерживать армию и страну от развала.

— Павел Николаевич высказался в том же роде. Что же, надо отправить господ Александра Ивановича и Василия Витальевича к Его Императорскому Величеству. Я уверен, что Вы сможете убедить императора в необходимости решительных действий. Господь поможет Вам. И, господа, надо отправляться в ближайшие же часы. Неизвестно, что может произойти на железной дороге. Вдруг там может начаться забастовка? Тогда связь с императором может быть поддержана только по телеграфу или телефону, если и они не прекратят действовать. И думаю, что не будет лишним организовать комитет, чей список в качестве будущего состава правительства доверия будет передан Императору на подпись, — Родзянко попал в родную стихию организации. Ему льстило то, что он практически вершил судьбу страны из небольшого кабинета в Таврическом дворце.

А потом было ещё очень и очень много слов. Сизов старался не подавать вида, что ему отвратительно наблюдать, как группа людей обсуждает, спорит об одном и том же, тонет, вязнет в деталях и нюансах, а на улицах гибнут люди, животное вытесняет человеческое, звери бродят в обличье людском, нападая на таких же зверей. А многие просто остаются безучастными, сидя по домам, уверенные, будто беда пройдёт мимо них. А она всё не проходила и не проходила.

Александра Фёдоровна вглядывалась во двор за окном спальни, в которой лежали её дочки. Анастасии было хуже всего, болезнь всё не хотела проходить. А на улице несколько солдат разворачивали орудие, нацеливая его на подходы к дворцу. Почти весь гарнизон поднял оружие против Престола. Императрица хмуро взирала на то, как немногие верные части собирались вокруг резиденции.

Она никак не могла связаться с Никки. Как он там? Может, он уже спешит на помощь, наконец-то решил показать, что тоже способен стать Грозным, Петром Первым, Александром Миротворцем? Никки сокрушит всех врагов! Он поднимет престол, сделает его недосягаемым для происков черни и Думы, этого рассадника революционной заразы!

Анастасия закашлялась, застонала, начала елозить на кровати, звать маму. Александра тяжко вздохнула и поспешила к дочке, пробуя рукой жар. Эти доктора ничего не могли поделать, и зачем их только держат…

Николай ссутулился, сидя у телефонного аппарата. Трубка лежала рядом. Глухо гудела. А император смотрел прямо перед собой. Начался настоящий мятеж. Только что до него дозвонились Кирилл и Хабалов. Сперва царь никак не мог понять, что генерал-лейтенант делает в Военном министерстве вместе с сыном Владимира Романова. А затем Хабалов начал рассказывать, что же происходит в городе. Похоже, давалось это ему весьма тяжело. Да и связь как назло была невероятно плохой, то и дело обрывалась. Несколько запасных батальонов гвардейских полков пытались поднять мятеж, но части, которые должны были прибыть в Гельсингфорс к Маннергейму, вовремя оказались в столице. Правда, не обошлось без крови. Громят полицейские участки, суды и тюрьмы. Вернее, пытаются: тут взявший трубку Кирилл Владимирович рассказал, что взял командование над той румынской частью, смог оцепить казармы взбунтовавшихся батальонов и обезопасить несколько кварталов…

— Отставить панику, — хлёстко приказал офицер. — Мы ещё им покажем, что значит полицию не уважать. Ребяты, ну-ка, ещё залп!

Работяги из соседнего завода выломали фонарный столб и, перехватив его наподобие тарана, пошли на "штурм" участка.

Вот они подошли к дверям. Удар по дверям. Створки не выдерживают, щепы летят во все стороны — и раздаются очереди, похожие на пулемётные. Только…другие. А вместе с очередями — мат.

И труп, снова труп людей, только недавно и не думавших, что упадут под весом фонарного стола, искорёжённого, выломанного из брусчатки, подкошенные пулями своих же соотечественников. А вот она как, судьба, распорядилась-то.

— Эвона, какие знатные у них винтовочки-то, — присвистнул один из городовых, глядя на странное оружие, из которого до того стреляли по уже разбегавшимся восставшим солдаты.

Ствол почти как у винтовки, только будто бы обрезан немного, приклад повёрнут не как у винтовки, а как у карабина Маузера, во всяком случае, похож он был. Да только магазин большой, и ручка есть, чуть подальше от приклада, чем тот странный магазин. Да и вроде как курка — два! Только курки, конечно, городовой после заметил. Но эта странная винтовка врезалась ему в память на всю жизнь, как будто держал её в руках, будто сам стрелял по уже готовым ворваться в полицейских участок бывшим рабочим да голытьбе.

Глава 13

В штаб Маннергейма стекались не самые оптимистичные вести. Команды нескольких кораблей всё-таки взбунтовались, перебили офицеров и попытались прорваться в город, к арсеналам и казармам, "народ поднимать".

— Вперёд, братва! Бей офицерьё! Бей гнид гнойных! — орал какой-то особо голосистый матрос, махая зажатым в руке наганом. Пять или шесть десятков человек, перед этим сбросив в море офицеров, растекалась по пирсу.

Первым же голосистый и увидел, что недолго вольнице матросской радоваться: впереди, на подходе к улицам, застыли две цепочки солдат. Передние залегли, вторые же встали на одно колено, целясь в бунтовщиков.

— Сложить оружие! Поднять руки вверх! Зачинщиков — выдать! Больше никого не тронем! — ротный был настроен решительно. Он не спускал пальца с курка "браунинга", готовясь в любой момент открыть стрельбу по матросне.

— Братцы, хай им грець, вдарим? Вжахнем? — молодой матрос, до того неистово бивший уже мёртвого, посиневшего кондуктора прикладом винтовки, лихо сплюнул на грязный снег.

— Сдавайтесь, дурачьё! Все поляжете! — ротный всё-таки хотел завершить дело миром. Ну не настолько же обезумели матросы, чтобы грудью идти на ощетинившийся трёхлинейками строй?

— А може, вправду, замиримся? — подал голос уже бывалый морской волк. На ухе его болталась серьга: знак того, что он переплывал экватор. — Свои же там. Покаемся. Кровь-то не мы лили…

— От мразь! Баста они крови попили! Всех их надо… — неистовый матрос упал на пирс первым: ротный всё-таки выстрелили из "браунинга", понял, кто является одним из заправил.

Солдаты подхватили, и раздался залп из винтовок. Матросы падали на грязный снег, окрашивая его в алый цвет. Многие, конечно, отделались только ранениями или страхом, но…

— Каждого, кто встанет, лично пристрелю, морды! — ротный был настроен решительно. — И всех, кто офицеров тронул, забью. Поняли?

Ротный ещё в девятьсот шестом навидался такой компании. Так что знал, как надо обращаться с бунтовщиками. Он, конечно, понимал, что не от хорошей жизни матросы подняли бунт, но всё-таки так отвечать на приказ выйти в море и слухи о стрельбе по не подчинившимся прямому указанию офицеров? Это до чего же люди дошли? Надо было раньше брать быка за рога, к чёрту прекращать никому не нужную войну и решать проблемы своей страны, а не союзников, чью жизнь сохраняли ценою миллионов смертей наших солдат…

К тому же пришло известие о восстании в Кронштадте. За считанные часы практически все офицеры и не желавшие поднимать на них руку матросы были перебиты. В столице вот-вот готов был грянуть бунт запасных батальонов, но какие-то войска его подавили. Были и совершенно дикие слухи о том, что по Петрограду разъезжает на броневике сам царь или Николай Николаевич, прибывший с Кавказского фронта, лично водит в атаки верные престолу части, да и пули его не берут.

Густав, вздыхая, слушал все эти новости, брался за голову, затем поглядывал на бутылку игристого, а потом — надевал парадный китель и шёл к администрации Гельсингфорса. Маннергейм хотел окончательно порядок навести в городе, подчинив все действия властей одной-единственной цели: консервации столицы Финляндии. Ничто, что могло принести разброд, что могло поджечь фитиль пороховой бочки под названием "Гельсингфорс", не должно было попасть внутрь. Кирилл Владимирович предлагал в крайнем случае перекрыть сообщение с империей, остановив движение по единственной железной дороге, связывавшей Финляндию и Россию. А после надо было продержаться до того, как Романов наведёт порядок.

Густав уже практически перестал сомневаться в Кирилле. Каждый час появлялось всё больше и больше подтверждений его словам. А если у третьего претендента на престол были

знания, то и сила должна была быть с ним. Или хотя бы план, как разобраться в начинавшемся хаосе.

Радовало то, что в Гельсингфорсе практически подавили все выступления матросов эскадры и солдат гарнизона. Самых ненадёжных заперли в тюрьмах и на гауптвахтах. От офицеров вышедших в море кораблей получили сообщение, что пока что команды спокойны, признаков брожения нет. Дисциплину же будут "подтягивать".

А от императора не было ни слуху, ни духу…

В Ставке Николай невероятно волновался. Связи с семьёй не было, он ничего не знал об Аликс, дочках и Алексее. Это очень давило на царя. Да ещё и тот разговор с Хабаловым и Кириллом…

Правительство, введя в действие указ о роспуске Думы, практически разбежалось. Хабалову вечно кто-то мешал наводить порядок, спасали только части под началом Кирилла. К тому же сын Владимира сообщил, что намерен прибегнуть к помощи юнкеров и кадет, а ещё просил дать ему полномочия по наведению порядка. Практически, диктаторские полномочия. Николай никак не мог решиться: до того момента, как узнал, что в Царском селе тоже — бунт. Самые дорогие, самые близкие Семье части — и те взволновались. Это был удар в самое сердце, плевок в душу. Но ещё страшнее: Аликс и дети оказались под ударом. Ещё немного, и их могут захватить. Неизвестно, что с ними будет…

Николай всё-таки разрешил Кириллу действовать любыми мерами, обещая подготовить соответствующий документ в ближайшее же время. Но вот насчёт просьбы назначить новый кабинет во главе с Родзянко… Вспомнилось недавнее дело со Львовым. Дума хотела забрать себе бразды правления, она к этому давно стремилась. Но Аликс. Дети. Алексей. Всё свалилось, всё и сразу, на одного-единственного человека. "Измена, и трусость, и обман" — подумал Николай, кладя трубку телефона. А через несколько минут он приказал отправляться царскому поезду в Царское село, лично быть там же, где и его семья. Никто не посмеет тронуть самодержца!

Кирилл Владимирович оставил Хабалова в приподнятом настроении. После продолжительного разговора, в ходе которого Сизов узнал, как многие в городе просто не хотели помогать войскам, и даже здание для штаба найти не смогли. Отовсюду их выгоняли: из Адмиралтейства — морские офицеры, из Зимнего дворца их прогнал Михаил Александрович, заявив, что не желает, чтобы кровь лилась возле дома Романовых. Да, зато лилась кровь по всему городу, построенному Петром…

Только вмешательство Кирилла помогло оставить штаб Хабалова в Адмиралтействе. Оттуда же были высланы все свободные части под руководство Кутепова, офицера гвардии. Недавно приехавшего с фронта. Кирилл через адъютантов пытался скоординировать совместные действия. План его был довольно-таки прост: перекрыть мосты на центральные острова и кварталы Петрограда, оцепить казармы мятежных частей, заключённых из тюрем, полицейские участки и судей с жандармами эвакуировать к Петропавловской крепости, под защиту артиллерии. Кое-что из этого плана уже приводилось в действие.

Кадеты и юнкера военных училищ прекрасно справлялись со своим заданием. Воодушевлённые тем, что идут "спасать страну и победу", впервые взятые в "настоящее дело", они помогали перекрывать пути восставшим в центральные кварталы и эвакуировали полицейские участки.

Немногочисленная конница конвоировала заключённых. Несколько раз их пытались отбить, но ружейные и пистолетные залпы быстро охладили пыл "революционэров", как говаривал Плеве.

А пока в Таврическом дворце царила "говорильня", Кирилл держался подальше от места, где рождался Временный комитет Государственной Думы. Да и самые горячие головы тоже находились всё-таки далековато, близко подойти не могли: особо ретивых останавливал вид броневиков и пулемётных расчётов.

"Старейшины" всё еще заседали в кабинете Родзянко. До этого они некоторое время принимали просителей и просто людей, уверенных, что только здесь они смогут узнать, что же на самом деле творится в столице. Сюда, правда, надеялись пройти представители левых партий, чтобы выпросить какое-нибудь помещение для создания Совета рабочих депутатов. Опять бы началась свистопляска и появление "второй власти", желавшей расшатать правительство. Но кто-то из офицеров узнал нескольких людей, которых ещё в пятом году приходилось усмирять. На этот раз всё прошло куда быстрее: конвой и в ответ на требования прекратить произвол — напоминание об условиях военного времени. Кирилл перед отъездом в Военное министерство прямо указал, что части могут предпринимать любые действия по предотвращению дальнейшего разрастания восстания. Абсолютно любые, а Кирилл уж сам потом разберётся, кто прав, а кто — нет. Сизов был уверен, что Николай всё-таки позволит взять ему полномочия по наведению порядка в городе.

Вот это-то как раз и беспокоило "старейшин".

— Господа, а Вам не кажется, что Великий князь становится всё менее управляемым? Я уже не могу с точностью сказать, что он подчинится голосу разума и поспособствует установлению нового порядка. Что, если он предаст идеи либерализма и воспользуется создавшимся положением для укрепления власти? Или сам захватит власть, перевешав нас на фонарях? — Милюков почесал переносицу, отложив в сторону пенсне. Побарабанив пальцами по столешнице, он поднялся из кресла и подошёл к окну. Вид солдатского оцепления его начинал беспокоить всё сильнее и сильнее. — К тому же, эти отряды? Мне думается, они вполне могут повернуть оружие против нас.

— Позвольте, но Вы можете себе представить Кирилла, только недавно предлагавшего остановить добычу золота, а освободившихся рабочих направить в армию, в которой и так раздуты тылы, один столичный гарнизон чего стоит! Или припомните скандал, связанный с его нынешней женой? Или прохладное отношение императора и императрицы в прошлые годы? А вспомните, что он первым пошёл на контакт с "Прогрессивным блоком"? А вспомните, что он находился долгое время под наблюдением Охранного отделения? А вспомните, в конце концов, милостивые государи, кто закрыл меня от пуль убийцы? Я бы вряд ли сидел в этом месте и видел возможность изменения прогнившего строя, скорее, лежал в хладной земле, отпетый и причащённый, — Георгий Евгеньевич Львов, наконец-то добравшийся до Таврического дворца. Всё утро он тщетно пытался навести справки о местонахождении Александра Фёдоровича Керенского — но тщетно. Никто его не видел позже вечера прошлого дня. Хотя некоторые предполагали, что он отправился агитировать части на восстание.

А восстание совершенно не входило в планы старейшин. За прошлые дни они успели повидать весь хаос и ужас от людской озлобленной толпы. Они боялись, что народ просто сметёт всё на своём пути, и начнётся бессмысленный, беспощадный, кровавый и бесконечный русский бунт. Поэтому пришлось смириться с тем, что солдаты окружали Думу. Всё-таки её избиратели мандатов спрашивать не будут. Голодному и холодному человеку всё равно, что мандат, что мундир, что погоны…

К тому же всё чётче вырисовывались перспективы использования Кирилла вместо Николая Николаевича, медлившего с согласием на "диктаторство". А третий претендент на престол был под рукой, начал действовать, наводить порядок, что должно было поднять его авторитет среди определённых слоёв населения. Может, его воинские способности и оказались не самыми худшими, но вот управленческие…Никто в стране не смог бы вспомнить чего-либо дельного, предложенного или сделанного Кириллом на ниве государственного управления. Поэтому в этом он должен был полностью подпадать под влияние будущего министерства. Благо посты уже были поделены между министрами. Разве что шли споры по поводу участия левых и портфеля министра юстиции. В условиях, когда с Керенским могло произойти всё, что угодно (Родзянко вообще предполагал, что его могли убить взбунтовавшиеся рабочие, солдаты или же городовые и части, восстанавливавшие порядок), пост министра юстиции оказался вакантным.

Многим, правда, приходила на ум кандидатура Переверзева, выражавшего антиправительственные взгляды, да ещё и обладающего каким-никаким, а всё-таки весом в обществе юристов. Кому-то импонировала фигура Гинса, почитавшегося за не самого худшего администратора и более или менее хорошего юриста: всё-таки адвокатом может и не быть министр юстиции, но организатором он быть обязан. Эту мысль выдвинул Родзянко, но его голос потонул в море негодования.

К сожалению, эту говорильню Кирилл пока что разогнать бы не смог: думцы имели весьма сильное влияние на массы, да и на их стороны была столичная пресса. В любой момент военно-промышленные комитеты, найдись кто-нибудь хотя бы чуточку решительней зайца и активней ленивца, могли просто перекрыть поставки оружия и боеприпасов. А уж если кто-то из левых Думы возжелает всё-таки создать Совет рабочих и солдатских депутатов…

Сизов попал в западню: полномочия у него были, но если он воспользуется ими "на всю катушку" и в лоб — началась бы настоящая революция, а не мятеж нескольких запасных батальонов. Пока что надо было просто выиграть борьбу за умы тех, кто не мог решиться, на чью сторону встать. Именно поэтому Кирилл приказал занять телефонные и телеграфные станции отрядам кадетов и юнкеров, не участвовавших в оцеплении центральных кварталов, а последние броневики направил с несколькими грузовиками солдат к вокзалам. Собиравшиеся у Петропавловской крепости жандармы и городовые были направлены к зданиям крупнейших банков, до которых можно было более или менее быстро добраться от Зимнего дворца.

А ближе к вечеру Кирилл снова вернулся в Таврический дворец. Его указания были исполнены в точности: солдатам оцепления подвезли походные кухни, так что горячей едой людей обеспечили. Кое-как решили вопрос и с теплом: развели костры, а самых продрогших отпускали во дворец погреться.

Временный комитет Государственной Думы по сношениям с лицами и организациями уже был образован и лихорадочно продолжил работу, а именно: попытки связаться с разными частями города, выяснить возможность перехода хотя бы временной власти министров в руки членов комитета и написанием телеграмм в разные концы Петрограда и страны.

— Господа, боюсь, положение удручающее, — Кирилл старался говорить как можно меланхоличней, это показало бы, что дела и в самом деле плохи. — Рабочие уже несколько раз пытались взять тюрьмы, где сидят политические заключённые вместе с уголовниками, в частях гарнизона брожение, которое нельзя остановить только насильственными методами. Бастуют железнодорожные работники на ветке до Пскова. Император, судя по дошедшим до меня сведениям, выехал в столицу на поезде, однако состав был остановлен. Между нами и самодержцем — полоса мятежных частей и поселений. Боюсь, нам не удалось остановить революцию, а точнее, анархию. Голытьба просто перевешает на фонарях всех мыслящих людей отберёт у промышленников их заводы с мануфактурами, у дворян — их родовые поместья и земли, — Сизов старался давить на самые больные точки. — Мы не можем контролировать ситуацию. В этой связи император назначил меня ответственным за водворения порядка в столице. Однако я считаю, что сперва необходимо создать новое правительство, облечённое доверием страны и Государственной Думы. Я уверен, что Михаил Владимирович прекрасно справится с ролю министра-председателя нового правительства, а также назначит членов своего кабинета.

Кирилл играл, кажется, лучшую роль в своей жизни. Даже нет, не играл: он был! Был неуверенным, уставшим, напуганным народным движением членом императорского дома, который не знает, что же делать с государством без помощи "уважаемых господ старейшин Думы". А ещё — потерявшим уважение к императору.

— Боюсь, Его Императорское Величество сейчас потерял свой авторитет, если и войска ополчились против него. Боюсь, что будущее наше темно и незавидно…

— Кирилл Владимирович, я готов взять на себя нелёгкое бремя министра-председателя,

благо, мне легко собрать новое правительство. В столице есть люди, которым народ доверится. К сожалению, Александра Фёдоровича Керенского нет сейчас с нами, и неизвестно, что с ним, поэтому у нас нет одного из известнейших деятелей Думы.

— Мне думается, что Василий Витальевич Шульгин заменит Александра Фёдоровича, хотя бы на первое время, — Кирилл старался, чтобы его голос звучал как можно более буднично. Всё-таки, не должен же никто получать доказательства того, что Сизов специально усиливает позиции монархии в будущем правительстве. К тому же в истории, известной Кириллу, Шульгин отказался от портфеля министра юстиции. Ну что ж, в этот раз ему не отказаться, ни за что!

— Боюсь, я не смогу принять этот пост. Я не обладаю достаточными качествами, чтобы…

— Зато Вы обладаете решительностью и верой в победу, в русский народ. Думаю, этого достаточно, Василий Витальевич. Михаил Владимирович, я надеюсь, господин Шульгин всё-таки подойдёт на пост министра в правительстве доверия. Продолжайте, Михаил Владимирович, продолжайте. К сожалению, нам пришлось Вас прервать.

— Благодарю, — Родзянко вытер лоб платком. Всё-таки "старейшины" довольно долго обсуждали сложившуюся ситуацию, а Милюков с Гучковым очень долго "продвигали" кандидатуры министров. — Вы верно заметили, Кирилл Владимирович, что Его Императорское Величество показал себя не с лучшей стороны в сложившейся ситуации. Народ потерял веру в него. Армия разочаровалась в нём как в Верховном Главнокомандующем. Страна разуверилась в нём как в императоре. В сложившейся обстановке не остаётся ничего другого, как убедить царя передать власть своему сыну или брату. Это будет жест, достойный правителя, потерявшего всякое доверия подданных.

"От такой ответственности нельзя убегать, власть, полученную от предков, надо держать, не вправе сын отречься от отцовской воли" — это пробились мысли Кирилла Романова. Но Сизов был с ним согласен. К сожалению, озвучить мысли было нельзя. Не то время. Не то. К тому же, Николай оказался слишком хорошим семьянином и человеком для того, чтобы стать по-настоящему хорошим правителем. И это сейчас сказывалось, как никогда.

— В пользу Михаила Александровича и Алексея Николаевича. Цесаревич слишком юн, чтобы принимать бразды правления. Михаил должен стать регентом при своём племяннике. К тому же цесаревич популярен в армии. Так мы сможем соблюсти преемственность и традиции, саму идею монархии, господа. Серьёзные потрясения ныне ни к чему хорошему не приведут.

Похоже, Шульгин всё-таки потихоньку стал ощущать себя одним из будущих руководителей страны. Да и он получил то, что хотел в "другой" истории: пулемёты. Силу, с помощью которой можно будет сохранить порядок, хотя бы и ценой крови, да ещё и устранить опасность влияния на власть левых партий, подозреваемых им в пораженчестве и непонимании сложившейся ситуации на фронте.

— Однако Михаил не лучшая кандидатура, нежели Николай. Характер его слишком мягок для страны, оказавшейся в такой опасности. Он практически лишён уважения и авторитета в войсках. Он неподходящая кандидатура, господа, я уверен, что он откажется от предлагаемого ему регентства. А если и примет предложение, то мы снова получим брожение или, хуже того, революцию, которую еле-еле можем приструнить сейчас. Армия за ним не пойдёт, поэтому мы получим развал фронта. Нет, господа, — Родзянко говорил с нажимом. Гучков, Милюков, Львов и несколько других думцев одобрительно кивали. — К тому же мы уже неоднократно это обсуждали, Василий Витальевич. Нет, нам нужен человек, способный остановить развал столичного гарнизона. Я уверен, что сейчас в этом кабинете стоит такой человек. Решительно подавивший опасное в условиях войны брожение, имеет авторитет в некоторых частях, особенно оставшихся верными власти. Мудро решивший оказать содействие Думе, понимая, что это тот орган, на которого устремлены полные надежды взгляды народа. И этот человек…

— Да, я согласен с тем, что Кирилл Владимирович как нельзя подходит в качестве регента при цесаревиче, — Родзянко едва удержался от того, чтобы не подпрыгнуть, когда Львов спешно, одним рывком, поднялся со стула и упредил председателя Думы и будущего правительства. — Я уверен, что армия и народ успокоятся и пойдут к победе, зная, что у плеча цесаревича стоит такой человек!

Кирилл изобразил удивление вперемешку с благодарностью на своём лице. Хотя, конечно, особых усилий ему не потребовалось: всё-таки не ожидал от Георгия Евгеньевича Львов он такого шаг. Хотя… Керенского-то нет, и влияния он не оказывает на председателя Земгора. Так что Львов может говорить с чистой душой. Да и благодарность-то в спасении его драгоценной жизни показала себя в полную мощь. Зато план Кирилла вовсю продвигался к намеченной цели….

— Я вполне готов увидеть в качестве регента именно Кирилла Владимировича. Нам нужны именно уверенные люди, знающие, за кем пойдёт народ, — подал голос Милюков.

— Я — за, господа, — Гучков кивнул. Ему импонировала решимость Кирилла во время подавления волнений в запасных батальонах. Но, к тому же, Гучков надеялся кое-чего и для себя получить от будущего регента. Как и все остальные, конечно.

— Я согласен с тем, что империя только окрепнет и пойдёт к победе, если регентом станет Кирилл Владимирович, — Шульгин всё-таки, скрепя сердце, согласился. Он считал, что останься Николай на троне, то страна снова скатится к революции, если война не закончится в ближайшие дни не одержит победу. А это было нечто фантастическое. К тому же всё-таки его начали терзать сомнения насчёт кандидатуры Михаила Александровича, брата Николая, в качестве регента. Он-то никак не проявил себя за прошедшие дни. А стране требовалась жёсткая рука.

Кирилл слушал с выражением радости и благодарности на лице одобрение свое кандидатуры на пост регента, а глубоко в душе презирал "старейшин". Многие из них соглашались, лишь надеясь получить влияние на регента, на власть в государстве, считая, что Кирилл — никто в государственной политике, этакий деревенский староста по сравнению со Столыпиным. Кирилл Романов, возможно, и соответствовал такому представлению, но не Кирилл Сизов. Всё-таки у него были знания, у него была решимость, — и у него был прекрасный план, много раз подтвердивший свою действенность, по действиям в создавшихся условиях и управлению страной. К тому же думцы совершенно не предполагали, что он затеял совершить, и могли лишь только догадываться, что к столице уже потихоньку стягиваются верные престолу части.

Телеграфист нервно отбивал текст телеграммы, ссутулившись под взглядом Великого князя, рядом с которым стоял его ординарец-пулемётчик. А на другом конце проводе граф Келлер, первая шашка России, командир третьего конного корпуса, хмурил брови, тихонько шептал молитвы и вот-вот готов был кинуться прочь из телеграфной будки, вскочить на коня и броситься на Петроград.

"Положение отчаянное тчк императору и его семье грозит опасность тчк в столице подняли бунт запасные батальоны гвардии тчк вот-вот восстанут солдаты соседних городов тчк пытаюсь подавить волнения тчк принял на себя экстраординарные полномочия по указу императора тчк прошу немедля двигаться к Царскому селу с вверенными Вашему руководству частями тчк надеюсь на Вас тчк Бог Вам в помощь тчк"

Густав Маннергейм перевёл дух, ложась на диван, чтобы поспать хоть часок-другой. Положение в Гельсингфорсе стабилизировалось. Немногие части, решившие не подчиниться приказам офицеров, были всё-таки разоружены и заперты в казармах. Бунтующие корабли не смогли воспользоваться орудиями, а их команды или распределили по гауптвахтам, или отправили в мир иной: по закону военного времени действовать иначе было нельзя.

А корабли, чьим командам всё-таки можно было доверять, направились к Петрограду и Кронштадту. Кирилл Владимирович, написав телеграмму, где сообщалось, что император, пока что только устно, передал ему диктаторские полномочия, приказал подавить мятеж

матросов в этой крепости на пороге волнующейся столицы. И приказал подавить всеми мерами. Такая же телеграмма пришла и командующему Балтийским флотом, и командирам кораблей гельсингфорской эскадры. Там же сообщалось, что в столице положение хоть и невероятно трудное, но всё-таки порядок вот-вот будет установлен. Также требовалось, чтобы продолжалась информационная изоляция гельсингфорских частей от столицы и предместий. А в конце Кирилл намекнул, что надо сохранять присутствие боевого духа даже при самом худшем развитии событий…

Глава 14

А вечером по городу уже распространялись листовки и газеты с воззванием Кирилла Романова.

Несколько солдат и двое рабочих по складам читали листовку, наклеенную поверх театральных афиш.

"Всем! Всем! Всем! Что делают с нашкодившими детьми родители? Они их порют, но всё-таки прощают. Люди, хватит митинговать, хватит проливать братскую кровь, хватит крушить чужие дома и лавки, втаптывать в грязь хлеб! Враг стоит у ворот. Думаете, германец не дойдёт до Петрограда, до Тамбова, до Волги, до Иркутска, до Владивостока? Ошибаетесь! Враг не успокоится, пока не заставит склониться головы под ярмом чужаков! Вы сами хулили немцев, чьи предки века назад приехали сюда, в Россию. Так как же будут относиться к вам те германцы, что пришли на Русь день, два, три назад? Те, кто по-русски говорить не умеет, кто плюёт на кресты, кому всё равно, что ты гнёшь спину на заводе, исходишь потом, идя за плугом, умираешь от жара пекарского! Они во что ни ставят труд людской, им важна только выгода, прибыль, деньги, что они заработают! Они отнимут ваш хлеб, то немногое, что вы приносите голодным и замёрзшим детям, чтобы накормить своих солдат, что убивают ваших братьев, детей, отцов!

Но наши солдаты ещё воюют, они истекают кровью на фронтах, мёрзнут в Румынии и Прибалтике, стоят насмерть на полях Украины и в лесах Белоруссии! И вы бьёте им в спину? Вы плюёте на то, что ваши соотечественники гибнут, оберегая вас, храня от германцев и турок, вам всё равно, что сотни их гибнут, не получая винтовок и патронов с заводов, который вы покинули! Вы плюёте на то, что тысячи наших солдат попадают в плен, преданные теми людьми, которых вы хотите освободить из тюрем! Вы плюёте на то, что идёте за людьми, которые призывают к концу этой войны и началу новой, со своим же народом! За мир без аннексий и контрибуций?! Но за что вы тогда сражались, за что бились эти годы, за что гибли ваши братья, дети, отцы, друзья? Ради чего вы работали на пределе своих сил?! За победу! За свободу нашей страны от ига германца и турка! За свободу братских народов и шанс вздохнуть свободно, не оглядываясь на голодного до вашего хлеба и ваших жизней соседа! Вы дрались за землю и волю! И теперь — вы от неё откажетесь? Откажетесь от тех трудов, от пота и крови, пролитых вами за прошедшие годы? Откажетесь от погибших родственников? Откажетесь от свободы? От своей земли? От своей веры? От уверенности в завтрашнем дне? От заветов отцов и дедов? Ради чего?! Ради немецкого ига и голода? Одумайтесь!

Русские люди, петроградцы, всех, кто вернётся в свои дома и на свои заводы, всех, кто прекратит бить в спину солдатам своей страны, бить в спину соотечественникам, что вот-вот подарят величайшую победу своей стране, каждому её жителю, всех таких простят, обо всех их выступлениях забудут, простят!

Люди, я обещаю, что скоро мы все сможем вздохнуть свободно, что вот-вот еда и тепло вернутся в город! Я клянусь Господом Нашим, что всё изменится, что будут земля и воля, работа и тепло, вера и надежда! Только — прекратите бит в спину своим же собратьям! Прекратите волноваться, возвращайтесь на работу и в дома!"

Это был первый шаг на пути к восстановлению порядка. Люди должны были хотя бы задуматься, прочтя это воззвание. Кирилл надеялся заставить их думать в том же

направлении, что и он — а это уже был один из лучших способ убедить человека. Так же в газетах говорилось о состоянии немецкой, австро-венгерской и турецкой армий. Сизов сумел припомнить (или "приукрасить") сведения о вражеских войсках. Особенно досталось Порте. Кирилл уверенно говорил о слабости её армии, о том, что нужен просто сильный удар в сердце врага, чтобы извечный враг христианства упал на колени перед русским оружием. Но требовалось терпение, время перед броском, силы, достаточные для решающего удара. Кирилл также напомнил петроградцам, что в Берлине и Вене — голод, люди умирают от недоедания, не менее полумиллиона могил уже вырыли в сырой земле за всю войны для тех, кому не хватило буханки хлеба. Но немцы ещё держатся, волнений нет, они верят в победы своего оружия. "Так чем же мы хуже???" — вопрошал Кирилл. "Отчего не верим в своих солдат, в своих защитников, который год бьющихся за нашу свободу?" — добавлял Сизов.

А в конце Кирилл разместил песню, которая постоянно приходила ему на ум в те дни.

Вспомнили Вы нас и вскормили
Отчизны родные поля,
И мы беззаветно любили
Тебя Святой Руси земля.
Мы дети Отчизны великой,
Мы помним заветы отцов,
Погибших за край наш родимый
Геройскою смертью бойцов
Теперь же грозный час борьбы настал, настал
Коварный враг на нас напал, напал,
Напал и каждому кто Руси сын, кто Руси сын
На бой с врагом лишь путь один.
Пусть каждый и верит, и знает,
Блеснут из-за тучи лучи
И радостный день засияет
И в ножны мы вложим мечи.
Теперь же грозный час борьбы настал, настал
Коварный враг на нас напал, напал,
Напал и каждому кто Руси сын, кто Руси сын
На бой с врагом лишь путь один.

Кирилл надеялся, что и эта песня станет шагом к победе, к тому, что народ всё-таки сможет дождаться окончания войны, или хотя бы Сизов получит передышку.

А думцы уже договорились отправить делегацию от Временного Комитета к царю, навстречу, в Псков. По последним сообщениям, его поезда не смогли добраться ни до столицы, ни до Царского села, и императору пришлось повернуть к штабу Северного фронта, к Рузскому. Он также был вовлечён в дела Милюкова, Гучкова и прочих, желавших произвести переворот и посадить другого правителя, не лучшего, но удобнейшего…

Ночью в Ставку начали прибывать телеграммы от командующих фронтами и Балтийским флотом (о Черноморском, по обыкновению, забыли). За некоторое время до этого от Родзянко пришла телеграмма и Алексееву, начальнику штаба Ставки. Стонавший от усталости и постоянных звонков телефона, раздававшихся в его кабинете, терзаемый температурой, он уже не ходил цензурных слов для того, чтобы высказаться о сложившейся ситуации. Да и желания переубеждать царя от выезда в мятежные районы не было. К тому же Алексеев ещё не знал, что подъезды к Петрограду охвачены восстанием.

Чуть позже Родзянко воспользовался последним шансом убедить царя сделать хоть

что-то.

"Государь, не медлите. Если движение перебросится в армию, восторжествует немец, и крушение России и с ней династии неминуемо. От имени всей России прошу Ваше Величество об исполнении изложенного, — безотлагательном созыве законодательных палат и призыву новой власти на началах, изложенных в предшествовавших телеграммах. — Час, решающий судьбу войск и Родины, настал. Завтра может быть уже поздно. Последний оплот порядка устранён. Правительство совершенно бессильно подавить беспорядок. На войска гарнизона надежды нет. Лишь Великий князь Кирилл и возглавленные им части встали между Думой, домом министра внутренних дел и озверевшей толпой. Но его полномочий всё равно не хватает для подавления восстания! Уже убивают офицеров взбунтовавшиеся запасные батальоны, готовые примкнуть к восставшим толпам".

Тут же пригодилась и пришедшая от Хабалова телеграмма.

— Ваше Величество, осмелюсь предложить послать генерала Иванова вместе с георгиевскими солдатами в Петроград, для помощи частям Великого князя Кирилла, — говорил, кашляя, Алексеев.

— Как посчитаете нужным, как посчитаете нужным, — взгляд Николая был мутным, серым, вязким: мысли его устремились к семье. Его поезд должен был отойти в час ночи, а за ним последует свитский состав.

Император сидел, сомкнув кулаки, в своём купе. Мимо проносились полустанки и мелкие городки. Кошки выли на душе. Вспомнилось отчего-то путешествие по Транссибу. Только тогда жизнь казалась такой безоблачной и блестящей! Бескрайние просторы земли Русской простирались вокруг, они вот-вот должны были стать его. Но…случился девятьсот пятый год, вынужденная уступка интеллигенции и "либеральной оппозиции". Не должен был он этого делать, не должен! Быть может, ныне выпал шанс покончить со всем разбродом одним ударом? Но как же Аликс и дети, им угрожала опасность, и он не успеет в столицу, если отправится в Царское село. Аликс и дети…

Поезд остановился. Через некоторое время в купе постучали.

— Да, да, — мысли Николая всё продолжали летать над Царским селом и столицей.

— Ваше Величество, боюсь, нам не попасть ни в Царское село, ни Петроград. Дорогу перекрыли восставшие, нам об этом сообщили станционный смотритель и местные полицейские.

— Что же тогда делать? — Николай напрягся — внутренне, потому что внешне он не хотел показывать своих чувств, особенно сейчас. Пусть думают, что самодержец непоколебим!

— Можно идти на Псков, к Рузскому. Там верные части, и…

— Пусть машинисты двигают состав в штаб Северного фронта. И быстрее, быстрее!

— Есть!

Псков. Перрон был пуст.

Николай прохаживался взад-вперёд по платформе, заложив руки за спину. Занимался рассвет. Никто так и не соизволил придти, даже офицеры Северного фронта. Стало гадко и мерзко на душе. Только потом кто-то из нижних чинов соизволил выйти и встретить самодержца. "Хотя какой из человека, которого на собственной земле не встречают, самодержец" — горестно подумал Николай.

— Положение удручающее, — Рузский сразу взял быка за рога. — Царское село практически в руках восставших, в Петрограде час от часу ждут восстания запасных батальонов, и Великий князь вряд ли с ним справится с таким мизерным количеством войск. Заводы остановились, транспорт парализовало. Кронштадт неистовствует. Вот-вот пламя революции, а я уверен: началась революция! — перекинется на всю страну. В этих условиях я вынужден просить Вас, Ваше Величество, от лица всего командного состава подписать отречение. Это необходимо для блага страны и победы!

Николай опешил. Да как они смеют требовать этого от самодержца? Хотя…Снова

революция. И её не потушить иначе. Все ополчились на него. С самого рождения Николая преследовала несчастливая звезда, сулившая безграничные мучения. Снова пятый год, убийства и кровь. Но идёт война, если что-то случится, Россию заполонит германец…

Но всё равно, разве кто-то ещё может спасти страну в этот момент? Как империя может существовать без своего императора? Неужели все думают, что лучше справятся с огромной страной, чем тот, кто с рождения к этому готовился? Они ведь пожалеют об этом! Если он отречётся от престола в пользу сына, то Николая просто оттеснят, не дадут ему общаться с Алексеем. Да и его здоровье…

— Скажите, доктор, не как царю, но как — отцу. Может ли Алексей принять на себя бремя власти? — в глазах Николая застыла мольба.

— Боюсь, при его состоянии, хорошо, если он проживёт ещё года два-три. Науке неизвестно средство излечить гемофилию или продлить жизнь больного. Я сомневаюсь, что при возложенных на него обязанностях Алексей сможет прожить дольше. Мне очень жаль, Ваше Величество.

— Благодарю Вас, — личный доктор Алексея подвёл черту под решением Николая. Царь просто не мог отречься в пользу сына: он долго не проживёт, он будет вдали от отца, он будет мишенью ударов судьбы и врагов…

— Ваше Величество, господа Гучков и Шульгин просят Вашей аудиенции, только что прибыли из Петрограда.

— Пусть войдут, — Николай отложил в сторону бумагу, на которой набросал черновик манифеста об отречении в пользу своего брата Михаила.

Он не видел иных способов исправить положение, все вокруг ждали, когда он откажется от престола. Вокруг были измена, и трусость, и обман. Николай надеялся лишь на то, что народ поймёт его шаг, оценит его жертву ради победы страны в Великой войне.

Шульгин выглядел совершенно жутко: что-то простудное подтачивало его изнутри, инфлюэнца или нечто в этом роде. Лицо осунулось, глаза болезненно блестели, Василий Витальевич то и дело припадал губами к платку, пытаясь заглушить кашель.

Говорил Гучков, с напором, с нажимом.

— Ваше Величество, мы только что прибыли из охваченного восстанием Петрограда. Вот-вот гарнизон перейдёт на сторону восставших, — тут, конечно, лидер партии октябристов кривил душой. — Народ бунтует, проблемы с продовольствием, паралич транспорта. Всё намного серьёзней, чем в тысяча девятьсот пятом году. Ныне дарованием выхолощенной конституцией невозможно утихомирить народ. Народ требует нового властителя, которому можно было бы довериться, который способен привести страну к победе в сложившейся ситуации. К сожалению, Вашему Величеству люди более не верят.

Гучков и Шульгин стояли в дверях купе. Василий Витальевич снова припал к платку, но всё-таки не смог заглушить кашель. Его тело дрожало от озноба…

— Присядьте, господа. Мне уже рассказали о том, что происходит в столице. Но что сейчас в Царском селе?

— Пока что Вашей семье ничего не угрожает, Ваше Величество, даст Бог, восставшие солдаты не поднимут руку на семью самодержца. Однако, боюсь, без каких-либо уверенных шагов с Вашей стороны всё может пойти по наихудшему пути.

— Что ж, я был готов к Вашему визиту. Вот текст моего отречения в пользу моего брата Михаила и мои просьбы в качестве частного лица? Предоставить возможность доехать до нашей резиденции в Крыму либо Архангельска, где я с детьми и Александрой Фёдоровной сяду на пароход до Англии.

— Ваше Величество, конечно, мы уверены, что Ваши просьбы будут выполнены, однако существует одна проблема. Михаил Александрович отказался взойти на престол, если такое предложение ему будет сделано.

— Василий Витальевич, каково же Ваше мнение?

— Я согласен с сударем Гучковым, — Шульгин был слишком слаб, чтобы говорить более минуты. Поэтому лучше поддакнуть лидеру октябристов. Хотя и хочется, хочется кинуться в ноги Николаю, убедить его стать настоящим царём, монархом, таким, о котором мечтает любой монархист. Не получится. Ничего не получится. И от этого становится невероятно гадко на душе…

— Михаил Александрович, если Вам предложат принять корону, Вы согласитесь? — начал было издалека Шульгин, уже начинавший хворать, но Кирилл его опередил. Сизов и так знал, каков будет ответ, но было бы не очень полезно показывать это знание. Но предложить "старейшинам" сперва лично узнать мнение Михаила по поводу возможности передачи ему престола ему Кириллу всё-таки удалось.

— Михаил, ты сядешь на трон? Никки вот-вот подпишет манифест об отречении. Ты готов взять на себя ответственность за всю страну?

Михаил, первый гражданин России, ответил отказом, хотя его и пытался долго переубедить Шульгин. Гучков и Милюков всё-таки решили, что надо сделать ставку на Кирилла Владимировича. Михаил явно не внушал никакого доверия практически ни у кого, кроме самых ярых монархистов. Даже во вверенной ему некогда гвардии он понаделал такого, что это аукалось до сих пор, например, при том же восстании запасных батальонов. Точнее, он сослался на то, что представительный орган должен будет решать судьбу монархии. В условиях войны, развала транспорта, назревающего голода в столице — разводить говорильню… Да, Михаил нашёл великолепное решение. Он даже не смог нормально отказаться от короны.

— Что ж, — лицо Николая практически не дрогнуло, но показалось, будто бы он разом стал втрое меньше и старше. — Думаю, мне понадобится некоторое время, чтобы переделать текст манифеста.

— Мы привезли с собою текст Вашего отречения, Ваше Величество, — Гучков чуть подался вперёд. — Мы знали, что Вам вряд ли будет до соблюдения юридических и прочих тонкостей, поэтому заблаговременно об этом позаботились. А ещё — письмо от Кирилла Владимировича. Думаю, там найдётся немало слов, чтобы утвердить Вас в уверенности того, что Вы делаете благо для своей страны и Вашего народа.

Гучков передал запечатанный вензелем тоненький конверт. Николай со смешанными чувствами взял протянутую бумагу, поблагодарив кивком головы. Шульгин, которого на время оставили приступы кашля, и Гучков, на лице которого опытный интриган мог бы прочесть торжество и радость, вышли из купе, оставив Николая наедине с письмом Кирилла и текстом манифеста об отречении от престола.

Эмиссары, к сожалению для них самих, не догадались вскрыть письмо Кирилла. Сизов надеялся на это, верил, потому что другого выхода, другого способа передать весть Николаю не было. Вестового просто бы не пропустил спевшийся с Думой Рузский. Телеграмму могли перехватить. А кто бы додумался досматривать Гучкова и Шульгина? Сами думцы вряд ли бы вскрыли конверт: какой здравомыслящий человек, когда ему вот-вот упадёт корона в руки, может начать отговаривать Николая от такого шага?

Но Кирилл был, кроме всего прочего, честным человеком. И он не хотел того, чтобы по стране лились реки крови, люди пухли от голода в метре от кордона, перекрывавшего дорогу в город, к пайкам, а работящих крестьян отправляли на верную смерть в Сибирь…

Николай распечатал конверт, развернул письмо. А глаза уже бежали по строчкам…

— Господа, я принял трудное решение, и надеюсь, что о нём в должном свете узнает весь русский народ и союзники, — Гучков, поклонившись, принял из рук Николая лист

бумаги.

Октябрист с почтением принял документ из рук царя, бесценный, стоивший нескольких армий и двух революций…

"В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся народныя волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, всё будущее нашего дорогого отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца.

Жестокий враг напрягает последния силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками может окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России сочли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшаго достижения победы и в согласии с Государственной Думой признали мы за благо отречься от престола государства Российскаго и сложить с себя верховную власть, препоручая ея сыну нашему, Алексею Николаевичу, и благословляем его на вступление на престол государства Российскаго.

Заповедуем мы сыну нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои ими будут установлены, принеся в том ненарушимую присягу во имя горячо любимой родины.

Заповедуем мы родственнику нашему, Кириллу Владимировичу, крепко и мудро направлять волю сын нашего во дни бедствий и счастий, до наступления совершеннолетия Алексея Николаевича, помогать всемерно советом и делом для блага родины нашей.

Приказываю всех верных сынов отечества к исполнению своего святого долга пред ним — повиновением Царю в тяжёлую минуту всенародных испытаний и помочь ему вместе с представителями народа вывести государство Российское на путь победы, благоденствия и славы.

Да поможет Господь Бог России. Николай".

Поздно вечером поезд увозил в Могилёв отрёкшегося императора, который раз за разом перечитывал письмо Кирилла.

"Никки, прошу, прочти это послание внимательно и задумайся. Ты помнишь историю Луи Шестнадцатого? Ни его самого, ни его семью судьба не сберегла от смерти на гильотине. Ты же не хочешь, чтобы Алексей погиб через несколько месяцев или лет, расстрелянный будущей властью? Думцы хотят взять страну в свои руки, но это ничем хорошим не кончится. Твоё отречение в мою пользу, по их мысли, успокоит народ. Нет, это вряд ли произойдёт. Законы империи просто не позволят моим потомкам занять престол. Это создаст слишком много проблем, к тому же будет существовать опасность и для тебя, и для твоей семьи. Хотя бы ради Аликс и детей, отдай престол цесаревичу, назначив меня его регентом. Михаил не желает ни сидеть на троне, ни стоять у него. У него просто нет сил и способностей для этого. Я же смогу успокоить столицу. Помнишь историю с покушением на Львова? После этого я вне всяких подозрений среди думцев. Несколько месяцев, или даже недель, и я смогу вернуть жизнь в нормальное русло. Но ты…Слишком много людей просто не хочет сейчас встать на твою защиту. В столице таких почти не осталось. Через несколько дней прибудет граф Келлер, это даст мне достаточные силы, чтобы покончить с анархией в Петрограде.

Однако твоей жизни так же угрожает опасность. Ты помнишь Павла Первого? Ты окружён не лучшими людьми, чем он в ночь своей гибели. Если ты просто откажешься подписывать манифест, тебя скорее всего могут убить в скором времени. Назрел слишком сильный заговор, чтобы его остановить. Почти вся семья против тебя на престоле.

Алексей — достойный трона человек. И то, что он болен, не мешает ему быть уважаемым в народе и армии. Уверяю тебя, я смогу сделать так, чтобы вас не разлучили. Но

без полномочий, положенных регенту, этого не добиться. К тому же Царское Село…Случись что-то — и вся твоя семья окажется в смертельной опасности.

Прошу, не поддавайся искушению отречься и за Алексея, мальчик выдержит. А ему на помощь уже идёт третий конный корпус, который наведёт порядок и в тылу, и на фронте…

Клянусь верой и правдой служить русскому народу, Алексею, если ты передашь ему престол России, и сделать всё ради победы над Врагом.

Храни тебя Господь Бог, Никки".

— Кирилл Владимирович, беда, — Сизов как раз выходил из Таврического дворца, намереваясь организовать встречу Гучкову и Шульгину, как к нему подбежал раскрасневшийся поручик. — Только что получили донесение о бунте в Семёновском, Измайловском, Гренадёрском и Московском полках. К восставшим солдатам и унтер-офицерам присоединяются рабочие с соседних заводов. Что прикажете делать? Верным частям сдержать эти силы не удастся.

Сизов едва удержался от того, чтобы выругаться, обложить судьбу-шутницу по-чёрному. Он не ожидал того, что после уверенного и кровавого подавления восстаний павловцев и волынцев кто-то ещё посмеет волноваться. Но Кирилл не рассчитал того, что кровь только раззадорит бунтовщиков. Хотя…ведь в известной ему истории запасные батальоны всё-таки оставались не самыми активными. Вдруг удастся их остановить…

Адмирал Непенин оседал на землю, убитый матросской пулей. Только-только он хотел сесть в автомобильный экипаж, как смерть настигла его. То же самое случалось со многими морскими офицерами в столице. "Чёрные" автомобили с "расстрельными командами" сеяли смерть среди командования Балтийским флотом и штабных офицеров. Германия всё-таки решила проявить себя, напомнить, что руки у кайзера доберутся и до вражеской столицы…

Гельсингфорская эскадра остановилась в десяти кабельтовых от Кронштадта. Команды нескольких кораблей всё-таки подняли красное знамя. Завязался бой. Кровь, дым, гарь, пушечные залпы — и несколько кораблей из мятежного Кронштадта. Гельсингфорские корабли не смогли блокировать крепость на пороге Петрограда и отошли от неё.

— Михаил Фридрихович фон Коттен, которого Вы приказали слушаться во всём, просил передать: "У толпы теперь есть вожди". Кирилл Владимирович, какие будут приказания?

Беда никогда не приходит одна. Ныне же целая свора проблем закружилась вокруг Сизова…

Глава 15

Первый удар на себя приняли юнкерский отряд на Гренадерском мосту. Сорок подростков со сверкавшими от задора глазами и чесавшими перед первым настоящим боем руками во главе с преподавателями и подпоручиком, присланным Кириллом. Один старенький ручной пулемет "мадсен", использовавшийся как учебный в юнкерском училище. Что ж, и он пригодился. Один станковый "виккерс-максим" — с запасом патронов на минут двадцать боя. Винтовки, две гранаты. Кольты у командиров и парочка наганов у офицеров. Да три автомата Фёдорова у солдат-"румынцев".

И эта полусотня ребят, залёгших у наскоро сделанных баррикад посередине моста, должна была остановить по меньшей мере четыреста человек. Да, без толковых офицеров (ибо перебили) — но с вождями, это было сразу видно. "Вождей" нашлось немало: на Выборгской стороне всё-таки организовали Совет рабочих и солдатских депутатов. Двигалась эта масса относительно организованно, лишь изредка постреливая и разбивая немногие оставшиеся целыми витрины магазинов.

— Господа юнкера, Ваш долг перед царём и страной — защитить этот мост во что бы

то ни стало, — подпоручик встал во весь рост, вглядываясь в глубину улиц Петрограда. Когда же подмога? — Да, противника больше, да, противник наглей, да, у нас мало патронов, да, это наш первый бой. Но с нами — правда, с нами — Бог, с нами — наша честь!

Крики "Ура!!!" в ответ. Подпоручик, вспоминая бои под Стоходом, перекрестился, в душе надеясь, что противник отступит после первых же залпов. Всё-таки не продержаться. А он не хотел, чтобы эти подростки, у которых только-только должен был начаться первый в жизни бой, полегли здесь костьми. Мёртвые сраму не имут — но и жизни тоже не имут…

— Цельсь! — "гвардейцы" уже почти подошли на достаточное расстояние для выстрела. — Пулемётный расчёт, — за ним как раз засели преподаватели. — Пли!

Воздух пронзили пулемётные трели, этот патронный туш подхватили винтовки юнкеров. Через мгновение им ответили подходившие восставшие.

Шальная пуля задела одного из пулемётчиков: тот завалился набок, а из его виска заструилась кровь. Несколько юнкеров обняли мешки с землёй, ящики, бочки — они навсегда остались на баррикадах, не испугавшись первого боя.

Солдаты запасных батальонов отделались большей кровью. Решившие, что "детки" разбегутся при одном лишь их виде, они не таясь шли вперёд. К тому же запасники не верили, что в случае чего их пощадят. Кое-кто уже успел доходчиво объяснить, что обещания Кирилла — фальшь, и что всех перебьют, как волынцев. Терять запасникам было нечего, так и так кровь проливать.

Подпоручик, прицелившись, выстрелил три раза подряд по рядам "гвардейцев". Как минимум один человек уж выбыл из вражеского строя.

Запасники залегли, прижались к ограде моста, к тротуарам, те же, кто не успел взойти на мост, отступили назад, огрызаясь оттуда выстрелами. А "виккерс-максим" всё стрелял и стрелял, поедая с невероятной скоростью пулемётные ленты, так что скоро расчёту придётся взяться за револьверы или винтовки погибших юнкеров. Подпоручик решил приберечь "мадсен": магазинов к нему было всего два. Чуть больше полусотни патронов. Мало. Очень мало…

Беспорядочные выстрелы, в горячке боя никто и не задумывался над слаженностью действий или порядке. Главное — метко стрелять, а как — дело сто первое.

Один из юнкеров, чьё плечо задело пулей, перезарядив винтовку дрожавшими пальцами, тихонько затянул песню, подхваченную всем отрядом, чьей целью было отрезать Выборгскую сторону. Несколько таких же полурот заняли другие мосты. Кирилл не ожидал, что запасные батальоны всё-таки поднимутся, когда над ними нависла угроза кровавого подавления, да ещё и с обещанием помилования, если сложат оружие. Сизов всё же просчитался, а частей у него было слишком мало, чтобы полностью обезопасить даже центральные кварталы…

Свистели пули, а над баррикадой стеной, останавливающей время и отгоняющей смерть, вырастала песня. Она рождалась тут же, на поле боя, юнкерская "Марсельеза"…

Вставай-поднимайся, российский народ!
Решительный час твой пробил!
Не дайся в руки проклятых врагов —
Дерись до последней крови!

Несколько запасников отступило назад, подальше от разящих пуль берданок и трёхлинеек. Но тут же раздался выкрик: "Вперёд, братва! Это ж сосунки!" — и всё ближе и ближе к баррикадам подступали восставшие.

А в ответ — подхваченная уже всем отрядом песня…

Мы русские, с нами Бог!

Мы отстоим родную землю!
Назло революции, красной, чумной,
Одержим святую победу!

Свист, погромче комариного, неприятней — и ещё один юнкер обнял баррикаду, не выпуская из рук винтовки. Через мгновенье за ним последовало ещё двое человек. Всё-таки почти десять выстрелов отсюда — на один выстрел туда. Если не считать "кольта-виккерса", уже проглотившего несколько патронных лент. Пулемётчика убило пулей, когда он полез помогать перезаряжающему, когда одну из лент заело…

Мы русские, с нами Бог!
Мы не отступим перед немцем!
Последнею кровью за дом родной
Заплатим в полной мере!

Кудрявый юнкер, всегда стеснявшийся петь — думал, что голоса нет — поборол теперь своё стеснение. Он пел во весь голос, и слова шли у него из самого сердца, слова романса, часто повторяемого в казармах кадетского корпуса…

Юнкер Павел Онуфрин, вспомнил, что обещал пленившей его сердце девушке вернуться. Рыжие волосы, чуть-чуть вздёрнутый кверху носик, и потрясающе глубокие голубые глаза — образ любимой заполнил мысли. Павел понимал, что последние минуты его жизни наступают, и хотел насладиться ими, хотел в последний раз, хотя бы так, увидеть любимую, пусть только призрачную…

Мы русские, с нами Бог!
Мы не рабы бунтарской власти!
Прогоним прочьгерманских слуг
Подальше из нашего края!

Последним, что увидел в этой жизни Онуфрин, был силуэт "заводилы" запасников, которого настигла его пуля …

"Виккерс-максим" умолк: последний стрелок уткнулся носом в приклад, обливая кровь мостовую. Подпоручик, огляделся вокруг: осталось едва ли двадцать кадетов, способных ещё стрелять. Другим уже не держать в руках винтовок и не вдыхать весенний воздух. Трое автоматчиков, один преподаватель из юнкерского училища…

Надо было вытаскивать ребят из этого ада, хотя бы юнкеров. Всё-таки ради родной страны надо жить, надо победу одержать над германцами, мадьярами и турками, надо будет поднимать страну.

— Слушай мою команду! Как только я открою огонь из "мадсена", всем отступать за мост и пробиться к нашим! Солдатам прикрывать отход юнкеров огнём. Исполнять мою команду!

Запасники потихоньку приближались. Правда, их стало намного меньше, да и некоторые успели "под шумок" скрыться в переулках. Умирать за Совет им расхотелось. Шансы у юнкеров на то, чтобы пробиться, были. Подпоручик Аксёнов надеялся, что ребятам удастся прорваться. Всё-таки те кварталы пока что были более или менее спокойны. Да и винтовки у них в руках отвадили бы любых "доброхотов" помешать юнкерам пробиться к кирилловцам. В городе уже потихоньку начали оставшихся верными солдат и офицеров

называть "кирилловцами" в честь Кирилла Владимировича…

— Ну, раньше смерти всё равно мне не погибнуть, — улыбнулся одними губами Василий Аксёнов, рывком поднимаясь над баррикадам, чтобы поливать сверху запасников пулемётным огнём. — За Россию!!! — и несколько непечатных…

Запасники залегли, вжимаясь в камни мостовой, надеясь, что пули их не заденут. Юнкера через силу подчинились команде, спеша добраться до ближайших домов напротив моста. Автоматчики поддержали Аксёнова огнём, так что запасники и носу не казал, боясь подняться, прижимаясь к укрытиям.

Юнкера спешили вперёд — и вдруг услышали рёв моторов. Из-за переулков выезжали грузовики с солдатами. Кирилловцы решили было, что Совет направил несколько частей в обход, и теперь их задали в клещи: но над кабинами реяли триколоры и двуглавые орлы, а из солдатских глоток нёсся "Боже, царя храни!". На помощь отряду спешили посланные Сизовым части.

Юнкера развернулись и устремились к баррикадам.

Аксёнов как раз перезаряжал магазин "мадсена", глянул на возвращавшихся юнкеров, готов был уже разозлиться на "проклятых, глупых юнцов", нарушивших приказ — но разглядел грузовики за их спинами.

— А вот сейчас и повоюем, — улыбнулся подпоручик.

Запасники, увидев, что на баррикадах "полку прибыло", решили, что сейчас самое время исполнить любимый манёвр отступающих армий. Поэтому, не сговариваясь, устремились назад, кто отстреливаясь, а кто спеша без оглядки прочь…

Сизов всё-таки смог обезопасить центр столицы. Приказав задействовать весь имеющийся транспорт для переброски отрядов со всех участков городского фронта, где от восставших смогли отбиться, на другие, где положение всё ещё оставалось напряжённым. Помогли и солдаты с Румынского фронта. Конницу пришлось задействовать для обороны тюрем. Просто Кирилл боялся, что его приказ уничтожить заключённых, если тех попытаются отбить, не будут исполнять. Сердца-то у народа ещё не совсем очерствели. Это потом будут молить Бога, чтобы немцы заняли Петроград. Хотя, конечно, его уже должны возненавидеть за кровавые приказы. Например, тех, кто осмелится нарушить приказ — ждёт расстрел. Всех, кто не сложит оружие — тоже. Кирилл ввёл осадное положение в городе. Правительство пока что не подавало признаков жизни: Родзянко всё еще спорил с Милюковым, Гучковым и Шульгиным насчёт его конечного состава. Ведь предполагалось, что в правительство войдут люди, указанные в "подпольных" (естественно, что они были известны всей стране) списков "правительства доверия". Только вот судьба распорядилась своевольно с членами этих списков: тело Керенского смогли опознать среди десятков других погибших в казармах запасных батальонов, но это пока что решили сообщить никому, кроме старейшин Думы и Сизова-Романова.

— Простите, Кирилл Владимирович, повторите Ваш приказ. Боюсь, мои уши меня подводят.

— Вы всё расслышали правильно: прикажите расстреливать заключённых, если восставшие попытаются взять тюрьму. Вы прекрасно понимаете, что тюремщиков-то не пощадят. Так зачем щадить убийц и бомбистов, которые после освобождения толпой превратят Петроград в вертеп? За неподчинение этому приказу тоже — расстреливать. Ослушание в эти дни недопустимо.

— Но это же война против собственного народа, это же резня…

— Вы не знаете, что такое война против своего народа, и что такое — массовые репрессии. И надеюсь, что никогда не узнаете. Исполнять приказ неукоснительно.

— Есть!

— Господа, тело Александр Фёдоровича нашли несколько часов среди тех тел, что

были доставлены из казарм восставших запасных батальонов. Сомнений быть не может: и одежда его, и внешность. Лицо не обезображено, только несколько дыр в теле от винтовочных и револьверных пуль. Я даже не знаю, что теперь предпринять. Один из депутатов Государственной Думы — убит…

— Сообщите, что он погиб, пытаясь остановить кровопролитие и призвать к порядку запасников. Думаю, это наилучший выход в сложившейся ситуации. Пусть его запомнят как миротворца, — Георгий Евгеньевич вытирал вспотевшие руки платком. Хотя он и был готов морально к такому повороту событий, но всё-таки услышать это, столкнуться, взглянуть в глаза фактам…

— Да, пусть об этом узнает весь город, вся страна: Александр Фёдорович Керенский, присяжный поверенный, принял смерть, призывая к замирению и подчинению правительству доверия. Да, это будет замечательный выход, — Милюков снял пенсне, помассировал веки. Господа, когда же прибудут Гучков и Шульгин? Отчего они не могли послать телеграмму, как всё прошло в Пскове. Чего же они ждут…

Врывается в кабинет Родзянко один из кадетов, запыхавшийся, но счастливый.

— Телеграмма из штаба Северного фронта! Николай отрёкся в пользу цесаревича, назначив Великого князя Кирилла регентом! Господа, старый режим пал! Это победа, господа, победа! Скоро в Петроград прибудут Виталий Васильевич и Александр Иванович доставят текст манифеста об отречении!

— Здравый смыслнаконец-то победил! Господа, мы победили! — Милюков даже вскочил со стула, так разволновавшись!

Вокзал. Молчание. Перрон оцеплен казаками и городовыми. Сизов напряжённо всматривается в подъезжающий состав. Где-то там, внутри железного коня, бумага, навсегда изменившая историю. Да, Кирилл всё-таки смог это сделать. Но это же могло произойти в и в известной ему истории, в его истории. Каких-то два-три часа задержки, несколько уверенных фраз…

Ординарец, не выпускавший пулемёт: Кирилл хотел, чтобы "старейшины" пока что считали его просто эпатирующим публику неглубоким человеком. Ничего, нужные люди ныне уверены в обратном, а остальное — неважно.

Стук колёс по рельсам. Паровой гудок. Поезд остановился напротив перрона. Несколько казаков подбежали к открывающимся дверям вагона.

— Мы привезли вам новое, светлое будущее! — Гучков не удержался от "высокой" фразы. Молчание было ему в ответ. Среди кирилловцев уже было известно содержание манифеста царя. К тому же днём его уже начали оглашать фронтам и флотам…

Тягостное молчание. Солдаты и офицеры поглядывали на соседей, крестились, шептали: "Что же будет?". Антон Иванович Деникин напрягся, вспоминая письма Кирилла. Да, всё так, как он и предсказал. Великие потрясения — во время войны. Когда народ и власть должны объединиться, должны напрячь силы — смена правителя. К счастью, это оказался Алексей: всё-таки в народе его любили. Было известно, как он однажды сказал, что когда станет царём, сделает всех людей счастливыми. Но он болен, ему не жить долго. А что дальше будет? Что будет???

Так было на Румынском и Юго-Западном фронте. И нижние чины, и офицеры, сражавшиеся за веру, царя и отечества, потеряли одного царя, а получили то ли двух, то ли ни одного…

Бурное ликование с киданием шапок. Северный и Западный фронты радовались, не скрывая своих чувств. Плохой царь ушёл, теперь по-новому заживём, скоро и войне конец, скоро и по домам можно…

Только некоторые офицеры собирались кучками и обсуждали, что же будет дальше…

Александр Васильевич и Николай Николаевич ходили по развалинам Великих Комнинов в Трапезунде. Отправив эскадру к Босфору, сам Колчак прибыл на флагмане на совещание по поводу снабжения Кавказского фронта.

Разговор всё не клеился. Адмирал был чернее тучи, ожидая с минуты на минуту новостей из Петрограда и Севастополя. Великий князь был не намного веселей. Скорее, он ждал, когда придёт известие о назначении его Верховным Главнокомандующим. И оба вспоминали историю этих развалин, по которым ходили.

Последний осколок Византийской империи, эта крепость сдалась на милость османам, хотя могла сражаться, могла отстоять свободу ромеев хотя бы на этом клочке суши. Но правители просто струсили. Их детей обратили в магометанскую веру, сделали евнухами, дочерей отправили в гаремы. Не осталось Великих Комнинов, рухнула империя ромеев, правители которой испугались встать на пути врагов…

Известие всё-таки пришло. Николай Николаевич, прочтя телеграмму об отречении, скрипнул зубами…

Александр Васильевич расслабился. Он считал, что может случиться и худшее. Всё-таки при Николае трудно было бы довести войну до победы…

Поезд увозил отрёкшегося императора прочь из Пскова, в Могилёв. Оторванный от семьи, от близких, без единого человека, которому мог бы открыть душу, и даже дневнику не в силах поверить то, что терзало душу, он был человеком, чей мир обрушился в одночасье, в одну минуту, в одно мгновенье, превратившееся в вечность. Хотя и было какое-то чувство у Николая, что он поступил правильно. Хотя бы на этот раз, и это чувство не более не покидало отрёкшегося хозяина земли Русской…

А пока войска приводили к присяге новому императору, Алексею Николаевичу, Кирилл собрал "правительство доверия" в Таврическом дворце на первое настоящее заседание, а разогнанную Думу — на внеочередную сессию. Собралось чуть менее половины членов Четвертой Государственной Думы, но и это было настоящей победой. Новые министры расположились на первом ряду кресел. Сам Кирилл встал за кафедрой, приняв на себя функции спикера.

Михаил Владимирович Родзянко в своём лучшем фраке, идеально выбритый (что даже удивило хорошо знавших его людей), полный энергии и спокойной уверенности. Став председателем нового правительства, Родзянко слегка изменился. Похоже, это назначение вложило в его душу веру в победу над восстанием в Петрограде и германцем. Улыбка не сходила с его лица: как же, давняя мечта сбылась. Министр-председатель и министр внутренних дел.

Александр Иванович Гучков. Короткая бородка, ровная, ухоженная, пенсне в серебряной оправе, фрак и бордовый галстук. Голова склонилась, лидер октябристов о чём-то напряжённо думал. Ему достался портфель морского и военного министра.

Рядом с ним расположился Виталий Васильевич Шульгин. Ему несколько полегчало, теперь он лишь изредка припадал губами к платку, в котором тонул кашель. С этого дня он должен был стать министром юстиции.

Справа же от Гучкова — Павел Николаевич Милюков. Подтянутый, розовый, улыбающийся в свои разлапистые усы, невозмутимый, готовый с дотошностью историка аргументировать всякую свою речь, не желая вносить в неё пафоса и "красного словца". На Милюкова возложили роль министра иностранных дел.

Георгия Евгеньевича Львова сделали министром земледелия, хотя старейшины долго спорили насчёт кандидатуры председателя Земгора и Александра Аполлоновича Мануйлова, одного из авторов аграрной программы кадетов. Всё-таки выбрали Львова, решив сделать "уступочку" за не доставшийся ему поста министра-председателя.

Пост министра финансов занял Михаил Иванович Терещенко. Истинный финансист: всегда подтянутый, с непроницаемо-задумчивым лицом, умело лавировавший в любой ситуации, чувствовавший, куда "дует ветер перемен". Его протащил в правительство Некрасов, его личный друг. Да и немалые средства Терещенко, "сахарного короля" — семьдесят миллионов рублей — стали одним из доводов "за".

Рядом с Терещенко был и сам Некрасов, занявший пост министра путей сообщения. По указанию Родзянко он все прошлые дни пытался наладить ситуацию на железных дорогах, обеспечив скорейшее прибытие в столицу верных правительству и регенту частей. За несколько минут до заседания он шепнул министру-председателю, что вызванная Кириллом Латышская дивизия уже вступила в городские предместья. Николай Виссарионович в те дни был всё ещё убеждён, что только силой оружия, военной диктатуры можно навести порядок в стране.

Стал министром торговли и промышленности Александр Иванович Коновалов. В очках, осанистый, с вздёрнутым кверху подбородком, сын фабрикантов и сам- фабрикант, один из учредителей банка Рябушинских и Русского акционерного льнопромышленного общества. Он уже давно предлагал свою программу реформирования фабрик и заводов, в первую очередь — через изменение положения рабочих, причём сам приводил её в жизнь на своих предприятиях. Он любыми способами пытался добиться начала реализации своих реформ, вступил в ложу "Великий Восток народов России", но там не нашёл желаемой поддержки. И вот судьба ему наконец-то улыбнулась, вот-вот он мог начать работать.

Портфель министра просвещения предоставили Мануйлову, хотя и не добившемуся поста министра земледелия, но здесь всё-таки одержавшего победу в "портфельном переделе". Всё-таки кто, как не бывший ректор Московского университета, мог взять на себя управления всеми просветительскими учреждениями?

Нахохлившись, сверкая лысой макушкой и поглаживая пышную эспаньолку, сидел Владимир Николаевич Львов, которому достался пост обер-прокурора Синода, фактического главы церкви. В его голове уже созрела идея реформ, восстановления патриаршего престола, созыва нового Русского Православного Собора.

Думцы, конечно, волновались, но не из-за того, что зал был оцеплен по периметру солдатами-кирилловцами. Те, между прочим, решили даже на рукава надевать повязки цветов Георгиевского ордена: чёрно-золотые. Нет, депутаты беспокоились за своё будущее: всё-таки на северных окраинах бушевали восставшие, ведомые вперёд членами Совета рабочих и солдатских депутатов. И это было страшно: многие из руководителей Совета до того были вхожи в Таврический дворец, поддерживали дружбу с депутатами Государственной Думы, а теперь готовы были пройтись по их трупам ради своих социалистических идей.

Но речь Кирилла вселила надежду в сердца сомневающихся и укрепила их веру.

— Милостивые государи, члены Четвёртой Государственной Думы. За последние дни на нашу долю выпало немало испытаний: волнения гарнизона, восстание запасных батальонов, Кронштадский мятеж, бунт частей в Гельсингфорсе, отречение Николая в пользу своего сына Алексея. Отрёкшийся император доверил мне сформировать новое правительство народного доверия, которое объединит страну и даст кораблю "Россия" пристать к гавани "Великая победа". Мне же выпала честь стать регентом при малолетнем императоре до наступления его совершеннолетия. И я уверяю, что с честью выполню возложенную на меня роль! Вам уже известно, что новое правительство вот-вот приступит к работе. Его члены вам прекрасно известны, а милостивый государь Михаил Владимирович согласился занять пост министра председателя и министра внутренних дел! Уверен, что он справится!

Аплодисменты, в основном — справа и немного из центра. Ряды слева вообще были полупусты. Только некоторые трудовики решили принять участие в заседании Думы, да и то из-за того, что их просто не пригласили в Совет.

— Однако я не хочу долго говорить, сейчас каждая минута на счету, и использую я её

для дела! — аплодисменты, выкрики "Правильно". В основном — националисты. Шульгин утвердительно кивнул, ему вторили Родзянко и Коновалов с Терещенко. — В моих руках — надежда страны на новое, светлое будущее, которому не будут угрожать никакие потрясения, здесь — мир внутри страны и победы над внешними врагами, здесь наша надежда!

Кирилл поднял высоко над головой папку с бумагами.

— Копии этих документов уже рассылаются по всем городам и весям империи, и вот-вот будут преданы огласке. Милостивые государи, хотите ли, чтобы я огласил их содержание? Хотите ли вы принять их всей душою, чтобы дать стране мир, чтобы дать ей великое будущее, чтобы вознести Россию превыше всех других стран? Готовы ли подтвердить вашим авторитетом сей текст, который принесёт столь желанные вами перемены? Готовы ли пойти рука об руку со мною вперёд, прочь из тьмы веков, прочь из тьмы страха перед озверевшей толпой? Готовы ли вы делом доказать свои слова о желании принести благо своим избирателям? Хотите ли вы великую Россию, а не великие потрясения?

Шульгин внимал словам Кирилла. Он теперь понял, что не надо больше ходить с диогеновым фонарём в поисках человека, который бы смог заменить погибшего Столыпина: Виталий Васильевич его уже нашёл. Он стоял сейчас, как и Пётр Аркадьевич, глядя на беснующуюся Думу, чтобы потом коротко и сильно сказать: "Вам нужны великие потрясения, а нам нужна Великая Россия!".

Конечно же, поднялась целая буря. Почти все депутаты чуть ли не требовали, чтобы Кирилл сказал всё-таки, что там, в этой папке. Публика оказалась в его власти.

— Здесь, милостивые государи, указы о начале земельной, трудовой, церковной, административной реформ. А ещё здесь же — текст первой Конституции Российской империи, которую вот-вот подпишет новый император России.

Депутаты подались вперёд. Шульгин едва не подавился кашлем. Коновалов, Терещенко и Некрасов переглядывались меж собой. Родзянко заволновался, заёрзал на стуле. Пенсне Милюкова едва не упало на пол. Гучков сжал кулаки, ожидая, когда же ему дадут возможность ознакомиться с текстами. Львов удовлетворённо потирал руки, ожидая, что проекты реформ будут проникнуты "либеральным духом", да и будут не так чтобы хороши: это даст возможность правительству вмешаться, предложить свои проекты.

— Милостивые государи, я лишь прошу, чтобы вы проголосовали за эти проекты. Прямо сейчас. У вас слишком мало времени, чтобы ознакомиться полностью с их текстом. Через несколько часов вся страна должна узнать, что Дума готова помочь ей, поддержав эти проекты. Иначе…Иначе, господа, не знаю, что будет с нами всеми. Вряд ли что-то лучше, чем с Луи Шестнадцатым! Милостивые государи, я боюсь за судьбу нашей страны и её строя, ведь уже сейчас слышатся выкрики о том, что надо уничтожить Думу и ввести в стране жестокую диктатуру! И эти выкрики звучат из уст тех, кто в эти минуты науськивает людские массы против нас, из уст членов Совета! Неужели вы дадите им хотя бы минуту, которая может навсегда отвратить нашу страну от правления, полезного для нашего народа? Я сомневаюсь, милостивые государи, и потому прошу вас: проголосуйте сейчас, вырвите победу из рук пораженцев и предателей, палачей, бомбистов и террористов.

Дума шумела, дума галдела…но всё-таки Дума проголосовала. Проголосовала за проекты Кирилла. Сизову казалось, что он может свернуть горы. Но почти сразу после голосования к нему подлетел адъютант.

— Восставшие прорвали заслоны на мостах, наши части отходят с боями к Петропавловской крепости по указанным Вами маршрутам. Потери значительные. Совет вооружил рабочих и сочувствующих городских жителей. Были попытки прорваться к Арсеналу. Там идёт ожесточённый бой. Огнеприпасов мало. Людей ещё меньше. Что прикажете делать?

И всё-таки реальность снова спустила Кирилла на землю…

Глава 16

Подпоручик Аксёнов переводил дух, присев между мешками с песком, из которых были выстроены баррикады, перекрывшие Большую Дворянскую. Он не без душевного волнения вспоминал прошедшие часы.

Подоспевшие на грузовиках части помогли отбить атаку запасников. Аксёнов на всю жизнь запомнил тот переломный момент…

Из кабины грузовика выпрыгивает какой-то полковник, поднимает высоко над собою руку с зажатым в ней револьвером и бежит вперёд, к баррикадам, где отстреливается подпоручик с "румынцами". Бородка полковника взлохмачена, в глазах застыло выражение решимости и желания задать жару "бунтарям". Юнкера несутся вровень, полные боевого задора. А кирилловцы несутся позади, готовясь открыть огонь из винтовок и немногочисленных автоматов по восставшим.

Полковник взлетает на баррикаду, делает выстрел поверх голов восставших и зычным голосом командует: "А ну, трусы, всем стоять! Равняйся, гниды!" И…и те запасники, что ещё не успели начать любимый манёвр проигравших армий, бросают оружие на камни мостовой, поднимают руки кверху и застывают так.

— Совсем страх потеряли! — полковник переводит дыхание, утирает пот со лба. Только тут Аксёнов понимает, что эта лихая команда потребовала у командира подоспевших кирилловцев немало сил. — А Вы, голубчик, герой! Сущий Скобелев! Ей-богу, закончится эта шарманка, попрошу в свою часть! Как Вас зовут?

— Василий Михайлович Аксёнов, подпоручик, — Аксёнов попытался вытянуться во фрунт, доложить по уставу, но его подвели ноги: Василий Михайлович пошатнулся. В голове зашумело, в ушах затрещало: сказалась усталость прошедших дней и полное отсутствие отдыха. Да и нелегко было смотреть в лицо своей смерти…

— Отставить, потом доложитесь по уставу! И вообще, к чему? Вас в скором времени переведут в другую часть — мою. Целиком и полностью в этом уверен. А теперь — отдыхать! Идите в грузовик. К тому же приказано отступать на юг, к Ломанскому переулку.

Совет смог собрать в кулак разрозненные части переметнувшихся на их сторону, а точнее, пошедших против правительства солдат гарнизона, и теперь двигал их к Таврическому дворцу. Восставшие запасники лейб-гвардии Гренадёрского полка по Вульфовой и Архиерейской улицам: похоже, что они хотели обогнуть Петропавловскую крепость и выйти на Финляндскую сторону. Через Гренадерский мост пройти первой группе восставших не получилось, но вскоре и здесь можно было ожидать "пекла". В этих условиях Кутепов и Кирилл выработали план (точнее, Сизов просто сказал, что полагается во всём на Александра Павловича) отхода всех правительственных сил на линию Петропавловка-Большая Дворянская улица-Финляндский переулок- Боткинская улица — Финляндский вокзал — Симбирская улица. Опору этой линии составляли на флангах орудия Петропавловской крепости и стены Арсенала. Причём Новый Арсенал сейчас спешно эвакуировался, и всё его содержимое переносилось в помещения старого Арсенала: сил на оборону не хватало. Сам Сизов предположил, что это временная мера, до подхода верных частей. Кириллу и так повезло: на стороне Совета вряд ли было больше десяти-двадцати тысяч солдат из стотысячного гарнизона да тысяч пять всякого вооружённого сброда. Остальные, как обычно, решили постоять в стороне и посмотреть, чем это всё закончится…

И вот теперь сам Александр Павлович был на острие атаки: ведь тот полковник, что взбежал на баррикаду, ведя вперёд кирилловцев, был сам Кутепов…

Аксёнов вглядывался в кварталы напротив баррикады, откуда должны были вот-вот показаться солдаты Совета. Похоже, петроградцы всё ещё не чувствовали опасности, над

ними нависшей. Ведь даже у Гренадёрского моста собралась толпа людей, желавших посмотреть на "представление". Да и сами баррикады, уже на Большой Дворянской, пытались окружить обыватели, но кирилловцы быстро и доходчиво объяснили, что могут открыть огонь, если кто-то попробует взобраться на мешки с песком или подойти ближе чем на десять шагов. Мало ли, вдруг у кого-то из "глазеющих" окажется бомба под полой, подарочек от Совета…

Кирилловцы располагались на баррикадах поудобнее, разве что вокруг автоматчиков собирались небольшие группы любопытных, но уже из числа солдат. Всё-таки мало кто не то что держал в руках, но видел в глаза это инженерное новшество. Автоматчики с гордостью поглаживали оружие, сконструированное Фёдоровым оружие, давая изредка подержать его товарищам. В действии они были весьма и весьма неплохи: всё-таки скорость огня чуть ли не пулемётная, и это в первое время наводило не то чтобы панику, но сильное волнение на противника.

Но вот в переулках началась какая-то суета, волнение, движение.

— Приготовиться! — скомандовал Аксёнов, залегая с "мадсеном" у баррикады и нацелив ручной пулемёт в ту сторону, откуда должен был показаться противник. — Всем нонкомбатантам разойтись! Живо! Люди, уходите от греха подальше! Убьют!

Но многие всё-таки не спешили уходить, толпа только растекалась между домами. Ну как же, интересно всё-таки.

— Двенадцать дивизий чертей, — процедил сквозь зубы Аксёнов и перевёл всё своё внимание на уже показавшихся впереди солдат Совета. — Всё по новой. Эх, лишь бы не как на Мазурских…

— Пулемётчики! Готовсь! — по баррикадам разлетались команды.

Аксёнов приметил красные полотнища, развевавшиеся над наступающими, и различил звуки песни…Что-то знакомое…

Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут.
В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас еще судьбы безвестные ждут.

Это было уже нечто новое: Совет всё-таки смог нормально организовать солдат. Несколько командиров из наиболее "идейных", знамёна, песни, убеждение, что и так всех перестреляют. Запасникам было, за что воевать…

Но мы подымем гордо и смело
Знамя борьбы за рабочее дело,
Знамя великой борьбы всех народов
За лучший мир, за святую свободу.

Но пулемёты прервали эту песнь. Да она была и не самой громкой: мало кто из запасников пел её от души, во всю мощь лёгких. Не хватало времени Совету, чтобы спаять коллектив, сделать из него настоящую армию…

Противник залёг, пытаясь найти укрытие: запасники боялись. А ещё они очень хотели жить. Их спасал только гигантский численный перевес.

Кровавый хаос. Аксёнов расстрелял весь боезапас "мадсена" и взялся за револьвер. Автоматчики-"румынцы" изредка открывали огонь по врагу — тоже берегли патроны. Из Петропавловки вот-вот должны были доставить огнеприпасы. Только вот подкреплений

ждать неоткуда было…

С подпоручика сбили выстрелом фуражку: он слишком высоко поднял голову над баррикадой, да и не кланялся он никогда вражьим пулям. Только вот теперь-то стреляли по нему свои же, русские. И это было страшно.

Противник отступил в переулки, откуда доносились немногочисленные выстрелы. Передышка. Аксёнов огляделся по сторонам. Потери был незначительные: несколько раненых да трое убитых. Только вот патронов маловато было, снабжение нормально наладить всё не могли, да и как? Кирилловцам постоянно приходилось то отступать со спешно построенных баррикад, то занимать какие-нибудь улицы или переулки: Кутепов и Сизов строили "эластичную оборону". Малое количество наличных сил, распыленных по широкому городскому "фронту", приходилось перебрасывать с одной позиции на другую. Солдатам и офицерам отдыхать было некогда, скоро должны были подойти к концу запасы горючего для грузовиков. И что тогда? Передвигаться по городским улицам на своих двоих и ждать, когда тебя окружат восставшие?

Аксёнов чертыхнулся, когда завидел, то противник снова идёт в атаку. Только теперь медленно-медленно, ползком, готовясь к залпу, прицеливаясь, примериваясь к слабым местам баррикад. А такие "пробоины" были, и насчитывалось их немало. На бульвар мешков с песком не хватило, потому баррикада там "прогибалась", была очень низкой, и именно туда устремились запасники.

Там же стоял и "виккерс-максим", который начал поливать очередями противника. Запасники огрызнулись винтовочными залпами и попятились назад.

— Ну сущий Западный фронт! — Усмехнулся один из соседей Аксёнова, какой-то донец. — Этак мы несколько недель будем огрызаться, если патронов хватит у нас, или у них — людишек.

— А у Вас есть план получше? — подпоручик не был настроен на галантную беседу.

— Ин была бы у меня сотня конная, тогда предложил бы обойти тех молодчиков с обеих сторон, сперва дав поближе подойти, а потом бы как схватил за место известное! От потеха была бы! — захохотал донец.

— Но у нас нету конной сотни, — напомнил Аксёнов.

— Вот потому плану операцьи и не гутарю. А вдруг у них там бонбы найдутся? Пулемётчиков-то снимут, если подпустить близко. Вот сейчас как раз и топают сюда, — донец повернулся в сторону Малой Дворянской, откуда наступал второй отряд противника.

— В клещи взять хотят, — пулемётное гнездо как раз располагалось на стыке двух ударов.

На этом участке было ещё два пулемёта, но те до поры до времени молчали: пулемётчики расположись на крышах домов, и должны были подпустить противника поближе. Или прикрыть отступление кирилловцев, если восставшие слишком сильно надавят.

Те тоже наступали под ту же песню, только звучала она бодрее…

На бой кровавый,
святой и правый
Марш, марш вперед,
рабочий народ.

Мрёт в наши дни с голодухи рабочий,
Станем ли, братья, мы дольше молчать?
Наших сподвижников юные очи
Может ли вид эшафота пугать?

"За их плечами — тоже правда" — подумал Аксёнов, целясь в знаменосца. Тужурка, хлипкая куртка и горящий взгляд. А ещё радостная улыбка на лице: он шёл сражаться за свою свободу и еду для своих детей. Выстрел. И красное полотнище упало на мостовую, но его тут же подхватил такой же рабочий, с тем же блеском в глазах.

— Да что же тут творится, Господи и все твои апостолы, — воскликнул в сердцах Аксёнов, когда и второго знаменосца, настигнутого пулемётной очередью, заменил третий человек. — Почему они не отступают? Сражаются как черти!

— Так ведь русские. Даже мёртвыми не победить! — ответил донец, прищурив глаз. — Эх, что ж за проклятье на род людской.

А второй отряд, рабочие, студенты, лавочники, всё шёл вперёд, не отступая перед огнём "виккерса-максима". Пулемётная лента змеилась, и вот-вот должен был показаться её хвост.

Винтовочные залпы. Автоматные трели и пулемётные очереди. А те люди всё шли и шли вперёд.

В битве великой не сгинут бесследно
Павшие с честью во имя идей.
Их имена с нашей песней победной
Станут священны мильонам людей.
На бой кровавый,
святой и правый
Марш, марш вперед,
рабочий народ.

— Братцы, запевай! Что мы, рыжие! — воскликнул один из солдат-кирилловцев.

Мы русские, с нами Бог!
Мы отстоим родную землю!
Назло революции, красной, чумной,
Одержим святую победу!

Этот солдат был среди тех, кто шёл на помощь юнкерам на Гренадёрском мосту, и слова той песни запали ему в душу.

И всё-таки что-то надломилось в наступавших: рабочие не выдерживали пулемётного огня, подавались назад, разбегались в стороны, подальше от пуль. Красное знамя втоптали в грязный снег. Запасники тоже попрятались по переулкам. Это же были не обстрелянные части с фронта…

Начался обмен выстрелами. То с той стороны немножко постреляют, то с этой: патроны берегли.

Аксёнов расслабился, достал австрийскую трофейную зажигалку, чиркнул, задымил папироской. Последняя…

— Ваш благородь, долго нам тут ещё сидеть? — спросил один из автоматчиков. — Где ж подмога? Сейчас собраться всем да врааз ударить…

— Враз? Ну, посмотрим, — подпоручик задумался. А что, как Деникин под Луцком: "Защищаться не имею никакой возможности, принял решение о наступлении". — Тогда

возьми у тех пулемётчиков на крыше патронные ленты и передай всем, чтобы готовились к атаке.

Солдат кивнул, пригнулся и побежал к дому, на крыше которого засели пулемётчики.

— Вот это по-нашему, — улыбнулся донец.

— Слушай мою команду! Приготовиться к атаке! В штыковую по возможности не входить, отгонять врага огнём! Патронов не беречь! Они побегут от нас!

"Интересно, слышат ли там мои команды?" — Аксёнов всмотрелся в противоположную сторону. Запасники и рабочие подались назад, поближе к домам. Похоже, всё-таки услышали. Двое солдат принесли пулемётные ленты. А заодно и ещё несколько тащили пулемёты.

— Чагой на крыше-то делать им? Нехай постреляют! — ухмыльнулся в усы один из солдат пулемётного расчёта.

— Ин правильно, — одобрил донец, перезаряжая винтовку.

— Командир просил передать, что мы с вами, — прибежал какой-то из нижних чинов от соседей по баррикаде. — Вся улица в наступление пойдёт. Надоело под пулями сидеть.

— Замечательно. Значит, по моей команде пулемётчики открывают огонь, это заставит противника попрятаться в норы. А после мы поднимаемся в атаку. Начинаем, — кивнул Аксёнов, "сосед" понёсся назад, к своей части.

"Виккерсы-максимы" расположили на расстоянии ста шагов друг от друга. Приготовились к стрельбе.

— Ну, с Богом! — махнул подпоручик. Через несколько секунд воздух вспороли пулемётные трели.

Запасники и рабочие ещё сильнее напряглись, словно захотели вжаться в саму землю, провалиться под неё. Многие начали отползать к переулкам и уходить назад по Малой Дворянской.

Аксёнов понял, что сейчас самая пора поднять солдат в атаку. Он поднялся над баррикадой и устремился вперёд. А за ним — и кирриловцы перемахивали через мешки с песком и прочий хлам, на ходу стреляя из винтовок и автоматов по восставшим…

Подпоручик позволил себе посмотреть по сторонам, отвлечься от врагов, что поджидали его впереди: насколько хватало глаз, повсюду кирилловцы пошли в наступление.

Василию даже не довелось пострелять сейчас из револьвера. Запасники, завидев наступающих, или бросились прочь, или побросали оружие на землю. Некоторые рабочие да студенты ещё пытались отбиваться, но тщетно. Многие тоже устремились прочь или сложили оружие, подняв руки вверх.

— Пятнадцати солдатам остаться здесь, сторожить этих! Остальные — за мной! Вперёд! — Аксёнов вспомнил атаки на германца. Здесь, в Петрограде, уже начинался свой Луцкий прорыв…

По Малой Дворянской прорвались на Посадскую улицу: здесь тоже запасники в большинстве своём или разбегались, или сдавались кирилловцам. Почти без выстрелов заняли и Посадскую улицу. Здесь задержались ненадолго, Аксёнов и остальные офицеры дали солдатам немного передохнуть и собраться в ударные кулаки.

Внезапно донец заметил какое-то движение на выходе из Конного переулка, тот как раз упирался почти что в спину наступающим кирилловцам.

— А кто эт там балует?

Аксёнов напрягся: подумал, что восставшие обошли их с фланга и сейчас могут ударить. А если ещё и спереди кто-то надавит…

Но из Конного переулка показались вооружённые городовые и жандармы, приветствовавшие кирилловцев криками и смехом. Похоже, и вправду все отряды от Петропавловки до Финляндского переулка пошли в наступление.

А с Малой Дворянской послышался рокот моторов: на грузовиках прибыло подкрепление. Чуть отставала от них конная сотня с…пушкой! Точно! Артиллерия прибыла!

— Вперёд! Наступаем! — радостно воскликнул подпоручик, позабыв об усталости.

Словно крылья выросли у него на спине!

Солдаты и городовые обогнули с ним Большую Посадскую, на которой шла вялая перестрелка: обменивались не только пулями, но ещё и матом. Один лишь вид наступавших кирилловцев заставил рабочих и запасников бросить оружие. Похоже, противник просто выдохся при наступлении на баррикады, на что и надеялись Сизов с Кутеповым.

Аксёнов думал, что если бы и на германском фронте так же легко можно было бы опрокидывать противника…

На Монетной улице почти никого и не встретили. Обошли Императора Александра лицей и по Большой Монетной вышли на казармы Лейб-гвардии Гренадерского полка.

Вот здесь пришлось охладить пыл: запасники заняли казармы и приготовились дать отпор. Похоже, Совет обещал, что пришлёт помощь и вот-вот отобьют напор кирилловцев.

"Подкрепление" и вправду подошло: "соседи" Аксёнова гнали прямо на него отступающих восставших, около сотни или двух. Те, едва выйдя к казармам и наткнувшись на совершенно неожиданный здесь огонь, сперва остановились, а затем стали бросать оружие и поднимать руки.

— Господа, может, предложим этим сдаться? — предложил штабс-капитан, кажется, из "румынцев".

Все офицеры собрались на импровизированный совет на виду у здания казарм, запыхавшиеся, мокрые, хмурые. Радости, конечно, было маловато от измотавшего противника боя за баррикады и блестящего прорыва к одному из вражеских центров: всё-таки били не германца, не турка, не мадьяра, не австрийца — своих били…

— Предложить можно. Но кто там сейчас? Убивавшие своих командиров звери? Поднявшие руку на власть? Не подчинившиеся приказам? Там революционеры и бунтовщики. Такие если и сдаются, то норовят метнуть бомбу при этом. Нет, господа, я, конечно, согласен, что надо дать им возможность сложить оружие, — вздохнул Аксёнов. — Однако вот-вот должны подойти артиллерия и пулемётчики. Я предлагаю, если они откажутся сдаться, открыть огонь по этим казармам.

— То есть Вы… — это уже шатен-поручик, тоже "румынец". Он командовал кирилловцами, которые гнали к казармам, на солдат Аксёнова, восставших.

— То есть я предлагаю расстрелять ко всем чертям это здание. Из пушек и пулемётов. Никакой пощады убийцам и бунтовщикам. Великий князь Кирилл правильно говорил об этом. Мне уже рассказывали о том, что творилось в Кронштадте и Гельсингфорсе. Я думаю, что со своими офицерами запасники поступили едва ли лучше. Особенно на второй день боёв против правительства.

— Что ж, господа, сперва предложим гренадерам сдаться. А потом — по обстановке, — заключил седовласый штабс-капитан.

Предложили. В ответ — лишь выстрелы да пару особо заковыристых ругательств. Похоже, в казармах собрались самые бедовые.

Прибыла артиллерия…

— Господа, мне жаль, что приходится стрелять по своим же, но иного выхода я просто не вижу, — Аксёнов вздохнул.

Заряжали целую вечность. Вот снаряд в казённой части, секунда…

Огромный цветок из кирпича, дерева и щебня расцвёл на воротах казармы. В оседавших клубах пыли можно было разглядеть тела, валявшиеся на полу казармы.

— Ещё залп! Пять метрами правее! — что-то нашло на Аксёнова.

— Это уже чересчур! — одёрнул штабс-капитан. — Снова предложим сложить оружие, не хочется бросать солдат на штурм, под пули. Они же там совсем озверели!

На этот раз в ответ на предложение сдаться выстрелов не последовало. Просто начали выходить люди, бросавшие оружие. Многие — грязные, в крови, это были те, кого задело выстрелом из пушки.

А потом было посадка на грузовики и снова — бой. Брали казарм Лейб-гвардии Московского полка и несколько заводов, вокруг которых собирались вооружённые рабочие.

Совет, а точнее, созданный при нём штаб восстания, не смог вовремя собрать силы для обороны Гренадерского моста — и на Выборгскую сторону начали наступать с двух сторон. А чуть позже — даже с трёх. Кутепов бросил пулемётные, инженерные бригады и юнкеров через Охтенский мост, обошедший восставшие заводы с юга и юго-востока.

А в южных кварталах города кексгольмцы и латыши вышли навстречу конному корпусу графа Келлера, чьи передовые части уже подступили к пригородам ближе к ночи. Восстание, едва не ставшее революцией, удалось подавить, утопив в крови. Закалённые в боях на фронтах Великой войны солдаты легко справлялись с запасниками, не участвовавшими в настоящих сражениях, и давили численностью рабочих, революционное воодушевление которых не могло тягаться с винтовками и пулемётами.

А пока кирилловцы восстанавливали порядок в городе, Сизов воевал за программу реформ…

Глава 17

Пока шла борьба на баррикадах, в Думе разразилась настоящая буря. Кирилл всеми способами пытался её оттянуть, даже пошёл на такой "детский" шаг, как раздать депутатам количество текстов с его проектами в десять раз меньшее, чем число думцев. Помогло, но не очень.

Зал гудел, особенно правые депутаты-октябристы и кадеты. Левые в основном помалкивали, ожидая, что же будет. Националисты безмолвно взирали безучастно на разворачивавшееся действо.

Кирилл вернулся на заседание, когда буря уже вовсю гремела. Депутаты только тут поняли, насколько сильно их обманули, заручившись поддержкой совершенно…неподходящих думцам документов. Выразителем мнения несогласных стал Гучков. Сняв пенсне, он поднялся с кресла и занял место у кафедры. Сизов же в это время сидел в первом ряду, между Коноваловым и Мануйловым.

— Это вздор, господа, сущий вздор! — Александр Иванович махал листками с основными положениями реформ Кирилла. — Как можно отдать в руки рычаги давления на работодателей? Где это видано, чтобы всякий, кто проработал более трёх месяцев на заводе, получил акции этого завода? Где видано, чтобы государство в прямом смысле заставило поголовно всех предпринимателей создать из их предприятий акционерные общества? Где видано, чтобы рабочие получили в общей сложности до сорока девяти процентов акций? Я жалею, что проголосовал за эти реформы, ослеплённый паническим настроением! Я требую, чтобы результаты голосования были аннулированы, и мы вновь проголосовали по данному вопросу! Пусть я и не являюсь членом Государственной Думы, но на правах министра я буду требовать этого! Но более всего меня поразил своё глупостью проект страхования рабочих от увольнения! Разве не вправе хозяин уволить своих рабочих по важным для него причинам? Разве должен он что-то платить, кроме выходного пособия, если пожелает? Разве где-то ещё, в какой-то стране мира хозяин будет оплачивать восемь десятых этой страховой выплаты, а две десятых будет выплачивать государство? И это за увольнение, причиной которому может быть любой случай, любое недовольство хозяина рабочим, кроме его непрофессионализма! Это же превратит миллионеров в банкротов, это же даст профсоюзам власть, рычаги давления на предпринимателей!

"Зато вот против отмены сухого закона Гучков даже не заикнулся" — с горькой усмешкой подумал Сизов.

— А вы взгляните, господа, на проект земельной реформы! Все государственные, помещичьи, церковные, монастырские земли переходят в руки земельных комитетов, чтобы затем они распределили наделы между крестьянами! Да, пусть в комитетах пополам представителей от правительства и общин, но всё же, отдавать эти земли без немедленной компенсации бывшим владельцам? А вам известно, господа, что большинство земель заложено в банках, что их владельцы должны государству огромные суммы? И всё это —

пустить на ветер, господа?

Правые громко выражали одобрение словам Гучкова. Даже Родзянко, владевший огромными наделами, захлопал в ладоши. В общем-то, Сизов предполагал подобное развитие событий.

Зато немногочисленные левые, дождавшись, когда Гучков сойдёт с кафедры, поднялись и стоя зааплодировали. Не Гучкову — Сизову. Один из их представителей прорвался к кафедре.

— Великому князю хватило решимости, чтобы пойти на этот шаг! Стомиллионное крестьянство, которое кормит страну, тянет непомерное бремя налогов в пользу государства, проливает свою кровь ради его защиты, умирает от тифа и ранений в госпиталях, жаждет именно этого решения! Что вы можете дать восьми десятым населения страны, чего не дадут ему реформы Великого князя? Поддержка Кирилла Владимировича и Алексея Николаевича будет такой, какой ещё не было ни у одного самодержца российского! Мы наконец-то сможем сказать, что правительство работает на благо нашего народа! Мои товарищи поддерживают начинания Великого князя целиком и полностью! И я убеждён, что такое же одобрение выскажет большинство населения страны! А реформа представительного органа? Дума станет по-настоящему всенародным законодательным органом! Да, пусть дать голоса женщинам — это глупость, что может женщина понимать в управлении государством? Но народ, стомиллионное крестьянство и пролетариат, сермяжная правда его будет на стороне правительства, наконец-то наступит порядок! Да, прежде ничего такого не было! Но мы верим, что сейчас нельзя оглядываться назад, надо идти вперёд! В эти минуты восставшая толпа, худшая её часть, не настоящие пролетарии, а чернорабочие, не солдаты, а дезертиры и трусы могут уничтожить Думу и порядок в стране! Но теперь у нас есть шанс утихомирить народ и дать ему победу в Великой войне! Мы поддерживаем Великого князя и целиком и полностью за то, чтобы сохранить результаты голосования!

Депутат-социалист, только выступавший на кафедре. Хлопал в ладоши, смотря на Кирилла. Сизов знал, что сможет заручиться поддержкой левых, хотя и так слабо представленных в Думе. Что ж, оставалось только посмотреть на реакцию кадетов и других прогрессистов. Кирилл Владимирович отчего-то особенно надеялся на националистов во главе с Шульгиным, Сизов представлял их как решающий голос в борьбе за поддержку Думы. Всё-таки именно его действия и реформы, которые вот-вот должны начать проводиться в жизнь, сохраняли за монархией престол. А Виталий Васильевич был самым последовательным монархистом среди лидеров думских фракций. И восемьдесят восемь голосов националистов и примыкавших к ним умеренно правых должны были стать решающим ударом по несогласным с программой реформ.

— Кирилл Владимирович, а знаете, нахожу Ваши реформы именно тем, что надо в наше время. Мы ходим по канату, протянутому над бездной. Я не ожидал, что Вы найдёте способ провести над этой бездной нашу страну. Мои поздравления. Только не думаю, что Дума Вас поддержит, — вполголоса отметил Коновалов, многозначительно поглядывавший на Милюкова, Родзянко, Львова и Гучкова.

А следующим вышел как раз лидер кадетов…

— Милостивые государи, — Милюков всегда начинал свои выступления с этой фразы. — Я не буду говорить о своём личном отношении к данным проектам, я попытаюсь высказать мнение нашей партии. Первым делом стоит затронуть вопрос о разделении властей и демократизации суда. Стоит заметить, что перед нами — воплощение программы партии в более или менее реалистичных формулировках. К тому же и некоторые пункты предоставленного нам проекта Конституции говорят о том, что планируется реформировать самодержавие в конституционную монархию. В этом наши взгляды на этот вопрос совпадают. Думаю, что партия подержит и принцип унитаризма при самоопределении народов. Но возникают затруднения по поводу отделения Польши от Российской империи. В этом вопросе многие члены нашей партии, уверен, не будут согласны с позицией Великого князя и регента…

Милюков вещал в своей обычной сухой, до зубной боли логичной и хорошо аргументированной манере. Постепенно он начал приводить и причины согласия или несогласия с теми или иными пунктами реформ. Но Кирилл постепенно начал понимать, что для лидера кадетов его проекты всё-таки оказались большой неожиданностью, и Милюков с некоторым трудом подбирал слова.

— Всё-таки я считаю, что многие из партии Вас поддержат, — а это уже Мануйлов. Педантичный, въедливый, нередко занудный. — Не по земельному, так по конституционному вопросу. Вы предлагаете то, на что храбрости у Николая не хватило. А эта реформа просвещения, университетское управление, создание на новой основе цензуры, когда произведение будут оценивать не только чиновники, но и редакторы, писатели, журналисты…Я поддерживаю Ваше начинание.

В похожем плане высказался и обер-прокурор Синода Владимир Николаевич Львов. Что ж, большинство всё-таки оставалось за Кириллом. Но вот-вот должен был выступить Шульгин, голоса националистов ещё не прозвучало.

Виталий Васильевич, кашляя, поднялся на трибуну, окинул взглядом Думу, прищурился.

— Когда на этом же месте стоял Пётр Аркадьевич, великий человек, не боявшийся ни оппозиции, ни царя, ни врага. Да, многие считали его палачом и убийцей, создателем "столыпинских галстуков". Но пуля террориста не дала миру увидеть другое его лицо, лицо реформатора, масштаба не меньшего, чем великий Александр Освободитель! Во многом то, что предлагает Кирилл Владимирович, является продолжением задумок Петра Аркадьевича, которые, будь они продолжены, подарили бы России место величайшей державы мира! Верные сыны нашей Родины вот уже почти шесть лет ходили по городам и весям с диогеновым фонарём, надеясь увидеть нового Столыпина, того, кто сможет остановить разрастающийся хаос. Но теперь их работа окончена, новый Пётр Аркадьевич совсем недавно вещал с этого места, — Шульгин повернул голову в сторону Сизова-Романова. Кирилл заволновался. Судьба страны решалась в эту минуту. — И я призываю Думу поддержать Великого князя, всецело доверившись его скрытому до сего дня таланту и прозорливости государственного деятеля величайшего масштаба. Да, может быть, ему стоило разогнать ко всем чертям Думу, как прежде делал Николай. Но Кирилл Владимирович поступил мудро, заручившись нашей поддержкой, попросив проголосовать в поддержку своих проектов и будущей Конституции Российской империи. Да, мы проголосовали, не прочтя ни строчки из этих бумаг! — Шульгин положил правую руку на кипу листов с текстами Конституции и указов о проведении реформ. — Но ни война, ни революция не терпят пустой болтовни и траты времени. Пустой — потому что я считаю, что предложения Великого князя Кирилла Владимировича не могут не быть одобрены нами! Мы в ответе за ужасную ситуацию в стране, в ответе за критику правительства, в ответе за волнения народа и солдат, мы в ответе за всё это, не меньше, чем отрёкшийся император, и я признаю! Но мне не хочется, чтобы кто-то обвинил Думу в преступном бездействии! Я призываю к вашему разуму, судари, и прошу вас всем сердцем поддержать реформы Кирилла Владимировича! Я призываю немедля объявить о нашем одобрении действий Великого князя и регента по наведению порядка в столице и всём государстве! Я призываю дать Кириллу Владимировичу беспрепятственно вести нашу Родину к победе над врагами, внутренними и внешними, и сегодня же подчиниться указу уже отрёкшегося царя о роспуске Думы! Война не терпит болтовни, она требует действий! Так покажем всему миру, что мы способны действовать, и как действовать! Пусть все народы узнают, на что способна наша Родина!

— Гимн, господа, гимн, гимн! — призывы шли и с мест националистов, и либералов, и немногочисленных левых.

Это было невозможно, немыслимо, непостижимо — но это было. Кирилл едва удержался от того, чтобы не заплакать от счастья.

Депутаты Думы поднимались со своих мест и пели, пели гимн. Лишь немногие сперва

сидели, насупившись, но постепенно общее настроение передалось и несогласным, и всё новые голоса вступали в хор. Гучков и Георгий Львов бесновались: они просто не верили своим глазам. Снова, как в четырнадцатом году, не стало ни либералов, ни черносотенцев, и социалистов — только русские патриоты, желавшие победы и счастья своей стране врагам назло…

Маннергейм зачитывал на заседании Финского Сейма текст проектов Кирилла, который по нескольким телеграфам передавали в Гельсингфорс из Петрограда. Сизов-Романов просил, чтобы депутаты Финляндии услышали его указы на родном языке: пришлось засадить нескольких знающих и русский, и финский за перевод.

Капитаны кораблей и офицеры гарнизона, борясь с волнением и душевным трепетом, читали в казармах и на палубах кораблей. Многие плакали, от счастья или злобы, трудно было понять: Россия менялась. Точнее, должна была измениться: понадобится гигантская работа, чтобы воплотить в жизнь все начинания. Но начало было уже положено: Дума поддержала Кирилла, причём — дважды. Поддержал и народ…

Москва. Первопрестольная, мещанская, купеческая. Листовки висели повсюду, в газетах были только проекты реформ и первой настоящей Конституции империи. Лавочники и рабочие, клерки и офицеры, священники и дворники, те, кто умел читать, плохо ли, хорошо ли, но с изумлением и вопросом "Что будет-то?" сейчас читали то, чему только суждено было стать реальностью.

Киев. Киево-Печерская лавра и площадь вокруг неё была полна народа. Здесь довелось зачитывать сразу и манифест об отречении Николая II, и текст реформ и Конституции, которые Алексей даже не подписал. Люди ликовали, они вдруг почувствовали, что во главе страны стал достойный человек, который знал, что нужно его народу. Да, не было в этом чувстве логики, но разве может быть логика в надежде на лучшее будущее. У могилы Столыпина уже собирались те люди, что некогда поддерживали душой начинания Петра Аркадьевича…

Были, конечно, и в Москве, и в Киеве, и во многих других городах волнения, попытки создать свои Советы. Но вовремя удалось ослабить их влияние, быстро справиться с восставшими. Не было ведь здесь таких манифестаций, не было буйных голов и стотысячных гарнизонов из запасников, не было смертельной близости "вотчины" германской разведки — Финляндии и Балтийского флота.

На Черноморском флоте волнений практически и не было. А когда бунтовать, если с утра до ночи ждёшь в Босфоре "дружеского визита" турок и германцев, а до того тоже не скучал никто.

В Риге и офицеры, и команды вообще плюнули на немногочисленные известия о волнениях в столице, и тоже — некогда было. Боевые матросы вообще с презрением отнеслись к мятежу в Кронштадте.

"Ет им трудно? Ет им вены режут "драконы" и немчура? Так они ж там как в Кисловодске, отдыхают, пороху не нюхают, не знают, с какой стороны к орудию подойти! Их бы сюда, итить, мы бы им всыпали!" — так выразился один из матросов, услышав разговоры офицеров о взбунтовавшемся Кронштадте, продолжив драить палубу.

В губернских городах и некоторых уездах, в деревнях и сёлах, на хуторах и в казачьих станицах, всюду, куда успели дойти тексты "Программы Кирилла" и манифест Николая, как реформы уже успели прозвать, царило нечто неописуемое.

Сам Николай с замиранием сердца знакомился с тем, что вот-вот хотел начать воплощать в жизнь. Кириллу хватило решительности на то, чего не смог сделать сам отрёкшийся самодержец. А ещё Великому князю просто повезло…

Особенно радовались крестьяне, уже подумывая, как бы распорядиться землицей, правда, только обещанной. Некоторые, к сожалению, уже недобро поглядывали на помещичьи усадьбы, проверяя топоры на остроту и подумывая, как бы посноровистей устроить "красного петуха". Но многим остудило пыл "Обращение императора и регента к

крестьянам"…

"Зачем жечь, зачем гробить то, ради чего ваши деды да прадеды кровь лили и пот ручьями проливали? Зачем в золу обращать не чужой, но ваш труд, труд ваших предков. Разве вы бы сами добром помянули сына или внучка, который сожжёт вашу избу, потравит ваше поле, разломает вашу соху да убьёт коня-кормильца, без которого вы бы никогда не вспахали родную землицу? Но если кто посмеет всё-таки тронуть усадьбу либо дома отрубных крестьян, либо хутор подожжёт, того ждёт кара за своё дело, не только наша, но и небесная, родительская!"

— Поздравляю, Кирилл Владимирович, Вы всё-таки одержали победу, — заметил Виталий Васильевич Шульгин после того, как депутаты стали покидать Таврический дворец. — Быть может, самое время провести первое заседание правительства, как Вам кажется? Думаю, что именно регент, то есть Вы, должны начать его, а не господин Родзянко. Боюсь, он несколько против Ваших начинаний…

— Первое заседание пройдёт никак не Петрограде или в пригороде. Через несколько часов все министры и товарищи министров отбывают в Ставку, именно там с завтрашнего дня будут проводиться заседания правительства.

— То есть Вы переносите центр государственной власти в Могилёв? — Шульгин даже закашлял от осознания этого. — Что ж, резонно, резонно. Думаете, что сможете оказать большее давление на правительство при помощи солдат?

У Кирилла было едва ли мгновение, чтобы взвесить все "за" и "против", "pro et contra": откровенничать ли с Шульгиным или нет. Всё-таки монархист, а не либерал, говорил это без страха в глаза любому человеку.

— И это тоже, Виталий Васильевич, и это тоже. Надеюсь, моя откровенность не изменит Ваше отношение к моей персоне либо к позиции по отношению к реформам…

— Отнюдь, Кирилл Владимирович, отнюдь. Признаться, я весьма удивлён той остроте ума, которую Вы показали в Ваших проектах. Вы сам их составляли?

— Целиком и полностью. Я не мог никому другому доверить этой работы. Слишком уж важна она для меня и страны, — коротко и уверенно ответил Кирилл.

— Должен извиниться перед Вами, Кирилл Владимирович, я считал Вас до того глупцом, а Вы… — Шульгин закашлял, прижав платок ко рту.

— Не стоит, Виталий Васильевич, не стоит. Надеюсь, Вы готовы к новой поездке? Боюсь, что подготовиться к ней, собрать вещи и проститься с родными не получится. Время дорого, Виталий Васильевич, невероятно дорого. Мне самому необходимо отправиться в Ставку. Интересы государства требуют этого, — Кирилл решил говорить начистоту.

Сизов чувствовал поддержку его идей Шульгиным, а таких людей надо ценить. Всё-таки ему уже необходимы люди, необходим аппарат, который будет выполнять поручения регента. Кирилл Владимирович надеялся перетянуть на свою сторону самых здравомыслящих "правых" и "левых", этаких "левых" либералов, "правых" социалистов и сторонников конституционной монархии…

— Александр Павлович, доложите положение в Петрограде, — голова Кирилла гудела от усталости, но нужно было ещё немного напрячься.

С Кутеповым Сизов встретился через несколько минут после расставания с Шульгиным, тут же, в Таврическом дворце.

— Налаживается, Кирилл Владимирович. Артиллерия обстреливает штаб Совета, последние очаги восстания локализованы, пленных конвоируют к тюрьмам. С Божьей помощью справились, — Кутепов тоже устал, это было видно по его запавшим глазам, под которыми набухали синеватые мешки.

— Замечательно, надеюсь, Вы проследили за тем, чтобы манифест Николая Александровича и мои указы были оглашены в городе?

— Так точно! Всё исполнено чётко по Вашим указаниям.

— Александр Павлович, благодарю Вас за службу, Вы даже не знаете, насколько

большую услугу оказали стране и народу, — Кирилл многозначительно улыбнулся, хотя улыбка и вышла кислой. — Лучше Вас никто бы не справился. Поэтому, как Верховный главнокомандующий и регент при Его Императорском Величестве, я назначаю Вас начальником Петроградского военного округа. Надеюсь, что Вы справитесь с ответственностью, которую я на Вас возлагаю, не хуже, чем с подавлением восстания. Не благодарите меня, а лучше выслушайте, что Вам предстоит сделать на этой должности…

Поезд с правительством уносился прочь, в Могилёв. На вокзале Кирилл успел повидаться с графом Келлером. Бравый вояка, он сиял как новенький золотой рубль: ещё бы, только-только части его корпуса очистили Царское село от восставших частей и доставили в целости и сохранности семью Николая в столицу.

Кирилл наконец-то смог увидеться с Алексеем, которого теперь будут звать Алексеем Вторым. Открытое лицо, доброе, наивное, неизменная шинель гвардейца, сшитая по его меркам, и матрос, носивший на руках цесаревича, а ныне императора российского. Мать, Александру Фёдоровну, оттеснили чуть в сторонку офицеры Келлера и кирилловцы. За ней надолго закрепилась кличка "немецкая шпионка", в которую не могли не поверить и офицеры, и почти что все жители империи…

— Алексей, боюсь, тебе вместе с матерью и сёстрами придётся проделать долгий путь в Москву, ради твоей же безопасности. Как думаешь, справишься? И у меня тут есть несколько документов, тебе надо бы их подписать. Они принесут благо всему русскому народу, то, чего ты так хотел…

— А знаете, я всё никак не могу поверить, что теперь мне быть вместо отца. Это так странно. А я смогу его увидеть? — всё-таки Алексей очень и очень устал. Сизов сочувствовал этому пареньку, на чьи плечи свалилась целая империя. Ну да ничего, он пока что подержит небо на своих плечах не хуже Геракла…

Книга вторая
Гром победы, раздавайся!

Глава 18

— Кирилл Владимирович, как понимать Ваши действия? Зачем правительству перебираться в Ставку? И причём так поспешно! Мы ведь даже не успели собрать вещей, отдать распоряжения… — затянул Родзянко, посетивший купе Сизова-Романова.

Поезд уже вовсю катил по рельсам в Могилёв на всех парах.

— Пусть Россия увидит, что мы не боимся врага, и готовы находиться рядом с ним. На самом деле, нет места надёжнее, нежели Могилёв, в столь сложной обстановке. Да, нам удалось не допустить революцию в Петрограде, да, удалось остановить образование Советов. Но! — Кирилл поднял указательный палец вверх, заостряя внимание новоиспечённого министра-председателя. — Кронштадт до сих пор в руках восставших матросов, неизвестно, что там творится, неизвестно, что творится в этой пороховой бочке — столице. У меня нет ни времени, ни сил, чтобы полностью устранить опасность нового мятежа гарнизона и рабочих, но в гораздо больших масштабах, прямо-таки в гигантских масштабах, Михаил Владимирович! К тому же, сейчас наша главная цель — победа в войне, она и так слишком затянулась, нужно сделать ещё одно усилие. А для этого усилия и Ставка, и правительство должны работать рука об руку. Вы понимаете это, Михаил Владимирович?

На несколько мгновений воцарилось гнетущее молчание, разве что был слышен стук колёс поезда.

— Знаете, Кирилл Владимирович, Вы поразили меня. И, буду честен, поразили меня и

неприятно, и приятно. Такая быстрота, широта замыслов, потрясающая скрытность, более достойная шпиона, чем фактического правителя империи. Вы взяли всё правительство, всю Думу за известное место, — Родзянко был так взволнован, что не мог сдерживаться. Напряжение сказалось и на нём. — Однако я боюсь, что Вы можете не справиться. Мне кажется, что народ вряд ли за Вами пойдёт. Интеллигенция, промышленность…Да Вы сами хотите отобрать у меня же мою землю! Пусть и с выплатой компенсации в будущем, я убеждён, невероятно далёком будущем. Да и где Вы возьмёте деньги на свои реформы, где Вы средства достанете на эти преобразования? Сейчас не те времена, когда было достаточно отлить колокола на пушки. Мы должны Франции, состояние наших финансов ужасающее, а уж промышленность не сравнится ни в коей мере с тринадцатым годом. Призрак голода вот-вот расправит крылья над городами и армией. К счастью, хотя бы с огнеприпасами да вооружением всё терпимо, слава Богу, не предлагают идти солдатам с топорами на австрийские пулемёты. Я скажу Вам от чистого сердца: я не знаю, как Вы с этим справитесь. За Вами нет авторитета, нет широкой известности, за Вами же никого нет!

Кирилл поразился тому, что Родзянко, как на духу, излагал регенту свои мысли. А может быть, всё дело в том, что Михаил Владимирович стал премьером, возомнил себя Столыпиным, не боявшимся говорить императору то, что думает? А может, бывшему председателю Думы просто хотелось высказать свои мысли, вылить из кувшина души всё то, что накопилось за прошедшие годы войны и волнений?

— Когда-то маленькому капралу, в молодости скорее прохлаждавшемуся в отпусках, чем служившему в армии, говорили примерно то же самое. Но этот капрал смог перешагнуть через Аркольский мост, смог не поклониться австрийской картечи и пулям элитных частей врага. Этот человек шагнул — а вместе с ним шагнула и вся страна. Я верю в то, что сейчас смог перейти свой Аркольский мост, и страна пойдёт за мной. Мы победим и австрийцев, и немцев, и турок, и болгар. Мы победим. А как — это уже мне решать. Михаил Владимирович, не спешите с выводами, я нашёл выход из этих проблем.

— Простите, Кирилл Владимирович, но мне слишком трудно в это поверить. Тот капрал в конце концов всё потерял. Вы погубите нашу страну: тот, кто говорит, что знает, как надо, — опаснейший человек.

— Быть может, Михаил Владимирович, быть может…

Казалось, весь Могилёв высыпал на перрон, когда поезд из Петрограда остановил свой бег. Оркестр, толпы народа, уйма просителей, желающих подольститься, занять место повыше, побогаче и поспокойней, вся Ставка, отцы города.

Но возле одного человека в толпе будто бы образовалась пустота. Это стоял Николай II, отказавшийся от престола, дарованного ему предками и судьбой. Правда, ныне его стали звать Николай Александрович Романов, и старались держаться от него в стороне. "Хозяин земли русской" стал просто отцом малолетнего императора, отцом, которому вряд ли дадут повидать родного сына, жену, дочерей.

Звучала какая-то очередная торжественная речь, а Кирилл даже не хотел вслушиваться, всё его внимание было занято фигурой бывшего императора. Было так странно видеть человека, несколько дней назад правившего гигантской страной, которого теперь сторонятся и чураются люди. Но это только здесь, на перроне.

Когда Николай в последний раз заслушал оперативный доклад. Отрёкшийся самодержец плакал, говоря с Алексеевым. Сам Михаил Алексеевич — тоже.

Упал — или, как вспоминали очевидцы, даже грохнулся в обморок, резко, во весь рост офицер-конвоец. Через миг — один из солдат георгиевского батальона. Слёзы, слёзы, плакали и нижние чины, и офицеры. Только генералитет в большинстве своём уже примеривался к новым почестям и постам, обещанным Гучковым за поддержку переворота или хотя бы невмешательство в его подавление….

А вот мысли словно воспарили над Могилёвом, устремившись в разные стороны, к штабам фронтов. Здесь требовалось не меньше усилий, чем в Петрограде, а может, даже больше. К тому же Кирилл планировал в очередной раз удивить верха, сбросив очередной "ярмо" тех, кто позволил ему занять место регента…

Сизов-Романов не пожелал долго стоять на перроне, "любуясь" толпами встречающих. Через полчаса в доме, где несколько месяцев назад он лично встречался с Николаем, началось совместное заседание Ставки и правительства. Это было в новинку, многие пожали плечами от удивления, Алексеев и Гурко были вообще против этого, но Кирилл сумел настоять на своём. Это, мягко говоря, сильно удивило генералов: они слишком уж привыкли к манере Николая II отстраняться от командования, перепоручая свою роль Алексееву. Ныне же всё изменилось. Да и Михаил Алексеевич, если честно, не особо настаивал. Он всё ещё болел, но выглядел намного лучше, чем в ночь перед отречением Николая II, к тому же никогда не отличался особой твёрдостью в чём-либо, что не касалось прямого управления армией. А здесь ничего такого Алексеев пока что не углядывал: просто Ставка посмотрит на правительство, правительство — на Ставку, обменяются несколькими пустыми фразами, и разойдутся, Кирилл уедет в Петроград, его реформы заглохнут, но к тому времени победа будет уже в руках русской армии…

Да, нормальных помещений не нашлось, поэтому генералитету и министрам пришлось потесниться. Что ж, зато в комнате был стол, на котором разложили карту Восточного фронта Великой войны.

Кирилл вглядывался лица собравшихся. Интересно, что они о нём думают? Алексеев явно недолюбливал регента, в чём сыграла его неприязнь к флоту и флотским офицерам.

Генерал Гурко, сын героя Русско-турецкой войны тысяча восемьсот семьдесят седьмого и семьдесят восьмого годов. Этот пошёл явно не в отца, не было в нём таланта и ширины взглядов отцовских, зато было желание дорваться до власти. С ним, если верить слухам, нередко встречался Александр Иванович Гучков, добиваясь поддержки Ставки возможного переворота…

Контр-адмирал Бубнов, начальник морского управления. Тот поглядывал на Кирилла более доброжелательно. К тому же до него каким-то непостижимым образом дошли слухи об активнейшем обмене телеграммами между Колчаком и регентом. Александр Васильевич был другом Бубнова, они вместе "болели" Босфорской операцией. На него можно будет опереться, едва заговорив о поддержке плана десанта на Стамбул.

Гучков уже, похоже, успел переговорить со многими другими членами Ставки: на Кирилла поглядывали весьма недоверчиво, подчас не скрывая презрения к вознесшемуся невероятно высоко регенту. А может, считали его одним из виновников отречения Николая II — те, кто всё же поддерживал бывшего самодержца? Или уже почитали проекты реформ Конституции? Может, и так…

Что ж, тем лучше: Кирилл просто будет атаковать, бить в лоб.

— Господа, впервые проводится совместное собрание членов правительства и Ставки Верховного Главнокомандующего, чей пост мне выпало честь занять. Думаю, что до Вас уже дошли извести о том, что происходило в последние дни в Петрограде и других частях страны, и то, что до сих пор мы не смогли добиться умиротворения России. Это слишком опасно, учитывая, что вот-вот мы должны будем начать решительное наступление на всех фронтах. Этого мы можем достигнуть лишь полным единением власти государственной и власти военной. Этот путь уже доказал свою пригодность во время подавления восстания в Петрограде. Хотя, господа, отчего же — восстания? Революции! Мы едва мы смогли остановить революцию. К сожалению, она успела нанести непоправимый урон стране и, к сожалению, фронту. Пока что армия находится в нерешительности, правители страны поменялись, в городах едва не начался хаос, тылу требуется организация. Боюсь, действовать как прежде мы не сумеем. Нам нужно обновление. В связи с этим я уже подписал новые назначения в армии. Итак, господа, надеюсь, вы сохраните полное молчание до самого момента, когда я закончу рассказывать суть новой организации Ставки и фронтов.

Многие не удержались от того, чтобы податься вперёд. На лбу у Гучкова выступил пот. Гурко едва не улыбнулся, сыто, как кот: думал, что его всё же ждёт наград. Бубнов сжал кулаки. Лицо Алексеева побледнело, а глаза закатились. Все застыли в напряжении.

Кирилл посмотрел на листок бумаги, до того сжимаемый им в руках, перевернул его, поднял глаза и начал с замершим сердцем говорить.

— Итак, — Сизов вздохнул, набирая побольше воздуха в лёгкие, он всё же боялся, что голос его может подвести. — Балтийский флот выходит из-под оперативного подчинения командующего Северного фронта и переходит под контроль Ставки.

В силу усталости от напряжения, перенесённого им в последние дни, генерал от инфантерии Николай Владимирович Рузский направляется на лечение в Кисловодск. Главнокомандующим Северным фронтом назначается генерал-лейтенант Лавр Георгиевич Корнилов, начальником штаба Северного фронта назначается генерал от инфантерии Алексей Николаевич Куропаткин.

Бывший командующий войсками в русско-японскую, Куропаткин уже когда-то занимал должность главнокомандующего Северным фронтом, но не справился со своей задачей. Ныне же он находился в Туркестане в качестве генерал-губернатора.

А вот с Корниловым было всё намного интересней и сложней. Не так чтобы вернейший слуга царю, но зато — отец солдатам, собиравший вокруг себя текинцев и кавказцев, лично ему преданных. Популярнейший среди солдат командир — и проигравший практически все сражения, которыми руководил. Из казачьей семьи, любитель простора, воли — и сторонник железной дисциплины в армии. Северному фронту как раз и нужен был такой командующий. Значительных операций там не планировалось, зато дисциплина…Про это слово там, похоже, давным-давно забыли…

Молчание, кажется, стало даже хуже, чем гробовым. Кирилл подумал, что ещё чуть-чуть, и услышит стук сердец находившихся в помещении людей. Он всё-таки сделал то, чего от него никто не ожидал. И — никто не мог не подчиниться, тем самым они просто нарушили бы субординацию, фактически объявили бы мятеж. А на это Ставка не пошла даже в известной Кириллу истории.

Интересно, кто-нибудь понимал, за что на самом деле Кирилл снимал Рузского с должности? Что нынешний командующий Северным фронтом был далеко не самым здоровым, все хорошо знали. Но удар в спину тому, кто практически возвёл на престол Алексея, а вместе с ним — Кирилла? Это, конечно, было подло. Но Рузский имел слишком тесные связи с Гучковым, лидер октябристов наобещал ему очень и очень много. Александр Иванович вообще не стеснял себя какими-то рамками, стараясь на свою сторону перетянуть Ставку, и это военному министру при Кирилле удалось. Но Сизов-Романов хотел ослабить влияние Гучкова, потихоньку начинать у него выбивать опору из-под ног, а ещё — вызвать прямое, выраженное хотя бы в словах противодействие Александра Ивановича. Военный и морской министр мог с лёгкостью критиковать невоенные реформы, но начни он препятствовать регенту и Главковерху в делах армейских — появится повод снять его с должности. К тому же в Ставке он мог бы опереться только на знакомых из генералитета, но не на "общественные круги".

Да и Сизов хотел доказать, что готов на самые решительные действия не только в подавлении мятежей "гражданских", но и — "генеральских". Пускай поволнуются!

— Место трагически погибшего вице-адмирала Адриана Ивановича Непенина с сего дня занимает начальник дивизии подводных лодок Балтийского флота контр-адмирал Дмитрий Николаевич Вердеревский, Алексей Михайлович Щастный заступает на должность его флаг-капитана …

"Воинская сила может быть сохранена лишь при единой и сильной власти в центре, которая и возродит таковую же на местах, не предусматривая, будет ли это власть существующего правительства, или другая, составленная из представителей рабочих партий. Мы настаиваем на необходимости сильной и единой власти, которая

бы взяла на себя ответственность за судьбы Родины".

Вердеревский подписался бы под этими словами в марте, если бы Кирилл не смог направить историю в немножко иное русло, а первого июня стал бы командующим Балтийским флотом. Такие люди нужны были Сизову. На месте Вердеревского мог оказаться другой человек, Максимов, за финское происхождение носивший кличку Пойка. Говоривший с ярким, сочным чухонским акцентом, живший с полной беспринципностью и желанием сделать карьеру, толкавший речи перед матросами о революции, равенстве и братстве, умерший в тишине и забвении…

— Генерал от инфантерии Михаил Васильевич Алексеев, — Кирилл не смог не взглянуть в глаза Алексееву. В них ничего, кроме усталости и ощущения удара в спину не читалось. — По болезни направляется на лечение в Крым, в Ливадию, где для него перед приездом будут подготовлены все условия для лечения. — Генерал от кавалерии Василий Иосифович Ромейко-Гурко назначается генерал-губернатором Туркестана. Генерал от инфантерии Владислав Наполеонович Клембовский назначается командующим Казанским военным округом.

Это был ещё удар, но не в спину, а ниже пояса — по сторонникам Гучкова и Думы, сторонников давления на власти, участников заговора против Николая II. Клембовский и Ромейко-Гурко уже видели на своей голове лавры победителей, предавших Верховного Главнокомандующего — и способных предать нового, Кирилла Владимировича. Не должны офицеры были лезть в политику. Не должны были. Пускай они тоже имели свои причины желать смещения Николая II, но не во время войны, не обезглавливать армию и страну…

— На место начальника штаба Верховного главнокомандующего назначается генерал от инфантерии Николай Николаевич Юденич. Его место командующего Кавказской армией с сего дня займёт генерал-лейтенант Александр Сергеевич Лукомский. Начальником штаба Кавказской армии с сего дня назначается генерал-лейтенант Иван Георгиевич Эрдели. Наместником Кавказа с этого дня является генерал от кавалерии Гуссейн, Хан Нахичеванский. Великому князю Николаю Николаевичу, который, к сожалению, после зимы несколько занемог, предложено отправиться на лечение в Крым, в любое из мест полуострова по его выбору.

Лукомский, Лукомский, Лукомский…Кирилл не знал, кого поставить помощником Юденича в Ставке. Но…вспомнилось…

Добровольческая армия…Деникин требует аполитичности от подчинённых, пытается снизить напряжённость между офицерами по поводу указания провести молебен по погибшему императору и его семье…И как гром среди ясного неба — Лукомский, который "демократам" заявляет, что те не знают, насколько сильны монархисты в Добровольческой армии. Он не боялся говорить о своих взглядах, не боялся пойти против Керенского. Не должен бояться и сейчас…

Гуссейн, от чьего имени пришла в известной Кириллу истории телеграмма Николаю с заверениями поддержки. Хотя…сам чёрт не мог понять, кто именно её составил: начальник штаба Нахичеванского, Винекен, пару дней спустя пустивший себе пулю в лоб, либо сам хан. Однако же, пусть с Кавказом разбирается уроженец этих мест, он уж как-нибудь найдёт путь между сотнями кланов и десятками "заинтересованных" лиц. К сожалению, за ним нужно будет приглядывать, вдруг начнёт только об интересах своей семьи заботиться, но что делать, что делать…

— На места помощников начальника штаба Верховного главнокомандующего назначаются генерал-лейтенант Евгений Карлович Миллер и генерал от кавалерии Фёдор Артурович Келлер.

Пускай Миллер был лютеранин. Но кто ещё заставит одуревших от нахлынувшей свободы снять красные банты? Он лично пошёл их снимать, на виду у будто бы сошедших с ума нижних чинов. И выжил, он выжил — хотя могли поднять на штыки, могли пустить

пулю в лоб — или спину. Не пустили. Выжил лютеранин…

Да, может, не были Миллер и Келлер великолепными штабистами, стратегами, но они знали, за что, а точнее, кого воюют. Сейчас, в этом хаосе, Кирилл хотел опереться на верных людей, окружить себя достаточным количеством офицеров, на которых смог бы положиться. Да и всё равно почти те же "телодвиженья" произошли бы в Ставке. Но Сизов не хотел ждать, просто не мог, он подталкивал события, пинком их подгонял.

— Главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал от кавалерии Алексей Алексеевич Брусилов назначается Главным инспектором кавалерийских училищ. На его место назначается генерал от инфантерии Владимир Николаевич Горбатовский. Генерал-лейтенант Духонин Николай Николаевич утверждается на должности начальника штаба Юго-Западного фронта…

Луцкий прорыв, потом ставший известным как Брусиловский. Едва не окончившийся полным крахом, когда Брусилов приказал останавливаться наступающим частям. Ошибся. Испугался. Луцкий прорыв. Едва не окончившийся грандиозной победой, едва не похоронивший, не отправивший в небытиё австро-венгерскую армию: остальные фронты просто не поддержали наступления. "Генерал-демократ", ратовавший за продолжение войны и демократизацию армии, известнейший за свои таланты полководца — и предавший своего Верховного главнокомандующего, сошедшийся с Думой. Удар в спину. Отказавшийся поддержать Белое движение, принявший сторону большевиков, заявлял потом, что хотел вырвать из рук Ленина армию и тем самым победить "зеркальное отображение монархии" — РСДРП (б). Единственный из командующих фронтами, кто не закончил Академии Генерального штаба, вырвавшийся наверх благодаря тому, что "голос ставил Николаю" — был его начальником во время службы наследника престола в гвардии, эту самую гвардию поставивший на колени. Да, неоднозначным был Брусилов, но главное, что Кирилл просто не мог на него положиться в этой войне. Да и за измену престолу должно последовать наказание, взяли моду, монархов не уважать…Хотя время было не для шуток…

А Горбатовский Владимир Николаевич…Внешностью он был "сущий бородинский генерал". Прошедший Плевну, Порт-Артур, видевший своими глазами и Скобелева, и троих самодержцев российских, награждённый Георгием третьей и четвёртой степеней. Части под его командованием не раз били превосходящие силы австрийцев, и однажды, даже окружённые с трёх сторон, едва ли не с четырёх, показали "соседушкам", как потомки солдат Суворова воюют. Беззаветно преданный идеям монархии, любимый солдатами и офицерами, он мог стать надёжной опорой Кирилла в командовании Юго-Западного фронта…

Кирилл хотел уже было прочесть ещё несколько строк, но….

Внезапно раздался стук в дверь: Кирилл едва удержался от того, чтобы не вздрогнуть. Напряжение так и просилось наружу, нервы уже были ни к чёрту, усталость, недосып…

— Ваше Высокопревосходительство, разрешите доложить? — на негнущихся на ногах в залу зашёл Василий Михайлович Аксёнов.

Он слегка робел здесь, никакая битва не могла сравниться с этим моментом. Ставка, правительство, регент…На войне всё было намного проще: по эту сторону — наши части, в ту сторону мы должны наступать. Исполнять. Тут же так не выходило…

Кутепов всё-таки запомнил подпоручика, так лихо командовавшего обороной баррикады. Перед отъездом Кирилла в Ставку он порекомендовал Василия Михайловича. Так что подпоручик ехал в одном из прицепленных к правительственному поезду пульмановских вагонов, тех самым, в которых прибыли в столицу части с Румынского фронта. Аксёнов перешёл в подчинение Николая Степановича Скоробогатова.

Кирилл провёл вместе с солдатами несколько часов. Здесь были и "румынцы", и члены Гвардейского экипажа, и несколько юнкеров, произведённых в младшие офицерские чины, и кексгольмцы, и келлеровцы, и солдат Латышской дивизии. Те, кто показал себя с само лучшей стороны во время боёв в Петрограде. Гвардия Кирилла. За правительственным поездом шло ещё несколько составов, в которых тоже разместились надёжные силы. Всего

около тысячи солдат и офицеров должно было вместе с Кириллом приехать в Ставку. Сизов вспомнил историю о том, как Крыленко приезжал в Могилёв, арестовывать Духонина. Здесь тоже мог пригодиться на всякий случай "аргумент". Да и верные силы должны быть под рукой у Верховного главнокомандующего, Сизов это прекрасно понимал. Недавние события это великолепно доказали…

Кирилл Владимирович решил, что может и должен быть откровенен с людьми, его поддержавшими, с теми, кто проливал за законную власть кровь. Сизов рассказал им о том, что мятеж в Петрограде произошёл не только из-за нехватки хлеба, усталости от войны, недовольства народа властью. Произошёл он из-за того, что с самого пятнадцатого года Дума, та часть, что принадлежала к Прогрессивному блоку, готовила общественное мнение, клеймила любое начинание Николая, обвиняла Александру Фёдоровну и все составы правительства в измене, снова и снова засылала эмиссаров в Ставку, в поисках высших офицеров, готовых пойти на переворот.

Восстания не ожидали, только хотели ударить в спину, вынудить на продиктованные Думой уступки. А получили едва ли не революцию. Думцы боялись того, что сделали, они испугались восставшего народа. Сам Милюков, переживший не лучшие моменты своей жизни, потихоньку начал осознавать то, что без сильной, крепкой власти никуда, и потому встал за регентство. Да он никогда и не был по-настоящему за Учредительное собрание или демократизацию страны…

Несколько часов. Никаких красивых слов и пафоса: только факты, только самые надёжные сведения. Кирилл специально приказал составить некоторую подборку материалов Охранки и полиции. Всё это пошло по рукам солдат и офицеров. Подлинники.

А потом Сизов спросил: "Готовы ли Вы пойти за мной, готовы ли добиться победы несмотря на все эти козни, несмотря на то, что народ, скорее всего, будет против вас, соверши я, и только я, неверное движение?".

Ответ пришёл, когда Кирилл вот-вот должен был закончить зачитывать свой приказ…

— Докладывайте, подпоручик, — Аксёнова Скоробогатов предлагал повысить в звании, но тот отказался. Не считал, что за убийство своих же соотечественников следует давать награды или звания.

Кирилл выдохнул. Судьба то ли дала ему шанс передохнуть, то ли сыграла злую шутку, то ли ещё что-то. Сизов уже боялся, что Аксёнов доложит о новом восстании в Петрограде, переходе на сторону Советов московских солдат или смерти Колчака на подорвавшемся на своей же мине корабле: ведь могло случиться всё, что угодно. Просто так никакой офицер не будет вламываться на собрание Ставки…

— Офицеры и нижние чины выстроились на улице для чествования Верховного главнокомандующего. Мы все настоятельно просим Вас…

— Надеюсь, артиллерийского салюта не предусмотрено, — криво улыбнулся Кирилл. — Господа, думаю, нельзя заставлять стоять на холоде солдат. Прошу Вас.

Сизов последовал за Аксёновым, а потом потянулись и остальные. В практически гробовом молчании. Ставка и правительство было попросту ошарашено. На улице в два ряда выстроились солдаты и офицеры. Шашки наголо, винтовки наизготовку, все застыли по стойке "смирно". Знамёна. Едва появился на крыльце Сизов, полковой оркестр заиграл "Боже, царя храни".

— В честь Верховного главнокомандующего — салют!

Залп из винтовок. Кирилл, если честно, не до конца понимал, что же всё-таки происходит.

— Ваше Высокопревосходительство, разрешите обратиться с просьбой! — а это уже Скоробогатов. Улыбающийся, цветущий, с блеском в глазах. А ведь и не скажешь, что не спал до этого двое суток и лично двенадцать раз водил в атаку "румынцев" на штаб Совета. Левая рука у него покоилась на перевязи — прострелили ладонь. — Офицеры и нижние

чины моей части просят Вас как Верховного Главнокомандующего даровать полку право именоваться Первым Кирилловским полком, а самих себя звать кирилловцами. Мы считаем честью получить такое имя.

А вот уже и корниловцы…Интересно, разрешить или нет? Ведь они рисковали своими жизнями ради исполнения его планов, ради его идей и его грёз. Но главное, что они проливали кровь — за Россию.

— За проявленное мужество, с честью выполненный воинский долг и храбрость, разрешаю! — Кирилл выдохнул.

А пусть Ставка и министры видят, что за ним — сила…

Юнкера, только-только узнавшие, что такое первая любовь. Первая морская пехота, сражавшаяся за семью Николая в Царском селе. Обстрелянные австрийцами, немцами, болгарами и турками "румынцы", не расстававшиеся теперь даже во сне с автоматами Фёдорова. Латыши, может, и плохо говорившие по-русски, зато сражавшиеся так, что Суворов и Александр Невский смело назвали бы их русскими. Кексгольмцы, не пожалевшие крови и жизни в боях за Петроград. Попросившиеся перевестись в распоряжение Скоробогатова келлеровцы, пожелавшие пойти за регентом. Почти всех из них Кирилл хотя бы раз видел: обходя караулы, баррикады, справляясь о том, вовремя ли накормили, не надо ли кого отпустить греться, как прошёл первый день боёв. Но всех их объединяло то, что они видели, до чего может довести хаос и чужая воля, направляющая народ против законной власти. Да, они стреляли по своим, они убивали россиян. Но они намеревались напомнить об этом тем, кто подталкивал людей вперёд, в атаку на баррикады.

А ещё теперь их объединяло то, что они считали себя кирилловцами. И весь Могилёв видел, что за спиной у Сизова начинала вырастать сила, ни от кого не зависящая…

Глава 19

Александр Васильевич Колчак прибыл в Севастополь как раз в самую горячую пору.

Возвращающийся флагман встречали в гавани. Офицеры и матросы сгрудились на пристани. Видно было волнение и нерешительность многих людей.

— Александр Васильевич, солдаты гарнизона и матросы изволили начать митинг! — без приветствий, без соблюдения устава, сразу начал флаг-капитан Смирнов. — Требуют Вас.

Старый друг и вечный спутник адмирала, так же "болевший" Босфорской операцией, не скрывал своего беспокойства. А остальные собравшиеся следили за реакцией Александра Васильевича. Тот лишь повёл плечами, заложил левую руку за отворот кителя и коротко приказал:

— Автомобильный экипаж сюда. Потом — на митинг.

Кирилл предупреждал и об этом. Что ж, Колчак и не сомневался, что в армии и на флоте из-за отречения Николая и слухов о восстании в Петрограде начнутся волнения. К счастью, извести о чуть ли не революции в столице, которую сумели подавить, в Севастополь добрались с заметным опозданием. Не то что в Москву или Гельсингфорс…

Гул людских голосов заглушал рёв мотора. Во дворе Черноморского флотского полуэкипажа собралась толпа народа. Какие-то совсем молодые офицеры вещали о том, что страну ждут перемены, зачитывали обращение регента к народу и армии, как святую молитву повторяли строки из проектов реформ, выкрикивали, что Кирилл предложил обсудить эти вопросы всей стране. Правда, Великий князь добавлял, что должны это сделать выборные органы, представители народа…Но кому интересно было бы это слушать?

— Колчака! Колчака! — между тем кричала экзальтированная толпа.

— Остановите автомобиль, — Колчак приказал шофёру. Машина остановилась, сильно не доезжая до здания полуэкипажа.

Александр Васильевич многозначительно посмотрел на Смирнова, одёрнул китель, высоко поднял голову и, выйдя из автомобиля, двинулся во двор. Ему вспомнилась оборона

Порт-Артура и шедшая в атаку японская пехота, артиллерийская канонада эхом отдавалась в голове, свистели у самого лица пули…

Колчак шёл мимо солдат, офицеров и матросов, и те замолкали, едва завидев "их адмирала". Обветренное лицо, сжатые губы, орлиный нос — и железная уверенность в глазах. Шум постепенно затих. Все взоры обратились на Александра Васильевич. Командующий Черноморским флотом встал место прошлого оратора, отошедшего в сторону и понурившего голову, будто нашкодивший гимназист.

— Вы солдаты, матросы офицеры Российской армии и флота — или бомбисты? — вот были первые слова, с которыми Колчак начал свою речь. Она рождалась прямо здесь, на этой импровизированной трибуне, но каждое слово била прямо в сердце слушателей не хуже немецких пуль. — Враг в любую минуту может напасть, и дойдёт до самой Москвы, пока вы здесь будете обсуждать отречение Николая Александровича и восшествие на престол Алексея Николаевича. Да, он пока что всего лишь ребёнок, да, у него нет опыта правления. Но я верю в него. Я верю в регента, Великого князя Кирилла Владимировича. Он тоже — моряк, он знает, что нужно флоту, он тоже — военный, он знает, что нужно армии для победы, он тоже — русский, и он знает, что нужно народу и стране сейчас. Я верю в Кирилла Владимировича, и прошу вас тоже в него поверить. Сейчас, когда победа всё ближе и ближе, нужно сплотиться вокруг престола и командования, нужно с верой смотреть в будущее и работать для победы. Враг ещё крепок и силён, нам нужно довести войну до победного конца!

Речь Колчака очень сильно подействовала на людей, особенно слова о том, что командующий верит регенту и знает, что он война благодаря ему скоро завершится. К тому же Черноморский флот и Севастополь очень уважал Александра Васильевича: было за что. За талант и твёрдость характера, за умение держаться на высоте даже в самой сложной ситуации, за "раздраи" начальникам, поистине суворовские взгляды на ведение войны и подвижность. Много, очень много было всего…

Колчак хотел было сойти с трибуны, но ему помешали это сделать.

— Пошлите от нашего имени телеграмму в столицу! Регенту и императору! Мы с ними! Мы с ними!

Только тут Александр Васильевич позволил себе облегчённо выдохнуть и вытереть платком капли пота, тёкшие по носу и щекам. Речь перед взволнованной толпой солдат и матросов далась ему с невероятным напряжением сил, моральных и физических.

— А теперь: возвращайтесь к службе. Не надо митинговать, надо делом заниматься!

Через несколько часов Колчак устроил собрание офицеров гарнизона и флота на флагмане "Георгии Победоносце". В Севастополь вернулись из рейда к Босфору эскадра. Вот-вот должно было скрыться за горизонт южное солнце, но ночь уже не сулила спокойствия и тишины в Крыму…

Выступать первому, против обыкновения, выпало не самому молодому из присутствующих, а генерал-майору Свечину. Ближе к концу он сообщал о моральном духе солдат подчинённой ему части.

— К сожалению, дисциплина в Морской дивизии не на высоте. Последние события в столице сыграли двоякую роль: с одной стороны, у солдат появилась вера в будущее, в новые изменения после отречения Николая, а это более или менее хорошо, с другой стороны, смена правителей всегда чревата опасными последствиями. Поэтому обстановка сложная, неспокойная, — спокойно докладывал Свечин.

— Думаю, здесь дело совсем не в настроениях в столице или смене правителя, а в плохой работе офицеров с солдатами и матросами. Пропасть между ними всё глубже и глубже, она ширится, в условиях войны с Врагом этого быть не должно, — заметил Александр Васильевич Колчак. — Поэтому не стоит всю ответственность перекладывать на плечи низложенного монарха.

— Я надеюсь, что всё будет хорошо. Мы справимся, — Свечин вообще не любил, как и всякий военный, когда во внутренние дела его частей лез ещё кто-нибудь. Но и в

государственную политику не вмешивался, не обсуждал, как с сослуживцами, так и с подчинёнными.

Затем выступили несколько офицеров гарнизона. Они в нескольких коротких фразах изложили обстановку. Среди солдат, особенно преклонных лет, тех, что надеялись встретить в Крыму "много солнца и никакой войны" происходило некоторое брожение. Похоже, многие были затронуты политикой, "подцепленной" у агитаторов на фронте. Опять же, решили, что надо больше уделять времени работе с нижними чинами. Колчак обещался добиться, чтобы в часть допустили большее количество священнослужителей, для моральной "подготовки".

В конце выступил сам Александр Васильевич. Помолчав несколько мгновений, он положил на стол ворох телеграмм.

— Итак, господа, перед Вами — сообщения из разных областей империи, из Петрограда, Могилёва, Москвы и Гельсингфорса. Моряки в Кронштадте, боюсь, перебили офицеров, подняв над фортами красные флаги. Подавить мятеж не удалось: помешал балтийский лёд и захваченные восставшими корабли. Гельсингфорская эскадра просто оказалась неподготовлена к бою. Рижская эскадра также в трудном положении, немцы могут решиться на наступление, выведя на Балтику свой флот. В Москве до сих пор окончательно не подавлено выступление во главе с Советом рабочих и солдатских депутатов. В Киеве, да, были манифестации в поддержку императора, — Колчак сделал паузу на мгновение. Произносить имя нового "господина земли русской" было непривычно. — Императора Алексея Николаевича и регента Кирилла, но мало кем поддержанные. Народ остаётся в стороне. Всё хуже и хуже настроение, всё меньше желания сражаться. К счастью, отречение способствовало и росту уверенности среди солдат и матросов в скорейшей победе. Не знаю, правда, на каком точно основании. Великий князь Кирилл Владимирович, сообщивший о событиях в стране, не имел возможности поделиться своими соображениями насчёт этого. Однако в своей телеграмме он чётко указал цель, к которой мы должны стремиться, ради которой мы должны воевать и жить…

Колчак невольно улыбнулся, и тут же его лицо преобразилось, исчезла жёсткость, кажущаяся холодность черт, уступив место теплу и мягкости. Жаль, что улыбка всё реже и реже появлялась на устах адмирала…

— Регент указал, что через два месяца мы уже должны будем прокладывать коридоры в минных полях у Босфора и смотреть на удивлённые лица турецких артиллеристов, проспавших высадку нашего десанта. Надеюсь, я не зря ответил, что Великий князь может целиком и полностью рассчитывать на наш флот и Морскую дивизию?

Все собравшиеся, как по команде, поднялись со своих мест, вытянувшись во фрунт. Колчак получил однозначный и уверенный ответ.

В штабе флота заработал "Бодо", соединявший Севастополь со Ставкой…

"Картину маслом", сотворённую руками кирилловцев и Сизова, оценил и генералитет, и министры. Алексеев долго вглядывался в ряды. Грудь его сжимало сердце, в глазах потемнело. Он едва не повалился наземь, Кирилл Владимирович и Гурко успели его подхватить. Михаил Васильевич, нелегко переживший прошедшие дни, не оправившийся после болезни, получил сильнейший удар. В Ставке, которую Алексеев считал своею вотчиной, его на виду у целой толпы людей сняли с должности и заменили каким-то там Николаем Николаевичем Юденичем, не показывавшим носа с Кавказа. Это же удар по чести и достоинству! Так же ведь нельзя было: сослали как нашкодившего дуэлянта. И это перед самым началом блестяще спланированной им наступательной операции! Даже то, что не он один попал "под разгон", совершенно не радовало, не грело душу…

А генералитет с правительством великолепно оценили чествование. Они увидели, что за плечами Кирилла стоит пусть и не великая, но всё-таки — сила. Тысяча штыков, прошедших огонь петроградских баррикад и бои Великой войны, практически оцепившая Ставку, смогла бы подавить любой мятеж. Да на него и совершенно не хотелось идти: в

глазах других это было бы предательство, неподчинение командованию, Главковерху, удар по законной власти, явный, не прикрытый ничем удар. Игру, которая привела к отречению Николая, здесь провернуть бы так легко не удалось. К тому же здесь же, под рукой у Кирилла, были политические лидеры возможного заговора. А норов Великого князя, будто бы только пару дней назад появившийся из ниоткуда, никто не хотел на себе проверять. Да ещё и эти кирилловцы, чьему полку Кирилл Владимирович даровал звание Лейб-гвардии Кирилловского полка…

На этом импровизированным параде даже Ромейко-Гурко стало дурно. Только сейчас он осознал, что это был удар в отместку за принуждение Николая к отречению. Генералы сами себе вырыли глубокую-глубокую могилу, и Великий князь мог их столкнуть туда в любой момент. Ему стоило просто как Главковерху подписать указ о лишении всех чинов и званий тех, кто вздумается перечить, а потом отдать под военный трибунал, о создании которого Кирилл объявил после чествования. В двадцать четыре часа выносился приговор любому, кто будет заподозрен в политической пропаганде. В восемь часов — любому, кто агитирует за прекращение войны и братание с германцем. А любого, кто откажется выполнять прямой приказ командира во время сражения, офицер получал право застрелить на месте.

Это были ужасные, драконовские меры, которые будут стоить сотен жизней — но Кирилл не мог допустить повторения известной ему истории…

— Sheise, was macht dieser russishe Soldat? — немецкий офицер предложил соседу посмотреть в бинокль на то, что творится возле русских окопов.

Отряд солдат пробегал небольшое расстояние, залегал. Потом тот из солдат, кто был ближе всего к немецким позициям, что-то кричал и поднимал руку вверх. Затем подсчитывал, сколько человек тоже подняли руки. И снова короткая перебежка — и та же процедура…

Только со слов пленных удалось выяснить, что на самом деле отряд голосовал за то, продолжать ли атаку или нет — на виду у германских пулемётов…

А ещё это был намёк Гучкову. Кирилл убрал из армии многих его "соратников по теневой борьбе" в Ставке и на фронтах. Лидер октябристов как-то сразу сник после этого. Александр Иванович боялся, что он будет следующим. Потихоньку и до него дошло, что дело Государственной Думы по антиниколаевской пропаганде в стране и проведению переворота обернулось страшной для всех его участников опасностью.

— Александр Иванович, знаете, — Кирилл разговаривал с Гучковым в вагоне того же поезда, на котором министры и регент прибыли в Ставку, — я не хочу водить Вас за нос, Вы человек неглупый. За последние дни мне удалось доказать, что один человек, заручившись поддержкой нескольких ключевых фигур, сможет сделать невероятно многое в такое время. Сегодня же я показал, что мне совершенно не хочется терпеть на постах в командовании армией людей, которые плетут интриги против Главковерха. Надеюсь, доказывать, что неподчинения в правительстве я не допущу, мне не придётся?

Октябрист оказался вдалеке от поддержки. Волнующийся Петроград был вдалеке, не ближе, чем помощники по партии и возможные союзники. На генералитет надежды теперь было всё меньше и меньше. Кириллу, как догадывался Гучков, хватало сообразительности, чтобы ударить по самым больным местам и найти его помощников в Ставке. И, главное, Великий князь был настроен весьма решительно. Народ таких всё-таки боится и уважает. А уж народ, перед носом которого помахали столькими возможностями, и вот-вот дадут насладиться новыми свободами…

— Кто же Вы, тысяча чертей, такой, — вырвалось у Гучкова. Александр Иванович тоже слишком устал за прошедшие дни. Сизов смог его сломать. И не таким хребет удавалось перебить в своё время.

— Я тот, кто пришёл всерьёз и надолго, — Кирилл подумал, что эта шутка здесь

подойдёт как нельзя иначе. — И не намерен уходить, не приведя Россию к победе, а народ — к тому, чего не смог добиться Пётр Аркадьевич Столыпин. Александр Иванович, Вы или подписываете прошение об отставке с поста военного и морского министра, либо остаётесь в Ставке, помогая мне довести эту войну до победного конца. Каков Ваш ответ?

Гучков задумался, серьёзно задумался. Да, Великий князь оказался совсем не тем, за кого его все принимали до отречения Николая. Послушная игрушка сама стала кукловодом, и этой игрушки были зубы поострее, чем у акулы. Александр Иванович думал, что же сможет противопоставить регенту…Снять его, поставить нового? Каким образом? В Ставке в этот день оказалось множество недовольных, но у всех их Кирилл уже смог перебить хребет. Великий князь задавил их страхом, ввёл в апатию. Никто не смог бы ему что-то противопоставить, а уж его штыкам…Вызывать части с фронта, поднимать Брусилова и Рузского? Даже если они и согласятся, то их офицеры просто на это не пойдут. Нарушить сперва приказ Николая о подчинении регенту, а затем — приказания нового Главковерха? Не пойти втихую против, не саботировать, а напрямую заявить: "Я не намерен тебе подчиняться!"? Это было слишком. Слишком мало людей это поддержат…

Подчиниться? Этому выскочке? Этому диктатору, который уже начал железной рукой наводить в армии нечто, что считает порядком? Диктатору, который обещает провести невиданную, невозможную до того даже не реформу, но целую революцию? Диктатору, который в случае чего использовать крестьян и рабочих, интеллигенцию, многих монархистов против нескольких промышленников, что до того поддерживали Гучкова? Диктатору, который всё-таки был даже чем-то симпатичен Александру Ивановичу, что-то было в нём притягательное после Петрограда, выступления в Государственной Думе, в Ставке…

Страх сковал Гучкова, чувство, прежде ему почти что неведомое. Военный и морской министр просто почувствовал, что ничего не сможет противопоставить Кириллу, да и не хочет, на само-то деле. Страна слишком долго ждала крепкую, сильную руку диктатора, готового на всё ради порядка. Страна звала — и этот диктатор пришёл…

— Я готов только пообещать Вам ничего не предпринимать до окончания этой проклятой войны. И только в том случае, если в ближайшие месяцы Вы сможете доказать, что способны обуздать хаос в России. И — только. Большее…

— Большее мне и не нужно. Я буду надеяться на Ваше слово.

И снова заболела голова: наружу пробивались мысли Великого князя Кирилла Романова. Эта часть сознания глухо твердила, что слову чести можно и нужно довериться. А вот Сизов не хотел верить, просто не мог. Он родился и жил в те годы, когда обещания нарушались сплошь и рядом, и уже невозможно было понять, отчего Николай так держался за слово, данное им союзникам, сражаться до конца, до последней крови во исполнение своего долга перед Антантой…

После Гучкова Сизов встретился с Георгием Константиновичем Гинсом. Въедливый, любивший долго и тщательно разбираться с документами и регламентами, раз за разом подвергавший детальнейшему анализу юридические основания того или иного дела, юрист, он долго не мог понять, что заставило Великого князя предложить ему пост главы Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Сперва Георгий Константинович немало времени потратил на то, чтобы узнать, в чём же, собственно, Кирилл Владимирович видит пользу от него на этом посту?

— Вы будете ответственны за оформление актов нового правительства, и ещё — моих указов, — в лоб ответил Кирилл Владимирович. — И я надеюсь на Ваши организаторские способности. Нужно создавать аппарат, который превратит в реальность мои реформы.

В идеально выглаженном чёрном фраке, немного небрежно уложенным воротничком, пенсне в строгой металлической оправе, с напомаженными волосами, зачёсанными на пробор, и тёмными усами, по форме похожими на ромб, Гинс выглядел, мягко говоря, своеобразно. Но именно он в известной Сизову истории сумел наладить более или менее

нормальную деятельность аппарата Сибирского правительства в качестве управляющего его делами.

— Надеюсь, Вы сможете предоставить мне на первое время хотя бы наброски документа, в котором были бы перечислены мои полномочия? И поточнее бы цели…

Кирилл едва-едва улыбнулся.

— Этот вопрос решить намного проще, нежели наладить работу наших служб. Такая бумага будет у Вас в руках…как только Вы сами её и напишете. Я хотел бы увидеть Вас, Георгий Константинович, в действии, если можно так выразиться.

Гинс сделал лёгкий поклон.

— Благодарю за доверие, для меня будет честью работать под Вашим руководством, — Георгий Константинович сохранял полнейшую серьёзность.

Утром Ставка прощалась с Алексеевым, Ромейко-Гурко и Клембовским. Торжественный ружейный салют, клятвенные заверения в дружбе и всемерной поддержке со стороны оставшихся в Ставке — и холодные взгляды, падавшие на Сизова и кирилловцев. Со дня на день ожидалось прибытие других главнокомандующих, как новых, так и пока что остававшихся на своих местах, в Могилёв. Брусилову же и Рузскому, сообщив об их снятии с постов главнокомандующих, более чем плавно намекнули на то, что они могут не тратить зря своё время на поездку в Ставку.

Вот-вот должен был грянуть ответ армии и "общественности" на такие перестановки в командовании, хотя Кирилл надеялся, что он так же быстро и затихнет: после Манифеста Николая, скорее всего, это должно было остаться почти незамеченным. К тому же регент надеялся ещё пару раз удивить, приятно или нет, армию и народ. Сизов собирался начать настоящее реформирование, такое, что могло бы хотя бы на время остановить сползание армии к массе политизированных и потерявших разум людей, сдававшихся сотнями и тысячами двум-трём вражеским разведчикам или конному разъезду. Но и это было не самым главным: надо было менять саму страну, стабилизировать положение, а потом — начать поднимать наверх, к новым высотам. Отчего-то Кирилл с усмешкой подумал, что Россия всегда поднимается с колен, но постоянно подняться, встать в полный рост не может…

Глава 20

В Ставку постепенно прибывали один за другим главнокомандующие всеми фронтами и флотами вместе с начальниками штабов. Такое случалось довольно-таки редко, поэтому сразу поползли слухи, что намечается как минимум изменение плана кампании семнадцатого года нечто подобное.

Кирилл с самого утра ощущал небольшое волнение. Здесь, в Могилёве, история снова немного меняла свой бег. И неизвестно, к добру или к худу…

Александр Васильевич Колчак живо обсуждал обстановку на Кавказском фронте и планы Босфорской операции в заполненном купе. Здесь был и извечный флаг-капитан Смирнов, и Николай Николаевич Юденич, показавшийся адмиралу спокойным, рассудительным, даже слегка медлительным. Однако новый начальник Штаба Ставки поражал своими мыслями о расстановке сил на Восточном фронте и взглядами на будущее. Юденич сомневался в успехе общего наступления.

— Всему виной, дорогой мой Александр Васильевич, отвратное состояние снабжения. Наши солдаты брали Трапезунд и Эрзерум без тёплой одежды, думая, как бы поберечь последние патроны. Кавказскую армию вообще обходят стороной интенданты, по моему скромному мнению. В армии скоро может начаться голод, плохо обстоит дело с одеждой, транспортом, финансами. Чудо, что русский человек — стойкий, терпеливый, иначе бы давно мы оказались в той же ситуации, что и французы на Марне. Германец бы стоял верстах в двадцати от Петербурга и в сорока или тридцати — от Москвы. Но эти, с позволения

сказать, союзники нам бы не помогли, как мы — им. Вспомните пятнадцатый год. Они не сделали ничего, чтобы облегчить наше положение, как и в четырнадцатом, как и в прошлом году. Абсолютно ничего. Даже сейчас эти "красные мундиры" боятся, что мы победим турок на Персидском фронте и выйдем в Месопотамию. Думаю, если наша кавалерия окажется под Багдадом, Георг заключит мир с Вильгельмом, Фош капитулирует, и мы окажемся один на один с Центральными державами. Союзники боятся нашей победы. Да, это в голове не укладывается, но они не хотят, чтобы мы победили.

Юденич поглаживал свои усы, всматриваясь в пейзаж за окном. И всё вспоминал Батум и Эрзерум. Слишком много сил было потрачено, чтобы выдавить турка с Кавказа. Но ещё немного, ещё чуть-чуть…

— Однако же, Николай Николаевич, не будьте столь резки в своих выводах. Да, у англичан с молоком матери впитывается мысль о том, как бы посильнее подгадить нашей стране. Это ещё с самого Петра пошло. Они нас боятся, эти пунктуальные лорды и вежливые джентльмены, эти patroni vulgari, — на Украине к этой компании присоединился генерал-лейтенант Иван Георгиевич Эрдели. На него как снег на голову свалился пост начштаба Кавказской армией, которую регент начал преобразовывать в Кавказский фронт. Лихой кавалерист, Эрдели боялся, что погибнет от скуки и бумажной работы на новом посту, хотел высказать Кириллу Владимировичу все соображения по этому поводу, и всё-таки приказ — это приказ.

Худой, подтянутый, с узким лицом, темноволосый, с небольшой залысиной и куцей эспаньолкой, Иван Георгиевич разительно отличался от Юденича. Но в понимании того, что они ни черта не понимают, что подвигло Великого князя назначить их на новые посты, Эрдели и Николай Николаевич абсолютно сошлись.

— Да, боятся, но мы им ещё нужны. Франция без нашего участия в войне тут же будет оккупирован, и эта оккупация будет пострашней, чем в семьдесят первом году. Там может начаться нечто похуже, нежели Парижская коммуна. Поэтому Англия боится нашего выхода из войны не меньше, а даже больше, чем нашего в ней участия. Это полнейший бред, господа, но этот бред — правда!

Эрдели тяжело вздохнул, разводя руками.

— Господа, это не бред, это — война. И мы должны стойко терпеть все препятствия на пути к победе в этой войне, — заметил Александр Васильевич. — Здесь есть кое-что превыше человеческого понимания.

Эрдели снова вздохнул. За время поездки он уже успел привыкнуть к тому, что Колчак как-то по-особенному относится к войне. Иван Георгиевич вспомнил, что Александр Васильевич некоторое время пробыл в японском плену, да и не раз бывал в Стране Восходящего солнца. А японцы вообще странно относятся к войне…

Ставка теперь собралась в другом составе, к тому же — без министров. Правительство до сих пор не могли разместить в одном здании, поэтому распределили по разным "присутственным" места министерства. Сизов был только этому рад, пусть это мешало организации общей работы — но и создавало хоть какие-то препоны для возможных обсуждений вроде: "А не сместить ли нам и этого Романова?"

Гинс же работал не покладая рук, практически в одиночку написав целую папку документов, которые должны были бы в дальнейшем лечь в основу организации правительства. Вместе с этим он в качестве набросков предоставил Кириллу свои мысли по поводу ограничения полномочий Советов и слияния её с системой городских и губернских дум. Сизов понимал, что нельзя уничтожать какой-никакой, а всё-таки представительный орган народа, если его можно было использовать…

Вечером, перед собранием, регент побеседовал с главнокомандующими фронтов, сохранивших свои посты после отречения Николая и принятия регентства Кириллом Владимировичем. Великий князь понимал, что в большинстве своём они поддержали отречение прошлого императора из "кооперативного духа" и мысли о том, что иначе просто народ не утихомирить. А Кирилл очень не хотел, чтобы в Ставке и на фронтах остался ещё

кто-нибудь, кто захочет устроить второй переворот.

Беседы не прошли даром, как надеялся Сизов. Но вот волнение всё равно осталось. Кирилл понимал, что Гучкова рядом терпеть долго не удастся: организатор был из него никакой, зато политик и демагог — отличный, связи с генералитетом имеются, а военное министерство играло сейчас слишком важную роль. Но под рукой у Сизова пока что не было более или менее популярного человека, способного занять пост военного и морского министра.

Не лучше было и с Львовым. Георгий Евгеньевич находился в какой-то апатии после выступления Великого князя в Государственной Думе и "чествования". Управляющий Земгора вообще был не из решительных людей, так что… И всё-таки, пока что его убирать было рано. Нужно было подождать хоть какое-то время. Народное мнение пока что было больше на стороне "старейшин" Думы, а не регента. К тому же Великого князя почти и не знали в народе. Но это было делом поправим…

— Итак, господа, я рад всех вас видеть в Ставке, и большинство — в совершенно новом качестве. Думаю, не стоит отвлекаться на приветствия, обмен любезностями и поздравлениями, а в особенностями вопросами, что же заставило меня назначить многих из вас на свои посты. Нет времени, да и неважно это всё, господа, — Кирилл сделал короткую паузу, заостряя внимание присутствующих главнокомандующих и начальников их штабов. — Во-первых, я должен сообщить, что план на всю летнюю кампанию, разработанный Михаилом Васильевичем Алексеевым, отменяется. Наша армия просто не готова провести наступление по всему фронту, только ради того, чтобы поддержать союзников. Мы просто можем откатиться назад, как это было в пятнадцатом году. Надеюсь, все помнят, как немецкая артиллерия утюжила окопы нашей пехоты. Сейчас дело с огнеприпасами обстоит намного лучше, однако дух армии всё-таки не на высоте. Вы сами знаете, как мало офицеров осталось в частях, на Западном и Северном фронтах сильна антиправительственная агитация, солдаты слишком политизированы. Чего стоит только Кронштадтский мятеж!

— Полностью поддерживаю, — встрял Куропаткин. — Сколько можно проливать кровь ради французских союзников? Они ни разу не поддержали наши наступления!

Кирилл удовлетворённо кивнул и продолжил вою речь.

— Однако мы и не можем затягивать войну, страна уже устала. Ещё максимум год, и Россия, какой мы её знаем, будет потеряна, сметена народным бунтом, бессмысленным и беспощадным. Нужна победа, громкая, такая же, как Луцкий прорыв, который мог бы переломить весь ход войны. Однако, не судьба, не дал Бог нам такой возможности, а другие фронты — поддержки. Теперь же появился новый шанс, господа. Босфорская операция. Я специально пригласил Александра Васильевича Колчака в Ставку, он и Александр Дмитриевич Бубнов освежат вашу память насчёт плана десанта на Царьград. Прошу вас, господа, — Кирилл кивнул, положив руку на разложенную на огромном столе карту фронта.

— Благодарю, — Александр Васильевич подошёл к карте, глаза его загорелись, лицо напряглось. Вот, вот его дело, вот его шанс добиться проведения операции. Алексеев, этот великий стратег, всё-таки плохо был знаком с морем, он не хотел понять, как важна будет эта победа для общего дела, для Великой войны.

Остальные подтянулись к столу, склонившись над картой. Александр Дмитриевич Бубнов встал рядом с Колчаком, показывая тем самым, что полностью поддерживает командующего Черноморским флотом.

— Всё очень просто. Повторяется операция у Варны. Отряд тральщиков подходит к берегу ночью, начиная прокладывать в минных полях коридоры, достаточно широкие, чтобы наша эскадра и транспортники могли пройти. Противник аналогичные действия у болгарского порта не заметил, так что остаётся шанс и здесь. Перед рассветом транспортники высаживают по обеим сторонам пролива две дивизии с достаточным количеством артиллерии. Немедля после этого место высадки ограждается минными

банками, сетями, здесь остаются дозор из нескольких кораблей. После восхода солнца, которое осветит вражеские укрепления, корабли обстреливают турецкие позиции, прикрывая движение наших дивизий. Около суток уйдёт на полное подавление батарей и захват вражеской артиллерии. За это время транспортники уже успеют высадить третью дивизию с тяжёлой артиллерией, а к вечеру наш флот уже войдёт в Босфор. Ночью десант идёт на штурм укреплений среднего Босфора, в случае успеха освобождается прямой путь на Царьград. Транспорты возвращаются за ещё двумя дивизиями, вторым эшелоном десантного корпуса. В это время наличные, уже закрепившиеся на берегу силы подходят к Константинополю, начинаются бои за город, доставленное подкрепление вступает в сражение. Всем известную Чалджинскую позицию, о которую наступающие со стороны Балкан силы сломали бы зубы, пехота берёт с тыла. К тому времени сюда, скорее всего, уже будут подведены две дивизии из Дарданелл и Смирны, все наличные силы противника на том участке. Однако захваченная десантом Чалджинская позиция их остановит.

Черноморский флот входит в Мраморное море. Десант готовится к обороне Царьграда от Салоникской группировки противника. Даже в случае переброски сюда австрийских и немецких сил десант сможет долгое время оборонять занятые позиции.

— Морской отдел, в свою очередь, полностью уверен в победном окончании этой операции. Противник слишком ослаб, целый корпус турок сейчас сражается в Галиции, усталость от войны накапливается, наша Кавказская армия давит турок с востока. Думаю, сам Александр Васильевич Суворов по достоинству оценил бы эту операцию.

— И назначена она, насколько я помню, на конец апреля? — спросил Юденич, поглаживая свою пышную растительность на лице. — Планируется использовать дивизии моего…то есть Кавказского фронта и Морскую дивизию, которая базируется в Севастополе?

— Да, именно так, — разом ответили Бубнов и Колчак.

— Сил, конечно, маловато, вдруг германец проведёт комбинацию по переброске с нашего Западного и Юго-Восточного фронтов силы на Румынский, а оттуда — к Стамбулу? Иначе мы создадим слишком опасное для кайзера положение дел на этом участке фронта. Боюсь, что немцы двинут сюда несколько корпусов для того, чтобы сбросить нас в море. А перекинут на оголённые позиции силы с Французского фронта. Вы это учли? Несколько дней или недель артиллерийского обстрела, и никакая Чалджинская линия Царьград не спасёт.

— Именно поэтому я и собрал здесь вас всех на совещание, — Кирилл опередил ответ Колчака. — Вместо плана Алексеева мы должны создать новый. Господа, вот, смотрите, — Кирилл склонился над картой.

Сизов провёл пальцем по линии Румынского фронта.

— Босфорский десант позволит создать угрозу наступления на Болгарию с юга, обхвата её с двух сторон. Болгария сейчас слишком устала, её монарх теряет популярность, народ не хочет продолжения войны с русскими братьями. Мы получаем шанс выведения этого противника из войны, если сможем закрепиться в турецкой Фракии. К тому же у меня есть…догадка, и если он будет верна, то Болгария сможет даже выступить на нашей стороне…

Бравый Радко-Дмитриев сидел напротив Кирилла Владимировича. На лице этого болгарина, пожелавшего воевать на стороне Российской империи в этой войну, застыло задумчивое выражение.

— Вы собираетесь провести военный переворот в Софии? — наконец-то спросил он после долгой, казавшейся вечной, паузы. — А не слишком ли это самонадеянно, Ваше Высокопревосходительство? Найдутся ли у Вас средства для этого? Это более походит на авантюру, признаться.

— Нет, я считаю, что смогу устроить это. Болгария воюет на стороне обречённых на поражение Центральных держав. Вот увидите, после Босфорской операции положение Вашего народа и Вашей Родины серьёзно ухудшится. Я не хочу, чтобы наши родственники-

болгары оказались в столь бедственном положении из-за царя-немца на их престоле. Думаю, что болгарам нужен правитель-болгарин, а не Гогенцоллерн.

— Однако что же станется с самим царём? Он, насколько я знаю, прекрасно себя чувствует. Разве что начинает подумывать, а не зря ли вступил в войну на стороне Центральных держав.

— О, это легко решаемый вопрос, поверьте, — многозначительно улыбнулся Кирилл Владимирович.

— Павел? — догадался Радко-Дмитриев.

— Да, Павел, болгарский Павел Первый. Ещё два месяца, и болгарский народ сможет выбрать себе царя из соотечественников. Или, быть может, единоверцев… Но пока это всё надо организовать, любезный мой генерал. Времени у нас, к сожалению, в обрез, да и в финансах есть стеснение. Однако мыслей, планов, идей. Вас-то я и вижу в качестве исполнителя этого необходимого Болгарии дела.

— Меня?

— Именно Вас, не волнуйтесь, Вы не будете делать ничего, что претило было бы Вашей чести или потребовало способностей, у Вас не имеющихся.

— Невозможно, Ваше Высокопревосходительство, — теперь уже заговорил Куропаткин. — Я считаю, что это невозможно. При германофильских пристрастиях командования и правителя…

— Нет ничего невозможного, Алексей Николаевич, поверьте мне. Разве два месяца назад кто-то мог подумать, что на престол России воссядет Алексей Второй, а русские будут стрелять в русских на улицах Петрограда?

— К сожалению, нет, — Куропаткин поник. Его портила только осторожность и неуверенность, стоившие слишком многого во время русско-японской войны.

— Между тем, необходимо проработать план действий других фронтов во время Босфорской операции. И в этом я полагаюсь на слаженные действия всех главнокомандующих. Надеюсь, уроки Луцкого прорыва пошли впрок армии. Итак, господа, начнём с Балтийского флота и Северного фронта. Им суждено сыграть роль второй скрипки в отвлечении германских сил. Вам, быть может, ещё неизвестна информация о том, что немцы отступают на Западном фронте на линию Гинденбурга, а английские войска пошли в наступление, уже заняв Бапом и Перрон.

— Откуда у Вас эти сведения, Кирилл Владимирович? — тут даже невозмутимый Юденич был весьма и весьма удивлён.

— Из тех же источников, что и сообщения о возможности выхода из войны Болгарии.

Ну не мог же Сизов напрямую сказать: "Видите ли, господа, у меня достаточно хорошая память на даты, и поэтому я прекрасно помню сведения из исторических учебников и мемуаров. И, ах, да, что за учебники? Я вам ещё не говорил? Прошу прощения, позвольте представиться: Кирилл Владимирович Сизов, гражданин Российской Федерации, родился…". Хотя жаль, что не мог…Было бы проще, всё было бы намного проще — и вместе с тем сложнее…

— Так вот, германскому Генштабу сейчас совсем не передвижений на нашем Западном и Северном фронтах. А уж до Балтики, когда у нас вроде как должны быть отвлечены силы на Кронштадский мятеж… Алексей Николаевич, помните, Вы предлагали план по высадке десантов в немецкий тыл и одновременным ударом с двух сторон по вражеским позициям? Думаю, в данный момент нам нужно скапливать на Балтике транспорты и надёжные части, пригодные для высадки во вражеский тыл. За два месяца, в кратчайшие сроки, должны быть отработаны приёмы высадки десанта и окапывание на берегу.

— Противник узнает об этом и примет меры. Вы понимаете, что я говорю о вражеских шпионах, которые наводнили армию. Враг подготовится к атаке. Во всяком случае, за два месяца он примет меры…

— А если солдаты не получат хотя бы азы навыков, то их просто превратят в кровавую

кашу. Мне не нужны победы ценою гигантских кровавых жертв, — не сказал, но отрезал Кирилл Владимирович. — К тому же к тому времени на Северный фронт должны быть уже доставлены первые образцы нового вооружения. Их использование также должно быть отработано. А вражескую агентуру я возьму на себя. Думаю, с нею можно будет справиться.

Сизов решил тряхнуть стариной и вспомнить то, чему его учили. Пора уже, пора.

— Лавр Георгиевич, а Вы что скажете? Справитесь?

Низкий, чем-то напоминавший текинца, Корнилов до того молча наблюдал за разговор Куропаткина и Сизова.

— Насколько я понимаю, мне будут даны полномочия по наведению порядка и поднятию дисциплины в армии?

— Именно, Лавр Георгиевич, именно.

— Что ж, тогда я думаю, что Северный фронт себя ещё покажет. Хватит, распустились солдаты, пора их приводить в порядок.

— Дмитрий Николаевич, а Вы что скажете? — Вердеревский просто кивнул. Слов не надо было. Справятся. Или умрут. — Я в Вас и не сомневался. Итак, после высадки десанта должно быть нанесено, по моему мнению, несколько отвлекающих и один настоящий удар. Вот смотрите.

Кирилл подошёл поближе к северному краю карты.

— Сперва удар, идущий по прибрежной полосе, там должна быть проведена мощная артиллерийская подготовка. Насколько, конечно, позволит снабжение снарядами. Конечно, с точки зрения логики и здравого смысла, кратчайший путь к месту высадки десанта должен пролегать по прямой линии. Через день наносится второй удар, несколько южнее. Там тоже артподготовка и несколько ударов, с отходом. А настоящий удар — между первым и вторым отвлекающими. Без длительной артподготовки, тоже — через день после уже второго отвлекающего. Должен быть создан хотя бы небольшой коридор, пригодный для прорыва. Германец должен заволноваться. Три удара и так оттянут на себя значительные силы, как я надеюсь. Противнику будет не до десанта. Но в случае наихудшего развития событий, если удары не принесут никакого результата и фронт не будет прорван ни в одном из этих трёх мест, то Балтийский флот должен быть готов эвакуировать десант. Эту идею стоит в дальнейшем проработать, уже в самом штабе Северного фронта.

Теперь — Западный фронт. Здесь должен быть проведён артобстрел на нескольких участках фронта, наиболее "простых" для овладения. Возможно, несколько демонстраций, не более. Если, конечно, не удастся добиться порыва через линию противника. Тогда должно собрать резервы и те части, которые можно снять с других участков фронта. Германец должен нервничать, он должен думать, что мы переходим во всеобщее наступление.

Юго-Западный фронт, самый удачливый. Здесь будет задействована Особая армия. Гвардия. Части Юго-Западного фронта должны нависнуть над флангами противостоящих Румынскому фронту сил, создать опасность наступления. Между тем, я предлагаю провести здесь новый Луцкий прорыв. По-моему, стоит применить следующую тактику. На слабых участках фронта создать прорывы и создавать угрозу окружения вражеских сил. Естественно, противник начнёт отход. Тогда наши части, которые находятся напротив них, переходят в наступление. У противника будет несколько вариантов действия. "Тушить" порыв, заставлять отойти прорвавшиеся части. Это отвлекает силы с других участков фронта, ослабляет противника. На оголённых участках опять же создаётся опасность прорыва. Второй вариант: отход частей, которые оказываются под угрозой обхода. Противник покидает укреплённые позиции, а в голом поле мы сможем с ними более или менее легко справиться. Луцкий прорыв это великолепно показал. Третий вариант: противник оставляет свои силы на позициях, но перекидывает сюда силы с других фронтов. Мы всё равно остаёмся в выигрыше.

Однако сам Юго-Западный фронт и Румынский мы должны ослабить. Черноморский флот должен перебросить как минимум пять дивизий отсюда на Босфор. Действия Кавказской армии я предлагаю проработать Николаю Николаевичу Юденичу, только-только

прибывшему из неё. Однако, Николай Николаевич, прошу Вас учесть, что и Кавказская армия должна выделить для Босфорской операции наличные части.

Воцарилось молчание. А потом — как будто лавина. Сразу заговорили, заспорили, начали обсуждать предложения Кирилла, критиковать или защищать его идеи. Началась работа…Сизов всё-таки смог добиться оживления, смог добиться инициативы…Пусть работают, пусть думают. Начало положено…

Глава 21

— Кирилл Владимирович, мне несколько стыдно Вас беспокоить по этому поводу, однако ни комендант Ставки, ни кто-либо другой пока что…

— Что случилось, Александр Дмитриевич?

Только что закончилось собрание главнокомандующих, многие ещё остались в кабинете для того, чтобы уже начать разрабатывать план совместных действий. А вот контр-адмирал Бубнов выглядел несколько взволнованным. Он был таким и во время собрания, однако Кирилл не придал тогда этому большого значения…

— Видите ли…

— Передайте Юденичу, что с этого дня я объявляю себя диктатором, буду издавать законы и карать изменников, — начал с мрачнейшим выражением лица какой-то молодой офицер, пошедший в кабинет Бубнова. — Передайте ему, чтобы немедля зашёл ко мне в гостиницу. Вас же я пока что оставлю на своём месте.

Александр Дмитриевич сперва был поражён этим заявлением, но виду не подал: он понял, что у собеседника есть некоторые проблемы с рассудком. Интересно, кто же это? В Главном Морском Штабе наконец-то выяснили, что…

"Молодой Герман Руссов только-только прибыл с Балтийского флота . Врачи вынесли диагноз помрачениерассудка в силу душевного волнения. Помещён в психиатрическое отделение морской больницы. Три дня назад — сбежал"

Разум Руссова не выдержал того, что офицер пережил в Кронштадте, откуда еле-еле сумел скрыться…

— Здравствуйте, Вы не подскажете, когда придёт Александр Дмитриевич? — этот же офицер явился на квартиру к Бубнову, где его встретила жена контр-адмирала.

— А Вы по какой надобности его разыскиваете?

— Видите ли, я явился за тем, чтобы убить Александра Дмитриевича, — с совершенно серьёзным видом заметил офицер.

— Вот даже как, — жена Бубнова не растерялась, контр-адмирал уже успел сообщить ей о Руссове. Вообще-то он, как доложил комендант, уже был препровождён "в надлежащее место". Но…

— Видите ли, он прибудет нескоро, похоже, ближе к полуночи, — ответила жена после короткого разговора по телефону. Бубнов уже знал, что возле дома лучше не появляться…

— Значит, я зайду в следующий раз, — откланялся Руссов.

— Похоже, я знаю, в чём тут дело, — Кирилл Владимирович начал нечто подобное припоминать. В мемуарах Бубнова…Да, точно! — Значит, это произошло сегодня днём?

— Именно, Кирилл Владимирович, — Сизов попросил контр-адмирала обращаться не по уставу. Излишний формализм ещё никому добра не приносил…

— Я разберусь с этим, — судьба подбросила Кириллу ещё один шанс.

Через считанные минуты Сизов уже выходил из непрезентабельного здания, в котором находилось контрразведывательное управление Ставки. За ним следовало несколько сотрудников контрразведки. Кирилл решил тряхнуть стариной. К тому же ему было известно, куда этот Руссов направился.

В ресторане царила не самая весёлая атмосфера. Лишь пять или шесть столиков были заняты задумчивыми офицерами, ещё два три облюбовали гражданские, кажется, снабженцы, приехавшие улаживать какие-то дела в Ставке. А у самой сцены располагались те двое, за кем и пришёл Сизов.

Кирилл Владимирович переоделся в "штатское". Тёмный френч, лёгкий плащ, широкополая шляпа, выражение "по форме "*радость* " на лице. Таких двенадцать на десяток в присутственных местах и университетах. Никто на него особого внимания не обратил: чиновник решил прокутить жалованье, и что с того? Может, пофорсить решил, потому и приоделся пошикарней. В Ставку такие приезжали часто, надеясь получить протекцию или подольститься к начальству, найти местечко потеплей, поближе к гигантским доходам от снабжения армии. Сизов сел за пустующий столик на пути между "целью" и выходом из ресторана.

А тот самый Руссов и ещё один "объект" сидели за столиком около сцены, выпивая один стакан шампанского за другим. Внезапно он напрягся, лицо его покраснело, кулаки сжались, и Герман стал буянить. На пол полетели бокалы, отчего ресторан наполнился звоном разбивающегося стекла, а из уст Германа полилась бессвязная речь. Началась суматоха. Несколько офицеров и прислуга подлетели к столу, надеясь утихомирить разбушевавшегося посетителя, а тем временем "объект" направился к выходу, надеясь незаметно скрыться.

На самом деле, это ему удалось: Сизов и не думал препятствовать. "Объект" оказался на улице — и почувствовал, как ему в спину упёрся ствол "браунинга".

— Guten Tag, Herr Spion den grossen Deutschland, — издевательским тоном произнёс Кирилл Владимирович. — Думаю, обойдёмся без лишнего шума?

К "объекту" спереди подошли трое агентов контрразведки, тоже в штатском. На лицах их застыло такое выражение, что, похоже, немцу совсем расхотелось думать о побеге.

— Вы правы. Шуметь незачем. Но, надеюсь, Вы поделитесь тем, как Вы смогли меня так быстро найти? — не двигаясь, ответил "объект" совершенно без акцента.

— Может быть, может быть…

Немногочисленные прохожие многозначительно поглядывали на странную компанию, видимо, поняв, что тут дело нечисто. Четверо "штатских" кольцом окружили пятого, высоко поднявшего голову и с гонором поглядывавшего на своих конвоиров. Надо отдать должное агенту "Великой Германии", держался он на высоте. Сизов заочно похвалил вражескую разведку, подобравшую человека, даже внешне похожего на славянина. Похоже, шпион был из сохранившихся в Пруссии потомков полабских племён.

Кирилл решил лично допросить арестованного шпиона: почувствовал, что это дело можно и нужно использовать в интересах целой страны.

— Итак, похоже, с документами у Вас выше всяких похвал. Василий Исаевич Квасов, родились в…

— В Варшаве, в семье присяжного поверенного Исаия Николаевича Квасова и урождённой польки Олександры Мацеевской. Учился…

И этот гад ещё улыбался при рассказе!

— А своей настоящей биографии не желаете рассказать? — ухмыльнулся Кирилл. — Знаете, для общего развития.

— Для общего развития? А, понимаю, — кивнул этот русоволосый, подтянутый, кареглазый "объект". Высокие скулы, чуть-чуть косые глаза, ямочка на подбородке, не пропадающая с лица многозначительная полуулыбка. Немец играл на нервах Кирилла. Ну да ладно, он же, наверное, и не предполагает, что Сизов бывалый уже. Очень и очень бывалый. Да и разведка далеко шагнула после Первой мировой, а такого теоретического запаса за спиной у немца нет. — Я не имею никакого желания рассказывать о себе. Думаю, что Вам не надо причины этого рассказывать?

Какой-то словоохотливый попался, явно не самый опытный человек. Лучше бы он отмалчивался, было бы труднее его поймать на слове и составить психологический портрет.

— Можете оставить их при себе, как пожелаете. Что ж…тогда Вам известно что-либо об Ордене Иисуса Сладчайшего?

— Орден Игнатия Лойолы? — ба, да немец ещё и кое-что знает из истории.

— Именно. Думаю, Вам предстоит познакомиться с несколькими приёмами их работы. Разумеется, для общего развития, — Кирилл решил тоже поиздеваться над полабом. — Знаете, был такой магистр их Ордена, Смершем звали…

Полаба хватило ровно на двадцать семь минут. При "расширении кругозора" немца присутствовали люди из управления контрразведки Ставки, наблюдая с большим вниманием за Сизовым. Они всё порывались спросить, откуда Великий князь. А вот Кирилл даже не вспотел, только обрадовался тому, что смог размяться. Приятно было осознать, что не всё забыто, не всё, был ещё порох в пороховницах

А вот на немца было жалко смотреть. Их просто к такому не готовили…

Выяснилось, что зовут "Василия Исаевича" Конрадом Линдербахом, и что он совсем не из юридической семьи. Но это, конечно, были мелочи. Кирилл смог узнать, что полаб работает в Ставке не в одиночку, правда, "объект" пока что не выдал всех имён, адресов и явочных квартир. Но к этому как раз всё шло…

— Что ж, господа, оставляю этого Василия Линдербаха в ваших распростёртых объятиях, — Кирилл взглядом показал, чтобы один из контрразведчиков вышел вместе с ним из комнаты.

Едва закрылась дверь, Сизов начал быстро пояснять, что требуется от этого полаба.

— Попробуйте его завербовать, заставить или склонить на нашу сторону. Мы должны использовать его, чтобы выйти на всю их сеть в Ставке и, возможно, на некоторых фронтах. Кто знает. Работайте в этом направлении, обещайте что угодно, угрожайте чем угодно, но нам нужны все сведения, которые он только может дать. Используем его, используем всех, на кого он нам укажет, но так, чтобы германец не знал, что они уже играют не только за них. Каждое утро и каждый вечер — кто-то из вас должен напрямую мне докладывать о проделанной работе. Привлеките все наличные силы, все средства. Просите всё, что понадобится, любые средства. Но только завербуйте всю их сеть. Выжмите всё. Понятно?

Контрразведчик вытянулся как струна. Этот землю будет рыть — достанет, хоть в Китае найдёт ниточки. Надо запомнить. Да и с этого момента на Сизова присутствовавшие при допросе поглядывали с уважением, к которому примешалась толика страха. Просто…он вытворял совсем не для слабонервных трюки…

Кирилл вздохнул: а вот здесь "методы кардинала Смерша" не применишь. Представители союзнических миссий попросили Главковерха принять их. Интересно, о чём будут говорить? Наверное, подумают, что раз ушёл Гурко, резко отказавший в наступлении русской армии прежде союзных, то что-нибудь да изменится в позиции по этому поводу. Зря надеются, ой зря…

В Ставку всё-таки смогли добраться послы от Франции и Великобритании. Морис Палеолог, этот горделивый орёл, всегда свысока поглядывавший на русский народ и ни во что ни ставивший способности русского солдата, кричавший, что на Западном фронте погибают сливки французского общества, самые учёные люди Республики, убеждённый, что необходимо создать новое правительство во главе с Рузским или Родзянко, был несколько ошарашен ходом событий в Петрограде в предыдущие дни. Он совершенно не ожидал, как и Бьюкенен, что вперёд вырвется до того почти незаметный Великий князь Кирилл Владимирович, а начавшуюся было революцию удастся подавить с таким малым напряжением сил. Палеолог, близкий друг французского президента Пуанкаре, немало сделавший для удержания России в войне, приехал в Ставку, чтобы убедиться в том, что русская армия продолжит войну.

Лорд Бьюкенен прибыл вместе со своим французским коллегой. До того едва постоянно требовавший либеральных реформ и введения конституции, убеждённый, что

стоит Николаю только заявить с балкона Казанского собора о начале новой эры, как народ успокоится и с удвоенной силой возьмётся за продолжение войны. Сэр Джордж Уильям только волновался насчёт экономического положения России…и постоянно пытался надавить на правительство, чтобы империя отказалась от обещанных ей Проливов и Царьграда.

Два человека, два представителя держав, использовавших Россию как плотину, о которую разобьётся германская армия, а её народ как пушечное мясо, игравших в слишком сложную игру и исподволь поддерживавших переворот в стране, — вот как смотрел сейчас на этих двоих Кирилл. Морис и Джордж несколько вальяжно вошли в кабинет Главковерха — но тут же сконфузились.

За спиной Сизова стоял тот самый ординарец, правда, на этот раз без пулемёта — зато с автоматом Фёдорова. И в глазах этого солдата не было ни малейшей толики уважения к вошедшим. Как и в глазах Кирилла. Рядом сидел и Николай Николаевич Юденич, решивший хранить молчание и просто наблюдать за разворачивающимися событиями. Сизов решил, что полезнее будет, если союзники увидят регента и его ставленников туповатыми солдафонами, которыми легко можно будет управлять при должном подходе.

В кабинет вошли, раскланявшись, Палеолог и Бьюкенен с переводчиком. Лорд Джордж так и не смог выучить русского языка за время пребывания в России.

Морис затараторил было приветствия Главковерху, поздравления Кирилла Владимировича, но Сизов его быстро оборвал:

— Попрошу говорить на русском, мсье Морис. Вы находитесь в Ставке русской армии на русской земле и разговариваете с русским человеком. Думаю, это достаточные основания, — совершенно спокойно попросил Кирилл Владимирович. — Прошу Вас.

Сизов кивнул на стулья перед своим письменным столиком.

Наверное, Палеолог был глубоко в душе взбешён таким обращением с "послом великой Французской Республики", но выдержка и многолетний опыт помогли Морису, на его лице застыла та же любезная улыбка.

Лорд Бьюкенен без лишних слов присел на стул: чтобы понять жест Кирилла, переводчик не требовался. К тому же англичанин быстро понял, что разговор будет вестись без малейшего соблюдения протокола. Что ж, those mad Russians…

— Ваше Высокопревосходительство, мы хотели бы от лица Французской Республики и Его Величества короля британского поздравить Вас с назначением на пост Верховного Главнокомандующего …

Слова, слова, слова….

— Нам бы хотелось узнать, до сих пор ли Ставка планирует весеннее наступление на Восточном фронте. От этого зависит всеобщий успех союзнического дела, и…

Наконец-то Палеолог перешёл к делу.

— Между прочим, Мсье Морис, я совсем забыл выказать моё сочувствие неудачному наступлению на Западном фронте. Боюсь, в данный момент британский экспедиционный корпус как раз завяз в боях на линии между Аррасом и Суасоном. К сожалению, войска Его Величества терпят одну неудачу за другой, не в состоянии прорвать вражескую оборону или хотя бы серьёзно вклиниться в неё. И, да, мсье Палеолог, передайте от моего лица поздравления Александру Рибо, думаю, он справится с возложенной на него задачей по формированию нового кабинета.

Выдержка Палеолога и Бьюкенена дала заметную трещину. Даже переводчик сперва замялся, думая, что мог не так понять Кирилла Владимировича…

— Боюсь, Вас несколько неправильно информировали, наши войска наступают…

— К сожалению, мсье Морис, это Вы не владеете все информацией. Однако же, перейдём к делу. Надеюсь, Вам известно, что я привык сперва рассказывать суть моих предложений, а потом уже выслушивать о них чужое мнение? Надеюсь, Вы желаете узнать о том, что я думаю по поводу намеченного на весну наступления?

— Без сомнения, Ваше Высокопревосходительство, без сомнения, — ответил Морис.

А пока переводчик вполголоса вещал на ухо Бьюкенену, лорд думал. Определённо, чем-то Великий князь походил на Керенского. Возможно, слегка отталкивающая внешность и отсутствие должного политического такта, но было в нём нечто харизматичное. Грубая сила нередко может вызвать уважение и даже некое преклонение. Лорд уже составлял в мыслях послание Ллойд-Джорджу.

— Итак, с прискорбием намерен Вам сообщить, что русская армия просто не сможет наступать в ближайшие месяцы. Виной тому не только запаздывание товаров, закупленных ещё Николаем Александровичем, не только то, что они стоят в третьей, а то и в четвёртой очереди, не только то, что в отличие от Западного фронта, где сотни тысяч снарядов и миллионы патронов хранятся на складах далеко за линией фронта, тогда как у нас каждый выстрел на счету. И, наверное, не потому, что у нас почти не осталось средств в казне из-за того, что правительство британской короны требует выкупа обязательств, облигаций, совершенно для нас невыгодного, предоставления нашего золота в качестве залога, тогда как французскому правительству просто требуется предоставить чек, подписанный мсье Пуанкаре. И, наверное, не из-за того, что Проливы заперты для нас из-за того, что в Дарданеллы смогли проникнуть ещё в начале войны немецкие корабли, и теперь поставки через Чёрное море отрезаны. И не потому, что в то время как Англия Франция снабжаются аргентинской и американской пшеницей без особых проблем, а снабжение продовольствием голодающих губерний, городов и военных частей у нас весьма затруднено. Всё просто потому, что мы больше не можем наступать на Берлин, не обезопасив себя от Австро-Венгрии, Болгарии и Турции. Ключи от кайзеровской столицы лежат среди руин армий других Центральных держав, а не наоборот. Наша армия устала, наш народ напрягся. Я боюсь, что в скором времени, если ничего не изменится, нам придётся подписывать сепаратный мирный договор. К сожалению, тяготы для нашей страны слишком велики. Множество наших заводов в руках немцев и австрийцев, крестьяне в основном сидят в окопах, а не готовятся к посевной. Да и среди всех групп населения всё сильнее набирают силу разговоры о том, что Франция и Англия ценой миллионов русских пытается купить для себя новые территории и решить свои проблемы. С этим надо что-то делать, а для этого нужно время. Реформы даже не начались по-настоящему, дисциплина расшатана, а наши закупки ещё даже не поставлены в очередь на производство. В таких условиях мы не можем провести всеобщее наступление. Мы, конечно, не выходим из войны, в скором времени планируется несколько операций, которые позволят поколебать Центральные державы. Враг ещё вспомнит с улыбкой шестнадцатый год, понимая, что он был далеко для него не худшим. Но — никакого всеобщего наступления. Западный фронт может начать наступление, он будет поддержан несколькими ударами наших фронтов. Но большего наша уставшая держава вытянуть не может. К тому же всё настойчивее раздаются призывы со стороны кайзера и австрийского императора о заключении мира. Знаете, их предложения могли бы решить множество проблем в нашей стране. Но мы пока ещё остаёмся верны союзническому долгу, но его всё труднее и труднее выполнять. Каждый день стоит нам шестидесяти пяти миллионов рублей, в то время как поступают извне к нам лишь двадцать, и то — благодаря печатному станку. Дай Бог, чтобы он не сломался, — картинно вздохнул Кирилл. — Поэтому я вынужден обратиться за новым займом к союзническим державам. Однако в силу сложившихся обстоятельств я не могу просить его на прежних условиях, надеясь, что России деньги будут предоставлены на таких же условиях, что и Французской Республике. Иначе наша армия просто не поймёт, за что мы боремся: за правое дело или за кошельки лондонских банкиров. Также я настоятельным образом прошу поспособствовать российскому займу в Северо-Американских Штатах на закупку вооружения и огнеприпасов, а также аргентинской пшеницы. Боюсь, нам придётся пойти на переговоры о мире с Германией, если ничего не будет сделано в этом направлении. Также я прошу как можно быстрее выполнить наши заказы, оплаченные нашим же золотом, в надлежащем виде и в кратчайшие сроки. Иначе нам грозит отступление, как и в пятнадцатом году. Солдаты просто слишком устали. Они всё чаще и чаще требуют мира, и я не могу не прислушаться к их

просьбам. Думаю, господа, это всё то, чем бы я хотел с Вами поделиться. Я Вас слушаю, господа послы.

Палеолог сглотнул.

— Россия затратила намного меньше усилий, чем Франция! Сливки нашего общества гибнут, наше население, несопоставимое с вашим, ощущает на себе все тяготы войны, мы тоже испытываем трудности, Ваше Высокопревосходительство. Я понимаю, что Вам невероятно трудно, но мы также находимся не в лучшем положении. Я постараюсь убедить правительства стран Согласия и Штатов в том, что Россия нуждается в кредитах на новых условиях. Со своей стороны, насчёт поставок, должен заметить, что в Вашей стране дело с транспортным сообщением поставлено из рук вон. Глупо доставлять новые грузы в российские порты, когда многие ящики с заказами врастают в землю, месяцами и годами нетронутые.

— Разберёмся, мсье Морис, разберёмся. Всё наладится, нашей стране нужен порядок и затишье на фронтах. Нам придётся затратить неимоверные усилия, чтобы продолжить войну. Прошу Вас, не забудьте это.

"Солдафон и чем-то похож на Николая Николаевича. Нам он не так опасен, как Николай Александрович. Все эти замашки показать свою силу и разговоры о порядке, который должно навести железной рукой — обычные мысли для офицера. Можно работать" — думал Бьюкенен.

— Я сообщу о нашем разговоре, Кирилл Владимирович, в Лондон, — передал через переводчика Бьюкенен, тяжело вздохнув.

— Благодарю, господа. Надеюсь, мы найдём общий язык.

Сизова так и подмывало спросить: "Надеюсь, с Сиднеем Рейли и Освальдом Рейнером мне так же легко будет договориться, как с вами, господа". Но нет, нельзя было, вся игра сорвалась бы.

"На сегодняшней встрече с Великим князем Кириллом. Этакий Николай Николаевич, но менее популярный в народе, готовый навести порядок в стране и продолжить войну с Центарльными державами. Выдвигает ряд условий, требует изменения условий кредитования и увеличения объёмов поставок. Всё время ссылается на усталость страны от войны и армии. Из речи можно сделать выводы, что относится несколько отрицательно к нашей политике по отношению к своей стране. Солдафон, не упускает случая показать свою силу. Выдвинул популистские предложения по проведению реформ, желая добиться популярности в стране. Имеет некоторый авторитет среди частей, подавивших восстание в Петрограде. Проводит перестановке в офицерском составе. Ожидается принятие им мер по наведению порядка в прифронтовой зоне и перехода железных дорог под контроль Ставки либо Корпуса жандармов"

Это сообщение пошло по дипломатическим каналам в Лондон, к Ллойд-Джорджу…

А Кирилл, когда Бьюкенен только-только сел за его составление, уже начал обсуждение с министрами ситуации в стране и предложил, а точнее, потребовал исполнения своего плана по решению хотя бы части проблем в экономике…

Глава 22

Вдалеке чернели форты Кронштадта. Русская крепость, заложенная Петром, прикрывавшая северную столицу целых три века, теперь стала оплотом мятежников. В Петроград восставшие матросы прорваться не смогли, как и воспользоваться захваченными кораблями: Гельсингфорская эскадра блокировала "Ключгород". А прежде куски льда, которым полнились воды залива, мешали нормальному судоходству.

Щастный с болью в сердце отстранился от бинокля.

— Начать обстрел.

Мятежные матросы сдаваться не собирались, понимали, что многих и многих ждёт заслуженная кара за бунт и за бесчинства на "святой матросской земле".

Мичману Владимиру Успенскому выпало отстоять "собаку", как звали вахту с полуночи до четырёх часов утра на Балтийском флоте. Молодой офицер коротал время за разговорами с вахтенным унтером.

Тишина, разве что кое-где звенят склянки. Всё затихло, как море перед бурей.

И вдруг, часа через два, начали слышаться крики. Приглушённое пение. Пистолетные и ружейные выстрелы. Матросы обходили корабли, которые носом были повёрнуты к молу. Крики. Выстрелы. Снова и снова.

Два тела сбросили с кормы на лёд, начавший багроветь.

Минута-другая — и толпа ворвалась на "Терек", где и был Успенский. Ухмылки, брань, запах перегара — и револьвер мичмана, который упёрся ему в лоб. Руки связаны за спиной. Мгновения растягивались в вечность, чтобы потом взорваться сверхновой.

— Эт не "дракон", эт с Чёрного, учится, от самого Колчака! — за Успенского вступился тот самый вахтенный. Дуло револьвера его рука отвела ото лба Владимира.

— Ааа… — протянул один из матросов. — Ну нехай живёт. Пока.

И щербатая ухмылка во весь рот. Звук отпирающегося светового люка — и удар о стол, стоявший в офицерской кают-компании. Успенский добрался до каюты, где к тому времени начали собираться пока что пощажённые офицеры-балтийцы. Мичман спрятал деньги в ботинки — а через несколько минут пришла всё та же бравая команда. С ленточками "Полуэкипажа" на фуражках — и с полными карманами. Всех выживших офицеров обирали: говоря, что ищут оружие, забирали бумажники, часы, обручальные кольца…

Ещё пять таких обысков, и новые матросы, которым не оставалось, чем поживиться, злились, ругались, били револьверами, кто под руку попадался.

Утром снова — пришли, те же, из поуэкипажа. Срывали погоны, нередко с кусками рукавов, собрали офицеров и кондукторов. Повели через Якорную площадь. Навечно застывший Макаров смотрел на труп адмирала Вирена, неделю назад катавшегося на коньках, а теперь развалившегося на снегу. Стало дурно при виде рва, заполненного скрюченными телами офицеров.

— Куда нас ведут? — наконец-то спросил Успенский.

— Не хотим пачкать собачьей кровью кронштадскую землю, будем на льду расстреливать офицерьё! — злобно ответил матрос.

Залив. Успенский вспомнил волны Чёрного моря. Адмирала…Ну что же, раз, два, три, пли…

Щелкнули затворы. А Успенский всё стоял и стоял. По льду забегали солнечные зайчики. А сзади нёсся хохот матросов. Мучения только начинались…

Тюрьма. Сам начальник тюрьмы, избитый прикладами, присоединился к офицерам. Сперва — одиночная камера.

Сосед повесился через два дня. Молодой поручик по адмиралтейству. Матросы, придя через некоторое время за трупом, лишь жаловались, что теперь труп тащить — мучиться, надрываться…Постоянно неслись полусумасшедшие крики…

Какие-то люди постоянно заглядывали внутрь. Потом — общая камера. Шесть десятков человек, спавших на полу (нары забрали), страдавших от холода и волнения, непонимания, что же происходит…На завтрак-кипяток, на обед — барский стол — похлёбка из нечищенного картофеля и ржавых голов селёдки.

А потом — снова залив, расчищавшийся ото льда. Чёрные силуэты на самом горизонте, в которых едва-едва, только чутьём можно было угадать корабли Гельсингфорской эскадры. Волны играли с льдинками, игравшими всеми цветами радуги на солнце. Успенский не услышал щелчка затвора. Только ноги почему-то разом подкосились.

Молодой мичман умер наполовину седым…

Дыбенко, ставший вождём мятежного Кронштадта, отказался проводить переговоры. После этого предложения на берегу остались лежать десятки убитых офицеров. Самые буйные кронштадцы просто подмяли под себя всех остальных, и ни на какие уступки идти бы просто не дали. Расстрелом офицерства "буйные" пытались отрезать путь обратно, шанс на переговоры. Да и с каждым убитым или умершим офицеров надежд на помилование поубавлялось. С топливом стало плохо, с едой — ещё хуже. Некоторым недоставало и ещё кое-чего — марафета…

Но Дыбенко всё-таки держал в кулаке Кронштадт, наверное, ещё бы немного, и его бы подняли на штык, или выстрелили в затылок, но не случилось: Щастный собрал возле Кронштадта практически всю крупную "артиллерию" Балтийского флота. Кирилл Владимирович попросил не церемониться. Сизов с недоброй усмешкой подумал, что потихоньку начинает походить на большевиков. Не хватает только идущих на штурм Кронштадта депутатов Съезда и сообщений в газетах о раскрытии контрреволюционного заговора…

Бух. В крышу одного из фортов попал первый снаряд. В разные стороны разнесло опилки, в которые превратились доски, и кирпичную крошку. Кронштадские орудия молчали. В горячке мятежа перебили всех, кто смог бы грамотно ими управлять, корректировать огонь…

Бух. Снова — крыша форта. Кронштадт лежал как на ладони. Тут даже особо пристреливаться не надо было…

Бух. Снесло крыло здания минных классов.

Бух. Снаряд прорыл воронку возле самого памятника Макарову, но тот устоял…

— Прекратить огонь! — Щастный первым не выдержал вида расстреливаемого из русских пушек русского же Кронштадта. Вгляделся в бинокль. Он надеялся разглядеть через стекло белое полотнище…Пусть они сдадутся! Не превратить же детище Петра в искорёженные развалины!

Нет, флаг не поднимался над Кронштадтом…

Бух. Бух. Бух. Теперь вся эскадра обстреливала этот ключ к Петрограду…

Разлетающиеся в стороны кирпичи и камни, доски, обращавшиеся в труху…

Бух. Бух. Бух. Бух. Бух. Снаряды теперь буравили не только форты, но и жилые помещения, разворотили здание тюрьмы…

Наконец-то ответили орудия Кронштадта. Недолёт, причём преступно сильный: выстрел дал ужасный промах…

Бух. Бух. Бух. Бух. Бух. Орудия кораблей подавили даже не начавшие оживать пушки фортов. Кронштадту было просто нечем ответить…

В какой-то момент Щастный снова приник к биноклю: кажется, солнечный блик скользнул… Нет, невозможно…Да, да, да!

— Прекратить огонь! Они выбросили белый флаг!

Команды Рижской эскадры похолодели, едва ступили на землю острова…

На берегу валялись никем не убранные трупы. Земля была усеяна обломками зданий, пострадавших от обстрела, изрыта ещё теплящимися воронками…

А навстречу напряжённым морякам выходили кронштадцы, подняв руки кверху. Впереди шагал, подгоняемый пинками, измордованный, затравленный Дыбенко. Его сподручники просто решили откупиться, выторговать себе хоть какое-то снисхождение, "явив пред очи" одного из заводил мятежа. Шагах в десяти от несостоявшегося владыки Кронштадта еле плелись немногочисленные выжившие офицеры и кондукторы. Синяки, ссадины, кровоподтёки, переломанные пальцы, прижатые к груди, перебитые руки. Одного мичмана несли на руках: тому сломали ноги во время допроса. Несколько матросов полуэкипажа, мучившиеся от ломки, с чего-то решили, что у этого мичмана есть или марафет, или нечто похожее. И, конечно, не захотели поверить на заверения офицера в

обратном. Прикладами били очень долго и с каким-то особым, извращённым наслаждением…

Суд над кронштадцами устроили тут же, несколько дней спустя, а до того всех матросов загнали в уцелевшие здания, приставив охрану. Щастный лично обещал смилостивиться над теми матросами, что укажут на зачинщиков и особо рьяных делателей свободы на флоте, палачей офицеров и пристрастившихся к марафету. Сперва молчали. До утра. Ночью многим стало ясно, что дело плохо: в Кронштадт прибывал один корабль за другим. Сизов по прямому проводу попросил Кутепова обеспечить в "Ключгород" прибытие газетчиков, депутатов распущенной Думы, боевых офицеров, иностранных представителей — всех, кого только можно было. А потом…

Потом надо было успевать только слушать и записывать то, что заключённые рассказывали. Соседей по камере и вообще всех, кто когда-либо не приглянулся, обвиняли во всех смертных грехах, надеясь на лучшую участь для себя, наговаривали. Но были среди этих рассказов и правдивые, нужно было только понять, кто на самом деле зверствовал во время мятежа, а на кого просто навели поклёп. Жаль только, что это подчас оказывалось слишком трудным занятием…

Щастный настоял на том, чтобы заседание суда провели прямо на кронштадской земле, у памятника Макарову. Расставили стулья, установили импровизированную кафедру для обвинителей и присяжных поверенных. Обвиняемых, зачинщиков мятежа и наиболее зверствовавших матросов, окружило несколько цепочек караульных. Но кронштадцы и думать не могли о том, чтобы попытаться сбежать: с острова пути не было. Разве что под огнём Балтийского флота…

Флаг-капитану второй приказ дался очень тяжело, но пришлось запретить хоронить тела погибших во время мятежа офицеров. Приглашённые из Петрограда разевали рты, глядя на разрушения и десятки трупов в сколоченных наспех гробах, которые матросы и кирилловцы проносили мимо собравшихся. Защёлкали фотоаппараты, хроникёр задвигал ручки кинокамеры…

Дыбенко стоял, не шелохнувшись, изредка зыркая на судей, обвинителя и собравшихся, шикая на "собратьев" по несчастью. Присутствие духа не отказало ему и в этот раз. Только вот удача явно отвернулась от красного балтийца…

Обвинитель зачитывал одно за другим преступления, в совершении которых был повинен Дыбенко. А гробы всё несли и несли, исковерканные, синюшные лица, к которым прикоснулся тлен, вывернутые в невероятных положениях руки, ноги, скрюченные пальцы, у кого-то невероятно спокойные, у кого-то перепуганные выражения на челе…

Макаров недобро поглядывал на собравшихся на судилище, указывая пальцем на море, на корабли эскадры — и на Дыбенко, задравшего высоко вверх голову. А ещё — на Морской собор, оставшийся нетронутым во время бомбёжки. Кресты стояли, не покосившись, и лишь стёкла оказались выбиты после выстрелов. Громада этого святого здания давила, обволакивала, нависала над публикой и участниками процесса…

Дыбенко предоставили последнее слово. Вот-вот должна была решиться его участь. Он злобно поглядел на выживших после мятежа офицеров, дававших показания по ходу процесса, а затем коротко произнёс свою последнюю речь:

— Я признаюсь, что бил "драконов" и зверей. Я признаюсь, что хотел сбросить ярмо буржуев и дворяшек, царя-кровопийцы и убийцы, начавшего эту дрянную войну, в которой нас используют лягушатники и лимонники. Я признаюсь, что дрался за свободу матросов и мир. Но я не боюсь вашего наказания! Мы ещё посмотрим, чья возьмёт! — закончил Дыбенко, вскинув голову и посмотрев прямо в глаза бронзовому Макарову. Адмирал молчал…

А вот многие соратники матроса-анархиста оказались не так крепки душой.

— Эт всё он, он, искусил, Сатана! А я — чё? Я — ничё не делал, невиноватый я!

Невиноватый!

Присяжные поверенные, защищавшие Дыбенко и прочую братию, старались изо всех сил, но даже они нет-нет, да поглядывали на руины зданий Кронштадта и ров, который до того был завален трупами матросов…

Иные же просто молчали или плевали в землю в ответ на предложение последнего слова на этом процессе. Щастный просил, чтобы приговор был вынесен как можно скорее: итак всё ясно было…

И снова — работающие кино- и фотоаппараты. Журналисты что-то помечали в своих блокнотах, немногочисленные дамы хватались за сердце, офицеры Петроградского гарнизона вспоминали события недавнего мятежа, а моряки недобро, ой как недобро смотрели на подсудимых. Даже во взглядах, падавших на Дыбенко, мешались ненависть, отвращение, желание отомстить и уважение выдержки анархиста…

Всех приговорили к расстрелу, с исполнением сразу же после зачитывания приговора, на том же самом берегу, который обагрила кровь офицеров. Судьба будто бы хотела уравнять и тех, и других. Но смерть это сделала лучше, чем всякие реформы и революции…

Густав Маннергейм целыми днями не мог выделить нескольких минуток, чтобы отдохнуть. Сперва нужно было перевести на финский обращение Великого князя Кирилла Владимировича, затем продолжить телеграфное сообщение с Петроградом: из столицы прибыли неожиданные вести о назначении на должность главы Петроградского военного округа Кутепова, знакомого по времени службы в столичной гвардии. На него можно было положиться, тем более Маннергейм узнал, что Александр Павлович был одним из тех, кто удержал Петроград от захвата мятежниками. Правда, стоило это немалой крови…

Но тут — новая напасть. Финны просили вернуть конституцию, продолжить её действие. Для достижения этой цели Сейм и гражданские власти угрожали "ухудшением отношения к центральной власти и русскому гарнизону". Похоже, особо горячие головы решили, что если уж в "метрополии" политический кризис, малолетний император у власти и до сей поры почти никому не известный чем-либо выдающимся Кирилл Владимирович, то можно и выторговать себе что-нибудь.

— Не имею ни малейшего желания исполнять эти требования, — завил Маннергейм на очередном собрании Сейма, обращаясь к депутатам на их родном языке. — Прислушайтесь.

Депутаты заволновались, начали посматривать по сторонам, боясь, что ещё секунда-другая — и в зал заседания ввалится толпа русских солдат усмирять зарвавшихся финнов.

Прошла секунда. Затем — минута. Ещё одна. Ещё. Все молчали. Ничего не случалось.

— Что же Вы имели в виду? Чего Вы ждёте? Ведь ничего не происходит! — наконец-то вопросил один из сидевших поближе к трибуне депутатов.

— Вот именно: ничего! Тишина, господа, тишина! А в эти мгновения в Ставке уже собираются новые командующие войсками, Балтийский флот готовит решительный удар по Кронштадту. Неужели вы думаете, что регент просто так, сейчас, в этот момент, позволит вернуть Финляндии конституцию? Это просто невозможно! Ни на одну подобную Великий князь не пойдёт. До этого он проявлял только силу в своих действиях, силу, решительность, настойчивость, неожиданность. Петроград был успокоен едва ли десятком тысяч настоящих солдат, а в нём живёт не намного меньше, нежели во всей Финляндии, не говоря о Хельсинки, — Густав, чтобы хоть как-то склонить на свою сторону депутатов, использовал финский вариант названия города. — Но Финляндия выиграет больше, если подчинится, пойдёт вместе со всей страной в войну. Бездельникам ничего не дадут, но тем, кто хоть что-то сделает для дела общей победы, или хотя бы будет иметь повод о таком заявить, многое позволено.

Маннергейм улыбнулся. Что ж, за время службы в гвардии он тоже поднаторел в красноречии. А может, просто положение обязывало…

— Стоит просто организовать несколько отрядов, которые затем регент использует для мирных дел, охраны железных дорог и далёких от фронта мест вроде Самары, Царицына,

Ростова. Пару тысяч добровольцев, горячих голов, желающих несколько раз стрельнуть из ружья хоть по кому-нибудь — а взамен множество уступок со стороны власти. Думаю, вы уже ознакомились с проектом новой Конституции. Великий князь многое обещает, но вряд ли что-либо даст, если великая Финляндия окажется безучастна в это время. Подумайте, просто согласие на организацию добровольческих отрядов в крупнейших городах нашей родины — в обмен на множество уступок, а главное, вполне закономерных и законных.

Густав ждал реакции депутатов. Он очень не любил болтовню, погубившую не одну войну, но что оставалось делать? Финляндия была этакой колонией, доминионом России, а не одной из многочисленных губерний. Столыпин даже поставил условие, что заказы у финских предприятий на тех же условиях заключаться, что и заказы у зарубежных. Да и велика губерния, с которой у остальной страны нормальная связь только по одной железной дороге и Балтике…

Лавр Георгиевич Корнилов очень своеобразно смотрелся на смотре войск Северного фронта. Совсем невысокий, заложивший руки за спину, маленькой фуражке, "застёгнуты на все пуговицы", он всё-таки производил грозное впечатление на солдат и офицеров. А уж когда начинал речь, о патриотизме и скорой победе, о вере в русского воина, которому вот-вот суждено вернуться к сохе или за станок…

К сожалению, эти речи едва ли могли найти отклик в душах солдат. Уставшие, сидевшие неделями и месяцами то в грязных и сырых, то в промёрзших, заледеневших окопах и траншеях, не получавшие новой формы, надевавшие износившиеся сапоги, получавшие скудную пищу…А некоторые — так и вовсе не получавшие: ни валенок, ни сапог не было, и зимой нельзя было выйти к полевой кухне, за едой, чтобы не отморозить себе ноги или не подхватить воспаление лёгких или что-то не менее опасное. Давным-давно не видевшие нормальной бани и брадобрея, завшивевшие, смутно понимавшие, зачем нужна эта длящаяся уже третий год война.

Сложно было. Очень и очень сложно…

Но делать было нечего: нужно было продолжать бороться. Иначе к чему тогда были миллионные людские потери, сотни тысяч калек, миллиардные затраты, километровые линии окопов и воронки от артиллерийских снарядов по обе стороны фронта, разносившийся над полям сражений иприт, тиф, косивший армии не хуже вражьих пуль и пушек…

Новый главнокомандующий Северным фронтом окинул взглядом солдатские ряды. Это были образцовые солдаты: шинели латанные не более трёх-четырёх раз, более или менее сносно отдававшие честь и стоявшие во фрунт, с винтовками у каждого, а не по одной трёхлинейке на двоих…

Сердце обливалось кровью при виде таких образцов: ведь какими же тогда были "ненадёжные" части?

— На долю каждого из вас выпали испытания. Знаю. Я был в плену. Пулям не кланялся, германца не боялся, руки мои не дрожали, когда австрийские патрули были вокруг. Ходил в атаки. Врага в лицо знаю, знаю, что у него там внутри. У них обычная кровь, не отличается от той, что по вашим жилам течёт. И били мы их, били везде. И будем бить! А то ишь, зарвались! Да сколько можно терпеть, здесь сидеть? А знаете, почему вы здесь месяцами сидите? Я вам отвечу: боитесь. Боитесь германца, мира хотите, под бок к женке?! А что немцы уже поделили загодя землицу до самого Урала, между своими колонистами да магнатами. Круппу на откуп — Малороссию. Он будет кормить тех рабочих, которые пушки для армии делают, хлебом, испечённым из вашего же зерна, поить водицей из ваших же колодцев, женить на ваших же жёнах и дочерях. А те отплатят новыми снарядами и пушками, и ляжете вы сырую землю. Но только если испугаетесь, сложите руки да крикните на весь честной мир: "Струсили, братцы, вяжите голыми руками, сердце в пятки ушло!". Что, думаете, не скажете? А сейчас о чём думаете? А вы должны думать о победе, о том, как пройдетесь по родным местам, глядя всем прямо в глаза, и ни одна сволочь не посмеет сказать, что вы плохие сыны своим отцам! Мужайся, народ русский, мы победим! Мы ещё

покажем Европе, как надо воевать и как надо гулять! Мы ещё пройдёмся по Берлину и Вене, смеясь над струсившими германцами и австрияками! Мы победим!

Слова, конечно, солдат уже мало вдохновляли: люди просто устали. От всего…Но… что было делать? Хоронить мечты на победу, забыть о трёх годах нескончаемой череды сражений и смертей?

Но слова всегда останутся только словами: поэтому Корнилов вечером того же дня уже распространил по всему Северному фронту приказ о расстреле всякого дезертира, агитатора, призывающего к миру. На очереди был тыл. И даже у Лавра Георгиевича с Куропаткиным вставали волосы дыбом, когда они пытались разобраться в этом хитросплетении. Целые части уводились с фронта, чтобы разгружать составы с оружием и продовольствием, подвод не хватало, на железных дорогах творилось нечто между хаосом и партизанской войной — против действующей армии. Во всяком случае, так начало казаться. Ещё три года назад начали твердить, что без чьей-то руки такого не могло начаться. Но…Россия…Надо было разбираться, иначе- поражение, подобное смерти…

Глава 23

— Господин Сгибнев? — возле самого дома путь заядлому яхтсмену, электротехнику Сгибневу преградили путь двое человек. Обычные френчи, потёртые краги, кепки как у героя рассказов одного англичанина. Яхтсмен забыл его фамилию…

— Да, — яхтсмен смутился. — С кем имею честь…

— Боюсь, чести у Вас давно нет. Отдельный… — тот, что повыше, на мгновенье замялся. — Служба безопасности империи. Просим пройти вместе с нами.

Сгибнев побледнел, его руки задрожали. "Предали…кто же предал? Меня сдали жандармам!"

Электротехник рванулся было, но его повалили на землю и завернули руки за спину. На умениях контрразведки переименование службы и объединение с жандармами никак не повлияло. Разве только сотрудники СИБ ещё не привыкли к новому названию, часто называя себя по-старому…

На Севастопольской верфи случился переполох. Утром на работу не вышло несколько инженеров и рабочих. Посылали домой вестовых: семьи, домохозяева или дворники, смущаясь, говорили, что пропавшие либо вышли из дома с утра, и никто их не видел после, либо разводили руками…

В Николаеве в дверь городского головы раздался требовательный стук. Прислуга Матвеева пошла открывать. Скрипнула дверь. Гости перекинулись несколькими тихими фразами и прошли наверх, в комнату городского головы.

— Что вы здесь делаете? — хозяин дома как раз изволил откушать в своём кабинете. Рюмочка "беленькой" как раз застыла в зажатой руке у самого рта. — Чего вам здесь надо, по какому праву, я вас спрашиваю, вы отвлекли меня от важных дел?

— По этому праву, — гость ткнул в лицо Матвееву листок гербовой бумаги.

Городской голова шумно втянул воздух носом, опрокинул в рот рюмку водки, вздохнул и поднялся из-за стола.

— Всё-таки нашли. Эх, франт-собака, гори всё пропадом, — Матвеев махнул рукой. — Ну, пошли, что ли, служивые? Эх, не пожил, франт-собака, не пожил как следует!

Похоже, "беленькая" подействовала…

— Господин Феоктистов, прошу Вас, не нервничайте, — инженер Николаевской верфи заперся в комнате, обещая живым не даться. К сожалению для Феоктистова, его "крепость" была глухой, без окон, с одной дверью. Деваться было некуда. Выстрел. Ещё один — и замок отлетел в сторону.

Револьвер нацелился прямо в лоб инженеру, несколько лет назад завербованному германским резидентом Верманом. Феоктистов был намного храбрее, соглашаясь устроить диверсию на "Императрице Марии" в обмен на восемьдесят тысяч рублей золотом после победоносного окончания Германией войны…

— Именем Его Императорского Величества, Вы, господин Феоктистов, обвиняетесь в шпионаже в пользу Германии, саботаже и измене Родине. И в Ваших же интересах вести себя как можно спокойней и разговорчивей.

— Гады, — сплюнул Феоктистов, поднимая кверху руки. Бежать было некуда, да и незачем…

Весь день только что образованная Служба имперской безопасности, созданная по указу Кирилла Владимировича и объединившая Военную разведку и Отдельный корпус жандармов устраивала облавы на севастопольских и николаевских агентов Германии. Регент, снова поразив подчинённых своей информированностью, указал на почти три десятка человек, занимавших разные посты. Но всё должно было проходить как можно тише, чтобы затем появился шанс использовать агентуру. Получалось не везде, но всё-таки…

— Александр Васильевич, да что же это такое творится? Меня, честного офицера, кровь проливавшего за царя, обвиняют в шпионаже в пользу Германии! Немыслимо, уму непостижимо! Александр Васильевич, скажите же им!

— Думаю, жандармы разберутся. Если Вы не виновны, то зачем Вам волноваться? Просто так жандармы никого хватать не будут. Я надеюсь, что всё разрешится, Вы же невиновны, я надеюсь?

— Александр Васильевич…

Забрали…

Несколько человек попали под руку Службы и в самом штабе Черноморского флота, и в гарнизоне…

Частый гребень контрразведки собирал по побережью богатый урожай подозреваемых в службе на германскую разведку. Золото, привилегии — для русских, шанс послужить за фатерлянд — для осевших здесь немцев. Вторых можно ещё было понять, историческая родина — это всё-таки родина, да и не так уж много таких набиралось по сравнению с теми, чьей Родиной была Россия: таких Кирилл Владимирович попросил не сильно щадить. А заодно приказал использовать всех выявленных шпионов для двойной службы, завербовать на русскую службу. С немцами пора было начинать "радио-игру". Пусть узнают, что такое настоящая дезинформация…

Заодно во время облав на юге России Служба имперской безопасности должна была получить необходимый опыт. Кирилл Владимирович, к счастью, подготовил необходимые инструкции, ещё в первые недели февраля. Они закладывали новую основу работу разведки и контрразведки. Только нужна была практика, практика и ещё раз практика. Благо, люди в Службе подобрались невероятно способные, жандармы, в чьей преданности и знаниях Кирилл ни на секунду не сомневался. Именно потому их и пытались уничтожить во время революции, которую Сизов смог остановить…

Арестованные потихоньку начинали давать показания. Тысяча девятьсот седьмой год. Столыпин третьего июня затянул на шее революции свой известный галстук. А в далёком от столицы городе Николаеве на судостроительный завод под видом инженеров прибыла группа немецких агентов. Пока кайзер "Вилли" убеждал "Никки" в своей преданности дружбе двух императоров и желании мира во всём мире, глава германской резидентуры Верман потихоньку создавал целую агентурную сеть. Закончивший учёбу в Германии электротехник Сгибнев, городской голова Николаева Матвеев, инженеры корабельной верфи Линке, Шеффер, Феоктистов. Последнему вместе со Сгибневым посулили огромные суммы после войны.

Виктор Эдуардович Верман, много лет учившийся в Рейхе и Швейцарии, родившийся в Херсоне, инженер завода "Руссуд", работал на заводе "Наваль", надзирая за строительством броненосца "Златоуст", служивший под началом вице-консула Винштайна, который вовремя, за несколько дней до начала войны, успел скрыться в Германию. Этот гауптман германской армии возложил роль главы агентурной сети именно Вермана. Одесса, Херсон, Севастополь, Николаев…Десяти имён, сотни тайн и секретов. Одна измена, одно дело на всех.

Охочий до денег Сгибнев, хозяин мастерской, добывал для Вермана сведения об электросхемах артиллерийских башен строившейся "Императрицы Марии".

А потом — взрыв на броненосце.

Смирнову четырнадцатого октября легла на стол записка от жандармского управления Севастополя:

"Матросы говорят о том, что рабочие по проводке электричества, бывшие на корабле накануне взрыва до 10 часов вечера, могли что-нибудь учинить и со злым умыслом, так как рабочие при входе на корабль совершенно не осматривались и работали также без досмотра. Особенно высказывается подозрение в этом отношении на инженера той фирмы, что на Нахимовском проспекте, в д. 355, якобы накануне взрыва уехавшего из Севастополя…

…Взрыв мог произойти от неправильного соединения электрических проводов, так как перед пожаром на корабле погасло электричество…"

Вернера депортировали. Но взрыв всё-таки произошёл…

А теперь Кирилл решил, что ждать больше некогда, надо брать всех, сразу, чтобы пикнуть не успели, нельзя никого упускать…

Но работали сибовцы всё-таки громко, у противника появились первые сомнения…

Кирилл в инструкциях указал, что должно быть создано "прикрытие": обеспечить вызов в какой-либо другой город якобы по рабочим делам. Кому-нибудь — "устроить больного родственника", родившегося крестника — хоть что-нибудь. Должны быть сомнения у противника, а не уверенность…Нужно выиграть время, хоть немного…

Кутепов также не сидел сложа руки в Петрограде. Он помог устроить "облаву" на всех, кто подозревался в работе на немецкую резидентуру…

— А ты как к революьи-то относишься, браток? — к молодому матросу минной дивизии Грудачёву подошли трое уже немолодых, матёрых балтийцев.

Ну а как к ней может относиться человек, которому уже опостылело то, что было прежде? Балтийцы чего-то подобного и ожидали…

— Так вот, братушка, тебе революция первое задание даёт! Сволочь и кровопийца Непенин приговаривается революцией к смерти! И приговор её должен быть сегодня приведён в исполнение!

В ответ — согласие…

"Я вглядывался в адмирала, когда он медленно спускался по трапу. Невысокого роста, широкий в плечах, с рыжей бородкой, вислыми усами и бровями, он был похож на моржа…Спустя несколько минут приговор революции был приведён в исполнение. Ни у кого из четверых не дрогнула рука, ничей револьвер не дал осечки" — так вспоминал Грудачёв о свершившемся.

Контрразведка смогла найти Грудачёва, но оказалась бессильна в поисках трёх остальных балтийцев. Фон Коттен, на чьи плечи было возложено руководство Службой имперской безопасности, чувствовал себя китом, бившимся о рифы, которые не давали ему плыть дальше: двигаться было бесполезно, отступить мешали волны, но не пробраться вперёд нельзя…

Через тех троих фон Коттен хотел выйти на организаторов тех расстрельных команд, что ходили по кораблям, со списками "опасных офицеров", и убирали одного за другим…Бах-бах — и на следующий корабль. Снова "бах-бах" — и снова другой корабль…

Кирилл очень хотел оказаться на месте тех людей, что сейчас брали агентов и работающих на них людей на юге, в Петрограде, вот-вот должны были добраться и до финских и прифронтовых…

Уже второй час шло заседание правительства. Все сидели будто прибитые. Спеси у Гучкова как не бывало, он всё время думал о том, что за стенами дома — сотни кирилловцев, Ставка потихоньку уплыла из-под его влияния, а самому Александру Ивановичу приходится сидеть с этим чудовищем Великим князем. Разыграв комедию перед союзниками, пригрозив своим министрам, раздав полным-полно обещаний народу насчёт реформ, разослав в разные части страны наивные манифесты с предупреждениями против погромов помещичьих усадеб и латифундий, Кирилл Владимирович явно что-то замышлял. И, чёрт побери, было совсем неясно, что именно…

Георгий Евгеньевич уже сорвал голос. Пытался объяснить регенту, что его обещание земли (к счастью, оно было дано в очень туманных формулировках в манифесте, который разошёлся по городам и весям империи) — путь в пропасть, это нечто похлеще "Утопии" Томаса Мора. Львов надеялся доказать всю глупость идей Кирилла, которыми поделился Великий князь с Думой и правительством.

— Кирилл Владимирович, не забывайте, именно немногочисленные крупные хозяйства дают большую часть хлеба, основы нашей экономики. Откуда мы будем брать деньги, если их поделить между миллионным крестьянством? Те хорошо, если себе на прокорм выращивать будут. Вспомните пятый год, погромы усадеб и прочее. Никакие воззвания этого не остановили, только вмешательство армии и полиции. А сейчас…сейчас это уже скоро начнётся, если уже не началось! И как крестьяне будут делить? Да они наплюют на земельные комитеты, возьмут винтовки с дрекольем и пойдут делить землицу, поделив тот свет между бывшими её хозяевами. Вы отдаёте отчёт в непродуманности Ваших предложений по поводу земельного вопроса? Не говоря уже про остальные…

— Что Вы предлагает, Георгий Евгеньевич? — спросил Кирилл. — Мы не можем не решать этот вопрос. Да, Пётр Аркадьевич говорил, что нельзя разрешить земельный вопрос, его нужно разрешать. Но Столыпин жил не на третьем году войны с половиной Европы. У нас в стране скоро посевная. Мы нуждаемся в будущем урожае, как никогда прежде. В стране назревает голод, слишком много кормильцев ушло на фронт. У нас нет времени на либеральные заигрывания.

— Однако это по-варварски, это просто глупо так раздавать землю, это…

— Георгий Евгеньевич, а Вы думаете, что я вот-вот начну её раздавать? Вам не кажется, что скорее я вот-вот начну вовлекать буйные головы в обсуждение этой проблемы, тушить назревающий пожар понемногу. Пока что — обещание. Мы выиграем, как минимум, несколько месяцев. Затем потихоньку начнётся претворение в жизнь настоящей аграрной реформы, а не кальки с тех лозунгов, которые пока что остужают революционный пыл российского народа, направляя его в несколько иное русло. Георгий Евгеньевич, на Ваши плечи и плечи работников Вашего аппарата ляжет выработка условий предоставления земли крестьянам за Уралом, в степях Дикого поля, на Кавказе, Кубани, Ставрополье, Таврии. Нам нужна форсированная столыпинская программа. Мы переведём все земли, заложенные помещиками, церковные и монастырские в собственность государства. Церковь слишком долго радела только о мирском, забыв о духе. Между тем, мы созовём Собор, которому нужно будет избрать нового Патриарха Православной Церкви, переведём Синод в его ведение либо вообще распустим этот орган. Тем самым канет в лету изжившая себя система контроля за церковью. К сожалению, священники по большей части походят на чиновников. А это совершенно неправильно. Паства просто этого не понимает. Заодно мы простим недоимки по выкупным платежам, обязательные платежи за землю мы отменим, устроив признание всех земель, находящихся в собственности у крестьян. Каждый сельский обыватель России, не являющийся жителем Царства Польского, княжества Финляндского, Туркестана, Хивинского и Бухарского эмиратов и Кокандского ханства, должны будут иметь

право собственности на определённое количество десятин. Лично я предлагаю для нечерноземных губерний двадцать десятин, в Черноземье по пятнадцать десятин, а на территориях за Уралом и Кавказе: по тридцать десятин. Местное чиновничество, подконтрольное только министерству земледелия, императору и мне как регенту, при надзоре со стороны полиции и сельских сходов, должны оформлять такое закрепление и определять точные размеры надела в каждом случае. Нужно также проработать условия переселения в случае нехватки в у крестьянского хозяйства земли на свободные земли в губернии либо за Урал. Плюс должна будет предусмотрена возможность выдачи кредитов на устроения хозяйства с пятью процентами годовых на срок до двадцати пяти лет под залог земельного надела. Крестьяне должны иметь возможность вернуть кредиты как натурой, так и деньгами, или и деньгами, и натурой — по выбору самого крестьянина, взявшего кредит. К тому же в случае голода и засухи более двух лет подряд должна быть предусмотрена отсрочка на пять и ещё некоторые. Всё это должно быть разработано в наиболее кратчайшие сроки: Вам даётся полторы недели на переложение моих предложений на бумагу, и ещё две недели: на первые действия в этом направлении. Пусть народ видит, что мы уже что-то делаем. А через год у нас уже будет отработан механизм, люди увидят государство в действии, эффективность его политики. Надеюсь, что текущая цель, как Ваша, и всего Вашего министерства ясна?

К счастью, в Ставку уже понемногу "переселялись" из Петрограда аппараты министерств со всей необходимой документацией и прочими нужными для работы вещами. Правда, с жилыми и рабочими помещениями появлялись затруднения, однако лучше поработать в тесноте, нежели поминутно поглядывать на улицу и думать, появятся ли там манифестанты с камнями или восставшие солдаты гарнизона с винтовками…

Повисло гнетущее молчание. Кирилл вновь поставил в тупик министров. Но Львов, немного замявшись, всё же нашёл выход.

— Для этого нужен разветвлённый полицейский и чиновничий аппарат. Для кредитов также нужны средства. Нужны хорошие кадры. Но где мы сможем их взять в настолько короткие сроки??? Это просто невозможно. Вы сами сказали, что на носу посевная…Однако…Где мы возьмём уже сейчас рабочие руки? Рабочих рук нету, убирать хлеб некому…

Кирилл Владимирович чувствовал, что настал его шанс устранить от "кормушки" без лишнего шума бывшего председателя Союза земств и городов. Георгий Евгеньевич проявил свою некомпетентность. Вот если бы он призывал к перевороту или революции, это ладно, "общественность" бы не поняла, начались бы демарши пока что слишком влиятельных людей…А так…

— Вы показываете свою полную некомпетентность, Георгий Евгеньевич. Боюсь, ошибкой было ставить Вас на этот пост. К сожалению, сейчас стране и её народу требуется настоящий специалист в этом деле. Однако же…

Родзянко отёр пот со лба.

— Георгий Евгеньевич, я надеюсь вечером увидеть Ваше прошение об отставке на своём столе. Будущего министра земледелия я представлю правительству завтра утром. Время дорого. Мы должны страну спасать. А для этого — утихомирить большую часть населения России, предложив действенный метод разрешения земельного вопроса. И при этом претворяя данный метод в жизнь. Александр Иванович, надеюсь на Вашу поддержку в данном вопросе.

Гучков едва не подпрыгнул, но всё-таки справился собой. Только подбородок немного дёрнулся. Всё-таки он боялся этого Великого князя, как будто подменённого на другого человека…

— Для обеспечения проведения реформы должны быть задействованы запасные части, тыловые службы, городские гарнизоны и прочее. Я не сомневаюсь, что придётся применять силу. А именно при переселении людей из, так сказать, переполненных крестьянством губерний в малонаселённые. Но это не будет подавлением бунта, это будет наведением

порядка и обеспечения землёй крестьян. Пусть и такими, силовыми методами…

А на карауле за дверью стояли гвардейцы-кирилловцы, сам "ординарец" был там, со своим любимым ручным пулемётом. Сизов понимал, что контролировать обстановку в правительстве сейчас можно только страхом. За практически каждым из министров стояла значительная сила. За Терещенко — его состояние, за Некрасовым — связи в высших кругах, за Львовым — Земгор и военно-промышленные комитеты, за Коноваловым — связи с промышленниками, за Милюковым — партия кадетов…И одним махом разделаться с опасностью, исходящей от них, было невозможно. Только постепенно, отодвигая в сторону одного за другим или перетягивая кого-то, как это получилось с Родзянко, Мануйловым, Шульгиным и, кажется, Милюковым. Павел Николаевич всегда был падок на идеи панславизма, передачу России " честно заработанных", как он говорил, Проливов…

Найти бы ниточки, за которые можно дёргать и остальных…

Кирилл Владимирович приказал перенаправить некоторых из ссыльных, отправившихся прямиком из Туруханского края в Петроград, в Ставку. А заодно смог найти одного техника-архитектора Бакинского технического училища, получившего за взятку инвалидность, чтобы не попасть на Румынский фронт…

В кабинете были только Сизов и — гость. Из Туруханского. Кирилл Владимирович отчего-то немного подрагивал, думая, кто стоит перед ним. Всё-таки только сейчас Сизов начал привыкать, что он в другом времени, но снова — как будто ушат на голову.

Подмывало многое спросить у него, ещё молодого, только-только, вроде бы, ходившего на "эксы" для маленькой партии большевиков, чья верхушка выступала по вечерам в Народном доме далеко-далеко, среди Швейцарских Альп…

Небритый, с оспинами на лице, с малоподвижной рукой — это после того, как он переболел оспой. А лицо…Было в нём что-то хитрое, обращённое вовнутрь, скрывающее истинные мысли. Большие тёмные глаза, буравившие собеседника. Чёрные как смоль волосы, усы, уже ставшие такими же густыми, как на фотографиях, портретах, хронике. А так — ничего особого. И не подумаешь, какая судьба его ждала бы в известной Кириллу Владимировичу истории…

В комнате были только двое. Сизов. Этот "гость", только-только из Туруханской ссылки. Двое? Нет, трое…

Видавший всякие виды граммофон играл "На сопках Маньчжурии"…

Белеют кресты далеких героев прекрасных
И прошлого тени кружатся вокруг,
Твердят нам о жертвах напрасных.
Но верьте, еще мы за вас отомстим
И справим кровавую тризну.

Глава 24

Надо было отдать должное тому уроженцу Гори: он умел слушать.

— Коба, я не знаю, захочешь ли ты послужить стране. Однако подумай вот над чем: Россия стоит на краю гибели. Армия вот-вот начнёт разлагаться, если мои усилия окажутся безрезультатны. Стране грозит голод и "чёрный передел" земли, который я хочу или остановить, или пустить в более полезное русло. Россия может проиграть. В Грузии начнётся резня. Грузины пойдут против осетин, по грузинам ударят армяне, в дело вмешаются абхазцы, азербайджанцев поддержат турки, и все вместе ударят по Кавказской армии, развалят её. Но мы Именно ты можешь мне помочь. Я знаю, что ты совершал эксы, чтобы достать денег для своей партии. Мне всё равно, служил ты Охранному отделению или нет.

Мне как-то плевать, грузин ты, осетин или хоть истинный арийский китаец.

Гость слегка улыбнулся. К нему понемногу возвращалось самообладание. Сам регент! И что ему понадобилось от бедного Кобы? Но это был шанс, шанс подняться наверх. Он слышал, что Великий князь устраивает перестановки в высших эшелонах власти, а значит, ему нужны люди. Толковые люди. Много-много толковых людей.

Сизов ещё немало вспомнил, Кирилл прикладывал усилия, чтобы завербовать, перетянуть на свою сторону этого уроженца Гори. Как минимум, нужно лишить большевиков возможности использовать его на своей стороне. А регенту Коба нужен как исполнитель. Большевики умели прокладывать единую линию до известного места, этого у них было не отнять. Нужно выстраивать жёсткую исполнительную систему. Благо кадры не хуже, а даже лучше тех, которыми владел Ульянов, когда ему пришлось сызнова выстраивать чиновничий аппарат. Ведь эмиграции-то не было…

— И мне сейчас мало дела до того, чем ты занимался прежде. Позор перед Родиной нужны смывать, если понадобится, то и кровью. Но надеюсь, не понадобится. Ты понадобишься мне в качестве одного из сотрудников министра земледелия. Конечно, придётся пока что выдать тебя за какого-нибудь чиновника из Грузии. Всё-таки вряд ли оценят, что в министерстве работает член партии большевиков. Подумай, это шанс изменить страну без той крови, к которой призывает Владимир Ульянов. Ты же против этого. Зато назначение даст тебе шанс занять место повыше. Но мне требуется от тебя лишь личная преданность, исполнительность и результаты твоей работы. Если ты хоть раз заставишь меня в себе сомневаться, ты очень сильно об этом пожалеешь. Что скажешь?

Главное было показать силу, показать, что готов использовать эту силу. Восточные люди это ценят. Коба задумался. В принципе, он мог для вида согласиться, а самом использовать это для собственного восхождения, но…Кирилл и это предусмотрел. Он был готов не только умирать, но и убивать за Россию, если никто более не решался на это…

Со вторым гостем вышло даже проще. Увильнувший от службы в армии — он не сумел увильнуть от встречи с регентом. К тому же он сам был заинтересован, чтобы "предстать пред очи" власти. Он издавна мечтал подняться повыше, а здесь такой шанс!

— Можно было бы просто тебя вздёрнуть за уклонение от армии. Пока другие гибнут, ты подделываешься под инвалида. Но мне известно применение твоих способностей в лучшем месте. От тебя — твои способности и преданность, от меня — защита, покровительство, почёт, деньги, высокое положение, шанс покомандовать другими. За измену или подозрение в измене…Лучше тебе не думать, что будет за измену. Но игра стоит свет, можешь мне поверить. Ты попадёшь на место, где сможешь применить свои способности как нельзя лучше. И заработать то, к чему всегда стремился. Можешь подумать. Но не забудь, что при отказе — я начну дело по уклонению от призыва. Не волнуйся, получишь самое строгое наказание, честно тобою заработанное.

Родившийся в Мерхеули "инвалид" практически тут же дал своё согласие. Кирилл присмотрел для него место в новой Службе Императорской Безопасности, в отделе контрразведки. Там для него лучшее место. Заодно регент распорядился, чтобы начальство мерхеульца следило, чтобы тот не провёл в отдел ни одного из своих знакомых или кого-то вроде них. А при попытках этого нужно было прямо сообщать Кириллу. Сизов не хотел повторения истории. Он хотел просто использовать на благо страны способности всех людей, находившихся в его распоряжении. Пусть даже и таких…Кадры, кадры, кадры…

— Кадры, кадры, кадры, Александр Васильевич, кадры решают всё.

Кирилл разговаривал с человеком, которого прочил в новые министры земледелия. Залысина, хитрый прищур глаз, седеющая эспаньолка, "осанистый" вид — уже появлялся живот, щёки располнели. Безукоризненный фрак и невероятно тщательно выглаженный галстук.

Таким предстал перед регентом нынешний главноуполномоченный Российского общества Красного Креста Александр Васильевич Кривошеин. Судьба этого человека

давным-давно привлекла Сизова. Сын подполковника, выслужившегося из рядовых, окончивший Петербургский университет кандидатом прав, сперва чиновник Министерства юстиции, затем Земского отдела Министерства внутренних дел, к концу тысяча девятьсот четвёртого года уже ставший начальником Переселенческого отдела, спустя ещё немного — главноуправляющий ведомством землеустройства и земледелия, член Государственного совета, товарищ министра финансов, проводник столыпинской реформы. Ещё позже — гофмейстер Двора, статс-секретарь, руководивший "либеральными" министрами, пошедшими против снятия с должности Верховного главнокомандующего Николая Николаевича. Всех "либералов" выгнали из правительства взашей. За неподчинение монарху и подозрения в участии в заговоре против монарха…Было за что подозревать…

А в известной Сизову истории Кривошеин станет организатором монархического объединения в Киеве, председателем правительства при Врангеле, не успевшим провести в жизнь аграрную и земские реформы. Вот какая странная сложилась у Александр Васильевича судьба…

— И с кадрами, мой милый Александр Васильевич, всё настолько плохо, что я даже боюсь думать об этом. Страну миновала едва не начавшаяся революция. Тылы потихоньку разлагаются, крестьяне хотят отобрать все земли. Каюсь, мои воззвания могли их к этому побудить. Но что делать? Необходимо было заручиться поддержкой практически ста миллионов жителей империи, надо было удержать их от сопротивления власти. Надеюсь, у меня это получилось, хоть и не так хорошо, как я надеялся. Но сейчас уже середина марта. Скоро опять ребром встанет вопрос о земле — ведь посевная…И я не вижу иного выхода, кроме как всеми мерами, всеми свободными силами возобновить реформу Петра Аркадьевича. Но не только возобновить, а даже форсировать! К сожалению, Бог не дал России двадцати лет мира. К величайшему несчастью, Бог не дал уверенности прошлому монарху в необходимости, в жизненной важности деяний Петра Аркадьевича и Ваших, Александр Васильевич, на ниве решения земельного вопроса. У Вас оказались связаны руки. Ныне же я предлагаю Вам взять на себя наиболее ответственный в наше неспокойное время пост министра земледелия. Я предоставлю Вам все необходимые по Вашему мнению полномочия, все свободные резервы и имеющийся в наличии аппарат. Необходимы учёт и порядок, учёт и порядок. Александр Васильевич. Необходимы действия. Необходимы Ваши умения и знание вопроса. Я всецело полагаюсь на Ваши знания и таланты в данном вопросе.

Кривошеин задумался. С одной стороны, задача стояла тяжёлая. С другой, Дума и правительство поддержали Великого князя. Родзянко, Милюков, Гучков — сейчас вроде как на стороне регента. Да и занять место в истории подле Столыпина: Пётр Аркадьевич не смог, но он, Кривошеин, сможет, решит многовековой вопрос, сделает то, чего не сделал сам Столыпин! Да, эта перспектива увлекала…

— Надеюсь, у Вас уже есть конкретные предложения по проведению реформы? Каков Ваш взгляд на неё, Кирилл Владимирович?

Сизов улыбнулся: он снова выиграл.

— Только, Александр Васильевич, не забудьте, к чему призывал Пётр Аркадьевич: нам нужен крепкий крестьянин-собственник, который готов драться и дерётся за дарованную ему землю, который стал бы настоящей опорой престолу. Думаю, что ради этого можно и нужно использовать как можно больше средств достижения. В том числе, может быть, не самых справедливых, но — действенных.

А вот в другом вопросе Кирилл успеха никак не мог добиться. Сизов знал, где можно взять золото для обеспечения его преобразований. Даже не взять, а вернуть обратно.

— Сэр Джордж, в последнее время наша общественность серьёзно беспокоится судьбой экспедиционного корпуса, Русской армии, на Западном фронте. Всё чаще и чаще раздаются голоса о необходимости их возвращения на Родину. Думаю, чтобы как-то унять этот шум, мне потребуется отправить во Францию нашего представителя. Один его визит умерит пыл самых рьяных борцов за возвращения русских солдат домой. Надеюсь, Англия и

Франция обеспечат этому посланцу достойный приём, а главное, прибытие на Западный фронт?

Переводчик поморщился, но всё-таки перевёл английскому послу вопрос Кирилла.

— Уверяю Вас, мы сделаем всё от нас зависящее, чтобы принять у себя Вашего представителя. Думаю, это на самом деле хорошая идея. Русская армия показывает чудеса доблести на Западном фронте, и без её поддержки, боюсь, нам будет не так легко исполнения общей задачи. В случае их отбытия нам волей-неволей понадобится пустить все силы и средства на укрепление фронта, снабжение. Чем меньше людей будет на Западном фронте, тем больше снарядов нам придётся использовать, — было ответом. Ага, похоже, англичане не намерены были отпускать несколько десятков тысяч русских солдат обратно, домой. Или, даже, никогда не возвращать…И грозились урезать поставки огнеприпасов. Экие всё-таки… — Однако кто же будет этим представителем России, её эмиссаром?

— О, уверяю, Вы сами одобрите эту кандидатуру. Позже представлю Вам моего представителя, перед отплытием на Западный фронт. Мне предстоит ещё подготовить этого человека к поездке. Надеюсь, я доходчиво сумею ему объяснить, что лучше оставить Русскую армию на Западном фронте…

"Если, конечно, дорогие союзники англичане снова не устроят чего-нибудь в февральском духе". А вообще, Кирилл Владимирович хотел подложить господам "союзничкам" настоящую мину. А заодно и отправить подальше из страны одного человека. Всё-таки, многие годы шла его травля всеми возможными средствами. И ему лучше пока что побыть подальше от нервной России.

— Да-да, конечно. Я проведу консультации с министром и правительством. Уверен, Ваш предложение будет оценено по достоинству…

На самом деле, Кириллу хотелось вернуть назад те части, что оказались на Западном фронте. Он намеревался отправить вместо них запасников из столичного гарнизона, пусть французские и английские офицеры повеселятся, пытаюсь восстановить среди этих бунтарей хоть какое-то подобие дисциплины. А заодно нужно было возвращать достояние России и дома Романовых, сто пятьдесят чемоданов, полных драгоценностями. Они в ещё в январе отправились на Туманный Альбион.

А ещё одна телеграмма пошла прямиком правительству японского микадо…

"…Всецело полагаясь на поддержку великого потомка богини Аматэрасу, владыки яшмового престола, уповая на верность общего союзнического дела, я надеюсь на всемерное внимание к делам защиты наших общих интересов на Дальнем Востоке от германских сил и обеспечения полного невмешательства с чьей-либо стороны во внутренние дела наших провинций и флота…"

Тонкий намёк на желание японского командования "под шумок" завладеть добытым в Сибири золотом, которое должно было вот-вот отправиться в столицу.

А вторая — командованию дальневосточной эскадры и местным властям:

"Прошу защищать от любого вмешательства, будь то даже американское и японское, в дела золотодобычи и отправки добытого на приисках золота морским путём либо сухопутным. Должно пресекать все попытки союзнических контингентов или кораблей приближаться как к приискам, так и к грузовым кораблям. В первую очередь следует обращать внимание на защиту именно хранилищ золота от, прежде всего, японских сил. Не возбраняется применять силу против всякого посягательства, даже союзнического, на таковые склады, корабли, прииски и так далее".

Сизов надеялся, что не опоздает: средства понадобятся ему в ближайшее же время. Хотя…Союзники вряд ли их отдадут. Пожадничают, найдут всевозможные поводы отговориться, задержать. А там и революцию ещё сделают. Ту же Марию Фёдоровну посетили представители английской короны перед смертью. Выразить свои пожелания поскорее выздороветь — и попросить "предоставить с целью сохранения" шкатулку с драгоценностями. И потом вправду хранили. В короне английских королев те самые драгоценности и сверкали с тех пор, в целости и сохранности…

Но Кириллу нужны денежные средства. Любые средства. Всё-таки, Болгария и Турция…

Тёмной-тёмной ночью, которая была даже черней, чем в "страшилках" для детей, рассказываемых у костра или в сумраке спальни, вспенилась морская вода у самого анатолийского берега. Из ночного моря показалась какая-то махина, похожая на первый взгляд чем-то на "царь-рыбу". Только вот вместо чешуи эта рыбина была из металла. Русская субмарина поднималась из глубин Чёрного моря.

Через несколько минут от субмарины отделилась маленькая тень — лодка. Тяжело сидевшая в воде, наполненная доверху какими-то ящиками, она плыла вперёд. Только тихо-тихо шлёпали вёсла по морской глади.

Пустынный турецкий берег спал. Хотя на гребнях и возвышались укрепления, ночью казавшиеся неприступными, но при первых же лучах солнца можно было в них разглядеть прорехи, запустение — и безлюдность. Сражение за Дарданеллы обескровило турецкую армию, немцы целый корпус, элиту, забрали в Галицию, Кавказская армия давила с востока, вот-вот грозясь похоронить навсегда уверенность Порты в безопасности Царьграда и центральных провинций со стороны Малой Азии…

Лодка стукнулась о берег. Сидевшие в ней заволновались, засуетились, четверо остались вытаскивать ящики на песок, а ещё двое взошли на гребень холма напротив места высадки.

— Сергей, видишь хоть что-нибудь, а? — шёпотом спросил один из разведчиков, залегая возле особо раскидистого кустарника, чтобы посторонний глаз не заметил русского офицера.

— А бес его разберёт. Ничего не видать. Вдруг не там высадились, а? — гнусавил второй, с короткими усиками. Ему постоянно хотелось почесаться: с непривычки к "штатской" одежде, кафтану турецкого крестьянина. Но конспирация есть конспирация, ничего не поделаешь.

— Нет, всё верно…Так, ложись. Кто-то идёт. Замолкаем.

Оба бухнулись в грязь. Тот, одолеваемый чесоткой, Сергей Минаев, поморщился. Эх, вот такая доля у засланца…

Вскоре послышались звуки шагов. Свет фонаря, кое-как разгонявшего ночную тьму вокруг, озарявший потихоньку превращавшиеся в руины турецкие укрепления.

Оба разведчика напряглись. Рука Минаева легла на револьвер, а его спутника, Фрола Алифанова, из кубанцев, на рукоятку ножа, запрятанного за голенищем сапога.

Свет всё приближался. Можно уже было разобрать и турецкую речь. Двое человек. В форме армии Порты. Правда, форма была помятой, старой, давным-давно "просившейся на пенсию"…Не уступали по боеготовности и винтовки. Минаев едва удержался от того, чтобы не присвистнуть: старенькие "мартини-маузер" аж тысяча восемьсот семьдесят первого, только ствол отличался, да мушка, да ещё справа от ствольной коробки указатель приделали: если он был направлен вверх — значит, ударный механизм взведён. Похоже, переделка. Сергей припомнил, что им показывали такие вот винтовки в Одессе, в училище, где готовили к высадке на турецкий берег. Переделали эту винтовочку под новый патрон да скорострельности прибавили, что берданка бы позавидовала. Только вот никто не додумался, что давление у этой винтовки будет на как от дымного пороха, а от современного патрона, раза в два сильнее. Так что при любом "удобном" случае, этак после второй сотни выстрелов, эта винтовка начинала ломаться. Патрончик мог и внутри ствола взорваться…

Вот патруль приблизился. По щеке Минаева потекла струйка пота. Всё тело зудело, а пуще всего — руки, так револьвер так и просился в руки. Фрол боялся даже сглотнуть подступившую к горлу слюну.

Один из турок подошёл к кусту, у которого залёг Алифанов. Послышал звук журчания. Шапка Фрола враз намокла. От неё запахло весьма и весьма специфически. Кубанец поклялся себе, что найдёт когда-нибудь этого турка и устроит ему таааакое…

Свет от фонаря удалялся всё дальше и дальше. Оба перевели дух: турки просто не обратили никакого внимания на море. Похоже, привыкли. Когда неделя за неделей, месяц за месяцем ничего не происходит — ох, что же это делает с человеком. Однообразие. Этот патруль каждую ночь ходил по этим местам, и ничего не происходило. То же Чёрное море, те же укрепления, то же безделье. Но на этот раз это сыграло с патрулём злую шутку…

Сергей и Фрол оттащили к подножию холма два трупа. Их занятые разгрузкой лодки спутники на несколько мгновений прервали работу, бросили взгляд на первых погибших от рук отряда турецких солдат, и продолжили своё дело.

Алифанов и Минаев вернулись на свой пост — и теперь терпение их было вознаграждено. Вдалеке затеплился огонёк. Условный знак был подан. Сергей чиркнул зажигалкой, поводил ею высоко над собой. С той стороны ему ответили тем же движением. Минаев наконец-то улыбнулся. Даже чесаться расхотелось.

— Эх, Рассея, моя Рассея…Ну что, Фролушка, поработаем на славу, а?

— Поработаем, поработаем, — осклабился кубанец. Начиналось настоящее дело.

Первый отряд, присланный из Севастополя, встретили на черноморском побережье местные греки, пригнавшие повозки для ящиков, полных оружия, патронов и денег. Деньги — вот что было главное. Патронами чиновников или солдат не подкупить, а на дензнаки местные, причастные к власти, были очень и очень падки. В принципе, как и в любой другой стране найдётся человек, который за груженого золотом осла пропустит врага в крепость.

Греки же и рассказали об обстановке в окрестностях. Турки снова собираются резню, надеясь хоть как-то поддержать порядок в стране, в то время как армия на востоке катится прочь от русских частей, Багдад оказывается в английских руках, а в Дарданеллах вшивеют последние дееспособные части. Береговые укрепления, подходящие к самой воде, не содержатся в порядке, их охране давным-давно не выдают жалованья. Власти просто не верят, что кто-то сунется после краха английской операции в Дарданеллах к сердцу Порты с моря. Но вместе с тем всё сильнее слышится ропот простых жителей, даже турок, не то что православных или, скажем, евреев с арабами…

С местными смогли наладить связи несколько разведчиков, закинутых прежде у того же самого места на берегу. Греческая община маленького городка уже давно волновалась, кулаки у эллинов сжимались при виде чванливых турок, совсем обнаглевших в последние годы. А уж когда заезжал какой-нибудь немецкий офицер или коммерсант…Турки, наверное, разве что ноги не лизали такому. А грекам приходилось и того хуже…

Не хватало главного: хорошего оружия и средств для борьбы. Горячих голов была уйма, но одним энтузиазмом победы не одержать. Не с вилами же идти на нацеливший в вашу грудь дула винтовок взвод солдат!

Вот на этом "авангард русской армии" и сговорился. Местные пообещали встретить первую партию груза и инструкторов. К сожалению, место следующей встречи придётся менять: ибо наследили. Уже утром турки могли начать поиски убийц патрульных. Нет, могли, конечно, подумать, что два солдата просто решили сбежать, дезертировать, или устроить себе внеочередную увольнительную. Но в ближайшие дни море может прибить к берегу объеденные рыбами трупы, и всё встанет на свои места. Благо, селение, в котором до поры до времени укрылись инструкторы, располагалось довольно-таки далеко от побережья, дорог прямых сюда от места высадки не было, так в городок придут явно не в первую очередь.

"Авангард русской армии" использовал каждую свободную минуту. Сперва выяснили, где бы можно провести неделю-другую, вдали от глаз турецкой власти. Место должно быть тихим, спокойным, чтобы людей вокруг было как можно меньше, и никто бы не поспешил докладывать беям и пашам о звуках выстрелов, наполнявших дневной воздух. Словом, русский отряд хотел устроить учебную базу для подготовки греческих мятежников.

Сизов лично побеседовал с этой пятёркой: те побывали в Ставке перед отплытием в Малую Азию. Вытянувшиеся по стойке смирно, ошарашенные свалившимися на них

почестями ("сам Главковерх!"), они безмолвно внимали словам Кирилла.

— Вы должны уяснить, что сражаетесь даже не за царя, не за Главнокомандующего, не за семьи — вы сражаетесь за Россию на том берегу. От успеха вашей операции зависит, ни много ни мало, успех всей войны! Царьград — это давняя мечта нашего народа, ключ к Средиземному морю, символ тюрьмы, в которой ныне обретаются сотни тысяч православных в Оттоманской империи. Вы станете авангардом нашей армии на этом берегу. Да, вас всего пятеро, но вы — лучшие из лучших! Вам будет предоставлено достаточно средств для создания первого отряда из греческого населения тех мест. Вы должны научить их владеть оружием и хотя бы азам ведения боевых действий. От времени вашей высадки до начала нашей основной операции всего полтора месяца. Да, это много — но вместе с тем, это очень и очень мало! За это время вы должны сколотить несколько отрядов из православного населения, которое хочет сбросить турецкое иго. Мы же будем снабжать вас оружием и деньгами. К середине апреля я надеюсь на хотя бы тысячу человек, которых вы сможете привести под стены Царьграда. Вместе с вами будут работать и другие группы, которым мы забросим на территорию противника несколько позже. Но вы — первые. Вы — лучшие. И вы должны показать, на что способны русские воины! Вы поднимите православных Малой Азии на борьбу с нашим извечным врагом, вы поможете переломить ему хребет. Царьград может оказаться у нас в руках, его почти никто не охраняет. Вы сохраните сотни тысяч жизней своих же товарищей по оружию. Вы справитесь. Я в вас верю. Да хранит Вас Бог!

— Ура!!! — прокричал "авангард".

— Николай Николаевич, мне нужно с Вами обсудить одно очень важное дело, — Сизов встретился с Юденичем. Тот еле оторвался от работы по детальной проработке нового плана кампании. С фронтов и флотов только-только начали поступать предложения и кое-какие наброски планов Нового Луцкого прорыва и его поддержки.

— Да, Ваше Высокопревосходительство!

— Николай Николаевич, милейший, я же просил Вас: без чинов! — улыбнулся Кирилл. — Так вот, как Вы смотрите на создание в армии отделений информации, осведомительных агентств?

— Что Вы имеете в виду, Кирилл Владимирович, под этим? — Юденич весь обратился в слух.

— В каждой части солдатам должно объясняться, зачем мы воюем, почему только при существующем строе, под скипетром царя Алексея Николаевича, мы можем победить — и победим. Среди гражданских или военных, мы должны искать верных идеям монархии людей. Они должны печатным и устным словом доносить до солдат идеи монархии и необходимость этой войны, необходимость войны, идеи подчинения офицерам. В прифронтовой зоне должны создаваться новые или использоваться уже имеющиеся типографии, на которых будут выпускаться листки со статьями таких людей. То же самое должно произойти и с газетами. В ближайшее время министерства просвещения и юстиции начнут борьбу с газетами и журналами, которые смущают народ, призывают к миру без аннексий и контрибуций, забывая о миллионах загубленных жизней, которые в случае подписания такого мира окажутся погублены и исковерканы зря. Но строже всего будет отношение к тем печатным изданиям, которые поддерживаются извне.

Кирилл выдержал многозначительную паузу. Тонкий намёк на широчайшее участие дорогих западных соседушек…

— Думаю, это будет только необходимо. Помню, что ещё Антон Иванович Деникин в бытность свою автором всевозможных статей, призывал не угашать духа солдатского и офицерского. Однако не кажется ли Вам, Кирилл Владимирович, что сейчас несколько поздно для этого? Может быть, ещё год назад…

— Это требовалось ещё двадцать лет назад. Но придётся начинать именно сейчас. Штаб Ставки должен заняться поиском людей, необходимых для такой работы. Главу подобного Осведомительного агентства я назову несколько позднее. Думаю, только одно это

имя привлечёт к нам множество людей.

— Даже так, Кирилл Владимирович? Однако…Хорошо, штаб сделает всё возможное и даже невозможное, чтобы начать создание подобных структур.

— Благодарю. И ещё, Николай Николаевич, прошу Вас, объявите о переводе Александра Павловича Кутепова из гвардии в армию, с присвоением ему, вне очереди, звания генерал-лейтенанта. Необходимо, чтобы страна видела, что в армии ныне в цене решительные, инициативные и верные делу монархии люди. Также подобное повышение полезно в отношении Якова Александровича Слащева, нынешнего командира батальона лейб-гвардии Финляндского полка. Она замечательно проявил себе во время обороны Петрограда. Уверен, что ему также следует дать внеочередное звание генерал-майора. Кроме того, в Ставку должны в ближайшее же время прибыть из Персии Андрей Григорьевич Шкуро, он сейчас пребывает в должности командира отряде в корпусе генерала Баратова, полковник Сергей Георгиевич Улагай, командир Второго казачьего полка, и Мамантов Константин Константинович, командир Шестого Донского казачьего полка. Им должно сообщить, что их появление здесь весьма и весьма важно для общего дела победы над врагом.

— Будет исполнено, Кирилл Владимирович. И всё-таки, простите мне мою бестактность, я поражён, каких вроде бы не самых заметных офицеров действующей армии Вы знаете. Мамантов, Шкуро, Улагай…

— Положение обязывает, милейший Николай Николаевич. Уверяю Вас, эти люди поражают своими способностями и талантами в определённых сферах. Такие, именно такие люди сейчас нужны! Те, чьи способности помогут наконец-то одержать нам победу. Эта война идёт слишком долго. Можно только удивляться, как наша страна так долго держится. Вы же, надеюсь, не относитесь к числе тех людей, что сваливают всю вину на Николая Александровича?

— Отнюдь, Кирилл Владимирович, — Юденич тяжело вздохнул. — Мало кто ещё бы смог так напрячь все силы страны. Правда, окружение его было не всегда порядочным, но народное мнение слишком долго готовилось, слишком сильно на него давили известные Вам и мне люди, чтобы склонить Россию…Вы знаете, к чему склонить, Кирилл Владимирович. И это удалось. Однако…отчего же Вы спрашиваете?

— Для общего развития, Николай Николаевич. Мне просто нужно было это узнать.

А теперь потихоньку надо заставлять людей задумываться, надо…

Глава 25

Тот самый кандидат на пост руководителя Осведомительного агентства сидел сейчас за своим письменным столом в Москве. Глаза его пробегали раз разом по строкам письма, где лично Верховный главнокомандующий и регент, Великий князь Кирилл Владимирович Романов в самых тёплых, но настойчивых тонах просил приехать "дорого, уважаемого, необходимого в столь трудную для народа минуту". Руки легли на книги, которыми был заполнен стол. Гегель соседствовал с Достоевским, а книги Якова Бёме возлежали на самом верху стопок, образующих своеобразный престол для воплотившего на бумаге мысли об Ungrund.

Сперва хотелось отказаться. И вправду, а зачем ехать? Ведь именно нынешний регент посылал против петроградцев военные части. С другой стороны, далеко не только он был зачинщиком кровопролития. Да и к тому же, а чем София не шутит? Может, всё-таки стоило поехать? Если уж Великий князь так заинтересован в его визите. К тому же как-то неудобно заставлять ждать ответа тех троих нарочных, что доставили письмо этому "верующему вольнодумцу"…

Погладил густые волосы на затылке, почесал залысину на лбу, усмехнулся в короткую бородку. Махнул рукой.

— А всё-таки, стоит поехать!

— Николай Александрович, я так рад Вас видеть в этом скромном доме! К сожалению, мне так хотелось расспросить Вас о Вашем мнении по поводу одного из произведений Любимого Вами Якова Бёме, "Авроры", которое, признаюсь, я не совсем понял…Но время не терпит, Николай Александрович, совершенно не терпит! Знаете, мне нужна Ваша помощь.

— Моя помощь — Вам? Кирилл Владимирович, я сомневаюсь, что чем-то смогу помочь Вам и как Верховному Главнокомандующему, и как регенту при юном императоре. Думаю, что…

— Прошу прощения. Я не так выразился, — Кирилл развёл руками. — Всей России, всему её народу нужна Ваша помощь, Ваши мысли, сила Вашего слова и знания, дружба Ваша со столь многими умнейшими людьми нашей страны. Боюсь, всё ближе и страшнее опасность наша подпасть под влияние или Запада, его мещанского либерализма, или, что ещё хуже — мещанства марксистского. Мне известно, что Вы считаете, что Маркс выразил в своих трудах идеи своего народа, всю энергию навечно обречённых скитаться по миру людей, их мессианство. К сожалению, на нашей почве его труды дали обильные всходы. Все эти призывы, пропаганда, агитация…Но! Николай Александрович! Вы же прекрасно видите, Вы чувствуете, что гибнет Россия, её дух, её народ. Гибнет её культура. Интеллигенция повернулась против своего же народа, она воспевает Запад, Европу, его мёртвую, неодухотворённую культуру, которая не дала той же Франции ни одного сравнимого с нашими по силе писателя! Их гениальность умерла вместе с приходом туда протестантства. А уж что говорить о Германии, которая говорит о смерти Бога, и говорит глупость? Но именно она на нас давит, и мы ничего не можем им противопоставить. Точнее, не могли. Мы можем встать грудью, вспомнив, поняв, что перед нашим народом лежит тяжелейшая задача стоит возрождение мира, поворот его на путь спасения. А точнее даже помощь в этом повороте: мы должны доказать ему, что только свободный выберет свой путь. Но где у них свобода духа, где, Николай Александрович? Бёме, Ницше, которые совсем не немец по духу, он превзошёл их, вышел за рамки германского материализма и гегельянства…Единицы, Николай Александрович!

Кирилл даже вспотел. Он старался вспомнить, какие точки зрения этот великий верующий вольнодумец отстаивал. Сизову этот человек нужен был, невероятно нужен. И как знамя, и как думающий, многое понимающий, и как — по-настоящему русский. У него были винтики в машине, были исполнители, но не было знамён, не было идеологов. Пока что. А теперь вот приходилось напрягать все силы…

— Все эти революции и западные правительства чувствительны к правам поляков, евреев, немцев, армян, но совершенно не чувствительны к правам русского человека, к русской душе! Но именно такие люди вот-вот могут придти к власти. Наши люди слишком часто прислушиваются к ним, к кому-то ещё, а не к себе, к своим ближним. Мы вот-вот можем получить приход во власть тех, кто против русского духа, совершенно его не ценит. Это или буржуа, мещане справа — или мещане слева. Мне слишком тяжело лавировать, вести Россию по своему собственному пути. Николай Александрович, мне необходима Ваша помощь, всей России нужно Ваше участие. Вам всего лишь стоит писать о том, что Вы думаете, о России, о русских, о мещанах Запада и Маркса, о вере и религии, в конце концов, о той цели, к которой идёт наш народ, и привлечь к этой же работе Ваших друзей, тех людей, что душой и телом болеют за нашу Родину. Я дам Вам эту возможность. Под моим началом создаётся Осведомительное агентство, чьей целью будет моральное, духовное возрождение нашего народа и, в первую очередь, армии, придание ему новых сил. Только Ваше творчество и творчество Ваших друзей поможет мне справиться. Решайтесь, Николай Александрович, решайтесь!

И этот верующий вольнодумец, клеймивший, ругавший на чём свет стоит гносеологию, немало говоривший с толстовцами и сектантами, выступавший против огня правительственных войск по демонстрантам Москвы и Петрограда, задумался. Да, от него требовали совсем немного. Но…вдруг это только ширма, и его захотят использовать

другими путями? Хотя…зачем? Для чего? Нет, вряд ли. А говорить…писать…творить…Получить возможность донести свои мысли, не таясь, до всей страны, до всего её народа? Помочь в деле победы над врагами внутренними и врагами внешними? Но зачем? Чтобы остался прежний строй?

— Ваше Высочество, я не могу согласиться на это. Вы на словах призываете к обновлению, к единению перед врагом, но это — всего лишь слова. Кровь на петроградских и московских улицах доказала, что методы у Вас — старые. Ваши предложения реформ…Они приведут страну к новой крови. Вы настраиваете одну часть общества против другой, это роднит Вас с марксистами. Но Вы даже не призываете к социальному равенству. Может быть, Вам удастся даровать равенство политическое, но не социальное. Нет в Ваших предложениях то, что требуется российскому народу. Нет в Вашей голове решения, которое бы не стоило России новой крови и новых потерь. Да, я с Вами в том решении, что надо остановить разброд и шатание, тяготение многих движений к заключению мира без аннексий и контрибуций, к воззваниям о революции. Революция не поможет. Но и Ваши реформы, по-моему, тоже. Многие из них просто утопичны, и я думаю, что ни одна из них или не найдёт объективирования, или приведёт к новым страданиям для страны. Я совершенно не желаю участвовать в этом, это совсем на моё дело, Ваше Высочество.

Бердяев говорил с некоторым нажимом, с блеском в глазах, отчаянно жестикулируя. Николай Александрович вкладывал все свои чувства в эти слова.

Кирилл молчал несколько мгновений. Что ж, не получилось. Можно, конечно, попробовать уговаривать. Сизов ошибся. Это всегда раздражало его: ошибка, бессмысленный труд, нередко могло вывести из себя. Но — что поделаешь? Бердяев, похоже, ещё не совсем отошёл от марксистских идей, и, к сожалению или к счастью, не видел и не увидит развала страны из-за противостояния речей и воззваний Временного правительства и силы тысяч человек, стоявших за Советом.

— И ещё, Ваше Высочество. Я прошу Вас одуматься, прямо сказать народу, что Вы не хотите проведения Ваших реформ. Ведь всем мыслящим людям прекрасно видно, или вскоре будет видно, что Вы не хотите их воплощения в жизнь. Вы используете их для закрепления у власти, на которую у Вас прав несколько меньше, чем у некоторых других представителей Дома Романовых. Я боюсь, что Вы свернёте хоть какие-то преобразования, едва почувствуете, что крепко держитесь за своё место. Не стоит, Кирилл Владимирович, не стоит начинать своё правление со лжи. Вы тем самым будете мало отличаться от ругаемых Вами марксистов и европейских буржуа. Надеюсь, моя откровенность будет Вами оценена по достоинству.

Когда-то Бердяев был сослан в Вологду, за участие в революционной борьбе, называя Маркса гениальным человеком, Плеханова своим наставником, а Луначарского товарищем по оружию. Кирилл Владимирович едва сдержал улыбку: если бы история пошла по привычному для него руслу, Николай Александрович через несколько месяцев сам бы попросился помочь Сизову. Но…не суждено.

— Благодарю, Николай Александрович. Мне жаль, что Вы не захотели понять сущность моих предложений. Быть может, Вы бы помогли остановить развал общества, направить интеллигенцию на работу во благо Родине, а не во вред. Но…что ж, на всё воля Божья. Надеюсь, Вы ещё решитесь мне помочь. Я же могу только сказать, что реформы, может быть, в жизни будут выглядеть иначе, чем на бумаге, может быть, будут сильно отличаться от своих проектов, но — они будут. И это главное.

— Ваше Высочество, только время это покажет. Савонарола тоже стремился к счастью. Но что из этого получилось? Ничего, кроме крови, страданий и плачевного для самого Джироламо результата.

Кирилл Владимирович смотрел вослед уходящему Бердяеву. Надо было всё-таки говорить о социальном равенстве, о многом другом можно было поговорить. Однако Николай Александрович всё ещё слишком сильно держится за свои марксистские увлечения. А вот другой Николай…

Странное впечатление производил этот Николай на собеседника. В гусарском мундире прапорщика, Георгиевским крестом, маленькими усиками — и коротко стриженый, почти что лысый ("вшей гонял"). Было заметно, что совсем недавно он состоит на службе, не так, как прирождённый солдат вытягивался, держался чуть более свободно, чем надо бы. Он только три с половиной года воевал, зачисленный добровольцем в лейб-гвардии уланский полк, получивший за храбрость двух Георгиев уже к началу пятнадцатого года. Поэт. Монархист. Быть может, гений — но о нём это скажут позже. Романтик…

— Ваше Высочество, — Николай Степанович Гумилёв поклонился. В нём просыпалось особое чувство от осознания того, что рядом с ним — регент, член дома Романовых, фактически император России.

— Николай Степанович, прошу Вас, — Кирилл жестом предложил присесть. Достал портсигар. Сам Сизов не курил, и табачный дым плохо переносил, но вот Гумилёв, как он знал, не отказался бы от сигаретки. Чиркнула германская зажигалка.

Николай Степанович благодарно кивнул и затянулся сигаретой, робко держа её между указательным и средним пальцем, а когда отрывался от неё, то чуть-чуть царапал ногтем большого пальца.

— Ваше Высочество, благодарю Вас за радушие. Однако же, что заставило Вас призвать меня, простого солдата-поэта, в это место, уже получившее некий ореол таинственности. Во многом благодаря нынешнему его владыке, — намёк на столь быстрое восхождение Кирилла на вершину власти.

— Нужда, Николай Степанович, нужда в Ваших талантах. Я создаю Осведомительное агентство, которое будет нести идеи монархии, победы, славы в народ и армию. Оно должно будет остановить влияние оппозиционной печати, которое когда-нибудь погубит империю, на солдат и обывателей. Это грандиознейшая задача, и мне требуются люди подстать ей. Для этой задачи нужен настоящий гений. И я уверен, что такой гений слова сейчас сидит передо мной.

Люди творчества нет-нет, да падки на лесть в отношении их таланта. Этим нередко пользуются, так почему и Кириллу не воспользоваться?

— Вы слишком высоко ставите моё творчество, Ваше Высочество, — взмахнул рукой с зажатой в ней сигаретой Гумилёв, но всё-таки было видно, что слова Сизова ему польстили.

— Не более, чем господин Брюсов или читатели Вашего журнала "Сириус"…Ведь кто такой гений? Кто такой поэт? Это тот, кто в любом человеческом деле всегда стремится быть впереди всех остальных. Вы же заставили себя быть таким, заставили себя быть охотником на львов в Африке, солдатом, который по праву получил два Георгиевских креста. Рискните и сейчас, дайте свободу своему таланту. Мне нужны такие люди, как Вы, необходимы. Нельзя же выиграть войну только солдатами да офицерами. Её нужно выигрывать силой духа. Я в Вас верю, Николай Степанович. Я предлагаю занять место подле меня, стать руководителем Осведомительного агентства. Думаю, Вы найдёте в этой работе много от создания литературного журнала или общества поэтов. Вы будете мавром, припадающим к воде, пьющем её, а не рыцарем в пустыне, страдающим от жажды и глядящим на звёзды. Вы будете читать стихи драконам, водопадам и облакам, Вы будете читать их целой стране, а не в тиши литературного салона или мёртвенно-бледного зала.

— Кирилл Владимирович, Вы его знаете? — Гумилёв был поражён. Ведь это практически были строки из его стихотворения!

— Да, Николай Степанович, — Кирилл расплылся в довольной улыбке и начал декламировать. Правда, с выражением, оставлявшим желать много-много лучшего, но всё же..

Да, я знаю, я вам не пара,
Я пришел из иной страны,
И мне нравится не гитара,

А дикарский напев зурны.

А потом сам Гумилёв и продолжил. С чувством, с жаром, с полной чувств глубиной…

Не по залам и по салонам
Темным платьям и пиджакам —
Я читаю стихи драконам,
Водопадам и облакам.
Я люблю — как араб в пустыне
Припадает к воде и пьет,
А не рыцарем на картине,
Что на звезды смотрит и ждет.
И умру я не на постели,
При нотариусе и враче,
А в какой-нибудь дикой щели,
Утонувшей в густом плюще,
Чтоб войти не во всем открытый,
Протестантский, прибранный рай,
А туда, где разбойник, мытарь
И блудница крикнут: "Вставай!"

— Браво, Николай Степанович, браво! Это стихотворение нельзя не знать, по моему мнению. Я предлагаю Вам несколько лучший исход, нежели в дикой щели, утонувшей в густом плюще. Я предлагаю Вам трибуну, Николай Степанович, Вам и всем акмеистам, символистам, всем поэтам, кто захочет творить во имя России. Вы возьмётесь, Николай Степанович? Я не хочу Вам приказывать, не хочу требовать этого. Я просто надеюсь на Вашу помощь нашей стране и монархии. Я предлагаю Вам возможность останавливать само Солнце — Словом.

Этого стихотворения Гумилёв ещё не написал. Но — напишет! Точно напишет…Как и многие другие…

— Возьмусь ли я, Ваше Высочество? После того, как сам регент, Великий князь и Верховный главнокомандующий предлагают мне это?

Николай Степанович как-то разом поднялся, какая-то внутренняя сила, казалось, исходила теперь от каждого его слова и жеста.

— Я не могу не взяться, Ваше Высочество! Я хочу и буду служить России всем своим естеством!

"Ну хоть здесь выиграл" — облегчённо подумал Кирилл, пожимая руку разгорячённому Гумилёву. У того в голове уже рождались статьи, стихи, слова, с которыми он обратится в первом номере из того издания, что создаст Осведомительное агентство. Но сперва- собрать всех своих, надо поднимать рыцарей слова на борьбу. Кирилл же пообещал всемерную поддержку в этом деле. Пора браться за настоящую работу, пора Словом заставлять Солнце сверкать ярче, чем опасность в глазах храбрецов!

Солнце палило нещадно. Минаев бросил взгляд на голубое небо, совершенно лишённое облаков. Вздохнул — и продолжил разгружать ящики с оружием. "Авангард" вообще не доверял этой работы местным. Мало ли чего. К тому же кроме винтовок и патронов в ящиках была валюта, которую должно было хватить с лихвой на первое время. Или даже на все полтора месяца.

Место, где греки предложили разместить "училище", и вправду было безлюдным. Среди гористых холмов, на которых жили в основном пастухи, и те — из отуречившихся греков: здесь же когда-то было сердце Никейской империи. Говорят, до сих пор поминали как святого одного из никейских императоров, Иоанна Дука Ватаца. Минаев помнил это по

историческому отделению университета: в офицеры-то он попал только в начале войны, записался на волне всеобщего энтузиазма. Но у кого-то энтузиазм угас, а у Сергея сменился уверенностью в том, что Россия должна победить! Сколько можно терпеть поражения от всяких азиатов, германцев и мусульман, которые свою страну держат только с европейской помощью. И в плату за это отдают одну провинцию за другой то Австро-Венгрии, то Англии…

В нескольких верстах от лагеря пролегала железная дорога. Сперва Минаев волновался, всё-таки опасно, но местный грек, кое-как разговаривавший на русском, Маркос Попандопулос, заверил, что волноваться не стоит. Железные дороги встали после того, как Черноморский флот перерезал снабжение Турции углём из Зонгулдака. Даже ночное освещение в городах исчезло, а производство снарядов или прекратилось, или упало до смешного минимума. Османская империя потихоньку умирала из-за угольного голода.

— Сергей, да ты не журися! — улыбнулся Николай Панько, чьи родители были выходцами из Малороссии. Химик и инженер, он в случае чего мог устроить турецким властям пламенный привет с весёлым салютом взрывчатки. — Комар носу не подточит. Давай уж лучше таскай, таскай ящички.

Панько и Минаев как раз работали на пару при разгрузке телег, предоставленных греками. На них с улыбками поглядывали местные. Будущие бойцы…

— Бойцы, понимаете ли, — брюзжал самый старый из "авангарда", поручик Василий Клембовский. Он как раз должен был отвечать за обучение местных. — Тряпки. Тут же целый век работать надо. Ну ладно, три месяца — минимум. Матка Боска, это же хуже, чем наши крестьяне! Они же даже по-русски не поймут, не то что по матери! А как солдат из них делать, если они ни черта не понимают в столь тонкой материи, как резка правды-матки?

— Василий Янович, не будьте столь поспешны в своих выводах. Православный православного поймёт. Эхм, я хотел сказать, христианин христианина поймёт. При определённых обстоятельствах, — это был мозговой центр, Степан Зарудный, редкий аналитик. Правда, совсем не обращал внимания на такие мелочи, как вероисповедание своих сослуживцев, глажку и стирку одежды и бритьё по утрам. Во многом благодаря этому Зарудный потихоньку становился похож если уж не на местного турка, то на местного грека — точно. И загорел к тому же за время, проведённое в Одессе и Севастополе. — Главное, чтобы они могли стрелять, выполнять наши команды и имели хотя бы какие-то способности к обучению. Одна из наших целей — саботаж вражеских линий снабжения и связи во время начала операции. Значит, этому мы должны их научить. Саботажу…Тут ведь много умения не надо, послать какого-нибудь из этих греков на телеграфную станцию и дать ему полчаса потыкать на кнопочки. И всё будет в лучшем виде, поверьте мне, Василий Янович.

— Потыкать на кнопочки, видите ли, — вздохнул Клембовский. — Ну тогда я им покажу, как учит тыкать на кнопочки поручик Русской армии! Турки ещё поглядят, ох поглядят…

За подобными разговорами прошёл весь день. Пока осваивались в сложенных из камней и тростника хижинах, которые по недомыслию Бога местные называли домами. Потом поужинали козьим сыром и лепёшками. Алифанов и ещё один кубанец, Селиванов, кое-как разумевшие местное наречие (и как только могли так лепетать на этом диком диалекте, ошибаясь в словах, но всё равно понимаемые греками?), общались с "новобранцами". Полтора десятка человек. Не самые, конечно, лучшие бойцы, далеко не самые, но это пока что всё, что было в наличии. С этих приходилось начинать.

К счастью, от них же удалось узнать и новости. Турки и вправду хватились пропавших патрульных, рыскали по прибрежным поселениям, но, естественно, никого и ничего найти не могли. К тому же мало понимали, кого нужно-то искать…

Утром начали обучать местных обращению с винтовками. Минаев с жалостью смотрел на бедные трёхлинейки, которые оказались в неумелых руках греков. Хотя, конечно, а откуда им было знать, как обращаться с оружием? Если уж у самих турок новые винтовки были если не редкостью, то уж и далеко не повседневностью. К тому же вскоре сюда стали

собираться и новые люди, приходившие по одному, два, а то и целыми десятками, а затем возвращавшиеся назад, по домам. Нельзя было давать турецкой власти поводов для подозрений и беспокойства. Правда, существовала опасность, что кто-то донесёт о лагере османам. Но и эту опасность "авангард" учёл. На крайний случай имелись пути отхода. На самый крайний — "виккерс-максим" и несколько патронных лент к нему. Так что гостей "авангард" встретил бы с распростёртыми объятиями, под настоящую военную музыку.

— Глядишь, за полтора месяца-то сработаемся с ними, а? — ухмыльнулся Алифанов. Он вместе с Зарудным наблюдал за уроками штыкового боя греков. Вот чего-чего, а колоть они умели, били манекены из соломы и прутьев с остервенением, представляя перед собой турка. — Сделаем из них настоящих солдат.

— Может быть, может быть. Матка Боска, помоги мне только эти полтора месяца продержаться! — Зарудный вздохнул. — Кто же так бьёт, я вас спрашиваю, кто же так бьёт, вашу душу…

Даже те греки, которые совершенно не понимали русского, каким-то шестым чувством поняли, что хочет до них донести Зарудный. А может, этому способствовало зверское выражение раскрасневшегося лица Зарудного.

— Эх, Царьград, Царьград….

— Царьград сейчас наиболее уязвим.

В каюте Колчака на флагмане проходило очередное заседание офицеров Черноморского флота и командиров Морской дивизии.

— Пока что они, по нашим сведениям, наблюдают за волнениями в нашей стране. Думаю, даже немецкие инструкторы и офицеры убеждены, что нынешние перестановки в Ставке и на фронтах лишь внесут больше сумятицы в наши планы, дезорганизованность и анархию в умы солдат и офицеров. Они ошибаются. Верховный Главнокомандующий чётко указал, что главная цель весенней кампании — Царьград, и все силы Ставки брошены на подготовку и поддержку Босфорской операции. По сообщениям разведки, с каждым днём перед турками всё острей встаёт вопрос снабжения углём паровозов. А без железных дорог и при блокаде Черного моря снабжение и сообщение в Порте невероятно ухудшается. Думаю, сейчас самое время начинать решающее наступление. Осталось менее полутора месяцев. Готова ли Морская дивизия?

— Не совсем так, как того хотелось бы, — докладывать выпало генерал-майору Свечину. — Но после того, как мы сделали первые шаги по сближению офицеров с солдатами, совместные трапезы, обучение грамоте, чтению, истории офицерами своих подчинённых, обстановка налаживается. Также нам помогло то, что недавно созданная Служба Имперской Безопасности все усилия направляет на искоренение распространителей анархических и пораженческих идей и прокламаций среди солдат. Это тоже даёт свои плоды. Но всё равно, нам требовалось бы намного больше времени, чтобы добиться уверенности в полной готовности дивизии к исполнению возложенной задачи.

— К сожалению, время не терпит. Мы слишком много времени потеряли из-за переноса начала операции на этот год, — Александр Васильевич был твёрд в своём решении начать операцию в установленный срок. — Что насчёт поддержки местного населения?

— Местные православные греки, немногочисленные оставшиеся в живых армяне и славяне могут нас поддержать. Первые партии оружия и огнеприпасов уже добрались до Порты. К сожалению, точных сведений об их положении у нас нет, — отвечал представитель Службы Имперской Безопасности при штабе Черноморского флота, штабс-капитан Манзоров. — Но я уверен в том, что эти люди справятся со своей задачей. Лично Верховный главнокомандующий их проинструктировал перед отбытием. А это знак высочайшего доверия!

— Итак, господа, приступим к окончательному обсуждению роли каждого корабля в будущей операции…

Глава 26

Кирилл готов был заскрипеть зубами от постоянно вертевшегося в голове вопроса: "Ну почему же в России всегда беда с патронами?".

Токарев и Дегтярёв приехали прямо в Ставку. По личному указанию регента им выделили отдельный вагон: никто не должен был проникнуть внутрь или хотя бы иметь возможность бросить мимолётный взгляд на содержимое ящиков, которые привезли с собой эти два оружейника.

На перроне их встретил неказистый, заляпанный грязью (отчего-то на грязные машины обращают меньше внимания, когда ищут "секретные материалы") автомобиль. А через несколько минут Кирилл уже смотрел на творение рук двух замечательных оружейных мастеров.

Это оружие до боли напоминало "ППШ", разве только барабанный магазин крепился слева от ствола. Пистолет-пулемёт, над чьей разработкой только-только начинали биться германские конструкторы, блестел от оружейной смазки, сверкая на столе Кирилла.

Сизов провёл ладонью по стволу, погладил приклад. Жаль, что эта штука будет поедать огромное количество патронов. Не для массового она производства. А жаль: этот пистолет-пулемёт был намного легче и компактней ручного пулемёта, да и времени на его производство затрачивалось меньше. Ну и патроны, патроны, патроны…

— Вы уже проводили стрельбы? — Кирилл наконец-то поднял взгляд на оружейников.

— Только заводские, для отладки этого оружия. Мы до сих пор не можем устранить проблемы с задержками при стрельбе, зато, как Вы и просили, применили в данном случае барабанный магазин. Стрелок может менять его левой рукой. Правда, весь боезапас он выстреливает за где-то пять-шесть секунд: солдат понадобится ранец, чтобы носить с собой более или менее достаточное для боя количество патронов. Думаю, могут выявиться и другие недостатки, ведь мы работали с такой скоростью… — Дегтярёв утёр пот со лба.

— Благодарю Вас! С этого момента Вам будут пожалованы внеочередные звания и личное дворянство. И ещё кое-что. Вы заслужили это, господа дворяне, заслужили, — улыбнулся Кирилл. — Вы совершили практически невозможное. И наконец-то мы смогли обогнать германцев в их начинаниях. Одно это много стоит.

— Нам бы посмотреть, Ваше Высочество, как он в деле-то будет, — замялся Токарев. — Всё-таки, почитай, как дитя родное.

— Мне бы не хотелось отправлять Вас на передовую, в опасность. Думаю, вместо этого Вам будет приятнее взяться наконец-то за свои собственные проекты. Армии нужны карабины вместо винтовок. И, Фёдор Васильевич, я знаю, что у Вас давным-давно в голове носились идеи улучшения ручного "максима". Мне думается, что передача под Ваше управление конструкторского бюро стрелкового оружия, которое будет основано при Тульском заводе. Я надеюсь, что Вы также согласитесь помочь в организации перехода нескольких наших заводов на производство карабинов? Уже в этом году Ваши разработки, я надеюсь, принесут великие победы нашей армии. Как и этот пистолет-пулемёт…А кстати, как Вы его назвали?

— Пистолет-пулемёт Один. Мы думали, что…

— К сожалению, такое название не подходит. Вот пистолет-пулемёт Токарева и Дегтярёва — в самый раз, господа.

Сизов понимал, что эта разработка не будет задействована по-настоящему в этой войне. Да и производство пистолетов-пулемётов будет уж слишком затруднено. Но у него и не было желания оснастить все фронтовые части новой разработкой. Если уж автомат Фёдорова был редкостью…

— Господа гвардейцы, думаю, уже многие успели познакомиться с оружием Фёдорова, — Кирилл ходил перед строем из нескольких десятков офицеров Лейб-гвардии Кирилловского полка. Самые проверенные. Многих он помнил в лицо. — Сейчас же у вас появится шанс увидеть последнюю разработку наших замечательных конструкторов.

Уверяю, ничего подобного пока что в других воюющих странах, как членов Антанты, так и Центральных держав, не существует. Именно поэтому я надеюсь, что ни одного слова о том, что вы увидели только что, не будет сказано вне этого места. Я на вас полагаюсь, господа.

"А заодно на Службу Имперской Безопасности" — не решился добавить Кирилл. Пришлось в состав полка ввести нескольких сотрудников этой структуры. На всякий случай.

— Итак, прошу ознакомиться, — Кирилл откинул крышку ящика. — Пистолет-пулемёт Токарева и Дегтярёва. Прошу, можете потрогать своими руками, к счастью, не в Эрмитаже.

Кирилл рассмеялся.

В мгновение ящик был окружён по всем законам военной науки: без единого шанса на спасение и прорыв "противника". Офицеры смотрели на чудо техники. Он отличался от автомата Фёдорова так же, как последний отличался от обычной винтовки. Особенно удивляло расположение магазина и вообще — строение оружия.

Первым, кто решился достать из ящика оружие, был Аксёнов. Взвесил в руках, прицелился, отделил магазин. Затем вернул барабан на место.

— Позволите опробовать в деле, Ваше Высокопревосходительство?

— Конечно, награда за храбрость. Извольте.

Дело происходило на пустыре на окраине Могилёва. Импровизированный полигон заблаговременно оцепила Служба Имперской Безопасности. Сизов не хотел допустить преждевременную утечку информации. Конечно, на заводе также могли работать агенты Германии или Австро-Венгрии, а то и союзничков, но Дегтярёв и Токарев, судя по их словам, сами собирали и делали все детали, никому этого не доверив. Да и считанные единицы могли увидеть новое оружие в процессе создания. В крайнем случае, любого агента можно будет вычислить. Не хотелось, чтобы враг узнал о новом оружии, которое будет использовано в самом скором времени.

Напротив стояли мишени, несколько манекенов и толстый лист стали.

— Зажмите спусковой крючок, старайтесь стрелять небольшими очередями. Думаю, Вы видели, на что способен автомат на узких улочках. Здесь же будет нечто ещё мощнее. И, да, весь магазин здесь разряжается в считанные мгновения.

— Благодарю за подсказку, Ваше Высокопревосходительство! — все отошли назад, за спину Аксёнова.

Подпоручик заволновался. Солнце чуть-чуть припекало. По щеке потекла первая струйка пота. Всё-таки он будет первым боевым офицером, который испробует оружие. "Мальчик дорвался до новой игрушки" — промелькнуло в голове у Сизова…

Приклад Василий Михайлович крепко-крепко упёр в плечо. Левая рука инстинктивно сжала барабанный магазин, правая же плавно надавила на спусковой крючок, и…

Отдача оказалась неожиданно сильной, отчего Аксёнов сперва немного растерялся. Но всё его внимание было поглощено тем мощным плевком огня, которые вылетел из ствола пистолета-пулемёта. Пули неслись с невероятной скоростью, изрешетив манекены, превращая их в труху. Ствол повело чуть вправо. Считанные мгновения — и огонь смолк. Аксёнов несколько раз нажал на спусковой крючок. Слышался тоненький стук, но оружие безмолвствовало.

— Патроны кончились, Василий…Михайлович, — Кирилл смог припомнить имя отрекомендованного ему Кутеповым подпоручика. — Ничего удивительного, этот пистолет-пулемёт невероятно прожорлив. Да, эффект от огня поражает, враг заляжет в траншеях и окопах. Этак раз в неделю, пока патроны не подвезут. В этом-то вся проблема, мы просто не сможем обеспечить достаточное количество огнеприпасов. Во всяком случае, не в ближайшие годы. К счастью, тут есть ещё несколько магазинов. Кто ещё хочет опробовать новое оружие?

Заметное оживление, лихой румянец на лицах: хотелось "поиграться" всем. Даже Аксёнов, утря пот со лба, посмотрел ещё раз сперва на пистолет-пулемёт, потом на изрешеченную мишень, и обратно, поднял взгляд на Великого князя: хотелось продолжения банкета. Это оружие внушало уважение не меньше, чем страха, а может, даже больше.

Эффект от него был не хуже, чем от полюбившегося "мадсена". Но поедала эта новая машинка патроны быстро. Прожорливым оказался пистолет-пулемёт. Аксёнов ещё помнил Великое отступление, одна винтовка на двоих, восторженные речи командиров и артиллеристов, когда батарея получала жалких двадцать снарядов, а о новом подвозе оставалось только мечтать. Это оружие было явно не для фронта. Тогда — для чего?

Пока второй кирилловец приноравливался к пистолету-пулемёту, Аксёнов решился спросить у Верховного главнокомандующего:

— Ваше Высокопревосходительство, а отчего именно нам Вы показали это оружие? И где…пистолет-пулемёт себя проявит, Кирилл Владимирович? Неужели будет, как и автомат Фёдорова, единицами доставлен на второстепенные участки фронта, для испытаний?

— Нет, Василий Михайлович, это оружие нам послужит совсем скоро, менее чем через полтора месяца, оно послужит ещё одной вехой на пути к победе в этой войне. Вот увидите. А Вы первыми испробовали это оружие, потому что Вам и придётся им пользоваться. Думаю, первая партия как раз поспеет вовремя к планируемым Ставкой решающим операциям. Но и это ещё не всё. Каждый из вас будет обучать остальных владеть этим оружием других гвардейцев и надёжных солдат. Я собираюсь…Хотя, довольно рассказов о моих планах! Боюсь, времени нет для них, — Кирилл посмотрел поверх головы Аксёнова.

К Великому князю торопился один из офицеров Ставки. Он так спешил, что не замечал, что ступает по весенним лужам и марает грязью и водой свой мундир. Похоже, дело явно было срочное. Да и офицеры Службы Имперской Безопасности его пропустили. Значит, что-то по-настоящему серьёзное.

— Ваше Высокопревосходительство! Кабинет уже собрался, необходимо только Ваше участие!

Кирилл едва удержался, чтобы не стукнуть себя по лбу. Он же совсем забыл! Ещё двадцать минут назад должно было начаться заседания правительства, на котором Гучков, Некрасов, Коновалов и Кривошеин должны были предложить программу действий их министерств. Просто данный момент именно их "епархии" требовали наибольшего внимания и усиленных действий. Один разброд на транспорте чего стоил! Вставала извечная русская проблема дураков, строивших дороги и управляющих этими посмешищами всей Европы. Правда, надо отдать должное, те самые посмешища, которые не раз спасали Россию от вражеского наступления. Отчего-то никто при составлении планов покорения пятой части суши не учитывал, что нормально войска по ней продвигаться не смогут. Разве что обратно, домой, теснимые русской армией.

— Что ж, господа, иногда я начинаю жалеть о решении переноса чиновничьего аппарата в Могилёв! — постарался отшутиться Кирилл. — Все вы должны опробовать новое оружие в деле, начать к нему привыкать. И запомните: ни одно слово пистолете-пулемёте Токарева и Дегтярёва не должно быть произнесено!

Кирилловцы, застыв по стойке "смирно", отсалютовали Главковерху и быстро вернулись к тому самому пистолету-пулемёту. Сизов уже начал сомневаться, что эти восторженные новым оружием люди смогут удержать секрет в тайне, хотя они были элитой среди элиты. Что ж, надо будет принять меры. Отселить их ещё с кем-нибудь в отдельное здание, под предлогом "разуплотнения" казарм.

Несколько десятков шагов по липкой грязи, рёв мотора, и вот уже губернаторский дом, из которого считанные дни назад уехал Алексеев.

В кабинете царила нервная обстановка. Родзянко стучал пальцами по столешнице, поглядывая то на одного министра, то на другого. Александр Иванович Гучков проглядывал свои записи, не скрывая нервозности. Похоже было, что его доклад будет весьма и весьма неутешителен. Терещенко смотрел прямо перед собой, Некрасов сидел со склонённой головой, держа целый ворох телеграмм в руках. Лишь Шульгин и Кривошеин, сохраняли бодрость духа, разительно отличаясь от остальных министров. Виталий Васильевич, похоже, получал даже некоторое удовольствие, видя, как "всякие либералы" пали духом, явно побаиваясь Кирилла Владимировича. Всё-таки это в Петрограде можно было устраивать

демарши, когда чувствовалась поддержка собратьев по Прогрессивному блоку и вообще, "общественности". Здесь же — солдаты, офицеры, солдаты, офицеры, солдаты…Да ещё интенданты и разномастные просители с прожектёрами. Кривошеин же чувствовал себя в своей родной стихии. Ему вспоминался кабинет времён Петра Аркадьевича, готовый работать и, главное, способный к реформам. Да, сейчас с этим было похуже, да и Родзянко, к примеру, не Столыпин. Далеко не Столыпин! Зато регент предоставлял Кривошеину карт-бланш, Великий князь нуждался в министре, у которого за плечами был многолетний опыт работы в аграрной сфере.

Дверь резко распахнулась. Кирилл, даже не успевший сменить грязные сапоги, улыбавшийся и вполне уверенный в себе. Министры поднялись со своих мест, приветствуя регента.

— Господа, я уверен, что нынешнее заседание имеет решающее значение для империи. Я надеюсь услышать доклады об обстановке в государстве, не спорю, невероятно тяжёлой, — Кирилла, правда, подмывало, сказать, что по-настоящему плохого положения они, к счастью, не видели. И может быть, не увидят. — И жду Ваших предложений по её улучшению. Александр Васильевич, Вам слово. Сейчас министерство земледелия играет едва ли не важнейшую роль.

Сизов лишь немного покривил душой: просто он был уверен, что доклад Кривошеина задаст хороший темп работы. К тому же именно в Александра Васильевича Кирилл верил больше всего. Остальные, всё-таки, министерские кресла заняли без нужного опыта. Да и в такое время…

— Итак. Все Вы помните, господа, что Пётр Аркадьевич всемерно ратовал за разрешение земельного вопроса, создания обширной прослойки крестьян-собственников в России, которая бы подарила стране невероятную устойчивость! К сожалению, империи не хватило времени на доведение до ума всех предложений Столыпина. Создание хуторов и отрубов, переселение крестьянских семей из слишком тесных для них центральных губерний за Урал. Всё это нужно было бы продолжать, улучшать, учитывать и контролировать. Но даже сухой язык статистики позволит Вам представить, насколько успешной были реформы Петра Аркадьевича в области сельского хозяйства, которые в свою очередь сказались и на промышленности. С тысяча восемьсот девяносто седьмого года по тысяча девятьсот четырнадцатый год население Сибири возросло практически в два раза, с почти что пяти миллионов восьмисот тысяч человек до десяти миллионов. К сожалению, более свежих данных в наличии министерского архива не имеется в силу понятных всем причин, — Кривошеин вздохнул. — Причём самый большой рост произошёл именно за пять последних лет. За Урал было водворено с три миллиона и почти восемьсот тысяч человек, возвратилось около миллиона человек. К сожалению, во многом из-за просчётов правительства и исполнителей этих преобразований. Я не отрицаю и своей вины в этом. Однако могу сослаться на то, что опыта до этого у нас не было. Теперь же — есть. Однако отсюда легко понять, что почти два миллиона человек осталось, закрепилось в Сибири. Европейская Россия смогла "погрузить" на плечи Зауралья огромное количество ртов. Причём множество этих людей были малоземельными крестьянами. И, зная, что практически в те же годы, с восьмого по тринадцатый, мы опережали все страны Европы, кроме Болгарии, по приросту населения, легко понять, что без переселения европейские губернии, в особенности Черноземье, оказалось бы переполнено. Между тем, именно в это время великолепный урожай, два года подряд, дал толчок для экономического роста. Города разрастались с поистине американской скоростью, превращаясь в промышленные центры. Увеличивались ассигнования государства на самые разнообразные мероприятия, от военного производства до постройки элеваторов. В одиннадцатом году торговый баланс разросся до четырёхсот миллионов рублей, но начал падать к четырнадцатому. Это связано со многими факторами, к сожалению, нередко внешнеполитическими. Главным источником покрытий отрицательного баланса бюджета стал широкий вывоз хлеба за границу. В тринадцатом году, благоприятнейшем для империи, именно сельское хозяйство, более всего хлебный экспорт,

дал России пятьдесят пять процентов бюджета. Промышленность и строительство составили же всего лишь около тридцати процентов. Заметьте это и запомните, господа. Производительность труда крестьянского населения на тринадцатый год составляло девять миллиардов рублей. Думаю, эта цифра должна вас приятно удивить. Если бы мы смогли превратить эту производительность чистый доход, все эти миллиарды, то за год и три-четыре месяца смогли бы погасить внешний долг России.

Да, цифры поражали, удивляли: министры, да и сам Сизов, едва ли не с открытыми ртами слушали Кривошеина. Никто не ожидал, что он сможет в настолько короткие сроки собрать ТАКИЕ данные. Александр Васильевич всё забрасывал и забрасывал правительство цифрами.

— Однако надо учитывать, что этот доход в основном давали бы крупные крестьянские хозяйства, именно они принесли почти что восемьдесят процентов экспортного хлеба, а значит, и денег в казну. Мелкие крестьянские хозяйства не в состоянии подчас прокормить себя, не то что продавать зерно. К сожалению, именно мелких хозяйств большинство в черноземных и нечерноземных губерниях Европейской России. Именно это хотел изменить Пётр Аркадьевич, размер крестьянского хозяйства. Но этому мешали многие факторы, в том числе: огромные, я бы даже сказал, гигантские казённые, удельные, церковные, монастырские и дворянские земельные владения. Да, были и есть там показательные хозяйства, крепкие, мощные. Но таких очень и очень мало. Производительность труда на остальных мизерная. Девять лет назад мы так и не смогли этого решить. Сейчас я же предлагаю использовать этот земельный "резерв". Огромная доля дворянских земельных владений заложена и перезаложена в банках, по большей части государственных. Даже в необозримом будущем многие владельцы не смогут расплатиться с кредитами, так что практически это земли уже казённые. С церковными и монастырскими землями надо будет что-то решать. Удельные земли — это также не проблема…

— Что же Вы предлагаете сделать, Александр Васильевич? — терпение не выдержало уже у Родзянко. Всё-таки сам землевладелец, из крупных, его это более всего интересовало. — В чём — не проблема?

— Я как раз хотел к этому перейти, — Кривошеин слегка скривился. Он не любил, когда его перебивали и мешали мыслям течь плавно. — Итак, я предлагаю следующее. Мы сможем передавать эти земли в собственность крестьянским семьям, тем, кто нуждается в новой территории, кто ютится на жалких пяти-шести, а то и двух-трёх десятинах, каждый урожай подумывая о том, как бы с голоду не помереть. Но отчуждать в собственность надо будет большими кусками, над вычислением их размеров будут трудиться уже землемеры министерства земледелия на местах, под надзором и контролем крестьянских комитетов и жандармерии. Сами наделы мы передаём на условиях кредита: крестьяне смогут и натурой, и деньгами погашать номинальную стоимость переданной в их собственность земли на протяжении двух десятков лет, под четыре-пять процентов годовых. Думается, что именно хлеб будет средством выплаты процентов и погашения кредита. Таким образом, государство будет снабжаться столь необходимой продукцией, при этом получая возможность восстанавливать и даже повышать экспорт зерна. Бюджет будет постепенно становиться профицитным. Но это лишь часть решения стоящей перед нами проблемы. Земли всё равно не хватит на всех. Точнее — земли в Европейской России. Однако в наших руках находятся гигантские просторы Сибири. Работящие переселенцы и коренные сибиряки имеют там крепкие хозяйства, которым завидуют даже многие зажиточные крестьяне из центральных губерний. Мы будем продолжать переселенческую политику, только теперь уже само государство будет следить за их обустройством на новом месте. Вместе с тем, мы также должны будем обеспечить воспользовавшимся предложением о расширении своего надела в Европейской России или о переселении в Сибирь лошадьми, скотом, птицей, хотя бы минимальным количеством. К тому же, особые условия будут предусмотрены для побывавших на войне, не дезертиров, но уже отвоевавших своё людей. Таким образом будут погашаться кредиты, создаваться лучшие условия и так далее. Мы будем создавать крупные

наделы, в которых достаточно средств производства для выращивания такого количества зерна, которое будет уже можно выводить на внешний рынок, а не просто прокормить хозяйскую семью. Мы снизим плотность населения в Европейской России, увеличим наделы оставшихся крестьян, создадим прослойку собственников, добьёмся поддержки строя миллионами людей, улучшим наше финансовое положение.

— Это здравые предложения, однако когда Вы намерены приступить к их исполнению? — уже и Гучков заинтересовался предложениями Кривошеина. Точнее, не столько Кривошеина, но кому до этого есть дело сейчас? Посевная на носу, крестьянская армия под боком, усталость народа от войны — налицо.

— К счастью, посевная ещё не началась, крестьяне будут не так уж держаться за свои крохотные наделы. Поэтому, если Кирилл Владимирович и Алексей Николаевич подпишут необходимые для проведения этой реформы бумаги, уже в ближайшие полторы недели начнётся создание земельных комитетов, предоставление желающим земельных наделов и подготовка к переселению. Но пока что — для самых населённых и переполненных губерний. Пусть народ увидит, что если регент и император пообещали, то выполнять обещание они будут всеми силами и как можно быстрее. Возникнут проблемы, конечно, с транспортом и обустройством. Особенно — железные дороги. Для переселяющихся в Сибирь это будет настоящим бедствием. Думаю, на первое время желающих будет не так уж много, однако в дальнейшем…

— Благодарю, Александр Васильевич, я буду ждать бумаг от Вашего министерства, необходимых для юридического начала преобразований. А теперь, Николай Виссарионович, — Кирилл перевёл взгляд на Некрасова. — Сообщите, пожалуйста, о положении дел на железных дорогах. Как Вы уже успели понять, они должны быть готовы в скорейшем времени к перевозке переселенцев в Сибирь. Думаю, в сложившихся обстоятельствах это будет наисложнейшей задачей…

— К сожалению, положение безрадостное. Несколько десятков тысяч железнодорожных рабочих бастует. На большинстве веток Европейской России многочасовые задержки поездов. Мощностей просто не хватает, чтобы доставлять на фронт припасы из Архангельска. Я надеюсь на нормальную работу только-только введённой в строй Мурманской дороги, которая поможет облегчить нагрузку на Архангельскую ветку. С Сибирью всё намного хуже: во Владивостоке скопилось огромное количество грузов, но из-за малой проходимости Транссибирской магистрали они поступают с огромнейшим опозданием. Боюсь, что с переселением крестьян за Урал надо повременить, мы просто не сможем обеспечить их доставку на место, дороги перегружены. Война сказывается, Ваше Высочество. Играет роль и волнение среди железнодорожников. Они требуют улучшения условий труда, повышения зарплаты, они саботируют и задерживают движение грузов. Война, Ваше Высочество, не было бы войны…

Некрасов всё-таки попал не в свою стихию. Но Кирилл Владимирович прекрасно понимал, что Николай Виссарионович не справится с возложенными на него задачами, ему это было просто не по плечу. Теперь же у Сизова развязывались руки в устранении Некрасова из правительства, удаления его с Олимпа власти, на который его вознесло отречение Николая. Кирилл по одному убирал всех заговорщиков. Но — ещё рано. Люди будут бояться его, и потому утверждать, всё отлично, замечательно, а монархия снова окажется на краю гибели.

— Знаете анекдот, Николай Виссаринович? — Некрасов напрягся. Другие министры будто бы захотели оказаться подальше от него. Все уже почувствовали, что министра путей сообщения ждёт судьба Георгия Евгеньевича Львова, практически находившегося под домашним арестом в небольшом домике неподалёку от резиденции Верховного главнокомандующего. Естественно, под благовидным предлогом "необходимости Великого князя в опытном советнике". А личному советнику в столь нелёгкие времена, когда у самого дома губернатора хватают германского шпиона (об этом узнали считанные единицы из окружения Кирилла и некоторые члены контрразведывательного управления Службы

Имперской Безопасности), требуется усиленная охрана.

Министры не так чтобы боялись самих кирилловцев: да, те стреляли по своим же, но Дума в своё время поступила не лучше. От своего народа не станешь баррикадироваться, если не боишься его. Просто этот полк лейб-гвардии подчинялся, фактически, только Великому князю. А сила, которую ты не контролируешь, пугает.

— Так вот. Берлин. Поезд прибывает строго по расписанию, секунда в секунду. На все вопросы, как он смог это, машинист отвечает: "Так война же". Работники вокзала ему вторят. Петроград. Поезд опаздывает на шесть часов, семь, восемь. Наконец-то прибывает после суток опоздания. На все возгласы, почему такое опоздание огромное, машинист огрызается: "Так война же!". Так вот, Николай Виссарионович. Похоже, Вам требуется помощь. Отсутствие в министерстве путей сообщения товарища министра сказывается, и сказывается катастрофически, на Вашей работе. Я думаю, что помощь Вам требуется, как и советы специалиста в этом столь важно деле.

Некрасов нервно сглотнул.

— Буду только рад этому, Ваше Высочество. Хороший советник в эту пору и вправду бы не помешал. Работы хватит на десятерых, да и какой работы!

— Я могу помочь, по крайней мере, рассказать о тех мерах, которые должны быть приняты в ближайшее же время. Все железные дороги с этого дня переводятся под контроль Службы Имперской Безопасности, с приданием составам военного значения приоритетного статуса. То же самое касается поездов, которые будут перевозить переселенцев в Сибирь или на приобретённые в центральных губерниях территории. Сотрудникам Службы Императорской Безопасности на транспорте будет предоставлено право назначать военно-полевые трибуналы для железнодорожных рабочих и чиновников в случае саботажа или противодействия налаживанию работы транспорта на новых основаниях. Вместе с тем, работникам путей сообщения будет сокращён рабочий день, их семьи будут получать дополнительное государственное вспомошествование. Также будет предоставлена страховка на случай увольнения с работы по любым основаниям, кроме несоответствия профессиональным требованиям или саботажа работы железных дорог. Но всё-таки продолжим заседание, господа…

Кирилл Владимирович решил, что ни один министр не забудет этого дня. Предстояло устроить "весёлую жизнь" Гучкову и Родзянко, да ещё Терещенко с Коноваловым. Дела в их "епархиях" обстояли не лучше. Могли порадовать разве что обер-прокурор Львов и Мануйлов, да и то лишь относительно…

Глава 27

Этот дом на окраине постоянно был полон народом. Простые обыватели, офицеры, министр Двора, практически все чины Конвоя…

А в центре — сложивший с себя власть Николай, которого не пускали к семье…

— Сейчас это слишком трудно сделать, и даже опасно. Твой сын, Никки, находится под опекой Третьего конного корпуса, все люди испытанные, преданные. Они не пропустят к нему ни левых революционеров, ни фанатиков-либералов. А вот с тобой, Никки, намного сложнее. Ты же прекрасно понимаешь, зачем когда-то тебя вынудили занять место Верховного Главнокомандующего?

Николай коротко кивнул. Он всё продолжал смотреть в окно, сохраняя совершенно спокойное лицо, но там, в душе, в сердце — у него разразилась такая буря, какой бы не пережил целый мир. Разлучённый судьбой с семьёй, не в силах обнять ни Аликс, ни детей, отдавший под давлением престол, бывший "господин Земли Русской" держался из последних сил.

— Пока что я не могу сказать, что никто не сделает попыток нового переворота. Москве и Петрограду кажется, что я нахожусь под властью правительства. Благо, никакие телеграммы, которые бы могли разубедить кого-либо, из Ставки не уходят. Да и связь с

самими министрами у их былой опоры затруднена. Но всё равно, никого лучше пока что не злить. Никки, ты помнишь, в восьмом году в Америку начали уходить первые пароходы с нашим золотом? А в январе этого года, каких-то два месяца назад, полторы сотни чемоданов с имуществом Дома уплыло в Альбион?

Николай перевёл взгляд на Кирилла, едва-едва склонив голову набок. В глазах появилось некоторое непонимание.

— Романовых хотели бы лишить права на эти вещи. Ведь это собственность царского дома…А без царя, а тем более — владельца немалой части этих чемоданов, драгоценности бы навсегда попали в руки Виндзоров. Не сомневаюсь, что золото уже могло пойти на выкуп английских акций из рук американцев, камни же, скорее всего, займут почётное место на короне Георга или в шкатулочке его семьи. Мне едва удалось добиться, чтобы царский дом остался у власти. Россия ещё может требовать обратно своё достояние. Никки, ты же знаешь, что стране понадобятся гигантские средства после войны.

— Ты хочешь добиться их возвращения с моею помощью? Но как ты себе это представляешь? И не кажется ли тебе, что это слишком низко, христарадствовать бывшему самодержцу? — всё то же непроницаемое лицо и буря внутри. — Неужели ты думаешь, что они вернут нам средства?

— Не сейчас, не в ближайшие месяцы, но — вернут. Мы их заставим это сделать. На следующей неделе в Лондон и Париж из Архангельска отплывёт пароход с представителями нашей дружеской миссии на борту. В задачи этой миссии будет входить, скажем так, инспекция состояния нашего корпуса на Западном фронте. Павел Александрович возглавит эту миссию.

То был единственный оставшийся в живых к семнадцатому году из сыновей Александра Освободителя, блестящий офицер, дамский угодник. Когда-то он был женат на греческой принцессе, но та умерли при родах сына Дмитрия, которому Богом суждено было участвовать в убийстве Распутина. А потом он влюбился в разведённую Ольгу Карпович. Тайные встречи, ухаживания, трое детей, брак, дарование Карпович титула княгини Палей, недолгое командование гвардией, которому помешало слабое здоровье сына царя-освободителя. В феврале Павел предлагал проект Конституции, заполучил подписи под эти проектом многих Романовых, но Аликс с усмешкой наблюдала за этим действом, не зная, что вот-вот станет не женой, а матерью императора…

— Я же прошу тебя, Николай, отправиться вместе с ними. Союзники вряд ли тронут тебя в Англии или Франции…

— То есть, что ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что они могут попытаться устранить и тебя, и всю твою семью. Из-за денег и влияния на Россию. Тебе же известно, что Гучков владеет огромными вкладами в английские фирмы? Или что он постоянно общался с Палеологом и Бьюкененом в дни перед самым переворотом. Союзники слишком уж дерзко гонятся за любой выгодой. А барыши от разыгранной комбинации сулили гигантские. Представь, прерывается линия тех, кто имеет права требовать возврата огромных средств, осевших на Западе. Появляется возможность контролировать Россию — и устранить исходящую от неё опасность…

— Когда Русская армия вот-вот вышла бы к Междуречью, Царьграду и Будапешту, — Никки задумался. Похоже, он сам не раз проигрывал в голове своей подобные мысли. Не зря бывший самодержец написал, что повсюду измена и обман. — И это создало бы угрозу владычеству Британской короны. Да, я понимаю, о чём ты, Кирилл. Что ж, возможно, мне и вправду стоит поговорить с Георгом и Раймондом, — Николай имел в виду президента Франции Пуанкаре. — Лично. Но я всё равно не могу поверить в возможность невозбранного моего проезда в качестве эмиссара в Париж и Лондон.

— Я возьму это на себя, Николай. Доверься мне, прошу. Думаю, что в Лондоне или Париже тебе грозит меньше опасности, нежели в Ставке или Петрограде. Не будут же союзники, если даже захотят, убирать такого человека на виду у всего мира. Да ещё и страшась возможных подозрений, которые точно появятся. Ведь ты же не думаешь, что они

не захотят довести начатое до конца?

— Я только хочу, чтобы с моей семьёй всё было в порядке, — Николай наконец-то обрёл решительный вид, даже произнёс эти слова с особым нажимом, даже с жаром.

— Я сделаю всё возможное и невозможное. Обещаю, что за каждый волос, который упадёт с головы Алексея, Аликс или Великих княжон, виновные позавидуют обречённым на вечные муки в Чистилище…

И тут где-то на улице раздался громкий хлопок. Задрожало стекло, послышались многоголосые крики и отрывистые команды.

Сперва Кириллу в голову пришла воистину безумная мысль: немцы прорвались в Ставку, — но через мгновенье эти подозрения развеялись. В окно можно было разглядеть большое пятно гари на мостовой, нечто, оставшееся от человека, и ещё несколько людей вокруг, раненых или убитых — понять было трудно.

— Похоже, это по нашу душу, — бросил уже на ходу Кирилл, спеша на улицу.

Вокруг уже собиралась потихоньку толпа зевак, которую оттесняли сотрудники Службы Императорской Безопасности в жандармских мундирах. Несколько офицеров, проходивших невдалеке, даже пришли на выручку. Хотя, конечно, это было редкостью: уважение и помощь "мерзким синемундирникам", которые презирались обществом.

Кирилл застыл в дверях, не торопясь подойти поближе к месту взрыва. Скорее всего, не вовремя сработала бомба террориста, но он мог быть не один. Так погиб Александр Второй. Первая бомба достала конвойных, царь вышел посмотреть, что случилось, помочь — а вторая бомба уже достала и Освободителя. Ещё бы несколько часов, и в России могла появиться Конституция…

Один из сотрудников Службы, завидев Кирилла, заторопился к Главковерху — докладывать. А пока что несколько очевидцев из охраны дома рассказывали о том, что видели.

— Отделился от какой-то компании, с правого фланга, — офицер охраны показал на правую часть улицы. — Затем побрёл по тротуару, всё приближаясь к дому. Мне это совсем не понравилось. К нему подошёл поближе один из жандармов, спокойно обратился — и внезапно раздался взрыв.

Да уж, коротко и ясно.

— Ваше Высокопревосходительство! Только что сорвана попытка покушения на персоны Вашу и… — жандарм заметно замялся, на языке у служивого явно вертелось "Его Императорского Величества". — И персону Николая Александровича. Неизвестный пытался проникнуть на территорию вверенного нам дома, но был остановлен подхорунжим Устряловым! У террориста раньше времени взорвалась адская машина, смертельно ранив подхорунжего и бывшего рядом с ним казака Конвоя лейб-гвардии старшего урядника Мелехова.

Хотя голос жандарма звучал уверенно, но на лице его отражалось смятение: по самой Ставке ходят бомбисты! И ведь эсеры-то объявили об оборончестве, их Боевая организация давно не давала о себе знать. Может, в ответ на подавление петроградского мятежа? Но Кирилл понимал, что вряд ли такое было возможно. Нет, желания эсеров снова заявить о себе, "бомбануть" кого-нибудь нельзя было не учесть. Однако в Ставку они бы просто так не пробрались. Да и зачем? И в Петрограде, и в Москве, и в Киеве, и даже в Гельсингфорсе было достаточно более лёгких целей. Нет, это были далеко не эсеры.

А толпа всё росла. Постепенно начали стекаться полицейские, жандармы, офицеры и нижние чины, чиновники, жители Могилёва. Потом прибыл и комендант Ставки, на автомобильном экипаже, раскрасневшийся, взглядом, кажется, готовый прожечь даже линии германской обороны до самого Берлина. Он рассыпался в заверениях, что это больше не повторится, что меры будут приняты, и так далее. А заодно, словно цепной пёс, поглядывал в глаза Великому князю: не хотел терять места…

— Что ж, надеюсь, личность этого бомбиста и люди, которые стоят у него за спиной, в скорейшем времени будут выяснены.

Вообще-то, бомбист мог пройти и дальше, и адская машинка могла бы сработать и внутри дома. Сизова просто с некоторых пор по городу сопровождал небольшой отряд Службы Имперской Безопасности, в котором как раз состоял и погибший подхорунжий. Покой Николая стерегли только несколько казаков Конвоя, обычно пропускавшие внутрь большинство посетителей. Во всяком случае, они бы остановили бомбиста намного позже, нежели Устрялов.

Но сама личность бомбиста была не так важна, как личности направлявших его действия. Кто это мог быть? Германцы? Нет, вроде, не их стиль. К тому же зачем поднимать лишнюю шумиху в Ставке? Они уже должны были догадаться о том, что один из их "разведчиков" уже схвачен Службой, и рассказывает всё, что ему известно о германской агентурной сети. Надо сказать, знал этот выдававший себя за поляка безбожно мало, так, с десяток малозначительных персон и несколько явочных квартир. К тому же за указанными лицами уже "пришли компетентные органы". И, судя по всему, германская разведка уже знала о том, что их сеть потихоньку накрывали. Это заставит их задёргаться, беречь тех агентов, которые пока что считаются нераскрытыми. То есть тех, кто согласится на работу во благо России. В общем-то, выбора у таких шпиков особого не было. Правда, таких "выживших" будут проверять и перепроверять, скорее всего. Но уж с этим как-то можно будет разобраться. А новых разведчиков, которые придут на смену раскрытым, можно будет отлавливать и перевербовывать. Жалко, что Служба далеко не так сильна, а её работа не столько налажена и отточена, как деятельность СМЕРШа, но всё придёт со временем.

С другой стороны, это мог быть и намёк Рейха. Тоже можно это предположить. Однако это могли быть и союзники: убрать бывшего царя, выдав всё за действа эсеров или германцев. Каков был смысл этого? Николай мог, пользуясь тем, что его сын сейчас зовётся императором, в дальнейшем вернуть себе власть. Всё-таки — Россия, и самодержец мог себе позволить здесь многое. Николай был опасней для союзников, чем ребёнок, "солдафон" Кирилл, за которым водились (по мнению "общественности") грешки заигрывания с либералами, или же министры-либералы. А так — твори что хочу…

Сизов просто помнил несколько интересных вещей. Например, в первые дни после устранения Николая в Тобольске тамошний комитет точно сообщил о судьбе самодержца, о его убийстве, а вот о семье лишь было заявлено, что они "в надёжном месте" — на том свете. А вот, скажем, судьбу других Романовых, Михаила и прочих, комитеты скрывали, ссылаясь на то, что какие-то неизвестные люди в солдатской форме увели "граждан Романовых" в неизвестном направлении. Зачем было скрывать? Затем, что могли и вправду не знать об их судьбе. Здесь могли поработать и другие люди, а точнее, силы. Боялись же только бывшего царя, мирно жившего в глухомани. А просто так Советская власть бояться не могла. И союзникам тоже не нужен был претендент на престол, или, точнее, законный хозяин трона. Да и кредитор огромных средств, ушедших за рубеж в качестве залогов, вкладов на сохранение и вложений в так и не созданную после войны международную валютную систему…

— Эх, тяжела доля засланца, — про себя, нервно прошептал Кирилл, возвращаясь в комнату, где у окна застыл Николай Александрович. — Никки, прошу тебя, решайся. Ты же видел, что здесь могут с тобою сделать. Даже в Ставке невозможно укрыться от гибели. Ведь ты не знаешь, но на Юденича, которого я назначил начальником штаба, тоже хотели совершить покушение. Николая Николаевича ждала пуля в сердце. Я не хочу, чтобы ты погиб здесь, как некогда Освободитель. И к тому же кто ожидает, что на пароходе будет сам Николай Романов?

— Surprise for dear George, — проговорил Николай. — Может быть, может быть…

"И всё-таки Николай слишком легко подпадает под чужое влияние" — невесело подумал Кирилл. Но если бывший самодержец согласится, то будет решено сразу столько проблем…

— Прошу прощения, у Вас не занято?

Маленький кафе-шантан в Петрограде, "Приют комедиантов", сейчас был практически пуст. Что сказать, хоть и время не самое раннее, семь часов вечера, и вроде популярностью пользовалось, да только — недавнее восстание! Люди всё ещё побаивались лишний раз выходить на улицу. К тому же — Кутепов. Новый глава округа сразу ужесточил порядки в Петрограде. Был введён комендантский час с десяти вечера, так что любого человека, не получившего специальное разрешение лично в штабе Кутепова, могли задержать и привести в ближайший околоток. Патрули, по три человека с винтовками и ещё одним автоматчиком, стали частым явлением даже в солнечное, дневное время. Любые скопления людей теперь вызывали у военных подозрения. А уж что творилось на Выборгской стороне! Там совсем плохо стало для "весёлого" народа, "котов", к примеру. Нет, конечно, вольницу совсем удушить нельзя было, не за такое время, и военных, бывало, можно было подкупить, с ними можно было договориться — или убить. Через два дня после введения комендантского часа на Выборгской нашли мёртвым целый патруль. Похоже, их ждали. Вокруг трупов валялись стрелянные гильзы, запах пороха стойко въелся в пальцы и окровавленную одежду: патруль отстреливался. Неподалёку лежали тела нападавших, где-то с полтора десятка. На банду не было похоже, скорее, кто-то из депутатов Совета решил продолжать борьбу руками чернорабочих и вооружённого сброда. Дело произошло не на самой глухой улице, но жители окрестных домов будто бы оглохли в ту ночь. Все. Разом.

Кутепов, узнав о том случае, не рассвирепел, нет: он просто приказал отправить сотню солдат и шесть десятков городовых, да несколько дворников, из знавших все тамошние злачные места. И приказал никого не щадить, если будут сопротивляться.

Ночью началась настоящая битва. Кабаки, ночлежки, притоны, доходные дома: городовые дворники, прекрасно знавшие всю подноготную их обитателей, вели от одного "дна" к другому. Обычно врывались без всякого предупреждения, приказывая всем ложиться на пол и не двигаться. Если кто-то пытался сопротивляться — разговор был короток. Затем выживших доставляли в околотки или прямо в тюрьмы. Кутепов прекрасно понимал, что это всего лишь капля в море, но надо же было с чего-то начинать, что-то делать!

При этом Александр Павлович, по совету начальника петроградского сыска, воспользовался опытом таких же облав Аркадия Францевича Кошко, главы всего уголовного сыска империи.

Чтобы не придать дело огласке раньше времени, участников будущей облавы собирали вместе, не выпуская из помещений до самого начала. У самого Кошко могло до тысячи городовых томиться и маяться от безделья до назначенного часа. Затем оцеплялся весь район — и так несколько раз, день за днём. За какие-то пару лет, например, кражи на Пасху и перед Рождеством совершенно прекратились, хотя ещё в первый год пребывания Аркадия Францевича на посту главы московского сыска за один день случалось до тысячи краж.

Вот и сейчас день за днём Кутепов оцеплял район за районом, и его люди, как снег на голову, врывались в ночлежки и забирали всех "в нужное место".

В первую ночь после облав на патруль, усиленный, вечером попытались напасть. Солдаты и городовые ответили огнём, уже готовые к такому повороту событий. Бандиты отступили, скрылись в подворотнях, оставив на "поле боя" шестерых раненых и троих убитых товарищей…

— Прошу прощения?

Сидевший за столиком человек, похоже, в первый раз не расслышал просьбы. Мысли его, судя по лицу, блуждали где-то далеко-далеко. Карие глаза затянулись паволокой мечтаний, а высокий лоб бороздили волны размышлений. Старший лейтенант Балтийского флота Дмитрий Петрович Бобрев витал в облаках.

— У Вас не занято, сударь? — странный тип смотрел прямо в глаза Бобреву. Тот медленно-медленно кивнул.

— О, нет, садитесь. Я только всё жду одного человека. Но, думаю, он придёт ещё нескоро, — рассеянно улыбнулся Бобрев.

— Как интересно, сударь, как интересно. А Вы, случаем, не знаете, последней сводки с

Северного фронта?

— Сводку с Северного фронта? А откуда же… — Бобрев мигом закрыл рот, так быстро, что даже были явственно слышны клацнувшие зуб. — Да, она мне известна. Фронт стоит, а люди гибнут. Скорей бы это всё закончилось, что ли.

— Замечательно, сударь, думаю, Вам уже ни к чему ждать гостя.

— О, да, я того же мнения, — Бобрев напрягся. И правду, ждать никого уже не стоило: гость пришёл — он сидел как раз напротив старшего лейтенанта.

Дмитрий Петрович весь напрягся.

— Давайте пройдёмся, Дмитрий Петрович? Здесь так душно и людно, — этот странный гость не отрывал своих глаз от Бобрева.

— И вправду, душно здесь, душно. Прошу, — Бобрев оставил несколько монеток на водку половому, поднялся из-за стола и двинулся к выходу. — Нехорошо даже. Снова бы на море, чтобы ветер дул прямо в лицо!

Незнакомец оставался у старшего лейтенанта прямо за спиной. Оба вышли из кафе-шантана и побрели по улице.

— Ваше предложение всё ещё остаётся в силе, Дмитрий Петрович? — издалека начал незнакомец.

— Думаю, что да, господин….

— Зовите меня Иванов Иннокентий Викторович. Запомните, Дмитрий Петрович? — улыбнулся белозубой улыбкой незнакомец. По мнению Дмитрия Петровича, из этого типа был такой же Иванов, как из Бобрева — Шмайсер. Но свои мысли на этот счёт он оставил при себе.

— Благодарю, постараюсь не забыть, память пока что не подводила, к счастью.

— Замечательно, — Иванов произнёс это слово протяжно, смакуя каждый звук. — Скажите, Вы правда считаете добытую Вами информацию стоящей своих денег?

— Более чем, — мечтательность Бобрева куда-то улетучилась, он весь напрягся, посерьёзнел. — Думаю, что мне даже придётся попросить на тысячу рублей больше. Знаете, вся эта инфляция, нервы…

— Думаю, с этим никаких проблем не будет. Если, конечно, Ваши сведения стоят того.

"Да, хватка у этого Иванова точно не из слабых. Всё время к делу требует перейти. Ну уж потерпи, милчеловек, потерпи" — подумал Бобрев.

— Думаю, что стоят, и много больше. Если хотите, могу намекнуть Вам, что я хочу сообщить. А Вы уж подумайте, стоит за это платить или нет.

Иванов не остановился, но Бобрев сразу уловил то, что походка его стала менее спокойной.

— Был бы очень признателен.

Вообще-то Бобрев уже дал понять, ещё в прошлый раз, что его сведения стоят немалых денег.

— Только сперва, знаете, хотелось бы апперетивчика. Мало ли…

— Дмитрий Петрович, а Вы не самый простой человек, как я погляжу, — Иванов улыбнулся одними тонкими, как лезвие стилета, губами. — Думаю, Вас устроит?

Пачка банкнот как-то незаметно перекочевал в руки Бобрева.

— Что ж, премного благодарен. Итак, середина августа четырнадцатого года, бедный-бедный кораблик "Магдебург" сел на мель, сдался нашей эскадре, а на его борту нашли несколько интересных, невероятно интересных книжек. Мне продолжать, Иннокентий Викторович, или я могу сразу получить все причитающиеся мне средства?

— Без сомнения, Дмитрий Петрович, — ещё несколько весьма и весьма объёмистых пачек. — Только ответьте, отчего же Вы, морской офицер, пожелали с нами сотрудничать?

— Карты, проклятые карты, — развёл руками Бобрев. Банкноты уже нашли себе тёпленькое местечко за пазухой.

— Карты, вино и дамы погубят империю, Дмитрий Петрович, вот увидите, — оскалился Иннокентий Викторович. — Но — продолжайте, продолжайте, я Вас внимательно

слушаю.

— Ах, да! Так вот, в одной интересной книжечке, которая попала в наши руки, была таааакая интересная таблица. Или её ещё можно назвать шифром. Да, точно, это была сигнальная книжка. Так вот, эта книжка сейчас находится не только в руках Балтийского флота — но её читают где-то там, на берегах Туманного Альбиона. Думаю, эта информация как раз стоила своих денег. Иннокентий Викторович, прошу меня простить, мне следует поторопиться. В собрании меня хватятся через полчаса. А так…я вроде как и не покидал своей квартиры, сидел и пил от радости вино, заняв деньги на оплату карточного долга у своего давнего друга. А взамен оставил ему расписочку, такую маааленькую…

Теперь уже в руки Иванова попали листки с какой-то тарабарщиной. Но одного взгляда на пляшущие мазурку буквы Иннокентию Викторовичу хватило, чтобы сказать:

— Надеюсь, Ваша дружба с ним продолжится, Дмитрий Петрович. Вы бы не хотели ещё немного заработать? — этот Иванов не желал выпускать такую рыбку из рук. Всё-таки не каждый день господа из Балтийского флота сообщают, что ключ к шифрам германского флота находится в руках у англичан. Теперь много вставало на свои места. Подозрения подтвердились, теперь о них нужно было только сообщить "наверх".

— Может быть, может быть. Я бы не отказался от любезности этого давнего друга и в дальнейшем. До встречи, Иннокентий Викторович. Думаю, Вы знаете, как меня найти.

— Я дам о себе знать, Дмитрий Петрович, когда у Вас появится возможность снова получить взаймы у этого друга…

— Как считаете, он что-нибудь подозревает? — восковое лицо, чем-то неуловимо похожее на лик молодого Горького. Те же усы, похожая причёска, глаза с прищуром, скромный пиджак. Только

Уже немолодой Сергей Васильевич Зубатов. После отречения царя в пользу своего сына он попросился на службу — снова. Почувствовал, что нужен, необходим сейчас стране. Зубатов боялся, что монархия может вот-вот рухнуть. Только Сергей Васильевич не ожидал, что его поставят главой петроградского отделения только-только образованной Службы Императорской Безопасности. Сейчас он разговаривал с одним из самых ценных агентов Службы, только что вернувшегося с блестяще выполненного задания.

— Может быть, ему в голову и закрались какие-либо подозрения, но со временем они уйдут.

— Что ж, надо продолжать работать в этом направлении. Будем работать с удвоенной энергией: лично регент следит за успехами нашей работы! Вам выпала огромная честь!

— Благодарю, но я просто исполняю свой долг, Сергей Васильевич…

Глава 28

Солдаты были только-только от котла. Поев чечевицы и немного селёдки, вспоминая с некоторым вожделением "сытное былое" — гречневую кашу с мясом — построились в шеренги. Правда, со стороны этот строй уже не производил прежнего впечатления, одежда поношенная, сапоги просили каши, сумрачное выражение на лицах. Да и грязь повсюду…

Да-с, такой была вторая стрелковая бригада Северного фронта. Великий князь Николай Николаевич, скорее всего, пришёл в ярость при виде этого, пожелал бы дать по морде кому-нибудь из солдат, обругать начальника, заодно обкостерив офицеров. Но сейчас перед этим строем стоял не Николай Николаевич, и не Рузский — сейчас перед ними стоял Лавр Георгиевич Корнилов. Это было второе его выступление перед солдатами.

— Я сомневаюсь, что ещё кто-то не знает о подавлении мятежа в Кронштадте. Предавшие долг и честь Родины, матросы, не нюхавшие пороха, не ходившие в атаку на германские окопы, не бившие немца — отказались воевать. Да они вообще, воевали? Нет! Но

пока вы все проливали кровь во имя своей страны и своих семей, эти изменники убивали своих офицеров — и понесли должное наказание. Весь мир узнает о том, как низко пали матросы Кронштадта, уподобившись зверям! С ними спелись и запасники батальонов столичного гарнизона. Они тоже не захотели воевать, ни разу не увидев вражеских окопов! Им плевать, как вам, русские люди, здесь тяжело! Они хуже немцев, они хуже изменников, они хуже людей! С такими у нас разговор короткий! — командным голосом вещал Корнилов, глядя на построившихся стрелков.

Позади Корнилова как раз затравленно озирались по сторонам окружённые караульными люди, человек сто. Некоторые из них, правда, с усмешкой, а то и с ненавистью смотрели на вещавшего Корнилова, на солдат, на свою стражу.

— Теперь всех трусов, дезертиров, предателей, которым захочется бросить своих фронтовых товарищей, предать царя и отечество, дорога в штрафной батальон. Такие люди будут искупать свою измену кровью. Германской. Или своей, — Корнилов особо выделил последнее. — И уж можете поверить, пощады к таким людям не будет никакой.

Гробовое молчание. Солдаты осознавали смысл нововведения. Начальство, похоже, хотело взять за горло фронтовиков. Только вот и тыловых надо было бы приструнить…

По этому поводу Лавр Георгиевич по прямому проводу сообщался с Великим князем Кириллом. Операторы "Бодо" волновались, но всё-таки отбивали сообщения с невероятной скоростью. Ещё бы, такое начиналось-то!

"Северный фронт узнал о введении штрафных батальонов. Как предлагаете их использовать?" — выбивал в Пскове телеграфист.

"Посылать в авангарде. Позади необходимо оставлять нескольких пулемётчиков и надёжные части. Любую опасность перемёта на германскую сторону или бегства — пресекать. Штрафники должны понимать, что их единственная надежда — победить. Сейчас нужны жёсткие меры" — последовало в ответ.

"Тыл необходимо менять. Ужасное состояние. Солдаты без сапог, проблемы с огнеприпасами и продовольствием. Овса и сена коням не хватает. Перебои с поставками топлива"

"Уже вечером по фронтам разойдётся приказ о перемещении на должности снабженцев фронтовиков. В первую очередь — надолго потерявших боеспособность из-за ранений, но готовых работать на благо страны. Нужны стойкие люди, которые бы не поддались быстрому растлению тыла. Привлекайте беженцев для разгрузок эшелонов и доставки грузов. Вскоре будут вновь призваны на службу сотрудники министерства внутренних дел и пограничной стражи, вышедшие на пенсию. Некоторое число будет направлено и для нормализации работы тыловых служб. Поддерживайте жёсткую дисциплину везде. Особенно жёстко относитесь к дезертирам и отказывающимся воевать, желающим замириться. К Вам уже выехал для военной агитации Николай Степанович Гумилёв. Вместе с ним будет несколько не менее ценных сотрудников Службу Имперской Безопасности. Окажите всяческое содействие. Верховный Главнокомандующий Кирилл Романов".

Оператор "Бодо" в Ставке отёр пот со лба. Да, интересно развивались события! Этот же телеграфист выбивал сообщения главнокомандующим фронтами перед отречением Николая.

— Ваше Высочество, Псков ответил: "Всё будет сделано. Обещаю, дисциплину восстановим. Всеми мерами. Жду Гумилёва и жандармов. Главнокомандующий Северным фронтом Лавр Корнилов".

— Хорошо, — Кирилл кивнул. Он надеялся, что штрафбатов будет создано не так много. Пока что туда попали только кронштадцы и некоторые запасники гвардейских батальонов. Нужно было показать, что ждёт всякого, кто пойдёт против командира и царя, чтобы не допустить падения дисциплины. Конечно, без нормального снабжения и при бесконечном сидении в окопах боевой дух на должном уровне держать нельзя. Но что оставалось делать? Эту войну надо было закончить с победой. Иначе к чему миллионы погибших, раненых и пленных, которых в известной Сизову истории просто постарались забыть, обозвав эту войну "империалистической"…

Вечером прошлого дня Николай Степанович Гумилёв попросил Главковерха его принять.

Поэт был сильно взволнован, на его лице угадывалась напряжённая работа мысли: сомнения, размышления, надежда, боязнь, стеснительность и многое, многое другое

— Николай Степанович, судя по всему, Вы пришли проситься не назначать Вас главой Осведомительного агентства? — иных причин для столь странного визита и усталого вида Гумилёва Сизов придумать просто не мог.

— Да, Вы угадали. Я думаю, что мне не справиться с работой. Мне не хочется сидеть где-то в Петрограде на крыше напротив Таврического дворца, зачитывая "Незнакомку" снова и снова, когда вокруг кипит, бурлит жизнь! Для меня более привлекательна работа в какой-нибудь дивизии или полку. На передовой. Именно там, а не в кабинетах, жизнь, я могу ощутить её биение, я там нужен. А не в качестве главы аппарата чиновников, которым не под силу стать поэтами, и поэтов, которым ненавистна мысль стать чиновниками.

— Что же, — Кирилл на мгновенье задумался. — Вы не против назначения Вас в качестве одного из сотрудников Осведомительного агентства Северного фронта? Именно там наихудшая обстановка с дисциплиной. Вы там будете на своём месте, Николай Степанович. Готовы приступить к работе?

— Есть, Ваше Высочество! — Гумилёв подобрался. Ну вот, наконец-то более или менее военный вид! Таким, наверное, его видели немцы и австрийцы.

А потом наконец-то доложили информацию о взрыве у дома Николая Александровича.

Личность бомбиста удалось установить: Зимин Сергей Михайлович, из разночинцев, служил чиновником при отделе снабжения. В подозрительных компаниях не замечали, во всяком случае, иного пока что никто не сообщил. В карты не играл, бывало, пил, но запоями не страдал. На работу в Ставку перешёл в декабре прошлого года, шёл на повышение. Наружного наблюдения за ним никто не устанавливал: Зимин в связях с вражеской разведкой не подозревался, сведений о его сотрудничестве со спецслужбами союзников тоже ничего не было известно.

— Маленький человек, прямо-таки Акакий Акакиевич, — невесело усмехнулся Кирилл.

— Так точно, Ваше Высокопревосходительство! Гоголь будто бы с него свою "Шинель" писал, — ответствовал докладчик из Службы. Да вот только не может человек в Ставке быть из ниоткуда. Мы пока что поднимаем причины его перевода в Могилёв, связи с политическими кругами и прочим. Но на это нужно больше времени. Пока что мы имеем только это немногое. Слава Богу, мы его хотя бы смогли опознать. В отделе снабжения не могли найти пропавшего сотрудника, об этом сообщили ещё вечером того дня, когда было совершено покушение. Опознали же по примете: Зимин никогда не расставался с маленьким, доставшимся от родителей серебряным крестиком. На шее трупа как раз висел он, взрыв его практически не тронул, только от гари пришлось отчищать.

— Вы замечательно поработали. Я надеюсь, что Вам удастся докопаться до истины в как можно более короткие сроки. Благодарю за службу.

Сотрудник Службы поклонился и вышел из кабинета Сизова. Да уж, с каждой минутой становилось всё интересней и интересней.

Кирилл засыпал долго, хотя и сильно устал. В голове копошились мысли о том, что ещё предстояло сделать, иногда "просыпался" разум Великого князя Романова, лезли его глупые мысли…

Новый день принёс новые хлопоты — вместе с новыми возможностями. В Ставку прибыло несколько оружейников, конструкторов, сам Аркадий Францевич Кошко, о котором наконец-то вспомнил Сизов, и ещё один очень и очень интересный человек — создатель "Ильи Муромца", одного из мощнейших бомбардировщиков Первой мировой.

Но сперва — новое заседание правительства. Министры потихоньку привыкали к новому положению, втягиваясь в работу. Долгие, изнурительные ежедневные беседы, демонстрации своих знаний и поддержки армии, которой смог заручиться Великий князь,

приносили свои первые плоды. Даже Гучков преобразился, настраиваясь на рабочий лад, в нём прибавилось задору и энтузиазма. Родзянко всё чаще улыбался, всё более уверенный в успехе деятельности кабинета министров, Владимир Львов подготовил проект преобразований церкви, Мануйлов рвался в бой — с предложениями о реформе просвещения. Кривошеин вольготно разместился в мягком кресле, перебирая свои записи. Кажется, это были необходимые для нормального осуществления земельной реформы бумаги. В центральных губерниях уже потихоньку создавались земельные комитеты, и вот-вот можно было ожидать первых договоров о передаче государственной земли в собственность крестьян. Почти три недели совместной работы был позади, и теперь многие уже задумывались над далёким будущим, а не над завтрашним днём.

Даже неожиданное назначение товарищем министра путей сообщения Трепова не вызвало особого сопротивления. Он в своё время показал себя блестящим организатором работы железных дорог, и на них царил относительный порядок. Такие работники сейчас и требовались.

— Кирилл Владимирович, министерство внутренних дел готово начать предложенное Вами перемещение заключённых на фронт. Думаю, это даже будет полезно для бюджета, содержать столько нахлебников. Однако Вам не кажется, что это вызовет протест общественности? — воззрился на Кирилла премьер, а по совместительству — министр внутренних дел.

— Уверен, что не такое уж и сильное волнение произойдёт в широких кругах. Люди с пониманием отнесутся к отправке на фронт преступников, которые искупят преступления борьбой за свободу России. Но необходимо создать все надлежащие для перевозки заключённых на фронт. Надеюсь, все попытки побега будут успешно пресечены. Однако политических заключённых должно доставлять на передовую раздельно, во избежание неприятных инцидентов. Штрафные батальоны также будут создаваться отдельно для дезертиров, отдельно для политических преступников, отдельно — для уголовников. В самом Петрограде, думаю, после облав господина Кутепова наберётся немало частей. Правда, довольно-таки сложно будет удержать их в повиновении на фронте. Но я уверен, что в конце концов эти части или будут на войне перекованы, или полягут за свою страну. Также должны быть пресечены любые попытки агитации, кроме как в пользу существующего строя и победы в этой войне. Но этим займутся сотрудники Службы Имперской Безопасности. Это уже дело не министерства внутренних дел. Что-то ещё?

— Призыв на службу старых служащих постепенно начинается. Пока что к работе приступили считанные десятки людей, но зато им известны настроения населения. Всё-таки служат они в той же местности, что и жили в последние годы. Так что все соседи у них как на ладони. Авторитетом многие также пользуются. Министерство планирует развернуться во всю мощь к началу лета.

— Медленно, но зато верно, — Кирилл кивнул своим мыслям. — Александр Иванович, Николай Виссаринович, — Гучков и Некрасов разом обратились в слух. — Как обстоят дела со снабжением армии и состоянием железных дорог?

— Пока что трудно наладить работу тыловых служб. Работа там растлевает любого человека, взяточничество, пьянство. Очень и очень трудно, Кирилл Владимирович. Нужны месяцы работы. К тому же пока нельзя сказать, как скажутся Ваши предложения о переводе в тыловые службы некоторых надёжных фронтовиков, думаю, два-три месяца, и всё станет ясно. К тому же фронт, как обычно, отказывается принимать запасников из Петрограда, особенно учитывая недавние события. Всё очень и очень сложно.

— Однако радует, что теперь доставку на фронт из северных портов облегчит новая ветка до Романова-на-Мурмане, — вступил в разговор Некрасов. — В Архангельске же положение ненамного лучше, нежели в том году. Многие грузы ещё с пятнадцатого года остаются на складах — нет мощностей для разгрузки — буквально врастая в землю.

Сизов понимал, что не всё так хорошо, как ему рассказывают министры, но всё-таки положение потихоньку должно было улучшаться. Ведь главное — "политическая воля" —

давала потихоньку дорогу способным людям и нужным инициативам. Правда, к сожалению, пока что только "верхушке", низы, мелкие чиновники на местах, не очень радовали.

— Василий Витальевич, уже готовы документы для начала работ обновлённых Дум? Мы должны дать доступ туда всем слоям общества, слить их с теми Советами, что ещё не удалось искоренить. К тому же мы охладим пыл многих людей, дав им возможность работать в новых представительных органах. Пока что пусть они начнут обсуждение проекта Конституции, думаю, это будет в самый раз.

— Да, Георгий Константинович Гинс и я уже подготовили нужные документы, — Шульгин кивнул. — Однако я не думаю, что стоит вводить всеобщее избирательное право.

— Мы должны охладить народный пыл, как это было в пятом году после издания Манифеста, и сделаем это именно сейчас. Крайне необходимо восстановить поколебленную опору царского престола. Я должен создать для Алексея Николаевича или, если он покинет нас по воле Бога, другого императора мощную и сильную Россию. Пусть люди говорят, а не кидают бомбы и не призывают к восстанию. Разговоры опасны только тогда, когда подкреплены силой, уверенностью и целеустремлённостью.

— Пётр Аркадьевич мог бы гордиться этим желанием, Кирилл Владимирович, — удовлетворительно кивнул Шульгин…

Заседание длилось ещё около получаса. Кривошеин добился подписания необходимых для продолжения и "углубления" земельной реформы документов, заверив, что пока что о переселении за Урал не идёт речи. Ресурсов и времени просто не хватит. Жаль только, что уже снова начинались проблемами со средствами казны. Инфляция всё росла, нужны были новые кредиты. Милюков пояснил, что союзники пока что не идут на изменение условий кредитования, требуя более активных действий на фронте.

— Что ж, они их получат, да так получат…Однако настаивайте на изменении условий и предоставлении новых средств. Угрожайте выходом из войны, пока что шантаж — это единственное наше оружие в борьбе за кредиты.

А Николай Александрович уже выехал в Архангельск, где к нему должны были присоединиться другие члены миссии, чьей официальной целью была инспекция Русской армии на Западном фронте.

После заседания правительства, первого по-настоящему рабочего, дельного с самого отречения Николая, предстояло ещё одно — с оружейниками, создателем "Муромца" и Аркадием Францевичем Кошко, оно проходило в том же помещении, где состоялось собрание кабинета министров.

Сизов за руку здоровался с каждым вошедшим. Первыми прошли Дегтярёв с Токаревым, только-только общавшиеся с теми кирилловцами, что испытывали на импровизированном полигоне пистолеты-пулемёты. Оба оружейника находились в приподнятом, даже боевом настроении: они предвкушали новые горизонты работы. Тем более кирилловцы поделились своими мыслями по поводу улучшения конструкции. По мнению, к примеру, Аксёнова, требовалось разместить магазин, и не дисковый, а коробочный, снизу ствола, чтобы устранить проблемы с балансировкой. Кое-кто ещё настаивал на утяжелении спускового механизма, что привело бы к уменьшению скорости стрельбы — и большей её надёжности. К тому же пистолет-пулемёт не поедал бы такое количество патронов.

А вот после Дегтярёва и Токарева вошёл Сикорский. Горделивая осанка, внимательный, вдумчивый взгляд невероятно светлых глаз. Авиатор скупо пожал Кириллу руку, сразу заметив, что очень хочет перейти к делу, к работе.

За ним — Кошко. Уже немолодой гений сыска, всё ещё державший себя в форме, способный показать, на что способна полиция, улыбчивый, он раскланялся с Сизовым, рассыпаясь в поздравлениях удачи на посту Главковерха. А глаза, прищуренные, похоже, потихоньку составляли "досье" на Великого князя. Ведь именно Аркадий Францевич настоял, первым в мире, на создании досье на каждого преступника, в котором бы содержалась фотография уголовника, отпечатки пальцев, анатомические данные. Правда,

досье играло не только роль простого набора сведений: нередко преступники, глядя на инструменты для измерения диаметра головы, снятия отпечатков и прочего, думая, что их ждёт пытка, быстро сознавались в преступлении.

Также присутствовало руководители военных заводов, на которых производились патроны и винтовки.

— Итак, господа, похоже, даже для германских солдат не секрет, что в этом году наша армия намеревается добиться значительных успехов на Восточном фронте. Я надеюсь, противника в этом разубеждать не придётся, — собравшиеся дружно улыбнулись. — Пора бы припомнить пятнадцатый год Центральным державам, Луцкую операцию, Мазурские болота, химические снаряды и газовые атаки. Но для этого нам нужны гигантские усилия на военных заводах, в производстве оружия и огнеприпасов.

Кирилл поднялся со своего места и подошёл к повешенной на стене карте Восточного фронта. Кулак правой руки сжался, да так, что ногти впились в ладонь.

— Франция держит фронт в разы длиннее, нежели наш, но патронов и снарядов там намного больше, чем имеется в нашем распоряжении.

— К сожалению, в этом вина недостаточной организованности тыловых служб, промышленность работает на полную мощность, — заметил кто-то из оружейников.

— Да, я согласен, что доставка вооружения на фронт заметно хромает. Много что могло быть лучше, однако не стоит мечтать, стоит действовать, господа. Взгляните на эти гигантские просторы, — Кирилл кивком указал на карту. — Они требуют чего-то невероятного. Однако я не предлагаю невероятное. Я предлагаю действенное.

— Что именно, Ваше Высочество, что? — кажется, это был представитель Сестрорецкого завода, нетерпеливый, словно молодой участник Боевой организации.

— Оружейные заводы должны в как можно более короткие сроки начать переходить на производство карабинов конструкции господ Токарева и Дегтярёва. Сестрорецкому же заводу, надеюсь, удастся взяться за производство автоматов Фёдорова в количестве трёх тысяч штук до середины апреля этого года и максимально возможного количества.

— Боюсь, Ваше Высочество, сделать это будет трудно. В такие короткие сроки — это довольно-таки проблематично. Смею предположить, что вряд ли более тысячи штук будет произведено за такое время. Завод напрягает все свои силы для выполнения государственных заказов. К тому же Вам известно, Ваше Высочество, что существует проблема в производстве патронов к автомату господина Фёдорова. Мы можем полагаться только на патроны к японской "Арисаке", шести с половиной миллиметровые патроны в империи пока что не производят. Мы работаем над этой проблемой, но… — представитель Сестрорецкого завода развёл руками. — Я не могу ничего обещать, Ваше Высочество, но мы попытаемся выполнить Вашу просьбу. Может быть, удастся, как в прошлом году, сделать рывок вперёд. Только вот…проблема с настроениями в стране. Мы боимся, что могут начаться крупные забастовки и на Сестрорецке.

— Министерство внутренних дел и Служба Имперской Безопасности позаботятся об этом. В остальном же Вам будет оказана посильная помощь. И ещё, господа. Армия нуждается в массовом создании самолётов, а именно аэропланов "Илья Муромец". Что скажете, господин Сикорский, этого возможно добиться? Примерно за месяц можно произвести некоторое количество Ваших самолётов? Примерно три или четыре десятка штук.

— В общем-то, теоретически, это возможно. Но за, практически, один месяц? Это потребует напряжения сил. К тому же аэроплан — это не винтовка, это намного большее. Здесь потребуются пилоты, керосин, вооружение, бомбы.

— Между прочим, господин Сикорский, возможно ли использовать корабли как взлётные площадки для "Ильи Муромца"?

— То есть? — Сикорский напрягся. — Взлетать прямо с палубы? Это возможно только на больших кораблях, да и то, вряд ли возможно будет перевезти большое количество "Муромцев" на одном корабле. Иначе могут возникнуть проблемы с сохранностью. Однако

это неплохая идея. Да…

— В таком случае мы сможем облегчить доставку "Ильи" к необходимому месту, даже отдалённому от наших позиций, и не потребуется дополнительных баков с горючим. Таким образом больше бомб можно будет взять на борт.

— Да, да, именно, — Сикорский взглянул на карту ещё раз. — Кажется, я понимаю, о чём Вы. Рискованно. Но может получиться. Очень даже может.

— Прекрасно. Итак, господа оружейники, подведём итоги: нам нужно за этот месяц энное, максимальное количество автоматов системы Фёдорова, как можно большее количество винтовок, патронов к ним. Плюс до конца июня-начала июля — необходимо будет совершить переход на производство штуцеров. Все средства, которые мы сможем выделить, буду у Вас в руках.

Потом ещё долго обсуждали затраты на такое производство, условия поставок и многое-многое другое…

В конце концов остались только Сикорский и Кошко.

— Аркадий Францевич, как обстоят дела сыскные? — улыбнулся Кирилл.

— Сложно, Ваше Высочество, сложно. Уровень преступности после событий в Петрограде и Москве заметно повысился. Справляться всё труднее. Однако я надеюсь на выправление ситуации. Зимой всегда тяжелее: крестьяне маются от безделья, проблемы с продовольствием подогревают рабочих и бедноту…К лету станет проще. Однако, Ваше Высочество, надеюсь, Вы не станете ругать старого сыскаря: народ просто устал от войны. Мало кто уже понимает, зачем она, зачем тысячи людей гибнут на фронте, а не работают, не занимаются мирными делами. Я не хочу призывать Вас прекратить эту войну, это было бы сродни кощунству. Однако дайте понять народу, за что ему стоит продолжать напрягать все силы, докажите, что под Вашим руководством армия может и будет одерживать победы. А иначе…Страна просто на пределе своих сил…

— Я Вас понял, Аркадий Францевич, — да, Кошко говорил верно. Нюх не подводил начальника имперского сыска. — Надеюсь, Вы сможете справиться с тем, что творится в преступном мире. С этого дня я жду от Вас телеграмм. Если что-то понадобится: немедленно уведомьте меня. И, пожалуйста, сообщайте обо всех дельных, сметливых, талантливых людях, которым, по Вашему мнению, следует давать дорогу наверх. Империи нужны кадры. Кадры нынче решают всё, Аркадий Францевич!

— Благодарю, — Кошко откланялся. — Должен признать, не ожидал, совершенно не ожидал! Что ж, не премину воспользоваться Вашей просьбой.

А потом остался только Сикорский. Он долго смотрел на карту.

— Думаете разбомбить Константинополь "Муромцами", Ваше Высочество? — в глазах Сикорского плясали бесята.

— Именно. Они-то долетят до Босфора, скажем, из Севастополя. А вот обратно — это проблема. Однако я думаю, что лучше вешать не дополнительные баки с горючим, а бомбы. Это накладывает свои проблемы на полномасштабное использование авиации в этом деле. Я уверен, что самолёты — одно из тех средств, с помощью которых мы одержим победу в этой войне. И, чего греха таить, может быть, даже в этом году.

— Тогда я предлагаю использовать не корабли в качестве взлётных полос, а саму турецкую землю. Около Царьграда или, по крайней мере, на берегу Малой Азии должны найтись подходящие места для посадки и взлёта. Там же можно будет устроить импровизированные склады с запасами горючего, мастерские, места для отдыха пилотов и помещения для обслуги. А главное — арсеналы с бомбами. Скажем, после бомбардировки Царьграда можно будет повернуть именно туда, а не обратно, на Севастополь, так будет надёжней. Немного времени для отдыха, ремонта, заправки — и обратно, отправлять "конверты" с порохом на турецкие головы. А потом можно будет воспользоваться "Муромцами" для борьбы за Дарданеллы и турецкую Фракию.

Сикорский уже загорелся этой идеей. Да, каков масштаб, какой полёт мысли!

— Всё необходимое Вам будет предоставлено. Проблема, конечно, с пилотами.

Придётся собирать все наличные авиадивизионы.

"Но тогда возникнет проблема с обеспечением секретности, вряд ли противник не узнает о том, что все самолёты разом исчезли в местах их базирования. Сразу же зададутся вопросом, собственно, куда они делись. И вычислят рано или поздно Крым. А додуматься, против кого или чего можно использовать этакое немаленькое по нынешним меркам количество самолётов немудрено…Интересно, я уже стал думать об этих временах — "нынешние"…Привыкаю" — размышлял Сизов.

— Карт-бланш, Ваше Высочество? Постараюсь не подвести. Во имя Отечества, монархии и Бога, я это сделаю! — Сикорский церемонно поклонился. Взыграла польская кровь потомков крылатых гусар и хозяев гигантских просторов от Балтики и до Чёрного моря. Только это всё было в прошлом…

Глава 29

Вечером предстояло ещё одно собрание, в "узком кругу". Кирилл решил, что заседания правительства не подходят для создания по-настоящему рабочей обстановки и дельного обсуждения. На этот раз "на ковёр" в кабинет Великого князя прибыли Георгий Гинс, премьер Михаил Родзянко, министр юстиции Василий Шульгин, министр финансов Михаил Терещенко, обер-прокурор Владимир Львов и министр просвещения Александр Мануйлов с министром земледелия Александром Кривошеиным.

Министры и обер-прокурор слабо понимали, зачем устраивать ещё одно, какое-то выхолощенное заседание, но всё-таки явились все вовремя, перешёптываясь по поводу причин созыва Совета министров в таком урезанном составе.

— Господа, думаю, все удивляются, зачем я Вас здесь собрал. Однако же Вы всё скоро поймёте. Сегодня проходило лишь формальное заседание правительства. Сейчас же нам предстоит настоящее дело. Итак, господа, надеюсь, все помнят те многочисленные предложения Петра Аркадьевича Столыпина по реформированию страны, которые так и не удалось воплотить в жизнь?

— Более чем, Ваше Высочество, более чем, — вздохнул Василий Витальевич.

Шульгин вспомнил памятник великому премьеру, поставленный в Киеве напротив здания городской думы. Пётр Аркадьевич, в распахнутом мундире, с шапкой, зажатой в правой руке, как будто озирающий собравшихся внизу людей. Вот так же, говорят, он выступал перед людьми в бытность свою саратовским губернатором. И венки, десятки, а то и сотни венков, лежавших у подножия памятника. А ещё — сверкавшая на солнце надпись "Петру Аркадьевичу Столыпину — русские люди". И ставшее бессмертным: "Вам нужны великие потрясения — нам нужна Великая России". Кажется, это было так давно…

— Кирилл Владимирович, думаю, каждый из нас до сих пор хранит в своём сердце замечательные слова, великолепные идеи Петра Аркадьевича, — а это уже Кривошеин. Вспомнились разговоры о проведении земельной реформы. Блестящая от пота залысина, седеющие виски, густая борода. Острый взгляд умных глаз, навсегда запоминавшийся всякому, кто видел премьера впервые. И сложенные вместе мощные руки, которыми Столыпин наводил порядок в революционной стране, подписывал под предложением "раскаявшегося" революционера Тихомирова о преобразовании законодательных органов в законосовещательные "Это была бы злая провокация"…

— К сожалению, многие из них сейчас уже считаю запоздалыми, в войну их уже не провести, да и после войны. У государства просто не хватит для этого средств, Кирилл Владимирович. Казна пуста, Ваше Высочество, — заметил Терещенко, напрягаясь.

— Боюсь, что министр финансов прав, — Родзянко провёл рукой по заросшим щетиной щекам. — Да и запоздали они…

— То же самое говорили и самому премьеру. Тогда не хватило воли. Денег было достаточно. Ныне наоборот. Но деньги — это вещь приходящая, господа, — голос Кирилла стал таким же холодным, как безграничные просторы тундры в феврале. — Когда их мало —

это плохо, когда их много — ещё хуже. Деньги должны работать, а не пылиться в казне. Деньги должны делать деньги, как сказали бы финансисты.

— Полностью согласен, Ваше Высочество, — широко улыбнулся Терещенко, услышав близкие по духу слова Великого князя. — В Вас умер делец. Или как минимум министр финансов.

— Надеюсь, что политический деятель во мне умрёт не так скоро. Что ж, господа, господин Гинс, надеюсь, Вы будете по ходу моих слов будете намечать будущие законопроекты, — Георгий Гинс кивнул, отчего кончики его усов чуть-чуть дёрнулись, а глаза за стёклами прищурились.

Кирилл поднялся из-за стола, заложив руки за спину, вскинув голову. Его взгляд был обращён внутрь, в память. Она не должна была подвести, не имела на это никакого права.

— Сообразно предложениям Петра Аркадьевича, которые ещё в двенадцатом году должны были претвориться в жизнь, должны быть образованы новые министерства. В сложившихся условиях главенствующую роль должно играть министерство труда. Совместно с другими министерствами, земствами, городами и специалистами в области решения рабочего вопроса, со всеми желающими помочь улучшению рабочего благосостояния, новое учреждение должно выработать программу улучшения положения рабочих. Все промышленные и сельскохозяйственные предприятия, а также все земства, связанные вопросами улучшения благосостояния трудящихся, должны быть поставлены в своей деятельности под контроль министерства труда. Обсуждение новых законопроектов также отвлечёт множество людей, настроенных на вооружённое решение рабочего вопроса, а точнее, новообразующие Советы рабочих депутатов. Но об этом — несколько позже.

— Кирилл Владимирович, я думаю, что сейчас это было бы несвоевременно. В эпоху войны это внесло бы некоторую сумятицу в промышленность, в производство. Вы представляете, сколько стачек и манифестаций начнётся в поддержку этих законопроектов, против? — Терещенко передёрнул плечами. Ему вспомнились жуткие февральско-мартовские дни в Петрограде.

— Вот именно, против этих нововведений или за них. А не против власти и за революцию. Это две большие разницы, как сказали бы жители Одессы, — улыбнулся Кирилл. — Пусть кричат что угодно, а министерство внутренних дел должно будет направить это в более или менее мирное русло деятельности министерства труда.

— Кирилл Владимирович, моё министерство, конечно, использует все возможности для этого, но кто станет министром труда? Кто будет составлять его аппарат? Ведь у нас просто нет опыта, нет практики в этом деле. Война приковывает всё наше внимание, все наши силы пожирает фронт.

— Да, это будет сложно. Надо искать министра труда среди представителей левых партий, которые бы не отказались от сотрудничества с властью. Мы должны предложить таким людям возможность более или менее свободной деятельности в пределах полномочий, реальную возможность улучшения положения рабочих. В случае же отказа — мы можем раскрыть глаза народу на то, что левые хотят власти, а не улучшения положений тех людей, коих они зовут "пролетариатом". Думаю, это будет весомым аргументом, — Кирилл застыл за спиной Шульгина. — Далее. Должно быть создано министерство местных самоуправлений. В их руки должно передать некоторые отрасли государственной политики, которые выполняются на местах разномастными, многочисленными государственными учреждениями. В его ведение перейдут все дела отдела местного хозяйства при министерстве внутренних дел, а также спешно должна быть начата подготовка нового закона о земствах. К земствам и городам должно вернуться большинство полномочий, отнятых у них с шестьдесят шестого года, а также прибавиться множество новых. Я надеюсь увидеть в будущем нечто вроде штатных управлений Северо-Американских Соединённых Штатов. Того же хотел и сам Пётр Аркадьевич. Более того, во всех землях нашей необъятной империи должны быть созданы земства. Сибирь до сих пор их лишена. Я считаю, что Георгий Евгеньевич Львов, признанный авторитет, управляющий делами Земгора, может

стать подходящим министром местных самоуправлений.

— Однако, Кирилл Владимирович, после его снятия с поста министра земледелия…Захочет ли он этого? Не будет ли саботировать работу министерства и Совета министров? — Шульгин выказывал сомнения насчёт этого назначения.

— Думаю, Георгий Евгеньевич не откажется. Ему наконец-то представится возможность усилить влияние земств и городов, того, чего так хотели кадеты и Земгор. Во всяком случае, я молю Бога, чтобы князь не отказался от предложения, а занялся настоящей работой на новом посту. К тому же, господа, мы даём земской общественности то, чего она так давно желала. Поймут ли они отказ председателя Союза земств и городов взяться за это дело? Я сомневаюсь.

— Кадры, Кирилл Владимирович, где Вы найдёте дельные кадры? — а это уже Мануйлов. В нём заговорило ректорское прошлое. — Нужны дельные люди, откуда их взять? Да, в новое министерство может быть переведена некоторая часть аппарата министерства внутренних дел, а потом?

— И средства, зарплата, финансы, необходимые для деятельности учреждения? — опять Терещенко давит на больную мозоль. — Казна, Кирилл Владимирович, казна…

— Как раз вопрос о кадрах и будет решаться, если заработает другое предложение Петра Аркадьевича. В Петрограде, а потом, возможно, и в Москве должно начаться создание Академии государственной службы. Занятия в ней должны продолжаться года два или три. Студентами должны стать лишь те люди, что закончили учёбу по первому разряду высшие учебные заведения, а во время прохождения курса в таковых высших учебных заведениях показали себя наиболее способными и выдающимися среди других учащихся. Желательно также знание иностранных языков, двух, однако этот вопрос должно решать уже само министерство просвещения, на чьи плечи в первую очередь ляжет тяжесть создания Академии. В отделение Академии по подготовке ответственных чиновников для министерства народного просвещения должны приниматься лица, окончившие университет по историко-филологическому или физико-математическому факультету. В отделение Академии по министерству земледелия — лица, окончившие Петровско-Разумовскую академию или же аналогичное высшее учебное заведение. В отделение Академии по военному министерству — лица, окончившие специальные высшие морские и военные заведения. В отделение Академии по министерству путей сообщения — лица, окончившие институт путей сообщения или аналогичное учебное заведение. И так далее. Да, понадобится не так уж и мало времени. Но начинать надо именно сейчас. После войны, да даже и во время неё России потребуются дельные люди, способные, готовые служить стране не шпагой, а пером.

— Казна, Ваше Высочество, казна, — словно демон твердил Терещенко. Он просто более других министров был знаком с делами финансовыми, невероятно плачевными.

— А теперь — к вопросу о финансах. В своё время господин Коковцов пошел против практически двукратного увеличения бюджета, с четырёх миллиардов рублей до десяти в одиннадцатом году. Думаю, это сыграло весьма плачевную роль для государства, и многие наши проблемы сейчас возникают из-за не самой удачной деятельности тогдашнего министра финансов. На плечи господина Терещенко ныне же ложится введение прогрессивного подоходного налога таким образом, чтобы малоимущие классы совершенно были освобождены от него, а наиболее зажиточный класс должен нести основную тяжесть налогового бремени. Если наша промышленная буржуазия просит уравнения положения с западной в правах, то и в обязанностях она быть с нею равна. Иначе это будет глупость, как Вы считаете, Михаил Иванович? — взгляд Кирилла Владимировича сверлил Терещенко.

Министр финансов оказался в сложном положении. С одной стороны, он как раз относился к тому самому "наиболее зажиточному классу". Деньги терять не хотелось. С другой стороны, Михаил Иванович прекрасно понимал, что как с миллионов десятин собрать десять пудов сахарной свёклы дороже выйдет, чем с десяти десятин — миллион пудов, так и с богатых наиболее выгодно собирать налоги, нежели с бедняков…

— Я думаю, что это будет не самым худшим решением, Ваше Высочество, — нетвёрдо кивнул Терещенко.

— При этом должна произойти полная переоценка недвижимых имуществ, облагаемых налогами, которая должна выяснить не только реальную стоимость, но и реальную их доходность. В том же одиннадцатом году ценность недвижимого имущества, принимаемая во внимание при определении налога, была в десять, а то и пятнадцать раз меньше, нежели реальная. На все предметы производства должен быть установлен минимальный налог с оборота. Также как здесь, в Могилёве, так и в отделах министерства финансов должны быть образованы комиссии из финансистов, которые должны установить минимальную оплату труда, исходя из прожиточного минимума на семью из трёх лиц. Если же семья будет более чем из трёх человек, то должна быть отдельная плата для каждого дополнительного члена семьи. Также должна быть восстановлена продажа спирта, водки, вина. Её приостановка только лишила бюджет огромных средств и вызвала увеличение самогоноварения до невиданных размеров, смерть людей от отравления той дрянью, что варят в деревнях и притонах. К сожалению, надо будет изыскать сырьё для начала производства. С зерном сейчас проблемы, понадобится картофель или что-либо ещё. Беретёсь, Михаил Иванович?

"А что мне ещё остаётся?" — горестно подумал Терещенко и утвердительно кивнул.

— К тому же есть ещё один способ улучшить как финансовое положение страны, так и успокоить некоторые группы населения, влить их в созидание государства. Да, я говорю о еврейском вопросе. Пётр Аркадьевич пытался решить его, поддержанный Государственным Советом, Николай Александрович пожелал направить законопроект в Думу, однако он так и не был даже рассмотрен. Хотя на основании манифеста семнадцатого октября евреи имеют права домогаться уравнения в правах с другими народами. Ныне же можно отвлечь ещё не революционизированную часть еврейства, открыть путь для их коммерческой смётки и капиталов во всероссийскую экономику. Отчего так широко поставлены банковское, страховое дело в Европе? Там этим занимаются особо способные к коммерции евреи, у нас же особо изощрённо эта полезная для страны инициатива вовсю подавляется. Я уже не говорю об огромном количестве злоупотреблений со стороны государственных служащих и полицейских чинов. Довольно, господа, довольно! — Кирилл чувствовал, что вот-вот может услышать возражения со стороны Шульгина. Тот, судя по покрасневшему лицу, порывался что-то сказать, воспротивиться предложению Великого князя. — Все народы России под объединяющей эгидой русской народности должны вместе творить будущее империи, создавая из неё великое государство. Великая, Неделимая на зоны осёдлости, влияния, еврейские, чёрные и белые кварталы, Единая Россия — вот тот идеал, который мы будем отстаивать своими реформами.

— Браво! — Шульгин преобразился. Он вспоминал сессию Думы и спокойные слова Столыпина "Не запугаете!", аплодисменты и ту особую интонацию, с которой Пётр Аркадьевич произносил слово "Россия", за будущее которой он готов был отдать — и в конце концов отдал свою жизнь…

Шульгина поддержал Кривошеин, аплодируя Великому князю. Другие министры присоединились через считанные мгновения.

— Но это ещё не всё, господа. Надо быть готовыми к тому, что самые разные общественные круги в штуки воспримут мои слова и наши реформы. Да, именно наши, ведь мы созидаем будущее России вместе. Надо крепиться. И работать. К тому же, ещё не все мои идеи я успел изложить. Должны появиться министерства национальностей, социального обеспечения, здравоохранения, министерство по обследованию, использованию и эксплуатации земных недр. Также Святейший Синод преобразуется в министерство религий. Владимир Николаевич, — обер-прокурор деловито кивнул. — После издания указа о передаче всех земель церковных и монастырских в руки государства должно быть проведён Собор православной церкви, на котором должен быть восстановлен Патриарший Престол. Одновременно совместно с министерством национальностей нужно определить нужды не только православной, но также иных церквей. Должны быть созданы условия для лучшей

работы священнослужителей, сообщено об их нуждах, дана дорога способным людям наверх. Вы прекрасно знаете ту роль, которую сыграли священнослужители при тушении революционного пожара в пятом и шестом годах. Немало погромов было остановлено словом пользовавшихся авторитетом священников. Теперь их роль даже возросла. Однако их заработок, примерно в пятнадцать раз меньший, чем у земских учителей, землемеров и прочих служащих, отпугивает людей, бывшие семинаристы уходят в земства, переходят в другие высшие учебные заведения. Этому должен быть положено конец. Совместно с министерством финансов Вы должны выработать меры по изменению такого положения. К тому же…

Звук стучащих по дереву каблуков, скрип резко открываемой двери — и запыхавшийся адъютант Юденича на пороге.

— Ваше Высокопревосходительство, беда! На Северном фронте одна из частей ушла с позиций, перебив офицеров! Хотят своё правительство создавать! — красное лицо адъютанта покрылось капельками пота…

Первой тревожной ласточкой было неподчинение приказу полковника Худородова сменить уставшую часть, которая уже дней двенадцать находилась в окопах. Солдаты полка просто глухо взирали на командиров, говоря, что не хотят кормить вшей в окопах. Сперва говорили те нижние чины, что находились в глубине выстроившегося полка. Там всегда собирались те, кто "похрабрее", но "политически грамотней". Худородов приказал выйти вперёд тому, кто отказывается подчиняться приказу. Молчание. Сергей Павлович, только-только сменивший на посту командира части, неинициативного, ленивого, спавшего до полудня, забросившего все дела по работе с солдатами, не привык к такому отношению солдат.

— Я повторяю команду: выйти вперёд тем, кто отказался подчиниться моему приказу. Марш!

— Братва, достали! Домой! Домой! Наша хата с краю! Не будем воевать!

Эта часть была в основном из запасников, только-только пришедших на фронт из учебных рот. Кто-то "наверху" не учёл плачевного опыта Петрограда.

Худородов потянулся к револьверу — и тут же выстрел откуда-то из задних рядов вспорол ему живот. Полковник удивлённо посмотрел на тёкшую из пробитого мундира кровь.

— Гады, — револьвер всё-таки оказался в руке полковника. И тут-то началась сумятица.

Прежние запасники устроили пальбу по немногочисленным унтерам и офицерам, а заодно и по старослужащим солдатам, которые давно служили в полку — и не были настолько подвержены пропаганде и падению дисциплины. Жаль только, что таких было мало.

Всё очень быстро закончилось: бунтари просто задавили числом всех остальных и решили, пока сюда не подоспели верные части, рвануть к ближайшему селению. Какой-то щуплого вида солдат, хитро поглядывавший на резню, предложил перебить всех чиновников и офицеров в том посёлке и устроить свою "власть", а там и другие части нет-нет, да присоединятся! Быстро сколотивший вокруг себя самых рьяных бунтовщиков, он начал командовать этим стадом, обещая тепло, еду, самогон и "волю" — то есть полное безвластие и безнаказанность солдатиков. Естественно, бунтовщикам это понравилось.

По пути, к несчастью для восставших, кто-то решил перетянуть на свою сторону соседние части. Несколько десятков новоприбывших влились в толпу — но офицеры и унтеры вовремя смогли дать отпор. Пулемёты охладили пыл восставших, и те подались назад, огрызаясь выстрелами. Немедля сообщили в Ставку и соседние части. Быстро смогли наладить связь с главнокомандующим: Корнилов как раз совершал очередной объезд фронта. Лавр Георгиевич, не тратя времени на расспросы, приказал собирать против бунтовщиков артиллерию и пулемёты. Вызвали конные казачьи сотни.

А тот щуплый "вождь" уже управлял восставшим полком, организуя оборону. Хотя орудий захватить не удалось: артиллерийские бригады смогли отбиться — зато в руках оказались пулемёты и радио. Щуплый, оказывается, умел управляться с радио, и тут же начал забрасывать эфир призывами к восстанию, обещаниями, посулами, угрозами…

А на противоположной стороне фронта германцы уже собирали кулак для удара по ослабшему участку фронта. Щуплый как раз подал условный сигнал "наверх", или, скорее, "на запад", что справился с первой возложенной на него задачей. Правда, к линиям обороны он пока что бунтовщиков привести не смог, фронтовики тоже не пустили, отогнав противника мощным огнём. Ну, как — мощным…На сколько хватало патронов. Всё-таки решили приберечь, мало ли что мог германец устроить. Но и этого хватило.

Потихоньку восставшая часть оказывалась в кольце.

— Братуха, гляди! Там, кажись, шевелится хто? — спросил один из пулемётчик у соседа.

— Да мало ль, хто! Может, птичка какая… — и тут же навалился на пулемёт. Пуля вошла прямо между глаз. Менее чем через мгновенье глазастый сосед отправился на тот свет вслед за товарищем.

Из соседнего леса открыли ураганный огонь. Из-за деревьев потихоньку начали появляться надёжные части. Можно было услышать отдалённый конский топот.

На холм лошадьми доставили несколько орудий, нацелив на расположение восставшей части. Через несколько мгновений возвышение оскалилось сотнями винтовок и несколькими пулемётами.

Восставшие попритихли. Положение их оказывалось не таким уж и радостным. На беду для "вождя", тот не догадался прорываться в тыл, а не оставаться в прифронтовой полосе, надеясь поднять соседние части против командиров. У него просто не было опыта такой деятельности, да и приказы чётко указывали, что часть должна создать разброд и шатание именно в прифронтовой зоне. Надо сказать, что германцы, забрасывая в учебные роты своего человека, не предусмотрели такого удачного хода событий. Это и привело всё предприятие к краху.

— Сложить оружие. Выдать командиров. Даю пять секунд на обдумывание. Потом — открываем огонь! — раздался голос с холма. Он был невероятно твёрд и уверен. Похоже, командовал один из участников подавления выступлений в Петрограде.

Естественно, за пять секунд бунтовщики даже сообразить ничего не смогли. И на их головы начали падать снаряды.

Бух. Посреди десятка солдат земля вспучилась комьями, и образовалась воронка. А вместо людей…Вместо людей остались только их части.

Ещё несколько "бухов" — и уже солдаты попадали на землю, отбрасывая в сторону винтовки, накрывая головы руками. С холма ринулась конная сотня, с шашками наголо. Импровизированный "штаб" восставшей части именно донцы и взяли. Щуплый как раз пытался сообщить о крахе восстания "наверх", но не успел.

Через считанные минуты, только взглянув на "вождя" рядом с радиостанцией, командовавший объединёнными силами по подавлению восстания капитан Бермонд, участвовавший в штурме Совета в Петрограде, догадался, что делал щуплый.

— Немедленно, на линию обороны. Доложите Лавру Георгиевичу, что возможна попытка прорыва германских сил на этом участке фронта. Донцы, скачите к окопам, предупредите командира части.

Казаки редкой цепью, густым строем просто было не пройти через эту лесистую местность, рысью поскакали на запад. До окопов было примерно два километра. Оттуда уже доносились звуки артиллерийской канонады.

— Оставить караул в сорок человек, кто попытается открыть рот из этих гнид, — Бермонд кивком показал на восставших солдат. — Стреляйте. Это разрешено недавним приказанием Корнилова, не забывайте. Остальные — за мной!!! Быстро!!!

Артиллерийская канонада становилась всё громче. Невдалеке от Бермонда, повалив

деревья, упал вражеских снаряд, взлохматив землю и образовав немаленькую воронку. Капитан приник к земле, но многие солдаты его даже обогнали. Знали, что надо делать во время обстрела. Привыкли…

А потом послышались и первые выстрелы. Взобравшись на очередной холм, Бермонд увидел русские окопы. Там уже работали пулемёты: германец наступал, прикрываемый огнём своей артиллерии.

Чуть в стороне от холма, на который взбирались солдаты Бермонда, работали наши орудия. Вокруг пушек уже потихоньку собиралась гора огромных гильз. Что ж, это был не пятнадцатый год, пушки могли работать, не боясь, что на завтра стрелять просто будет нечем. Но германские орудия били явно "веселей", у них-то тыловые службы работали, а не пили или продавали всё, что плохо лежало…

— На прорыв пошли кайзеровцы, — сплюнул Бермонд. — А ну, за мной! Вперёд! Покажем гадам, кто такие русские солдаты! Запевай!!!

Мы русские, с нами Бог!
Мы не отступим перед немцем!
Последнею кровью за дом родной
Заплатим в полной мере!

Эта песня уже потихоньку начинала расходиться по фронту, и некоторые солдаты её уже знали.

Внезапно кто-то схватил за плечо ринувшегося было вперёд Бермонда. Капитан обернулся, глянул в щербатое лицо немолодого унтера, хотел уже было сам врезать — чтобы не мешал, вдруг тоже, из "замиренцев", захотел убрать офицера…

— Ваш бродь, не лезь! У меня так в пятнадцатом тринадцать командиров погибло! — только тут Бермонд сумел разглядеть солдатский Георгий на груди унтера.

Капитан вздохнул. А его солдаты уже неслись вперёд, на к окопам. Офицеры засевшей там части, увидев подкрепление, скомандовали атаку, встретить немцев лицом к лицу, а заодно и отбросить их назад. Авось удастся отбить хотя бы кусок вражеских траншей.

Вставай-поднимайся, российский народ!
Решительный час твой пробил!
Не дайся в руки проклятых врагов —
Дерись до последней крови!

Сидевшие до того в окопах солдаты тоже подхватили песню. Устав от постоянного сидения в траншеях и кормления вшей, они даже с радостью поднялись в атаку. Доколе немчуре их обстреливать? Пора было поквитаться за прошлые обиды…

Русские пулемёты охладили пыл атакующего противника, а там уже и донцы ударили, как снег на голову. Немцы побежали, не ожидая такого отпора. На их спинах русская часть смогла прорваться в окопы противника…

К сожалению, к вечеру германец стянул резервы на этот участок фронта, и нашим частям пришлось отступить. Правда, не с пустыми руками, пулемёты или забрали с собой, или испортили. Только вот обида брала Бермонда, да и Корнилова, что не смогли развить успех. Резервы стянуть не успевали, а оголять позиции побоялись, ожидая ещё одного удара немцев. Но хотя бы "пощипали" оборону германца, прощупали слабые места. Это ещё пригодится, и в самом скором времени.

Мокрый, грязный, ветреный, капельный март подходил к концу…

Глава 30

Поздно вечером, когда деревеньку освещали только звёзды и умирающая луна, в двери одной из лачуг постучался замотанный в тряпьё человек. Сперва хозяин, грек, хотел спустить прогнать нищего побирушку, но едва тот показал условный знак…

— Так, значит, завтра ночью в эту точку, — Зарудный ткнул пальцем в кусочек берега на карте, обозначавший место высадки нового отряда с грузом. — Но он же слишком далеко от этого места, до рассвета добраться сюда не успеем. Вдруг нарвёмся на патруль? К тому же будет довольно трудно миновать все населённые пункты. Опасно.

— К сожалению, именно здесь будет проведена высадка очередного отряда, — пожал плечами штабс-капитан Фредерикс. Именно он постучался ночью в дверь жилища грека-связного. Иоган Карлович не без улыбки вспоминал, как отреагировал на условный знак — зажатую дулю — связной. Зато уже утром Фредерикс сообщал "авангарду" о месте высадки нового отряда, с винтовками, деньгами, патронами — и взрывчаткой. Их требовалось встретить. Просто эта группа обещала быть намного больше, нежели первые "засланцы".

— Матка Боска…А что, если переодеться в форму турецких солдат? Фредерикс, Вам выпадет почётная роль немецкого офицера. Сможете?

— Was hast du gesagt, unkluge Schaf? — ухмыльнулся Фредерикс. — Мы ещё посмотрим, кто больше немец, их командиры и советники, или я, барон в двенадцатом поколении! Только форма нужна.

— Имеется, но только шесть наборов. Из всех турок сделать не сможем. К тому же на османов мы будем похожи разве что издалека. Весь этот маскарад раскроет любой местный с трёх десятков шагов, как минимум. К тому же офицерский мундир — только один. Поэтому офицером будете Вы, штабс-капитан. Думаю, Вам очень пойдут ятаган и феска.

— Надеюсь, сами турки оценить этого не смогут, — хохотнул Иоган Карлович.

— Что ж, вот и попробуем…

Поехали на телегах, взяв с собой десяток греков из тех, что проходили обучение у "авангарда". Остальных оставили сторожить "училище" вместе с Василием Клембовским. Этот православный поляк обещал снова показать, что такое русская муштра новобранцев! Судя по лицам греков, те уже начали понемногу жалеть о решении бороться с турецкой властью при помощи винтовок, а не чего-нибудь попроще. Всё-таки их бы так не допекал Клембовский…

Но что им оставалось делать? Уже целый год по Мало Азии гуляли агенты русской армии. Их главной целью была разведка, но они нет-нет, да находили очаги тихого сопротивления турецкой власти. Эта война слишком сильно подточила Порту, и подвластное население, да даже османы, начинали роптать. Недовольных брали на заметку. А когда Кирилл Владимирович отдал приказ о начале формирования отрядов повстанцев из местных — тогда и пригодились эти "заметки" разведки. На азиатском берегу нашлось несколько мест, посёлков, преимущественно с турецким, армянским, еврейским или славянским населением. С ними наладили контакт, а потом начали прибывать отряды из Севастополя, которые должны были стать инструкторами повстанцев и организаторами будущего восстания, которое должно было вспыхнуть одновременно с Босфорской операцией.

Смеркалось. Трава колыхалась у черноморского берега. А среди разваливавшихся укреппозиций коротали время турецкие солдаты. Похоже, начальство всё-таки решило проявить бдительность и разместить на береговых укреплениях хотя бы мизерный контингент. Скорее даже на этом настояла германская сторона, в очередной раз позабыв о нуждах Порты: силы брать уже было практически неоткуда, армия и так была распылена донельзя. Пошедшие в разведку Алифанов и Селиванов издалека заметили костерок, который для обогрева развели турки.

— Сколько их там? — Зарудный нахмурился.

Требовалось решать проблему как можно скорее. И вообще, на основании каких таких доводов командование решило произвести высадку именно здесь? Разве что ожидать "визит вежливости" здесь будут меньше, ибо место было намного восточней прошлого. Турки и

немцы должны ожидать приближения к западу: всё-таки и призывнику должно быть понятно, что русские если и обращают на что внимание, так это на Царьград и позиции Кавказской армии. Но занятый Трапезунд был очень далеко…

— Семь человек. Похоже, где-то поблизости должны быть и другие отряды. Не будут же они здесь в одиночку находиться! — нервно передёрнул плечами Сергей Минаев. — Убирать их слишком опасно. Если насчёт прошлого случая турки и могут сомневаться в нашем участии, то сейчас…Нельзя их убирать. Но и пройти мимо — тоже нельзя.

— Отвлечь? — предложил Алифанов. — А что, попросим кого-нибудь из греков, авось подмогнут.

— Можо, можо, — кивнул командир отправившихся вместе с "авангардом" греков. — Токо они стрелять могут. В голова что стукнет — не знамо.

— Тоже верно. Мало ли, что они устроят, увидев грека поблизости? Решат, что шпионит, или ворует что-нибудь с позиций, или тут целая банда православных, прирезать их захочет.

— А мы поступим по-другому, господа офицеры, — лукаво улыбнулся Фредерикс. Турецкий мундир ему очень шёл, да и по размеру почти подошёл. — Нужна телега, пять или шесть греков и море везения. А вы готовьтесь встречать наших…

Магомет и Мустафа спорили о том, сколько у настоящего мужчины должно быть в гареме жён, а главное, каких! Мустафа почему-то склонялся на сторону славянок, тех, что с норовом, такие ему нравились. Магомет же предпочитал волооких полячек, которых не одну сотню его предок, великий Аббас-бей, в восемнадцатом веке пригонял на невольничьи рынки Измира и Бахчисарая. И вдруг самый глазастый, маленький и черноглазый Осман заприметил вдалеке офицера.

Того, злобного и хмурого, пытался догнать грязный грек, что-то лепетавший на своём поганом наречии.

— Эй, ви, ну-ка, идите, помогать! Проклятая турецка речь! Donnerwetter! — офицер, похоже, был из немцев. Солдаты подпрыгнули разом и все, кроме одного, вечно во всём сомневавшегося Магомета, заспешили к офицеру.

— Что случилось, господин? — подал голос Магомет, втягивавший плечи, пытаясь хоть как-то спастись от непрестанно лившейся изо рта немца отборной германской брани. -

— Эти ротозеи загубили повозьку! Шайсовы дети! Не ферштейн ничего! Помогите её отремонтировать! Вас наградят! — при словах о награде даже Магомет подобрался и подошёл поближе к офицеру, который как раз двинул кулаком в скулу грязному греку. — Дело огромной важность! Кайзер-султан и фельдмаршал Энвер вас вознаградят! Гауптман-пашами сделают! Ну же, шнель, шнель, бистро!

Немец достал из-за пазухи горсть турецких лир. У солдат тут же загорелись глаза.

— Показывайте дорогу, господин! — об охране позиций они все разом позабыли.

— О, данке, данке, храбрый солдаты. Ми очень шнель всё сделаем, — офицер облегчённо вздохнул. — Ком за мной, ком!

— И где теперь прикажете их ловить? — вглядывался в ночную тьму Сергей Минаев. — Точка-то на карте маленькая, а вот на земле…

— Не волнуйтесь, Сергей Михайлович, вредно, до мигрени себя доведёте, — Степан Зарудный поморщился. — Греков мы разослали в разные стороны, Фрол Харитонович и наши отправились в другую сторону…Увидим. Они же должны подать условный сигнал!

— Условный сигнал вроде мигающего огонька посреди чёрной глади? — вполголоса спросил Минаев, не отрывая взгляда от Чёрного моря, приподнимаясь над землёй.

— Именно, Сергей Михайлович, а отчего Вы…Условный сигнал! — шёпотом крикнул Зарудный.

Вдалеке мигал огонёк. В руках Минаева незаметно оказалась зажигалка. Сергей пару раз щёлкнул, появился слабый огонь — и тут же потух. Минаев потряс, прислушался,

взвесил на руке — и чуть не запустил в ближайшие кусты.

— Топливо кончилось. Эх, Боже, хоть бы увидели…

Огонёк мигнул и пропал. Со скоростью раненого вола тянулись минуты ожидания. Но вот Минаев смог разглядеть впереди, на морской глади, пять тёмных силуэтов. Это были лодки. Вскоре уже можно было расслышать тихий-тихий плеск воды под вёслами.

— А Вам не кажется, что их уж слишком много? — напрягся Минаев. — Да, этак мы пройдём незаметными только мимо мёртвых турок. Интересно, Фредерикс надолго отвлёк отряд охраны?

Между тем лодки завидели и остальные люди из русского отряда, и греки. Лодки стукнулись о грязноватый берег. Зарудный побежал встречать дорогих гостей. Перебросившись несколькими словами с одним из тех, кто разгружал лодку, Степан махнул рукой.

Вскоре греки подогнали телеги, погрузили на них привезённый из далёкой России груз, и поехали на юг, в "училище". А тем временем русские офицеры и солдаты пробивали днища лодкам, а потом отгоняли на глубину и топили.

Зачинался рассвет. Пока что отряд двигался безлюдной местностью. Но на всякий случай впереди ехал на отремонтированной повозке барон Фредерикс в мундире турецкого офицера. Позади расположились Алифанов и Селиванов, переодетые в османских рядовых.

— Штабс-капитан, — обратился к барону ехавший на той же повозке Зарудный.

— Можно просто Иоган. Или Иоган Карлович. Но после этой ночи сойдёт и Йохан-паша, — ухмыльнулся Фредерикс, откидывая со лба вспотевшие волосы.

А шевелюра у него была будь здоров! Густые тёмные волосы так и норовили закрыть глаза или залезть в уши. И как только вшей не боялся? Или, скорей, в Турции оброс…

— Да, я про это и хотел спросить, как же Вам удалось их так надолго занять? Обхитрили всё-таки турок!

— Думаю, русские крепостные этак до шестьдесят первого года могли бы обмануть этих османов, не особо даже завираясь. Да, ведь были люди! Бросятся в ноги, плачут, стенают: "Не собрали, батюшка, урожай! Погиб, сгнил на корню!". А тот отвечает: "Собаки, ни черта не умеют эти азиаты! А ну, пшли!". А потом те же крестьяне, подсчитывая мешки зерна в амбарах, ухмыляются, радуются, смакуют, как обманули помещика. Так вот. Наши греки великолепно справились с первой боевой задачей: загнать повозку в яму и сломать чего-нибудь так, чтобы на полночи работы было целому полку! Сломали. Турки ругались, кричали на бедных греков, у которых в крови, наверное, ещё что-то осталось со времён Афинской республики, великолепно играя забитых батраков, ничего не соображающих. Признаться, турки справились быстрее, чем я надеялся. И потому пригодился мой любимый шустовский, — Фредерикс достал из-за пазухи фляжку. Потряс её, пустую, грустно вздохнул и спрятал обратно. — Они, конечно, выпили. Языки у них стали поразговорчивей, начали, как у нас говорят, травить байки о службе. Кстати, а Вы знаете, что турецкие власти плюнули на пропажу двух постовых? Решили, наверное, что те просто сбежали или передрались друг с другом, один другого убил и пропал. Так что теперь волноваться не стоит. К тому же здесь достойных дивизий нет во всей округе. Так, мелочь. Во всяком случае, те турки рассказывали, что почти все войска отсюда уведены на восток или запад. Так что нам тут можно и погулять немножко.

— Гулять нам предстоит совсем скоро. Осталось всего две недели. Второй отряд привёз приказ от самого Верховного главнокомандующего: приготовить все наличные силы к бою. Через четырнадцать дней мы должны отрезать линии связи Стамбула с Малой Азией. Любыми средствами, — нахмурился Зарудный.

— Получается, что мы должны выиграть время?

— Любыми средствами, — повторил с нажимом Степан. — А наши повстанцы почти что и не готовы. Оружия не хватает, как и выучки. Патроны, снаряжение, провизия…

— Придётся брать с боем. И собирать всех, кого только можно. Нужно поднять восстание. К тому же должен сыграть элемент неожиданности. Но будет трудно. Я буду рад

отдать жизнь за Россию и царя, — наконец-то Фредерикс заговорил совершенно серьёзно. — Но этого мы не можем требовать от тех, кого поведём в бой.

— Они будут сражаться за свою свободу, они будут мстить за века издевательств, страха и ненависти. Иоган Карлович, неужели Вы думаете, что наши повстанцы будут драться менее жестоко и упорно, чем мы? Я сомневаюсь…

— Николай Николаевич, всё готово? — Кирилл склонился над картой. Пятнадцатое апреля тысяча девятьсот семнадцатого года войдёт в историю как начала Босфорской операции.

Сизов, министры, Ставка — да весь русский народ сделал немало для этого. Смогли навести относительный порядок на транспорте, для чего пришлось "пригрозить" железнодорожникам. По всей стране прогремели судебные дела по обвинению в саботаже и измене Родине нескольких ответственных за бардак на транспорте людей. Правда, многие поговаривали, что на них просто отыгрались, устроили показательные процессы — но пример оказался полезен. Сумели подавить несколько крестьянских выступлений: в Черноземье решили, что пора устроить "чёрный передел", пожгли многие усадьбы, убивали полицейских. Но совместные усилия Осведомительного агентства, который возглавил после длительных уговоров Маяковский, местных священников, властей и даже нескольких рот кирилловцев помогли справиться с беспорядками. К тому же крестьяне почувствовали, что землю дают, на самом деле дают, а не обещают! На фронте всё было более или менее: быстрая расправа с восставшей частью на Северном фронте многому научила возможных бунтовщиков. В городские думы и земства отправили множество проектов, расширили их полномочия, Кирилл даже намекал на более широкие возможности, чем даже те, что даровал местному самоуправлению Александр Освободитель. Имущественный ценз понизили в десять раз, с таким расчётом, чтобы владельцы хуторских хозяйств и рабочие, владеющие любой недвижимостью, имели бы право участи в земских выборах, без различий по вероисповеданию или национальности. Заодно создали волостные земства: в каждом волостном собрании избирали уездных гласных, а уже в уездных собраниях избирались бы губернские гласные. Волостные земства получили от уездных земств в соё ведение земские школы, больницы, санитарные и прочие пункты, на них же возложили постройку и содержание дорог, а также заведование всеми нуждами населения в пределах волости. Потихоньку вводились земства в Сибири и других местностях, в которых до марта местного самоуправления не существовало.

Со снабжением армии, правда, всё никак справиться не могли. С ним было хоть лучше, чем зимой, но всё-таки дела обстояли весьма плачевно. Всё так же множество солдат не в окопах сидело, а разгружало эшелоны. Но кое-где к этому уже начали привлекать беженцев, дело пошло быстрее. Оставались проблемы и с императором, у Алексея здоровье всё не улучшалось. К тому же существовала опасность того, что Александр Фёдоровна что-нибудь устроит регенту, воспользовавшись влиянием на сына-императора. Англичане и французы чуть не устроили скандал, когда узнали, что в составе инспекционной миссии на Западный фронт отправляется бывший самодержец. Но намёк на то, что Русская армия может вообще прекратить свои действия во Франции, охладили пыл союзников, и теперь Николай Александрович вот-вот должен был попасть в Лондон, проверить сохранность тех драгоценностей, что попали на Альбион в январе.

Но страна и так слишком сильно устала от войны. Чувствовалось, что нужен моральный подъём, нужна была громкая, настоящая победа, которая покажет и граду, и миру, на что способна Россия. И эта победа вот-вот должна была упасть в руки Черноморского флота.

— Две дивизии сейчас в Одессе, сняты с малозначительных участков Юго-Западного и Румынского фронтов. Морская дивизия в Севастополе. Ещё три дивизии грузятся на корабли в Трапезунде. Кавказский фронт готовит удар по турецким частям в Малой Азии. Османы будут заняты Анатолией, а не Босфором.

— Ваше Высочество, спецгруппа вот-вот исполнит свою задачу, — а это уже глава Службы Имперской Безопасности фон Коттен. — Поддержим что надо, Кирилл Владимирович, не извольте беспокоиться.

— Юго-Западный фронт рвётся в бой, — а это уже Келлер, только-только вернувшийся оттуда. — Артиллерийский резерв может быть задействован в любую минуту. К тому же эти Ваши ударные отряды…Если справятся со своей задачей — немцы с мадьярами только пятками засверкают.

— На Западном фронте сомневаются в успехе операции. Но им всё равно придётся ударить. Северный фронт и Балтийский флот готовы. Куропаткин всё твердит, что сил бы побольше, мало снарядов, флот не подготовлен.

— Ну как обычно, — Кирилл улыбнулся. — Туда уже добрались наши сюрпризы для немцев?

— Да, но солдаты с ними пока что обращаться не умеют. И маловато этого Вашего…

— Напалма, Николай Николаевич. Я знаю, что могут возникнуть проблемы. Но его придётся использовать только несколько раз. На большее состава просто не хватит. Однако уверяю, что эффект будет великолепный. Что там с Особой армией?

— Закрывает проём между Юзфронтом и Западным фронтом. Там же собранная по Вашему приказания Первая конармия. Правда, командарм требует ещё нескольких месяцев на подготовку…

— У Петра Николаевича Врангеля есть только две недели. Потом ему придётся погулять по тылам противника. Его части должны справиться со своей задачей. Авиадивизия Сикорского готова?

— Удалось собрать только семьдесят самолётов, в том числе сорок "Муромцев". Но Сикорский божится, что этого хватит, ему нужен лишь аэродром по соседству с Царьградом.

— Это уж мы обеспечим. Думаю, в самом Севастополе это уж решат сами. А что господа союзники?

— Обещают начать наступление двадцать пятого апреля. Как раз за день до нас.

Кирилл Владимирович бросил взгляд на напольные часы:

— Черноморский флот уже вышел в море. С Богом, господа. Если мы не сможем победить — нас сомнут, а миллионы потерянных жизней просто постараются забыть…

А ещё Сизов не сказал, что их ждёт настоящая революция, если армия не сможем добиться решительной победы в этом кампании. Сотни тысяч рабочих бастовали, снабжение было ни к чёрту, с продовольствием тоже были проблемы, финансы отчаянно пели романсы, а народ, несмотря ни на какие меры, всё меньше хотел понять, зачем эта война…

Глава 31

"Приют комедиантов" преобразился. Всё больше народу заглядывало сюда по вечерам, а то и днём, в свете солнца, отражавшегося в свободной тот льда Неве. Жизнь потихоньку входила в нормальное русло, понемногу забывались события февраля-марта, бои на баррикадах и расстрел Совета рабочих и солдатских депутатов. Его лидеры давным-давно ушли в подполье, затаившись до поры до времени.

Бобрев всё так же мечтательно сидел за свободным столиком, смотря на кроваво-красное вино сквозь стекло бокала. Внезапно за его спиной раздался голос:

— У Вас, сударь, не занято?

Бобрев, стараясь держаться как можно спокойней и обыденней, не оборачиваясь, ответил:

— Похоже, что нет.

Стул напротив Дмитрия Петровича занял всё тот же элегантный Иванов. "Шмайсер", как про себя звал этого субъекта ныне уже не старший лейтенант, а капитан второго ранга Дмитрий Бобрев.

— С повышением Вас, Дмитрий Петрович. Наслышан о Вашей карьере, наслышан. И о

том, что Вас перевели в контрразведывательное управление при Балтийском флоте — тоже. Делаете успехи, — осклабился этот белозубый шпик.

— Просто стал реже играть в карты, знаете ли, — улыбнулся Бобрев.

— О, это да, это прогресс, Дмитрий Петрович, — серьёзно кивнул Иннокентий Викторович, разом преобразившись.

Иванов всем телом подался вперёд, будто ищейка, напавшая на след.

— Вы принесли то, что обещали? — Иванов теперь был абсолютно серьёзен.

— Да, конечно. Эй, милейший! — Бобрев подозвал полового. — "Вдову Клико", пожалуйста. И дичь.

— Сию секунду, — подобострастно ответил половой, будто бы в воздухе испарившись.

— Думаю, Вы не откажетесь отпраздновать повышение вместе со мною, Иннокентий Викторович.

— Разве что недолго, Дмитрий Петрович. Дела всё, знаете ли, дела…

Иванов просто не хотел подолгу "светиться" в одном и том же месте.

— Ну да, служба, понимаю, понимаю, — озорно подмигнул Иванову Бобрев. Дмитрий Петрович ударил от смеха по столу совсем рядом с рукой Иннокентия Викторовича — и оставил там конверт, мигом пропавший за пазухой у шпика.

Затем Бобрев, отсмеявшись, добавил вполголоса, едва слышно:

— И от себя, знаете ли, добавлю, что Вам стоило бы попристальнее присматриваться к письмам Ваших друзей на солнечных курортах Крыма. Знаете ли, они так расслабились в песочке пляжей и средь лоз замечательных виноградников, что совсем подпали под влияние тамошних порядков. Кажется, даже уезжать не хотят, до того хорошо обжились в известном месте неподалёку от офицерского собрания! — улыбался Бобрев.

Одно из отделений Службы Имперской Безопасности Черноморского флота как раз находилось неподалёку…

— Даже так? — покачал головой. — А точно ли…

— Там это всё есть, милейший Иннокентий Викторович, будьте покойны!

— Ну что ж, — и намного громче: — Похоже, не дождусь я мою ненаглядную Эмму Витольдовну. Рад был поговорить со столь приятным человеком, но дела, дела!

Иванов, вздохнув, отправился к выходу. На столе белел толстый пакет с известным содержимым…

"Хоть бы клюнули, гады!" — с надеждой подумал Бобрев.

— Хоть бы клюнули, Сергей Васильевич!

— А куда денутся, голубчики? Клюнут, даст Бог, ещё таак клюнут! Им-то тебе веры больше теперь, благо они только-только узнали, что ты поступил в контрразведку.

— Но зачем, Сергей Васильевич? — Бобрев на самом деле не мог понять этого.

— А затем, что здесь у тебя сведений-то побольше! Да ты не бойся, есть у нас, точнее, могли быть дружки твоего Иванова. Главное, чтобы они поверили в то, что в Севастополе один их агент работает на нас. А твои сведения о скором начале наступления на Северном фронте и придании ему решающего значения они проглотят. А что, в духе нашей Ставки: малозначительный удар оказывается и самым успешным. Вот как Луцкий…

Известного на весь Крым фельетониста и комика, выступавшего едва ли не каждый второй день в шапито и ресторанах в разных уголках полуострова, у выхода из квартиры поджидали сибовцы. Едва нога "артиста больших, малых и погорелых театров" ступила на мостовую, как его под "белы ручки" взяли двое усатых жандармов, сзади оказался ещё один, а чётвёртый услужливо открыл дверцу автомобиля.

— Прошу Вас, герр Бергман, — хотя комик был известен в Крыму под именем Александра Котоповича, но это было его ненастоящее имя. Да и родился этот самый Котопович совсем не в Крыму и даже не в Малоросии, а в далёком городе Троппау. — Не извольте волноваться, Вам просто надо проехать с нами и рассказать обо всём, чем Вы

занимались в Крыму в качестве агента Германии. Вам ясно, голубчик?

А вокруг уже останавливались зеваки, особо инфантильные дамочки падали в обморок (если, конечно, было на чьи руки падать), дети сбегались стайками, а родители и няни не обращали на эти шалости никакого внимания. Какой-то дворник, татарин, бровастый и щекастый, недобро зыркнул на "голубчика".

— Да как Вы смеете? Что Вы себе позволяете? Таки я буду жаловаться самому градоначальнику! Самому адмиралу пожалуюсь! — искренне возмутился комедиант. Рукава его замечательного клетчатого пиджака, столь памятного сотням и сотням любителей посмеяться, безжалостно мялись под будто бы каменными руками жандармов.

— Не поможет тебе твой адмирал, он в море, и надолго, — ухмыльнулся разговорчивый контрразведчик. — Грузите, господа, грузите! Разберёмся в известном месте!

И тут-то "Котопович", которого при рождении нарекли совсем не Александром, а Освальдом, похолодел, побледнел и сник. Из "известного места" ещё никто не выбирался после смены власти в стране. Несколько десятков коллег Бергмана по одному из древнейших ремёсел бесследно пропали в застенках Службы Имперской Безопасности. У жандармов открылось какое-то сверхъестественное чутьё на германскую агентуру. Только немногие смогли избежать их лап. Похоже, Освальд в их число не попал.

По обе стороны от Освальда сели те два усача, весело поглядывая на Бергмана. Они, похоже, уже предвкушали признание этого немца в работе на германский Генштаб. Но всё-таки жандармы совершили ошибку. Автомобиль, дабы добраться Севастополя, поехал по горному серпантину.

Освальд с надеждой вглядывался в каждый поворот, невероятно напрягшись. И вот, когда авто заходило на очередной вираж, рванулся прочь, всем телом навалился на дверь, выпал из машины и покатился по склону вниз, превращая брюки в лохмотья. А его любимая соломенная шляпа с синей ленточкой осталась в авто. Дорого же дался побег!

Авто притормозило слишком поздно, когда Бергман был уже на полпути к лесу. Он бежал изо всех сил, так, как никогда в жизни. Кажется, один мировой рекорд скорости за другим уже мог бы быть присуждён с полным правом родной для Освальда Германии…

Пули, нёсшиеся вослед, сдирали кору с деревьев, а Бергман всё бежал и бежал, позабыв про усталость, а в голове была только одна мысль: "Не попасться к этим толстякам в лапы снова!"

Поздно ночью Освальд добрался до явочной квартиры, где его встретил Густав Шталмаер — или же Аркадий Игнатов. Под последним именем его знали как хозяина тира в Севастополе. Седовласый Игнатов, чей подбородок изредка подрагивал — нервный тик, "награда" за многолетние волнения и стрессы — без лишних слов пропустил Освальда внутрь, вышел за дверь, посмотрел, нет ли "хвоста", а потом запер квартиру на все замки.

Разговор шёл на родном немецком языке, по которому Освальд так соскучился.

— Что ты здесь делаешь? Тебе положено сейчас быть в Феодосии. Как ты сюда вообще добрался? — глаза, скрытые линзами, не отрывались от уставшего до смерти Бергмана.

— Сибовцы вычислили меня, не знаю, как. Взяли у самого дома, посреди белого дня, там была целая толпа вокруг. Потом усадили в авто, решили отвезти сюда. Но по дороге я сумел сбежать, перед самым серпантином. Вроде оторвался. Но думаю, что меня будут искать. Устал. Я здесь останусь, сюда вряд ли так быстро сунутся.

— Только на эту ночь, Освальд. А потом мы переправим тебя куда-нибудь.

Через считанные часы сообщение Шталмаера о произошедшем уже лежало "где надо". Туда же прибыла и информация, что один из агентов Великой Германии оказался не таким уж верным Родине: "Сведения из надёжного источника". И это сложилось: чудесный побег из лап контрразведки, хотя десятки других агентов не смогли не то что скрыться, но и весточку подать об их раскрытии. Их судьба пока что оставалась неизвестной. Сообщение о том, что в Крыму появился двойной агент. И, наконец, Освальд твердил, что противник явно намеревается нанести главный удар на Юзфронте и скорее всего — в Болгарии. Для этого в Одессе собирался десант, готовились корабли, транспорты, в Крым прибыли "Муромцы",

которые как раз легко долетают до Софии и Варны. А там побережье слабо защищено, один удар на Румынском фронте, поддержанный ударом в тыл болгарской армии — и победа русским обеспечена. А все оставшиеся агенты утверждали, что Ставка просто решила сыграть, провести всего лишь демонстрацию на юге, а на самом деле ударить, сообразно постоянным требованиям союзников — на Северном и Западном фронтах. Не зря же туда поступают пополнения, и даже половину Петроградского гарнизона смогли туда переправить. Причём последнее сделали наперекор сопротивлению некоторых запасников и гарнизонных частей…

А если десяток людей твердил об одном, а единственный человек — совершенно о другом, то стоило задуматься. Серьёзно задуматься…

— Александр Васильевич, что-то тяжко на душе. А вдруг уже ждут нас там? — флаг-капитан Смирнов ходил из угла в угол, заложив руки за спину, закусив губу. А вот Колчак, как ни странно, был собран, серьёзен, даже хмур — и внешне полностью спокоен. Он был поглощён видом приближавшегося Босфора, узкого-узкого пролива, который вот-вот должен был услышать рёв машинных отделений русского флота.

Вдалеке мелькали тёмные силуэты, маленькие-маленькие, совсем крохотные на фоне берегов Босфора, места, где сходились Европа и Азия. Это тральщики прокладывали дорогу среди минных заграждений для эскадренных кораблей и транспортов.

— Приготовиться открыть по турецким батареям, — всё шло уж слишком гладко. Колчаку это совершенно не нравилось. Русской армии в этой войне никогда по-настоящему не везло. Да и флоту, собственно, тоже.

По радио передали приказ. Пушки кораблей нацелились на берега Босфора. Благо за многие месяцы разведок и "рейдов" расположение каждой из семнадцати батарей и обоих фортов было прекрасно известно.

Минуты тянулись не быстрее, чем умирающая улитка. Колчак уже начинал сам нервничать. Дело последних лет вот-вот уже начнётся, настоящее дело! А самому Александру Васильевичу приходилось бездействовать на капитанском мостике.

Но вдруг тральщики остановились и подались назад. Сделано! Кажется, вечность прошла с того момента, как эти корабли подошли к берегам Босфора…

— Начинаем!

Смирнов радостно кивнул, потирая руки, так изголодавшиеся по настоящему делу!

Первые секунды тянулись невероятно медленно…

А потом начался огненный ад! Флагман открыл огонь по турецким батареям с двух с половиной вёрст, из главного калибра, а корабли поменьше, например, миноносцы и "Память Меркурия", били с куда более близких расстояний. Тут же начали загораться и тут же тухнуть огненные цветки на земле Азии и Европы — снаряды падали и рвались меж скал, над фортами, среди укреплений турок. Те немногие артиллеристы и солдаты, что несли ночную смену на позициях, тут же начали отходить назад, переждать обстрел противника. Так поступили во время Дарданелльской операции: пока враг будет стрелять, турецкий (хотя, скорее, германский под турецкими флагами) флот подоспеет. Страшнее всего был "Гебен", которого бы с трудом смогла повредить только совместная атака всей эскадры, что заперла сейчас выход в Чёрном море из Босфора. В прошлую "встречу" немецкому кораблю удалось нанести только один настоящий удар, хотя обстрел был невероятно мощный…

Артиллеристов же уже ждали. Турки на этот раз плохо смотрели за спину, когда заступали на дежурство…

Ближе к вечеру отряд повстанцев смог добраться до Пролива. Здесь открывался потрясающий вид на море, такую близкую Европу и…на укрепления, форты, батареи и пушки турок. Они лежали совсем рядом, казалось, протяни руку — и сможешь зажать в кулаке все эти "игрушки".

Сергей глубоко вздохнул. Отряду под его командованием предстояла самая трудная

часть работы. Однако грекам, похоже. было всё равно, что делать: лишь бы насолить туркам. Того же мнения придерживались и повстанцы других национальностей.

Тут же, неподалёку, встретились с теми отрядами, которые сумели за прошедшие месяцы сколотить другие "засланцы". Всего получалось примерно тысяча человек, готовых умереть — и не умеющих нормально разбираться с винтовкой, недостаточно подготовленных, невероятно сильно стеснённых в количестве патронов.

— Эх, кабы трошки больше времени! — в сердцах говорил Алифанов, почёсывая заросшую голову и поудобней перехватывая трёхлинейку. Он должен был ударить по средним батареям, Пайрас и Филь-Бурну. О начале операции должны были сообщить сами русские корабли.

Минаев сам снял патрульных. Достав трофейный наган с прикрученным к нему глушителем, странной штуковиной из каучука ("Эх, понаделали всяких страхолюдин!"), Сергей Михайлович подполз как можно ближе к месту, откуда великолепно просматривалась батарея. Закрытые укрепления, которые могли выдержать прямое попадание снаряда из орудий миноносца, курящие или занимающиеся каким-нибудь другим нетривиальным делом турки. Многие просто лежали на траве, скучая. Всё-таки сколько можно их здесь держать? Русским и так хватает проблем, что им в Босфоре делать? Да и на что они надеются: здесь же "Гебен" в любой момент может появиться!

Минаев вздохнул и принялся ждать заката. Ему только дважды удалось опробовать этот самый "глушитель", который привёз отряд Фредерикса. Остзеец долго втолковывал Сергею Михайловичу, что эта новинка должна уменьшить шум от выстрела нагана. Так что можно будет не бояться, что кто-то услышит, как сняли часового или нечто подобное.

Потихоньку греки занимали места возле Минаева. Им не терпелось обратить оружие против многовековых угнетателей. Русским их еле-еле удалось убедить подождать ещё немного, пока не опустится тьма на азиатский берег и не будет подан знак.

Сверкали звёзды. Что-то со свистом разорвало ночную тишину и взорвалось в десятке шагов от батареи. Снаряд, выпущенный корабельной пушкой, вскопал землю, пробурил воронку и разбросал комья земли во все стороны. Да, знак был подан что надо!

Турки загалдели, заволновались, многие кинулись прочь из батарей. Похоже, обстрел хотели переждать. Батареям-то вряд ли так уж много вреда смогли бы нанести, к тому же сами пушки не сумели бы потопить русские корабли, стрелявшие неизвестно откуда. А так хоть после от каждого выстрела не пришлось бы, вдалеке от смертоносного обстрела! Через полчаса-час обстрел бы точно прекратился, русским волей-неволей пришлось бы сэкономить снаряды, подоспели бы турецкие корабли…

Трупы патрульных уже лежали неподалёку. Они даже не успели понять, что их убило. Минаев перекрестился, поплевал через левое плечо (он не особо верил в приметы, но сейчас любая помощь пригодилась бы) и махнул рукой.

— За свободу! — кажется, именно это прокричал один из лидеров греческих повстанцев, которые поднялись в атаку.

Скрывавшиеся из-под обстрела турки не успевали останавливаться — вставшие во весь рост греки расстреливали их из винтовок. Многие мазали, впопыхах забывали последовательность действий, но пули всё равно настигали османов! Мундиры продырявливались не хуже, чем сердца или животы, люди падали на землю, чтобы быть накрытыми кучами поднятой взрывающимися снарядами земли…

Один из тех солдат, что прибыл вместе с Фредериксом. Послал в небо сигнальную ракету. Это был знак того, что по батарее можно уже было не стрелять. Вот только Минаеву и его людям предстояло ещё много работы: множество турок осталось на батареях, и теперь готовились дать отпор. К тому же вот-вот должно было подоспеть вражеское подкрепление…

— На смерть! За победу! За свободу!!! — что есть сил прокричал Сергей Михайлович и устремился вперёд, на врага. Наган разил без промаха.

Надо было действовать быстро: батарея должна замолчать, чтобы дать транспортам

возможность высадить десанты. Иначе повстанцы обольются кровью, пытаясь заставить замолкнуть турецкую артиллерию.

Греки не отставали, давно прекратив стрелять из винтовок: предстояла рукопашная. Не было никого хуже, чем рабы, почувствовавшие, что можно ухватить за горло господина. Повстанцы были не лучше рабов прежде — поэтому туркам не поздоровилось.

Минаев бросил куда-то вперёд гранату, не глядя, куда она упала, упал на землю, больно стукнувшись животом о твёрдую землю. Несколько секунд — и раздался гулкий взрыв, от которого в небо взметнулась земля. А ещё граната разнесла в куски несколько турок, не успевших понять, что случилось. Взрыв оглушил ещё нескольких противников, задев одного из повстанцев. Он катался по земле, закрыв лицо ладонями, а между пальцев текла кровь.

Сергей наконец-то оказался на батарее. Дорогу ему преградил ошалевший от происходящего турок-офицер, с выпученными глазами и ятаганом наголо. Минаев нажал на курок нагана — и лишь щелчок раздался. Патроны кончились.

— Вот чёрт, — процедил сквозь зубы Минаев, отступая назад.

Турок наступал, занося над головой ятаган, поблескивавший в свете звёзд и полыхавшего огня. Как будто сама земля полыхала, подожжённая разрывавшимися снарядами.

Что-то просвистело в воздухе, ударившись оземь — и раздался невероятный грохот, с неба посыпалась земля, а Минаев повалился на землю. Рядом застучали падающие камни и ещё что-то, тяжелое и большое. В ушах звенело, а взгляд не мог сфокусироваться, всё плыло перед глазами Сергея Михайловича. Текли мгновения, подгоняемые вперёд неизвестной силой — а ятаган турка всё не опускался на голову Минаева. Русский офицер еле-еле смог поднять голову, чтобы увидеть затуманенным взором, что осман больше никогда не сможет ни на кого поднять руку: он оказался слишком близко к эпицентру взрыву. Теперь, чтобы похоронить турка, пришлось бы его собирать…

Минаев не слышал, как свистели пули над ним, как стучали ноги повстанцев и защитников баррикад по азиатской земле, но главное — он не видел и не слышал взрывов русских снарядов вокруг. На кораблях увидели сигнальную ракету и прекратили обстрел этой позиции. Турецкая батарея тоже умолкла. А вокруг сражались, дрались, боролись, даже грызлись друг с другом сцепившиеся турки и христиане, решив, что живыми не уйдут отсюда. Только вот османов было меньше, и они не могли представить, что повстанцы будут ТАК сражаться. Они мстили за века издевательств и презрения, убийств и понуканий, рабства и тьмы. И эта месть была невероятно кровавой.

Кто-то подхватил Сергея. Минаев посмотрел на одного из русских солдат, как раз того, что выстрелили сигнальной ракетой. Его полные губы что-то говорили, но контуженный не мог ничего услышать. Какое-то шестое чувство подсказало ему посмотреть в ту сторону, куда был направлен взор помогавшего ему человека

Минаев взглянул на взволнованное Чёрное море — и тёмные силуэты кораблей, подходивших к берегу. Транспорты. Первая волна десанта.

— Наши, братцы, наши, — улыбнулся Минаев, не слыша собственных слов.

Бой вокруг потихоньку стихал: больше не с кем было драться. Батарея оказалась в руках у отряда Минаева. Сергей, кое-как поднявшись на ноги, отстранив Гната (кажется, так звали этого солдата, что запустил в небо сигнальную ракету), и оглянулся.

Вся земля вокруг была усеяна трупами, и греки, болгары, армяне, погибшие здесь, мало чем отличались от убитых турок. Смерть всех уравняла лучше, нежели смогли любые, самые радикальные реформы.

А транспорты уже остановились, и на берег уже вот-вот должны были встать первые русские солдаты, вместе с которыми Минаев должен был удержать батарею до подхода основных сил.

Слух как-то разом, одним скачком, вернулся к Минаеву, и на него нахлынула какофония звуков. Слышались стоны раненых и умирающих, ругань последних турок, дравшихся со стойкостью обречённых, ятаганами, саблями и даже винтовками. Но

пулемётная очередь прекратила этот бой. "Мадсен" молчал до того: берегли патроны. Звуки боя исчезли. А потом раздались крики радости: для многих участников боя это была первая победа, первый успех…

Даже Минаев поверил, что победа в этой войне стала намного ближе.

— Приготовиться к обороне. Скоро тут станет жарко. Турки не могли не вызвать подкрепления. Быстро. Быстро. Кому сказал?! — Минаев орал на подчинённых во всю глотку. До него уже доносились отдалённые звуки боёв за соседние батареи и разрывов снарядов.

Настоящее сражение только-только начиналось…

Аксёнов первым ступил на азиатскую землю. Здесь даже сам воздух отличается от столичного или крымского. Но почему-то чувства, будоражившие подпоручика, были те же, что и в Петрограде. Живо в памяти всплыли картины баррикад, лезущих на них восставших, треск пулемётов, гранаты, винтовочные залпы…

Батарея располагалась не так уж далеко, но Василий Михайлович боялся того, что батарею всё-таки занять ещё не удалось. На берегу было уж слишком тихо, оттуда доносились только приглушённые ветром голоса, и было не разобрать, на каком языке кричали.

Плечо приятно оттягивал пистолет-пулемёт, запасными магазинами к которому был туго набит мешок, висевший на плечах подпоручика. Примерно так же были вооружены и унтера его батальона. У солдат же были обычные трёхлинейки, манлихеры и арисаки. С собой кроме орудия взяли только патроны и сапёрные лопатки.

— Взводам Михайлова и Грицко остаться для разгрузки. Пришлите кого-нибудь, когда начнут выгружать пушки. Остальные — за мной, быстро, быстро!

Аксёнов не оглядывался, на бегу готовя пистолет-пулемёт к бою. Мало ли, вдруг пригодится. Слишком уж всё было легко. Вдруг эти самые "оперативные группы" не смогли взять батарею, и теперь они идут в ловушку? Но если так — то Минаев первым встретит опасность! Честь офицера не позволяла ему бросить вперёд кого-то из подчинённых, под вражеские пули. Хотя многие друзья Сергея и погибли, руководствуясь этими идеалами. Но зато жалеть им было незачем, умирая за Родину, со словами "За Веру, Царя и Отечество" на устах…

Крутой берег, заброшенные траншеи и укрепления, куски ржавой колючей проволоки, в которой зияли широкие проходы: никто не следил за босфорскими оборонительными сооружениями…

Впереди показались какие-то силуэты, засевшие на гребне холма. Аксёнов вскинул пистолет-пулемёт, готовясь в любой момент пустить его в дело.

— Господа, где же Вас черти носят? — этот голос вряд ли мог принадлежать осману. — Мы всё ждали, ждали, а потом решили, что тянуть уже нельзя да и взяли эту проклятую позицию. Быстрее, быстрее! Скоро тут начнётся такое, что всем хватит!

Человек встал во весь рост, вытянув вперёд пустые руки. Жаль, что его лицо было скрыто ночною темнотой, иначе бы Аксёнов увидел облегчение на нём. Да, десант здесь очень и очень сильно ждали…

Всех офицеров и унтеров собрали перед самым отплытием в здании севастопольского Собрания. То же самое происходило и в Одессе. Люди должны были понимать, как действовать в первые часы после высадки.

— Вашей главной целью будет закрепиться на позициях и ждать подхода войск второго эшелона. Всего против нас будут действовать две дивизии противника, которым понадобится около десяти часов, чтобы прибыть к позициям Верхнего Босфора. Несколько северных батарей уже должны быть заняты к тому моменту. Одновременно с нами будут действовать оперативные группы, в чьи задачи входит штурм со стороны материка

турецких укреплений. Так что высадка должны пройти гладко. Около суток вам предстоит отбивать атаки противника, затем на берегу должно скопиться достаточно сил для наступления на Царьград и защиту азиатской стороны Босфора.

— А как же "Гебен"? — спросил какой-то поручик. Похоже, он был наслышан о кошмаре всего Черноморского флота. — Разве он не сможет с лёгкостью обстрелять наши позиции и отогнать прочь от пролива все силы? Ведь в прошлый раз весь флот…

— В этот раз, — Колчак поднялся во весь рост. — В этот раз уйти ему не удастся. Немцы потом будут с содроганием вспоминать тот бой, что мы дадим их до селе непобедимому дредноуту.

В этом голосе слышалось столько льда и металла, что собравшиеся поняли: командующий Черноморским флотом на самом деле убеждён в невероятно горячем приёме, который устроят русские корабли "Гебену"…

Глава 32

Брезжил рассвет. Здесь, в считанных километрах от побережья Балтийского моря, было невероятно тихо. Солдаты нервно курили махорку в окопах, хмуро поглядывая на далёкие-далёкие, утопавшие в тумане позиции германца. Люди в основном помалкивали, лишь изредка перебрасываясь парой-тройкой ничего не значащих фраз. Ждали…

И вот, когда покрывало тумана над вражескими позициями стало истончаться, ожидание подошло к концу. Тишину разогнал рёв моторов. Солдаты, повинуясь единому порыву, задирали головы вверх, глядя на ровный строй величественных "Муромцев", летящих высоко над землёй по направлению к немецким позициям.

— Товсь! — разнеслись команды унтеров по окопам. Скоро должно было начаться.

Послышались молитвы, мат сквозь зубы — или просто шутки с прибаутками. Люди готовились к атаке как могли. Ведь многим из них, может быть, предстояло прожить свой последний день. А многим так хотелось жить…

Муромцы, казавшиеся на таком расстоянии шершнями, немного снизились. Раздались отдалённые щелчки — это немцы пытались сбить наши аэропланы. Но что щелок может сделать шершню, так и норовящему вас ужалить? А эти шершни были что надо…

Из нескольких "Муромцев" что-то посыпалось на вражеские позиции.

— Чагой-то? Не бонбы, те б гудели, — глубокомысленно изрёк один из солдат-георгиевцев.

Ещё несколько "шершней" полетело дальше, ко второй линии обороны германцев. И тут же — полыхнуло зарево. Над вражескими окопами взметнулось яркое-яркое, как солнце в жаркий, безоблачный летний полдень, пламя. Огненные языки будто бы слизнули всё вокруг. Горизонт заволокло огнём — так, во всяком случае, показалось нашим солдатам. Стали креститься — а пламя всё не унималось. А кто-то из солдат внезапно улыбнулся:

— Ну-тка попляшут ерманцы, — щербато ухмыльнулся архангелогородец, окавший и долго-долго тянувший слова. — Отольются им наши слёзки, братва, ох, отольются!

А пламя всё горело и горело, не желая потухать, только, казалось, становилось всё ярче и яростней. Началась канонада, наши начали пригибаться, юркнули в траншеи, закрыли головы руками — но ничего не происходило. Снаряды не падали, комья земли не падали на головы, осколки не норовили продырявить грудь или живот. Просто звуки от рвущихся на германских позициях снарядов слишком уж сильно походили на артиллерийский обстрел. Эта канонада всё продолжалась, не желая смолкать — и к ней присоединилась новая, отдалённая — вторая линия обороны германцев тоже оказалась объята этим адским пламенем.

"Муромцы" повернули обратно, истратив весь запас напалма на германские позиции. Пилоты, летя в считанных десятках метров над землёй, с содроганием смотрели на дело своих рук: вблизи зрелище было по-настоящему ужасным. Огонь не желал тухнуть, пока не сгорало всё, что только могло гореть. Траншеи, доты, бункеры, пулемётные гнёзда,

орудийные батареи — всё было скрыто за плотной завесой огня. Рвались огнеприпасы: словно дьявольский оркестр играл на ударных гимн войне, уничтожению и смерти. Но самым страшным было осознание, что человек создал такое оружие, перед которым даже смертоносный газ казался орудием миротворцев и пацифистов.

Человеческие крики, в первые минуты заполнившие всё вокруг, уже стихли. Пилоты видели, как на позициях, которые не затронул напалм, суетились германские солдаты, более похожие с такого расстояния на муравьёв, чей муравейник потревожил лесной пожар. Люди бежали прочь из окопов, бросая всё, что сковывало движения и мешало бегству. Но даже пилоты не видели того, что видели немногочисленные выжившие после разбрасывания напалма германцы. Едва это вещество, напоминавшие смолу или даже нефть, попало на человека, как тот вспыхивал, превращаясь в обугленный труп в считанные мгновенья. И если даже пытались оттереть напалм, то становилось только хуже, огонь лишь яростней пожирал плоть. А когда хоть немного попадало в вентиляционные кубы или в прорези бункеров — меньше чем через минуту на земле становилось одной братской могилой больше. Поэтому было немудрено, что скованные ужасом немецкие солдаты бросали всё, бросаясь в тыл, как можно дальше от безжалостного пламени. Немногие из офицеров пытались их остановить, сами объятые ужасом, глухие к крикам, раздававшимся отовсюду…

Огонь и страх проторили широкую дорогу сквозь позиции, брошенные германцами. Правда, сквозь места, охваченные пламенем, идти было нельзя: туда бы просто никто не сунулся. Но вот рядышком можно было пройти — и прошли. Конные сотни на рысях ринулись вперёд, к брошенным окопам, чтобы пройти дальше, догнать убегающих германцев, отомстить, отплатить за те месяцы бесконечного сидения в мёрзлых окопах под градом артиллерийских снарядов. Кавалеристы спешивались перед проволочными заграждениями, перерезали их загодя взятыми ножницами для резки колючей проволоки — и начиналось…

Позади кавалерии бежали пехотные батальоны, в чьи задачи входил захват артиллерийских орудий, патронов, брошенного оружия — и выход в тыл к тем позициям, до которых не добрались "Муромцы", нёсшие гибель всему живому. А ещё предстояло закрепиться на новом плацдарме, в ожидании вражеской контратаки. Бегущих вскоре должны были остановить, первый шок вскоре прошёл бы, и тогда бы противник решил нанести удар. Но до этого ещё была уйма времени, которое Корнилов решил использовать с максимальным эффектом. В зазор во вражеских позициях двинулись две пехотных дивизии и семь конных эскадронов. И это только здесь, у самого балтийского побережья.

Воздушная разведка, показывая чудеса храбрости и пилотажного искусства, сфотографировала укрепления противника, как на линии фронта, так и в тылу. Затем с помощью проекционного фонаря эти фотографии разворачивались в план и помещались на карте. В каждой армии была карта масштабом двести пятьдесят сажен в дюйме, полученная подобным способом. Имея на руках схемы расположения вражеских линий, командный состав тех частей, что должны были участвовать в наступлении, долгое время изучал передний край германской обороны.

К тому же за несколько недель до наступления, этак за пять или шесть, проводились земляные работы, благодаря которым удавалось подобраться к вражеским окопам на расстояние в двести-триста метров. Конечно, германская воздушная разведка с лёгкостью обнаруживала всё эти работы, скопление резервов…Но ничего точного сказать было нельзя: практически одинаковые подготовительные работы велись сразу в двадцати-тридцати местах, артиллерию до последнего не сосредотачивали, да и особо не собирались: ставку делали на прокладывание "напалмовых дорожек". Только за несколько дней до начала боевых действий на передовую были переброшены войска, которым предстояло принять участие в наступлении. Тогда же прибыла и артиллерия: хорошо замаскированная, расположенная на заранее определённых участках.

Великий князь Кирилл Владимирович наладил производство напалма в конце марта чуть ли не в полевых условиях, на импровизированных заводах. Скрыть от противника эту

деятельность удалось благодаря крохотным масштабам производства: Главковерх настоял на том, что запасов напалма должно хватить для прорыва. А в дальнейшем производство этого вещества уже не надо будет скрывать — весть о нём и так разойдётся по всему миру после весеннего наступления армии — и можно будет наладить широкомасштабное изготовление.

Та же самая картина, что и у балтийского побережья, была и на других участках Северного фронта: пять или семь "Муромцев" торили огненный шлях сквозь вражеские позиции, и в образовавшиеся зазоры устремлялись все наличные силы. Вот только жаль, что этих бомбардировщиков на Северном фронте было всего лишь на четыре "зазора" — остальные самолёты были нужны для Босфорской операции или для поддержки других фронтов, всё-таки весь Восточный фронт отдал для Черноморского флота большую часть "Муромцев".

Общее наступление подготавливалось по плану Луцкого прорыва, но в гораздо более широком масштабе. Юго-Западный фронт, которому теперь отводилась роль "первой скрипки" (в шестнадцатом году Западный фронт назначался основным, но там никаких активных действий не было), стал ареной для Кирилла — там он решил опробовать и новое вооружение, и новую тактику. Австрийцы должны были почувствовать на себе удар штурмовых отрядов. Жаль только, что катастрофически не хватало времени и нужного вооружения для создания этих формирований. Но приходилось обходиться тем, что было в наличии.

Вообще, оборона противника на Юго-Западном фронте была "что надо". Окопы были даже выше человеческого роста, убежища основательно врыты в землю и защищали даже от тяжёлых снарядов, имея сверху по два ряда брёвен, присыпанных землёю. Иногда вместо дерева можно было увидеть железобетонные строения, внутри которых было даже комфортно, по масштабам военного времени, во всяком случае. Обитые досками стены и потолки, дощатые или глинные полы, получалась комната шагов в десять в длину и шесть в ширину. В окна, те, где это было возможно, вставлялись стеклянные рамы. Из утвари — складная железная печь, нары, полки. А для командиров: помещения из трёх-четырёх комнат, с кухней, крашеными полами, оклеенными обоями стенами.

Перед линией обороны — несколько линий колючей проволоки. Мины, бомбы, электрический ток: здесь была оборона не слабее, нежели та, что пробивали во время Луцкого прорыва.

"Муромцы", едва миновав гибели под обстрелом пушек, пулемётов и даже винтовок, пробили узкие "напалмовые дорожки" и здесь. Один из аэропланов внезапно остановился в небе, а потом сорвался в крутое пике. Похоже, то ли техника отказала, то ли его всё-таки достали с земли. Пилот не успел даже воспользоваться парашютом Котельникова: "Илья Муромец" был слишком низко над землёй. Это был первый русский, погибший от напалма…

Запаса нового оружия не хватило, чтобы прорвать в достаточном количестве мест фронт. Зная об этом, ещё на рассвете начался массированный обстрел артиллерией вражеских окопов, так, что первая линия укреплений быстро прекратила существовать. Отстрелявшись, орудие наводили на другую цель — и снова начинался ад. Естественно, австрийское командования, памятуя о событиях прошлого года, попыталось организовать отход войск в глубину. Во время Луцкого прорыва лишь немногочисленные доты и бункеры оказались нетронуты, но их "гарнизоны" быстро сдавались в плен. Иначе убежища превратились бы в братскую могилу: достаточно было нескольких гранат и около литра бензина, залитого во взорванный куб вентиляции. После наполнения бензиновыми парами дота внутрь просто бросалась граната, создававшая настоящий огненный смерч.

Надо было отдать противнику должное: живую силу он сохранил, а заодно и запросил подкреплений. Правда, практически все свободные силы были уже на Северном, Западном фронтах и во Франции…

А вот вторую линию обороны брали уже далеко не одной артиллерией. На прорыв шли "руссо-балты", броневики с зубцами на торцах бронелистов, рвавшие на ходу колючую проволоку. Пока на вражеские укрепления сыпались снаряды, несколько бронеавтомобилей

прорезали проволочные заграждения, разворачивались и открывали пулемётный огонь по окопам. Пока пули били по бронелистам, от одной воронки до другой бежала штурмовая группа. Три десятка человек, самые смекалистые и умелые солдаты и офицеры, вооружённые автоматами Фёдорова, новыми карабинами и пистолетами-пулемётами, нёсшие немалый заряд взрывчатки и по несколько канистр. Миновав таким образом зону поражения соседних дотов и выйдя к "жертве", штурмовой отряд быстро-быстро подбегал к укреплению, проделывал уже упомянутую операцию с вентиляционным кубом и переходил к другому. Правда, на первых порах возникали большие трудности: штурмовые отряды только на учениях отрабатывали тактику взятия дотов, а в бою использовали её впервые. Но с каждым новым взорванным дотом дело налаживалось. Да и не последнюю роль сыграл "позаимствованный" опыт. Пленным германским офицерам, которым уже приходилось использовать похожую тактику, выпала "почётная доля" стать учителями первых штурмовиков. Конечно же, не от хорошей жизни…

Австрийцы не смогли удержать линию оборону: уже в нескольких десятках местах произошли сильные прорывы, создавалась угроза окружения значительного числа пехотных частей. Однако враг всё-таки решил предпринять контратаку конными и стрелковыми частями, собранными в кулак. Пятнадцать тысяч сабель и тридцать тысяч штыков, "заслонивших" один из северных прорывов. Кавалерия должна была зажать в тиски ударные отряды, "локализовать", а между тисками ударила бы пехота.

Сражение вышло бы по-настоящему красивым. Ударная группа, чей целью был прорыв на несколько десятков вёрст на северо-запад, для соединения с наступавшими силами Западного фронта, "наткнулась" на мощный заслон, превосходивший её раз в пять по количеству сабель и примерно на пять тысяч штыков.

Начался встречный бой на поле, окружённом холмами. Высоты на флангах занять еле-еле успели, расположив там несколько лёгких орудий, доставленных кавалеристами. А вот впереди… Впереди залегла вражеская пехота. Бить в лоб — полегло бы слишком много людей, да и времени потеряли бы уйму.

На фланги уже вот-вот должна была насесть вражеская кавалерия, ударяя по скованным боем стрелкам…

Командир конных стрелков австрийского ландвера, высоченный усач, с ироничной улыбкой поглядывал на русские орудия, которые наивные простачки оставили практически без охраны. Естественно, пушки нужно было захватить, повернуть против оказавшихся в низине русских пехотинцев и этим ещё сильнее отбросить врага прочь, а может, даже ударить по линии обороны врага.

Конные стрелки почти успели добраться до пушек. Почти — потому что на их пути будто бы из ниоткуда выросли глупо выглядевшие здесь, в бою, рессорные коляски.

— Die Bettler, — осклабился австриец. Он подумал, что Россия настолько обеднела, что танки решила заменить жалкими телегами…

Это была последнее мгновение в жизни того австрийца: пулемётчики, уютно расположившиеся на колясках, накрыли шквалом огня наступавших кавалеристов, быстро уходя из-под вражеской атаки. Уметь тут особо нечего было: многие солдаты не одну сотню раз ездила на телегах и колясках, сами ими правили, так что навыки были о-го-го!

А кони и люди падали на землю, убитые или раненые, накрывая подножие холма саваном из трупов…

Несколько десятков тачанок смогли серьёзно потрепать вражескую кавалерию, и "сабли" отступили. А вот пехота застряла. Без поддержки артиллерии врага просто нельзя было отбросить без серьёзных потерь. И тут-то нашли выход. Скомандовали отступление. Центр отряда прогнулся, фланги застряли у лёгких орудий, которые нельзя было так быстро перебросить на новые позиции.

Вражеские миномёты сперва "пропахали" наши ряды, а пушки смогли вывести из строя несколько тачанок. Австрийцы крепко держались на своих холмах, огрызаясь огнём из всего, что только могло стрелять. Так продолжалось до позднего вечера, когда на фланги

противника насели наши подкрепления, переброшенные сюда из мест соседних прорывов.

Позиций им удержать не удалось, и враг решил отходить, оставив в арьергарде кавалерию. И вот тут-то снова заговорили о себе тачанки, поддержанные артиллерийским огнём…

Австрийцы спешно отступали практически по всему Юзфронту, памятуя о временах Луцкого прорыва. Уходя из-под удара, враг смог уберечь свои силы от полного разгрома, как в прошлом году. Но всё равно, австриякам приходилось отступать вновь и вновь, не в силах задержаться на какой-либо позиции, всю первую неделю наступления. Едва возникала угроза флангового обхода или окружения, позиции отдавались: никому не хотелось попасть в окружение. К тому же Юго-Западный фронт наступал как-то странно. Одновременно ударяли в трёх равноудалённых друг от друга местах, в центре и на флангах, пробивали оборону и начинали потихоньку поворачивать к ещё держащимся и даже, иногда. Ничего не подозревающим о прорыве частям защитников. Обороняться австрийцам становилось опасно: ещё чуть-чуть, и могли зайти в тыл, поэтому снова и снова приходилось отходить. К тому же спасало то, что германцы поверили в полномасштабное наступление на Северном и Западном фронте, где загодя собрали большую часть тяжёлой артиллерии и три четверти бронеавтомобилей. Враг повёлся, оставив без резервов силы, противостоящие нашему Юго-Западному фронту, пытался перебросить их спешно назад, на юг — и нарывался на "сюрпризы"…

Западный фронт смог прорвать оборону германцев на стыке между ним и Юго-Западным фронтом — и в эту дыру рванула Конармия Петра Николаевича Врангеля, всего лишь двенадцать тысяч сабель…Но зато каких! В неё собрали лучшие кавалерийские части, со способными командирами, и поставили перед ними весьма и весьма интересную цель.

Конармию, юркнувшая в зазор между вражескими частями, немцы ждали на подходах к Польше, ожидая, что Врангель попытается атаковать кайзеровскую армию с тыла. Конармию австрийцы ждали на юге, дума, что та поддержит наступление Юзфронта, Конармию и австрияки, и германцы ждали на Западном фронте…

Но Конармия выбрала ни одно из этих трёх направлений — она пошла по прямой, где никто не думал, что она займётся далеко не ударами по складам или тыловым частям, пытаясь сеять анархию в тылах. Нет, цель, поставленная перед Врангелем, была намного интересней. Обогнув с севера отступавшую Четвёртую австро-венгерскую армию, разбив заслоны на переправах через Буг, Конармия, казалось, пропала, испарилась среди просторов Западной Белоруссии.

Поздно ночью на маленькой узловой станции раздались выстрелы, шум, взбёшённые гудки паровозов, конское ржание…Словом, совсем не те звуки, что должны оглашать сумерки в этаком захолустье. Шум выстрелов быстренько утих. Жители, уже привыкшие к артиллерийской пальбе, а не то что ружейной (здесь просто проходила второстепенная линия обороны в пятнадцатом году, так что местные навидались всякого), решили, что какой-то маленький отряд наступающей русской армии наткнулся на германский гарнизон и отступил, огрызаясь. А спустя час или два, казалось, сама ночь пробудилась: адский шум разрывающихся бомб превратил в ничто только-только воцарившуюся тишину.

Люди, прильнувшие к окнам (те, что не попрятались по подвалам или под кроватями), увидели вместо вокзала горящие руины и силуэт искорежённого состава на платформе. Единственная колея оказалась надолго заблокирована. А утром ещё увидят, что железнодорожное на несколько вёрст во все стороны превратилось в груду металла и деревянные щепы. Несколько десятков разъездов быстро-быстро заложили множество зарядов взрывчатки, подорвав их практически одновременно.

Спустя считанные дни эшелоны, перевозившие подкрепления на юг, встали. Большинство узловых станций и железнодорожных переездов были взорваны вместе с примерно пятьюдесятью верстами путей. Причём только те, что располагались более-менее глубоко от линии фронта. Остальные просто не трогали, Врангель боялся того, что на него двинут фронтовые части. К тому же на многие селения и городки в тылу совершались лихие

кавалерийские наскоки, нервировавшие донельзя германское и австрийское командование. Неуловимые русские кавалеристы (все отчего-то поминали казаков) "гуляли по тылам", каким-то чудом избегая направлявшихся на борьбу с ними войсковых частей. И это — в то время, когда малейшее промедление на железных дорогах могло стоить потери сотен тысяч десятин из-за наступления Юго-Западного фронта! Гарнизонные офицеры рвали волосы на головах, чаще, правда, подчинённых, нежели своих собственных, божились, что поймают вражеские диверсионные отряды — а через день-другой стояли возле очередного взорванного переезда. А потом "эти проклятые казаки" совсем обнаглели, пользуясь тем, что враг просто не мог направить должностное число полков далеко от фронта, вот-вот готового просесть под ударами армий Корнилова и Эверта. Последний, правда, изо всех сил противостоял наступлению, говорил о его неподготовленности, слишком крупных силах, противостоящих здесь русской армии — но Кирилл в нескольких коротких и резких телеграммах быстро убедил главнокомандующего Западным фронтом, что промедление смерти подобно. Или как минимум — плохих последствий для самого главкома…

Рано утром очередной эшелон, перевозивший подкрепление с Северного фронта на Юго-Западный, остановился на маленькой станции у самого Буга.

Калиш пал, Львов оказался в кольце осады, Чётвёртая армия Румынского фронта рвалась вперёд, грозя окружением австро-венгерским и болгарским частям. Горбатовский решил, что нельзя терять времени на долгий штурм этого города, а проще оставить заслон против гарнизона, а основные силы бросить вперёд, на Третью и Седьмую австро-венгерские армии. Те как раз отступали на запад, между ними появился крохотный зазор, который вполне мог стать настоящей дырой, местом очередного прорыва. Вот туда и направлялись подкрепления, каждый солдат мог покачнуть весы в пользу Центральных держав.

Паровоз остановился: надо было пополнить запасы угля, узнать последние новости да и хотя бы ноги размять. На вокзале туда-сюда ходило несколько германских караульных, а один офицер, кажется, гауптман, отчитывал местного железнодорожного случая. Этот проклятый русский снова перепутал приказ, и важная телеграмма не дошла вовремя до штаба Армии Войрша, державшей оборону у Барановичей. Западный фронт русской армии там практически бездействовал, обходя этот город и собирая силы для удара на Вильно. Правда, против наших Двенадцатой, Десятой и Второй армий хорошо держались германские силы, стянутые туда в апреле. Вот-вот русская армия могла откатиться…

Пассажиры офицерского вагона, вдыхая свежий воздух полной грудью, подошли к тому гауптману, с улыбкой поглядывая на притихшего телеграфиста. Завязался непринуждённый разговор, говорили про очередные новости с "цирковой арены" — так прозвали те районы, где орудовала неуловимая Конармия Врангеля. Один из офицеров, только-только сошедших с поезда, краем глаза заметил какое-то движение на вокзале. Огляделся — и обмер. Прямо в лицо ему смотрела винтовка, которую держал командир патруля.

В считанные мгновения из здания вокзала, из депо и со складов в поезд начали запрыгивать люди в одежде железнодорожных рабочих, германских солдат, офицеров, крестьян…

Офицерские вагоны моментально оказались заполнены вооружёнными людьми самого дерзкого вида, врывавшихся в купе и забиравших любое оружие (иногда вместе с часами, украшениями и прочими приятными мелочами) у германцев. С солдатскими вагонами поступили ещё быстрей: гранаты, пулемётные очереди, "контрольные выстрелы" по выжившим. Практически никто не успел среагировать: многих смерть настигла во сне.

Офицеров же пощадили потому, что нужны были "языки". Правда, особо важной информации у них добыть не удалось. Так, примерное расписание очередных эшелонов с подкреплением, слухи о расположении карательных отрядов. К тому же в поезде, в грузовых вагонах, удалось разжиться оружием и патронами. Жаль только, что корма для лошадей там не было: Конармии нужно было огромное количество овса, на подножном корме недолго "гулять по тылам".

Врангелевцы заняли этот маленький городок (или скорее большую деревню) прошлым вечером, перебив немногочисленный гарнизон. С местными легко удалось договориться: всё-таки свои, не немцы и не поляки. А заодно выяснилось, что утром ожидается состав с подкреплениями для южных армий. Естественно, решили эшелон остановить. Но нужно было действовать без лишнего шума, из-за чего разыграть пьесу "Повседневная жизнь тылового городка". А германцы повелись на неё, не ожидая, что Конармия отважится на такую наглость.

Эшелон отогнали вперёд, вёрст на пять — и там уже взорвали, перекрыв тем самым железнодорожные пути для будущих подкреплений на немалое время. Заодно подорвали железнодорожное полотно, ограничившись тремя-четырьмя зарядами взрывчатки — та подходила к концу. Надо было что-то с этим делать…

Глава 33

Кирилл и Юденич прильнули к карте Северного фронта.

— Ваше Высочество, а не кажется ли Вам, что наступление захлёбывается? Да, удалось без значительных потерь занять Двинск и Митаву. Но это был успех, достигнутый благодаря всеобщему напору и напалму. Однако части продвигаются всё медленней, Десятая армия и Двенадцатая армии увязли в боях на подступах к Вильне, у Митавы германцы заняли оборону, взломать её будет делом долгим. Барановичи пришлось обойти, противник создал там укрепрайон ещё в прошлом году. Армии продвигаются всё медленнее, даже небольшое превосходство в тяжёлой артиллерии нас не спасает. Юго-Западный фронт продвигается слишком быстро, вот-вот может возникнуть проблема со снабжением и связью между штабами армий. Горбатовский запрашивает подкрепления: вот-вот выйдет на оперативный простор, понадобятся ещё люди и огнеприпасы. Румынский фронт, ослабленный переброской десантных дивизий, может похвастаться только успехами Четвёртой армии. В общем, положение своеобразное. Западный и Северный фронт добились прорыва на двух участках, создав угрозу Вильне и увязнув во встречных боях, Юго-Западный фронт продвигается всё дальше и дальше, перемалывая австро-венгерские части, Румынский фронт по Вашему приказанию стоит на месте, лишь сковывая несколько болгарских и турецких дивизий, которые противник теперь не сможет перебросить к Стамбулу…Нужен успех, Кирилл Владимирович, нужно что-то предпринять, иначе покатимся обратно. Радует, что союзники с девятого апреля уже начали наступление. Свободных частей у Центральных держав нет. Итальянский фронт австро-венгры ободрали как липку, все сил против нашего Юзфронта бросили. Однако на севере противник, судя по имеющимся данным, может начать контрнаступление. Кирилл Владимирович, что Вы намерены предпринять?

— Николай Николаевич, взгляните на карту, — Кирилл Владимирович обвёл указательным пальцем Литву и Латвию. — Вас здесь ничего не смущает?

— Разве что наш Пинский выступ. Фланги Особой армии оголены. То, что она может выйти к Брест-Литовску, значит не только тактический успех, но и угрозу окружения противником, — Николай Николаевич пожал плечами.

— Всё верно, — Кирилл вздохнул. — Могут получиться новые Мазурские болота. Однако не для нас — а для Германии. Особая и Одиннадцатая армии должны выйти к Брест-Литовску. Если армия Войрша или части Бернхарди не станут оборонять этот город, наши силы должны его занять, а затем повернуть к Неману. Вторая армия должна оставить заслоны, необходимые для блокады Барановичей, а затем занять правобережье Немана. Все резервы должны быть использованы для захвата контроля над участком правого берега этой реки длиной в тридцать или сорок вёрст..

— Но ведь германские части всё ещё будут оставаться в Литве и Латвии! — Николай Николаевич вздёрнул подбородок. — Они же не будут сидеть сложа руки! Хотя…скованные армиями Северного фронта…Кирилл Владимирович, Вы хотите окружить несколько кайзеровских армий на этой территории?

— Не совсем. Мы создадим угрозу "котла" между правым берегом Немана, Балтийским морем и Северным фронтом. Подкрепления германцы сюда не смогут подвезти, если нашим частям удастся закрепиться. К тому же противник ограничен в людских ресурсах: союзники уже вторую неделю ведут наступление. Надеюсь, их "операция Нивеля" удастся. Нам нужно просто собрать достаточно сил для прорыва и удержания на протяжении хотя бы нескольких месяцев позиций по правобережью Немана. Северный и Западный фронты должны напрячь все силы ради этого. Юго-Западный фронт пусть сосредоточит силы на северных точках наступления. В крайнем случае, если не удастся добиться успеха, мы вынудим противника ввести резервы. Центральные державы вряд ли выдержат такое напряжение. К тому же части Румынского фронта должны вскоре освободиться. Это заставит германцев заволноваться. Естественно, наш замысел должен быть для них кристально ясен: попытка окружения литовских армий и занятие Вильны. Германцы должны сперва попробовать затянуть прорыв, а если не получится — то начать отводить войска к западу и северо-западу, на линию Либава-Средний Неман, а также к Вильне. А наш Северный фронт получит возможность продвинуться вперёд.

— Я не думаю, что это возможно, Ваше Высочество. Болгарские части уверенно держатся, поддержанные турецкими и германскими дивизиями. Румынский фронт враг ещё будет удерживать долгое время. У германцев и австрийцев ещё есть силы для создания резервов и переброске подкреплений. К тому же они могут снять части с Западного фронта. Я не думаю, что союзники смогут серьёзно продвинуться во Франции и Бельгии.

— Ещё не вечер, Николай Николаевич, ещё совсем не вечер…

— Ваше Высочество! — в комнату вбежал запыхавшийся адъютант. — Только что пришла телеграмма от министра Милюкова.

Министр иностранных дел уже несколько недель пребывал в "турне" в Соединённых Штатах. Конгрессмены и сенаторы всё никак не хотели объявить войну Германии. Даже после разрыва дипломатических отношений и серьёзного вреда их торговому флоту, американцы выжидали. Кирилл надеялся, что Милюков вместе с другими эмиссарами союзников сможет убедить штатовцев вступить в войну. А заодно лидера кадетов удалось сплавить подальше…

Кирилл пробежался глазами по расшифровке послания. Улыбнулся. Сердце застучало сильнее.

— Удалось. Николай Николаевич, американцы всё-таки вступили в войну! Только что закончилась внеочередная сессия Конгресса. Вильсон смог убедить конгрессменов в необходимости начала боевых действий против Центральных держав. Теперь бы ещё узнать, что же происходит в Болгарии…

Фердинанд I Саксен-Готский, король Болгарии и прочее-прочее-прочее, чей род по бабкиной линии восходил аж к самому Луи-Филиппу "Равенству" Орлеанскому, в последние дни был невероятно взволнован. Как-то всё и сразу свалилось на него: Вильгельм требовал от болгарской армии более решительных действий на фронте, посылки нескольких дивизий для обороны Австро-Венгрии от нового прорыва, турки только-только заныли о спешной отправке сил к Стамбулу, для спасения столицы от свалившегося как снег на голову десанта…

В общем, правитель болгарский, как истинный германец решил, что нет лекарства лучше, чем музыка. Именно ради спасения от повседневной суеты Фердинанд решил посетить оперу. Помпа, сновавшие туда-сюда портные (естественно, нужно было блеснуть перед подданными своим нарядом!), вымученно улыбавшиеся адъютанты, офицеры генерального штаба, придворные, фрейлины, дочки Евдокия и Надежда…

Царский кортеж был довольно-таки скромен. Три легковых автомобилей охраны, несколько — со свитскими, и один, с открытым верхом, для Фердинанда и семьи. Улицы Софии приветствовали своего правителя свистом и антивоенными выкриками. Когда кортеж заворачивал, несколько подростков смогли каким-то чудом приблизиться настолько к

царскому автомобилю и закидать его тухлыми овощами. Фердинанд нахмурился, прикрикнул на водителя, помянул на родном германском своих неблагодарных подданных, испортившим царю настроение.

Кортеж в очередной раз должен был повернуть. Ещё десять или пятнадцать минут, и царь бы уже смог насладиться спокойствием оперного театра, чудесной музыкой…

Внезапно автомобиль охранения остановился, противно, надсадно завизжали тормоза, а затем раздался оглушительный взрыв. Взметнулся столб чёрного как смоль дыма, впередистоящее авто разворотило, сидевшие там люди оказались в крови, казавшейся какой-то слишком яркой, ненастоящей. Водитель царского экипажа начал разворачивать машину, его лицо было белее снега от волнения, свитские принялись палить по переулкам, где, как им казалось, засели бомбисты…

Голова Фердинанда неестественно дёрнулась, что-то тёмное отлетело от неё, царь болгарский закатил глаза. Его треугольная бородка задрожала, хитрые, лисьи глаза (его в народе звали Лисицатой, Лисой) широко раскрылись…

Худое лицо Марии-Луизы, его жены, побелело, покраснело, посерело, а изо рта поднялся душераздирающий, пробирающий до самых костей крик: царя Болгарии настигли пули убийц. Начался настоящий хаос. Ревели тормоза и люди, дочки Фердинанда заливались плачем, Мария-Луиза обнимала уходившего в мир иной супруга, слышались хлопки от выстрелов и беготня…

А к стене в маленькой комнате одного из близлежащих домов привалился тяжело дышавший человек. Пальцы, лежавшие на спущенном курке, всё никак не разжимались — из-за волнения. Градины пота струились по лбу, сердце стучало с невероятно скоростью, а в голове застряла лишь одна мысль: "Получилось". То же самое думали и трое других человек, не в силах выпустить из рук сделавшие своё дело винтовки с прикрученными к ним редкими в этой войне оптическими прицелами. Один из этих человек промахнулся, но пули других всё-таки настигли Фердинанда.

Бомбист же не попал в руки царской охраны живым — после взрыва он, видя, что скрыться не сможет, успел проглотить заранее приготовленную капсулу с ядом…

В десятых числах марта в Софии объявилось несколько гостей с "верительными грамотами" от Радко-Дмитриева, решившего воспользоваться старыми связями в дипломатических и военных кругах Болгарии. Русские офицеры (а именно ими были гости) попросили помочь со съёмом помещений подальше от посторонних глаз. Деньги у них были, так что проблем особых не возникло. Затем понадобились некоторые вещества, которые обычно применялись эсерами для производства бомб. Смогли найти и это. Всё это являлось лишь частью большого плана, разработанного лично Великим князем.

Группа агентов Службы Имперской Безопасности проникала на территорию болгарской столицы и использовала доверенных людей Радко-Дмитриева для создания "базы". На ней, кроме всего прочего, собрали из добытых материалов несколько бомб и приладили привезённые оптические прицелы к винтовкам. Всего в группе было пять снайперов и трое бомбистов. Их главной целью было устранение болгарского царя Фердинанда, без влияния которого можно было быстрее склонить страну к выходу из войны. Его наследник, Борис, заслуженно считался пацифистом, прислушивавшимся к мнению прорусской части населения — а эта часть становилась всё больше и больше с каждым днём и каждым погибшим болгарином.

Кирилл Владимирович разработал также примерную схему самого покушения на Фердинанда. Во время выезда из дворца по пути следования кортежа снайперы должны занять квартиры с окнами, выходящими на дорогу, по которой должен будет проезжать царь болгар. Причём стрелкам отводились места таким образом, чтобы Фердинанд оказывался под перекрёстным огнём. Однако стрелять из винтовки по движущейся мишени — слишком опасно, велика вероятность промаха. Нужно было действовать наверняка, поэтому в схему Кирилл включил бомбистов. Тем отводилась роль "тормоза": взорвать машину охранения, тем самым остановив хотя бы на несколько мгновений автомобиль с царём и дав

возможность снайперам сделать своё дело. Если же эта схема не срабатывала, то планировалось попытаться подкупить кого-нибудь из доверенных слуг или царских поваров и использовать последний довод заговорщиков — яд. Можно было, конечно, поменять последовательность этих действий местами — но на самом деле вторая схема намного опасней. Здесь существовала вероятность того, что царь узнает о попытке отравления от самого кандидата в отравители, и вся операция сорвётся. Была опасность и того, что Фердинанд просто в ближайшие месяцы не будет выезжать из дворца, или его выезды обставят так, что подойти-подобраться не представится возможности. Тогда бомбисты стояли бы в сторонке, и своё дело попытались сделать снайперы.

В общем, в этом плане было столько обходных манёвров и вероятностей, что он оказывался довольно-таки гибким — и в то же время уязвимым. Но Кириллу просто не оставалось ничего другого, Болгария должна выйти из войны или хотя бы оказаться парализована: если уж и Борис не отложился бы от Центральных держав, то мишенями оперативной группы становились все прямые наследники пока ещё живого царя болгарского Фердинанда. В том числе и пресловутый "пацифист"…

А через считанные дни после поспешной коронации Бориса, волнений в армии и в столице, похорон Фердинанда и множества прочих неприятных инцидентов (например, катастрофических для Турции событий на Босфоре и в Стамбуле), новый царь болгарский получил конфиденциальное предложение от Великого князя Кирилл Владимирович. Романов обещал взамен выхода Болгарии из войны территориальные приобретения, помощь в восстановлении страны после окончания военных действий и вообще — самую горячую дружбу и поддержку. А насчёт германских, австрийских и турецких частей, находившихся на территории царства, Кирилл просил не беспокоиться. Был способ решения этой "маааленькой" проблемы. Борису предстояло серьёзно поразмыслить, что важнее: верность договору с Центральными державами, поставившему родную страну на колени и почти её добившему, или же приращение земель болгарских, сохранение единства армии, народа и династии… Естественно, царь Борис принял то решение, которое посчитал правильным…

Занимался рассвет. Воздух всё ещё был наполнен звуки разрывающихся снарядов и ведущих огонь артиллерийских орудий. Но пушки звучали всё тише и тише: русским кораблям было приказано применить фугасы с химической "начинкой". Когда такой снаряд разрывался над батареей, её обволакивало ядовитым облаком, и через некоторое время она становилась безвредной для Черноморского флота. Артиллеристы просто задыхались или травились "начинкой": противогазов и средств химической защиты турки для людей на батареях не предусмотрели.

Верхний Босфор удалось занять довольно-таки быстро. Первая волна десанта заняла нейтрализованные турецкие батареи, развернула пушки в ту сторону, откуда могли придти разъярённые хозяева-османы. Как раз в ближайшие дни ожидались "гости" из Смирны, городка на средиземноморском побережье, и гарнизон Дарданелл. Тем временем на Верхнем Босфоре уже высадилась третья дивизия с "аргументом" — тяжёлой артиллерией. Благодаря участию повстанческих отрядов и применению химических снарядов операция даже опережала график.

Транспортники ушли в Одессу и Трапезунд за новыми дивизиями — и через жалкие полчаса-час в проливе показались силуэты турецких кораблей. Османские судна выглядели детьми, облепившими дородную маму — "Гебен". Когда-то одно его имя заставляло волноваться офицеров Чёрноморского флота и командиров береговых укреплений. Теперь же Колчак мог отплатить полновесной монетой за прошлые неудачи русского оружия в боях с этим германским страшилищем.

Махина "Гебена" прорезала морские волны, вспенивая воду, бившуюся волнами о берега Европы и Азии, между которыми здесь было несколько жалких сотен метров. Похоже, противник решил наказать зарвавшийся русский флот. Правда, вряд ли германцы ожидали лёгкой победы. А может, просто переоценили свои силы: теперь, после введения в

строй линейных кораблей "Иоанн Златоуст" и "Евстафий", "Гебен" мог и ко дну пойти. Но махина всё шла и шла вперёд, готовясь открыть огонь по русским кораблям, запершим выход из Босфора в Чёрное море.

Орудия батарей постреливали…по русским кораблям. Артиллеристам приказали разыгрывать комедию: сделать несколько залпов по нашим судам, так, чтобы или обшивке полоснуло, или упал снаряд рядом, вспенив воду. Пусть капитан "Гебена" будет думать, что батареи всё ещё в руках турок. Тогда у него будет меньше причин для бегства. Ведь германцы же не идиоты, им ясно, что бой будет очень жарким. Турки, успевшие подать весточку об обстреле батарей, не смогли узнать о стоящих в нескольких кабельтовых от Босфора "Евстафии" и "Златоусте". Химические снаряды быстро делали своё дело.

"Махина" всё шла и шли напролом, паля изо всех орудий — и тут матросы и офицеры "Гебена" услышали рёв моторов, а вскоре увидели и чёрные точки на горизонте. Точки всё увеличивались и увеличивались, превращаясь в самолёты. "Ильи Муромцы" летели редкой стаей, намереваясь добраться до "махины", не попав под огонь противовоздушного оружия "Гебена". До того аэропланы ждали своего часа на авиаматках, переделанных под импровизированные аэродромы кораблях Черноморского флота.

Среди "Муромцев", примерно в центре "стаи", затесалось три "Фармана", неуклюжих и маломощных по сравнению с творениями "Сикорского". С "Гебена" открыли огонь из зениток по аэропланам, умело маневрировавшим и уходящим от вражеского огня. Но вот один из "Муромцев" задымился и начал резко снижаться, он сорвался в мёртвую петлю и упал в морскую воду. В воздухе раскрылись белые купола — некоторые члены экипажа "Муромца" успели воспользоваться парашютами Котельникова.

Но вот самолёты смогли добраться до линейного корабля германцев — и из передовых бомбардировщиков на палубу "махины" полился напалм. Дотоле неведомое германскому экипажу оружие произвело ужасающее впечатление. Напалм затекал в орудийные башни и стволы орудий, просачивался на нижние палубы…

А потом посыпались бомбы. Следующие "Муромцы", пролетая в считанных десятках метров над "Гебеном", рискуя попасть под прямой огонь зениток, сбрасывали на палубу корабля "подарочки", сотрясавшие металлическую обшивку и даже повредившие несколько орудийных башен. Приближались "Фарманы". Немцы смогли подбить один из них, и аэроплан упал в воду, быстро уходя ко дну. Но вот двое других…

На подлёте к Гебену из "Фарманов" на парашютах начали спрыгивать пилоты. Чёрные кожанки легко угадывались на фоне небесной синевы. Экипаж "Гебена" никак не мог понять, что происходит — до того самого момента, когда один из "Фарманов" ударился о палубу о корабля, а второй взял на таран носовую часть "махины".

Линейный корабль сотрясли два мощных взрыва, пламя, казалось, взметнулось до самого неба. Просто из самолётов сделали "летающие бомбы" — нагруженные взрывчаткой под завязку аэропланы. Всего около шестидесяти килограмм на каждом. Вроде бы мелочь для "Гебена", но вот взорвавшиеся в одном месте, да ещё поддержанные горящим напалмом…

Германский корабль дал "полный назад" — а на него уже начались сыпаться снаряды с "Евстафия", "Златоуста" и захваченных береговых батарей. А "Муромцы", которые, казалось, никогда не закончат бомбардировку, всё налетали и налетали на "Гебен", чьи орудийные башни, повреждённые напалмом и авиационными бомбами, молчали. Вокруг "Гебена" то тут, то там взметались фонтаны воды — снаряды густо падали и вокруг "махины", и на неё.

Залп "Златоуста" угодил в рубку. Небо заволокло дымом. Ещё один удар — и в обшивке корабля, над самой ватерлинией, появилась пробоина. Русским кораблям тоже досталось, снаряды "Гебена" отправили на дно миноносец и серьёзно повредили один лёгкий крейсер. Ещё над несколькими нашими судами появились столбы дыма.

"Махина" пыталась уйти — но Колчак не хотел позволить "Гебену" скрыться, как в прошлые разы. Артиллерийский обстрел, напалм и авиационные бомбы сделали своё дело — линейный корабль накренился и сбавил ход, исходя чёрным дымом, как человек — кровью.

Ещё одна "летающая бомба" упала на командную рубку, покорёжив стальную броню. Напалм пробрался внутрь…

Гордость германского флота тонула, страдая от агонии. Прошло то время, когда этот немецкий линейный корабль на пару с "Бреслау" безнаказанно бороздил просторы Чёрного моря. Черноморский флот отомстил за былые обиды…

Солдаты десанта, моряки, офицеры, даже повстанцы ликовали, глядя на умирающего "Гебена". Переоценившие свои силы, угодившие в ловушку, немцы привели корабль на верную смерть. Они надеялись отогнать русские корабли прочь, уповая на поддержку береговых батарей. С ними у "махины" были значительные шансы на победу. Но — на этот раз русские переиграли немцев. Враг слишком сильно верил в свою счастливую звезду, которая меркла с той же скоростью, с какой "Гебен" уходил под воду…

Подпоручик Аксёнов трудился изо всех сил наравне с солдатами и местными жителями. Предстояло много работы: окопаться на азиатском берегу, так, чтобы можно было отбивать турецкие атаки в течение, как минимум, нескольких недель. С европейского берега доносились звуки выстрелов. Похоже, вторая десантная дивизия продолжала очищать район высадки и батареи Верхнего Босфора от османских солдат.

Страшно хотелось пить, но драгоценную воду приходилось экономить. Это только казалось, что протяни руку — и целое море можно выпить. А на самом деле с достаточным для трёх дивизий количеством питья была проблема. Колодцы вокруг не могли напоить столько людей. Транспорты должны были доставить пресную воду, но они были далеко, в пути за вторым эшелоном десантных войск. Так что приходилось терпеть. Но это было всяко лучше, чем сидеть на баррикадах Петрограда и ждать, обойдут ли тебя с тыла, полезут ли в бой те, кого ты только вчера мог видеть на улицах и жать им руки, носить выточенные ими сапоги…

К сожалению, тонущий "Гебен" практически перекрыл пролив для русского флота, так что Средний Босфор оказался в недосягаемости для черноморских кораблей. Разве что миноносцы и лёгкие крейсеры смогли бы пройти, а вот подлодкам и "Евстафию" со "Златоустом" путь был заказан. Это осложняло операцию по захвату Царьграда. Пехоте теперь придётся действовать самостоятельно, лишь Верхний Босфор, в случае чего, окажется поддержан огнём корабельной артиллерии.

Из-за этого приходилось на ходу изменять общий план. Колчак приказал произвести высадку второго эшелона десантных сил на двадцать вёрст западнее Верхнего Босфора. Морская дивизия должна была поддержать операцию с суши и затем уже начать наступление на Стамбул.

Однако Александр Васильевич не терял надежды на то, что "Гебен" как-нибудь можно будет отбуксировать или, в крайнем случае, взорвать ко всем чертям и тем расчистить дорогу для Черноморского флота. Смирнов вообще предлагал расстрелять тонущий линейный корабль из корабельных орудий и покончить с этим. С гибнущей "махины" как раз помогали выбираться выжившим членам германо-турецкой команды. Брошенные на произвол судьбы убравшимися восвояси турецкими кораблями, гебеновцы имели жалкий вид. В грязных, опаленных одеждах, хмуро глядящие на идущий ко дну корабль, ставший им родным, многие ожидали для себя худшей участи, чем та, которая выпала на долю погибших с "Гебеном" людей. Ведь многие нижние палубы оказались недосягаемы для спасательных команд, туда просто не смогли добраться. Но то, что там оставались люди, было ясно: глухие звуки, стуки, стоны шли снизу — обречённые на смерть матросы надеялись на спасение…

К вечеру лёгкие крейсеры и миноносцы всё-таки смогли войти в Босфор, миновав могилу "Гебена". Транспорты также смогли пробраться внутрь. Однако "Евстафию" и "Златоусту" оставалось сторожить выход в Чёрное море, путь в Средний Босфор им был заказан.

Теперь уже турецкие батареи ощутили на себе, что такое огненный ад. "Муромцы", для которых смогли найти ровное место на европейском берегу, ставшее импровизированным аэродромом, делали один "рейс" за другим, бомбя позиции османов. С кораблей вёлся

обстрел химическими снарядами. А дело же завершило по три батальона кирилловцев и морских пехотинцев (так уже звали солдат Морской дивизии), овладевшие батареями. Правда, трудно было бегать в противогазах, выданных солдатам. Но иначе было нельзя: боялись, что начинка газовых фугасов не успеет выветриться. Пленных оказалось на удивление много: турки просто отошли от батарей, намереваясь переждать обстрел (или просто сделать ноги).

Дорого на Стамбул была открыта. Минареты Айи-Софии, прежде величайшего храма христианского мира, можно было разглядеть с берега. Совсем близко, казалось, протяни руку, и дотронешься, протянулись предместья Царьграда.

Аксёнов, который был среди тех солдат, что овладели батареями Среднего Босфора, не мог оторвать взгляда от величественного Константинополя. Мечта России, один из трёх ключей к выходу в Средиземное море, древняя столица православия, оплот турок, многие века тревоживших родную страну и натравливавших крымских татар, столица государства, издавна "гадившая" России, та "дыра", в которой пропадали колоссальные суммы, гибли десятки и сотни тысяч человек — вот она была, тут, рядом, под рукой.

Город раскинулся на обоих берегах Босфора. На европейском берегу высилась громада Айи-Софии, сотни мечетей, кварталы нищих и дворцы тех людей, что теперь правили землями Византии. Где-то там должен был быть и сам султан, ставший лишь пешкой в игре младотурок, триумвирата Энвера, Таалата и Джемаля. Хотя, не будь "дутый султан" дураком, он уже должен был бежать из столицы на Салоникский фронт или к Дарданеллам.

Ночь подходила к концу. Стамбул понемногу оживал — но оживали и позиции, занятые русскими войсками. Второй эшелон, три дивизии с лёгкими орудиями и миномётами, уже заканчивал выгрузку из транспортников. За прошедшее время турецкие корабли несколько раз пытались обстрелять десанты, но орудия захваченных батарей и корабельные пушки доходчиво объяснили османским командам, что им здесь не место.

Сил теперь было достаточно для быстрого захвата Стамбула. Трёх дивизий вряд ли бы хватило и для обороны батарей, и для занятия турецкой столицы. Но теперь, после подхода подкрепления, надо было действовать быстро. Заранее подготовленный план определял свою собственную цель едва ли не для каждой роты десантников.

Подпоручику Аксёнову с кирилловцами предстояло овладеть несколькими азиатскими кварталами Стамбула. Судя по всему, противостоять турецкая милиция и небольшое количество солдат. Враг и так должен был чрезмерно растянуть свои силы: не было в столице даже одной полновесной дивизии, не то что уж чего уж там уж…

Ещё несколько минут до атаки. Василий Михайлович проверил оружие, перезарядил.

— Патронов бы хватило, — вздохнул Аксёнов и повернулся к своей роте. — Видите этот город??? Скажите, много ли тех, у кого предки и родственники погибли под турецкими пулями? Много ли тех, чьей семье кавказские горцы принесли несчастье? Много ли тех, кто уже потерял своих друзей и близких в этой войне? Кто был ранен или ходил под пулями? Много ли тех, кто хочет, чтобы Великая война быстрее закончилась?

Один, второй…Двадцатый…Сороковой…Много таких нашлось.

— Значит, перед вами — шанс отомстить за всё, шанс прекратить эту войну. Шанс оставить свой след в истории. Шанс показать миру, на что ещё способна Россия и все русские люди. Нас хоронили в пятом году. Нас спешили похоронить в пятнадцатом. Нам прочили смерть и медленное умирание в прошлом году. А для мёртвых мы ещё неплохо сохранились, а?

Раздались смешки. Да, для мёртвых солдаты смотрелись довольно-таки бодренько.

— Вот и я то же самое думаю. Так покажем мы, на что способны русские солдаты? На что способен русский народ, не только великороссы или малороссы, но и другие? На что способна вся Россия? Докажем, что нас ещё рано хоронить? Покажем, что такое русский человек, который сражается за свои семьи, за свою веру, за своё Отечество?

Дружные выкрики поддержки. Да, солдаты были готовы показать это всему миру.

Шум людей затерялся в громе артиллерийской канонады и рёве моторов: Колчак,

назначенный Сизовым командовать всей операцией, а не только её морской частью, приказал открыть огонь по позициям немногочисленных столичных защитников. К тому же это должен был быть знак ещё кое-кому…

Обстрел длился считанные минуты, но множество строений и домов успело превратиться в руины. Это была компенсация за разрушения, причинённые турецким флотом городам России на Чёрном море. Да и нельзя было пускать солдат вперёд, не обеспечив хотя бы такой поддержки. Затем в дело подключились миномёты. Ну а потом настал черёд пехоты…

К городу солдаты продвигались в лучах восходящего солнца, осветившего городские кварталы. Бегом, редкой цепью, чтобы вражеские пулемёты (если ещё остались в боевом состоянии) не накрыли одной очередью весь отряд. Вот оставался километр до первых домов, превратившихся в руины, полкилометра…

Среди руин, в которые обратились здания, лежали мёртвые. Аксёнов знал, что там множество мирных жителей, и не помышлявших о борьбе. Там могли быть не только турки, но даже и потомки русских…Но это была война. Некогда было горевать о потерях.

Между домами попадались тела в форме или с оружием в руках — этих людей накрыл обстрел. Те же, кто выжил, похоже, бежали. Аксёнов должен был занять бухту. До неё было несколько кварталов. И всё-таки их встречали.

Какой-то кирилловец, рядовой, обогнал подпоручика (Василий Михайлович до того был на острие атаки, не желая прятаться за спинами своих людей) — и упал на землю, подкошенный выстрелом. Из соседних домов открыли винтовочный огонь.

— В укрытия! — заорал Аксёнов, приваливаясь к стене ветхой хибары. Пуля сколупнула кусочек извёстки у самой головы подпоручика. — Ну совсем обнаглели!

Рядом привалился ещё один солдат. Потом — ещё. Было трудно понять, как за такой ветхой постройкой может укрыться целый взвод. Но — всё-таки смог.

— Гранаты у кого-нибудь есть? — Аксёнов понял, как можно побыстрее избавиться от тех докучливых стрелков.

— А то как же, Ваше благородие, — отозвался морской пехотинец. Георгиевский кавалер, бывалый солдат. Правда, шёл ему уже сороковой год, так что былой прыти лучше от него ждать не следовало. — Цельных две. Изволите им фейверк устроить?

— Именно. Сможешь? — Аксёнов выглянул из-за угла.

Дом был двухэтажный, с узкими окнами, прикрытыми наполовину ставнями. Из-за них торчали стволы винтовок. А вот дверь…Дверь, как говорится, была дрянь. Один удар прикладом — и развалится.

— Вы бы их, Ваше благородие, что ли, отвлекли, пусть повеселятся, пока я подарочек им принесу, — осклабился вояка.

— Устроим, — подпоручик вскинул пистолет-пулемёт. — На счёт три взвод открывает огонь по дому. А ты, — Аксёнов кивнул на георгиевского кавалера. — Подкидываешь им твои подарочки.

— Есть! — седовласый (за войну поседел), с огнём в голубых глазах, улыбкой на широком лице солдат взял гранаты в руки.

— Ну, с Богом! — Аксёнов резко вышел показался из-за угла и открыл огонь из пистолета-пулемёта по окнам дома, в котором засели турки. Да уж, тяжела была доля передового отряда: расчищать дорогу в столице для основных сил…

Солдаты роты Кирилла, засевшие за соседними домами, поддержали огонь. Георгиевский кавалер быстро подбежал к дому, снял чеки с гранат…И начал заваливаться на спину. На его животе растекалось кровавое пятно. За дверью ждал ещё один турок. Его выстрел настиг "гренадера", оборвав жизнь и лишив возможности увидеть конец войне.

Несмотря на пальбу, Аксёнов смог расслышать последние слова георгиевского кавалера. "Врёшь, по-моему выйдет!" — и даже, кажется, шум от гранат, покатившихся по полу домика. А может, это просто воображение подпоручика дорисовало всё остальное?

А через мгновение, показавшееся вечностью, из окон здания вырвалось пламя,

изрыгнувшее деревянные щепы, осколки стекла и кроваво-красное нечто, о котором Василий Михайлович старался не думать.

— Пошли! Пошли! — Аксёнов рванулся к "гренадёру". Тот ещё был жив, хотя жизнь задержалась в нём на минуту-другую, не более. Подпоручик по войне знал, что ранение в живот — самое опасное. Помочь здесь было нечем. Санитары пойдут только с основными силами: таков был приказ.

— А какой фейверк я им задал, а, Ваше благородие? — через силу улыбнулся человек, не доживший каких-то часов до русского триколора, развевающегося над султанским дворцом.

— Это был лучший фейерверк, который я только видел. Ну а…

— Ваше благородие, дочку с женой моих найдите. В Саратовской губернии, село Нечаевка, Мироновых спросите… Мироновых.

Кровь пошла горлом. Лёгкое…

— Найду, найду. Эй, останьтесь с ним кто-нибудь! Чтобы никакая сволочь турецкая не тронула георгиевского кавалера! Это приказ!

И снова беготня по кварталам, штурм домов, в которых укрывались вооружённые защитники города, захват основных точек, телеграфов, почтамтов, рынков, отделов местной полиции. В общем, рутина войны…

Глава 34

Сергей Минаев во главе смешанного отряда повстанцев и русских солдат остался на батареях, руководить земляными работами. Благо, транспорты потихоньку подвозили инженеров, а несколько "Муромцев" решили использовать как летающие транспортники. Хоть и могли они поднять сравнительно немного, но это был вклад в общее дело. К тому же они действовали более оперативно, нежели корабли, подвозя ящики с патронами для пехоты.

Со стороны Стамбула больше не доносилось ни звука. Похоже, бои за город сместились от предместий к центральным кварталам. Лишь изредка корабельная артиллерия или миномёты делали залп-другой по Царьграду и надолго умолкали. А пехота вгрызалась и вгрызалась в землю. Потихоньку вырастали ряды окопов, которые вот-вот должны были обрасти колючей проволокой.

— Это ж творится в честном мире! — над позициями отряда Минаева разнёсся гулки бас Николая Панько. — Уселся, значится, тут наш Сергей и носу не кажет, а?

Химик был в своём репертуаре, разыгрывая из себя лихого малоросса, потомка запорожских казаков. А в широких ладонях уже был зажат объёмистый саквояж, добытый химиком неведомо где.

— Поосторожней, пыльно. Всё-таки не песочные замки строим, а копаем, — Минаев хмурился. Он вообще был не из самых жизнерадостных людей. Да, и в самом деле, откуда радость может появиться, когда прямо под боком войска уже штурмуют (если это действо вообще можно было назвать штурмом) Стамбул, а Сергею досталась доля землекопа.

— Брось ты, скоро здесь станет совсем даже не пыльно, а людно! — Николай как-то сразу напрягся. — Только что от лётчиков. Говорят, к утру или даже к полуночи стоит ждать много-много гостей. Этак с дивизию турок и немцев из-под самой Смирны. Идут на огонёк, да, хотят нанести визит вежливости, узнать, как мы тут устроились, не нужно ли чего-нибудь для сугреву…Чего улыбаешься, Минаев? От, бисовское племя…

Химик решил, что роль потомка запорожцев надо всё-таки доиграть. Надо, надо, для поднятия настроения и боевого духа. А Сергей радовался тому, что и для него дело найдётся. Всё-таки сколько раз он мечтал сойтись в настоящем бою с проклятыми турками, которые у него уже второй месяц сидели в печёнках. Надоело ему отсиживаться по всяким "училищам" для повстанцев и встречать гостей из Крыма, отвлекая патрульных.

— Ну ладно, ось прально, а я пойду-ка…

— Николай, постой. Ты как думаешь, наши там справятся? — Минаев махнул рукой в

сторону Царьграда. — Не слишком ли это легко?

— Говоришь, Сергей, легко? Готовиться к этой операции года два, проливать кровь сотен тысяч людей, изматывать Центральные державы, штурмовать Трапезунд, консервировать Чёрное море, лишать Порту угля — это легко? А ты знаешь, что сейчас в Галиции и в Прибалтике наши фронты перешли в наступление, единым ударом надеясь решить исход этой войны? Ты думаешь, легко думать о том, что от нашей победы зависит общая победа? Нет, Сергей, это совсем не легко…

Уже третий и последний эшелон десанта, две дивизии из Одессы и одна из Батума, высадился на берег. Новички удивлением поглядывали на практически нетронутые батареи, оказавшиеся в руках кирилловцев. С одобрением смотрели на окопы, избороздившие берег Босфора от пригородов Стамбула до Чёрного моря. Эти укрепления, вообще-то, могли и не понадобиться в случае успешного занятия Царьграда. Шедшая из Смирны турецкая дивизия должна была по всем законам здравого смысла первый удар направить на саму столицу, забыв о занятом русскими побережье. Но вдруг город не удастся удержать и придётся бороться за удержание захваченного плацдарма на азиатском берегу? Здесь противник, даже если сможет благодаря невероятному стечению обстоятельств, выбить наш десант из Константинополя, обломает зубы и положит весь строевой состав измирской дивизии.

Примерно через полчаса после разговора Минаева с Панько пришёл приказ прекратить рытьё окопов и войти в предместья Стамбула. Похоже, воздушная разведка всё-таки выяснила, что турки движутся прямо на столицу. Предстояло их остановить. Как сообщили, "землекопов" уже ждал Второй полк Морской дивизии, укрепившийся в юго-восточных пригородах Царьграда.

Выступили со всей возможной поспешностью, чуть ли не бросая на ходу сапёрные лопаты и бегом направляясь, обгоняя друг друга, в турецкую столицу. Офицеры и унтеры кое-как навели порядок, хотя и сами были не прочь последовать примерно нижних чинов. Всё-таки — Стамбул!!!

Стамбул…Его пригороды представляли сейчас жалкое зрелище. Хотя у врага и не было времени, да и возможности, организовать настоящую оборону, но бои здесь шли жаркие. Множество домов было повреждено или лежало в руинах. Местные жители боялись появляться на улицах или же давным-давно скрылись. Кое-где ещё раздавались одиночные выстрелы и редкие взрывы: выкуривали последних защитников.

А на улицах и пустырях, обращённых к юго-востоку и югу, кипела бурная работа. Солдаты сносили всё, из чего можно было сколотить баррикады, некоторые пытались вырыть нечто вроде окопов. Времени, правда, в распоряжении у наших оказалось не так уж много. В удобных местах раскладывали миномёты, на баррикады и в дома ставили пулемёты. Расчищали пути отхода и уже присматривались, где бы удалось легче всего создать вторую линию обороны. С радостью встретили подошедшие с Босфора части — дополнительные рабочие руки и людей для обороны.

— По моим сведениям, турецкие силы, наступающие из Смирны, примерно равны количественно нашим частям, занявшим эти кварталы. Как думаете, сунутся? — подполковник Дерипасов, командир Второго полка Морской дивизии, устроил военный совет прямо тут же, на баррикадах. Участникам боёв в Петрограде это всё до боли напоминало февральские события.

— А куда денутся? Неверные сражаются на улицах Истанбула! Турецкие командиры будут всеми правдами и неправдами гнать солдат на штурм, лишь бы получить возможность прогнать нас отсюда, — высказался Минаев.

— Поддерживаю. Это сердце Османской империи. Потерять его — значит потерять всю империю. Турки будут упорно штурмовать город, — высказался какой-то капитан, командовавший кирилловцами.

В Лейб-гвардии Кирилловский полк в середине марта начали принимать с фронта особо отличившихся рядовых и офицеров. Кирилл Владимирович хотел создать из этой части настоящую гвардию, в который служили бы люди, прошедшие огонь и воду, верные

России. Такие были очень нужны, и потому на всех фронтах по приказу Главковерха отбирались те, кому в будущем предстояло носить с гордостью погоны Лейб-гвардии Кирилловского полка. Именно потому часть, созданная по инициативе офицеров и солдат, поехавших в Ставку вместе с Сизовым, за последние два месяца выросла едва ли не втрое. Кирилл благодаря этому смог отправить в Стамбул надёжных людей, оставив в Могилёве только четыре роты гвардейцев.

Высказались и остальные. Успех, сопутствовавший началу операции, вселил во всех необоримый энтузиазм. Все верили, что даже явись сюда вся турецкая армия, смогут удержать предместья и прикрыть основные силы, сражающиеся сейчас за европейскую часть Стамбула. Вестей оттуда давно не приходило. В принципе, могло случиться всё, что угодно: от поражения в центральных кварталах до перекрытия улиц, сообщающихся с пригородами, турецкими частями. Да и адъютанты могил погибать от пуль каких-нибудь засевших в домах вооружённых турок, ещё полностью не выбитых из города.

Расположиться на ночлег пришлось здесь же. Минаев не мог уснуть от волнения: вот-вот должно было начаться настоящее дело. Даже не так — ДЕЛО. Сергей получил возможность приблизить общую победу. А турки всё не шли и не шли. Надоело их ждать. Лучше было сразу покончить с неопределённостями и дать бой, нежели ожидать его неизвестное количество времени. Сражаться было Минаеву легче, чем ждать сражения. Да и нервы немало портило отсутствие хоть каких-нибудь известий о сражающихся в центральных кварталах дивизиях. Дерипасов пытался наладить связь, но это пока что у него получалось, мягко говоря, неудачно — то есть не получалось вовсе.

За час или полтора до рассвета сыграли побудку. Враг приближался. Вот-вот турки должны были начать атаку на предместья. Интересно, противник знал, насколько мощный заслон русский десант смог здесь создать?

Хотя времени и было до обидного мало, но наши подготовились к обороне на славу. Из окон торчали только стволы "максимов", а стрелка за горами утвари, дерева и добытых каким-то чудом мешков, заполненных землёй из вырытых перед домами окопов. Кварталы пригорода прикрывали неглубокие траншеи, в которых укрылись солдаты, которым не хватило места внутри домов. Миномётные и артиллерийские расчёты готовились к жаркому деньку. Отправили просьбу о помощи к командиру авиационного дивизиона, "Муромцы" пришлись бы весьма кстати. Это же не на жилые кварталы сбрасывать бомбы, а на наступающих врагов…

В бинокли можно было разглядеть передовые отряды турок. Османский авангард осматривал позиции наших войск.

— Интересно, попробуют обойти? — Минаев затянулся сигаретой. Осталось ещё одна. Неприкасаемый запас. Да и в зажигалке, похоже, керосин заканчивался: пламя еле-еле теплилось.

— Навряд ли. Пока будут нас обходить, турки с лёгкостью могут схлопотать фланговый удар. Да и негде им обходить. Думаю, уже всё носами изрыли и наткнулись на наши позиции, — веско заключил фельдфебель. — Богом клянусь, полезут здесь. И ближе, и быстрее, и шанс у них есть.

Основные силы Дерипасов отвёл вглубь предместий, скрыл их от турецких глаз. Противник должен думать, что перед ним три-четыре роты солдат, разве что с большим количеством пулемётов и артиллерии. Подполковник хотел втянуть турок в бой, а потом обрушить на них удар резерва на флангах. Затем части кирилловцам предстояло обойти с тыла измирскую дивизию и устроить молот и наковальню. Пилотов "Муромцев", к тому же, попросили держать свои машины подальше от передовой, рассеяв бомбёжкой резервы противника. Хотя, скорее всего, враг ударит изо всех сил. Это повысило бы шансы на победу.

Минаев докурил сигарету, смял окурок пальцами, покрутил немного и бросил под ногу. Затоптал. Огонь потух…И сверху посыпались снаряды. У турок тоже были миномёты и лёгкая артиллерия. Но скорее всего враг двигался налегке, со всей возможной

поспешностью, поэтому орудий у нападающих должно быть не так уж и много.

Сергей прижался к баррикаде. Позади разорвалась, пробив крышу, мина, посыпались во все стороны осколки. Минаев почувствовал боль в руке — его руку задело чуть повыше локтя, мундир разорвало, а на коже остался порез. В общем-то, повезло…

— А это уже наглость, они мне за это ответят! — с одеждой было плохо, так что нового мундира пришлось бы ждать не так уж мало времени. Если, конечно, не выделят кожаной куртки. Этим добром были забиты склады, как и какими-то глупыми шинелями, более похожими на зипуны стрельцов Ивана Грозного. Так, во всяком случае, как-то говорил один знакомый интендант.

Практически сразу в сторону турок полетел и русский "привет". В рядах османов, похожих на таком расстоянии на муравьёв-рабочих, началось мельтешение, движение, замешательство. Раздались взрывы. Из земли били несколько "фонтанов" земли. После боя от зелёного поля останутся лишь воронки. Жалко было…

Обмен артиллерийскими "конвертами" длился минут двадцать-тридцать. Среди защитников оказалось немало раненых: осколки от мин, стен и крыш домов усеяли русские позиции. Некоторые снаряды падали и среди защитников, собирая кровавый урожай. Но наши орудия платили той же монетой или, точнее, тем же снарядом.

Но вот как-то неожиданно, разом — стало тихо. Жутковатое ощущение, когда на протяжении долгого времени вокруг тебя адски шум, которые в мгновение ока пропадает. Кажется, что ты оглох…

А потом турки пошли в атаку. Плотными цепями в бой, на пулемёты. Их артиллерия продолжила обстрел, хотя артиллеристы и старались бить как можно дальше от наступавшей пехоты. Заговорили наши пулемёты, началась ружейная пальба. Основной удар врага пришёлся на участок Минаева. Патронов было мало, и Сергей, расстреляв весь запас трёхлинейки, начал стрелять из нагана. Долго целился по турецким шинелям — и стрелял. Ни один патрон не был потрачен зря.

— Держаться! — выкрикнул Минаев, видя, что несколько солдат уже готовы сойти с баррикады и укрыться в домах. Турки палили нещадно, пули так и свистели над головой Сергей. — Я сказал, держаться! Ещё немного!

Вокруг Минаева убивали людей. Исходил кровью тот фельдфебель, не выпуская из рук винтовки. Разве что пулемётчиков ещё не задели пули. Да только вот патронных лент маловато было, почти все огнеприпасы отправили вместе с наступающими на центральные кварталы частями. Фельдфебель сделал последний залп из винтовки — и закрыл глаза, облегчённо выдохнув. Из уголка его рта потекла алая струйка. Душа покидала обмякшее тело.

Минаев подполз к убитому рядовому, взял себе винтовку. Передёрнул затвор. Патрон внутри ещё был.

— Ну, они ещё попляшут у меня, басурманы, — Сергей набрал побольше воздуха в грудь, прицелился и выстрелил. Один из турок упал на землю. До вражеской цепочки оставалось где-то с полторы сотни шагов. — Где же остальные, чего медлят…

Врага нужно было подпустить как можно ближе…

Минаев перезарядил трёхлинейку, высунулся из-за баррикады и выстрелил ещё раз. Всё, патронов поблизости больше не было. Расстреляли. Надо было спешить к зарядным ящикам…

Рёв моторов разнёсся над пригородом. Сергей вскинул голову вверх — "Муромцы" летели со стороны наступавших турок. Османы задирали вверх головы — и умирали, настигнутые падающими бомбами и авиационными пулемётами.

Вражеский строй смешался. Пехота противника остановила своё наступление. И тут-то в дело вошли скрытые до того части.

Кирилловцы, вооружённые автоматами Фёдорова, хлынули на баррикады, увлекая за собой морских пехотинцев, и началась настоящая атака. Турки, отстреливаясь, напоровшись на неожиданное сопротивление, стали отходить, а через считанные минуты отступление

превратилось в повальное бегство. А с флангов и тыла на них уже надвигались цепочки наших пехотинцев, залёгшие и расстреливающие бегущих османов из винтовок и ручных пулемётов. И так было по всему короткому отрезку укреплений. Измирская дивизия наступала на участке длиной девали в километр, надеясь создать такой напор, что русские защитники быстро отступят — но не тут-то было! К тому же несколько бомб "Муромцев" по какой-то случайности упали на один из одиноких домов, что стоял в самом тылу наступающих турок. Под рухнувшей крышей остался практически весь штаб дивизии. Только нескольким офицерам удалось выбраться из-под завалов, отделавшись испугом и ранениями. А вот остальным помощь уже была ни к чему…

Османов просто задавили числом и авиационными бомбами. Шансов у врага было невероятно мало. А когда пленных турок уже собирали в наиболее просторные дома-"тюрьмы", подполковнику Дерипасову адъютант генерал-майора Свечина, командовавшего десантными частями, докладывал о взятии султанского дворца и центральных кварталов Царьграда. "Дутого" владыки не оказалось в городе, он успел скрыться ещё во время штурма батарей Среднего Босфора. Но города-то с собою он взять не смог! Как и гарема, кстати, и великолепного убранства, и свиты…

Константинополь, мечта российских правителей с самого Олега Вещего, оказался в руках русской армии. Чуть позже коротким штурмом овладели с тыла Чаталджинской позицией. Где-то в городе шли бои с подоспевшей из Дарданелл дивизией. Но то всё были лишь судороги. Теперь можно было отбиться от всех предстоящих атак со стороны Балкан. Так что спешащие на помощь Стамбулу германцы и австрийцы должны были обломать зубы. Так легко добиться победы удалось благодаря мятежу, вспыхнувшему в городе не без помощи русских. Одновременно с заброской инструкторов и командиров для повстанцев в Константинополь проникали наши разведчики. Удалось снабдить небольшим количеством оружия недовольных режимом людей, в основном — опять же греков. Сигналом к восстанию послужил артиллерийский обстрел столицы. Сигнал было что надо! За короткое время склады оружия и целые кварталы оказались в руках восставших: защищать их было попросту некому. Кое-как смогли скоординировать действия мятежников и штурмующих город сил, а там уже было дело техники. Но всё равно потребовалось слишком много времени для овладения сравнительно небольшой территорией города: турки сражались с храбростью обречённых. Ранеными и убитыми русские силы потеряли не меньше пяти тысяч, хотя противостоящих нам турок здесь было едва ли больше тысячи — из солдат и офицеров, не только османских, но и немецких. Особо долго держалась германская дипломатическая миссия, более похожая на крепость. Кайзеровские военные за потрясающе короткое время создали здесь мощный оплот. Пришлось применить миномёты и лёгкую артиллерию, а потом ещё и уйму гранат и взрывчатки. Только ураганный миномётный огонь, превративший здание посольства в руины, смог сломить немецкую оборону.

Теперь же предстояло продержаться на Чаталджине до новой директивы Ставки. Туда вот-вот должны были явиться вражеские части с Салоникского фронта. К тому же ещё и "Гебен" стоило отбуксировать и тем открыть проход для крупных кораблей Черноморского флота в Мраморное море. Однако от Кирилла пришёл приказ, поставивший всё с ног на голову. Из Стамбула надо было перекинуть две дивизии в Варну. Прятаться или скрывать свои намерения не требовалось. Александр Васильевич никак не мог до конца осознать, что же на самом деле происходит…

Наступление в Галиции и Буковине наконец-то принесло свои плоды. Переброшенные с Румынского фронта подкрепления позволили развить успех Юзфронта, а вот австрийцам надеяться было особо не на что. Спешно отводимые с Итальянского фронта силы уже не могли спасти положение, а германцы сами увязли в Польше и Литве. Северный и Западный фронты приковали к себе огромные силы, хотя каждый день и несли огромные потери, но всё-таки продвигались понемногу. Успех на первых порах обеспечивала бомбардировка напалмом, но немцы смогли найти противодействие. Теперь любой наш самолёт встречал

шквал огня и целая эскадрилья перехватчиков.

Однако удалось добиться успеха в неожиданном месте: Балтийский смог перебросить до подхода германских судов полторы дивизии пехоты в тыл обороняющимся германским частям. Опасаясь окружения — наша Двенадцатая армия давила и давила, правда, уже выдыхаясь — немцы отошли. Значительный плацдарм южнее Митавы оказался в руках армий Северного фронта.

Немцы решили контратаковать, собрали здесь ударный кулак, создав угрозу прорыва в районе Двинска, но намеревались отыграться и ворваться в случае успеха на плечах отступающей русской армии в только-только оставленную Митаву.

Это было третье мая семнадцатого года. Этот день вошёл в историю как первое сражение, в котором приняли участие заметное участие штрафные батальоны.

Плохо обустроенные оборонительные позиции нашей Двенадцатой армии подверглись обстрелу тяжёлой артиллерией. Много часов подряд снаряды падали на головы русским солдатам. Их останавливали от бегства только энтузиазм от побед, одержанных до того — и угроза расстрела за дезертирство. К тому же на передовой располагалось несколько пулемётных рот финских и латышских. Им был отдан приказ открыть огонь по всем, кто побежит. Несколько раз за тот день воздух уже рассекали пулемётные очереди.

Но вот обстрел из тяжёлых орудий прекратился, и сразу с трёх сторон на Двенадцатую армию пошли германские части. Их встречали пулемётным огнём, но противник всё шел и шёл вперёд. Заработала лёгкая артиллерия и миномёты. Кажется, применили несколько газовых снарядов, но на передовой солдат сумели снабдить достаточным количеством противогазов. Точнее, из всей армии собрали средства защиты и обмундировали полдивизии. Так что если на других участках германцы также применили фугасы "с сюрпризом", то…то нашим солдатам там пришлось бы очень несладко.

Немцы всё шли и шли, редкими цепочками, умело избегая пулемётных очередей, прячась в воронках от взрывов, за деревьями, за руинами каких-то строений. Похоже, здесь некогда была ферма. Ещё бы немного, и они вышли на расстояние в двадцать-тридцать метров к нашим неглубоким окопам…

— Штрафникам — в атаку! — пришёл приказ.

И огромное количество людей нехотя поднялось из окопов. В спины им смотрели стволы пулемётов, расстрел за дезертирство или повешение за иные преступления. Позади была верная смерть. А вот впереди…Немцы вряд ли бы пощадили сдающихся в плен. Точнее, пощадили бы, направили в лагеря, где их ждала медленная смерть от голода. Ведь не то что пленные — жители Берлина умирали от недоедания, не говоря уж о рабочих Вены и Будапешта…

Если идти вперёд, в бой — ещё можно выжить.

— В атаку!!! — и люди пошли на бой, на смерть, потому что…потому что многие не хотели умирать. А в сердцах некоторых всё-таки теплилось желание победы для родной страны. Или хотя бы прекращения этой бойни…

Штрафники шли вперёд, медленно-медленно, залегая, стреляя. А потом сошлись вплотную с германцами. Началась рукопашная. И немцы дрогнули за считанные минуты до того, как финны и латыши уже хотели открыть огонь из пулемётов: штрафники вот-вот могли побежать. Ценой огромных потерь удалось отразить ту атаку. Ещё четыре дня за этот плацдарм шла борьба между двумя практически равными по силе армиями. Равновесие склонялось то на одну, то на другую сторону. Если наши шли в атаку — откатывались от вражеских позиций, не в силах преодолеть пулемётный и артиллерийский огонь. Если шли немцы — их встречали штрафники. Несколько тысяч человек, из матросов мятежного Кронштадта и мятежных запасных батальонов Петрограда, заплатили кровью за свои преступления. Эта война унесла уже так много жизней, что на эту каплю в море уже почти никто не обращал внимания. Сперва люди ещё как-то жаловались, взывали к регенту, требуя отменить эту жестокую меру. Но Кирилл был непреклонен. Чаше всего он отвечал то, что многие из штрафников были не просто изменниками: они предали своих братьев по оружию,

умиравших в окопах Галиции и в боях под Ригой, решив, что пора заканчивать эту войну. Без аннексий. Без контрибуций. За три года войны и миллионы погибших, шаге от победы — забыть все эти потери и усилия, решить, что можно просто махнуть на это и заключить мир…

Неудавшееся контрнаступление стоило немцам слишком дорого: они стянули сюда большинство резервов, и одновременный удар Северного фронта по трём сходящимся направлениям, а ещё Западного — под двум на Вильну, обескровил противника и заставил его отступить.

Россия чувствовала возвращение былого энтузиазма. Сотни и тысячи радостных и полных благодарностей телеграмм приходили в штаб Горбатовского. Новый Луцкий прорыв вселил уверенность в русских людей, надежду на скорую победу. Но мало было одних побед в Галиции и на Буковине — подъём начался благодаря успехам Босфорской операции. В день, когда пришла весть о взятии Стамбула, в сотнях храмов по всей стране отслужили благодарственный молебен. Позиции противников строя пошатнулись, оппозиция раскололась. Монархия смогла овладеть Царьградом, столь желанным многие века! Это был символ скорейшей победы. Именно на психологический эффект от успехов Босфорской операции и надеялся Кирилл: просто становилось всё труднее и труднее удерживать страну от сползания к новому кризису. Силы России уже и так были на исходе.

Юзфронт смог перемолоть последние австрийские резервы. Вена спешно набирала даже шестнадцатилетних подростков в армию. Наружу выплыли проблемы с продовольственным обеспечением. Надежды на украинский хлеб не оправдались. В городе поднялся голодный бунт, кроваво подавленный правительством. Волна забастовок прокатилась по Будапешту, Праге и славянским провинциям, остановленная лишь благодаря вооружённой силе. А сведения об этих жестокостях, о бедственном положении Австро-Венгрии по приказу Кириллу печатали все крупные газеты империи. И, кстати, не только Российской империи. Служба Имперской Безопасности сумела изготовить большой тираж одной из австрийских газет. Во всяком случае, со стороны отличить экземпляр настоящего печатного издания и сибовского смог бы разве что специалист.

И вот однажды утром эти листовки выбросили из самолётов над австрийскими позициями в Галиции. В тех частях было много чехов и венгров, и в считанные часы вспыхнули волнения. "Мы тут сражаемся за двуединую монархию, а император расстреливает наших братьях? Довольно! Хватит! Навоевались!". Многие даже находили знакомые имена в газете. Офицеры поделать ничего не могли. Газеты была как настоящая, да и командный состав воспринял сообщения в ней практически так же, как и нижние чины.

Горбатовский, по приказанию Кирилла, начал наступление на соседних участках фронта, оставив напротив взволновавшихся частей лишь минимальные контингенты. Удалось прорвать вражеский фронт снова, воспользовавшись волнениями в австро-венгерских частях. Противник начал спешный отход. Тот же самый приём применили и на других участках фронта. Правда, удался он не везде, но…успех был на лицо! Пока очередная часть отказывалась продолжать сражаться, их соседи отходили под мощными ударами. Это было бы смешно, если бы не было так грустно: дисциплина уже была совсем не та, что в начале войны.

К сожалению, с германскими частями такого не смогли сделать. Кайзеровские части всё ещё сохраняли дисциплину и стойко перенесли вести об очередных голодных бунтах, которые вправду имели место в Берлине и в Рурской области…

Юго-Западный фронт смог развить успех, и вот уже Львов оказался на грани падения, а мощный ударный кулак нацеливался на Будапешт. Решено было забыть о криках союзников, требовавших помощи против германцев, которые на Западном фронте во Франции всё никак не желали отходить. В союзнических частях уже началось брожение и заработали военно-полевые трибуналы. Французы решили использовать опыт русской армии, в которой относительно хорошую дисциплину широкими репрессиями и некоторыми послаблениями. Солдаты просто слишком устали воевать…

В то же время на Румынском фронте стояло затишье. Германцы и австрийцы перебрасывали свои дивизии на Юго-Западный фронт или к Чаталджину, чего и добивался так долго Кирилл. Пока немецкие силы, спешно с Салоникского и Румынского фронтов, штурмовали ставшие русскими позиции у Стамбула, в порт Варны входила эскадра судов Черноморского флота. Их встречали не выстрелами, но — молчанием. Кирилл получил от нового болгарского царя ответ на предложение заключить мир. Сын Фердинанда потребовал за выход из войны турецкие земли в Европе, и помощь в возвращении Добруджи. А заодно кредиты на восстановление экономики, перевооружение болгарской армии, никаких контрибуций и уступок из-за участия в войне на стороне Германии и Австро-Венгрии, и много чего ещё. Сын Лисы немало запросил в обмен на выход из войны. К тому же благодаря этому он мог завоевать популярность народа: болгары уже на пределе своих сил, и вот-вот дивизии могли просто отказаться воевать.

Кирилл прекрасно понимал, что скрыть выход из войны Болгарии более одного-двух дней скрыть не удастся. Так что приходилось действовать невероятно быстро. Борис попросил обеспечить защиту страны от возможного ввода германских а австрийских частей. Сделать это они могли через западную границу. И туда направились перекинутые из-под Стамбула части. Всё равно они решали ту же задачу, что и в Царьграде. Вскоре Борис официально заявил о выходе Болгарии из войны. За несколько часов до этого все офицеры и представители Центральных держав в Софии и основных городах страны оказались под арестом или же скрылись. В болгарской столице уже действовало два полка русских солдат, встреченных если уж и не тепло, то хотя бы благожелательно многими местными. Люди, ещё помнившие Александра Освободителя и Скобелева, Шипку и Плевен, восприняли появление русских частей как символ окончания малопонятно народу войны. Царь Борис, опасаясь прогерманского переворота, отправился в расположение русских полков. Румынский фронт оказался открыт. Русские аэропланы разбросали над болгарскими позициями листовки с текстом манифеста Бориса. Новый царь говорил о том, что армия великой Болгарии должна прекратить боевые действия против братской России, которая обещала помощь ослабшему государству. Там же был и список некоторых уступок, которые сделал Кирилл Борису. Это был один из самых веских аргументов. Повсюду было ликование: ну вот и кончилась война! Немногочисленные немецкие части, ещё оставшиеся на Румынском фронте, не смогли бы воспрепятствовать русско-румынским частям. К тому же немало германских солдат оказались разоружены самими болгарами, возвращавшимися домой. Все железные дороги из Румынии в Болгарию были погружены в хаос. Солдаты занимали все поезда, набивались в вагоны, спеша домой, не обращая более ни на что внимания. Множество германцев сдалось в плен начавшим полномасштабное наступление армиям Румынского фронта. Еле удалось остановить издевательство румынских частей над пленными и грабёж складов, особенно тех, где можно было раздобыть спиртное и хоть что-то ценное.

Германские части на Чаталджине и Салоникском фронте оказались в незавидном положении. Сюда спешно перебрасывались все те силы, что можно было снять с Итальянского фронта, уже и так трещавшего по швам. Там австрийцев спасало лишь то, что итальянцы оказались в этой войне не самыми лучшими бойцами. Больше ждать резервов было неоткуда: Австро-Венгрия оказалась на последнем издыхании. Новый Луцкий прорыв, хотя и начинавшийся не так успешно, как прошлый, зато поддержанный другими фронтами и подкреплённый достаточными техническими и материальными ресурсами, перемолол последние дееспособные австрийские части. Германцы послали несколько дивизий, всё, что они могли — но и те остановились к западу от Львова, становясь на пути у наших наступающих армий. Немцы сумели прорвать кольцо блокады вокруг столицы Галиции, но не стали его оборонять: солдаты требовались на других участках. С Западного фронта также удалось перебросить до армии, которая занимала оборону на восточной границе Словакии. Передовые части Юго-Западного ждали там уже к началу июня…

Эпилог

На Северном фронте Корнилов приказал бросить Митавский плацдарм, отступив в сам одноимённый город. Германские части перешли здесь в наступление, отбросив выдыхающиеся русские части. И попали в капкан. Ставка перебросила сюда практически всю наличную авиацию и около сорока тысяч человек из Петроградского гарнизона.

Муромцы вспахали вражеские позиции и вывели из строя большую часть тяжёлой артиллерии. Германская авиация сделать ничего не могла: оборудованные пулемётами "Муромцы" более или менее успешно отбивались от противника. К тому же большую часть аэропланов Людендорф, командующий всеми германскими силами, перекинул на Западный фронт.

Начались новые затяжные бои на подступах к Митаве и даже в её предместьях. Кровью умывались штрафные батальоны. Огнеприпасов уже не хватало. Спасала лишь авиация, которую использовали для транспортировки хотя бы небольшого числа патронов и снарядов на позиции. В Митаве для этого даже специально оборудовали аэродром. Правда, большую часть времени он был пустым: едва ящики с патронами оказывались на взлётной полосе, их тут же грузили на телеги и автомобили и перевозили на позиции. Выросло количество дезертиров, не боявшихся даже расправы. Корнилов информировал Ставку о том, что Митаву удержать не удастся, германцы собрали здесь ударный кулак, который вот-вот обрушится на обескровленную Двенадцатую армию. Переброшенная сюда из-под Вильны тяжёлая артиллерия бомбардировала город с утра до вечера. Немцы хотели доказать, что их ещё рано списывать со счетов.

Та же самая картина была и под Двинском: здесь собралась значительная группировка немецких сил, которая через считанные дни должна была ударить по городу. Позиции к западу от Западной Двины, до того захваченные Северным фронтом, пришлось сдать. По армии пошли печальные до горького смеха фельетоны по этому поводу. Дух солдат падал. Кое-где уже начались случаи братания с германцами.

А сил, достаточных для контратаки, на Северном фронте не было. Кирилл приказал собирать значительные силы к востоку от Вильны. В кратчайшие сроки провели подготовку к наступлению. Из-под Митавы вывели большинство эскадрилий. Ухудшилось снабжение огнеприпасами. Благо, Балтийский флот ещё кое-как выручал, в том числе и огнём корабельной артиллерии. Не раз только пушечный огонь с морских судов останавливал немецкие атаки.

Немцы почувствовали, что настал их звёздный час. Ещё в сумерках начался артиллерийский обстрел Митавы. Дома рушились под огнём, солдаты вжимались в стены окопов, надеясь переждать канонаду. Огонь всё не смолкал на протяжении пяти или шести часов. Русские траншеи и блиндажи представляли собою жалкое зрелище, но оттуда хотя бы успели вовремя вывести пехоту. Так что потеряли в основном лишь укрепления.

Ближе к полудню германская пехота пошла в атаку. Под прикрытием лёгкой артиллерии и миномётов она заняла разрушенные укрепления без особых усилий: их решено было сдать. Лишь на окраине Митавы противник встретил сопротивление — но зато какое! Наконец-то дала о себе знать авиация. Русские миномёты перегревались — а потом и вовсе смолкали, истратив боезапас. Засевшие в домах пулемётчики поливали градом пуль врага, остановившего своё продвижение. Районы наибольшего сопротивления обрабатывала тяжёлая артиллерия — и тогда атака возобновлялась.

Штрафники наравне с простыми солдатами и офицерами ложились между домов, преграждая путь германцам дальше. А враг всё шёл и шёл, сминая все преграды. Лишь в полутора верстах от центра города его удалось остановить, пустив в ход последние резервы. Да и каждый дом в тот день был крепостью. Улицы и переулки оказались усеяны трупами. К счастью, в основном немецкими. Большинство наших погибших покоилось под руинами митавских домов. Подвиг капитана Зайончновского, удерживавшего дом вместе с сорока солдатами и унтерами, на многие годы остался в памяти защитников Митавы.

Неказистое двухэтажное строение, не отличавшееся от других. Разве что можно было

сказать, что оно стояло на страже улицы, которая заканчивалась у центральной площади. Окна и двери завалили мешками с песком и землёй, забаррикадировали. Немцы здесь продвинулись дальше всего. Казалось, их напор нельзя ничем остановить — до того, как вражеский авангард подошёл к тому дому.

Из окон открыли огонь по германским пехотинцам. Тем пришлось сперва залечь, а потом отступить, подождать подхода основных сил. Прошло минут пятнадцать. Враг снова пошёл на штурм. Летели гранаты, стены и окна изрешетили пулемётами и винтовками. Несколько гранат смогли закинуть внутрь. Защитники дома едва сумели потушить вспыхнувший было пожар. Но — русские не сдались.

Зайончновский лично сидел за "максимом", установленным на втором этаже, обстреливая приближавшихся немцев. Германцы отошли, чтобы вскоре вновь пойти на штурм. Патроны у защитников подходили к концу — по три на винтовку, одна лента — для "максима". На один штурм хватит…И, ах, да ещё — целых пять гранат. И браунинг с полным магазином у Зайончновского.

— Ну, братцы, зададим жару немчуре? — улыбнулся сквозь силу капитан, поглядывая из-за пулемёта на засевших у соседних окон солдат.

— Уж попомнят нас, — кивнул фельдфебель.

— Что ж…Эх, пляши мазурку, кадет! — и Зайончновский открыл огонь из пулемёта.

Немцы теперь шли медленно, стараясь не лезть на рожон, не подставляться под пули. Подобрались к самой двери, оставив трупы на брусчатке улицы. Граната, кинутая сверху, из окна, стукнулась несколько раз о камни мостовой — и разорвалась под ногами германских солдат, готовых уже ворваться в дом.

Это был уже одиннадцатый сорванный штурм. Следующий, двенадцатый, должен был стать последним.

— Не доживу до победы, — Зайончновский взвесил в руке браунинг. Ногой отбросил в сторону стрелянные гильзы, усеявшие пол под "максимом". — С другой стороны, не придётся надевать те жуткие стрелецкие кафтаны и в таком виде пройтись по европейским столицам. Засмеяли бы!

В ответ — молчание. Выжившие солдаты во все глаза смотрели на улицу. Капитан пожал плечами и прильнул к оконной раме. Стекло давным-давно разбилось, ещё во время первого штурма, норовя осколками порезать Зайончновского.

Германцы спешно уходили прочь. Перегруппировывались? Решили обойти дом? Заманивали в ловушку? Зайончновский решил, что это всё-таки очередной манёвр германцев, и противник всего лишь милостиво предоставил лишние минуты или часы жизни гарнизону дома.

— Сейчас бы в вист. Или мазурку станцевать на балу в Риге. Там такие балы задавал градоначальник! Эх, вот это было времечко! — улыбался безусый Зайончновский, поглаживая трёхдневную щетину. Времени побриться за последние дни не выдалось.

А враг всё не возвращался и не возвращался. Капитан посчитал это чуть ли не личным оскорблением и послал одного из рядовых, более или менее знавших город, к соседним отрядам. Мало ли? Вдруг где-то нужна помощь? Или патроны можно раздобыть…

"Гонец" вернулся минут через сорок, всем своим видом показывая, что случилось что-то невероятное. Услышав последние новости, Зайончновский хлопнул себя по лбу, рассмеялся — и поклялся, что всё-таки наденет проклятый кафтан на параде в Берлине…

Десятая русская армия вела затяжные бои с Двенадцатой германской южнее Вильны на берегах Немана. Германцы направили отсюда несколько полков к Митаве и Двинску. И так бы бои шли и шли, если бы не неожиданная помощь Конармии. Врангель, решив, что ещё несколько недель рейда по тылам — и его кавалеристов окружат или возьмут голыми руками (всё острее вставала проблема с патронами) — двинулся на северо-восток. Форсировать Буг удалось северней Брест-Литовска. Просто все переправы южнее были или уничтожены самими конармейцами, или заняты германскими частями. По пути Врангель всё так же совершал дерзкие атаки на железнодорожные станции и мосты, и где-то под Гродно узнал о

наступлении Десятой армии. В голове Петра Николаевича родился дерзкий план: ударить в тыл немецким частям и под шумок прорваться к своим. Проще всего это было сделать в районе южного Немана. Переправа, неожиданный, молниеносный удар по штабам и какому-нибудь участку фронта, прорыв — и возвращение домой после целого ряда блестяще выполненных операций. Изначально планировался выход где-то на Юго-Западном фронте, но Врангель решил, что план — это одно, а реальность — совершенно другое.

Взяли по пути железнодорожную станцию, которая обошлась большой кровью: городок оборонял немаленький, в три сотни штыков, германский гарнизон. Выяснили, что на север постоянно уходят резервы и только-только с позиций Двенадцатой германской армии перебросили крупные части. Больше медлить было нельзя.

Перед боем, верстах в пятнадцати от фронта, Врангель дал отдых Конармии. Посчитали патроны, разделили примерно поровну между оставшимися в строю людьми. Всего из рейда возвращалось шесть с половиной тысяч человек, из них почти что две тысячи раненых. И всего лишь сорок сотен боеспособных сабель. В успешный исход дела мало кто верил, но и офицеры, и нижние чины прекословить не посмели. После невероятно удачного рейда люди надеялись, что повезёт…

И повезло. Штаб Десятой армии также выбрал для очередного удара именно тот участок, что облюбовала Конармия. Кроткий артиллерийский обстрел, возвестивший Петру Николаевичу, что Конамрия на верном пути. Германцы направили к укреплениям все наличные силы. Штаб оказался под ударом врангелевцев: разведка Петра Николаевича смогла определить его месторасположение. Взяли наскоком в плен всех офицеров, перерезали линии связи — и ринулись вперёд, к окопам.

Немецкая пехота, державшаяся до того в траншеях более или менее крепко, ошалела: враг смог обойти сзади, со спины? Как? Значит, прорыв фронта? Соседи отступают! Четыре тысячи человек не могут просто так просочиться сквозь линию фронта. Началась не то чтобы паника, но всё-таки нечто похожее произошло. Замешательством воспользовались наши атакующие части. Фронт прорвали. Соседние немецкие также начали отход, боясь окружения. Вражеская артиллерия замолкла — и уже вся Десятая армия перешла в наступление, наваливаясь всей силой наваливаясь на противника. Помогли и штурмовые отряды, за прошедший месяц наступления набравшиеся ценнейшего опыта. Всё правобережье Немана, Гродно и Вильна оказались под ударом. И тогда Эверт и Корнилов бросили стягивавшиеся до того резервы в прорыв. Удалось разорвать вражеский фронт между Неманом и Вильной, создать угрозу окружения Десятой германской армии. Залатать дыры было уже нечем: резервы угробили в борьбе за Двинск, Вильну и Митаву. Противник начал отступление, с контратаками, временными победами, успехами. Не хватало для закрепления успеха только достаточного количества людей. Балтийский флот снова решил действовать и чудом прорвался к Либаве, но ушёл практически сразу после высадки. Однако германский гарнизон отсюда уже был почти полностью выведен, а когда показались русские части в предместьях — решили, что армии Северного фронта смогли прорваться. Спешно эвакуировалась немецкая администрация и остатки гарнизона на юго-восток, для соединения с отходящей Восьмой армией.

Сами десантники не могли поверить в свой успех, однако ж за день-два Либава была уже готова к атакам врага. В городе оказалось достаточно припасов, чтобы выдержать более или менее продолжительную осаду. Вот только сил было мало. Германский флот бомбардировал недолго Либаву, однако ретировался: Щастный лично повёл все корабли Балтийского флота на поддержку захваченного города, оголив линии снабжения и связи на Балтике. Он рисковал.

Кирилл, узнав о занятии Либавы, спешно попросил или скорее потребовал у англичан поддержки на море. Английский флот был нужен на Балтике. Союзники не захотели нового Ютландского сражения, однако согласились устроить демонстрацию у берегов Норвегии. Немцы спешно перекинули значительные силы в Северное море — и Щастный сумел отстоять Либаву. Сюда перебросили ещё несколько полков, в основном новобранцев из

финнов и латышей. Но и этого хватило, чтобы создать угрозу левому флангу отступающим от Митавы силам…

Сизов напрягал все силы, чтобы слушать доклад Юденича и даже что-то отвечать. Все последние недели напряжение было слишком велико. Вот Николай Николаевич что-то вещал, а Кирилл смотрел на него — и вспоминал, как лично прибыл в Петроград. Там вспыхнуло ещё одно восстание. Пылала Выборгская сторона и острова, поднятые левыми. Кутепов проглядел — и пришлось расхлёбывать. Служба Безопасности докладывала, что здесь не могло не обойтись без людей, только-только прибывшим через Норвегию в Петроград. Упоминались Авксентьев, Каменев, Зиновьев, Церетели…

Целую неделю шли бои за город. Но всё-таки сумели справиться с помощью прибывших из Москвы частей. Благо, на этот раз железную дорогу держали в ежовом рукаве. А одновременно с восстанием в Петрограде Второй Рейх пошёл в наступление.

Кирилл будет с ужасом вспоминать сентябрь семнадцатого года. Сводки с фронтов — одна другой хуже. Державшие фронт на линии Неман-Варшава-Белград-Задар, лишённые помощи вышедшей в августе из войны Оттоманской империи, вот-вот готовые отойти с линии Зигфрида, немцы всё-таки бросились в бой. В ход шло всё. Химические снаряды, первые германские танки, штурмовые отряды, авиация, сверхдальняя артиллерия, пропаганда и использование политической оппозиции…

И наши силы начали отступать. Кирилл вот-вот готов был снова потерять Польшу и Литву, но удержать за счёт этого Будапешт и Словакию. День за днём приходили известия об очередном прорыве, об очередном поражении. Немцы — на подступах к Вильне. Немцы вот-вот выйдут к Брест-Литовску. Немцы готовятся к прорыву в Либаву…

Но в какой-то момент германцы просто выдохлись. В это трудно было поверить, но у Второго Рейха просто не осталось сил для борьбы на два фронта. Фронт выровнялся. Горбатовский готовил прорыв к Вене, стягивая туда все силы. Вильна выстояла. От Либаы немцы уже не отступали — они бежали, подогреваемые пропагандой, информационными листками об очередных голодных бунтах в Берлине и Потсдаме, о поражениях на Западном фронте, о волнении матросов в Киле, об опасности восстания в польских провинциях…

Кирилл пропустил тот момент, когда в кабинет вошёл верный ординарец. За ним — ещё какие-то люди. Сизов потихоньку начал их узнавать. Разум собрал последние силы, чтобы заработать. Да, надо бы поспать, надо отдохнуть…

Весь штаб Главковерха собрался в ставшей тесной комнате. Кирилл ничего не мог понять. Неужели переворот? За один шаг до победы — его уберут? Что ж, плевать, пусть делают что хотят! А Кирилл слишком устал…

Вперёд вышел ординарец. Ни ручного пулемёта, ни автомата в руках. Только какая-то бумага. Уйма печатей. Латинские буквы. Какая-то готическая вязь…Ага, привет от дьявола, точно, ещё кровь…А, нет это восковая печать! Что за бред? Где санитары ходят, а?

— Ваше Высочество, — голос ординарца задрожал. И тут из его рук эту бумагу перехватил уже переваливший за шестой десяток Келлер. Да, его самообладание было на высоте!

— Ваше Высокопревосходительство, немцы просят Вас прибыть для ведения переговоров в Варшаву.

— Никакого сепаратного мира. Хватит России уже одного. Странно, тот был в Брест-Литовске. Чем на этот раз им не угодил, — только потом Кирилл понял, что брякнул лишнее.

— Ваше Высокопревосходительство, Вы не так поняли. То же самое предложение послано и нашим союзникам. Немцы просят начать предварительные переговоры. Перед подписанием всеобщего мира. Война кончилась, Кирилл Владимирович. Мы победили.

— Мы- победили? — Кирилл глупо улыбнулся. Кажется, он вскочил с кресла, а потом снова осел на него. Силы покинули Сизова. Похоже, обморок.

Сквозь темноту пробивались голоса:

— Нашатырь! — Юденич. Точно, он…

— Верховному главнокомандующему плохо! — чёрт знает кто, но кто-то знакомый…

— Бросьте, господа. Водки. Водки! Водки!!! — Келлер, точно! Именно он говорил, что пусть пьют, пока пьётся. Но это было совсем в другом месте и в другое время…

— Сейчас — можно. Сейчас всё можно, — Кирилл сомневался, но это, похоже, был его собственный голос. И вправду, сейчас всё было можно…

Но сперва — спать. Спать. Спать. Сутки, а лучше — недельку…

Николай Юрьевич Андреев, г. Воронеж

Книга третья
Крылья черные

"Мы должны признать, что нравственная ответственность за совершившееся лежит на нас, т. е. на блоке Государственной Думы. Вы знаете, что твёрдое решение воспользоваться войной для производства переворота было принято нами после начала войны. Вы знаете также, что наша Армия должна была перейти в наступление, результаты коего сразу в корне прекратили бы всякие намёки на неудовольствие и вызвали бы в стране взрыв патриотизма и ликования. Вы понимаете теперь, почему в последнюю минуту я колебался дать своё согласие на производство переворота, понимаете также, каково должно быть моё внутреннее состояние в настоящее время. История проклянёт вождей так называемых пролетариев, но проклянёт и нас, вызвавших бурю. "Что же теперь делать?" — спросите Вы. Не знаю, т. е. внутри мы оба знаем, что спасение России в возвращении к Монархии…
Всё это ясно, но признать этого мы не можем. Признание есть крах всего дела, всей нашей жизни, крах всего мировоззрения, которого мы являемся представителями"...
Из письма П.Милюкова П. Долгорукому

Пролог

Свет тёплого мартовского солнца проникал сюда, в залу Таврического дворца, преломляясь в пылинках. Какое это было чудесное зрелище! Словно бы покрывало из лучей далёкого светила лежали на этом прежде кипевшем страстями сотен людей месте. А сейчас здесь было пусто. Только…Нет, постойте! Один человек здесь всё же был.

Он раскрыл двери зала заседаний, на мгновение замерев: оглядывал места былых словесных битв. Что это был за человек? С виду (если верить одежде — мундиру Гвардейского флотского экипажа) — морской офицер, причём боевой. Ни медалей, ни орденов не носил. Шевелюра его, короткая, была умело уложена, щёточка усов топорщилась из-под носа. Плечи налились неведомо откуда взявшейся силой, едва офицер взглянул на кресло председателя Дум. Нечто загадочное мелькнуло в глазах его, ввалившихся от

усталости и недосыпа. Всем телом подался он было к этому креслу, чуть позади кафедры, устроенному на "капитанском мостике" — полукруглом возвышении, огороженном деревянной стеночкой. Однако же одинокий посетитель замер, так и не решившись занять пустующее место. Вместо этого усатый офицер занял место прямо напротив. Он уютно устроился в кресле первого ряда. О чём он думал? Кого вспоминал? Чему улыбался, многозначительно, с затаённой горечью?

Может быть, он вспоминал заседание Государственной Думы, состоявшееся здесь почти год назад? То самое, знаменитейшее, заседание, на котором было избрано новое правительство и объявлено "думское доверие" регенту, Великому князю Кириллу Владимировичу?

Постойте…Кто-то же ведь сидел на том же месте, где сейчас расположился морской офицер? То ли Некрасов, то ли Мануйлов…А может, сам регент. Да, сколько воды утекло с того дня! Сколько всего случилось! Будто и не история была, а картина модного синематографа: мелькали люди, события, рождались и погибали (к сожалению, в этой войну больше — погибали) люди, рушились союзы, плелись кружева интриг. Целая эпоха спешила кануть в лету, но для этого ей надо было утянуть с собою в реку забвения Великую войну. Но до этого, право, оставались считанные недели-месяцы: вот-вот должна была начаться мирная конференция. И не поверите — договор, последний договор последней войны (на что повали все народы Земли), подпишут в этом самом зале.

Когда-то, наверное, в прошлой жизни, с этой кафедры-трибуны люди едва ли не кричали о своей готовности умереть в этой войне — вскоре отсюда же произнесут столь нужные сейчас слова мира. И, если честно, это были самые сладкие для ушей миллионов людей слова. Все устали от почти четырёх лет войны…Слишком устали…

Устал и этот странный молчаливый офицер, ещё глубже погрузившийся в тяжкие думы. Он всматривался в недоступную другим даль времён, взвешивая все "за" и "против", но итог всё никак не хотел складываться. Тогда офицер, приложив титаническое усилие, смог оторвать свой взгляд от кафедры — и вгляделся в далёкое-далёкое солнце.

Он часто заморгал: вспоминал.

Вспоминал выстрелы, раздававшиеся у самых стен Таврического дворца, вспоминал обагрённый кровью снег Петроградских улиц, разгромленную Выборгскую сторону, занятую пулемётчиками Водокачку, изломанный взрывами лёд Невы, напалм, горевший в окопах, эскадрильи самолётов, бесконечную канонаду, сводившую с ума. Он вспоминал Львов и Ригу, Луцкую крепость и шапки Карпат, окраины Будапешта и неприступные форты на том берегу Немана…

Сколько же всего было проделано, чтоб это стало реальностью? Сколько стоило исполнение грёз? Сколько сотен тысяч, миллионов погибло, прежде чем люди наконец-то вспомнили, что есть нечто кроме смерти и канонады? А сколько ещё погибнет, прежде чем кончится последняя, самая что ни на есть распоследняя война на Земле?

Офицер не знал этого. Он не знал даже, чем может обернуться эта победа. Он не знал точно, что ещё предстоит сделать. Он не знал, зря старался или не зря. Лишь одно он мог сказать наверняка: мир должен быть подписан. Великой войне пора закончиться.

Только одно смущает: никто на этих переговорах не захочет поступиться своими интересами ради общего блага. Антанта распадётся, едва только запахнет контрибуцией и усилением недавнего союзника. Центральные державы, ещё способные устроить вторые Фермопилы, не отдадутся на милость победителям. Разве только революция…Да-с…Революция, великая и ужасная, с плавным перетеканием войны империалистической в войну гражданскую…Это Четверному союзу могут устроить…А ещё будет, обязательно будет война с гордой и непокорённой армией Кемаля. Будет подковёрная игра за Багдадскую дорогу и нефть Месопотамии, плацдармы Ирана и пороховые бочки Балкан. Да-с. Это будет грандиозная война ради завершения Великой войны. Замечательный каламбур, сойдёт в качестве заголовка для передовицы суворинской газеты.

Офицер оглянулся по сторонам, окинув взглядом ряды пустующих кресел. Глаза его

потемнели, губы сжались, а вены на лбу вздулись от напряжения мысли.

Но ведь борьба будет идти не только с "зарубежьем". И внутри России есть те, кто всё ещё жаждет добиться власти. Есть изменники и предатели, решившие воспользоваться Второй Отечественной войной для исполнения собственных планов и потакания слабостям. А есть просто авантюристы, набившие карманы и собирающиеся сделать это ещё раз, и ещё, пока эти самые карманы не порвутся.

Кому же эта ноша окажется по плечу? Кто сможет выдержать борьбу на два фронта? Кого обязательно будут ненавидеть одни и, возможно, уважать другие? А может, всем этот "герой" окажется ненавистен?

Этот офицер мечтал, чтобы кто-нибудь нашёлся, кто-нибудь, готовый всё это взвалить на свои плечи, но…

Мёртвую тишину зала нарушил возглас офицера лейб-гвардии Кирилловского полка: молчаливый "сиделец" не заметил, как тот вошёл в зал.

— Ваше Высокопревосходительство! — ещё громче повторил гвардеец, обращаясь к сидевшему напротив трибуны офицеру.

— Ваше… — голос кирилловца задребезжал, надрываясь.

— Сергей, надеюсь, ты пришёл сказать, что все и всевозможные Высокие стороны, дипломаты, царедворцы, просители и прочие лихоимцы решили оставить в покое наш многострадальный город, всё быстро решили без нас и подарили миру мир?

Офицер с усами щёточкой натянуто улыбнулся, но гвардеец уже привык к подобного рода шуточкам и в высшей степени образному языку "Его Высокопревосходительства".

— К сожалению, подобных заявлений передано не было. Просят Вас, просят…Министры уже собрались на заседание Совета, Вас дожидаются.

— Что ж…

Флотский офицер поднялся, на прощание вновь окинув зал заседаний Государственной Думы.

— Пойдём навстречу будущему…Авось не ударим в лицом в грязь её обочины… — пробубнил себе под нос Великий князь Кирилл Владимирович, регент при императоре Российской империи Алексее Николаевиче.

Он вышел из зала, провожаемый покрывалами преломляющего в тысячах пылинок света и выжидающей тишиной пустых кресел…

Глава 1

Стоимость мировой войны превышает
более чем в 11 раз общую стоимость всех
войн за 120 предшествовавших лет
(1793–1913 гг.)
Проф. А.А. Мануйлов

Коридоры, прежде полнившиеся народом, были ныне пустынны. Но, в общем-то, так было только лучше: никто не отвлекал Кирилла от размышлений. А подумать ему было над чем, ой, было! Предстояло разрешить две насущных проблемы: финансовую и демобилизационную — и ещё вопрос, какая из них труднее. Десятимиллионная армия, которая вот-вот окажется ненужной, должна быть сокращена и распущена по домам. Огромный долг России в пятьдесят миллиардов золотых рублей — тоже, в своём роде, должен рассосаться. Только вот как? Где изыскать средства? Ежегодно по займу набегают огромные проценты, кои надо выплачивать, а казна и без того в долгах как в шелках, свободных средств очень и очень мало. Радует только то, что бюрократия в России не так расторопна: займы полностью потратить не успевают, кое-какие средства всё-таки остаются. Но столько планов на них, столько планов! Железные дороги, восстановление хозяйства,

грандиозная программа…О последнем Кирилл не решил ещё, когда следует обмолвиться. План должен был быть взвешен, рассмотрен со всех сторон, до дыр затёрт, прежде его следовало озвучить.

— Ваше Высокопревосходительство! — вновь кирилловец нарушил размышления регента. — Вы мимо нужного кабинета прошли!

Адъютант давным-давно приноровился к тому, что Великого князя следует отвлекать от раздумий только в самый последний момент, чтобы ни одной драгоценной мысли не потерялось. Правда, постоянно выходили казусы: Кириллу то слишком поздно напомнят о важной встрече, то попридержат доклад на потом. К сожалению, регенту оказалось проще победить германца, чем излишнюю исполнительность адъютанта. Но и заменить его Кирилл не хотел: сколько раз адъютант, стоя с вошедшим в сотню анекдотов пулемётом, выручал регента. За это можно простить многое, очень многое. Даже постоянные опоздания на заседания Совета министров.

Нынешнее решено было провести в кабинете Родзянко, тем самым создавая символический мостик между прошлым и настоящим. Именно здесь появился нынешний Совет министров — и ему же здесь суждено изменить.

Великий князь коснулся рукой дверной ручки, ненадолго замерев. Когда же в последний раз он был здесь? В день отречения Николая? Да-да, точно…Стрельба на улицах, взволнованные и напуганные стремительно разворачивающимся маховиком событий думцы-заговорщики, несколько верных частей, зачитывание манифеста об образовании нового правительства…

— Ну же, — прошептал Кирилл, подталкивая себе. — Ну же…

Дверь отворилась. Участники совещания оказались в сборе. Только вот ни одного министра здесь не было — только их товарищи. Членов Совета под предлогом необходимости организации переезда оставили в Ставке по указанию Кирилла, но в этом был свой смысл.

Кто же дожидался регента в прежнем сердце заговора против Николая? Серьёзный и несколько занудный Шуваев, любивший раскладывать всё по полочкам, что помогало в организации снабжения армии. Именно он в шестнадцатом году пришёл на смену ставленнику Гучкова Поливанову, сумел наладить поставки оружия и продовольствия — и был сменён, вновь под давлением "прогрессивной части общества". Для самого Шуваева назначение товарищем военного министра оказалось большим сюрпризом, но приятным или нет — он так и не подал виду. Хотя, если честно, "правая рука" Гучкова был прям, редко скрывал свои мысли, из-за чего не раз и не два подвергался насмешкам депутатов Государственной Думы.

Тут же был и адмирал Григорович. Популярный в среде флотских офицеров, он был старожилом Совета министров: он, да министр финансов Барк — вот и все, кто не был смен со своих постов от начала войны и до отречения Николая. Кирилл прочил талантливому организатору место в морском министерстве, которое планировали восстановить в самом скором времени. По правую руку от Григоровича сидел и другой долгожитель — Барк, успевший отрастить бородку и соскучиться по работе в родном министерстве. Он вовсю болтал с товарищем министра путей сообщения- многострадальным Треповым, блестяще справившимся в своё время с налаживанием железнодорожных перевозок орудия и довольствия для фронта. Его тоже сместили под давлением Государственной Думы, затравили, смешали с грязью. Он и вовсе решил отойти от всяких дел, но…

Разговор состоялся в совершенно неожиданном для бывшего министра месте — кабинете министра путей сообщения. Его, Трепова, кабинете.

— Здесь мало что изменилось, — сказал он с тихой грустью и безысходностью.

Он больше не смотрел в глаза собеседнику, а при любом резком звуке дёргался: травля серьёзно сказалась на его психике.

Повисло гнетущее молчание. Трепов водил рукой по краешку столешницы, оглядывал корешки книг на полках, изредка поправлял едва ли не до хруста накрахмаленный

воротничок. Наверное, ждал, что ему уготовила "новая власть".

Сам Кирилл несколько растерялся. Он не думал, что на собеседника так повлияли гонения, даже засомневался, а стоит ли вернуть того на работу.

Но Трепов сам подсказал правильный путь.

Его взгляд остановился на висевшей по левую сторону от министерского рабочего стола карте железных дорог империи.

— А эту карту, оказывается, так и не сняли, — нарушил он молчание. — Забавно…Не ожидал…Забавно…Вы позволите?

Он впервые за весь разговор посмотрел Кириллу в глаза.

— Да, конечно! — регента снедало любопытство: что же будет делать Трепов?

— Благодарю, — улыбнулся бывший министр и в один шаг оказался у заветной карты.

Через несколько секунд он уверенным тоном затянул:

— Так…а ведь Мурманскую ветку так и не обозначили…Олонецкую не продолжили…Маньчжурские дороги вообще позабыли, я смотрю…Похоже, она здесь никому не была нужна, — укоризненно произнёс Трепов. — Жаль…Очень жаль…

— А Вы не хотели нова взяться за работу? Скажем, на первое время- товарищем министра путей сообщения? — внезапно (даже для самого Кирилла) вырвалось из уст регента. — Что скажете?

Трепов замер — и снов посмотрел прямо в глаза Великому князю.

— Берусь с честью выполнить возложенный на меня Вашим Высокопревосходительством долг.

— Вот и славно! Завтра же приступаете к работе, если Вы не против!

— Признаться, мне бы хотелось уже сейчас войти в курс дела… — наконец-то улыбнулся новоиспечённый товарищ министра путей сообщения…

Барк и Трепов принялись отчаянно жестикулировать, что-то пытаясь доказать друг другу. Хоть они и старались говорить шёпотом, но до Кирилла долетали обрывки фраз: кажется, речь шла о реформировании железнодорожного сообщения.

И, конечно же, регент не смог не пригласить на заседание Кривошеина, единственного из присутствующих, и ныне исполняющего функции министра. Самодовольный, уверенный в себе, застёгнутый на все пуговицы, он ощущал себя на самой вершине. Министр земледелия упорно вбивал себе в голову, что именно он может стать председателем Совета, когда Родзянко уйдёт с поста. Но Кривошеин никак не мог объяснить (даже самому себе), что же заставит бывшего председателя Думы совершить столь опрометчивый шаг. Кирилл пока ещё не думал о подобных перестановках, но не упускал возможности польстить Александру Васильевичу исполнением его мечты. Тем более Великий князь понимал, что же толкает прожженного интригана к заветному креслу: лавры Столыпина. Кривошеин был одним из вернейших помощников реформатора, а в глубине души страстно желал обрести ту же славу, что и Пётр Аркадьевич. Это желание толкнуло его в своё время в лагерь оппозиции, в начале семнадцатого года — в число сподвижников Кирилла, откуда, как надеялся регент, министр земледелия никуда не денется.

К сожалению, никого другого собрать пока ещё не удалось: Великий князь только два дня назад вернулся в Петроград. Не хватало людей, пригодных занять места министра промышленности, министра труда, министра по делам печати…Но начало оказалось положено. Что-то ждёт впереди?

"Ещё бы как-то смягчить эффект от возвращения "слуг реакции" к работе! Хотя все сейчас заняты обсуждением грядущей конференцией и перемалыванием костей её участников" — поспешил успокоить себя Кирилл.

Ни единого секретаря не присутствовало на импровизированном заседании: для всех вне этой комнаты собрание нескольких работников различных министерств было всего лишь "разрешением организационных вопросов". На самом деле, это не так уж далеко отстояло от истины.

— Кирилл Владимирович! — первым поприветствовать регента поспешил Кривошеин.

Даже тут нарабатывал привычки Председателя…

— Господа, я собрал вас здесь, чтобы сообщить пренеприятнейшее известие, — улыбнулся одними уголками губ Кирилл. — К нам едет мирная конференция…А на повестке дня, меж тем, остаётся уйма дел.

— Остро, остро, — закивал Барк.

С некоторых пор (а если точнее, со дня неудавшейся революции) он принялся отращивать бороду, в чём, признаться, весьма преуспел.

— Главное — подобрать кадры для проведения этой конференции, — то ли шутя, то ли всерьёз произнёс Кривошеин.

— Что я и делаю в меру сил, — пожал плечами Кирилл. — Господа, прошу садиться. Нам предстоит многое обсудить.

— Я хотел бы уточнить, Ваше Высокопревосходительство, — Шуваев расправил плечи и сделал грудь колесом. — Насколько действенным окажется наше обсуждение. Мы сейчас всего лишь товарищи министров, не более.

Бывший военный министр едва заметно нахмурился: одно воспоминание о Гучкове выводил из себя. В своё время Александр Иванович попортил много крови военному министерству, в том числе и приписав своему детищу, военно-промышленным комитетам, всю славу за милитаризацию промышленности.

— Все хорошие решения будут воплощены в жизнь, все плохие — останутся только словами, — коротко ответил Кирилл, настраивая собравшихся на деловое общение.

— Что ж, это замечательно, — подытожил Григорович. В подтверждение своих слов он кивнул.

Тихонько звякнули медали и ордена, которыми был увешан мундир бывшего морского министра.

— Итак. На повестку дня я предлагаю выдвинуть следующие проблемы.

Кирилл помахал разжатой ладонью правой руки.

— Первая проблема. Демобилизация армии. Её необходимо довести до численности мирного времени, не считая Босфорского корпуса. Последнюю часть, наоборот, необходимо пополнить ввиду особой роли Проливов и предстоящего укрепления империи на этих рубежах.

"Загнул как настоящий бюрократ, ни добавить, ни убрать"- промыслено прокомментировал свои же слова Кирилл.

— Проблема вторая. Наделение землёю демобилизованных солдат. После этого необходимо будет заняться расширением земельных владений и лиц крестьянского сословия, не участвовавших в Великой войне. Проблема третья: внешний долг империи. По моим сведениям, он составляет более пятидесяти миллиардов золотых рублей…

— Сорока пяти, если быть точным, из коих пять нами получено, но ещё не истрачено, — заметил Барк, не задумываясь ни на секунду.

— Я хотел сперва обозначить ещё и проблему переустройства нашего хозяйства на мирный лад, но придётся отложить это до следующего заседания в расширенном составе. Итак…Господа, Ваши предложения.

Кирилл стал яркой иллюстрацией к выражению "я весь внимание": ладони сложены шатром, глаза внимательно смотрят то на одного министра, то на другого, и даже дыхание едва-едва вырывается из груди, чтобы не отвлекать.

— Я считаю, что вопросы о демобилизации и наделении землёю взаимосвязаны и должны лечь на плечи работников министерства путей сообщения, земледелия и военного министерства.

Первым начал Трепов, бросив многозначительный взгляд на Кривошеина. Тот кивнул: мол, продолжай, продолжай, согласен, лишь бы кадры подобрать…

— Инженерный корпус подготовит план демобилизации. Предварительно должно быть проведено распределение офицеров и нижних чинов: кто из какой губернии родом. Тогда будут сформированы составы, идущие в губернские города и важнейшие уезды, а земства

примут на себя бремя дальнейшего препровождения демобилизованных.

— При этом в каждом составе должен быть вагон с кухней, которая будет кормить только "своих" солдат и офицеров: тогда вряд ли кто-то пожелает отстать от поезда, — добавил Кирилл.

— Тогда все другие составы должны буду прекратить своё следование, чтобы дать дорогу возвращающимся домой людям. Но я сомневаюсь, что хватит вагонов. Придётся Военному министерству и Ставке составить подробный пан мобилизации для каждого фронта. Десять миллионов человек перевезти — это не шутки, — развёл руками Шуваев.

— И перед отъездом в каждом полку будет озвучен манифест о наделении землёй всех солдат. Александр Васильевич, как Вы считаете, — Кирилл не отрывал взгляда от Кривошеина, — в какие сроки возможно организовать земельные комитеты в Сибири и на других пустующих территориях? Сколько у нас вообще свободной земли? В первую очередь, в собственности государственной, кабинетской, удельной?

— Вы предлагаете всю её распределить? — переспросил, на всякий случай, министр земледелия. — Относительно подробные сметы, цифры известны в нашем переселенческом отделе. Мы уже год ведём работу по ускоренному переселению крестьян на пустующие территории, но средств не хватает, катастрофически не хватает. Необходимо будет выделение сверхсметного кредита, использование всего свободного подвижного состава, напряжение земств и городов. Без этого мы не справимся.

Кривошеин многозначительно посмотрел на Барка.

— Вот здесь, — сохраняя полнейшее, прямо-таки чугунное спокойствие, последний вытащил из саквояжа кипу бумаг. — Предварительные итоги подсчётов свободных наличных средств, средств, выделенных на уже ещё не выполненные, но уже не нужные военные заказы, невозвращённые суммы. Скажем, англичане уже несколько раз откладывали выплаты процентов по нашему "золотому займу", накопилась значительная, весьма значительная сумма. Внутренний долг на начало нынешнего финансового года составляет двадцать шесть миллиардов рублей. Внешний долг — семь с половиной миллиардов, причём около семидесяти процентов долговых обязательств у нас перед Англией. Ежегодно нам требуется выплачивать не менее полутора миллиардов рублей одних процентов. Примерно той же сумме равняется дефицит государственного бюджета, и только к двадцать второму году он понизится соответственно до семисот миллионов…Кроме того, рубль на данный момент равняется по покупательной способности двадцати довоенным копейкам, индекс цен поднялся в семь. Следовательно…

— Прошу Вас, без лишних цифр, — Кирилл намеревался в дальнейшем, в спокойной обстановке, ознакомиться с этими бумагами. — Сколько займёт подсчёт размера сумм, необходимых для осуществления уже оговоренных мероприятий?

— На это потребуется от двух до двух с половиной недель, — отчеканил Барк. — Однако я настаиваю на необходимости увеличения штата министерства финансов, в первую очередь — на создание комиссии по обеспечению долга империи и совета по финансовому обеспечению демобилизации и новой земельной реформы, как того потребует необходимость реализации высказанных сейчас предложений.

"А ведь и не скажешь, что импровизирует прямо на ходу! Хотя…Может, давным-давно всё предвидел и рассчитал?" — подумал Кирилл.

— А что вы скажете о полноценном восстановлении винной монополии?

Кирилл решил проследить за реакцией Барка: тот был одним из самых последовательных противников "спаивания народа", предлагая заменить его подоходным налогом.

— Населению необходимо сохранять трезвость в нынешних нелёгких условиях. Сто сорок миллионов подоходного налога должно… — уже не так уверенно продолжил бывший министр финансов.

— Однако винная монополия давала до семисот миллионов чистого дохода в казну, — заметил Кривошеин. — У нас сейчас скопились огромные запасы, чуть ли не на два года

вперёд, спирта, и переработать его в водку будет делом времени. Мы дадим работу, деньги государству, возможность людям отпраздновать победу в Великой войне. Если я правильно понимаю…

— Общественность пойдёт против этого, — парировал Барк.

В умных глазах его мелькнула та самая искорка, которая появляется при возвращении человека на твёрдую почву.

Александр Васильевич замолчал, ища ответ.

А ведь именно Кривошеин в своё время настаивал на введение в правительство популярных "у общественности" министров. Правда, не всё так было просто. Перед министром встала дилемма: или диктатура, или "ответственное министерство". Под последним думцы видели такое министерство, которое будет подчиняться Думе и только Думе. А затем планировалось и затирание роли царя, и, возможно, полное устранение его от политики. На роль диктатора прочили Николая Николаевича, внешне уверенного и популярного в определённых кругах, но непоследовательного в решениях, зависящего от чужого мнения (в первую очередь — "либеральной общественности"). А уж если вспомнить о его странной переписке с Гучковым…

Но о нынешнем военном и морском министре Кирилл планировал сегодня поговорить отдельно.

Кривошеин, в конце концов, решил пойти вместе с оппозиционными министрами, желавшими государственного переворота — и был отправлен Николаем в отставку. Ныне Александр Васильевич, как минимум внешне, поддерживал жёсткий курс регента. Но он был хитёр, умел выжидать, не желая выдавать своих дум до самого последнего момента.

Может, министр земледелия посчитал, что Барка прочат в премьеры, и решил очернить? Или просто захотелось показать, насколько он компетентен в вопросах, касающихся других ведомств? Этим лишним раз Кривошеин доказал бы, что вполне годится на роль председателя Совета министров.

— Комиссия Рябушинского протестует всё громче и громче. Многие промышленники и купцы присылают нам возмущённые телеграммы. Налоговые декларации заполняются из рук вон плохо. Доходы скрывают. Подходящий для столь масштабной работы аппарат ещё не создан и, боюсь, создан так и не будет, — развёл руками Кривошеин.

В глазах его заплескалось торжество.

— Не считаете ли Вы, что лишить казну семисот миллионов, получив пустое место, выглядит очень и очень экстравагантно? Промышленники уже и так в тисках закона об ограничении прибыли, и воют, воют от негодования. Недолго осталось ждать их более явного негодования…

"А по-Вашему неудавшаяся революция — скрытое проявление?" — подумал Кирилл, но решил пока что держать эти мысли при себе. Вместо этого регент спросил:

— Александр Васильевич, может быть, Вы предложите нечто иное, нечто лучше, чем совмещение винной монополии и подоходного налога?

И Барк, и Кривошеин обратили свои взоры на Великого князя. Повисло напряжённое молчание. Оба ждали, что Кирилл скажет дальше, кому выкажет свою "преференцию".

— Александр Васильевич, Вы ведь работали рука об руку с великим Столыпиным, Вы помните его идею прогрессивного подоходного налога? Между тем, Вы помните и его идею сохранения винной монополии при повышении акцизов на алкоголь? Многие, многие другие его идеи ещё только ждут своего воплощения…Я считаю, что только общими усилиями мы сможем воплотить их в жизнь. Усилиями — и огромными денежными средствами. В ближайшие дни, милостивый государь, — Кирилл обращался к Барку, — Вы должны будете принять участие в заседании финансовой комиссии из ведущих специалистов финансового права империи. Её состав мы оговорим отдельно. Одновременно в других министерствах будут созданы подобные советы. Мы должны призвать наши великие умы к совместной с правительством работе. А то им только остаётся, что критиковать и критиковать. Может быть, они для себя решат теперь, что легче — критиковать или созидать…

— Однако, Кирилл Владимирович, такой совет уже был создан при министерстве финансов. Двадцать девятого декабря пятнадцатого года на Совете министров было оговорено создание Совещания по финансово-экономическим вопросам. Оно, к сожалению, перестало действовать незадолго до известных событий прошлого года…Ваш покорный слуга, — Барк заметил это не без самодовольства, — уже тогда докладывал о том, что не надо бояться такого огромного дефицита. Следует вкладывать средства в народное благосостояние. Однако без монополизации некоторых операций нам не обойтись. Кроме того, следует передать в руки государству некоторые области промышленности, но не производство, а торговлю его результатами. В настоящее время эти отрасли и так монополизированы, так что государственное ограждение интересов самых широких слоёв населения будет только на пользу.

— К сожалению, забыл об этом, — улыбнулся Кирилл. — Что ж. Тогда самое время восстановить это Совещание.

В глубине души, однако, регент ругал себя на чём свет стоит: он на самом деле "был ни сном, ни духом" об этом. Какие возможности! Какой шанс поставить на службу возрождению русского хозяйства лучшие умы страны! А он зря терял время! Надо было с самого начала, ещё до отъезда в Ставку, переговорить с тайным советником Барком.

— Боюсь, что у Вас, дорогой мой, останется очень мало времени для восстановления деятельности сего органа. Прошу, принимайтесь тотчас за сбор всех необходимых сведений и лиц. К началу мирной конференции у меня в руках должен быть доклад о нуждах отечественного хозяйства и набор мер для восстановления международной торговли. И, кстати, не забудьте определить смету расходов на восстановление имперских портов и дорог и реформирование тарифной политики. Нам многое предстоит сделать…

Барк не скрывал своего торжества: за последние полчаса он успел сделаться едва ли не ключевой фигурой в "частном совещании". Кривошеин пытался оставаться невозмутимым, хотя и удалось это ему с громаднейшим трудом: зато же время Александр Васильевич упустил шанс зарекомендовать себя кандидатом в премьеры.

Частное заседание продолжалось ещё около часа. Регент мысленно ругал себя за то, что не собрал представителей от каждого министерства: в столь узком кругу выработать какую-либо программу на будущее было очень и очень сложно. Сам Кирилл прекрасно отдавал себе отчёт в том, что уже неспособен в одиночку и баранку крутить, и заправлять бензобак, и толкать сзади огромную государственную машину. Чем больше времени проходило с последнего сражения, чем быстрее страна переходила на мирные рельсы, тем больше усилий приходилось прикладывать для управления. Тем более и сами министры "правительства доверия" едва справлялись с обязанностями. Гучков постоянно болел, а вызывал его болезнь вирус "ответственностикус-и-сложностикус-постус" вида "работикус-в-огромникус-державикус". С каждым днём этот вирус всё больше и больше завладевал организмом лидера октябристов, поедая все силы. Многие офицеры настороженно относились к Гучкову, от него отвернулись даже многие его сторонники из Генерального штаба, "младотурки", как их в своё время прозвали. А вскоре должен был настать и тот день, когда здоровье не позволит Александру Ивановичу занимать столь ответственный пост. Тогда-то Шуваев и вернётся…А может, сам Сухомлинов…Кирилл только сейчас подумал об этом. С другой стороны, бывший военный министр, связанный с делом Мясоедова, окажется на этом посту затравлен. Но если реабилитировать казнённого: ведь ни единого прямого доказательства против него не было…

— Кирилл Владимирович! — Кривошеин догнал регента, когда тот уже вышел в коридор: частное заседание закончилось. — Кирилл Владимирович!

— Да, Александр Васильевич? — регент устало потёр виски.

— Я бы хотел с Вами поговорить тет-а-тет, конфиденциально, — Кривошеин явно намекнул, что адъютант может идти на все четыре стороны, только подальше отсюда. — Это важно.

— Что ж…Я к Вашим услугам.

Адъютант всё понял правильно, и через краткое мгновение в коридоре остались только регент и министр земледелия.

— Когда Вы думаете возобновить заседания Думы? Перерыв вышел уж очень долгим, Кирилл Владимирович. Или, быть может, пора объявить новые выборы…Просто…Ходят слухи о желании определённых лиц вновь заявить о своём существовании.

Зачем он так темнил? Старался напустить побольше тумана и таинственности, чтобы придать особое значение своим словам? Не боялся, что его перестанут воспринимать так же, как в своё время Родзянко? Бывший председатель Думы когда-то очень много говорил глупостей, и потому едва сообщил о волнениях в Петрограде — его слова восприняли как очередную глупость.

А может, Кривошеин сам толком не знал того, о чём говорил? Силы…Силы…Либеральная оппозиция, как обычно! Прогрессисты, урвавшие лишь малую толику власти, и решившие взять реванш? Не слишком они храбры в таком случае? Победоносное завершение войны подняло авторитет власти до небывалых высот. Как бы оппозицию простой народ бить не начал: не защитит же себя "просвещённая общественность" от народа, который они считают быдлом и чаяния которого понимают не лучше языка нагуатль.

— Вы можете назвать конкретных людей, планирующих это выступление? — прищурился.

— Это известное Вам лицо, Ваш предшественник на посту главковерха, — прошептал Кривошеин.

"Ага, Николай Александрович — тот ещё заговорщик, ну конечно…Что за…А может, другой Николай? Ник Ник? Великий князь? Неужели решился взять реванш за февраль?" — прошибло холодным потом Кирилла. Ведь на этот раз он точно не мог сказать, кто именно входит в круг заговорщиков. Если, впрочем, заговор и в самом деле существует за пределами воображения Кривошеина.

— Вы говорите о Великом князе? — Кирилл потёр подбородок.

— Вы угадали, Кирилл Владимирович, — кивнул Кривошеин.

— Если не секрет, откуда Вам стало известно о существовании заговора?

Министр земледелия замялся. На мгновение он перевёл взгляд куда-то в сторону, а рука его машинально поправила воротничок министерского мундира. Александр Васильевич явно колебался, этот интриган и хитрый плут, не любивший выдавать всё, что знает. Но сейчас шла игра за лидерство сперва в "частном совещании", а после — в Совете министров. Как-никак, однажды подобный шанс маячил перед Кривошеиным. С другой стороны, великий предшественник Барка — Сергей Витте — на самом деле получил премьерский портфель…Здесь уже шла игра в большую политику, и министр земледелия готов был рискнуть.

— Перед Вами — один из возможных участников этого заговора, — Кривошеин ухмыльнулся.

— Граф Пален, я полагаю? Рад познакомиться! — Кирилл сделал шутливый поклон.

Сделал он это за тем, чтоб Кривошеин не заметил удивления (это мягко говоря) на лице регента.

"Чего же ты, чёрт побери, добиваешься? Можно было не говорить лишних слов и устроить на меня, скажем, покушение. Получил бы бразды правления в свои руки…Вон как Гучков…Только военный и морской министр в моей истории изволили разочароваться в успехе своего заговора, добровольно покинуть Временное правительство и стать практически никем. Вот до чего господина довело желание власти: едва добился её — потерял всякий интерес…А страна…Кто-нибудь помнил тогда, на верхах, о бедной России? Экспериментаторы…".

— Нет, Вы ошиблись, Ваша милость: всего лишь Сперанский… — решил отшутиться Кривошеин.

— Вы можете назвать участников заговора?

Кирилл выпрямился. Он наконец-то справился с собой.

— К сожалению, мне известно только об участи Николая Николаевича. Это предложение мне было сделано только вчера…

— Но Великий князь сейчас на Кавказе. Он как-то передал весточку?

— Он сделал предложение письменно, передав через доверенное лицо, кавказского деятеля Хатисова.

"Ага…Хатисов…Точнее, Хатисян, связанный с дашнаками, вовлечённый в гучковский заговор…Гучковский…А что, если это очередная приманка? Николай Николаевич мог, как и в шестнадцатом году, не сказать ни "да", ни нет" на предложение об участии в заговоре, а его имя просто используют в качестве знамени? Снова использует один очень и очень желающий проникнуть "наверх" господин. И ведь ты же, Александр Васильевич, сам договаривался в пятнадцатом с Николашей. Что, решил перебежать? Не сработала былая комбинация, нынче другу раскручиваешь? Неужели так хочется плести интриги вместо того, чтоб сесть за работу?" — подумал Кирилл, а вслух сказал:

— Александр Васильевич, я могу полагаться на Вас и на Вашу преданность России? — Кирилл снова решил надеть "рожу простака".

Правда, в свете былых событий она уже не должна была сработать…За дурака регента теперь не держали даже сами дураки.

— Более чем, Кирилл Владимирович, более чем, — кивнул Кривошеин. — Я к Вашим услугам.

— Я в ближайшие дни приму необходимые меры…Надеюсь, Вы не откажете в сотрудничестве в деле их проведения.

Кирилл закинул крючок: обещание карьерного роста министра — и тот заглотнул его, ибо хотел заглотнуть.

— Отдам все свои силы для этого.

— Благодарю Вас, Александр Васильевич, премного благодарю! — Кирилл старался пожимать руку Кривошеина как можно "благодарней" и теплей. Это было сделано не только для того, чтоб уверить министра в прямо-таки страстном желании Великого князя продвинуть Александра Васильевича наверх, но и для проверки намерений последнего. Ладони человека лгущего отличаются по температуре от ладоней человека, говорящего правду, и Кирилл захотел проверить теплоту рук Кривошеина. Так, мелкий штрих к общей картине, не более…

— В самом скором времени я приму все необходимые меры, — добавил, улыбнувшись, Кирилл…

Кабинет Родзянко во второй раз за день оказался центром очередной комбинации — а заодно превратился во "временную резиденцию" регента. Напротив Кирилла, удобно расположившегося в глубоком красного дерева кресле (Родзянко, надо отдать ему должное, имел хороший вкус), замер молодой, тридцати лет, Службы имперской безопасности капитан (да, высоко поднялся в сущности молодой ещё человек!) Дмитрий Петрович Бобрев. Рыжеволосый офицер блистал горделивой осанкой (не хуже гвардейской!), тонким аристократическим (Бобрев происходил из обедневшей дворянской семьи) лицом — и лежащей на перевязи левой рукой.

— Присаживайтесь, Дмитрий Петрович! — Кирилл указал на такое же удобное кресло. — Где и как получили ранение?

Нос Бобрева, с горбинкой в форме стрелки, вздёрнулся: капитан явно гордился обстоятельствами получения этой "отметины".

— Благодарю. Дело было в Гельсингфорсе за полтора месяца до перемирия. По агентурным сведениям, в город должен был прибыть многоуважаемый агент шведской торговой фирмы "Гнейст и Ко" Альберт Ронге, он же — агент германской разведки Альфред Шнитке. Говорят, ученик и помощник самого Николаи!

Глаза Бобрева, пытавшегося до того казаться серьёзным, загорелись, лицо украсила торжествующая улыбка, а в голосе отчётливо проступила мечтательность, прямо-таки

юношеская, задорная мечтательность. Но капитан быстро переборол чувства и перешёл к форменному докладу.

— Информацию о его прибытии мы получили от группы Лаврова. Целью Шнитке была организация саботажа на наших коммуникациях и, по возможности, военных заводах. К сожалению, в Финляндии было очень сложно работать, и мы едва его не потеряли. Дело осложнялось и тем, что мы не могли запрашивать помощь со стороны финнов. Вы сами знаете, как неохотно они идут на контакт. Тем более финляндским Сеймом ещё не одобрен закон о распространении компетенции имперских жандармов и контрразведки на их территорию. Пришлось полагаться на собственные силы. На счастье, наша агентура засекла его при появлении возле одной из гельсингфорских гостиниц. Следующие дни Шнитке целиком и полностью занимался законной торговой деятельностью. Не имей мы достоверных сведений о его настоящей цели, давно забросили внешнее негласное наблюдение. На шестой день Шнитке вышел на связь с несколькими местными агентами Германии.

"Не всех вывели…Надо будет вплотную заняться реформированием Службы имперской безопасности…Сколько всего предстоит сделать! И только не в одиночку, не справлюсь! Слишком мало толковых людей. Слишком мало. Я прекрасно понимаю Ленина, кричавшего о нехватке кадров…" — невесело подумал Кирилл.

— На протяжении недели мы смогли вычислить всех агентов, связанных со Шнитке. Пришла команда прервать деятельность всей цепочки. Всех агентов требовалось взять одновременно. Мне было поручено участвовать в ликвидациисамого Шнитке. Все выходы из гостиничного номера были перекрыты. Я и ещё пятеро сотрудников вошли в номер и предложили Шнитке сдаться. Практически немедленно начался личный обыск шпиона. Немец выхватил карманный револьвер системы "Бульдог" и выстрелил в меня, после чего попытался прыгнуть в окно. Выстрелы задели руку, — Бобрев скосил взгляд на раненую руку. — Самого Шнитке схватили буквально за одно интересное место.

Капитан ухмыльнулся.

— Надо отдать должное вражескому агенту: он никого не выдал. Зато вот его помощники…Мы смогли раскрыть целую организацию.

Кирилл и без доклада Бобрева знал подробности захвата Шнитке, и даже лучше, чем сам капитан (правда, на момент операции он был ещё поручиком, после чего произведён вне очереди сразу в капитаны, минуя штабс-капитана). Однако регенту очень интересно было послушать версию самого Дмитрия Петровича. Надо отдать ему должное: говорил без излишних подробностей, не выдавая больше секретов, чем нужно, особо не выпячивая свою роль. Капитан так не сказал, что выследил добрую треть агентов Шнитке и дал ценные указания по поимке большинства из них. Сам Батюшин отрекомендовал Бобрева как способного человека, но падкого на авантюры. Последняя операция показала все эти качества Дмитрия Петровича во всей красе.

Что ж, именно такой человек прекрасно подойдёт для задуманной Кириллом грандиозной операции…

— Скажите, Дмитрий Петрович, а что Вы скажете о работе…скажем так…в качестве следователя…по одному в высшей степени важному делу? От исхода расследования зависит само существование России и воззрения огромного числа людей.

Что интересно, регент ничуть не покривил душой, говоря об этом. А пафоса добавил, так как знал по себе: молодые люди, особенно разведчики, очень любят возвышенные слова о Родине и её интересах, и о шансе эти интересы защитить. К сожалению или к счастью, начальники их, опытные и уже отнюдь немолодые, любят этим воспользоваться.

— Ваше Высокопревосходительство! — Бобрев не поднялся даже — прыгнул, вытянувшись в струнку. — Буду рад стараться! Благодарю за доверие!

— Сядьте, Дмитрий Петрович, — широко улыбнулся Кирилл. — Вот здесь все сведения, которые на данный момент нам известны.

На столе оказался увесистый, туго набитый портфель.

— Ознакомьтесь сегодня же с его содержимым. Наиболее важные сведения напечатаны на красных листах, спорные и неподтверждённые — на жёлтых. Спешу предупредить: красный цвет теряется в этом "Жёлтом море". Вам в помощь будут придана особая группа, собранная из лучших специалистов своего дела. Средства на расходы Вы получите завтра же утром, тогда же произойдёт знакомство с Вашими товарищами по делу. Раз в неделю Вы обязаны будете лично докладывать мне обо всём, что сможете узнать. В случае, если Вы посчитаете, что узнали нечто исключительное, докладывайте немедленно, препон Вам чинить не будут. И запомните: кроме меня и Ваших помощников никто, повторяю — НИКТО! — Кирилл повысил голос. — Не должен знать о том, что стало Вам известно. В случае же, если Вы не сможете сделать доклад мне…Ну, скажем, произойдёт такая неприятность, как моя смерть.

Регент позволил себе рассмеяться. Чуточку, для придания шутливого ореола последним своим слова. Бобрев улыбнулся, подыгрывая Кириллу.

— Или какие-то схожие события, Вы должны будете все результаты Вашего расследования распространить во всех возможных газетах, журналах и так далее. Надеюсь, Вы придадите моим словам значение. Нет, не спешите подпрыгивать на месте и кричать "Будет исполнено!". Успеете ещё. Сейчас же Вы должны увидеть человека, чьи дела, связи и поступки должны быть Вами выявлены, исследованы со всех возможных сторон и доложены мне. Вот его фотокарточка.

Кирилл положил на стол фотографию и придвинул к Бобреву. Тот взял её…Бросил один-единственный взгляд…Глаза его расширились до предела (а может, и вышли за них). Капитан смог быстро справиться с собою.

— Я сделаю всё возможное и даже невозможное, Ваше Высокопревосходительство, — кивнул Бобрев.

Похоже, только сейчас он осознал всю важность своего задания.

— Я полностью уверен в этом, иначе не поручил бы Вам это расследование. Удачи Вам, Дмитрия Петрович.

Кирилл поднялся, давая понять, что аудиенция закончена. Бобрев взял под козырёк и вместе с регентом вышел из кабинета, сжимая под мышкой портфель. Великий князь ещё долго смотрел вслед идущему навстречу своему будущему контрразведчику.

А фотокарточка осталась лежать на столике. На ней был запечатлён серьёзный, даже хмурый, человек, склонившийся над какими-то бумагами. Шевелюра его была зачёсана назад, мощный лоб избороздили морщины раздумий. Нос его острым мечом смотрел на бумаги. Уже седеющая бородка и подёрнувшиеся серебром густые усы были очень и очень аккуратно ухожены. В стёклышках пенсне его отражались солнечные "зайчики". Лидер октябристов, когда-то бывший председателем Государственной Думы, Александр Иванович Гучков работал…

Глава 2

"Не раз вспоминали мы, как говорил когда-то знаменитый Зубатов, что революцию у нас сделают не революционеры, а общественность"
Из мемуаров А.И.Спиридовича

"На началах непрекращающегося митинга управлять гос-вом нельзя, а ещё менее можно командовать армией на началах митингов и коллегиальных совещаний. А мы ведь не только свергли носителей власти, мы свергли и упразднили самую идею власти,

разрушили те необходимые устои, на
к-рых строится всякая власть"
Из речи А.И. Гучкова

Губернский Могилёв, разросшийся за последние два года, провожал министров по-будничному деловито и тихо. Не играл полковой оркестр, дамы не бросали в воздух чепчики, не гремел пушечный салют. На перроне собралось от силы сорок, ну, пятьдесят человек публики. Чёрные и белые френчи и пиджаки терялись среди защитного цвета мундиров и золота погон. Ставка провожала "тыловых крыс-бюрократов" в добрый путь, а может, проверяла, в самом ли деле те поскорее уедут в Петроград. Никто не говорил громко. Наоборот, все перебрасывались лишь дежурными фразами, тихо, вполголоса, мыслями витая далеко-далеко от Могилёва: кто-то — на линии фронта и в Берлине, кто-то — в столице.

Стайка репортёров из губернской газеты, в которую затесалось двое-трое журналистов из "Слова" и "Новой жизни", облепила сиявшего довольством Родзянко. Вот уже год как премьер, тот ещё больше располнел, подобрел и повеселел. Михаил Владимирович теперь с полным правом мог звать себя "самым большим и толстым человеком в России", став при этом ещё и одним из самых влиятельных.

Премьер вещал нечто благообразное о скором преображении России, о её роли в Великой войне, о замечательных достижениях правительства общественного доверия, о собственной роли в нём, о единении в сей знаменательный час общественности и власти. Порой его тучное тело сотрясалось взрывами хохота: один из газетчиков хотел разузнать о мнении Родзянко касательно слишком долгого присутствия Совета министров в Ставке.

— Думаете, мы опогонились? — Михаил Владимирович засмеялся ещё сильнее, будучи доволен собственным остроумием. — Или обюрократились? Уверяю Вас и Ваших читателей: ничуть. Мы всё так же чутко прислушиваемся к словам народа и следим за всеми его пожеланиями. А на протяжении целого года нам удалось напрямую работать для блага русского народа. Я думаю, ради этого стоило перебраться из комфортного Петрограда в Ставку. Результаты Вы можете с лёгкостью заметить через считанные дни, когда начнётся мирная конференция. Не секрет, что мы приложили огромный труд для того, чтобы именно в нашей столице был подписан вечный мир. Мы кровью заплатили за это, вполне заслужив это право.

— Михаил Владимирович, а что Вы скажете о неопределённости судьбы Государственной Думы? — к Родзянко, всех расталкивая, прорвался щеголеватого вида журналист. — Правительство намерено исполнять Основные законы империи, в которых указано о необходимости указать день созыва новой Думы после роспуска старой? Или грядёт нечто вроде законов третьего июня?

Очки в дорогой серебряной оправе, английский пиджак, лайковые перчатки, химический карандаш и увесистый блокнот в руках. А из глаз так и сыпались искры: пахло сенсацией. Рот расплылся в самодовольной улыбке.

Родзянко, на счастье, был слишком уж доволен перспективой возвращения в Петроград, в самый центр политической жизни, чтобы обижаться на подобные провокационные вопросы.

— Она будет созвана в ближайшее время, после мирной конференции. Уверяю, что закон будет соблюдён как по форме, так и по смыслу. Я даю Вам слово Председателя Четвёртой Государственной Думы.

— Благодарю Вас, Михаил Владимирович, — щёголь отвесил поклон. — Благодарю. Вся Россия ждёт знаменательного дня открытия новой Думы.

Через считанные секунды ушлый газетчик оказался оттеснён своими менее церемонными коллегами по цеху. Родзянко вновь оказался погребён под целым валом вопросов. Доставалось и его товарищам по Совету министров. Например, от Гучкова требовали сведений то о скорой демобилизации, то о судьбе Проливов, то о возможных

приращениях территории империи. Какой-то провинциал, говоривший с сильным польским акцентом, интересовался возможность дарования Польше самостоятельности, как то пообещали ещё в самом начале войны.

Ещё не полностью оправившийся от очередной болезни, Гучков неимоверно устал. Он даже пошатнулся, слушая вопрос поляка. Тут-то ему пришёл на выручку Милюков. Радовавшийся не меньше Родзянко тому, что оказался в центре внимания, привыкший в политике скорее к говорению, чем к деланию, министр иностранных дел взял слово.

— Думаю, что я лучше сумею ответить Вам. Как уже было мною не раз сказано…

Гучков благодарно кивнул Милюкову и направился прочь, в своё купе. Там он с удовольствием буквально свалился на диванчик, растянувшись на нём. Даже пиджак он не снял: был настолько утомлён. До марта прошлого года он никогда не думал, что простое говорение может быть весьма изматывающим. Однако же — ошибся: не просто изматывающей, прямо-таки потихоньку убивающей. Большинство дел он свалил на плечи давнего своего друга, генерала Поливанова, но и оставшиеся требовали чрезвычайного напряжения сил. Ему нелегко было в этом признаться (пусть даже самому себе), но порой Гучков думал: а не слишком ли много критики доставалось от него николаевскому правительству? Этакую-то махину поднять, заставить крутиться чёртовы шестерёнки!

Кашель сотряс всё тело Гучкова, заставив скорчиться.

— Проклятье…Проклятье…Как мне надоела эта проклятая служба…Как мне она надоела…

— Ваше Сиятельство, не изволите чего-нибудь?

Из приоткрытой дверцы купе на Гучкова уставился проводник вагона, в сверкавшей начищенной ливрее и со сверкавшей ещё более физиономией: тоже, видать, старался, чистил, драил с утра, чтоб "Их Сиятельства" довольны были.

"До чего же противно".

— Ступай, голубчик, ступай, ничего не требуется, — отмахнулся Гучков. принимая сидячее положение.

Он всмотрелся в своё отражение в зеркале, висевшем напротив. В бороде стало ещё больше седины, на лице — морщин, а в глазах почти не осталось былого огня.

— Эх ты, а ещё банковский делец называется, — обратился к своему отражению Гучков. — Великий политический деятель…Сподвижник и всё такое прочее…Ну, неужели не ты остался вместе с ранеными госпитале, когда наша армия отступала на Дальнем Востоке? Разве не ты поддерживал Столыпина, когда на него со всех сторон кричали и вопили? Разве не ты сверг Николая? Зря сверг…Прежде было хоть кого винить в неудачах и нарушении законности, теперь же ты сам за всё в ответе…Да уж…Горе-министр…А может, не побояться- и уйти? А? На пике славы? Сразу после окончания мирной конференции? Гучков сделал своё дело — Гучков может уходить. Фанфары, участие в новой Думе, снова на пике популярности. А? Ещё не всё так плохо?

"А как регент-то нас вокруг пальца обвёл, смотри-ка! Не зря я выступал против участия Великих князей в армии и политике, не зря! Это ж надо, использовал нас как револьверы. Нет, как ружьё, которое у Чехова всегда выстрелит в нужный момент. Пытается контролировать всё и всех. Это ему удавалось во время войны, но сейчас? Общественность потребует созыва Государственной Думы, Совет возьмёт своё, тогда-то и посмотрим, что да как. Тем более была хорошая идея о создании новой партии с Родзянко…Да, что он там говорил о Демократическо-парламентской партии или как-то так? В преддверии выборов это будет очень полезно. И надо будет восстановить связь с друзьями. Досмотр и перлюстрация, двойные-тройные кордоны вокруг Ставки — здесь не поработаешь. Согласительная камера, не иначе. С ударением на камеру и с периодическим забвением "согласительной".

— Но сейчас — отдых, только отдых…Так ведь? — отражение подмигнуло. — Отдых…

К сожалению для военного и морского министра, тому поспать совершенно не дали.

— Александр Иванович, милейший, я Вас не разбудил?

В купе горели электрические лампы: снаружи уже давным-давно наступила ночь. Милюков устроился на диванчике напротив. Неизменное пенсне Павел Николаевич протирал кусочком замшевой тряпочки, которую всегда и везде носил в кармашке пиджака — это была привычка, выработанная долгими лекциями перед студентами и товарищами по партии. Лицо его источало уверенность и бодрость. В глазах полыхали бесенята радости.

— Разбудили, — без обиняков ответил Гучков. — Павел Николаевич, я бы на Вашем месте выспался как следует.

— Вот и Николай так думал, пока мы работали, — тонко улыбнулся Милюков. — Однако же видите, как всё вышло? Старому деспоту устроили заграничное турне, а мы правим балом.

— Мне, кажется, послышалось, — тихо и мягко произнёс Гучков, — Вы сказали "Мы"? Однако же следует говорить "Он". Регент то бишь.

— Пусть думает так, если пожелает. Но при необходимости мы покажем ему, кто является рупором общественности и русского народа. Вы знаете, эта ситуация живо напомнила мне дела молодости моей. О чём я только не думал сперва в ссылке в Рязань, потом — при отъезде в Софию, а позже — при поездке по Европе. Со сколькими людьми довелось мне переговорить…И пусть большую часть времени я был стеснён стенами купе, намного менее импозантного и уютного, чем это, всё же мысль моя летала свободно! Многое из задуманного мною позже воплотилось в жизнь. А тогда я был начинающим политиком, повидавшим демократические государства. Вы же знаете, даже радикалы из левых, те же Ульянов-Бланк, Брешко-Брешковская, Чайковский, князь Кропоткин. Да, интереснейшие были люди! Жаль, то смотрели достаточно узко на будущее России! У них не хватило желания — или воли — подняться над классовыми интересами. Это их, без сомнения, и погубило как политиков.

— Павел Николаевич, Вы довольно-таки оптимистично смотрите на вещи, — подавив зевок, произнёс Гучков.

— Я имею полное на это право. Величайший приз войны — Проливы — вскоре будут в наших руках, Галиция, кое-какие земли в Германии, контрибуция, репарации. Новые выборы в Думу принесут нам ещё большую поддержку.

— Но они же дадут и реакционерам, правым, черносотенцам, кары в руки. Монархия победила в Великой войне, народ рукоплещет Алексею и регенту, не связанных никакими интригами с Распутиным, немцами или кем-либо ещё. Да и, не забывай, Павел.

Гучков обращался к Милюкова по имени только в самых редких случаях: когда произносил тосты в узком кругу и когда дела обстояли уж очень нерадостно.

— Не забывай, что если такая критика и начнётся — мы станем её объектом, мы, а не император или регент. Вот уже год мы — правительство Российской империи, и ответственность за всё, в ней происходящее, лежит на нас. Ты знаешь, я уже и не рад, что мы устроили ту кампанию…К чему всё было? Совсем, совсем не то, что я ожидал — быстрого и простого возрождения, по-настоящему лёгкой победы в войне мы не добились…

Гучкова сотряс новый приступ кашля.

Милюков, как ни в чём не бывало, продолжал протирать пенсне.

— Как ты можешь заметить, это назначение только подкосило мои силы. Проще, намного проще было критиковать со стороны, но когда решили возложить все эти обязательства на себя…Проклятье…

Александр Иванович напрягся, ожидая очередной приступ, однако же на этот раз тот миновал.

— Да…Вот так и живём…Военно-промышленные комитеты оказались не у дел. Что-то вокруг них собирается. Я чувствую: Кирилл намеревается выкинуть нечто этакое.

— Зачем они тебе сейчас, эти комитеты?

— На всякий случай. После мирной конференции вновь начнётся борьба за мандаты в Думе. Такие средства нам пригодятся.

— Ты знаешь, Саш… — вот уже и Милюков обратился к Гучкову запанибрата. — Я

улучил вчера момент и сел за чтение "Истории Византийской империи" Успенского. Он подарил когда-то все тома, "Брокгауз и Ефрон", к сожалению, заставил подсократить кое-какие главы, поэтому некоторые важные моменты освещены не так подробно, как хотелось бы…

Милюков словил взгляд Гучкова и подсократил "рецензию":

— Так вот. Я перечитал главы о Кантакузинской революции…Той, что поставила остатки империи на колени. Магнаты, динаты и прочие состоятельные господа, по большей части, принялись гоняться за собственными интересами в пику интересам государственным. Византии больше нет на карте. Только-только над Софией вновь водрузят православные кресты. И мне показалось, что очень уж те события похожи на нынешние. А потом я задал себе вопрос: "Готов ли я взять на себя ответственность за гибель империи"? Не дай Бог, конечно, Россия, конечно же, выстоит, ей никакие катаклизмы не страшны…Однако же…

Милюков замялся: было видно, что обычная выдержка подвела лидера партии народной свободы.

— Однако же…Готов ли ты взять на себя ответственность за несчастия России, которые могут быть вызваны твоими поступками? Готов ли я взять такое же бремя на свои плечи?

Гучков ничего не ответил: он повернулся к окну, вглядываясь в ночь.

Так и просидели двое влиятельнейших людей России, боясь проронить хотя бы слово, и молчание пролегло меж ними.

Уже днём "Литеру Б" встречал Петроград. Первое, что бросилось в глаза давно не бывшим здесь министрам — дым бесчисленных заводов и фабрик. Сизые и чёрные клубы рвались вверх, дырявя небосвод, словно бы пытаясь заполнить собою весь мир. Потянулись дома, лавки и лабазы. Люди останавливались и глядели вслед "Высочайшему" поезду. Кто-то сплёвывал, кто-то крестился, но все не могли оторвать взора от "Литеры Б": уже почитай неделю назад по столице распространился слух о возвращении правительства. Петроград оправдывал прозвание Города Слухов, которое позже перешло к Москве двадцатых-тридцатых.

Гучков вобрал побольше воздуха в грудь:

— Признаться, отвык от здешнего воздуха, опровинциалился, что ли, — улыбался военный и морской министр, поправляя пиджак и галстук. — Как думаете, какой приём нам предстоит?

Милюков, лишь под утро ушедший в своё купе, вновь сидел напротив Гучкова.

— Я предполагаю, что нас ждёт невероятно горячий приём журналистов. Что касается народа — сказать не возьмусь. Возможно, нас захотят понести на руках, возможно, спросят, что же предстоит России дальше.

— Особенно репортёры "Речи" будут любопытны, — усмехнулся Александр Иванович.

Газета "Речь" был рупором кадетской партии, практически бессменным редактором и автором большинства передовиц которой являлся Милюков. Не раз и не два он поднимал бурю какой-либо заметкой, особенно удавалось это ему в дни первой Государственной Думы. Любое более или менее эффектное, пафосное слово депутата от кадетов на её заседаниях раздувалось до едва ли не грандиозной победы партии. Что уж там говорить о какой-нибудь придирке к правительству! Сколько раз кадеты, к услугам которых были лучшие умы русской юриспруденции, пытались разозлить Совет министров и царя, уязвить их, то делая грубые по форме и дерзкие по содержанию запросы или принимаясь за эффектные, но юридически неграмотные законодательные инициативы. На следующий день после очередной выходки "Речь" пестрела едва ли не одами великим борцам с загнивающим режимом.

— Вне всяких сомнений, вне всяких сомнений. Триумфальное возвращение лидера партии народной свободы в Петроград, возможность принять участие в заседаниях Центрального комитета — это ли не повод для любопытства?

— Вы же сами знаете, что сейчас у вас в комитете отнюдь не единство мнений…Кто

знает, как Вас примут?

— Я, как и всегда, постараюсь играть умеряющую роль. Партия не развалится на фракции, как бы того ни хотели Долгоруков, Маклаков или Набоков. Только в единстве наша сила. Прогрессивный блок должен был научить Вас этому, Александр Иванович, — Милюков подмигнул. — Ваши октябристы смогли сохранить хотя бы видимость единства только благодаря участию в блоке. Земцы, левые октябристы…Все они собрались под знамёна борьбы за свободу и победу. И сейчас они сделают то же самое.

— Вы не преувеличиваете желание наших с Вами коллег собраться под знаменем борьбы с императором и регентом? Тем более…У нас больше нет этого знамени, мы добились, чего хотели. Зачем продолжать борьбу?

— Пока мы не сможем назвать Россию державой, стоящей наравне с просвещёнными государствами Европы, борьба не будет окончена, — коротко ответил Милюков.

— Как знать, Павел Николаевич, как знать… — пробубнил Гучков, выглянул в окно и тут же добавил: — Пора, Павел Николаевич, пора! Приехали!

И точно: "Литера Б" вот-вот должна была сравняться с перроном. А народу-то на нём было! Народу! Толпа пестрела дамскими шляпками и фуражками служащих, рабочими кепками и студенческими тужурками. Волна прошла по людскому морю, поднятая паровозным гудком: поезд наконец-то остановился! Вот-вот откроются двери, и министры явятся народу, министры правительства-победителя, народные избранники!

Последнее убеждение было, конечно же, шатким: народ не участвовал в создании правительства. Но "Речь", флагман либеральной печати, убедила в этом многих и многих. Газетам в ту пору удавалось убедить людей во многом: и в шпионаже человека, который никогда не был никак связан с вражеской разведкой, и в спасительности победы в борьбе за власть той или иной группировки, и в том, что чёрное может побелеть, а белое — уже давным-давно стало чёрным.

Не успели министры появиться на публике, как понеслось:

— Ура правительству! Ура Родзянко! Ура Милюкову! Ура Гучкову! Уррра!!!

Милюков чувствовал себя в родной стихии: вокруг было полным-полно людей, желавших верить в то, что он говорит. В общем-то, собравшиеся готовы были слушать что угодно, многие всё равно не услышали бы или точно не поняли, что же такое им говорят. Но едва из передних рядов донеслось бы "Ура!", как даже тугие на ухо и, наверное, глухие подхватили бы одобрительный клич. Но почему? Почему они готовы были кричать "Ура" или "Долой!"? Просто потому, что так кричат другие. Здесь и сейчас не надо было думать, не надо было напрягать извилины, не надо было отстаивать своё мнение и вслушиваться в слова ораторов. Просто кричи то же, что кричат другие, — и всё: ты — сила, ты — Толпа, а Толпа — это ты. Это же так просто, заманчиво и доступно! Просто подчинись, и получишь силу. Но кто-то ведь использует эту силу и заставит кричать Толпу на нужный лад?

Об этом и не только думал Гучков, выходя на крохотный, оцепленный жандармами пятачок перрона. Он скорее из привычки, чем от чистого сердца, махал встречающим рукой, порой даже находил в себе силы натянуто улыбнуться и посмотреть в сторону очередного фотоаппарата или кинематографической камеры. Лидер октябристов смотрел на толпу, вспоминая далёкие февральские дни. Может быть, там, на площадях, толпились те же люди, что и сейчас? Вдруг кто-то участвовал в манифестациях и погромах? Кто из стоявших здесь людей оказался связан с военно-промышленными комитетами, с рабочей группой? О своём детище Гучков вспоминать не очень любил: тогда он чуть не выпустил безумие на улицы Петрограда. Но порой, долгими ночами или на заседаниях Совета министров, он думал: а что было бы, не останови Кирилл сползание к хаосу? Смогли бы они насадить порядок? Смогли бы они довести войну до победного конца? Не нанесли бы удар по государству? Ведь Михаил отказался брать на себя власть, и если бы Николай не отрёкся в пользу Кирилла, то правительство само стало бы многоголовым властителем, точно как Директория во Франции…Что было бы? Что?

— Александр Иванович, — Милюков этак легонько потряс Гучкова за рукав. — И ещё

журналисты не верят, что министры работают на благо народа! Даже в поезде Александр Иванович не имел ни секунды свободного времени: всё трудился, трудился, трудился над планом демобилизации. И он столь грандиозен, что надо собраться с мыслями, дабы о нём рассказать!

По толпе прошла новая, грандиозная волна: Милюков улыбался, довольный воздействием своих речей. На лицах людей с лёгкостью можно было прочесть восторг. Сам военный и морской министр не ожидал, что слова коллеги окажут такое воздействие на публику.

И, вполголоса, обращаясь к Гучкову, лидер кадетов добавил:

— Вам бы выспаться не мешало, Александр Иванович. Журналисты хотят знать, что там у нас с планами демобилизации…

— В самом скором времени мы… — к счастью или к несчастью, Гучкову договорить не дали.

— Мы вернём людей домой и, главное, дадим им работу, землю! Девять десятин земли, замечательной плодородной земли, в просторной, вольной Сибири! Для тех же, кто захочет получить профессию, которая сможет прокормить не хуже, чем земельный надел — откроются двери новых университетов, школ и училищ! Мы дадим бесплатное начальное образование каждому! Мы возвеличим Россию, сделав её богатейшей и величайшей державой!

— УРРРА!!! — Гучкову показалось, что сам небосвод задрожал от мощи этого крика.

"Господи, спасибо, что эти люди незнакомы с либерал-демократической и коммунистической партиями! Они ещё верят обещаниям власть имущих! Аминь!" — Кириллу приходилось очень громко думать: даже мыслей своих он не слышал средь криков "Ура!".

Жандармы, нёсшие канаты в руках в качестве ограждения, кое-как смогли проторить дорогу Великому князю. Тот, улыбчивый, радостный — и с потемневшими глазами — пожимал руки господам министрам.

— Замечательные слова, Кирилл Владимирович, замечательные слова! — орал даже громче толпы Родзянко. — Замечательные! Рад снова встретиться после короткого перерыва! Рад! А как доволен возвращением в Петроград!

— А я-то как, дорогой мой Михаил Владимирович! Безумно! — кивал регент, переходя к Гучкову и Милюкову.

Рядышком очутился и Шульгин, обращавший на себе внимание ещё более лихо закрученными усами. Министр юстиции ловил взгляды многих дам: на всю столицу он славился деликатным обхождением с прекрасным полом и неизменной тактичностью. Другие министры пока только спешить засвидетельствовать своё почтение Кириллу.

— А отчего же император не смог встретить нас? — Шульгин не выпускал руку Кирилла. — Что-то случилось? Болен? До меня доходили слухи…

— Всё хорошо, Его Императорское Величество чувствует себя отлично и шлёт приветствие Совету, верным своим слугам! — Великий князь произнёс это достаточно громко, чтобы публика услышала и разразилась очередным "Ура!".

"А всего год назад они же готовы были меня растерзать! Прав был Макиавелли: преходяща благодарность народа. Вот страх! Страх всегда держит крепче! Сколько ещё можно будет лавировать, вызывая любовь? На сколько нас хватит, когда наступит долгожданный кризис? Выдержим ли? Выдержит ли Россия? Мы должны суметь, должны!" — невесело думал регент.

— Господа, господа! Будьте любезны! — взмолился какой-то фотограф. — Господа! Прошу! Улыбайтесь, улыбочку, господа!

Смешной красный берет, точь-в-точь как у вольного, но бедного живописца, нос крючком, под правым глазом родимое пятно в форме щита…Да это же господин Гаврилов, тот самый фотограф! Ведь это он делал фотографию Кирилла вместе с заговорщиками в таком далёком феврале!

— Господин Гаврилов, надеюсь, в этот раз нам не придётся долго стоять на холоде, дабы Вы смогли настроить фокус? — рассмеялся Сизов-Романов.

— Вы меня узнали! Ваше Высокопревосходительство, польщён, признаться. Польщён! — сделал поклон Гаврилов. — Будьте покойны, всё будет в лучшем виде! И фокус я уже настроил! Улыбочку! Сейчас вылетит птичка!

Раскрасневшийся от гордости фотограф не соврал: мгновением позже блеснула вспышка.

— А фотокарточку я, если Вы не будете против, хотел бы оставить себе. На память, — смешно всплеснул руками этот художник чёрно-белого мира. — Однако Вы всегда можете увидеть её у меня дома! Вот моя визитная карточка!

Один из жандармов принял протянутую Гавриловым бумажку и передал Кириллу. Через мгновение толпа оттеснила фотографа, поглотив, вобрав в себя.

— Это дежа-вю, не правда ли, милостивые государи? — расхохотался Родзянко. — Натуральное дежа-вю! Без всяких сомнений!

— Не хватает только… — и вновь Гучкову не дали договорить…

"Бух-бух!" — раздался выстрел, за ним, практически без промедленья — второй. Человеческое море словно бы наткнулось на волнорез, распавшись не бесчисленные капли: люди хлынули в разные стороны, спасая жизнь и мешая жандармам восстановить порядок.

Первым среагировал Кирилл: он упал на землю, перекатился поближе к вагону, у самых путей остановился и выхватил револьвер, силясь найти стрелка. Родзянко рванул обратно в поезд: сработали полковая выучка. Гучков, чертыхнувшись, упал наземь, памятуя о снайперах англо-бурской войны. Милюков замер на месте, пытаясь сообразить, что происходит: подвели его инертность и основательность характера…

Надо отдать должное охране: быстро среагировали, встали между толпой и "объектами". Трое или четверо жандармов принялись ловить стрелка. Особого труда найти его им не составило.

— Вон он, вон! — крикнул Милюков, заметивший сжимавшего тяжёлый "Смитвессон" паренька.

Тужурка, поношенная студенческая форма, замершее, непроницаемое лицо, дрожавшая рука — этот облик был знаком каждому, кто сумел пережить покушения времён эсеровского террора. Неудавшийся убийца не пытался убежать: так и стоял, пока его не скрутили жандармы, едва не сломав ему руки.

— Есть кто ещё с тобой? Есть? — орал ротмистр прямо в ухо террористу, потерявшему всякую связь с реальностью. — Кто тут ещё из твоих?

— Успокойте людей! Успокойте людей! — воскликнул Родзянко, стоя в дверях вагона.

Гучков озирался по сторонам. Кровь стучала в висках, сердце прыгало, а ноги отказывались слушаться. Отвык он, видать, от опасности, отвык!

"Пора на отдых, пора, — думал Александр Иванович, не в силах оторвать взгляда от ещё дула "Смитвессона". — Нервишки-то уже не те…Не те…На думской трибуне оно спокойнее будет…Ха, и когда же я научился бояться всякого шороха и жалеть себя? Когда же я успел постареть?"

— В вагон, прошу Вас! — жандармский офицер, с непроницаемым лицом, подошёл к замершему Милюкову. — Сейчас мы наведём порядок, но опасность ещё не миновала! Прошу Вас! Вернитесь в поезд!

— Да, Павел Николаевич, Вам лучше вернуться в поезд, — Кирилл подошёл сзади, незаметно и бесшумно. — Благодарю за службу, молодцы!

Последние слова предназначались жандармам, и непонятно было: регент корит их за то, что не смогли выявить убийцу в толпе, или благодарит за быструю реакцию, а может, и то, и другое.

— Рады стараться! — дружно, но тихо и неуверенно ответила охрана.

— Надо будет принять кое-какие меры, — пробубнил себе под нос Кирилл. — Господа, нас ждёт много работы. Кто-то очень сильно не желает нашего возвращения в Петроград.

Очень и очень сильно…

— Мы это уже заметили, — озвучил общую мысль Гучков, отряхивая брюки. — Зато был повод лишний раз заняться гимнастикой, не правда ли?

Военный и морской министр пытался держаться так, будто ничего и не произошло: Кирилл одобрительно кивнул.

Между тем жандармы смогли восстановить спокойствие на перроне, оттеснили толпу подальше и полукольцом встали перед "Высочайшим" вагоном. Ротмистр, погрозив кулаком террористу, скрученному по рукам и ногам, пошёл рапортовать Кириллу.

— Ваше Высокопревосходительство, сейчас подойдут автомобильные экипажи с защитными кожухами, соблаговолите подождать немного. Запросили подкрепление, так что безопасность Вашу и правительства мы обеспечим. Виновные в инциденте будут наказаны, я обещаю.

По лбу усатого ротмистра потекла струйка пота: жандарм предчувствовал немилость начальства.

— Ничего, люди старались как могли, — поспешил успокоить служаку Кирилл. — Вы сделали всё от вас зависящее, молодцы! Не раздевать же и обыскивать всех желающих посмотреть на правительство! А с этим…

Регент прищурил глаза, бросив короткий, испепеляющий взгляд на террориста.

— С этим мы ещё разберёмся. В сводках он не проходит, примет его не узнаёте?

— Никак нет, Ваше Высокопревосходительство, — мигом ответил ротмистр. — Не могу припомнить ни одного боевика из социал-революционеров или эсдеков, подходящего по приметам. В отделении всё узнаем. Разрешите выполнять?

— Выполняйте, — Кирилл кивнул. — Только…Дайте-ка взгляну в глаза этому герою.

— Извольте заметить… — начал было жандарм, но тут же замолчал, поймав на себя взгляд регента. — Есть. Ребята, а ну-ка подведите этого…

Террориста, окружённого едва ли не десятком человек, подвели к Великому князю. Студент (или раздобывший их форму) всё так же отстранённо взирал на происходящее. В глазах его застыла холодная уверенность. Поразительная выдержка, поразительная! Однако парень всё же поднял взгляд, посмотрев прямо в глаза Кириллу. Так продолжалось несколько мгновений, после чего студентик отвернулся, продолжая хранить гробовое молчание.

— Уведите. Пусть господин Зубатов лично с ним пообщается.

— Так точно! — откозырял ротмистр. — Ох и не сладко тебе придётся, парень…

Отец первых в России профсоюзов, искавших поддержки государства и боровшихся только за экономические и социальные преобразования жизни рабочих, он лично общался и с создателем Боевой организации эсеров Гершуни, и с Азефом (последний и был завербован лично Зубатовым). Вне всяких сомнений, террористу предстояло попасть в нужные и очень умелые руки.

К этому моменту все министры уже нашли в себе смелость выйти из поезд. Они столпились вокруг Кирилла, не в силах произнести ни слова: провожали взглядами несостоявшегося убийцу, уводимого прочь. Все думали: "Кому же был предназначен тот выстрел? Кому?". Люди обменивались многозначительными взглядами и ещё более выразительными жестами. На некоторое время воцарилось молчание, нарушить которое нашёл в себе смелость Кирилл.

— Что ж, господа! — повернулся он к членам Совета министров. — Добро пожаловать в Петроград!

Передовица "Нового времени"
Удар не в лицо, а в спину

Сегодня днём, когда столица встречала вернувшееся правительство во главе с председателем Думы Родзянко, на министров было совершено покушением неизвестным студентом. Он произвёл в густой толпе несколько выстрелов, так и не достигнувших цели,

после чего обезоружен силами жандармской охраны. Событие это всколыхнуло Петроград.

Наша газета также не может пройти мимо столь вопиющего акта: едва не погибли лучшие люди России. Министры правительства общественного доверия подверглись величайшей опасности. Сам Великий князь Кирилл Владимирович, регент при Его Императорском Величестве Алексее Николаевиче, оказался в опасности. Те люди, благодаря которым достигнута победа в Великой победе, едва не стали жертвой подлейшего по своей сути покушения. Что побудило этого студента поднять руку на избранников народа? Является ли он членом эсеровской партии или одиночкой? А может быть, и это намного более вероятно, он — вражеский шпион? Германия, поставленная на колени, побеждённая нашей великой победоносной армией, решила таким образом сохранить хорошую мину при плохой игре?

Но кто бы ни был организатором убийства, до какой же низости он дошёл! Сегодня, когда миновала война, а её итоги вот-вот будут подведены на мирной конференции, сегодня, когда миллионы людей возвращаются домой — да-да, именно сегодня едва не совершилось непоправимое.

Может быть, это знак того, что правительство идёт верным путём, если враги снова готовят удар?

Одно можно сказать точно: вновь настало время сплотиться вокруг престола на пути к возрождению России. Великий князь Кирилл дал интервью нашей газете, которое вы можете прочесть ниже. На следующих страницах наши авторы дали краткий очерк нынешнему положению дел в России и обозначили перспективы мирной конференции…

Редакция от своего имени желает господам министрам, регента и Его Императорскому Величеству здравия и твёрдости в деле возрождения России…

Передовица "Утра России"

Наперекор победе

Сегодня на правительство и регента было совершено покушение неким студентом. Как сообщают наши источники, его имя Гавриил Алексеев, что навевает определённые ассоциации с событиями четырёхлетней давности в Сараево. Тогдашний выстрел — и тоже Гаврилы — стал поводом к началу Великой войны. Чего же добивался наш доморощённый Принцип? Какая организация направила его руку?

Интересы народа едва не были задеты двумя выстрелами. Все надежды на восстановление России под благотворным влиянием таких известных и уважаемых в обществе людей, как наши министры Гучков и Коновалов, оказались поставлены на карту.

Приняты все меры к скорейшему расследованию подробностей покушения. Представители Службы имперской безопасности заявляют, что уже в течение недели смогут рассказать нам, что двигало и, главное, кто двигал Алексеевым.

Александр Иванович Гучков сообщил нашей газете, что готов простить террориста: тот явно не понимал до конца, что же собирается сделать. Кроме того, вся его вина заключается в том, что он является всего лишь исполнителем чьей-то злой воли.

Наш корреспондент смог взять интервью у Великого князя Кирилла. Несмотря на едва не случившуюся трагедию, он спокоен, бодр и готов продолжать работу. Исключительно для нашей газеты регент поделился планами правительства касательно восстановления экономики. Несколько сот миллионов рублей будет вложено в обустройство портов и железных дорог. Руссо-Балтийский вагоноремонтный завод, как надеется Кирилл, в самое скорое время вернётся к производству подвижного состава. Планируется наращивать производство рефрижераторов. В самом скором времени будет объявлено о создании нового акционерного общества. Целями его, как планируется, будет восстановление хлебной торговли через порты юга России, а председателем правления предложено стать всеми уважаемому П.П. Рябушинскому. Ввиду открытия морского пути через Проливы эта деятельность должна будет принести крупные дивиденды. Кирилл призывает всех желающих вложить средства в это предприятие. Также Государственный банк в

ближайшее время выпустит патриотический пятипроцентный займ на восстановление экономики. Средства…

— Красиво, очень красиво, — подытожил Гучков, откладывая в сторону вечерние номера газет.

"Новое время" ему принесли ещё вчера, через считанные часы после покушения, а вот "Утро России" — только ближе к полудню следующего дня.

Хмурый Коновалов ходил из угла в угол, заложив руки за спину.

— И всё же я не понимаю, кто это устроил. Не мог, просто не мог какой-то выскочка пробраться через жандармов. Может быть, его пропустили специально? Кто-то из прихвостней Николая решил подстроить нам ловушку?

— А левые? Что от них слышно? А что, если это твои работяги из…

— Ты что? — Коновалов даже замер на месте от неожиданности. — Ведь мы вместе создавали "рабочую группу", сами всех подбирали. Да и зачем мне это? О подобных идеях среди работяг я не слышал, вряд ли они решились бы на такое по собственному почину. Левые пока молчат, им смерть кого-нибудь из правительства или уход в мир иной регента пока что не очень и выгодна. Сейчас Кирилл на коне, его убийство руками террориста из Боевой организации только подорвёт популярность партии в глазах народных масс. Победитель немцев — убит? Нет, иначе эсеры повторят судьбу своих "отцов"-народовольцев. Спроси у Тихомирова, что им тогда устроили. Тем более во время войны кто только не кричал, что левые пляшут под германскую дудку, а тут бы им лучшее тому доказательство предоставили. Нате, берите.

Коновалов с каждым мгновением нервничал всё больше и больше.

— А может, это сам Кирилл и устроил? Ты вспомни-ка. На Львова ведь тоже год назад кто-то напал, стрелял, тогда никого не нашли. Сейчас тоже…Тот выстрел князя-то выручил, хорошо так выручил, высоко поднялся!

— Очень может быть, — наконец произнёс Гучков.

Военного и морского министра сотряс приступ кашля…

Глава 3

"Если русские войска одержат победу над японцами, что, в конце концов, не так уж невозможно, как кажется на первый взгляд, то свобода будет преспокойно задушена под крики ура и колокольный звон торжествующей Империи"
Из статьи в либеральном журнале "Освобождение".

"Вы радовались нашим поражениям, рассчитывая, что они ведут вас к освободительным реформам. Вы систематически развращали прокламациями наших солдат, подрывая в них дисциплину и уважение к офицерам…"

Из статьи в журнале "Русский инвалид"

Для Бобрева было честью оказаться в святая святых жандармского корпуса — просторном четёрыхэтажном здании на Фурштадской, сорок. Выкрашенный в белый цвет, настоящий дом для сотен людей, штаб великой организации, Отдельного корпуса жандармов. В связи с реформами и объединением контрразведки, охранных отделений и жандармерии в одну структуру, особняк был преобразован в "мозг" Службы имперской безопасности.

Как ни странно, снаружи охранялся штаб слабо. Бобрев быстренько вычислил в трёх разносчиках сигарет агентов наружного наблюдения. Не менее выделялся — для знающего человека — дремавший на козлах извозчик. Под его кафтаном, должно быть, скрывалась кобура с револьвером, а в пустотах под седлом — винтовка или автомат Фёдорова.

Бобрев, ради шутки, помахал рукой разносчикам. Те с удвоенной энергией принялись делать вид, что занимаются бойкой торговлей на практически безлюдной улице.

— Зря Вы так, Дмитрий Петрович. Придётся теперь менять агентов. Ох и задали Вы задачку, — прогнусавил "дремавший" извозчик, когда Бобрев прошёл мимо.

— Прошу прощения, уж слишком они выделяются, нельзя так, — шёпотом ответил контрразведчик.

— Разберёмся, — донеслось вслед. — Разберёмся.

Бобрев положил руку на дверной звонок, но использовать его не торопился. Он решил запомнить это мгновение перед скорым боем. Это был своеобразный обычай Дмитрия: насладиться спокойствием, пережить несколько мгновений тишины перед серьёзным делом. Так, наверное, выглядит полководец в минуту перед решающей битвой.

Но Бобрев всё-таки нажал на кнопку звонка: из утробы здания донёсся приглушённый звук, чем-то похожий на плеск водопада. Секундой позже дверь открыл почтенного вида старик в поношенной ливрее.

"Порядочки" — про себя подумал Бобрев.

— Добро пожаловать, сударь, заждались, — степенно приветствовал "дорогого гостя" дворецкий. — Прошу.

Он дал дорогу Дмитрию в сумрачную парадную, быстренько закрыв за ним дверь. Тут же зажёгся резавший глаза свет, заставивший Бобрева зажмуриться. Рука сама собою легла на кобуру.

— Добро пожаловать, Дмитрий Петрович. Кстати, при желании, мы бы уже набили Вас свинцом, что гуся — яблоками, — вслед за высоким басом пришёл и нормальный свет.

Бобрев наконец-то смог разглядеть обстановку внутри Штаба. Напротив двери было оборудовано пулемётное гнездо. Металлические, кажется, свинцовые балки, поверх них — стальные щиты с бойницами для винтовок и револьверов. В узком проёме меж броневыми листами — дуло "Максима" на станке Соколова. Мощный цилиндрический ствол, исторгавший в минуту пятьсот выстрелов: при стрельбе в упор он бы превратил человека в жуткое подобие дуршлага. Но самая знаменитая часть этого "Максима" — конечно же, щит. Сверху полукруглый, с прямоугольным отверстием повыше ствола — для многих солдат Великой войны и Гражданской это было последним, что они видели в жизни. Стрелков же, особенно первому номеру, щит хранил от смерти: он мог принять на себя несколько выстрелов даже с близкого расстояния, навсегда задержав в себе пулю. К сожалению, очень часто пулемётчики снимали перед боем щит, так как без него легче оказывалось перетаскивать "Максим". Это желание упростить себе жизнь не одну сотню человек свело в могилу.

Пулемётное гнездо перекрывало парадную от стены до стены, служа практически непреодолимой преградой для любого вторжения. Присмотревшись получше, Бобрев сумел таки разглядеть очертания дверцы, проделанной в баррикаде.

— Вот-с, после февраля минувшего года сделали перепланировочку, Вам нравится? — донеслось сзади довольное урчание "дворецкого".

Щелчок "Кольта", переводимого на предохранитель, донёсся мгновением позже.

Встречавший дорого гостя офицер жандармерии вложил пистолет в кобуру, припрятанную под ливреей.

— Извольте документики предъявить, на всякий случай.

От этого предложения, донёсшегося из-за пулемётного щита, Бобрев не смог отказаться. Паспорт довольно-таки долго разглядывал "дворецкий", после чего, довольно хмыкнув, вернул его Дмитрию.

— Мало чем отличается от представленной Самим, — жандарм произнёс последнее слово с особым чувством, растянув его, будто бы говоря нечто священное. — Можете пройти, Дмитрий Петрович, просим прощения за столь своеобразные меры предосторожности. Вы просто не отбивали это здание год назад…Да-с…

"Дворецкий" вздохнул, дав возможность Дмитрию разглядеть шрам, шедший от правой скулы и скрывавшийся под воротником. Это была метка, оставленная несостоявшейся революцией.

Дверца в баррикаде открылась, и Бобрев мигом юркнул в неё. Пришлось идти боком, настолько узким был проход в этой металлической стене. За нею тянулась настоящая линия укреплений. Рельсовая дорожка, по которой из недр штаба можно было подтягивать пулемёты и вагонетки с патронами, ещё несколько щитов, за которыми самый раз укрыться ещё одному пулемётному расчёту, и мешки, мешки, мешки…

Стрелки кивнули дорогому гостю и тут же вернулись на позицию, к бойницам. Вдалеке, у второй баррикады, зашевелились тени — там тоже было звено бойцов.

Только вот было одно "но" в этом петроградском Вердене.

— А если гранатами закидают? Или динамитную шашку кинут? Это же всё к чертям отправится! — недоверчиво спросил Дмитрий.

— Видно, что морской офицер, не окопный, — ухмыльнулся "дворецкий". — Им сперва нужно будет подобраться для удобного броска. А это будет не так уж и легко.

Провожатый контрразведчика многозначительно потёр руки.

— Угадаете, что именно их ожидает, или подсказать? — подмигнул лукавый любитель маскарада.

— Попробую, — Бобрев решил принять участие в этой угадайке. — Опускающиеся с потолка металлические шторы? Или какая-нибудь яма? Может быть, магниты, отталкивающие гранаты? Ещё, я слышал, немцы хотели создать специальную бочку, в которой энергия взрыва обращалась бы в тихий пшик…

— Нет, не утруждайте свою жюль-верновскую фантазию, — рассмеялся "дворецкий". — В домах напротив на верхних этажах оборудованы такие же огневые точки. Половина пулемётов направлена ровнёхонько на нашу дверь. В крайнем случае штурмующим устроят настоящий ад: они попадут под перекрёстный огонь.

Видно было, что собеседнику Бобрева доставляет удовольствие рассказывать о всех этих военных хитростях. Может, он сам занимался проектированием системы обороны?

— А если начнут и те дома штурмовать?

— Толпа не полезет, а если и полезет — зубы обломает. Только хорошо обученным солдатам с гранатами, пулемётами, при большом запасе огнеприпасов, под силу будет взять штурмом наши "форты". Тут же и запас продовольствия есть. Кстати, — не делая никаких пауз, заметил "дворецкий". — Если Вы кому-то расскажете то, что рассказал Вам я — расстрел покажется милостью.

— Вряд ли. Не хочу портить сюрприз тем, кто сюда сунется, — отшутился Бобрев.

— А у Вас есть чувство юмора, — довольно заметил провожатый. — Открывайте, свои!

Они как раз подошли ко второй баррикаде, закрывавшей поворот перед витой лестницей на второй этаж.

— Ох и любишь же ты, Сергей, языком трепать! Ох и любишь! — донеслось в ответ.

Заскрипела калитка, ещё уже, чем в первой баррикаде.

— Что есть, то есть. Должны же гости оценить те удобства, которые им будут предоставлены в случае осады. Знаете, мне даже обидно, что наши укрепления вряд ли

понадобятся. Теперь-то уж господа либералы заткнут рты и не будут лезть на рожон…Я надеюсь, во всяком случае.

— Всё зависит от нас, всё зависит от нас, — вздохнул Бобрев, вспоминая убийства балтийских офицеров от рук своих же матросов.

Правда, руки те были направлены немцами. Дмитрий сам участвовал в аресте такой вот расстрельной группы. Под личинами инженеров с Путиловской верфи, он как-то сговорились с несколькими матросами с "Авроры". Сотня рублей, морфий в качестве презента, и балтийцы готовы были на что угодно. Конечно, командование виновато в том, что команды кораблей дурели от безделья: крупные корабли раз или два в год выходили в море — но…Но…За деньги и наркотики убить человека? Своего же командира? Во время войны с немцами? Ударить в спину армии и флоту? Подленько так, будто это и не измена, а революционная необходимость. Видите ли, мировая война должна обязательно перетечь в войну гражданскую, а сколько при этом погибнет — плевать? Нет, Бобрев таки ошибся: не плевать было всяким революционерам, сколько людей уйдёт на тот свет. Им бы чем больше трупов, тем лучше. Пламя революции требует жертв.

— Задумались, как выбираться будете? — усмехнулся "дворецкий".

По лестнице, обложенной мешками с песком так, что только один человек в ряд мог здесь пройти, они поднялись на второй этаж и, минуя ещё несколько баррикад, подошли к внешне неприметной двери. Потёртые доски, успевшие подрастерять былой лоск, истёртый паркет, шедший с той стороны ни с чем не сравнимый запах старых, потерявших значение и надобность бумаг.

— Не иначе как с боем вернусь, — пошутил Бобрев.

Он волновался, но старался не подать виду. Там, за этой дверью, его ждало важнейшее за всю его службу задание! А ещё — неизвестные, а потому загадочные коллеги и товарищи по делу. Кто же они? Может быть, сам Батюшин? Или, зная шутки регента, журналист, "дознаватель правды" и патриот Бурцев?

— Что ж. С превеликим удовольствием посмотрел бы на это! — рассмеялся "дворецкий" и хлопнул Бобрева по спине. — Вас ждут. Я буду ждать Вас здесь, а затем провожу на свободу. Но позвольте дать совет: запомните расположение комнат, повороты, коридоры. Вам здесь ещё работать! И тогда уж водить Вас я не буду! Удачи!

Бобрев вдохнул поглубже — скрывать волнения от провожатого уже не было смысла — и повернул ручку двери. Та без малейшего усилия отворилась. Дмитрий сделал шаг навстречу судьбе и оказался в довольно-таки уютном помещении, большую часть которого занимал массивный стол из морёного дуба.

Три человека сейчас сидели за этим столом и ждали Бобрева. Контрразведчик сглотнул. Их-то он никак не ожидал здесь увидеть. Хоть самого Евну Фишлевича Азефа, но не их…

— Таки добро пожаловать, дорогой мой человек!

Первым вскочил франтоватого вида человек, изысканно одетый, гладко выбритый, с напомаженными волосами, зачёсанными назад. Чёрная бабочка, оттенявшая изысканный английский сиреневый смокинг, была кривовато завязана: она сползала к правому плечу. На тёмных пальцах сверкали золотом и серебром перстни. Глаза навыкате выдавали в нём еврея, чего, впрочем, сам франт ничуть не стыдился. В пепельнице догорала кубинская сигара. Бобрев так хорошо разглядел именно этого "коллегу" потому, что тот сидел напротив двери, лицом к ней.

— Здравствуйте, господин Манасевич-Мануйлов! — коротко кивнул Дмитрий. — Приятно познакомиться с Вами.

Ещё бы он не узнал одного из лучших агентов внешней разведки Российской империи, работавшего чиновником для особых поручений при Витте, а позже угодившего в тюрьму по делу о вымогательстве, позже, в неспокойные февральские дни, отпущенного Кириллом. Признаться, эти перипетии были самыми что ни на есть "прямыми" в жизни Ивана Манасевича-Мануйлова: авантюрист, объединивший в своём характере черты Свидригайлова, Видока и Лоуренса Аравийского, он немало повидал на своём веку! Семья

оказалась выслана вместе с отцом Ивана в Сибирь, где он был усыновлён тамошним купцом Мануйловым. Если, конечно, Фёдор Манасевич приходился отцом одному из величайших авантюристов России. Ходили слухи, что папой "Ивушки Манасевича" был князь Мещерский, один из идеологов охранительства, близкий друг Александра III Миротворца. С тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года Манасевич-Мануйлов служил в качестве агента охранного отделения, некоторое время пребывал в должности агента по римско-католическим делам в Ватикане (Иван принял лютеранство). С девятьсот второго года он подвизался в Париже — и именно здесь добился огромных успехов. Ему было поручено создать особую службу, в функции которой входила борьба с японской разведкой. Манасевич развернул кипучую деятельность. Если в начале у него в штате было едва ли трое человек, таких же авантюристов. Как и он сам, то к моменту сворачивания деятельности Отделения по розыску о международном шпионстве — до трёх десятков различных агентов едва ли не во всех столицах Европы. Попутно Мануйлову удалось подкупить французских газетчиков, и замечательная "рекламная кампания России" позволила империи произвести огромный займ, спасший финансы державы.

Отделение разоблачило множество иностранных агентов, действовавших в России — и обнаружило связи либеральных кругов с японцами. Именно Манасевич-Мануйлов рассказал в сборнике различных документов, изданном несколько позже Русско-японской войны, о конференции левых и либеральных партий. Руководили ею такие люди, как Азеф, Струве и — Милюков. Именно они подписали резолюцию конференции, в которой клятвенно обещались начать борьбу с правительством всеми доступными силами. Националистические партии окраин и эсеры обещались поддержать оружием, финны — обильно снабжаемые деньгами и оружием на японские деньги — рублём, а либералы — словом. Вместе они добились сползания к революции и поражения в Русско-японской войне. Либералы овациями встречали поезда с японскими военнопленными, одаривали их конфетами, цветами, деньгами, покупали билеты на места второго класса, а то и первого — а эшелоны с нашими ранеными солдатами освистывали и забрасывали руганью.

Сборник материалов постигла интересная судьба — его попросту замолчали. Никому из "фигурантов" той конференции не было выгодно, чтобы книжечка разошлась хорошим тиражом или стала известна. Лучшим оружием стало молчание.

А после работу Манасевича свернули. Полностью. Безо всяких объяснений: кто-то надавил. Точнее, не кто-то. Кое-кто. Имена их Ивушка знал прекрасно. С тех пор у него зуб на тех, кто сломал его блестящую карьеру, а после подставил.

— Оставьте эти свои хохмачества, уж будьте добры, — одёрнул Манасевича-Мануйлова второй "коллега".

Он поднялся, прямой как тополь, сохранив до самых преклонных лет блестящую выправку. Да-с, служба в лейб-гвардии Конно-гвардейском полку оставляла след на всю жизнь, и Павел Григорьевич Курлов был тому ярчайшим примером. В свои пятьдесят восемь лет бывший прокурор, бывший губернатор, бывший исполняющий обязанности директора Департамента полиции бывший товарищ министра внутренних дел, бывший командир корпуса жандармов, бывший губернатор Восточной Пруссии, бывший помощник Протопопова. Последнюю, с позволения сказать, должность Курлов занимал считанные дни.

Павел Григорьевич по личной просьбе Столыпина разрабатывал "масонскую тему" — подрывную деятельность вольных каменщиков в России. Он сделал доклад самому царю, и Николай попросил заниматься и дальше этим делом, заинтересовался…А потом Богров убил Столыпина, Курлов оказался под подозрением в причастности к этому убийству, на долгое время отошёл от дел…

Сейчас генерал-лейтенант никак не хотел оставаться "бывшим" во всём, искал возможность послужить престолу, желал принести благо России. Озлобленный на либералов за невероятную травлю, имеющий зуб на кое-кого за столыпинское дело, он мог стать прекрасным помощником в расследовании.

— Павел Григорьевич, что же Вы? Пусть Манасевич развлекается, как может, только

бы Штаб не спалил, — третий и последний "коллега" призывал к миру.

Бобрев машинально взял под козырёк, даже фуражку для этого быстро надел на голову. Всё-таки встретиться лицом к лицу с Александром Ивановичем Спиридовичем, полулегендарным в среде контрразведчиков, жандармов, провокаторов и террористов человеке.

Первое, что бросалось в глаза — это знаменитые усы Спиридовича, издалека похожие на двуглавого орла. Разлапистые, формой напоминавшие широкий треугольник, закрывавшие верхнюю челюсть от губы до переносицы. Вечно прищуренные глаза — всех он "брал на карандаш", всех оценивал и запоминал, проча персонажами своей следующей книги. Дело в том, что с самой молодости в нём боролись историк и жандарм. Ещё не получи звание поручика, Александр Иванович становится историком полка. В третьем году он задержал Гершуни, и это дело наделало огромного шума как в России, так и за рубежом, где находилось всё руководство эсеровской партии. За это не раз ему мстили социалисты-революционеры: он пережил три нападения, заработал несколько ранений и в конце концов был переведён на новую службу — в охрану Николая II. В Царском Селе Спиридович создал целую библиотеку Охранного отделения, потрясающую по своей ценности и значимости, обеспечивает охрану императорских поездов, читает лекции по истории революционного движения жандармам, и тут — убийство Столыпина. Он обвиняется в бездействии, забрасывается оскорблениями со стороны Гучкова — и даже вызывает того на дуэль. Но её, к счастью или к несчастью, запрещает начальство.

Перед началом войны он пишет книгу по истории социал-демократической партии, в шестнадцатом году выходит уже вторая — о "жизни" эсеровской партии и е предшественников.

Его постоянно хотят убрать подальше от царя, выдавливая куда-нибудь в провинцию губернаторствовать. В шестнадцатом году его таки переводят на должность ялтинского губернатора, а двадцатого февраля Протопопов срочно вызывает в Петроград. Но было уже поздно…

Что помогало так быстро продвигаться Спиридовичу по служебной лестнице? Способности? Без сомнения. Но был ещё один фактор — личная жизнь. Спиридович оказался несчастен. Его сын Александр умер вскоре после рождения, жена сошла с ума в десятом году и помещена в психиатрическую клинику в Риге. Через пять лет Синод признает брак расторгнутым. Вскоре последовала вторая свадьба, на Маргарите Макаровой.

— Вольно! — тонко улыбнулся Спиридович. — Прошу Вас, Дмитрий Петрович, присаживайтесь. Нас ждёт очень долгий и очень серьёзный разговор.

— Благодарю, — Бобрев не преминул воспользоваться приглашением и занял место напротив Манасевича. Душа его пела. Какие люди! С кем ему предстоит работать! Величайший авантюрист и разведчик, борец с масонством (и с собственной агентурой, Курлов развалил систему провокаторства) и терроризмом. Все они были "себе на уме", все хранили свои секреты, все "имели зуб" на либеральную оппозицию и Гучкова сотоварищи. Да, эти будут работать не за страх, а за совесть! Только останавливай!

— Ну-с, господа-с, может, за встречу?

В руках Мануйлова нежданно-негаданно, незаметно для Бобрева, оказалась бутылку хорошего французского вина. Тут же зазвенели и бокалы, объявлявшиеся на столе.

— Мануйлов! — окликнул Курлов. — Вы забываетесь! Мы на службе.

— А, ну таки после — можно, значит? — хитровато осклабился Манасевич.

Бутылка исчезла до поры до времени. Бокалы, меж тем, остались на алой скатерти.

— Господа, думаю, всем известно, зачем регент собрал нас вместе? Общая задача ясна? — начал Спиридович "летучку". — Или мне предстоит это уточнить?

Курлов скривился: видимо, ему не понравилось, что именно Спиридович взял бразды правления совещанием в свои руки — но лишь кивнул.

— А чего ж тут непонятного? Предстоит замечательнейшее дельце. Не хуже, чем при добывании японских шифров. А может, тут и газетную операцию предстоит провернуть. Да-

с, скорее всего, газетки надо будет поднять…Деньги, надеюсь, на это благое дело имеются?

Так и казалось, что Манасевич-Мануйлов вот-вот потрёт свои руки в предвкушении денежного дождя. Кредитные билеты, золотые и серебряные монеты, камни, ассигнации, на худой конец ракушки каури, — всё это Ивушка очень и очень любил. Может быт, даже больше, чем успешную карьеру и похвальбу начальства. Впрочем, последнюю он предпочитал в виде всё тех же денежек, денег и деньжищ.

— Великий князь обещал сделать всё от него зависящее, — отрезал Спиридович. — Предлагаю озвучить — по возможности кратко — имеющуюся у нас информацию.

— Вскроем карты, да, да, — хохотнул Манасевич.

На столе перед ним оказалась довольно-таки увесистая папка. Он любовно провёл ладонью по ней, указательным пальцем потеребил корешок и, подмигнув Курлову, раскрыл.

Спиридович деловито положил на стол компактный саквояж закрытый на замочек. Александр Иванович, оказывается, на шее носил цепочку с ключом — только сейчас Бобрев заметил это. Через мгновение саквояж раскрылся, выдав на гора несколько разноцветных пакетов из плотной бумаги. На каждом из них можно было прочесть фамилию, а то и две-три. Например, "Коновалов, Некрасов", "Керенский, Чхеидзе, Церетели". Господам Милюкову и Гучкову предназначались отдельные пакеты.

Курлов, пожав плечами, выудил откуда-то из-под стола старомодные папки, точь-в-точь как использовавшиеся прокурорами в первое десятилетие после Великих реформ. Бывший директор Департамента полиции аккуратно разложил их в несколько стопок.

Все смотрели на Бобрева: тот ещё не успел "вскрыть карты".

— Ну-с, молодой человек, чем богаты? — подмигнул Манасевич.

Дмитрий наконец-то достал тот портфель, с которым он после встречи с Кириллом не расставался ни на секунду. Не без волнения Бобрев выложил на стол заветное содержимое, бережно и тщательно собранное когда-то регентом и его помощниками.

— Неплохо, неплохо, — оценил документы Спиридович, сидевший по правую руку от контрразведчика. Он успел бегло просмотреть заголовки бесчисленных документов, выкладываемых Дмитрием на стол.

— Ну что ж, рыцари Круглого стола, начнём! — улыбнулся Манасевич. — Ваше слово, рыцарь Ланселот.

Мануйлов смотрел глаза-в-глаза Бобреву.

— Надеюсь, ни Гавэйн, — Ивушка повернулся к Спиридовичу. — Ни Мэрлин

Курлов оказался удостоен многозначительного кивка.

Манасевич выдержал истинно театральную паузу.

— Против не будут?

Молчание было ответом.

— Дмитрий Петрович, таки Вам слово, — ободряюще подмигнул Ивушка.

— Что ж…

Дмитрий положил на "Круглый стол" фотокарточку Гучкова. Через считанные секунды в руках Бобрева оказался целый ворох фотопортретов других депутатов, общественных и государственных деятелей.

— Что нам известно об Александре Ивановиче Гучкове? Выходец из московской купеческой семьи, старообрядческой. Окончил историко-филологический факультет Московского университета, слушал лекции по истории и философии в Берлине и Гейдельберге… Служил в охране КВЖД, откуда был уволен за дуэль. Сражался на стороне буров в их войне против англичан. Отложил свадьбу ради поездки в восставшую против турок Македонию в третьем году. Являлся главноуполномоченным Красного Креста в русской армии. Весной пятого года, когда наши войска отступали, остался вместе с ранеными в госпитале. Оказался в японском плену. Шесть лет пребывал в должности директором Московского учётного банка. Благодаря этому имеет капитал в семьсот тысяч. Служил в московской городской управе, затем являлся гласным городской думы В июне пятого года приезжает в Петроград, встречается с ц…

Бобрев осёкся, но быстро взял себя в руки:

— Николаем Александровичем. Идёт обсуждение созыва Земского собора. Гучков предлагает скомбинировать представителей от сословий, продолжать войну дальше. Потом — Булыгинская конституция, обруганная слева либералами. Его прочили на должность в министерстве промышленности, как и Евгения Трубецкого, и некоторых иных лиц. Всё спутал вопрос о кандидате в министры внутренних дел. Гучков и его друзья выступили против Дурново, который позже будет бороться с революцией в Петрограде. Витте, меж тем, настоял именно на Дурново. Александр Иванович вернулся в Москву, уже волновавшуюся. Проходили выборы в первую Думу, но перед этим возникла идея создать кадетское министерство, сторонниками которого были Витте и генерал Трепов. Николай Александрович выступил против этого. Деятельность и первой, и второй Дум провалилась: сперва кадеты, а затем левые получили значительную долю голосов. Их лозунги манили. Крестьяне хотели расширения земельных наделов, а вот интеллигенция и городские жители желали борьбы против строя.

— Только чем обернулся бы успех этой борьбы, они думали? — вырвалось у Курлова, вспомнившего "тот самый" февраль.

— Они вообще не думали, наверное. — Отшутился Манасевич. — Продолжайте, продолжайте!

— Подвергся травле либеральной прессы, когда высказался в пользу военно-полевых судов. Многие соратники Гучкова тогда едва не покинули его: из-за того, что поддержал меру, способную успокоить страну. После этого разуверился в общественности, считая её дряблой и ни к чему не способной. Однако эта критика объясняется проще: травля помешала Александру Ивановичу войти в первую Думу депутатом. Любимица его — политика — оказалась неверна. Естественно, Гучкову это не понравилось, что дало большой заряд отрицания либералов — тех, кто его критиковал.

— Однако потом этот заряд кончится, в пятнадцатом-шестнадцатом году, — заметил Спиридович, потирая подбородок. — И он уже считал общественность вполне способной к проявлению силы.

— Таки пора заканчивать шутить, — улыбнулся Манасевич, но почти сразу же стал серьёзным.

Он подбоченился, отставил в сторону пепельницу, задев пустой бокал. Раздался тихий звон.

— Гучков почувствовал, что сможет добиться большего, если пойдёт на договор с общественностью, то есть её "представителями": Милюковым, Львовым, Мануйловым. С Некрасовым и Коноваловым он был знаком, очень хорошо знаком. Ну да простите, это я забегаю вперёд.

Ивушка преобразился: исчезли одесские приговорки, и он говорил теперь на чистейшем русском языке. В глазах его замелькали искорки, но лицо было необычайно серьёзно и задумчиво. Манасевич почувствовал, что настало время настоящей работы, и он был к ней готов. Тем более хитрец увидел в Гучкове "родственную" — такую же авантюристичную — натуру.

— Гучков знакомится с Петром Столыпином через его брата, одного из основателей октябристской партии, и получает предложение занять пост министра промышленности. Перед его носом снова машут билетом наверх, во власть. Между тем Гучков требует ввода в правительство большего числа людей со стороны- то есть из общественности. Той самой общественности, о слабости которой он постоянно говорил. И при этом он просит объявить программу правительства, обозначить курс, по которому оно должно идти. Даже было достигнуто соглашение о вхождении Кони в качестве министра юстиции. И снова она встречается с Николаем Александровичем. Между тем Гучков всё-таки отказался идти в министры, ссылаясь на то, что у Николая нет понимания ситуации.

— То есть он, на основе субъективной оценки, расхотел принимать участие в правительственной работе, которую порой называл неудовлетворительной. Запомните это.

Это хорошо характеризует "наш объект", — подал голос Спиридович. — Черта эта ему свойственна, очень и очень свойственна: лишь только возникает ощущение "непонимания ситуации" у кого-то из окружения — он рвёт с ним, устраивает скандалы, отказывается от дальнейших шагов.

— Возможно. Его избирают членом Государственного совета, но вскоре он отказывается от этого поста. Ему хочется большего, ему некуда деть свою энергию. В третьей Думе Гучков оказывается на высоте: у октябристов сто семьдесят мест, немногим больше трети. Они блокируются с правыми, с группой Балашова, самой верной опорой Столыпина. Это и будет тот "премьерский блок", о котором будут кричать кадеты. Здесь он выступил против участия великих князей в деле управления военным и морским ведомством, что, естественно, настроило против него определённые круги. При этом Гучков предложил всем великим князьям уйти добровольно, чтобы "пожертвовать маленькими своими интересами, самолюбованием, самолюбием и славолюбием" ради военной мощи.

— При этом ни Гучков, ни кто-либо ещё из его сторонников и соратников во время войны такого шага не сделал, не захотел делом поддержать страну вместо того, чтобы словесный поток ругани выливать на правительство…

Это был "больной" вопрос для Спиридовича: лидер октбристов очень много и охотно выливал грязь на него.

— При этом Николай Александрович негодовал: Гучков мог лично высказать ему всё "наболевшее" по этому вопросу, а не подрывать основы власти речами. Сам царь хотел устранить великих князей из военного ведомства, но теперь сделать этого не мог: вышло бы впечатление, что власть с лёгкостью идёт на уступки любому шантажу и боится всяких угроз.

— При этом Гучков в думской комиссии государственной обороны провернул очень интересную комбинацию, — а вот это уже сказал Курлов. — Смотрите. Он частным характером общается с военным министром, генералитетом, офицерством. Затем выходит с законодательной инициативой по этим вопросам. Военный министр этого не мог: мешало министерство финансов. Коковцов на каждом заседании Совета министров, где поднимался вопрос о новых ассигнованиях на армию и флот, становился сам не свой. Он любил говорить, что "по одёжке протягивай ножки" — экономь на всём, на чём можно. Я не раз был свидетелем тому, когда был товарищем Петра Аркадьевича Столыпина. Получалось, что Дума заботится об офицерстве, а правительство — нет.

— А отсюда такая популярность октябристов и лично Гучкова в военных кругах, — кивнул Манасевич.

— Однако это была лишь видимость. На самом деле приемлемого финансирования военной программы добиться так и не удалось. Сухомлинов пытался выбить у Коковцова около семисот миллионов на них, но получал лишь ежегодные ассигнования, выделявшиеся ближе к окончанию финансового года. Естественно, значительную часть кредитов использовать не удавалось, наставало первое число нового года, средства на счетах замораживались, остатки переходили в закрома казначейства. Затем приходилось вновь выслушивать крики нашего дорого министра финансов, а затем — председателя Совета, о том, как военные объедают империю. Однажды он вообще выдал следующую сентенцию: кредиты будут выделены только во время войны. На это ему было замечено, что золотые рубли в таком случае придётся тратить на контрибуцию немцам. К счастью, это закончилось вместе с приходом Барка…К сожалению, уже было поздно. Однако вернёмся к нашему дорогому Александру Ивановичу. Он пробивает через Думу бюджет, при котором две трети средств на закупку вооружения и переоснащение военной промышленности будет выделено частным предприятиям, и только треть — казённым. Из-за этого, уже в начале войны, придётся огромные средства тратить на заказы частникам, с их наценками в двадцать процентов, срывали поставки, а иногда попросту не выполняли обязательства, постоянно требуя аванс и отсрочку исполнения договора. Гучков как будто бы сделал всё, от него зависящее, чтобы во время войны обвинить правительство в неспособности обеспечить

армию необходимым обмундированием и вооружением. Примерно тогда же, в девятом-десятом годах, было положено начало более тесному сотрудничеству Гучкова с генералитетом. В Генеральном штабе образовали комиссию по изучению опыта русско-японской войны под началом Василия Иосифовича Гурко. Между октябристами и офицерами комиссии достигнуто было соглашение о "беседах" по тем или иным вопросам. Пять-шесть человек от думцев и столько же — от офицеров — принимало участие на таких заседаниях.

Спиридович, порывшись в бумагах, достал несколько десятков листов, испещрённых убористым почерком.

— Это донесения агентуры о тех самых собраниях.

— И получалось, что на обсуждении законопроектов октябристы были прекрасно осведомлены о всех тонкостях этих вопросов. Снова — рост популярности… — сказал Манасевич.

— Именно, — Бобрев сам только что об этом догадался.

Вот, оказывается, насколько полезным было обсуждение…

— И при этом Гучков стал виновником ухода Редигера с поста военного министра, — внезапно заметил Курлов. — Помните его речь о том, что командующие округами ни к чёрту не годились? Он только Иванова особо выделил…Остальных освистал. Я был на том заседании: на Редигера было тогда больно смотреть.

Павел Григорьевич сложил руки лодочкой, углубившись в воспоминания. Не меньше минуты царило молчание. Затем Курлов откинул голову, будто бы вглядываясь в прошлое, и продолжил:

— Он тогда вскочил с места, подтвердив слова Гучкова о плохой подготовке к войне, о том, что приходилось выбирать из того, что было. Я сам служил, знаю, что в офицеры мало кто шёл: дворяне обеднели, еле сводили концы с концами, интеллигенция не хотела воевать.

— А Сухомлинов, пришедший позже, не захотел иметь дел с этой комиссией: видел, что она подрывает авторитет власти, и что не совсем там всё чисто. Правда, в то же время боялся потерять фавор у царя. Тогда при дворе очень и очень громким шёпотом, — Спиридович усмехнулся, — делились самыми разными слухами о происходящем. Но Гучков снова проявил отмеченное уже нами качество. Посчитав, что Сухомлинов не справится с реформами — то есть не захочет плясать под дудку октябристской комиссии — начал травлю министра где и как только может. Замечал все недочёты, малейшие ошибки раздувал, а положительные дела замалчивал. А потом пошёл на прямой шантаж. Затем Гучков получил несколько преувеличенную информацию о мерах, которые принимала Германия — та Германия, которая не пережила революцию пятого года, которой не надо было расселять крестьян, в которой власти не надо было лавировать между интеллигентскими кружками, кадетами и левыми, в которой промышленность была в три раза мощнее, чем наша. Он сравнил эти данные с нашими без всякой поправки на русские условия, и решил, что правительство бессильно. Тогда он захотел объявить, что все члены комиссии уходят с постов, так как власть не хочет идти на реформы. Гучков хотел шока, хотел скандала, думая, что это поможет лучше, чем работа. Он видел главным своим противником Сухомлинова.

— И не зря видел, — вполголоса добавил Спиридович.

— И примерно тогда же он сошёлся с генералом Поливановым, ставшим другом Гучкову. Именно его Александр Иванович прочил в военные министры.

— И осуществил это желание, — усмехнулся Курлов. — Помните травлю Сухомлинова и обвинение его в измене, в мошенничестве и поддержке Мясоедова?

— Да, это было громкое дело, мощный удар по авторитету власти. Нашли какого-то человека с не самой хорошей репутацией, подозревавшегося в шпионаже. Не нашли ни единого доказательства его измены или хоть каких-нибудь действий против армии и государства. Сами судьи признали, что он невиновен. Но — общественность потребовала казни. И Мясоедова казнили…

Спиридович вспоминал те дни, когда шпиономания только-только начала завоёвывать

умы населения.

— Но это будет после. Сейчас же он постоянно конфликтует с депутатами. Он вызывает Милюкова на дуэль! — Александр Иванович насупился. — Дерётся с Уваровым…Жалко, что и мне запретили получить сатисфакцию у Гучкова.

— Александр Иванович, не стоит так нервничать. Мы ещё возьмём своё, — поспешил успокоить Спиридовича Курлов. — Мы ещё многое припомним ему.

— Он являлся инициатором кампании против Распутина, который тогда не обладал таким влиянием, какое обрёл после гучковских выпадов. Только к концу шестнадцатого года Старец и вправду мог бы зваться "серым кардиналом". Но — лишь в определённом смысле. Я расскажу об это подробнее, если Вы так настаиваете. Однако не забудьте: Распутиным тогда играли Белецкий, Андроников и Беляев. Именно они настроили старца на более активное участие в политической жизни…На его беду.

Спиридович взял себя в руки: он спокойно говорил о роли "Друга", как называла Распутина Александра Фёдоровна. Будучи начальником охраны царя, Александр Иванович был в курсе большинства "течений" в придворной жизни, знал о многих интригах и о роли тех или иных придворных.

— Это очень интересно. Запомним и этот шаг Гучкова. Вернёмся в одиннадцатый год. Гучков в зените славы — он председатель Думы. Столыпин, кого октябристы вроде бы поддерживают, желает провести реформу: ввести земства в западных губерниях. То есть распространить систему местного самоуправления на довольно-таки обширную часть империи. Что же октябристы? Они выступили против этой реформы. Столыпин убеждает царя в необходимости распустить Думу, чтобы ввести земства. Гучков покидает пост председателя, заявив, что это оскорбительно для достоинства народного представительства. Перед этим он долгое время добивался увеличения полномочий Думы, усиления её роли, таким образом он сам бы обрёл больший вес в стране. А тут ему не хотят идти на уступки — и он прибегает к новому шантажу, подрывающему авторитет власти. Той самой власти, силу которой он якобы хотел сохранить. Он понимает что делает?

— Не совсем. Нередко он чрезвычайно увлекался, и тогда слова его расходились с делами. Кровь бурлила, звала на дуэли…Звала на "решительные" шаги — то есть поливание грязью в громких речах в Думе.

— Однако что же заставило Гучкова помириться с Милюковым, что помогло им спеться? — задумчиво произнёс Манасевич.

— Неудовлетворённость властью? Амбиции?

— Мысль о том, что при поддержке Милюкова он сможет осуществить "оздоровление" России? — предположил Бобрев. — Нам придётся исследовать и роль Милюкова в эту войну…

— И не только в войну. Однако мы несколько забегаем вперёд. Дмитрий Петрович, будьте так добры, продолжайте свой рассказ.

И вновь Манасевич оказался самым спокойным и желающим продолжить работу среди всех четверых, увлекавшихся частностями и уходами в сторону.

— Хорошо. Итак, он не проходит в четвёртую Думу. Тогда его избирают от промышленных кругов в Государственный Совет. Вроде бы неплохое место, но ведь настоящая власть — она в Таврическом дворце, в зале заседаний Думы. Что же делать? Что-то ведь надо делать? Надо ведь как-то реализовать собственные замыслы? Тем более, в четвёртой Думе октябристы вновь занимают неплохое положение. Правда, это уже не те октябристы. В их рядах раскол на несколько течений. Октябрист-земец Родзянко становится председателем Государственной Думы. Он тоже хочет играть роль, тем более Гучков расчистил ему дорогу наверх, поднял авторитет Думы в глазах общественности. После этого у них сохраняются натянутые отношения.

— И убийство Столыпина…Да…Оно происходит именно в одиннадцатом году… — тяжело вздыхает Спиридович.

— И тогда же Его Императорское Величество собирается начать борьбу с масонами, —

вклинивается в разговор Курлов. — Незадолго до убийства Пётр Аркадьевич и я работали над планом по борьбе с вольными каменщиками. Они усилии свои позиции после революции, многие из них поднялись на самый верх. В Думе действовала своя ложа, в которую вошли многие влиятельные кадеты, октябристы, прогрессисты…Да кто только не вошёл. Керенский именно тогда набирает вес в их рядах. Чуть позже он займёт место секретаря объединения лож. Мы хотели начать борьбу с этой крамолой, с угрозой режиму…

— Но не успели. Столыпина убили. Вас, Александр Иванович, и Вас, Павел Григореьвич, — Бобрев переводит взгляд со Спиридовича на Курлова, — как и некоторых других лиц убирают со своих постов, оттесняют от царя. Борьба с масонами, так и не начавшись, прекращается. Н первые позиции…

— Выходят сами масоны или лица, к ним приближённые. Я всё никак не мог затронуть эту тему, — Манасевич откашлялся.

И кашель этот был столь "ненавязчив", что трое других "сыщиков" тут же замолчали и обратили всё своё внимание на Ивушку.

— Как думаете, зачем Гучков помчался сломя голову в охваченную восстанием Македонию? Это ведь не англо-бурская война, тут тебе не цивилизованные британцы и бедняжки фермеры из немцев и голландцев, устроившие ад туземцам. Зачем это? Что так манило Гучкова в Македонии, как думаете?

— Возможность пощекотать себе нервы вновь? Тряхнуть стариной…Воплотить в жизнь свои мечты о славе?

— Именно — мечты, но не о славе. Итак, жили-были…

Манасевич с плутоватой улыбкой достал лист, замызганный, истёртый. Бобрев разглядел, что текст на этом листе — на французском языке. Пробежав глазами содержимое документа, он взял другую бумагу, уже писанную на русском языке.

— Жили-были добрые-предобрые вольные каменщики. Не знали они, как ещё можно облагодетельствовать мир, но тут им подвернулась замечательная возможность. Османская империя, этот оплот абсолютизма — который масоны нарекли врагом человечества и противником всякого прогресса — рассыпалась на глазах. Надо было её только подтолкнуть, а там уж она покатилась бы! И таки толкнули, господа читатели…Ой, извините, это я по старой журналистской привычке. Начало века. Французская разведка передаёт нашему дорогому Ратаеву, начальнику заграничной агентуры Департамента полиции, интересные сведения. В Салониках действует пять лож, в том числе "Возрождённая Македония", пользовавшаяся особым влиянием. Начинается восстание. Нужно пустить все силы, наличные и заёмные, на дело победы "прогресса во всём мире". Под эгидой масонства, конечно же. Сюда пробираются наиболее отчаянные члены масонских лож…

— В том числе Гучков, — подхватил Курлов.

— В том числе Гучков. Он должен был наладить связь и передать кое-какие важные сведения братьям из "Возрождённой Македонии". К сожалению, мне неизвестно, когда Александр Иванович вошёл в братство вольных каменщиков. Зато понятно его желание сделать это: ведь политика вершилась в этих ложах! Какие вязи! Какие знакомства! Для амбициозного человека, ещё не убелённого сединами опыта — это лучшее, что только можно придумать. Тем более здесь, в Турции, масоны обкатывали средства борьбы за "прогресс". Под их руководством была создана пария "Единение и прогресс" — гнездо младотурок, которые, как Вы знаете, все в основном из офицеров среднего звена или повыше, но не у кормила власти. Позже Гучков, поднабравшись опыта, создаст такое же негласное объединение. Нужды армии? Пожалуйста! Всё для славных офицеров, молодых служак из Академии Генерального Штаба. Они так же амбициозны, как и Гучков. Они находят общий язык. Тем более яркий пример успеха подобной организации — под рукой. В Турции подобные красы молодцы уже победили, взяли власть в империи. А чем же Россия отличается? И никто ведь не вспоминает, что сербская армия, ударившая по османам, вооружается на французские деньги, предоставленные под давлением на парламент всё тех же масонских лож.

— И тогда начинается борьба за влияние в империи, — теперь уже Курлов взял слово. — Наверх поднимаются амбициозные люди из масонов. Джунковский становится у руля полиции. Во время войны он не доносит Государю о заговорах, плетущихся вокруг трона, хотя это его прямая обязанность. Он потворствует немецким погромам в Москве, а может быт, сам их провоцирует. Дубровин из Союза русского народа отказывается ещё в десятом году сообщать нам какие-либо сведения о масонах: кто-то переправляет их вольным каменщикам буквально на следующий день. Я тогда имел очень долгий и нервный разговор с Дубровиным. К сожалению, он больше не захотел сотрудничать с нами…Зато нам удалось внедрить своего агента в одну французскую ложу. Его раскрыл Бурцев, этот воитель с провокаторами. Пусть вред, принесённый последовавшим скандалом, останется на совести "патриота".

— Вы бы рассказала о деятельности самого Джунковского на обретённом после убийства Столыпина посту. Он разрушил систему жандармских управлений, отгородил офицеров корпуса от армейских, окончательно посеял между ними. Хуже всего — при нём уничтожили последние следы агентуры в армии, поэтому о настроении офицеров и нижних чинов мы больше не могли получать достоверных сведений, — печально заметил Спиридович. — Это отозвалось потом, в войну…

— В войну…Гучков таааакое наделал в войну… — не удержался Бобрев от комментария.

— И Вы даже не знаете, насколько Вы правы, — улыбнулся во всю ширь Манасевич.

У него в руках оказалась целая стопка листов…

— Хотите узнать, как это так получилось, что Гучков оказался под подозрением в сотрудничестве с немцами, а попутно едва не угробил снабжение армии, революционизировал рабочих, создал оплот меньшевиков, и при этом обвинил во всём, мною упомянутом, власти?..

"Новое время"
Столыпин вернулся?

Буквально час назад нам стали известны планы регента относительно реформирования Совета министров. О преобразованиях официально будет объявлено только на следующей неделе, но мы уже можем сообщить нашим читателям потрясающие новости.

Великим князем подписан указ о создании Министерства труда и социального обеспечения. Пост министра займёт Сергей Васильевич Зубатов, бывший начальник Московского охранного отделения и Особого отдела Департамента полиции. Пятнадцать лет назад он совместно с Д.Ф. Треповым организовал несколько профессиональных союзов, участники которых боролись за экономические изменения для рабочего класса.

Что именно подвигло Великого князя именно Зубатова назначить министром? Возможно, репутация человека, свободного от казённого и давным-давно устаревшего взгляда на рабочее движение.

Нам удалось связаться с новоиспечённым министром. Господин Зубатов в общении был серьёзен и настроен на рабочий лад. Он поделился своими идеями добиться официального признания профсоюзного движения и направить его в созидательное русло. Сергей Васильевич начал работу над рядом законопроектов, призванных облегчить положение рабочего класса в империи. В частности, планируется ввести пенсионное обеспечение для рабочих и служащих, создать систему медицинского страхования. Господин Зубатов готов работать денно и нощно, чтобы воплотить в жизнь цель своей жизни: укрепить Россию и обеспечить достойную жизнь каждому трудящемуся.

Кроме того, нам удалось связаться с господином Кривошеиным. Министр земледелия, известный своей великолепной работой над переселением в Сибирь и азиатские окраины, рассказал о своих новых замыслах. По его словам, министерство финансов выделило

значительный кредит на проведение первоочередных мероприятий по расселению крестьян в нечернозёмных губерниях. Выкупленные Земельным банком ещё до войны угодья будут распределены между наиболее нуждающимися в земле домохояйствами. Министерство транспорта работает над обеспечением перевозки желающих в сибирские губернии. Идёт работа над реформой народного просвещения: планируется создать предлагавшуюся ещё Столыпиным систему бесплатных начальных школ для крестьянства и мещанства. Вот-вот будут выделены деньги на создание высших учебных заведений для агрономов, врачей и инженеров.

Неужели эпоха столыпинских реформ возвращается? Что-то ждёт нас впереди?

"Утро России"

Вчера в петроградских газетах появились сообщения о реформе Совета министров. В первую голову, образовано новое министерство — труда и социального обеспечения. Во главе его поставлен такой одиозный представитель охранки, как Сергей Зубатов. Разве может создатель "зубатовщины", почти двадцать лет не принимавший никакого участия в работе, ретроград и, в молодости, народоволец, наладить нормальную деятельность вновь созданного министерства? Однако удручает другое — программа его работы. Правительство собирается узаконить профессиональные союзы рабочих, "облегчить" жизнь рабочего класса и дать ему новые преференции. В частности, планируется ввести обязательное пенсионное обеспечении. Кто будет вкладывать деньги в это? Представляется, что на плечи и без того чрезмерно нагруженного промышленного и банковского сообщества, купечества лягут выплаты на пенсии.

Великая война нанесла удар по народному хозяйству. Неужели так необходимо вколачивать последний гвоздь в гроб основы его — промышленников? Почему об этих реформах общественность не была предупреждена? Мы несём непомерное налоговое бремя. Мы понимаем, что это необходимо для возрождения России, но сколько же можно тянуть всё новые и новые соки из нас?

Почему всё ещё не объявлены выборы в Государственную Думу? Может быть, власть намерена вовсе упразднить столь много принёсшее России народное представительство? Неужели, возгордившись победой в Великой войне, потерявший голову регент желает задушить общественность?

Глава 4

"Лондонская конференция
постановила разделить монархию,
и в этом постановлении
заключённый нами сепаратный мир,
конечно же, ничего не изменит.
Румыны, сербы, итальянцы должны
получить громадные части нашей
территории, у нас отнимают
Триест, а остаток делится на ряд
государств: на Чешское, Польское,
Венгерское и Немецкое. Связь этих
новых государств будет чрезвычайно
слаба, и, другими словами, сепаратный
мир приведёт к тому, что
Австро-Венгрию раньше изуродуют,
а потом раздробят"
Оттокар Чернин, министр
иностранных дел Австро-Венгрии

Сны мучили Кирилла. В них он видел то огненное зарево над Петроградом, то хохочущего Ленина. Причём Ильич был не Ильичом, а актёром, игравшим его в старом фильме "Ленин в октябре". Председатель Совнаркома, хохоча и пересыпая речь "батеньками", "архиважно и архинужно", бегал вокруг да около плиты, на которой закипало молоко. А средь молока…плавал сам Кирилл. Правда, Ильич как-то всё так неумело делал. Даже в ссылке пользуясь услугами кухарки, он так и не смог нормально выключить плиту и снять миску, чтобы молоко не убежало. А вместе с ним на волю выбрался и Кирилл, ошпаренный, красный…

— Приснится же всякая муть, — выдохнул регент, вставая с дивана.

Солнце только-только начало вставать над Петроградом. Его лучи пробивались сквозь "газовые" занавески кабинета в Адмиралтействе. Да, старый — добрый кабинет. В нём Кирилл Сизов впервые "осознал" себя в прошлом, в теле Великого князя Кирилла. Как давно это было! А здесь, кажется, ничего не изменилось — только холоднее чуть стало. В Адмиралтействе долгое время были проблемы с отоплением: регент приказал большую часть дров, полагающихся для обогрева здания, распределить между столичными госпиталями. Адмиралтейские, как ни странно, приняли это даже с некоторой радостью: таким образом они хоть как-то могли помочь раненым и нуждающимся. На небольшое жалованье офицеры даже семьи свои обеспечить не могли, не то что пожертвовать ранеными, а тут такая возможность!

Кирилл глянул на большие напольные часы. Позолоченный циферблат, малахитовые цифры — и простые медные стрелки, покрытые патиной. Вот-вот должно было пробить восемь часов. Значит, оставался ещё час до того, как начнут сбегаться докладчики, просители и худшая категория людей: воры времени. Они вроде как ничего не просили, не требовали, не кричали даже о гибели страны или отдельно взятого квартала. На худой конец, могли угрожать — так ведь и этого не делали! Они просто любили лишний раз попасться на глаза, запомниться примелькаться. Думали, что это поможет им подняться наверх. А зря. К сожалению, Илья Ильф и Евгений Петров ещё не написали "Двенадцати стульев", и поэтому никто не знал: едва золотистые кудри такого авантюриста примелькаются — его просто начнут бить.

"Самому, что ли, взяться за написание этого гениального романа? Или табличку повесить с парочкой афоризмов? А можно вообще чего-нибудь позаимствовать из лексикона Ильича, пусть радуется. Будет ему лишний повод раскритиковать проклятый царизм и капитализм, на этот раз — за нарушение авторского права" — усмехнулся Кирилл.

Проклятый сон никак не шёл из головы. Вдруг вещий? Мысли, на которых не хватало времени днём, приходят ночью — в сновидениях. Уж это Кирилл усвоил, прочтя парочку томов старика Зиги. Сны иногда очень сильно могут помочь. Эти говорили, наверное, об опасности? О том, что Кирилл вот-вот может "спечься", провалиться? Без сомнения, игру регент затеял опасную. Если хотя бы один винтик даст сбой…

— Примем меры, — вслух подытожил Кирилл.

Он заправил постель и надел мундир Гвардейского флотского экипажа. Честно говоря, регент успел привыкнуть к этой одежде. Она, в общем-то, была даже по-своему удобной. Если бы не столько аксельбантов, завязочек, пуговок и прочих радостей придворных кутюрье, мундир вполне можно было бы назвать практичным. На столике дожидался "лёгкий завтрак". Зная привычку Великого князя, гофмаршальская часть всегда загодя готовила что-нибудь перекусить, и это ещё до пробуждения Кирилла вносилось в кабинет. Регент с удовольствием отметил, что на этот раз подали хорошую порцию пельменей и квас. Повар, ничуть не лукавя, был настоящим мастером! Году этак в четырнадцатом-пятнадцатом он приготовил пельмени для Николая, и тот трижды просил добавки. Естественно, его пригласили в придворную кухню. И, надо признать, не зря! Всё было так вкусно и сытно! Не то что на успевших Кириллу надоесть приёмах, фуршетах и прочих ударах по желудку. Там

всегда подавали нечто очень уж гурманское, да такими порциями, что приходилось приложить немало сил, чтоб наесться.

Великий князь с ужасом ждал начала мирной конференции: там же ведь тоже будут приёмы, обеды, застолья…Лучше бы эту еду отдали нуждающимся! Кстати, неплохая мысль! Объявить господам союзникам, что регент не желает пировать, когда в стране сохраняется трудная продовольственная ситуация. Можно будет показать, что России нуждается, особенно — в кредитах, в значительной доли германской контрибуции. Тем более, нелегко прокормить и расселить целую тысячу человек — а ведь именно столько будет делегатов на мирной конференции, не считая представителей Центральных держав. Правда, по достигнутой договорённости последние явятся только тогда, когда их позовут, и дано им будет на размышление ровно пятнадцать дней, ни минутой больше. Антанта отыгрывалась на проигравших так, как могла, даже в таких мелочах желая отомстить за разорённый север Франции, сожжённые германскими карателями бельгийские деревни. Чего греха таить, Россия тоже мстила. Мстила за миллионы убитых и раненых, оставшихся без крова, за переворот и за огромное напряжение. Николай Второй постоянно говорил, что не проявит милости к немцам, когда будет достигнута победа. "Никакой пощады" — от обычно сдержанного человека слышать это было как минимум удивительно. Кирилл, однако же, слышал ту фразу собственными ушами. Царь и вправду решил не церемониться с Германией и "предъявить кругленький счёт" западной соседке.

Правда, на конференции и без того будут стремиться отрезать себе кусок побольше от пирога Четверного союза. И, естественно, труднее всего придётся Германии.

Разве что…

Кирилл пробежал глазами текст донесения Зарубежного отдела Департамента полиции. В нём говорилось, что в Вене и Будапеште серьёзные волнения, во главе которых стоят социал-демократы.

"…По имеющейся у нас информации и слуха, распространяющимся с невероятной скоростью по городу, император Карл вот-вот подпишет манифест о создании федеративного государства на месте Австро-Венгерской империи.

После этого, по нашему мнению, в стране вспыхнет социалистическая революция, которая может нанести смертельный удар монархии. В этих условиях особое влияние оказывают итальянцы и французы. Они требуют от Карла подчиниться левым, как можно скорее подписать указ о реформе государственного устройства и сделать "решительный шаг". Скорее всего, от императора потребуют отречения.

В случае появления новой информации или изменения обстановки мы информируем Вас наискорейшим образом…"

Кирилл отложил в сторону тарелку с едой, к которой так и не успел даже притронуться. Всякий аппетит тотчас отбило. Он помнил, что в его истории, истории Кирилла Сизова конца двадцатого века, дунайская империя распалась. Через четыре месяца после убийства Романовых император Карл подписал документ, который и отречением-то назвать нельзя: просто "отказ от государственных дел". Тогда ещё надеялись, что династия останется в стране, которой правила столько веков. Однако же Антанта надавила, и последним Габсбургам пришлось уехать за пределы своей Родины на императорском поезде. Единственный, кто предлагал сражаться до конца, кто хранил верность императору, был фельдмаршал — Светозар Бороевич фон Бойна, православный серб. Он обещал использовать ещё верные престолу войска для подавления революции. Но не сложилось. Вот так вот. Потомок немцев Келлер одним из немногих сохранил верность Романовым, а потомок сербов фон Бойна — немцам Габсбургам. Было в этом нечто…фаталистическое. В такие моменты Кирилл любил поминать "Шутника космического"…

Однако как же реагировать на известия из Вены? Там вот-вот разгорится социалистическая революция, куда непременно сбегутся все социал-демократы Европы. Вслед за Австрией полыхнёт Германия, поглощённое спартаковским огнём. Революция может перекинуться в Россию, если только не удастся остановить её невероятными усилиями

правительства, жандармов и правых партий. Нужно как можно скорее объявить о демобилизации старших возрастов, раздаче земли крестьянам и, в удвоенном размере, георгиевским кавалерам и особо отличившимся… Народ, вынесший на плечах Великую войну, заслужил это. Да, надо с удвоенной энергией "накинуться" на реформы! И помочь Австро-Венгрии…

Но как? Пробиться в Вену, дивизию-другую выделить для поддержания порядка в городе? Это даст эффект только в первый месяц. А потом голодающая столица просто-напросто перебьёт наши части, возьмёт штурмом Шёнбрун и растерзает Карла. Потом, естественно, кто-нибудь возьмётся и за сам народ. Скажем, то же левое правительство, избавляясь от буржуев, кулаков и прочих социально чуждых элементов. Затем придут либералы, затем — Германия объявит аншлюс, австрийский премьер или президент, трясясь от страха, санкционирует его…Если только не помочь чем-либо, кроме штыков и сабель. Скажем, через Адриатику доставить некоторое количество продовольствия. Но, естественно, в обмен на золото или станки с австрийских заводов: Россия не так богата, чтобы делать широкие жесты благотворительности. Надо и о её народе думать…А станки помогут поднять промышленность…Золото поможет расплатиться с долгами, опять же, чего-нибудь этакое прикупить за границей…

Но если Габсбурги не удержатся? Или если Антанта попытается остановить части, идущие на помощь Австро-Венгрии? Что, если железную дорогу просто-напросто разберут, и вагоны с войсками остановятся у самой Вены?

Кирилл поднялся, играя желваками. Он прильнул к окну. Петроград уже проснулся от ночного сна. По чистым улицам засновала публика: студенты да служащие. Они с интересом поглядывали на бригады рабочих, развешивавшие на Невском бесчисленные флаги стран-участниц Антанты, ленточки и прочие мелочи, приятные глазу. Петроград уже почти готов стать городом, в котором подпишут исторический документ, в котором будет решена судьба послевоенной Европы…Честно говоря, её судьба в общих чертах уже оговорена на Совете Антанты, но ведь это юридические нюансы? Такие ненужные большинству подданных империи мелочи, на которые можно закрыть глаза.

"С другой стороны, Карл быстро согласился на подписание сепаратного мира, что заставило Германию быстренько прекратить войну. Хотя…Ха…Как бы австрийцы продолжали воевать, если две их дивизии, отправленные на Западный фронт, шлёпали без сапог и в жалком подобии мундиров?".

Какой-то особо степенного вида мужичок, кажется, из купцов, аж перекрестился, когда водрузили наше трёхцветное знамя выше антантовских флагов. Регент покачала головой.

"Да уж, то хотят вовсе втоптать власть в грязь, то молятся на его победы…И какого же тебя умом не понять, Россия"

Кирилл явно был не в духе, о чём говорил его усилившийся сарказм. В моменты особого напряжения, в минуты тягостных решений Великий князь мысленно (а изредка — и вслух) выдавал такие комментарии, что хоть сейчас продавай сатирикам. Можно было бы заработать побольше, чем за всю жизнь на посту командира Гвардейского флотского экипажа.

"И всё же…Надо спасти Карла. Он помог России. Тем более, он один из последних монархов Европы. Падут Габсбурги, и в Европе больше не останется державных властителей. Немцам тоже не устоять. Надо будет принять какие-нибудь меры и в отношении Германии…Но в первую очередь надо вытащить из передряги Карла. Это дело чести!"

В дверь раздался ненавязчивый, но уверенный стук. Похоже, пришли докладчики.

— Да-да, пожалуйста, проходите!

"Чёрт, а ведь еду даже не убрали! Надо же было распоряжение отдать! Вечно забываю!"

Кирилл Сизов за прошедший год так и не смог привыкнуть к порядкам придворной жизни. Наверное, целую жизнь надо на это потратить.

— Прошу прощения, Ваше Высокопревосходительство!

Кирилл едва не выдохнул: всё-таки это был не проситель, а человек из прислуги.

— Да, голубчик, пожалуйста, заберите. Передайте мою благодарность повару…

— Но Вы ведь даже не притронулись, Ваше Высокопревосходительство!

Кирилл скосил взгляд на тарелку. И вправду, все пельмешки были на месте.

— Отдайте кому-нибудь из караула, им это будет полезнее, чем мне. Дела…Дела заставили желудок замолкнуть…

— Выше Высокопревосходительство, — даже с некоторой грустью произнёс "голубчик" в гофмаршальской ливрее и удалился.

Не успела дверь закрыться, как влетел некий усатый субъект. Лицо его раскраснелось, пенсне, слетевшее с переносицы, раскачивалось на верёвочке чуть пониже правого уха. В руках уместилась кипа бумаг. Да-с. Георгий Константинович Гинс собственной персоной, начальник канцелярии Его Императорского Величества. Пришёл груза на плечи взвалить, не иначе. В такие моменты Кирилл понимал Александра Третьего, которого захотели отвлечь известием из Европы от рыбалки. В ответ на это Миротворец ответил, что "Европа может подождать, пока русский царь удит рыбу". Собственно, дела так не делаются…Но как же они надоедают, эти дела!

Отчаянно хотелось уйти на отдых. Чтобы сон неделю кряду, чтобы никаких дел и никаких просителей, и чтобы мир во всём мире и, особенно, в отдельно взятой стране.

— Кирилл Владимирович, вот те бумаги, которые Вы просили подготовить.

Десяток листов был испещрён графиками, формулами и всевозможными чертежами.

— А это — тот самый…кхе-м…договор о сотрудничестве. Может быть, это и не моё дело, но условия достаточно тёмные. Я, как юрист, нахожу их довольно-таки расплывчатыми и…будь моя воля, такое я бы не подписал.

Гинс мялся. Пенсне смешно так раскачивалось в такт его кивкам…

— Не бойтесь, Георгий Константинович. Всё пройдёт гладко. Вы, кстати, уже подготовили текст указа о введении в действие Гражданского уложения и нового акционерного законодательства? Всё-таки уж очень долго до них руки Думы не доходили, четыре года всё никак не подошли к их обсуждению, были заняты обсуждением слухов о сепаратном мире, — теперь же медлить нельзя.

Кирилл товарищески похлопал Гинса по плечу, а потом водрузил пенсне начальника канцелярии на законное место.

— Благодарю, — Гинс выудил из своего портфеля объёмистый конверт. — Здесь и указ, и тексты самих законов. Когда мне приказать начать печать и рассылку в губернии текста?

— Вечером, пожалуйста, вечером начинайте! — улыбнулся регент. — Текст мне сегодня понадобится, оставьте у меня. Или у Вас есть копии?

— Конечно же, есть, — с довольным видом кивнул Георгий Константинович. — Только…вот…Кирилл Владимирович…

— Спрашивайте, спрашивайте! У меня сегодня хорошее настроение!

И вправду, дела шли лучше, чем ожидал Великий князь. Полученные только что документы в ближайший же час ой как пригодятся! Даже извечная нерешительность Гинса при общении с "начальством" не раздражала. Честно говоря, Георгий Константинович представлялся ему боле решительным. Может быть, всё дело в том, что вопрос касался его излюблённой темы? В истории Кирилла Сизова он, ученик великого Петражицкого, автор диссертации о водном праве в Средней Азии, напишет и издаст несколько интересных работ о предпринимательстве и юридических лицах, затронет тему солидаризма и синдикализма. А здесь ему удалось прикоснуться, что ли, к созданию той юридической материи, которую до этого Гинс только изучал и применял.

— Не кажется ли Вам, что такие преобразования сложно будет дать помимо народного представительства? Тем более такой массив правовых актов, который может с лёгкостью перевернуть весь гражданский оборот с ног на голову…Хотя…

Гинс задумался, поймав на себе выжидающий взгляд Кирилла.

— Хотя Столыпину, наоборот, это представительство только мешало. Кто знает, что было бы, имей возможность Пётр Аркадьевич преобразования свои проводить беспрепятственно?

"Завкацелярщиной" смотрел в сторону, когда произносил эти слова. Недоговаривает. Но почему? Боится реакции Кирилла? Но ведь всегда выслушает, примет меры. Правда, какие именно, это уже другой вопрос. Сизов начинал потихоньку понимать всех правителей России от предшественников Рюрика включительно до последнего генсека исключительно. Дело в том, что создавалось стойкое впечатление: ты стараешься, но всякий твой приказ коверкают, извращают на местах. И ладно бы назло, ладно бы какие-нибудь враги гадили. Враги на то и есть, чтобы гадить, от них и ждут этого. Но когда мешают друзья — становится не по себе. Вот так и Гучков, "прихлебатель буржуазии и самодержавия", как его любили величать, сделал немалое для победы пролетариата. Он просто считал, что делает России добро. Правда, был нюанс: октябрист думал, что только он один знает, как надо то самое добро даровать стране. Остальные, особенно власть имущие, по его мнению таким качеством не обладали. Они якобы мешали. Ну вот их…и того…революционизировать захотели. Это навроде венерической болезни, только порошками не вылечишься. По-дружески революционизировал…А потом…

— Ладно, Георгий Константинович, не важно. Благодарю Вас за помощь, документы пришлись как нельзя кстати! — Великий князь пожал руку Гинсу. — И, пожалуйста, больше не бойтесь выражать собственное мнение. Оно важно для меня.

Юрист замялся. Надо было срочно разрядить обстановку. Каким образом?

"Думай, думай! Нельзя допустить, чтобы ближайшие сподвижники утаивали от тебя что-то. Иначе не за горами переворот. Так…Кажется, придумал.

— Только не думайте, что я не буду его критиковать, — подмигнул Кирилл. — И подготовьте, пожалуйста, список лиц, которые могли бы войти в предусмотренное новым законом учреждение по борьбе с недобросовестными монополистами. Я знаю Ваши великолепные познания в этом деле. И я очень хотел бы, чтобы в группу непременно вошёл господин Петражицкий. Передайте ему, что одна только монография о правах добросовестного владельца обеспечила бы ему место в антимонопольном комитете.

Глаза Гинса сверкнули не хуже, чем его пенсне от солнечного блика.

— Благодарю! — заведующий канцелярией поклонился и вышел.

Но не успела за ним закрыться дверь, как постучался адъютант. Ставшего привычным бряцанья "Льюисом" не было — ручной пулемёт оказался оставлен на сохраненье караулу.

— Господин Волков от господина Рябушинского.

Кирилл спрятал руки за спину, чтобы скрыть дрожащие от волнения пальцы. У него было одно мгновение, чтобы побороть себя и сказать ничуть не дрожавшим голосом:

— Проси.

— Есть! — щёлкнув каблуками, развернулся адъютант.

Прежде его можно было назвать чутким только в шутку, очень "тонкую" шутку. Теперь же и он потихоньку впитал в себя азы поведения при дворе. Как меняет людей власть. Интересно, сам офицер понимает, что сильно изменился? Как он к этому относится? Чего ждёт от службы?

Так. Нужно было быстро занять место за рабочим столом. Сделано. Положить бумаги под руку. А сюда — текст договора. Так. Вот эти таблицы и вычисления доходности от проекта — под руку, чтобы не мешкать и не совершать лишних движений. Пусть Волков думает, что у регента под контролем абсолютно всё, а в особенности — собственная нервная система. Ага. И фотокарточку Столыпина развернуть так, чтобы представитель Рябушинского видел, кто именно занимает самое почётное место на рабочем месте и в мыслях Великого князя. Да, да, именно так. Реформы и сильная власть, готовность идти на компромиссы, если дело не касается блага России. Твёрдость при реализации замыслов. Пусть у гостя создастся нужное впечатление, пусть он будет ассоциировать, пусть даже и

подсознательно, регента и великого премьера. В таком случае будет положено прекрасное начало.

Вновь раздался стук.

— Прошу! — спокойно сказал Кирилл.

Ему показалось, что дверь открывается целую вечность, массивная дверь, вот уже сколько десятилетий висящая здесь, изукрашенная затейливой резьбой. Каждый узор, каждая деталь, каждый бугорок отпечатался в памяти регента в эти секунды.

"Вон щербинка, надо бы зашпаклевать. А как похож на комара завиток! А тут бы…" — проносились мысли, сменяя одна другую, а время меж тем не желало идти быстрее.

Наконец-то дверь распахнулась. Порог коротким, но уверенными, выверенным до миллиметра шагом переступил столь ожидаемый посетитель. Присяжный поверенный, выполнявший роль представителя главы одного из богатейших семейств Росси, надел для визита свой лучший фрак. Лишь дважды до того Сергей Волков выходил в нём в свет. В первый раз — на своё самое сложное и самое успешное дело. Подробности Кирилл узнать не захотел, но главное уловил. Присяжный поверенный выиграл для своего доверителя полтора миллиона рублей благодаря не ораторскому таланту (по этой части Сергей заметно отставал от своих более знаменитых коллег), а умению собрать доказательственную базу. Все "дыры" в защитном валу противной стороны были в буквальном смысле завалены фактами, и по этому броду Волков подобрался к победе. Второй раз фраку суждено было послужить на пользу хозяину несколько недель позже, когда Михаил Павлович Рябушинский, один из знаменитых братьев-банкиров и промышленников пригласил его на работу. С тех пор заветный костюм дожидался случая, и оно того стоило. Таки да, как сказал бы Манасевич-Мануйлов.

— Кирилл Владимирович, — Волков кивнул в знак приветствия. — Благодарю за приглашение обсудить интересы промышленников именно с Михаилом Павловичем Рябушинским. Мой доверитель шлёт Вам горячее приветствие и поздравления в связи со скорым открытием мирной конференции.

Но ни необходимого по этикету заверения в верноподанничестве и так далее. Хотя, с другой стороны, Кирилл и не император, всего лишь регент. Но Рябушинский даёт понять, что занимает достаточно прочное положение, чтобы говорить об известной доли независимости. Тем более он ведь из старообрядцев, императорскую власть они не очень чтобы очень любят. Ну хотя бы не как его милейший брат требует немедленного захвата исполнительной и законодательной власти. Интересно, пойдёт ли дражайший Михаил Павлович на условия Великого князя? Только бы пошёл! Ведь награда за это весьма и весьма велика, на кону исполнение мечты промышленника. А ради мечты человек на многое готов пойти, Кирилл знал это по себе.

А мечта Михаила Павловича была по-своему замечательной и светлой. Один из знаменитых братьев-банкиров, он желал устранить иностранных торговцев из русской промышленности, особенно из леноводства и торговли лесом. Замысел потихоньку начал реализовываться. Рябушинские, опираясь на значительные собственные капиталы, сперва создали широкую сеть филиалов их "семейного" Московского банка в регионах, где выращивали основную долю льна. Затем они пошли на сотрудничество с Третьяковым, одним из ведущих льнопромышленников. Началась работа по расширению производства, скупке зарубежных фирм (в основном английских), налаживанию контактов с комиссионерами и основными покупателями за границей.

В шестнадцатом году Рябушинские приобрели общество лесопильных заводов "Н.Русанов и сын", одно из крупнейших в России. Братья договорились создать на Севере отлаженную систему переработки древесины, чтобы не гнать за рубеж лес-кругляк. Было даже приобретено лесоторговое британское агентство. Лишь одно сдерживало воплощение мечты Михаила Павловича: отсутствие всемерной поддержки государства. А будь иначе, как знать, авось и смогли бы отечественные компании полностью выдавить иностранцев из важнейших сфер русской промышленности.

Кирилл хотел предложить Рябушинскому помощь казны, да ещё участие в многочисленных (и весьма прибыльных, даже по самым скромным расчётам) проектах. Однако взамен регенту нужна была услуга братьев-банкиров. Маленькая такая услуга…

— Очень и очень рад. Присаживайтесь, Сергей Андреевич, чувствуйте себя как дома, — Кирилл улыбнулся.

— Благодарю, — коротко кивнул Волков и занял предложенное место.

— Сергей Андреевич, я бы хотел начать с близкой лично Вам проблемы — проблемы законодательной. Вы же знаете, что в Думе много лет лежали проекты нового акционерного законодательства и Гражданского Уложения, которые, к сожалению, так и не были даже рассмотрены.

— Да, это печальный момент. Война отнимала слишком сил у народных представителей, чтобы взяться за подобные глыбы, — кивнул Волков.

"Ну-ну, война…Например, господа народные избранники в финансовой комиссии, вместо того чтобы работать над проектом бюджетной росписи, чтобы быстро реализовывать проекты по улучшению денежной системы, несколько недель обсуждали слухи о сепаратном мире. Заняты они были спасением Отечества!" — Кирилл надеялся, что даже тень тени этих мыслей не отразится на его лице. Физиономия Сизова-Романова должна была являть сейчас собою идеал благообразия, радушия и приветливости.

В глазах Волкова, между тем, блеснул огонёк внимания. Заходил он сюда полностью отрешённым, точь-в-точь как на "рублёвый" процесс, где ему предстояло слушать выученные наизусть речи обвинителей. Но теперь-то крючок заброшен, пора подсекать!

Этак ненавязчиво Кирилл пододвинул к поверенному Рябушинского первый лист Акционерного уложения и улыбнулся что твой кот на открытую банку сметаны.

Карие глаза Волкова, близорукие, с прищуром зануды, скосились на эту бумаги. Вскоре кустистые седые брови поползли вверх. Регенту показалось: ещё миг — и они примутся блуждать по сверкавшей от пота лысине юриста. Но нет, брови замерли, казалось, у самой верхней точки лба, словно бы боясь продолжать движение. Отчего же закалённый в десятках процессов адвокат так резко отреагировал на страницу убористого текста? А всё дело в том, Сергею Андреевичу довелось прочесть оглавление, по разделам, Акционерного уложения. Особо красноречиво смотрелась "Уголовная ответственность за противоправную деятельность коммерческих предприятий и общественных объединений в условиях войны и чрезвычайного положения". Сам по себе небольшой, всего лишь в десять-пятнадцать статей, он мог перевернуть с ног на голову существование частного предпринимательства. Волков быстро догадался, что все эти нормы будут направлены против военно-промышленных комитетов. А брат Михаила Павловича, Павел Павлович, как раз таки был руководителем московского военно-промышленного комитета. При его попустительстве бесчисленные дельцы сказочно обогатились на заказах правительства, а целая орава "чиновников от общественности" получила путёвку в лёгкую и беззаботную жизнь.

— А Вы, как я вижу, уже заинтересовались уложением. Пожалуйста, можете ознакомиться с ним. Особенно с девятым разделом, — это был тот самый, "уголовный", раздел. — И настоятельно советую сделать это именно сейчас.

— Благодарю. Было бы любопытно пробежаться глазами.

Волков сохранял внешнее спокойствие, надо отдать ему должное. Участие в судебных процессах только закалило его природную невозмутимость. И только глаза, сиявшие глаза выдавали поверенного.

— Через неделю его опубликуют в печати, не волнуйтесь. Мне удалось дать обоим уложениям путёвку в жизнь. Можете забрать эти проекты с собой, уверяю, Вы — единственный представитель негосударственных кругов, получивший такую возможность. Правда, тут мало что изменилось по сравнению с думским проектом, только добавлены статьи, регулирующие наиболее проблемные моменты. К сожалению, государственный контроль выявил огромный, просто таки уму непостижимый объём нарушений. Казённые деньги прямо-таки расхищались. Те деньги, что платили в качестве налогов представители

уважаемые частной инициативы, тратились на дела, никоим образом не связанные с делом победы над Четверным союзом. Многим придётся ответить за то, что не хватало патронов, винтовок, снарядов, и гибли люди из-за этого. Не находите, что это справедливо?

Волков уже успел пробежать глазами раздел. Самообладание на короткую секунду изменило ему: по лбу юриста потекла капелька пота, воротничок внезапно стал мал, и воздуху мигом стало не хватать.

Умён, очень умён был Сергей Андреевич: он уже успел понять, чем грозило претворение в жизнь норм уложения как для очень большого числа дельцов, так и для клана Рябушинских. Брат его доверителя, Павел Павлович, много, ох как много натворил на посту председателя московского военно-промышленного комитета.

— Однако отставим в сторону юридические изыски. Я хотел поговорить о восстановлении нашей страны. Мне прекрасно известно, что Михаил Павлович мечтал вытеснить иностранцев из нашей промышленности. Не скрою, подобные перспективы не могут не радовать. Однако без всемерной поддержки казны успех будет маловероятен, а вот если государство будет на стороне, — Кирилл покатал на языке так и просившиеся на свободу слова, — народного производителя…Да Вы сами прекрасно понимаете, какие перспективы откроются перед промышленниками. Кроме того, вот-вот будет подписан указ об изменении тарифа на сахар и чай, чего Михаил Павлович давно и страстно добивался. Путь на внутренний рынок ему будет открыт. Мурманский порт наконец-то окажется доступен для частной инициативы. Грандиозная судьба ждёт наших купцов и фабрикантов!

Кирилл улыбнулся, но через миг посерьёзнел. Взгляд его прямо-таки впился в Волкова.

— Однако торговые сословия должны протянуть руку помощи стране. России нужно единение всех сил…Но кое-что мешает этому.

Листок "договора" перекочевал в руки адвоката.

— Господин Рябушинский, надеюсь, ознакомится с моей не просьбой даже, — просьбочкой об ответной услуге, ведь исполнение его заветной мечты так близко. А…

Разразившийся жутким громоподобным звоном телефонный аппарат не дал регенту договорить. Все лица, знавшие номер кабинета Кирилла, были предупреждены о том, что звонить в это время следует лишь по величайшей необходимости. Что бы это могло быть?

— Прошу прощения, — Великий князь пожал плечами и поднял трубку. — У аппарата.

— Ваше Высокопревосходительство! — сквозь шипение слышались тихие, но чёткие слова…знакомый голос…

Ах да! Это же сам Боткин, личный врач Алексея! Что-то случилось с императором? Только не сейчас! Как всё некстати!

— Здравствуйте, господин Боткин.

— Здравствуйте! Кирилл Владимирович, случилось несчастье! Его Императорское Величество подхватил где-то инфлюэнцу, она дала осложнение: началось кровоизлияние из носа, мы не в силах его остановить. Алексей Николаевич с каждым часом всё слабее и слабее…

Голос Боткина звучал так же, как у банкира, пережившего первый день Великой депрессии: гром уже гремит, но настоящая буря только-только ожидается.

— Я всё понял, — Кирилл прикрыл трубку ладонью. — Сергей Андреевич, прошу меня простить, дела государственной важности. Передайте мой поклон Михаилу Павловичу, и скажите, что жду его ответ в кратчайшие сроки.

Волков едва нашёл в себе силы оторваться от "договора"- настолько ошеломлён он был его содержанием — скованно попрощался и поспешил покинуть кабинет.

"Да уж, ситуёвина-с…Может, всё-таки поспешил с Михайло Рябушинским? Хотя…Ту не до сомнений, тут стратегия на стратегия попёрла!"

— Я немедленно выезжаю в Царское. Постарайтесь не афишировать проблему до моего приезда, прошу Вас!

— Это будет очень сложно, Кирилл Владимирович, но я постараюсь!

Связь оборвалась. Да уж, и когда же будет третья казнь египетская? Почему Алексей

заболел именно сейчас, когда так много дел требует внимания Кирилла?! Любое кровотечение могло убить бойного гемофилией императора, и кто бы тогда занял престол? Первым на очереди был Михаил. Хоть он и отказался занимать место регента, когда Петроград стоял на грани революции, теперь-то ничто не помешало бы младшему брату Николая взойти на трон предков. Когда не требовалось прикладывать огромных усилий для выведения России из кризиса, наверное, Михаил бы сам рвался бы воссесть на престол. Правда, его дети не могли наследовать царство Российское: всё из-за неравного брака, заключённого Романовым. Следующим на очереди оказывался Кирилл. Его дети также не имели права на трон России, если, конечно, не поменять законов. Сейчас, в дни победы над внешним врагом, закрыли бы глаза и не на такое. Только одна беда: сын Владимир ещё младенец, и если с Великим князем что-либо случится…А ведь может такое произойти: уж очень опасную игру затеял Кирилл. Он, буквально, пошёл ва-банк. В него и так уже стреляли…

Регент навестил несостоявшегося убийцу в тюрьме. Никаким студентом он не был. Имя, указанное в газетах, также оказалось вымышленным — самим Кириллом. Тогда на вокзале в него стрелял Алексеевский, поручик Русской Императорской армии. Именно он участвовал в убийстве болгарского царя Фердинанда, которое способствовало заключению сепаратного мира его наследником Борисом. Сизов-Романов узнал только сейчас: несколько месяцев спустя друга и соучастника Алексеевского нашли мёртвым с простреленной головой. Револьвер, зажатый в его руке, ещё хранил тепло ладони. Застрелился? Если так, то почему? Не выдержал груза ответственности? Решил унести тайну гибели Фердинанда в могилу? А может, убили, инсценировав самоубийство? Но кто? Разведка отомстила? Или эта смерть никак не связана с событиями полугодичной давности в Болгарии? Ведь может быть всё, что угодно!

— Зачем ты это сделал? — спросил Кирилл безмолвного сидельца.

Тот лишь поднял глаза на регента. Больше ничем он не подал вида, что услышал Великого князя. Простояв в камере минут десять, Сизов-Романов удалился, так и не узнав, что же заставило Алексеевского пойти на преступление.

Горечь до сих пор сжимала сердце регента, но он старался гнать её как можно дальше: момент для волнений самый что ни на есть неподходящий! Предстояло так много сделать.

В первую очередь — обеспечить надёжную охрану Алексея. Надо было оградить императора от любой опасности, от любого волнения.

Во вторую очередь — узнать, что творится у Великих князей. Едва они узнают о недуге монарха, как тотчас начнут плестись интриги. Николай Николаевич, науськиваемый окружением, вновь захочет принять участие в игре, выигрыш в которой подарит ему престол, а "друзьям" — власть в стране. Следует принять все меры для того, чтоб Романовы не смогли договориться и вместе выступить против Кирилла, если с Алексеем что-либо случится.

В третью очередь…

Кирилл снял трубку телефонного аппарата. Пара мгновений — и вот уже бодрый голос вещает "Слушаюсь!".

— Подготовить радио для связи с Царьградом. Попросите Колчака и ждите моего прихода. Всё поняли? Замечательно!

Сизов-Романов поднялся с кресла и подошёл к окну. Петроград давным-давно проснулся. На улицах гулял народ, наслаждаясь вступающей в свои права весной: зиму, холодную как никогда, спешили забыть поскорей. Эти люди готовились праздновать начало мирной конференции, которая, как надеялись, пройдёт очень быстро.

"Знали бы вы, ребята, как долго она длилась в реальности. Каждый помнил только о своих интересах, но все дружно решили забыть Россию, отдавшую миллионы жизней для того, чтобы мир был подписан в Париже, а не в Берлине. Мы слишком много потеряли, слишком многое…Теперь же всё будет иначе…"

"Новое время"

Нам нужна Великая Россия!

Сегодня Великий князь Кирилл Владимирович, регент при императоре Алексее Николаевиче, выступил в печати с официальной программой правительства на ближайшие годы.

"Нам нужны великие реформы, которые может обеспечить только сильная власть" — таков девиз министерства. Кирилл Владимирович, вспоминая Петра Аркадьевича Столыпина и Бориса Николаевича Чичерина, рассказал нашему репортёру, что Россия наконец-то дождалась великих изменений.

"Вдохните — это воздух мира. Впервые за четыре года мы можем не думать о войне. Она закончилась. Через неделю начнётся демобилизация. Но солдаты и офицеры, отстоявшие свободу России, подарившие ей победу, должны вернуться в лучшую страну мира. Наш народ достоин жизни в такой стране. Именно поэтому я призываю всех и каждого, вас, народы России, к единству. Только вместе мы сможем восстановить нашу страну, только вместе император и его подданные, вне зависимости от национальности, вероисповедания, профессии, политических воззрений, смогут построить светлое будущее для России.

Что предпримет правительство? Во-первых, министерство земледелия подготовило новый этап столыпинской земельной реформы. Земельный банк скупил значительное число наделов в Европейской России. В Сибири и на Дальнем Востоке идёт нарезка на десятины обширных, пустующих земель. Мы должны расселить там земледельцев, пока не началась посевная. Завтра будет зачитан манифест о даровании земли крестьянам и всем, кто трудится в сельском хозяйстве. Все государственные и удельные пашенные и луговые земли будут предоставляться бесплатно, в первую очередь жителям соответствующей губернии, у которых надел не позволяет прокормить семью. Землевладельцев император призывает продавать необрабатываемую землю Крестьянскому банку: мы также распределим эти десятины. Может показаться, что это популистский, можно даже сказать, революционный шаг. Но это не так. За последние тридцать лет население страны практически удвоилось, большую часть прироста дали крестьянские хозяйства. Они больше не могут прокормить себя, не говоря уже о рабочих, интеллигенции, промышленниках. Если мы не дадим земледельцам землю сейчас, то через считанные годы мы просто можем забыть, что такое сытость, мы окажемся под угрозой голода. Кроме того, не секрет, что большую часть товаров, вывозимых из страны. Составляет зерно. Нехватка зерна нанесёт смертельный удар по торговым фирмам и банкам, играющим значительную роль в хлеботорговле. Господин Родзянко уже отписал в пользу крестьян половину своих земель. Но вы можете это предотвратить: продавайте необрабатываемую землю Крестьянскому банку. Это принесёт вам не только моральное удовлетворение — чувство того, что вы помогли спасти страну от голода — но и деньги. Вот-вот начнут реализовываться грандиозные проекты, сулящие значительные прибыли. Вы сможете вложить в них полученные от продажи земли деньги. Но об этом несколько позже…

Только что мною подписан указ о проведении в жизнь проекта реформы просвещения господина Игнатьева. К сожалению, он был уволен с поста министра народного просвещения, теперь же ему предоставляется пост товарища министра. Уверен, что это даст ему возможность зорко следить за реализацией своего проекта, не отвлекаясь на политику или что-либо иное. А следить есть за чем!

(Великий князь изволили довольно рассмеяться)

Сам проект включает в себя более семисот страниц текста, где редко встречается "вода", словам узко, а вот мыслям — широко. Будет серьёзно реформировано среднее образование, введены новые программы, облегчен доступ выпускникам реальных училищ в высшие учебные заведения. В ближайшие пять лет университеты, коммерческие училища и институты появятся не только во всех крупнейших городах Европейской России, но и Сибири. При каждом учебном заведении будут возводиться общежития, в которых смогут найти приют студенты. Теперь им больше не придётся мучиться, подыскивая крохотный

уголок за огромную плату. При всех старых учебных заведениях также будут построены общежития. Зачем, спросите вы, так много жилья? Как будто у нас так много студентов? Образование в России уже с начала следующего учебного года должно стать бесплатным. В университетах, в школах — везде. В бюджете уже подыскиваются средства на это. Но высшее образование станет не только бесплатным — оно станет доступным. Любой желающий, сдав экзамены, сможет пойти учиться в государственное высшее учебное заведение. Что касается частных, то вопрос о платности обучения оставлен на их усмотрение. Мы рекомендуем им принять те же меры, что будут проводиться в отношении государственных учреждений. Иначе, боюсь, они лишатся многих студентов. Далее…

…

Итак, вы смогли ознакомиться с программой правительства на ближайшие годы. Я верю: для её реализации нам нужно только одно. Что именно? Единство, единство, которое сделает нашу страну, наш народ непобедимым. Помогите мне, русские люди — помогите мне изменить Россию лучшему!"

Наша газета присоединяется к этому великому призыву. С этого дня на страницах нашей газеты мы будем освещать каждый шаг, который приблизит Россию к великому, светлому будущему. Вставай, народ, вставай! Возродим державу! Построим светлое будущее для всех нас и для каждого!

"Утро России"
(специальный выпуск)

Дорогие читатели, в нарушение заведённого порядка, мы выпустили этот номер газеты из печати раньше положенного. Как вы могли заметить, объёму у выпуска меньше, чем обычно — но каждое слово посвящено программе правительства, напечатанной сегодня во всех столичных газетах.

Итак, что нас ждёт? Во-первых, регент заявил о возвращении к столыпинской аграрной реформе. Господин Кривошеин, занимающий сейчас одновременно посты министра земледелия и вновь образованного министра переселения, ручается за её выполнение. Правительство призывает землевладельцев продавать необрабатываемую землю Крестьянскому банку, чтобы тот мог распределить её между пахарями. Это сделано якобы для того, чтобы обеспечить растущее население России хлебом. Однако может ли вырастить слабое крестьянское хозяйство на восьми-десяти десятинах земли хлеба столько, чтобы прокормить страну? Весьма сомнительно. Только крупное хозяйство способно выращивать столько хлеба, чтобы его хватило для продажи. Регент обещает изменить это: вскоре будут заложены заводы по производству удобрений, ведутся переговоры о создании совместного с американцами акционерного общества, выпускающее сельскохозяйственную технику. Её будут продавать в кредит общинам, где они ещё существуют, или единоличникам. Два таких предприятия будет построено на Юге, два — в Центральной России, ещё по одному — в Сибири и на Дальнем Востоке.

Заметные изменения коснутся образования. Со следующего года оно станет бесплатным, кроме всего прочего. Товарищем министра просвещения назначается Павел Николаевич Игнатьев, известный своими либеральными взглядами. Будет основано значительное число новых высших образовательных учреждений. На земства и города ляжет бремя создания бесплатного начального и среднего образования, на дело которого будут сделаны значительные ассигнования.

Кроме того, планируется создание целой сети заводов и фабрик, в частности, химических, нефтеперерабатывающих и машиностроительных. Руссо-Балтийский завод, только-только восстановленный после эвакуации, планируется расшить. Ему отведена роль локомотива по возрождению железнодорожного состава империи. Правительство призывает частный капитал присоединиться к делу возрождения экономики. Регент, к сожалению, не сказал ничего конкретного, однако намекнул на скорое реформирование

акционерного устава, которое облегчит административное бремя промышленников и облегчит создание новых акционерных обществ. Реформируется система тарифов.

В связи с этим будет преобразован государственный контроль. Его аппарат расширится, как и полномочия. На его плечи ляжет пересмотр договоров, заключённых во время войны и нарушенных или невыполненных.

Однако откуда правительство возьмёт деньги на это? Казна обременена огромным долгом. Регент обещает, что все внешние займы будут погашены не за счёт народа. Каким образом? Возможно, за счёт контрибуции.

Между тем, регент делает шаги, которые явно помешают выполнению задуманного. Работа правительства дезорганизована, никаких решительных шагов не делается. Может быть, Великий князь, до мозга костей военный человек, плохо разбирается в экономике? Достаточно вспомнить его слова о том, что следует мобилизовать в армию рабочих на золотых приисках, и станет понятно его "экономическое" кредо…

Глава 5

"Розыски морского министра.
Я лично остановился бы на Колчаке.
Я Колчака высоко ценил как моряка, как
администратора. С самого начала я
подумал, что без гражданской войны и
контрреволюции мы не обойдемся, и в
числе лиц, которые могли бы возглавить
движение, мог быть Колчак.
Я думал и о Гурко, об Алексееве,
но меньше, а Колчак представился мне
подходящей фигурой, но я боялся его
взять с Черного моря потому,
что в первые дни он там овладел
положением. Поэтому если вызвать его
в Петербург, то мы потеряли бы
достигнутое там"
А.И. Гучков

Исполнять обязанности губернатора пороховой бочки — то ещё удовольствие. Колчак же прямо-таки мечтал об этом, ибо ему досталась должность ещё ху*ж* е — стамбульского градоначальника. Правда, скоро это бремя должно было свалиться с его плеч, регент обещал назначить достойного человека на этот пост. Но обещания обещаниями, а служба — службой. Вот и теперь, едва брезжит рассвет, но адмирал уже застёгнут на все пуговицы в прямом и переносном смыслах. Здесь, в паре кварталов от Святой Софии, греки устроили потасовку с турками. На счастье, серьёзного оружия под рукой у них не было, только ножи да всякое дубьё, и кровавых жертв удалось избежать.

С чего же всё началось? Торговцы ещё засветло готовились к базарному дню. Один ряд лавок издревле занимали эллины, другую — османы. Прежде здесь было тихо-мирно, разве что в годы войны с греками или восстаний христианского населения лавки громили. Надо отдать должное погромщикам: нередко доставалось и лавочникам-туркам, чтобы, значится, неповадно было. Что именно неповадно, это уже другой вопрос (ответ на который, само собой, товарищи-громилы всех времён и народов не знали).

Всё изменилось после высадки русского десанта. В первые дни город дал бы фору разворошенному муравейнику. Поминутно вспыхивали пожары, драки и потасовки между мусульманами и христианами, которые порой, объединившись или порознь, громили евреев. Оставшиеся в городе, желающие продолжить борьбу солдаты и офицеры турецкой армии

устраивали налёты на русские патрули, попутно грабя склады и магазины. С такими расправлялись нещадно. Колчак лично присутствовал на казни пятнадцать турок, ночью атаковавших болгарский квартал и убивших множество мирных жителей. Остановить их удалось только подоспевшему патрулю из крымских десантников и вооружённых дружинников-христиан. Подобные отряды пришлось спешно сколачивать буквально на ходу. Раздавать таким оружие, однако, не спешили, справедливо считая, что христиане пустят его против мусульман или своих же соотечественников. И всё же порою приходилось вооружать дружинников. Русских войск не хватало. Большая их часть оставалась на Чаталджинских позициях или даже на австро-венгерской территории. Одной роте даже угораздило попасть в составе греческого корпуса на северную границу Сербии, где та встретила заключение перемирия. Ещё полторы дивизии окопалось на восточном берегу Босфора. Между тем у этих подразделений только имя от дивизий осталось: изнурённые в боях против частей под началом генерала Кемаля, они потеряли больше половины состава. В них должно было быть вместе сорок две тысячи, осталось же пятнадцать, не говоря уже о вышедших из строя пулемётах, пушках и миномётах. Зато в поддержку дивизиям придали значительное число самолётов, около сорока, в основном "Ильи Муромцы" и трофейные "Таубе" ("Голуби"). Кроме их бомб, в случае чего хорошо сработали бы орудия Балтийского флота. На счастье, после занятия Босфора практически все боевые корабли перевели в Мраморное море, в это горлышко черноморской бутылки. Плюс ещё пять тысяч солдат заняли Зонгулак, чьи угольные копи прежде снабжали углём всю Турцию. Без этих запасов османам, возжелай они продолжить войну, пришлось бы очень туго.

В общем-то, и нашим частям пришлось бы не легче…Здесь же от любой искры могло так рвануть!

Вот и утренняя потасовка случилась из-за того, что турецких лавочников вчера оскорбили несколько греческих солдат, из частей, приданных союзниками царьградскому гарнизону. Сперва казалось, что торговцы если не спокойно, то хотя бы относительно тихо восприняли насмешки. На утро же они решили припомнить все обиды "гяурам", выбрав в качестве жертв торговцев-христиан из лавок напротив, и понеслось!

— Александр Васильевич, ругается гад!

Переводчик, офицер с флагмана, побоялся точнее рассказать, что же там орёт на мусульманских торговцев староста греческого квартала.

— Пожалуйста, объясните ему, чтобы он приструнил своих, пусть не мстят. Нельзя. Иначе резня начнётся. Туркам же скажите, что мы взыщем со всей строгостью с тех греков. Он запомнил, как они выглядели?

Представитель турок замахал руками, затараторил. Переводчик даже фуражку снял — голова вспотела. Он не успевал понимать, что же говорит осман. Когда тот успокоился, офицер переспросил. Торговец, уже спокойней и обстоятельней, повторил.

Переводчик поник головой…

— Да. Приметы запомнили. Грязные мундиры у них были…Придётся обратиться с господам греческим союзникам, пусть разыщут нарушителей. Тут же чёрт знает что!

— Не стоит волноваться, Павел Сергеевич, не стоит, иначе заработаете здесь что-нибудь психическое. Каждый день ведь предстоит нечто подобное, — попытался успокоить переводчика Колчак, садясь в адмиральский автомобиль. Рядом сидел, не сводя глаз с окон домов, кирилловец: сам регент настоял на том, чтобы у адмирала был телохранитель из гвардии. Подпоручик отличался молчаливостью и внимательностью. Дважды он смог предотвратить покушение на Колчака. В первый раз это случилось у самого флагманского трапа: из толпы открыли пальбу по спускавшемуся Александру Васильевичу. Вовремя среагировав, кирилловец оттолкнул Колчака, и только спасло ему жизнь.

Во второй раз нападение произошло при посещении здания русского посольства. На обочине дороге взорвался снаряд, закопанный ночью в груду мусора. Подпоручик увидел, что турки толпятся вокруг, запрудили улицу, но держатся вдалеке от кучи. Мичман Андреев вызвался проверить, что такое, и погиб при взрыве…

Справа от водителя сидел неизменный Михаил Иванович Смирнов, начальник штаба Черноморского флота, единственный, с кем сейчас Колчак мог бы говорить откровенно, не боясь вселить в подчинённых неуверенность или тревогу. Накануне они обсуждали судьбу Стамбула.

— Миша, честно говоря, не думаю, что мы сможем с лёгкостью поглотить Стамбул. Уже сейчас приходится прикладывать огромные усилия для поддержания хрупкого равновесия в этом городе. А ещё Острова… Ещё Дарданеллы, ещё…Много чего ещё. Предстоит тяжёлая, рутинная работа. Радует только, что впредь нам больше не надо будет бояться, что нам задушат и запрут в Чёрном. Теперь-то нам больше не надо воевать с Турцией!

Глаза Колчака прямо-таки сверкали огнём, лицо наполнилось живостью и внутренним светом. Даже морщины, уже избороздившие его лицо, разгладились.

— Она попробует вернуть свою столицу, Александр.

Всегда серьёзный, порой даже меланхоличный, сегодня Смирнов был ещё и грустным.

— Сколько раз турки попробуют тебя убить? Десять? Двадцать? Когда они обретут такой же опыт, что и эсеры, и смогут тебя настичь? Через неделю? Месяц? Год? Тебе здесь угрожает огромная опасность, Россия может потерять в твоём лице великого флотоводца. Кто удержал в дни волнения Черноморский флот? Ты. Кто смог провести Босфорскую операцию? Ты. Что будет, когда тебя не станет? Кто сможет занять твоё место? В конце концов, вспомни о сыне! Вспомни, что тебя ждёт Софья! И Анна…Ты живёшь для всех!

Колчак нахмурился. Волна шла от сердца к горлу, хотелось устроить очередной шторм, хотелось расколоть вазу, хотелось бежать без оглядки, хотелось…

Но он совладал с собою. В глазах его застыла тень, а на виски будто бы упало серебро. В свете электрической лампы Смирнов увидел, что Колчак седеет…

— Тогда я умру за всех. Главного — победы в этой войне — мы достигли. А больше…

Взгляд Колчака, до того блуждавший по рабочему столу, наткнулся на фотографию Анны Васильевны Тимирёвой в русском народном костюме. Её взгляд, сохранённый фотографическим аппаратом, будто бы поймал взгляд Александра Васильевича. Тут же вспомнился последний бал в здании офицерского собрания, аромат цветов, туман Той Самой встречи с Анной…Да…Надо жить…Надо…Она ждёт…Очень очень и очень ждёт.

— Да, ты прав. Но что же делать, в таком случае? Как нам сладить с Царьградом?

— Как и с каждым городом, в котором предстоит закрепиться надолго. Запроси у регента право создания военно-полевых судов. Объяви, в условиях чрезвычайного положения, о повешении любого мародёра, грабителя и любого другого, совершившего преступление против местных жителей. Наладь снабжение углём и продовольствием, дай людям право свободно выехать в турецкие пределы, в Грецию или Болгарию. Пусть думают, что ничего не изменилось, разве что в лучшую сторону. Думаю, Кирилл Владимирович не будет против.

— Да, надо связаться с Великим князем, моряк должен понять моряка…

Все карты спутала эта потасовка, пришлось все остальные дела отложить.

— Спросите, большой ли ущерб нанесли турки грекам? А греки — туркам? И кто особо усердствовал в его причинении?

— Так всё равно своих не выдадут! — пожал плечами переводчик.

— Скажи, что самые буйные должны возместить пострадавшим ущерб. Если забияка не выдадут — придётся раскошелиться всем, — парировал Колчак.

— Так точно! — офицер и сам рад был, что "наш адмирал" нашёл выход.

— Ну вот и славно, — сказал Александр Васильевич, садясь в автомобиль. — Знаете, а я понемногу вхожу во вкус. Может быть, здесь не так уж и плохо?

"Но Софочке нельзя сюда. Нельзя! Захотела приехать…Никак нельзя! Здесь для неё и Ростислава слишком опасно. Сегодня же напишу, чтобы ни в коем случае не приезжали!"

— А Вы, Александр Васильевич, переживали! — подмигнул повернувшийся к адмиралу Смирнов.

Автомобиль подпрыгнул на кочке, выезжая на улицу, ведущую к пристани. Там на приколе стояли корабли. Колчак решил, что не стоит переносить на землю штаб Босфорского корпуса. Ему настойчиво предлагали выбрать в качестве резиденции пустующий султанский дворец или, на худой конец, русское посольство, но адмирал был непреклонен.

"Я морской офицер, а не градоначальник, и только здесь чувствую себя как дома" — таким был ответ на всё более настойчивые просьбы.

Но здесь Александр Васильевич кривил душой, а может, самому себе не хотел признаваться. В сердце его жила надежда на то, что регент отдаст приказ выдвигаться, идти хоть в Севастополь, хоть в Лондон — только подальше отсюда! На самом деле, флотоводца совершенно не привлекала административная работа. Бесспорно, он довольно-таки неплохо справлялся с организацией флота, но не более того. Давала знать о себе и служба в Морском Генеральном штабе, многому научившая Колчака. И всё-таки здесь сердце адмирала будто на мель село: ветер крепчает, волны бьют о борт, раскачивая корабль, двинуться невозможно, и с каждой минутой судно просто может расколоться на части.

Вот и сейчас, когда над крышами домов замаячили корабельные трубы, сердце разбередило. Может быть, от усталости? От слишком долгого и тяжёлого расставания с любимой? С каждым письмом Анна становилась всё более взволнованной: ждала возвращения своей "милой химеры в адмиральской форме". А кое-где чернила оказались размыты, и явно не морской водой или дождём…

Но каким же будет возвращение? Разве он сможет любить Анну и быть вместе с Софьей? И что же подумает Ростислав, когда повзрослеет и будет уже кое-что понимать в жизни.

— А, гари оно! — в сердцах бросил Колчак.

И оно таки загорелось.

Но сперва…

Машина подпрыгнула, кажется, до самых небес — на ровной дороге. Секунду спустя пришёл звук взрыва. На адмирала пахнуло жаром. Автомобиль упал вниз, то ли боком, то ли вообще — крышей. В глазах потемнело, в нос ударило запахом гари. Звуки умерли, только в голове звенело.

Тело работало само, машинально: сказался опыт морских баталий. Юркнув в щель между землёй и корпусом машины, Колчак выполз наружу. Привалился к стене: каждый шаг давался с огромным трудом, даже вздохи отзывались невероятной болью в груди. Неужели сломаны рёбра?

Что-то липкое и тёплое залило левый глаз. Александр попробовал смахнуть жидкость пальцами, но это не помогло. Приглядевшись, адмирал понял — это кровь. Когда машина упала, он, видимо, повредил голову. А что же с другими? Там ведь…

Флотоводец, собрав последние силы, поднялся на шатающиеся ноги и сделал шаг. Другой…Упал…Снова поднялся и снова упал на вытянутые руки. Дрожащие как каменный дом при землетрясении, они не выдержали тяжести, и Колчак повалился наземь. Кровь залила оба глаза, не давая ничего разглядеть, — зато вернулся слух. Словно бомбу взорвали: весь мир наполнился криками, причитаниями, молитвами и стонами. Последние раздавались близко, буквально на расстоянии вытянутой руки. Так…Если стонут — значит, живы…Живы, франт-собаки! Господи, живы!

— Врёшь, не возьмёшь, — ни к кому не обращаясь, выдохнул адмирал.

Он подполз к машине, из которой несколько секунд (а может, и минут…) назад так спешил выбраться. Стоны стали громче.

— Сейчас, ребята…Сейчас…

— Уходи! Уходи…Вдруг…снова…взрыв… — донёсся до Колчака такой знакомый, но такой измученный голос…

Смирнов! Живой! Живой!

— Я…тебя…вытащу…

Адмирал вдохнул — лёгкие ожгло, было похоже на то, что в кожу впиваются тысячи

игл размером с дом. Казалось, ещё одно, самое что ни на есть малейшее движение — и можно прощаться с миром.

Но там был Смирнов, с которым они прошли огонь и воду, чёртову уйму воды. Будто толкнуло что-то Колчака в спину, и он сумел подобраться к автомобилю, прополз под развороченной дверцей ("И как я только выбрался..?"), надышался едкого дыма и крикнул.

Точнее, это ему показалось, что тот жалкий всхлип был криком.

— Смирнов!

Вокруг засуетились люди, забегали, кто-то задел ногу Колчака, но он это прикосновение едва почувствовал. Ему не было никакого дела до того, что происходит вокруг: Александр только хотел найти своего друга, во что бы то ни стало. Однажды ему уже довелось потерять товарищей, навсегда оставшихся там, во льдах далёкой Арктики. Теперь адмирал поклялся, что спасёт, вытащит Смирнова! Вытащит!

— Смирнов!

Ничего, кроме очертаний машины, не было видно сквозь завесу чёрного дыма, перемешавшегося с пылью.

— Смирнов!

Кто-то принялся оттаскивать Колчака за ноги из-под машины.

— Уйдите! — выдавил из себя флотоводец, но сопротивляться он не мог.

Его потащило прочь. И когда он уже увидел дневной свет и лица перепуганных моряков-черноморцев, до него донеслось не слово даже — до него донёсся вздох: "Саша". Живой…

Хотелось воскликнуть "Жив!", но сил хватило лишь на надсадный кашель, лишь издалека похожий на нечто вроде "…в…". Небо упало вместе с солнцем, и на мир обрушился мрак…

Мачта упала, треснув у самого основания. Борт дал крен вправо, становившийся всё больше с каждым часом. День-другой, и корабль начнёт черпать воду, а после затонет. Пустые башни орудий жалостливо смотрят пустыми глазами на город, изъязвлённый воронками и сгоревшими домами. На пирсе столпились люди. Кричат что-то? Да нет, вроде: ни единого звука не слышно. Кто-то снял шапку. Через минуту уже все стоят с непокрытыми головами. Расстрелянную японскими пушками "Победу" провожают. Салют…Какой салют?! Жёлтые опять стреляют! На позиции! На бой! Они снова стреляют! Набережная опустела в мгновение ока. У левого борта броненосца хлюпнула вода: упал неразорвавшийся снаряд.

"Победа" осталась в одиночестве. Гордая, она уходила молча и медленно, погружаясь в морскую пучину. Рядом ложились вражьи снаряды, но ни один из них не разорвался. Это был прощальный салют…

— Александр Васильевич! Александр Васильевич!

Голова нещадно болела. Мир вокруг плясал то ли джигу, то ли тарантеллу, не желая успокоиться и встать по стойке "смирно". Даже слух подвёл: из невероятно далёких далей приходили звуки взрывавшихся на порт-артурских позициях снарядов, свист пуль и крики умирающих. Прошлое держало Колчака, держало крепко и надёжно, не желая отпускать.

— Александр Васильевич! Вы меня слышите?!

Перед глазами прошли ряды офицеров и солдат, уходивших из сданного врагу Порт-Артура. Безмолвно смотрели на них японцы, отдавая дань уважения храбрым защитникам города, такого прежде маленького города с таким гордым именем…

— Очнулся! Очнулся! Ну слава Богу!

Это что, тот врач японский застыл? Похож…Да…Чёрные усики короткие… Он навис над адмиралом…Адмиралом? Он ведь лейтенант флота…

Лицо японца поблёкло, и на месте его возникла физиономия судового врача Владимирова. Горбоносый весельчак улыбался. По его лицу градом струился пот. В руке зажат флакон нюхательной соли. Он только что вытащил Колчака из забытья…

— Александр Васильевич, Вы помните, что случилось? — донёсся из-за спины

Владимирова чей-то голос. Кажется, это Слащов, назначенный помощником Колчака по сухопутной обороне Царьграда.

— Я…

Адмирал приподнялся на койке. Помнит ли, что случилось? А что…

Утром они поехали разбирать случай потасовки между греками и турками. Возвращались…Автомобиль подпрыгнул на кочке. Шум…

— Смирнов, что с ним?

Александр Васильевич всё вспомнил.

— Живой, не волнуйтесь, живой, — протёр лоб алым платком Владимиров. — Контузило сильно, полежит недельку-другую лазарете, а там даже здоровее, чем был, станет.

— Станешь тут здоровее, — проворчал Слащов. — Живым бы уйти — и то хорошо, считай, везунчик.

Судовой врач обернулся к Якову Александровичу.

— Ваше Высокоблагородие, зря Вы так отзываетесь о нашей медицине. Мы спасли сотни тысяч жизней в эту войну. Вы сами, насколько знаю, были не однажды спасены от смерти.

Павел Петрович Владимиров очень ревностно относился к чести медицинского "мундира", многажды отстаивая её в словесных перепалках со Слащовым. По правде говоря, последний со многими в корпусе успел переругаться, вёл себя вызывающе, и Колчак поначалу не понимал, почему Кирилл назначил полковника командующим сухопутной обороной Царьграда. Но все сомнения развеяла бои за берега Босфора. Мастерски перебрасывая части с одного участка на другой, ловко управляясь с артиллерий, Слащов сумел отразить превосходящие турецкие силы, подкреплённые немецкими и австро-венгерскими частями. А как он дрался за Чаталджинские позиции! По сведениям разведки, там полёг целый вражеский корпус, последние резервы австрийцев на том участке. Греки тогда вклинились во вражескую оборону, немцам пришлось перебрасывать силы с Юзфронта, а туда — с Западного. Целых пять дивизий — тот самый резерв, потеря врагом которого позволила нашим войскам продолжить Новый Луцкий прорыв, решивший исход Великой войны…

Целую неделю Слащов отражал все атаки противника на Чаталджин, а после подошли силы, высвободившиеся с ликвидированного Румынского фронта, и немцы отступили. С тех пор Яков с непомерной гордыней вспоминал те дни, и при любой возможности заводил разговор о достигнутых им успехах. Из-за этого практически все офицеры охладели к нему, пошли слухи о кутежах полковника, даже о чрезмерном пристрастии к вину…

— Да, пять ранений и две контузии преподали мне замечательный урок общения с врачами, — парировал Слащов. — Извините, но ещё раз мне совершенно не хочется оказаться в лапах хирургов. Нет уж, ни за какие звания!

Его широкое округлое лицо, увенчанное смешным хохолком чёрных коротких волос, раскраснелось. Нос, и без того чересчур задранный кверху, поднялся на небывалую высоту.

— Господа, господа, прошу вас, не надо устраивать баталию в моей каюте, — слабым голосом попросил Колчак.

— Какая баталия? Мы просто…

— Срочно! Из Царского села телеграфируют! Регент на проводе! — в каюту вбежал вестовой. — Срочно! Александра Васильевича просят!

— Это никак не возможно, — холодно отрезал врач. — Никак.

Он замотал головой, смешно потрясая руками, будто бы отгоняя вестового.

— Александру Васильевичу нужен покой! Никаких телеграмм!

Слащов прыснул в кулак. Никто не обращал внимания на Колчака.

А лицо того исказилось от напряжения. Александр взял с намертво привинченной к полу тумбы фуражку, снял пиджак и, глубоко вдохнув, поднялся с койки. Слегка пошатываясь, он смог встать во весь рост, нависая громовым облаком над спорщиками. Первым опомнился вестовой, замерев и вытянув руки по швам. Затем Слащов принял

серьёзный вид. Наконец и Владимиров прекратил размахивать руками, даже выдохнуть боялся, наверное, чтобы не сдуть шатавшегося от слабости Колчака.

— Если Верховный Главнокомандующий требует выйти на связь, адмирал должен подчиниться. Пойдёмте, — кивнул упрямец.

И они пошли. Встречавшиеся на пути офицеры и матросы замирали, вытягиваясь во фронт, прикладывая руки к околышам фуражек, улыбками и радостными возгласами: "их адмиралу" не страшны даже турецкие бомбы.

— Я совсем забыл спросить…Кто выжил кроме меня и Смирнова в том взрыве? — Колчак, не оглядываясь, обратился к шедшему позади Слащову. — Кто пострадал?

— Ваш телохранитель, к сожалению, погиб: он сидел слишком близко к разорвавшейся бомбе. Та, в свою очередь, была закопана под дорогой. Как только Ваш автомобиль проехал бы над "кочкой" — выпиравшим краем снаряда — раздался бы взрыв. Во всяком случае, мне так разъяснили сапёры. Однако что-то пошло не так, и адская машинка сработала с опозданием. Слава Богу, турки не имеют опыта эсеров-метальщиков…

— Да, ни Азеф, ни Савинков у них пока не родились, — кивнул головой Колчак.

В глазах снова потемнело. Адмирал опёрся о переборку, переводя дух.

— Александр Васильевич, может быть, Вам следует изменить своё решение? — Владимиров оказался тут как тут.

Врач подставил плечо, но Колчак лишь отмахнулся рукой.

— Нет. Мы уже почти пришли. А что с Петром, водителем?

— Сильно ударился головой, да ещё его лицо порезало расколовшимся стеклом. А так — жить будет, это я Вам как человек, прошедший Галицийскую битву, говорю, — одобрительно сказал Владимиров.

— Что ж…Вот мы и пришли…

Каюта связистов была заставлена всевозможными приборами, схемами, инструментом для ремонта. Аппарат "Бодо", размашистая машина для связи с "большой землёй", шелестел, выплёвывая бумажную ленту. Телеграфисты вскочили с мест, едва увидев адмирала.

— Вольно. Передайте, что я пришёл. Что пишет регент?

Владимиров подал стул ("Так, почему не привинчен?!" — подумал Колчак), на который опустился адмирал

— Благодарю, — тихо сказал Александр, радуясь тому, что не надо тратить последние силы на хождение на показавшиеся бесконечными переходы между рубками и каютами.

Связистов было двое: оператор "Бодо" и его помощник. Рапортовать взялся последний, рыжеволосый, молодой, с блеском в глазах. Было видно, что он упивается шансом приобщиться к великим событиям, которые, несомненно, вот-вот должны произойти. Уж если сам регент срочно вызвал раненого адмирала — быть Делу!

— Докладываю. Его Высокопревосходительство передали информацию о скором начале мирной конференции, о духовном подъёме в столице, о новой программе правительства.

На последних словах адмирал подобрался, обратившись во внимание.

— Программе правительства? Какие-то серьёзные изменения? Реформы?

— Александр Васильевич, так Вы ещё не знаете?

Глаза докладчика расширились. После секундного замешательства он суну руку в одну из бесчисленных тумб и выудил из неё зачитанную буквально до дыр газету.

— Утром в город самолётами доставили севастопольские газеты. Я приберёг экземплярчик, а то его даже кое-кто принялся перепродавать за невозможные деньги! — связист был горд своей сообразительностью и информированностью. — Вот, в ней всё написано. Великий князь говорит о Великих при сильной власти, Столыпина вспоминает…Тут и о флоте есть! И о Морском Генеральном штабе!

— Позвольте-ка, — адмирал, в своё время принявший самое деятельное участие в создании этого штаба, набросился на газету будто голодный тигр.

Круги, расплывавшиеся перед глазами, мешали чтению, но интерес Колчак оказался

сильнее последствий ранения.

— Интересно…Очень интересно…Что-то будет? — озадаченно сказал адмирал, ни к кому, собственно, не обращаясь.

— Да, совсем забыл сказать Вам об этом, — пожал плечами Владимиров. — Нечто, без всяких сомнений, эпохальное нас ожидает. Только бы не взяли свои слова обратно…Только бы не взяли…Только б не было войны…А сколько всего о медицине!

— Кто вас, врачей, будет защищать? Ваша воля, так вы бы с койки больничной никого не выпускали, — беззлобно, голосом, полным смеха, сказал Слащов.

— Бросьте, Яков Александрович! — отмахнулся, как от назойливой мухи, Владимиров. — Сейчас нужно думать о мире, кончилась война!

Только сейчас адмирал понял, что эти двое совсем не из-за неприязни постоянно спорили друг с другом. Скорее, это было нечто вроде дружеского подначивания. Обмениваясь колкостями, они поднимали себе настроение в битве, понятной лишь им двоим. Интересно, кто же, Слащов или Владимиров, одержат победу? А может, заключат сепаратный мир и набросятся на кого-нибудь третьего?

Александр оторвался от газеты и вгляделся в лица "бойцов". Врач хранил внешнее спокойствие, вот полковник нет-нет, да улыбался, показывая свои острые, пожелтевшие от постоянного курения зубы. А вот если они…

Колчак закончить свою мысль не успел: "Бодо" принялся плеваться телеграфной лентой.

— Так! Есть приём! — скомандовал оператор, нежно, будто ребёнка или любимую женину, касавшийся бесценной бумаги. — Сейчас начну читать…Ага…Здравствуйте, Александр Васильевич. Мне сообщили, что Вы…Что Вы ранены. Надеюсь, здоровью ничто не угрожает. Обозначьте ситуацию в городе и во флоте. Что с гарнизоном…Что отвечать?

— Всё хорошо, опасность позади.

Оператор принялся отстукивать послание.

— Необходимо разрешение на принятие особых мер для наведения порядка в городе. Требуется пополнение, корпус укомплектован людьми наполовину, с артиллерией и снарядами лучше, пользуемся трофеями и турецкими складами. Работа контрразведки и жандармерии поставлена из рук вон плохо: специалистов не хватает. Нужны переводчики. Вскоре начнутся проблемы с продовольствием, необходим усиленный подвоз. Когда на городских складах закончатся продукты, турки поднимут восстание, и удержаться мы сможем с громадным трудом. Всё. Передавайте.

— Начинаю передачу, — оператор застучал, отбивая послание на "большую землю".

— Всё действительно так сложно? — внезапно спросил словоохотливый связист.

— Да. Но мы выдержим, — ободряюще улыбнулся Колчак.

Улыбка, правда, вышла кислая: в боку закололо, приступ боли заставил тело содрогнуться. Владимиров заметил это и кинулся было к адмиралу, но тот жестом приказал остановиться.

— Не утруждайтесь. Всё прошло.

— Александр Васильевич, и всё же я считаю, что…

— Карфаген давным-давно разрушен, а остальное не требует Вашего волнения, — отшутился флотоводец. — Продолжу-ка я чтение газеты. Вы, Яков Александрович, уже ознакомились?

— Да, успел пробежать глазами. Что можно сказать? Интересно. Посмотрим, как оно всё будет воплощено в жизнь. Боюсь, как бы кадеты или левые не вставили палки в колёса…Будь моя воля, давно бы висели особо говорливые господа на фонарях. И спокойно было бы, и работать удобнее.

Владимиров, известный на корабле своими либеральными взглядами, промолчал. С чего бы? Неужели был согласен с полковником? Или они уже имели словесную дуэль по этому поводу? И если да, то кто же выиграл?

Но да ладно. Колчак вновь ушёл с головой в чтение. Что же будет? Обещают

расширение полномочий Морского Генерального штаба, техническое усиление армии и флота, улучшение снабжения и комплектования, большие земельные наделы отличившимся солдатам и матросам, поступление в учебные заведения со сдачей лишь части экзаменов, а то и без них, пособия и пенсии…Да, грандиозные перспективы, но откуда же возьмут средства? И что будет реализовано? И, в конце концов, какова судьба Проливов и Царьграда? Не поднимутся ли союзники против того, чтобы Россия обладала ими? Что ждёт флот? Изменят ли Большую программу? Что будет с организацией и командованием? Эта война вскрыла такие недостатки, что одно изучение их займёт не один год…

— Есть передача! — оператор аж подпрыгнул. — Итак…Все Ваши замечания учту. Вам больше не требуется волноваться. Внимание. Далее — информация персонально для Колчака. Посторонних просьба удалиться.

— Что бы это значило… — нахмурился Слащов, но через мгновение его словно ветром сдуло.

— Я буду ждать снаружи, — кивнул Владимиров.

Связист также удалился, хотя и видно было, что этот приказ его расстроил.

— Завтра Вы должны отбыть в Триест с числом кораблей, достаточным для безопасного плавания. В порту Вы примете на борт груз, о котором будет сообщено позднее. Официальная цель визита — надзор за передачей военных кораблей Австро-Венгрии союзникам. На борт взять батальон солдат десанта, усилить флот тремя "Фарманами" и двумя "Муромцами". Довести боекомплект до предельного. Идти со всей возможной скоростью. Лично Колчаку, — оператор осёкся, но быстро справился с удивлением. — Желаете ли, чтобы Ваша семья или госпожа Тимирёва ждали Вашего возвращения в Царьграде или Севастополе? Обеспечу их всем необходимым.

Адмирал оказался в растерянности. Откуда такая забота о его близких? Может, этакая награда за исполнение задания? Что ж, приятно, конечно, но Колчаки всегда служили "не корысти ради, но государства для". Что же это за цель плавания такая? Что предстоит взять на борт в Триесте? Если уж ради этого самого главнокомандующего флотом отправляют с немалыми силами — должно быть нечто по-настоящему важное. Может, дипломатические архивы? Или австрийское золото? А вдруг какие-то секретные чертежи?

— Передайте, что задание будет исполнено. Благодарю за участие, но ни семья, ни…Тимирёва не требуются в Стамбуле или Севастополе. За любую помощь в их материальном обустройстве буду благодарен без меры. Всё.

— Сообщение пошло, — выдохнул оператор. — Да-с…

— Помните: ни слова о том, что здесь стало известно, не должно миновать стен этой каюты. Вам всё ясно?

Колчак прямо-таки сверлил взглядом связиста.

— Так точно! — подпрыгнул покрасневший оператор.

— Вольно. Благодарю. Господа! Можете вернуться!

— А мы даже не успели загореться любопытством, — рассмеялся Слащов.

— Это замечательно. Яков Александрович, поручаю Вам продолжить руководство обороной города и Проливов, — словив непонимающий взгляд полконика, Колчак добавил. — Самостоятельно. Завтра часть эскадры уйдёт. Берётесь выполнить?

— Можете на меня положиться, — клацнул каблуками Слащов. — Сделаю всё возможное и невозможное, чтобы навести в городе порядок и обеспечить его безопасность с суши. Я…

— Ещё сообщение! — воскликнул оператор. — Генерал-майору Слащову-Царьградскому…

— Тут, видимо, какая-то ошибка, — глаза Якова Александровича стали похожи на два огромных блюдца, из которых купцы любили пить чай. — Я ведь…

— Сообщение продолжается. Сказано, — оператор сглотнул. — Указанное выше — верно. Поздравляю, Яков Александрович, генерал-майором и Царьградским. Благодарю за прекрасную службу. Не утопите погоны в вине. Конец связи.

Повисло такое молчание, будто бы даже кладбище приказало долго жить. А потом — случилось невероятное…

Слащов заплакал. Скупые слёзы проделали сверкающие дорожки на его щеках, глаза заблестели, а кадык задёргался.

— Ваше…Ваше Высокопревосходительство! Благодарю! Благодарю!

Яков не знал, что сеанс связи уже закончился.

— Это моя мечта, но как Вы узнали? Это моя самая светлая, самая дорогая сердцу моему мечта…Благодарю…Ваше Высокопревосходительство!

Голос безжалостного к дезертирам и врагам, хладнокровного в бою Слащова срывался. Он захлёбывался эмоциями, голос его прерывался каждое мгновение слезами. Колчак даже словил себя на мысли, что на полковника — то есть уже генерал-майора — не может смотреть без жалости. Он даже отвернулся, сделав вид, что перечитывает телеграфную ленту.

А Слащов …Ему не было никакого дела до того, что происходит вокруг. Его заветная мечта сравняться с великими полководцами России наконец-то сбылась. Регент признал его заслуги, а это было лучшей похвалой всему тому, что сделал Яков для обороны Царьграда. В ту минуту он готов был броситься в самую гущу боя, кулаками пробиться в дзот — всё, что угодно, лишь бы отблагодарить Кирилла за воплотившиеся грёзы. Он размахивал руками, куражился. Он смеялся и плакал одновременно, словно клоун, угодивший в драматическую пьесу. Возможно, Слащов и был таким: актёром, для которого была предназначена комедия, но которому осталась только трагедия. И вот Яков пытается вырваться из этих рамок, пытается бороться, внося хаос в свою жизнь, тем самым даря себе хотя бы слабое ощущение свободы. Нелепое поведение — вот что было тем щитом для Слащова. Георгиевский кавалер, в молодости он, говорят, был тихоней, не притрагивался к алкоголю (нередко отказывался даже от исконно гвардейского напитка — шампанского), но потом? Что его изменило? Колчак хотел бы найти ответ на этот вопрос, но, к сожалению, у него абсолютно не было времени копаться в чужих душах…

Утром адмирал пришёл проститься с новоиспечённым генерал-майором. Тот занимал несколько комнат в портовой гостинице. Колчак впервые оказался здесь, и потому впечатление, произведённое этим обиталищем, было невероятно сильным. Каждый посетитель, ещё не оказавшись в "резиденции" Слащова, уже отчётливо слышал птичьи крики. Яков, оказывается, был любителем птиц. Они прыгали по комнате, взбирались на руки и плечи георгиевского кавалера, порой даже лезли в рот: командующий сухопутной обороной Стамбула постоянно кормил их зёрнами изо рта. Если бы кто-то другой, скажем, птичник, так поступал, то это выглядело бы премило и в высшей степени забавно, — но ведь это был генерал-майор русской службы! В подобном роде толковали многие офицеры корпуса, за глаза называя Якова Александровича "Слащовым-Курицыным". Тот, скорее всего, знал об этом, но не делал ничего для прекращения подобных толков. Что ж, это было его право: Колчак не обращал внимания на подобные маленькие слабости, лишь бы человек верно служил делу победы.

Хозяин открыл двери. Тут же бросилось в глаза его экстравагантное одеяние: нечто вроде множества халатов, надетых друг на друга в жутком беспорядке, куски ткани, свисавшие с плеч и с пояса, феска жуткого лилового цвета. Вот таким он был в быту, герой обороны Царьграда…

— Александр Васильевич, рад, что пришли меня навестить! Располагайтесь! — широко улыбаясь, произнёс Слащов. — А я тут готовлюсь к чествованию, кое-что собираю…

И вправду: по стене выстроилась целая батарея всевозможных и разновеликих бутылок. Жидкость в них обещала любому испившему наслаждение вечером и невероятную головную боль с утра.

— Меня, помнится, однажды взяли врасплох с чествованием. Ночью перешил погоны, а утром ждали, когда же я увижу обновку.

Улыбка вспыхнула, преобразив до неузнаваемости лицо адмирала, наполнив его

тёплым внутренним светом, — и через секундочку исчезла. Лицо Колчака вновь приобрело стальное, непробиваемое и непроницаемое выражение. Сейчас не время для радости: долг зовёт, Россия ждёт. Интересно, когда он сможет вернуться домой? Когда для него закончится эта война?

— Я пришёл проститься, Яков Александрович, к сожалению, не смогу принять участие в уничтожении сей батареи, — адмирал вздохнул.

Он выглядел старше, намного старше, чем вчера. Может быть, виной тому было пережитое ранение. К счастью, рёбра не были сломаны, контузии как таковой не было, только лёгкое сотрясение да царапина на лбу. Но морально взрыв очень и очень сильно ударил по Александру Васильевичу. Флотоводец поминутно вспоминал картину: мрак, дым, голос раненого Смирнова, беготня вокруг — и полнейшая беспомощность. Может быть, хорошо, что он уезжает из этого города, покидает заветный для многих русских поколений Стамбул?

— А может, всё-таки…на прощание?

Трудно было поверить, но — Слащов выглядел так, будто постеснялся своей просьбы

— Можно. Но одну рюмку, — кивнул Колчак.

— Сей момент! — радостно воскликнул Яков Александрович.

Пили молча, храня в себе так и просившиеся наружу вопросы и просьбы. Первым, наконец, не выдержал Колчак.

— Яков Александрович, прошу Вас, если что…Удерживайте город…Во что бы то ни стало. Мне сообщили, что генерал Кемаль хочет возобновить войну, отобрать у нас Царьград. Турки пойдут за ним, это для них дело чести. Отобьётесь? Этот город — то, за что мы сражались всю войну, то горло, за которое нас легко схватить. Сохраните Царьград.

На мгновение повисло молчание.

Наконец, Яков встал, совершенно серьёзный. В глазах его мелькнуло что-то такое…Пламя былых сражений? Воспоминания о боях Великой войны? Всполохи разрывавшихся над Босфором снарядов?

Лицо генерал-майора преобразилось. Абсолютно спокойное, сосредоточенное: никто бы не поверил, что этот человек может плакать или смеяться. С таким лицом идут в последний бой.

— Клянусь, Александр Васильевич.

— Благодарю.

Флотоводец простился с полководцем. Не было произнесено ни слова: взгляды были красноречивей любой речи.

А на столе, с той стороны, где до того сидел Колчак, высыхало влажное солёное пятнышко…

"Новое время"
Нам нужна Великая Россия!
(продолжение)

...Кроме того, ввиду предстоящих серьёзных затрат казны, планируется монополизировать некоторые виды деятельности. Вот-вот будет издан закон о передачи в ведение государства таких страховых операций, как страхование жизни, здоровья, недвижимого имущества. Кроме того, появится возможность застраховать риск гражданской ответственности и гибели урожая. Последняя операция направлена на улучшение положения земледельцев и хлеботорговцев. Вкупе со строительством элеваторов на Юге и на Балтике, в Нечернозёмной России, это позволит значительно облегчить жизнь людей, связавших жизнь свою с земледелием.

Также будет решена проблема перевозки зерна. Не секрет, что во многих хлебных районах значительная доля перевозок осуществляется по дорогам. К сожалению, большинство из них грунтовые, размываемые осенью и весной, а летом превращающиеся в сплошные кочки. Уже разработан план строительства шоссейных дорог магистрального

типа, которые свяжут, в первое время, наиболее важные в стратегическом и хозяйственном плане районы. Для осуществления этого мероприятия потребуется участие частной инициативы. Без сомнения, предприниматели внесут свою долю в излечение давнишней болезни России — бездорожья. Это даст возможность со всей возможной скоростью подвозить грузы и пассажиров к железнодорожным станциям и портам.

Не могу не затронуть и весьма важного для любителей отдыха и нуждающихся в лечении на курортах людей. Не секрет, что прежде популярные в стране немецкие и австрийские воды в ближайшие годы потеряют свой былой блеск. В этих государствах будет не до организации и поддержания порядка в лечебницах, огромная инфляция сделает непривлекательными эти места. Однако уже сейчас мы можем похвастаться более дешёвым и благополучным местом отдыха — побережьем Чёрного моря. Грязевые и минеральные источники Кавказа имеют удивительные лечебные свойства, ни чуть не уступающие немецким.

Эти места уже обеспечены современными водопроводами, осталось только возвести санатории и лечебницы. Казна планирует создать целую сеть домов отдыха, которые будут по карманы даже среднему по достатку человеку. Правительство работает над тем, чтобы система социального обеспечения позволила даже беднякам получить возможность побывать в этих благословенных местах. Героям войны и особо отличившимся "бойцам" тыла, трудившимся ради приближения победы, будет за счёт казны оплачен отдых в санаториях Крыма и Кавказа. Они заслужили своими ежедневными трудами на благо Родины того, чтобы государство в меру своих возможностей, значительно подорванных Великой войной, сделало это.

Что ещё можно сделать для облегчения и без того нелёгкой доли огромного числа подданных России? Мною представлен проект налоговых реформ. В основном изменения коснутся недавно введённого подоходного налога. Вот-вот будут готовы списки льгот для участвовавших в войне, трудившихся на заводах людей: они будут или освобождены вовсе от уплаты подоходных налогов, или им предоставят серьёзные послабления. Кроме того, налог этот будет взиматься не как прежде: с тех, кто имеет годовой доход не менее восьмисот пятидесяти рублей — а с тех, у кого он превышает полторы тысячи. Это сделано для того, чтобы облегчить бремя, лёгшее во время войны на плечи многих подданных империи.

В дополнение к этому будут предусмотрены налоговые послабления для тех, кто примет участие в финансировании государственных проектов. Вложившие силы и средства в восстановление России должны быть вознаграждены, в этом не может быть никакого сомнения. Планируется, что промышленники и купцы будут освобождены от налогов на сумму, равную их вложениям в особо важные проекты, а также создание таких предприятий, как химические заводы, нефтеперерабатывающие, станкостроительные и вагоностроительные. Полный список льгот будет подготовлен в ближайшее время…

"Утро России"
(специальный выпуск)
(продолжение)

...Далее. Регент выступил с заявлением о том, что казной будут монополизированы некоторые операции и коммерческие предприятия. На каком основании? Какие? Что ждёт прежних хозяев их? Неужели отберут, как того предлагают левые? А может, просто выкинут на улицу? Как это понимать? Неужели коммерсанты России, так много сделавшие для победы, поднявшие военную промышленность, окажутся забыты?

Почему ничего не сказано о мнении самих министров? Господа Коновалов, Гучков, Терещенко сами — выходцы из нашего круга, друзья и соратники — согласны с реформами? Отчего они не отстаивают наши интересы.

Затем. Регент затронул вопрос ослабления налогового бремени. Это интересная идея, которая, судя по его же словам, не будет реализована должным образом. Что это за послабление для людей, имеющих доход свыше полутора тысяч рублей? Разве они вынесли бремя войны? Сотни предприятий пострадали от немецкого нашествия, им требуется восстановление, им требуется помощь. Но нет — их хозяевам ничего такого не предоставляется. Выходит, что тяжесть возрождения экономики придётся вынести на наших плечах, господа. Однако если так, то наши громадные усилия должны быть вознаграждены: мы должны взять исполнительную и законодательную власть в свои руки. Так и только так мы сможем обеспечить России поступательное движение к возрождению и к всемерному усилению. Только мы, промышленники, купцы, предприниматели, способны подарить державе то светлое будущее, которого она достойна.

Взывайте к созыву Государственной Думы! Отстаивайте свои интересы! Объединимся в борьбе за свои права!..

Глава 6

"Причина бедствия кроется в захвате безответственными партийными организациями прав государственной власти и в создании ими двоевластия в центре и безвластия на местах"
Из резолюции Исполнительного комитета Государственной Думы

Заседание "детективного кружка" продолжалось.

— Дмитрий Петрович, Вы уже застали, насколько знаю, многие деяния Гучкова в дни войны. Нам же сейчас предстоит выяснить, как он был связан с другими лидерами оппозиции, каким образом они добились отречения Николая? — тихо сказал Спиридович. — Итак, в общих чертах, господа. пожалуйста, в общих чертах. День подходит к концу, а меж тем работы нам всё прибавляется…

— В общих чертах так в общих чертах, — пожал плечами Манасевич. — Итак.

Ивушка передразнил Спиридовича, однако тот сделал вид, что не замечает "шалости" бывшего разведчика.

— Сперва был, естественно, общий порыв взрыв патриотизма! В Думе, помню, выступали депутации от различных народов России, вплоть до немцев, обещавших драться до победного конца. Ведь тогда думали, что этот конец наступит самое большее — месяца через четыре. Да-с. Плоховато было с математикой. Однако были и те, кто выступил против этой войны. Например, Витте везде и всюду говорил, что конфликт с Германией обернётся для нас трагедией. Кое-кто из монархистов сошёлся с ним в этом мнении. Гучков меж тем занимается излюбленным делом — работает в качестве представителя Красного креста, организует санитарные поезда. В этом он един с земствами и городами. Те, соединившись в Земгор, желают помочь царю и правительству в санитарном деле. Однако с самого начала деятельности у них происходит заминочка.

— Во время выборов председателя Земского союза второй кандидат, граф Уваров, ушёл на фронт. Князя Львова выбрали на безальтернативной основе. Число союзов выросло полтора года в четыре раза. Уже через несколько дней после своего избрания Георгий Евгеньевич попросил вспомоществования в размере не менее десяти миллионов рублей. Деньги были выделены сразу же: государь надеялся, что средства помогут обеспечить

надлежащую медицинскую помощь раненым и больным. Министр внутренних дел настаивал только на государственном контроле за расходованием средства, но Львов категорически отказался, подняв шумиху: права земств умаляют, народных представителей оскорбляют! К ноябрю четырнадцатого земцы получили сорок миллионов, столько же, сколько за семь предыдущих лет. При этом Львов убеждал всех и каждого, что это даже хорошо, что столь много средств выделяется земцам: бюрократы-де не могут рационально расходовать средства. Однако…

Манасевич достал свёрнутый вдвое листок, кажется, вырванный из тетради.

— Вот слова одного служащего Земгора. Он говорит, что в первую очередь на казённые рубли раздули без меры штаты служащих, снизили цены, едва ли не сделав вовсе даровыми, на обеды в земгоровских столовых. Естественно, туда допускались в основном только сами земгоровцы. На казённые деньги они кушали и критиковали власть, сами будучи такими же косными чиновниками…Но это полбеды: в процентном соотношении на военные нужды средства так и не были увеличены, то есть деньги попусту тратились на обычные вопросы, не на то, на что их выделяла казна. Николай Николаевич заодно испросил у государя неограниченный кредит для Земгора: с той поры он практически полностью субсидировался государством. Тем государством, которое деятели земств и городов критиковали нещадно. Царь кое-как мирился с этим, лишь бы только не довести до смуты в государстве. К сожалению, получилось не так…А вот слова Владимира Гурко, их мне передали хорошие знакомые.

Ивушка достал ещё один листок.

— "Не было в российской истории института, тратившего средства таким диким образом, как это было в Земгоре. Им грозит каторга, если они не воплотят в жизнь своего намерения провести переворот"…Вот так-то вот.

Манасевич на мгновение замолчал, но потом, вскинув голову, сделав деланно серьёзный вид, воскликнул:

— Что это — глупость или измена?

Даже интонации очень и очень походили на возгласы Милюкова, уж это все сидевшие в кабинете смогли оценить.

— Маклаков выступил против засилья земгоровцев — и на него напала либеральная печать, обвиняя во всём, кроме, кажется, тайного исповедания иудаизма. Хотя были и так намёки…При этом заказы срывались. Всего заказов было выполнено процентов на сорок от общего числа. Остальное — до сих пор не выполнили. Всё сорвали, даже поставки портянок. Но об этом старались помалкивать. Ни одна газета не пустила в печать данные Совета министров об этих вопиющих фактах. Львов мог торжествовать…

Манасевич посмотрел на Спиридовича: мол, Ваш черёд, господин хороший.

— Одновременно создаётся другое учреждение — военно-промышленные комитеты. Идея об их создании была озвучена Рябушинским в мае пятнадцатого года. В августе появляется и Центральный военно-промышленный комитет.

— Это событие совершенно случайно, — наверное, больше сарказма в эти слова не смог бы вложить никто больше, — собирается съезд оппозиционных партий.

Манасевич из закромов вытащил целую папку разномастных документов. Любовно поглаживая каждый листок, он выкладывал их один за другим.

— Опять же, господин Рябушинский призвал к захвату власти промышленниками. Исполнительной и законодательной власти, прошу Вас заметить.

— Да, эту информацию так и не сообщили те, кто должен был это сделать, — печально прокомментировал высказывание Манасевича Спиридович. — Итак. Создаётся Центральный военно-промышленный комитет. Во главе его встаёт Гучков. В Ставке, под нажимом Николая Николаевича, проходит регистрация Устава организации, правда, в несколько урезанной редакции. Но факт остаётся фактом: главное право- один процент суммы каждого заказа, сделанного с помощью комитетов — за детищем московских дельцов остаётся. Тут же по стране распространяется целая сеть военно-промышленных комитетов. Даже в

Дагестане, где никакой военной промышленности не было, — и там возникает! В Кургане Тобольской губернии возникает! Цель их, как теперь понятно, — объединение оппозиционеров. С этой целью комитеты справились блестяще — большего они не потянули.

— И это доказывается цифрами, которые, понятно, либеральные газеты печатать оказались. Итак…Производству шрапнели участия частников не требовалось, ещё Сухомлинов его сумел наладить. Снаряды, кроме как для тяжёлых орудий, в принципе, тоже производились в необходимом количестве. Правда, наращивание производства всё-таки требовалось. Обратились к комитетам. Те взяли огромные авансы…И выполнили заказы с опозданием на шесть-восемь месяцев, и то — в неполном объёме. При этом на двадцать процентов дороже брали, чем за казённые. Ещё хуже — с винтовками. Частная инициатива не справлялась не то что с их производством — даже детали делать не могла. Тяжёлые снаряды, опять же, отказывались частники делать, а комитеты — заказывать. Тогдашний министр Поливанов, друг Гучкова, ничего не изменил. Он же медлил с созданием заводов по производству тяжёлых снарядов. Винтовки…При нём в спешном порядке — хватился наконец-то! — заказали за границей у нечестных на руку дельцов, за золото. Пушки…Из заказа на трёхдюймовые пушки в количестве восьми тысяч орудия за полгода было сдано только восемьдесят восемь штук, то есть всего один процентов. А цены были подняты по сравнению с казёнными вдвое…Тогда же началось Нарочское наступление, которое он не смог в должной мере снабдить — и его сместили с поста. При этом либералы провожали его овациями, комплиментами его якобы "великолепной деятельности на посту военного министра". Ещё бы, друг Гучкова — как его не поддержать? Создание государственных предприятий ругалось и критиковалось. Его кликали промышленники "неэффективным", в печати раздувая надуманную неспособность государства справиться с военным производством. Меж тем частники срывали поставки, из-за чего гибли тысячи, сотни тысяч людей. Между тем даже Путиловский завод, самый мощный из частных, не работал в полную мощь — начал это только при назначении в руководство именно государственных представителей. Справились комитеты только с одним делом: ящичным. И то, лишь на восемьдесят процентов…В Сибири создали заводик по производству патронных и снарядных ящиков, на которых ставили клейма "Патронов не жалеть! Военно-промышленный комитет". И на фронте, разгружая эти ящики, думали, что и все снаряды сделаны комитетчиками, хотя это была ложь. Зато деньги гребли! На первое ноября на балансе Гучковского детища было тринадцать миллионов рублей. Эти средства распределялись только самим комитетом. К сожалению, в наших руках нету точных цифр, что куда пошло из выделенных казною денег: ведь и сюда государственных контролёров не пускали…Министр Шаховский тогда же сказал, что деятельность всех этих частных заводов неудовлетворительна, что они не смогут наладить производство. Однако мер не было принято, или, может, они готовились? Неизвестно…

— Наконец, при Шуваеве появились положительные подвижки, — вступил в разговор Курлов. — Удалось построить заводы для производства пироксилина и других химических веществ, нужных для изготовления взрывчатки. Ипатьев, назначенный главой комиссии по заготовке взрывчатых веществ, создал на Юге целую сеть коксобензольных заводов. Отечественные промышленники не пожелали оказать помощь, пришлось прибегнуть к сотрудничеству с бельгийцами. И за считанные месяцы в Каменноугольном бассейне появились замечательные заводы. Маниковский предложил Штюрмеру программу по созданию тридцати заводов, введение в строй которых решило бы все проблемы со снабжением армии. Программа была утверждена, несмотря на критику со стороны либералов. К сожалению, его идея по созданию завода ручных пулемётов была раскритикована Гучковым, и нам пришлось закупать их за границей втридорога…

— При Шуваеве даже взятка практически исчезла, — с оттенками меланхолии в голосе сказал Манасевич.

Если честно, сам Ивушка хотел нажиться на военных заказах, но ничего поделать не

удалось…Взятка не помогла…

— А потом Милюков сделал так, чтобы Шуваева, прежде ругаемого либералами, называемого ими не иначе как дураком, глупцом и так далее, сняли с поста военного министра, — сказал Спиридович. — Помните ту критику, который Милюков обрушил на его ведомство?

— Да, даже у нас об этом говорили, — задумчиво произнёс Бобрев. — С трибуны Думы сыпались обвинения и критика, критика, критика, критика…

— А Шуваев согласился, что не всё идёт гладко, как хотелось бы. Случилось так, что Милюков пожал руку военному министру, это раздули, и Николая убедили снять Шуваева с поста. Тем более Беляеву, его преемнику, симпатизировала Александра Фёдоровна, считая его надёжной опорой монархии. Не лучшая опора, прямо скажем, — развёл руками Спиридович.

— И всё-таки военно-промышленные комитеты начали терять заказы: военное министерство теперь в основном делала заказы напрямую. Вот-вот должна была начаться ревизия этого монстра, созданного оппозицией. На первое декабря шестнадцатого года комитеты раздали заказов на производство пятидесяти тысяч деревянных ящиков — и на …ровно ноль снарядов. До первого июня того же года сделали заказ на семьсот сорок тысяч пудов сортового железа, сдали только один процент от этого, семь тысяч пудов. Сделали заказ на двадцать тысяч фугасов, первые должны были быть сданы в марте. На первое апреля не сдано ни одного. Только в октябре шестнадцатого поставки, с нарушением всех технических норм, кое-как наладились. Всего заказов раздали на четыреста миллионов рублей, выполнено было менее половины. Шанс взять власть становился всё более призрачным. На весну планировалось общее наступление, в самом деле подарившее нам победу, — хитро улыбнулся Манасевич-Мануйлов. — Между тем Гучков кричал о том, что государство неспособно справиться с бременем, на него возложенным, что требуется "ответственное министерство", что только промышленники, только общественность способны привести страну к победе. Это были те промышленники, которые за полгода не поставили ни одного заказа, зато успели растратить авансы…

Воцарилась короткая пауза.

— А Милюков произносит свою речь о том, что правительство виновно в измене, не приведя ни единого доказательства тому. Даже нет, не так: он опирался на информацию в иностранных газетах. А информацию эту закачивали туда сами кадеты, в том числе и господин Милюков, — продолжил Манасевич. — Вот здесь отрывки бесед Павла Николаевича с иностранными представителями. Он твердит о том, что власть не знает, куда идёт…

— И то же самое говорит Львов, — Бобрев протянул листок, текст на котором был напечатан на английском. — Он встретился с представителями англичан, и начал ругать министра внутренних дел в неспособности управлять страной, в некомпетентности. А когда англичанин предложил походатайствовать, чтобы сам Львов занял пост министра. Ведь, по идее, если критикует, знает, может сделать лучше…Во всяком случае, думает так. Но случилось неожиданное: Георгий Евгеньевич буквально отступил назад. Он отказался от этого, но критиковать продолжил. И обозвал правительство безумным шофёром, которое едет неизвестно куда…

— Между тем именно оппозиция была таким водителем, — встрял Курлов. — При военно-промышленном комитете каждого уровня создавалась группа из десяти рабочих. Сперва трудовые коллективы представляли выборщиков, а те уже избирали членов в эти "группы". На первых выборах петроградские выборщики высказались против какого-либо участия их избирателей в военно-промышленных комитетах и за продолжение нормальной работы. Тогда призвали на помощь большевиков, и в рабочие группы вошли они и лица, близкие к ним по убеждениям и желаниям обратить штыки армии против своего же народа, закончив капиталистическую войну войной гражданской.

— И сам Ульянов-Бланк, он же Владимир Ленин, высказался примерно в то время, что

он не русский, а большевик, и что ему всё равно: умрёт ли девять десятых русских людей — лишь бы десятая часть вошла в общество мировой победившей революции. Да-с. У меня тут есть очень и очень интересные материалы по этой группе, но отложку-ка их на потом.

Манасевич-Мануйлов упивался своей осведомлённостью.

— Да. Именно так: в организацию, призванную способствовать победе России в войне, вошли сторонники её поражения. Тогда же началась агитация среди рабочих всех военных заводов: нужно кончать с правительством. Министров-капиталистов в расход, а во главе страны поставить Советы…На счастье, в рабочей группе Центрального комитета был агент охранного отделения.

Спиридович достал фотокарточку ничем не примечательного человека.

— Он сообщал о решениях, принимаемых в рабочей группе. Целью официальной было примирение рабочих с предпринимателями, но лишь десятую или восьмую часть споров, в которых принимали участие наши "товарищи", удалось разрешить. С этой задачей рабочие группы не справились. Тогда решили всё внимание обратить на агитацию против правительства. Коновалов и Рябушинский постоянно говорили о единстве предпринимателей и рабочих, овациями встречали любое хулительное слово в адрес власти, и при малейшей попытке прекратить это грозили "общественным недовольством". Наконец, полиция взялась за это дело.

— Примерно тогда же, когда Путилова уличили в мошенничестве и устроили надзор полиции за ним, — подхватил Бобрев. — Общество путиловских заводов взяло у казны и Государственного банка авансом пятьдесят один миллион рублей, при этом задолжав Русско-Азиатскому банку, членом правления которого был всё тот же Путилов, кругленькую сумму. Да ещё грабительские проценты, целых шестнадцать, взимались по кредиту…При этом невыполненных заказов было на сто восемьдесят миллионов рублей. Ввели военную администрацию, но офицерам пришлось заниматься не только организацией производства — деньгами тоже. В кассе правления был один рубль пятнадцать копеек, а на счету — сто тридцать пять рублей, Пришлось брать у казны кредит на десять миллионов рублей…Путилову грозил арест. Примерно в то же время открылся Съезд металлообрабатывающей промышленности, председателем которого единогласно избрали Протопопова. Сами знаете, как потом его травили, когда он оказался на посту министра внутренних дел. Съезд выступил против огосударствления путиловского завода. А там уже шла забастовка, которую затеяла рабочая группа.

— И тут снова выступает на сцене театра политики господин Гучков, — едко заметил Спиридович. — "Видя бессилие власти", он предлагает освободить от работы три крупнейших завода по производству снарядов и наладить там производство пушек. Естественно, чем же будет стрелять русская артиллерия, Гучков и не задумывался: ему главное было раскритиковать правительство. Естественно, бредовую идею отклонили. И тогда Александр Иванович решил броситься в бой.

— И третьего января прошлого года в ответ на требования прекратить заседания рабочей группы, которые идут в нарушение закона о контроле за деятельностью общественных организаций, хамски ответил, что никогда не любил этот закон и, соответственно, следовать ему не будет.

Бобрев читал это дословно с листка. Под рукописным текстом была видна подпись Хабалова, тогда командовавшего войсками Петроградского гарнизона.

— Э….Таки нет…

Манасевич "таки" не удержался.

— Сперва был ноябрь шестнадцатого. Несколько октябристов. В их числе Гучков, собрались на совещание: они решили совершить переворот. Господин Манасевич был прав, встряв в Ваш рассказ, — холодно заметил Спиридович. — Вот теперь продолжайте, прошу Вас.

— Да, конечно, — контрразведчик оторвался от листка. — Агентура сообщала, что рабочая группа призвала к забастовке в день открытия Думы, четырнадцатого февраля.

Планировалось пойти к Таврическому и потребовать создания "министерства общественного доверия".

— Но демонстрацию предотвратили. Не получилось у них…

Курлов, бывший тогда в Петрограде, довольно улыбнулся.

— Именно. Тогда решили: больше ждать нельзя. Рычаги давления на власть у них отнимали один за другим, вот-вот многие участники заговора могли оказаться за решёткой. Керенский был под надзором полиции, Гучков оказался замешан в дело о шпионаже в пользу Германии, Львова вовсе могли посадить за растрату казённых средств, не говоря уже о прямых призывах Рябушинского и Коновалова к свержению императора. Им оставался только вооружённый переворот, иначе больше не представится шанса взять бразды правления в свои руки. Саботировали поставки муки в пекарни и, соответственно, далее — хлеба в магазины. К сожалению, полиция не смогла поймать всех членов рабочей группы и агитаторов. Они подняли новую забастовку. Под девизом "всеобщего женского дня", никогда ранее у нас не праздновавшегося, они вывели женщин-рабочих на улицы…

— И понеслось… — развёл руками Манасевич.

Воцарилось молчание.

— Господа, стоит ли нам продолжать нашу работу? Не проще ли завтра, а может, нынче же вечером — направиться к регенту? Мы доложим ему, он примет меры…

— Нам нужно ещё кое-что, молодой человек, — Курлов уставился на свои пальцы, сложенные лодочкой. — Вы знаете, когда-то я служил прокурором…Так вот. Нужны доказательства. Нужны цифры. Нужна бухгалтерия Центрального военно-промышленного комитета, Киевского и Московского. Причём, по большому счёту, она должна быть у нас на руках в тот момент, когда мы начнём облаву…

— Облаву? — переспросил, напрягшись, Манасевич.

— Облаву, — ответил за Курлова Спиридович. — Вы узнаете об этом позже. И забудьте об этом до того, как мы попросим Вас вспомнить об этом слове…

Александр Иванович выразился как-то путано, нагнал тумана только…Боялся, что проговорится? Этот струнно-исполнительный человек — и проговорится? Что же тут?

"Они хотят арестовать кого-то? Членов комитетов? Да, сложенные вместе, наши факты…Нет! Неужели! Хотят арестовать самих!"

— Судя по лицу господину Бобрева, он уже обо всём догадался. Замечательно. Итак. Нам нужна бухгалтерия. Просто так явиться и конфисковать её мы не можем, иначе потеряем столь необходимую сейчас внезапность. Надо как-то раздобыть её… — Курлов ушёл в раздумья.

— И так можно. Вот список всех лиц, так или иначе связанных с нужной нам документацией, — Спиридович выудил маленький, с ладонь шириной, лист бумаги. — Вот здесь все они. Дмитрий Петрович, боюсь, это дело предстоит сделать Вам. У Вас есть необходимый опыт…Берётесь?

— Берусь! Жизнь положу!

Контрразведчик вскочил, каблуки его клацнули так, что, кажется, стёкла вот-вот должны были вылететь. Взор был направлен в заоблачную даль…Бобрев готовился.

— Не спешите, Дмитрий Петрович. Вам предстоит ещё одно приятнейшее дельце, — Манасевич выудил на свет Божий бутыль. — Ну а сейчас-то хоть…А?

— Можно, — Спиридович довольно погладил усы. — Можно…

Бобрев вышел из бывшего штаба жандармов, а ныне Петроградского отдела службы имперской безопасности, под утро. Голова его, несмотря на обильно влитое в неё вино, была ясна как никогда. Всё сложилось в цельную картинку. Несколько людей, желавших добиться власти — каждый по своим мотивам — оказались объединены судьбой. Вместе они создали несколько организаций, пропагандировавших идею о слабом, отвратительном. Не способном ни на что правительстве, а себя выказывали спасителями России. Затем они расставили нужных людей на ключевых местах, выдавили деятельных своих противников, облив грязью, сдавили горло императору, лишили его поддержки…А потом- бац — и переворот! Хорошо

ещё, что он не помешал победе в войне. Бобрев, конечно, не был компетентен в административных вопросах, но знал: большинство начинаний "министров общественного доверия" либо отменялось, либо оттягивалось, либо саботировалось Великим князем. Может, поэтому любители критики, неспособные — как это показала работа военно-промышленных комитетов — к созидательной работе, не развалили окончательно Россию. Теперь же предстояла борьба против них, против самих министров! Вот чего хотел Кирилл — сбора достаточного числа доказательств для того, чтоб получить возможность устранить всех враждебных строю людей. Он собрал их под своим надзором, отстранил от работы в общественных организациях, лишил свободного времени. Партия кадетов из-за постоянного отсутствия Милюкова уже начинала потихоньку распадаться, её рвали извечные противоречия на части. Только Павел Николаевич кое-как мог их разрешать, но без него…Да…Без него кадеты были слишком уж различны в своих взглядах. Учёные, составившие костяк этой партии, вообще не были склонны к тому, чтобы принимать чужое мнение без того, чтобы раскритиковать его всласть.

Но да ладно. У Бобрева и без того дел хватало. Итак, что ему предстояло? Необходимо добыть документы. Но как? Использовать кого-либо из указанных в списке лиц. А может, привлечь на сторону "незаметных людей" — уборщиков, секретарей, курьеров. Обычная практика в разведывательной деятельности. Можно перетянуть на свою сторону…Кого?

Бобрев прокрутил в памяти список ещё раз. Секретарь Гучкова, назначенный на эту должность неделю назад, Требовльский Яков Александрович. Либерал. Характер спокойный, нетребовательный. Очень работоспособен. Исполнителен. Нет, такого придётся обрабатывать целую вечность, а времени ни на что не хватает.

Дальше…Кто там у нас? Заместитель Гучкова, также назначенный совсем недавно, Винавер. Он из кадетов, введён на пост исполняющего обязанности председателя Центрального военно-промышленного комитета по просьбе Милюкова. Характер склочный. Депутат первой Государственной Думы. Нещадно критиковавший правительство. Автор очень острых, односторонних мемуаров о деятельности разогнанной Думы. Склонен прислушиваться в политике только к радикальным либералам. Юрист. Нет, этот идейный

Кто ещё? Кого-нибудь надо…податливого, что ли? Чтобы не из октябристов и не из промышленников…Но там таких…Есть такая! Секретарь Винавера, Канторович Анна Павловна. Натура романтичная, трудолюбивая, исполнительная. Знает французский, немецкий, английский. Любит синематограф и театр. Зачитывается философскими работами навроде тех, что напечатаны в сборнике "Вехи". Увлекается немецким романтизмом. Любимое заведение, как ни странно, довольно-таки "плебейское" — "Привал комедиантов". Что такого нашла такая возвышенная натура там? Вспомнить, вспомнить…Там о ней что-то ещё написано…Точно! Несчастна в любви. Постоянно заводит романы, короткие. Ни один кавалер не остаётся подле неё дольше чем на три с половиной месяца. Интересно, откуда такая информация? Агенты, что ли, сами пробовали ухаживать за нею? Или кто-то набрал целую корзин сплетен?

Такой человек обязательно ищет нечто романтичное, мечтает о красивой любви, о чём-то вроде чистого и светлого чувства, как у Джульетты, но при этом в выборе Ромео неразборчива. Возможно, падкая на мужское внимание, плохо разбирается в людях, и отсюда такие короткие по времени отношения с кавалерами. Заинтересовать такую, при желании, будет не так сложно. Тем более долг велит сделать это.

— Ну что ж, Бобрев, надеюсь, ты ещё не забыл, какие комплименты предпочитают прекрасные дамы, — пробубнил себе под нос контрразведчик. — Эх, всё-таки, тяжела и неказиста жизнь российского службиста…Ухаживаешь за нелюбимыми дамами, пьёшь вино, а на утро идёшь арестовывать министров и миллионеров…Мемуары, что ли, взяться писать? А то ведь не доживу с этаким ритмом жизни…

Наверное, Бобрев всё-таки захмелел. Ну самую малость!

Дмитрий кое-как добрался по вечернему Петрограду до своей маленькой, уютной квартиры и плюхнулся, не раздеваясь, на диван. Он проспит шесть часов, а потом проснётся,

чтобы начать бой за секреты военно-промышленного комитета и лично Гучкова…

"Привал комедиантов" располагался в довольно-таки приятном районе с довольно-таки неприятной репутацией. Говаривали, что именно здесь перед революцией пятого года собирались всяческие и всевозможные "тёмные люди" вроде Троцкого, Ленина и Гельфанда. Правда, никто из распространителей подобных слухов не задавался вопросом: а как же те могли собраться, если были вдали от столицы, а Ленин — так и от России? Однако логика никогда не могла бороться с россказнями, а потому миф о том, что в заведении за одним столиком сидели Колчак (тоже навещавший "Привал"), Ленин и Керенский (он-то как здесь оказался, было совершенно непонятно), жил и другим того же желал.

На сцене романсы пела какая-то местная (то есть в масштабе кафешантана) знаменитость. Облачённая в наряд, средний между цыганскими юбками и французскими платьями, она заунывно тянула под аккомпанемент гитариста. Тот, конечно же, был одет соответствующе. В общем, идиллия для любителя приобщиться к "енеральской да купчинской жизни", как её представляли невзыскательные люди.

За столиком, стоявшим подальше от сцены, грустила весьма привлекательная особа. Несмотря на то, что платье было у неё недорогим и неброским, что-то заставляло мужчин останавливать на ней свой взгляд. Может, всё дело в открытом лице, в широких как озёра глазах? Или в ауре надежды и ожидания, прямо-таки заполнивших всё вокруг этой девушки? Целый водопад тёмно-русых волос опускался на её миниатюрные плечи, наполовину скрывая её по-девичьи округлое лицо.

— Мадмуазель, это Вам, — словно из-под земли появился официант, держа в руках необъятный букет подснежников. — Просили передать, что эти цветы не могут сравниться по нежности и очарованию с Вами.

— Как мило, — улыбнулась дама.

Лицо её преображалось, когда она улыбалась: становились заметны веснушки, которыми были прямо-таки усеяны её щёки и нос, в глазах плясали огненные бесенята, а счастьем наполнялось всё вокруг. Даже официант, который, казалось, видывал самых прекрасных девушек Петрограда, зарделся и улыбнулся в ответ. Но не по-дежурному, а от всего сердца.

Красавица носиком зарылась в пахнущие весной, ярким солнцем и беззаботными ручьями цветы, и так, не отнимая букет, спросила официанта.

— А кто Вам просил передать это счастье? — вокруг глаз залегли морщинки радости.

— Вон тот господин, — радостно ответил "человек".

Невдалеке, смотря во все глаза на очаровательную любительницу цветов, сидел гвардейский офицер (кажется, поручик). Поза его говорила о величайшем интересе к даме и, одновременно, о чувстве собственного достоинства. Его рыжие волосы сверкали огнём в неверном свете электрических светильников. А перевязанная левая рука! Даме сразу же захотелось позаботиться об этом гордом бедняге, наверняка получившем ранение в дни последних — и самых страшных — боёв на Западном фронте или в Карпатах. Да ведь и всё дело, которому она отдавала всю себя — работа в военно-промышленном комитете — было направлено на помощь армии и сохранение жизни таким вот молодцам. Этот человек, тем более, угадал, какие цветы она предпочитает, и хотя бы из-за этого он достоин улыбки. А может, и благосклонности. Очень милый офицер, наверняка романтичный, повидавший виды на войне, привыкающий к мирной жизни. Должно быть, он невероятно интересен!

— Передайте господину мою признательность, — дама скрыла свою улыбку за букетом. — Он не представился?

— Просил передать, что его зовут Дмитрий, — официант не удержался и подмигнул.

Девушка, однако, простила — или попросту не обратила внимания — на эту фамильярность.

— Имя настоящего победителя, — довольно прошептала она. — Ну что же Вы! Идите! Идите! Передайте…ещё вот это…

Батистовый платочек, миниатюрный, надушенный, оказался в руках официанта.

— О, всенепременно, — "человек" поклонился и направился к столику гвардейца.

Красавица сделала вид, что наслаждается букетом, а меж тем следила за реакцией раненого офицера. Улыбка расцвела на его лице, когда он получил знак признательности. Раненый герой (только сейчас она сумела разглядеть Георгия на его мундире) втянул аромат духов и кивнул в знак благодарности прекрасной незнакомке.

Та, в свою очередь, не спускала глаз с молодого человека, изучая его. Мужественные скулы, доброе лицо, смешной нос, жесты уверенного в себе человека. Гвардеец. Герой войны. Романтичный. Таким должен быть настоящий мужчина! Да, надо бы к нему присмотреться внимательней.

"Но сперва пусть справиться с испытанием" — довольная своей идеей, Анна Канторович поднялась из-за столика и направилась к выходу.

Офицер, однако, не последовал за нею. Девушка даже оказалась раздосадована. Разве так осаждают крепости? Может, гвардеец просто не ожидал, что она уйдёт из "Привала"? Что ж, если он несообразителен и глуп — то и не стоит её внимания. Надо было возвращаться с перерыва на службу, как раз привезли новые бумаги, требовалось их просмотреть и набросать доклад господину Винаверу.

— Извозчик! — Анна взмахнула левой рукой (в правой был зажат букет). — Извозчик!

Напротив как раз похрапывал свободный лихач. Он проснулся, послышав заветный возглас, замахал головой и, наконец, завидев Канторович, ответил.

— Чего изволите, барышня?

— На Литейный, к зданию Центрального военно-промышленного комитета!

— Доскачем, цоканья коня не услышите! — извозчик помог Анне забраться в коляску.

А там…

Там тоже был букет — но уже роз. Кто-то, наверное, забыл.

— Забыли тут у Вас, цветы, милейший.

Канторович снова вдохнула аромат подснежников. Нет, она совершенно не понимала, как можно оставить цветы…Это сущее варварство!

— Не забыли, барышня! — рассмеялся извозчик. — Меня Их Благородье просили передать Вам…Ну то есть я только счас понял, что эт Вы. Даме он просил передать, которая тоже с цветками выйдет. Ну вот это Вы…

— Офицер? Гвардии? Георгиевский кавалер? И рука левая на перевязи?

Всё это казалось сказкой. Тот рыжий молодец, оказывается, умнее, чем она подумала. Что за встреча! Но неужели он увидел её раньше, чем она зашла в этот раз в "Привал"? Может, он уже видел её здесь: Анна ведь частая посетительница кафешантана. Значит, у неё появился новый поклонник! Да, таких у неё прежде не было…

— Надеюсь, я сумел Вам угодить, — внезапно раздавшийся голос, приятный, твёрдый, полный уверенности в себе, раздался совсем близко.

Канторович, ушедшая было в размышления, взмахнула головой, стряхивая тягостные думы — и увидела рядом с коляской того самого офицера.

Он улыбался, открыто, но нешироко. Так, будто справился с порученным командованием заданием, и ждал похвалы (а может, и повышения в звании).

— Да, признаться, эти цветы оказались полной для меня неожиданностью, — наконец нашлась, что ответить, Анна.

— Ваше благородье! Передал в лучшем виде! — довольно воскликнул лихач. — Барышня, прикажете ехать на Литейный? Или куда ещё…

Канторович не видела глаз извозчика, иначе бы заподозрила неладное.

— Вы не против, если я составлю Вам компанию? Мне как раз хочется посмотреть на город. Я так давно в нём не был…Война…Всё война…

— Что ж, не откажусь от Вашей компании. Хотя бы из-за роз, — рассмеялась Анна. — Но как Вас зовут?

— Дмитрий Бобрев, лейб-гвардии Финляндского полка поручик, к Вашим услугам!

Офицер цокнул каблуками, взял под козырёк — а через мгновение уже оказался в

коляске рядом с Канторович.

— Лихач, трогай! Двугривенник сверху за бережную езду! — лихо скомандовал гвардеец.

Анна так улыбалась…

"Она прекрасна, — словил себя на мысли расточитель. — Она прекрасна"

Он смотрел, как она вдыхает аромат цветов. Краешек её губ играл натянутой струной, широко раскрытые глаза любовались то розами, то подснежниками. А рука…Её тонкая лева рука постоянно теребила волосы: сперва пальцы касались краешка бровей, затем ноготки танцевали на локонах, останавливались у виска — и всё начиналось снова.

— Благодарю Вас за столь прекрасные цветы, — наконец Канторович повернула голову.

Прядка упала на её глаза. Девушка, смеясь, поправила непослушные волосы.

— Пустое. Они вряд ли сравнятся с их хозяйкой.

Офицер ничуть не кривил душой: с каждым мгновением он всё лучше понимал, что желал бы осыпать комплиментами Канторович. Самые прекрасные слова в мире — и те должны были поблекнуть по сравнению с тенью этой девушки. Неужели он влюбился, как шестнадцатилетний юнкер? А что, почему бы и нет? Только…это помешает службе…Очень сильно помешает…

— Я, признаться, обратил на Вас внимание ещё несколько дней назад. Вы тогда беседовали…на повышенных тонах с неким господином в мундире министерства внутренних дел. И мне подумалось, что Вам требуется хоть какое-то отдохновение…Я, наверное, говорю несколько путано?

Он, контрразведчик со стажем, не боявшийся лично участвовать в арестах вражеских шпионов, стушевался. Что творит красота! Даже выученная загодя речь показалась ему теперь жалким монологом и третьесортной пьески.

Анна закрыла глаза и улыбнулась.

— Нисколько, — она открыла свои глаза-озёра, и взгляды двух людей соединились. — Вы говорите от чистого сердца, мне это нравится. А тот человек…Да…Его надо забыть…

— Какие же у Вас прекрасные глаза… — вырвалось у Бобрева.

И — удивительное дело — Канторович зарделась.

— Благодарю Вас… — она опустила очи долу.

Рука её теребила волосы: Анна нервничала, заметно нервничала.

— Н-н-ноо! Приехали! — наконец воскликнул лихач. — Пожалте, господа хорошие, довезли в лучшем виде!

— Вы были правы, милейший: я не заметила стука копыт, — не поднимая взгляда, сказала Канторович. — Вы…

Она не находила слов: так не хотелось расставаться с этим офицером, таким милым и славным, таким добрым и честным…

— Мы ещё встретимся? — сама того не желая, спросила Канторович, зарывшись в цветы.

— Я Вас буду ждать здесь…Вы ведь, должно быть, где-то здесь служите или живёте?

— Служу…В Центральном военно-промышленном, — легонько кивнула девушка.

Наконец, она подняла взгляд.

— Только…не надо цветов, — она улыбнулась.

В уголке левого глаза показалась слезинка.

— Ещё один букет я унести не смогу.

— Я помогу Вам, — офицер быстро нашёлся и подхватил здоровой рукой букеты. — Я помогу. И донесу их, куда пожелаете. Хоть до германской границы!

— До парадной, если Вы так горите желанием, — Канторович повернулась к нему спиной. — Благодарю ещё раз…

Бобреву показалось, что десяток шагов они проделали в одно мгновение, а контрразведчик хотел, чтобы они растянулись на часы, века, лишь бы только не расставаться

с прекрасной Анной.

— Я буду ждать Вас здесь, когда Вы освободитесь? — контрразведчик словил себя на мысли, что переступает грань приличия. — Простите мне мою назойливость…

Дмитрий надеялся, что сейчас не покраснел как помидор. Хотя…Лицо такое тепло…Наверное, всё-таки зарделся. Контрразведчик, тоже мне! Задание, видите ли! Как какой-нибудь студентик влюбился!

Но — странное дело — не видел Бобрев в этом ничего плохого.

Канторович бережно приняла букеты цветов и повернулась спиной к Дмитрию.

— К шести часам вечера, — и скороговоркой, стараясь не оборачивать, добавила: — Я буду рада увидеть Вас снова, Дмитрий

— Я буду самым счастливым человеком на свете. Как Ваше имя?

По "легенде"-то он не узнал ещё имени "прекрасной незнакомки".

— Анна! — донеслось из-за уже захлопнувшейся двери.

— Анна…

Мелодия этого имени эхом отозвалась в сердце Дмитрия.

Бобрев молча вернулся в коляску лихача.

— Должен признать, Дмитрий Петрович, я сам уже давно поверил, что Вы влюблены в эту даму. Замечательно работаете, побольше бы нам таких людей.

Эти слова принадлежали извозчику. Не коверкая слов, другим голосом — более серьёзным и высоким — говорил "лихач".

"Надо срочно что-то ответить, срочно!"

— Благодарю. Надеюсь, скоро в нашей службе вовсе перестанет нуждаться Россия, — по-деловому ответил Бобрев.

— К сожалению, враги России никогда не переведутся, так что и нашей службе, разве только под другим названием, вечно работать на благо державы. Работки на наш век хватит! — невесело усмехнулся "извозчик".

— Вы правы, — задумчиво произнёс Бобрев. — Пожалуйста, в штаб. Мне надо подумать. И захватить необходимые средства.

— Эх, прокачу! — воскликнул агент, снова вошедший в роль извозчика. — Ваш Благородь, держи фуражку, сдует! И накинь-ка двугривенник сверху!

— Накину! — расхохотался Дмитрий.

Он хотел казаться со стороны счастливым человеком, нашедшим свою любовь, но на душе его скребли кошки и ухали совы. Какое веселье сейчас? Ведь он влюбился в девушку, которую ему предстоит использовать…

Через час Бобрев уже снова сидел в том самом кабинете, где состоялось совещание четырёх "агентов". На этот раз помещение преобразилось.

Тяжёлые бордовые занавески были задёрнуты, и в комнату без труда проникал солнечный свет. Он отражался на портретах всех шефов Отдельного корпуса жандармов от самого его основания. Люди, запечатленные на холсте, были такими разными, но всё-таки одна деталь объединяла их и делала похожими: служение. Все они служили не за страх, а за совесть России. Какие испытания им пришлось преодолеть? Чем пришлось пожертвовать?

— Размышляете? Это хорошо.

Спиридович вошёл в кабинет незаметно, дверь даже не скрипнула.

— Сегодня мне удалось наладить контакт с одним человеком из списка, — рапортовал Бобрев.

— Это хорошо, очень хорошо. С кем именно? — Александр Иванович занял место подле контрразведчика, принявшись рассматривать портреты.

— С Анной, — голос на долю секунды задрожал, но Бобрев справился с собой. — Канторович, секретарём Винавера,

— Это замечательно.

Спиридович повернул голову и заглянул в глаза Дмитрию.

— Дмитрий Петрович, помните: не стоит чрезмерно близко сходиться с агентами. Это

чревато трудностями. Доверять им тоже не следует. К сожалению, я ожёгся на этом, и не однажды, — вздохнул Александр. — Но, признаться…Если у Вас нечто серьёзное в сердце — то Бог Вам в помощь. Я буду рад, если кто-то из нас всё-таки сможет обрести семейное счастье.

Спиридович был несчастен в браке…

Дыхание Бобрева сдавило.

— Вы…

— У Вас всё на лице написано. Я видел фотокарточку Канторович. Признаться, будь лет на двадцать моложе, я бы…Ну да ладно. Предупреждаю Вас: это слишком опасно. Она вряд ли поймёт то, что…

— Я её использую? Возможно. Но я надеюсь, что мне не придётся ей об этом говорить.

— Придётся. Вы же, наверное, назвались лейб-гвардии офицеров? Не так ли? — Спиридович понимающе улыбнулся, оглядывая "маскировочный" наряд Бобрева. — Да и не могли Вы сказать, что служите в контрразведке. Тогда всё дело могло пойти насмарку. Как Вы с нею объяснитесь? Если Вы не просто влюбитесь в неё, а полюбите — Вы же ведь захотите раскрыть себя, рано или поздно. К чему это приведёт? Она подумает, что Вы обманывали её всё это время, причём врали не только об имени и службе, но и о многом другом. Она подумает не Бог весть что.

Александр Иванович подыскивал нужные слова.

— И будет права, во всём права. Служба — дело одинокое. Мы не можем найти понимания даже в самых близких нам людях. Вы даже не знаете, как первая моя жена воспринимала то, что я делаю…

Тень упала на лицо Спиридовича.

— Мой Вам совет. Если сможете — забудьте её, как только дело будет сделано.

— А если не смогу? — Бобрев всем телом подался вперёд.

Собеседник невесело усмехнулся.

— Тогда желаю Вам терпения, счастья и удачи, последнего — в особенности. Вы ещё очень молоды, чтобы разобраться во всём без участия фортуны.

Спиридович повернулся и хотел было уйти, но Бобрев его остановил.

— Александр Иванович, можно спросить Вашего совета? Не в службу, а в дружбу, — контрразведчик замялся.

Бывший начальник личной охраны царя повернулся. На лице его играла шальная улыбка.

— Вы хотите узнать, как расположить её к себе? Как добиться её благосклонности, — и, прочтя по лицу Бобрева утвердительный ответ, продолжил. — Нет ничего проще! Первый совет: никого не слушайте и полагайтесь только на своё сердце. Оно подскажет Вам верную дорогу. Что, хотите ещё советов?

Дмитрий кивнул.

Спиридович — впервые за долгие годы — улыбался от чистого сердца. Наверное, он был счастлив помочь хоть кому-то из числа "бойцов невидимого фронта" обрести личное счастье. Ведь это самое ценное — наравне со служением Родине — что есть у человека…

Едва Анна Канторович вышла из здания комитета, как принялась оглядываться по сторонам, ища глазами того офицера, Александра. Она постоянно думала о нём в тот день, даже Винавер заметил, что с секретаршей что-то не так.

— Милочка, уж не заболели ли Вы?

Он просто ещё не видел букеты.

— Нет, Максим Моисеевич, всё в порядке, просто…

Нос наконец-то принюхался. Умные глаза Винавера пронзили Канторович.

— Анна Павловна, комната прямо-таки благоухает цветами. Духи? Нет…Вам случайно не подарили цветы?

Юрист-цивилист, недавно отпраздновавший свой пятьдесят четвёртый день рождения, поднялся из-за стола и подошёл к окну. Он отдёрнул занавеску — и прямо перед

его взором оказались букеты, стоявшие в вазах.

— О, милочка, у Вас новый поклонник. Вот отчего Вы так взволнованы. Ну что ж, очень хорошо, очень! Авось найдетё наконец себе пару. Пора, пора, столь прекрасная девушка просто не имеет права оставаться в одиночестве. Ну же, расскажите мне о нём, мне интересно!

Старый еврей и один из старейших кадетов, великолепный специалист по гражданскому праву, он опустился на стул напротив Анны Павловны. Он ждал любопытнейшего рассказа. И дождался.

— Мы встретились с ним в "Привале комедиантов"...

— Анна, простите, что заставил Вас ждать, — раздался долгожданный голос откуда-то справа.

Канторович развернулась. Голова её сделала немыслимый пируэт, а лицо…Лицо преобразилось. Задумчивость мигом слетела с него, глаза засияли, а улыбка озарила всё вокруг. Бобрев не удержался от того, чтобы не улыбнуться в ответ.

— Позвольте принять у Вас букеты? Клянусь, я не дам их в обиду, — рассмеялся Бобрев.

— Да, пожалуйста, — букеты перекочевали в здоровую руку Дмитрия Петровича.

При этом Анна коснулась ладошкой кожи Бобрева, и его будто молния ударила: прикосновение было таким тёплым, таким нежным!

— Анна, скажите…А Вы любите прогулки по набережной, улицам Петрограда?

Канторович подняла премилый носик кверху, приложила пальчик к губам, сделала серьёзное выражение лица — а через считанные секунды, радостно улыбнувшись, ответила:

— Особенно в хорошей компании. Надеюсь, я попала именно в такую? — девушка ждала реакции Бобрева.

— Уверен, что да. Быть может, даже в лучшую из возможных, — поддержал шутку Бобрев, и они оба весело и по-доброму рассмеялись. — Прошу Вас.

Дмитрий кое-как извернулся, чтобы цветы не мешали, и Канторович взяла его под локоток. Если честно, секретарша Винавера позволяла себе такое своим прошлым ухажёрам хорошо, если на вторую-третью встречу, но этот офицер…Было в нём нечто, располагавшее к этому рыжеволосому кавалеру, что-то, заставлявшее довериться ему. Анна всё больше и больше отдавалась чувствам, не желая противиться любви с первого взгляда (или, скорее, букета).

— Ваши цветы, признаться, обратили на себя внимание всего женского и большей части мужского персонала нашего комитета, — Канторович первой завела разговор. — Вы, наверное, волшебник: раздобыть в такое время в Петрограде столь прекрасные букеты! Поделитесь секретом, будьте любезны!

Анна желала напустить в свой голос побольше серьёзных ноток, но получались только мажорные ноты, ноты счастья и удовольствия.

— О, если я раскрою Вам секреты своего волшебства, оно потеряет всякое очарование. Согласитесь, магия хорошо ровно столько, сколько она сохраняет тайну, пока вокруг неё расстилается туман, пока кто-то желает проникнуть в её суть, — Бобреву казалось, причём чем дальше, тем больше, что он городит чушь.

— Вы точно волшебник: сказали то, о чём я только что подумала, — голос её был полон улыбок.

"А я становлюсь поэтом. Надо же" — невпопад подумал Дмитрий.

— Я буду стараться и создавать одну волшбу за другой, чтобы только очаровать Вас, Анна.

Она шутливо погрозила пальцем контрразведчику.

— Меня не так уж и легко околдовать, смею Вас уверить! Хотя…

Анна многозначительно посмотрела на Бобрева.

— Хотя…Всё зависит от силы этой магии. Кто знает, может быть, какое-то заклинание и сможет меня победить. Но чтоб подобрать его, потребуется много труда.

— Меня не пугают подобные трудности, Анна, — совершенно серьёзно, от чистого сердца, ответил Бобрев. — Я буду колдовать изо дня в день, двадцать часа в сутки, лишь бы найти то единственное заклинание.

— Я Вам верю, Дмитрий, — Канторович опустила взгляд.

"И надеюсь, что Вам не потребуется много времени для своих поисков" — добавила она мысленно.

Двое, чьи пути сошлись лишь благодаря изворотливой фортуне, шли, не замечая ничего вокруг. Они шутили и смеялись, рассуждали о философии и истории, о завтрашнем открытии мирной конференции, о розах и фиалках, о дамских шляпках и парадных мундирах. И казалось им, что знакомы они всю жизнь, а может, даже больше, и не хотелось им расставаться.

Они дошли до парадной дома, в котором жила Канторович. На минуту воцарилось молчание. Никто из них не мог найти подходящих слов для прощания.

"Скажи, ну скажи! Пусть сердце скажет, а не разум!" — убеждал себя Бобрев.

"Пусть он скажет хоть что-нибудь! Хоть что-то! Лишь бы услышать его голос!" — молила Канторович.

— Анна, — наконец нашёлся Дмитрий. — Вы…

— Я жду Вас завтра! Утром, в девять, я поеду на службу. Вы дождётесь меня?

Она закусила губу от волнения. Он изо всех сил сжал кулак, так, что костяшки захрустели, а кожа перчатки, похоже, треснула. Их взгляды наконец-то встретились.

"Эти глаза…Какие глаза! Боже, как она красива!" — подумал он.

"Я бы хотела смотреть только в них!" — подумала она.

— Я дождусь Вас, чего бы мне это ни стоило! — Бобрев взял под козырёк, и оба, не сговариваясь, рассмеялись.

Смех их выгнал прочь все страхи и сомнения, и, как надеялись двое влюблённых, навсегда.

"Если бы ты никогда больше не покидал меня!" — подумала она.

"Я буду ждать тебя, Анна…" — подумал он.

Ещё несколько минут они молчали, и молчанием этим сказали больше, чем за всё время их встречи.

В каком-то порыве Анна подалась к Дмитрию, их губы встретились на короткое, как вечность, мгновение — и тут же Канторович, испугавшись собственных чувств, юркнула в парадную.

Бобрев долго ещё смотрел вслед девушке, похитившей его сердце.

"Господи, только бы нам никогда не расставаться…"

"Новое время"

Трубы мира

Завтра открывается мирная конференция, на которой будет решена судьба послевоенной Европы, а может, и целого мира. Целая тысяча делегатов приедет в Петроград, чтобы принять участие в создании мирной декларации. Союзные державы: Россия, Англия, Франция, Италия, САСШ Япония — образовали совет, в который входят по одному представителю дипломатического корпуса и по одному представителю правительства. Остальные державы разделены на три категории, чтобы облегчить обсуждение тех или иных вопросов на конференции: по чисто техническим соображениям невозможно собрать для столь трудоёмкого дела тысячу человек в одном месте. Кроме того, представители Четверного союза вот-вот должны прибыть в Петроград. Их участие в конференции ограничено. В течение пятнадцати дней после составления союзниками пунктов мирной декларации делегаты побеждённых держав должны согласиться на условия мира или отказаться от них. Думается, что последнее вряд ли возможно.

В Германии начинается революционное брожение. До нас дошли известия о волнениях

в германском флоте. В Австро-Венгрии социал-демократы намерены созвать Национальное собрание для решения судьбы практически развалившейся империи, недавно объявленной федерацией. Император Карл, как сообщают австрийские газеты, находится в затруднительном положении и думает об отречении. В столице осталось слишком мало верных престолу сил. В Болгарии реформируются правительство и армия. Те элементы, что ратовали за войну с братской Россией, за гибель сотен тысяч болгар, теперь должны покинуть занимаемые посты. Предрекают скорую смену правительства.

Регент, к сожалению, не смог лично ответить на вопросы журналистов нашей газеты, вместо него пояснения касательно позиции России на делегации изложил Павел Николаевич Милюков, министр иностранных дел. Он заявил, что мы будем добиваться окончательного присоединения к империи столь важных для нас во всех отношениях Проливов, Константинополя, Галиции и некоторых восточных территорий Германии. Пройдёт ещё несколько недель, и Царьград вновь, теперь на веки вечные, станет православным городом. Наши солдаты бились ради этого четыре года, и теперь цель их близка как никогда. Кроме того, мы будем ратовать за создание независимых государств наших братьев-славян, чехов, словаков, словенцев и за уплату Германией контрибуции, которая компенсирует наши затраты в войне. Кроме того, мы потребуем передачи в наши руки оборудования и продукции некоторых немецких заводов и право пользования всеми германскими патентами в течение пяти лет. Это позволит нашей промышленности если не сделать резкий рывок вперёд, то хотя бы быстро восстановиться.

Господа — это тот час, которого мы ждали долгие годы войны! Благодаря Великому князю Кириллу Владимировичу и нашей доблестной армии — мы победили…

"Утро России"
Слоёный пирог

Послезавтра открывается мирная конференция, на которой будут участвовать только представители Антанты. Делегатов от Четверного союза позовут, когда те потребуются для подписи всех документов. Итак, господа, не пора ли подвести итоги войны? Точнее, вклад некоторых людей в её достойное окончание?

Все эти тяжёлые годы такие замечательные представители общественности, как Александр Иванович Гучков, Александр Иванович Коновалов, Михаил Иванович Терщенко, Георгий Евгеньевич Львов, Павел Николаевич Милюков, Михаил Владимирович Родзянко, внесли неоценимый вклад в общее дело борьбы с германцами.

Однако что же предпринимают власти для того, чтобы вознаградить их? Нашей газете стало известно, что все замечательные начинания этих людей блокируются регентом. Власть мешает им работать. Неужели возвращается николаевский гнёт? Сколько можно? Отчего стране нельзя вздохнуть свободно? Разве не заслужили мы долгожданной свободы?

Великий князь хочет затопить Россию тёмным простонародьем, дав волю необразованной массе и задавить едва-едва народившуюся в стране прослойку думающих, знающих, образованных людей. Можно ли это позволить? Может быть, стоит задуматься, а тот ли человек стоит на вершине власти? Кто поставил его туда? Неужели он забыл, что только благодаря борьбе с тёмными силами, с силами реакции и косности, которые вели нашу страну к гибели, только благодаря просвещённой общественности Великий князь оказался столь близок к престолу. Как знать, может быть, стоит задуматься: не настал ли час для новой битвы за свободу?..

Глава 7

... Я

буду говорить для сильных и твёрдых
людей, способных хладнокровно и
спокойно смотреть в глаза
надвигающейся катастрофе,
обдумать и взвесить её значение,
а затем делом и поступками её
предотвратить…
А.В. Колчак

Что ответим? — Что можем ответить?
Только молча мы ниц упадём
Под ударом карающей плети,
Под свинцовым смертельным дождём.
Елизавета Кузьмина-Караваева

Иоган Карлович Фредерикс, остзеец, барон в двенадцатом поколении, доблестно сражавшийся при штурме Босфора и Стамбула, теперь будто вернулся в прошлое, на пару месяцев назад. То же приподнятое настроение, то же щекочущее ощущение близкой смерти, то же сладкое замирание сердца…Иоган широко улыбнулся и ещё раз окинул взглядом вверенную ему роту кирилловцев. Многих он видел в первый раз, но чьи-то лица запомнились. При одном взгляде на них он снова вдыхал пороховой дым, слышал залпы "Гебена" и турецкую брань, а с языка готовы были сорваться победные возгласы: "Взяли, взяли Стамбул! Наш! Наш Царьград!". Его предки не поняли бы внешне уверенного, раньше времени постаревшего Иогана, узнай, что в его груди стучит пылкое сердце гегельянца, а значит — идеалиста до мозга костей. Ну ладно, пусть ему, пусть тешится внучек-правнучек взбалмошными идеями великого Георга Вильгельма Фридриха, но чтоб он ещё и горел желанием погибнуть за Россию? Нет, душа рыцарей Ливонского ордена отказалась бы принять это! Как ни странно, Фредериксу в тот момент чихать хотелось на мнение предков-рыцарей: впереди ждал поход, да ещё какой поход!

Полковник Хворостовский, с чёрной повязкой на левом глазу, изредка крививший жуткие рожи (последствие контузии), спешил оповестить солдат и офицеров о скором отбытии. По праву руку от него шёл офицер из Чехословацкой дивизии, на всякий случай переводя команды Хворостовского на чешский. Конечно, солдаты дивизии и без того могли понять Хворостовского (а вот русский вряд ли бы понял без особой сноровки чешский), но так было надёжней.

Вообще, собранный сейчас на пограничной с Австрией станции, Вальтице, представлял отряд то ещё. Солдаты и офицеры, все сплошь добровольцы из русских, чехословацких и польских частей, щеголяли в чёрном. На кокардах, погонах, шевронах — металлические изображения "адамовой головы", то есть черепа и скрещенных костей под ним. Офицерам присвоили знаки золочёные, а солдатам — белые. До поры до времени, в глубине поезда, скрывалось и знамя Первого ударного полка: серебряный череп, пронзённый мечом, на чёрном фоне и надпись "Россия или смерть!". Уже никто не помнил, кому первому в голову пришла мысль выбрать именно такой символ, но зато каждый из "ударников" понимал его значение. Шедшие в бой под таким знаменем солдаты побеждали смерть, атаковали врага, доказывая, что нет ничего на свете ценнее Бога и России. Как ни странно, это сформулировал сам Фредерикс, оказавшийся русофилом даже большим, чем Марков или какой-нибудь черносотенец Иванов. "Ударники" идею Иогана Карловича поддержали, при встрече величая его не иначе как "философ" (с ударением на последнем слоге). Иогану Карловичу льстило такое внимание: остзеец никогда не был лишён честолюбия и желания прославиться. Как знать, авось останется имя его в летописи полка?

"Ударники" заполнили всю платформу небольшого вокзала. Некоторые курили, иные вышли надышаться вечерним воздухом. Здесь, не то что в России, весна пришла много раньше, и была она впятеро теплее. Чем-то погода напоминала Фредериксу его родную Эстляндию, с той лишь разницей, что за отсутствием моря здесь не дул ни вечерний, ни утренний бриз. Иогану взгрустнулось, едва мысли перенеслись на тысячи вёрст, к прибалтийскому взморью. Эх, до чего же там красиво! Помнят ли его ещё там, ведь сколько лет прошло с той поры, как он простился с родными краями. Как там родители? Что та соседка-хохотушка, Марта Ринова, не увёл её какой-нибудь отставной поручик?

Фредерикс посмотрел влево: приближался полковник Хворостовский, а это значит, что пора занимать места в вагоне.

— По вагонам! По вагонам! Братцы чехи, по вагонам! — командир состроил (то ли нечаянно, то ли намеренно) остзейцу в высшей степени выразительную рожицу.

Иоган Карлович затушил сигарету и, подобравшись, вошёл в пулмановский вагон, уже забитый кирилловцами. Целый батальон их на время придали Первому ударному, чтобы усилить пока ещё слабую часть. Так, во всяком случае, говорили официально. Слухи же упорно твердили, что Верховный Главнокомандующий желал использовать в Вене самых надёжных бойцов.

Вообще, для всего мира Первый удар сейчас находился где-то под на севере Богемии, у самой германской границы. Здесь же якобы квартировал Пятый гусарский полк. Ещё со времён Заграничного похода эта часть носила форму с изображениями черепов и костей, и только Николай Второй официально утвердил "адамову голову". Со стороны "ударников" и "гусаров бессмертия", как их прозвали, легко можно было спутать: что у тех череп и кости, что у этих. Тем более в последнее время Пятый полк использовали в основном как пехотную часть, так что отсутствие коней никого не должно было смутить. Целью поездки "гусар" Австрию Кирилл назвал "вспомоществование делу обмена пленными". На самом же деле ударников ждала другая, намного более сложная и важная миссия.

Гвардейцы шутили, обменивались мнением о достопримечательностях Праги (в основном о знаменитых пивных), скручивали папиросы из утренних газет — словом, делали вид, будто им предстоит увеселительная прогулка, а не подавление беспорядков в австрийской столице. Голодный бунт, поддержанный большинством гарнизона, вот-вот должен был превратиться в настоящую революцию.

— Ну-с, Иоган Карлович, — к Фредериксу присоединился Хворостовский и, бедняга, "состроил" ещё одну уродливую рожу. — О чём думаете? О венских закусочных? Говорят, штрудель там просто божественный, а уж шницель, шницель! Ещё бы туда баварских сосисок завезли…Если уж нам в вотчину Людвига Безумного не попасть, так хоть в Вене бы затерялся уголок скалистой Баварии!

Фредерикс и не предполагал, что составивший ему компанию Иван Антонович был преизрядным гурманом! В этом худом, тоньше жерди, полковнике, да ещё не оправившемся от контузии, горело пламя волчьего аппетита!

— Полно Вам, Иван Антонович! Голод ведь! В Вене, говорят, маиса нет, не то что уж штруделей и шницелей… — у Фредерикса от этого разговора уже начал предательски урчать живот. — Люди гибнут от голода. Да что голод? Последние две австрийские дивизии, отправленные до перемирия на Западный фронт, и вовсе босиком воевали. И с одной винтовкой на троих.

— Это для простонародья — голод, а в "известных", — Хворостовский подмигнул, — местах царский обед подадут. Были бы деньги и связи…Всё найдётся…Да-с…Или Вы не знаете, что в Петрограде было в феврале? С хлебом в пекарнях полнейший разгром, зато в кафешантанах — виктория, настоящая виктория!

В образности, правда, специфичной, весьма специфичной, Хворостовскому нельзя было отказать. Иоган Карлович был уже близок к "полнейшему разгрому": голодный желудок алкал еды после считанных минут разговора с полковником-гурманом. Живот уже вот-вот должен был поднять голодный бунт, как — на счастье Фредериксу и закусочным

Вены, которые он готов был разгромить в пух и прах — поезд тронулся. Раздался стук колёс о рельсы, сперва неуверенный, тихий, но с каждым мгновением всё более уверенный, а вскоре и наглый. Наконец поезд набрал должную скорость, и колёса размеренно застучали.

— Ну вот, мы уже на пути в Вену, а вместе с нею — и к миру! Страшно подумать: почти четыре года войны, четыре года…Сотни тысяч погибших, раненых, разгромленные, разорённые области, беженцы, перекройка мировой карты…А бочку-то подорвал один-единственный выстрел самоуверенного юнца! — Хворостовский славился на весь Кирилловский полк своим умением в мгновение ока менять тему разговора.

Ещё бы! Иван Антонович до войны работал приват-доцентом в Петербургском политехническом, преподавал мировую историю, имел громкий успех среди слушателей, открывались блестящие перспективы карьерного роста…Но, словно желая удивить "всенаперёдзнаек", как любил говаривать сам приват-доцент, на следующий день после объявления Манифеста о начале войны записался вольноопределяющимся в действующую армию. Потом были Танненберг, где он потерял глаз, чудом избежал плена и получил унтер-офицерский чин, Нарочь, после которой Хворостовский приобрёл ненависть к болотам, слякоти, канонаде и любовь к немецким глубоким сухим окопам, Новый Луцкий прорыв, окончившийся для историка званием подполковника (замечательная карьера!) и контузией. Но Иван Антонович не желал отсиживаться по госпиталям и убедил врачей отпустить его в родную часть, рвавшуюся к Венгерской равнине…Перемирие Хворостовский встретил уже в чине полковника в предместьях Будапешта, командуя Словацким полком Чехословацкой дивизии. Судьба вновь решила сыграть с Иваном Антоновичем: война, несмотря на заключённое перемирие, для него продолжилась. Долг службы позвал его во главе полка на север, в Прагу, где его назначили командиром Первого ударного. Мотала же его служба по Европе!

— И всё же…Иоган Карлович, послушайте! Поют! Что за чудесная песня… — Хворостовский, ко всему прочему, был и ценителем песенного жанра!

Солдаты запели незнакомую Фредериксу песню, протяжную, заунывную, но обладавшую внутренней силой.

— Чудесная…Чудесная песня! — Хворостовский повторил за кирилловцами: — *Дать России мир…* Пойду-ка попрошу слова переписать! Всенепременно! Надо! Надо!

Иван Антонович даже прекратил корчить рожи, столь благотворно на него повлияла эта простенькая песня. Иоган Карлович решил не дожидаться собеседника и прилёг вздремнуть…

Безразмерные — неведомое откуда взявшиеся — баулы, кули, сумки полетели на Фредерикса, больно стукнувшегося о стенку вагона. Кирилловец ничегошеньки не соображал в происходящем. Он осоловело смотрел на такого же сонного Хворостовского, силясь понять, что же происходит.

— Что? — Иоган Карлович из-за грома (какая, к чертям, гроза в это время года?) не мог разобрать, что же ему пытается сказать Хворостовский.

А тот не говорил даже — кричал — но проклятый гром…Гром? Да это же разрывы снарядов или бомб! Война! Война! Австрийцы нарушили перемирие! Немцы напали! Турки решили отомстить за взятие Стамбула! Шальные мысли скорым поездом пробегали через разум Фредерикса, не желая делать совершать хотя бы минутную остановку.

— Иоган Карлович! Командуйте своим "в ружьё"! Скорее! Скорее! Надо занять оборону у вагона! — Хворостовский, выхватив (не из-за пазухи ли?) "Наган", уже мчался на выход. Контуженный — а соображал быстрее Иогана Карловича.

— К оружию! Занять оборону вокруг вагона! Быстрее! Быстрее! Быстрее! — наконец скомандовал Фредерикс и помчался вслед за Хворостовским, желая узнать, что же, чёрт побери, творится!

Поезд остановился на подъезде к какому-то чешскому (или австрийскому, или немецкому, в потёмках понять было невозможно) городишку, в поле. Из вагонов уже успели высыпать солдаты и офицеры, готовые к бою — только знать бы, бою с кем…Поблизости

продолжали рваться снаряды, принося эхо Великой войны в мирный до сего дня городок. Зарево, освещавшее, округу, горевших домов беззвёздной ночью было видно издалека. Даже поезд с Чехословацкой дивизией был озарён этим инфернальным светом войны.

"Бой, похоже, идёт в городишке…Там же у нас паровоз! Только бы не подорвали! Только бы снаряд не угодил, иначе застрянем здесь как пятом году!".

— Слушай мою команду! Цепями по десять по обе стороны состава вперёд, к городской черте! При появлении любых подозрительных лиц — открывать огонь! — разнеслась команда Хворостовского.

— Какой у вас план? — Фредерикс наконец отыскал сновавшего туда-сюда Ивана Антоновича.

— Ввяжемся в бой — а там посмотрим! — процитировал "маленького капрала" Хворостовский. — Ведите своих кирилловцев! Давайте! Я поведу братьев-славян! С Богом!

Полковник оказался в стихии, ставшей ему за годы войны родной: исчезла нервная, излишняя жестикуляция, лицо заострилось, выражение лица застыло. Из фраз исчез пафос, свойственный лекторам…Фредерикс, идя впереди роты кирилловцев, увидел, как Хворостовский, рванув вперёд, пошёл впереди чехословацких цепей. Едва невдалеке разорвался снаряд, как полковник приказал цепям лечь, а сам остался стоять, высматривая, можно ли идти вперёд и не ждут ли солдат "горячие объятия" противника.

Иоган Карлович, наблюдая за полковником, понял, как приват-доцент смог столь быстро подняться до своего звания и заработать столько ранений: Хворостовский всегда был впереди своих солдат, "кладя" цепи, сам продолжал стоять, наплевав на опасность, не кланяясь пулям…

— Ребята, за мной! — с особой, только полководцам понятной радостью, с пылом сердечным Иван Антонович вёл солдат на бой. С кем бой, какой бой, где бой — это ему не было важно, главное — бой. Битва. Сражение. Передряга. Перестрелка — историк лез в самый глаз урагана, на пули, в огонь. Что его бросало вперёд? Ведь так бодро идут на смерть лишь сумасшедшие или решившие покончить с собой люди. Приват-доцент не был сумасшедшим, значит…

Первые цепи уже вошли в городок, готовясь дать бой. Снаряды рвались, огненные всполохи были повсюду, вдалеке метались тени…Фредерикс готовился уже скомандовать "Огонь!", как….Как прошла секунда, затем — минута, кирилловцы топотали по улице превратившегося в огненный ад города, но бой не начинался. Да, снаряды продолжали взрываться, но не прозвучало ни единого выстрела. А это, собственно говоря, были не окопы Великой войны, чтобы начинать сражение с многочасовой артподготовки — должен же был хоть кто-то из солдат противника встретить их винтовочным залпом! Да и вообще, что это за пушки были, которые стреляли ровнёхонько по противоположной окраине городка? Ни единый снаряд не упал на наших солдат!

— Не нравится мне всё это, — пробубнил Фредерикс, как по цепям пронеслась команда Хворостовского:

— "Отставить!"…

Солдаты вступали в наполовину разрушенный чешский городок, разрушенный не солдатами, не пушками, — складами! Армейские склады, на которых хранились артиллерийские снаряды, под вечер загорелись и, естественно, началась "канонада". Насмерть перепуганные жители попрятались по подвалам, многие додумались сбежать куда глаза глядя, чтобы переждать "пекло" — и потому чехословацкий батальон встречали только всполохи пламени да рвущиеся снаряды…Великая война достала и этот городок в глубоком тылу австро-венгерской армии…

— Да-с. Австрия теперь полыхает. Не загорелась бы Германия, а вслед за ней Россия, — мрачно заметил Хворостовский. — Ладно. По вагонам! Шибче! Шибче! По вагонам! Кто замешкается — может от поезда отстать.

Паровоз загудел. Спешат, очень спешат. Интересно, успеют ли?

Через несколько минут Иоган Карлович довольно посапывал. Хворостовский до самого

утра смотрел на убегавшие вдаль станции, деревушки и города, прижавшиеся к железной дороге. Он думал: как же их встретит Вена? Не остановят ли революционеры поезд, не придётся ли штыками пробивать дорогу к Шёнбрунну?..

К вечеру следующего дня ("Не русские это просторы — подумал Фредерикс") поезд подъезжал к окраинам Вены. Цель их — императорская резиденция Шёнбрунн — располагалась на юго-западной окраине столицы. Поезд на пути к ближайшему к району Хитцинг (в нём располагался дворец) вокзалу проехал по столичной окраине. Да, ну и зрелище!

Повсюду сновали люди, размахивавшие красными флагами. Толпы народа, бросившие работу, сновали вокруг самых железнодорожных путей. Однажды митингующие даже преградили составу путь дальше, но несколько людей императора Карла, сопровождавшие ударников, сумели убедить "левых" пропустить поезд.

Особо ретивые хотели было забраться внутрь, проверить, нету ли там "контрреволюционеров" (даже не зная немецкого, по крикам "товарищей" можно было понять их намерения), но их уразумели.

Дорогу преграждало целое море наглого вида людей в поношенной одежде, исхудавших донельзя, многие принесли с собой винтовки и револьверы. В толпе то тут, то там виднелись солдаты и даже офицеры. Все они постоянно кричали нечто вроде "А вдруг там монархисты? Вдруг нас пришли разгонять? Не дадим!". Кто-то даже подался вперёд, намереваясь увлечь народ за собой и ворваться в вагоны. На счастье, в составе в основном были товарники да один вагон-загон для скота (там же располагалась единственная на весь полк пушка), так что разглядеть, что там внутри, представлялось делом нелёгким.

Ударников ещё на подъезде к городу предупредили, что следует подготовиться к бою. Пулемёты расставили у дверей, чтобы дать очередь в случае чего. Винтовки и автоматы Фёдорова, попавшие в полк вместе с кирилловцами, зарядили. Даже молебен отслужили (стук колёс, на счастье, не давал звукам молитвы выходить за пределы вагонов). Даже пушку, "окопную", подготовили к бою. Надо будет только выгнать из вагона-загона коней, быстренько вытащить орудие наружу, зарядить — и можно стрелять. Жаль только, снарядов выделили мало, всего лишь сто штук. В случае долгого боя весь боезапас могли расстрелять. Но, к сожалению, в вагон больше не влезло: его и так набили доверху зарядными ящиками, кормом для лошадей и комплектами тёплой одежды.

Толпа начала наседать. Карлисты потянулись к револьверам. Вот-вот могло начаться кровопролитие. Командир проводников шепнул Иогану, что ещё немного, и нужно будет давать сигнал к бою. Соседние постройки, то ли цеха, тои ли склады, тоже не внушали доверия: в любой момент оттуда могли дать залп "леваки". Почувствовавшее вседозволенность (скажем спасибо Антанте) Национальное собрание дало санкцию на борьбу с контрреволюцией. Так что в любой момент любого человека, вздумавшего даже заговорить о симпатиях к императору и династии, могли пустить в расход. Целых три батальона, правда, вряд ли так легко возьмут. Здесь, в Вене, им угрожали только вооружённые рабочие, запасники и дезертиры. Организованному отпору такие противостоять долго не смогут, бои за Петроград это доказали прекрасно.

Но прогреми здесь хотя бы один выстрел — и вся Вена узнает, что в городе русские войска. Императора Карла точно не выпустят в этом случае из Вены, возьмут штурмом Шёнбрунн и к стенке поставят. Правда, и без вмешательства со стороны с Габсбургом могут проделать то же самое. Вот она, дилемма.

— Только бы пронесло, Господи, пронеси, а? — шептал Хворостовский.

Австрийцы шумели, размахивали руками, что-то такое неприятное показывали поезду и парламентёрам. Но — не трогались с места. Стояли. И то хорошо. Значит, не собираются штурмовать состав. Наконец, какой-то особо лихого вида "левак" махнул рукой, и митингующие подались назад. Один из карлистов повернулся к паровозу и подал знак машинисту: всё хорошо, разводи пары.

— Слава Богу, — выдохнул Хворостовский, но руки от кобуры не оторвал.

Мало ли?

— Ну-с, милейший Иоган Карлович, ужинать нам в Шёнбрунне, — облёгчённо пошутил гурман. — Надеюсь, повара ещё оттуда не сбежали…

— Мне не хотелось бы задержаться здесь даже для ужина… — хмуро ответил Фредерикс.

Он прильнул к окну вагона. Напротив, шагах в пяти, собралась кучка "леваков" в шинелях. Наверняка дезертиры или запасники…В прошлом году Петроград кишел их двойниками, но тогда всё обошлось…

Один из дезертиров показал рукой прямо на Дитерихса. Остальные замерли на мгновение…Вскинули винтовки…

— Иоган, ложись! — Хворостовский оттолкнул товарища в сторону, не медля ни секунды.

Раздался выстрел, за ним — треск стекла. Обломки посыпались на офицеров, так и норовя порезать, ранить, разорвать мундиры. Даром что австрийское стекло!!!

Воздух наполнился треском выстрелов. Австрийцы устроили беспорядочную пальбу по вагонам…

Дитерихс не видел, но в первые же секунды боя карлистов-парламентёров расстреляли "леваки". Верные императору офицеры упали наземь, не успев понять, что происходит…

В ответ, прямо через деревянные стены и закрытые двери теплушек ответили наши пулемёты. Ударники, до того взвинченные до предела, наконец-то оказались в привычной стихии боя.

Одна за другой очереди, пробивая дерево вагонов, падали промеж австрийцев. Те, раненые или убитые, снопами валились на промёрзлую землю, на полотно дороги, на рельсы…Они всё падали и падали, расплачиваясь за любопытство Дитерихса и нетерпение того стрелка.

Это была какая-то тысячекратно усиленная глупость и анархия. Не было слышно ничего, кроме выстрелов. Никто не чувствовал ничего, кроме ярости и гнева. Никто не хотел ничего, кроме как убивать. И они гневались, и они убивали, и они гибли…

Двери теплушек, державшиеся на честном слове, раскрывались, и наши солдаты прыгали, прикрываемые пулемётами, прыгали на железнодорожное полотно. Секунда. Патрон в патроннике. Ровная — какова цена этого порядка? — цепочка залегла. Ещё секунда. Винтовочный залп, эхом подхвативший треск "Максимов". Какой-то унтер — в этом хаосе не до разглядывания погон — дал очередь из ручного "Льюиса". Оттуда, как из жерла, вырвалась гибель пяти…нет…шести…Нет — семи! — человек. Рабочие, которые больше не в силах были смотреть на голодающих вот уже какую неделю детей и жён — они вышли на митинг, такой, кажется, безопасный митинг…Они искали хоть какой-то способ изменить свою чёрную голодом жизнь…Они нашли этот способ. А, нет, не только трудяги упали, скошенные "Льюисом" — туда затесался студентик. Мундир Венского университета, худшего из лучших университетов Европы. Теперь мундир весь увешан, словно медалями, кровавыми ранами.

Кровавый хаос закончился так же внезапно, как и начался. Ударники ещё стреляли, но в воздух, по домам, не по людям — не в кого было…Когда смолкли выстрелы, воцарилась тишина. Знаете, та самая: человек смотрит на дело рук своих, и думает, к худу или к добру получилось у него? Вот так же было и в те минуты. Наши не хотели даже понимать, что же сделали. Но глаза — глаза-то не обманешь! Всё вокруг было устлано телами австрийцев. Кого-то смерть настигла за два — нет, за шаг! — до спасения: десятки валялись у самого забора, низенького каменного забора, отделявшего железную дорогу от складов и хибар. Двоих пули настигли уже на самом этом заборчике: они скрючились в невероятных позах, растянулись на ограде, так и не перемахнув через неё.

Тот самый унтер с "Льюисом" сглотнул. Он повидал многое в эту войну, пережил сотню обстрелов немецкой артиллерии, ходил в тысячи атак…Но такого…Такого…Да ещё собственными руками…

Но прозрение, появившееся на мгновение, тут же пропало, сменившись рутиной войны, маленькой войны в дни всеобщего перемирия.

Хворостовский, стряхнув осколки стекла, вышел "на волю". Он затоптался на месте, у подножки вагона, то ли не желая приближаться к "братской могиле", то ли не в силах сделать этого.

— Ехать дальше на поезде или прорываться своим ходом? — бубнил он себе под нос.

— А что мешает? — удивлённо спросил Дитерихс, только что спрыгнувший на землю. — Тем более нам будет сложно идти дальше. Кто-нибудь из офицеров Карла остался в живых?

— Да уж… — буркнул Хворостовский. — Посмотри-ка, Иоган, в паровозе. Там был один из офицеров. Кажется, все остальные погибли ещё в первую минуту перестрелки.

Командир ударного полка всё же пошёл меж трупами. Раненые были, не были? Хоть кто-нибудь из них выжил? Раздался стон позади Хворостовского. Он мигом бросился на звук. Паренёк, из рабочих, не старше двадцати: он умирал, хватая ртом воздух, но тот выходил вместе с кровью из раненых лёгких. Губы покрылись алой пеной. Глаза, сверкнув от холодных лучей весеннего солнца, остекленели. Иван Антонович снял фуражку и перекрестился.

— Упокой душу твою, — сказал он едва слышно.

Немая сцена. Выживший солдат-австриец, с заряженной винтовкой, метил в Хворостовского. Он успел обернуться. Молчание. Они смотрели друг другу в глаза. Австриец не в силах был выстрелить, Иван Антонович — сделать хоть шаг.

Громыхнул выстрел. Всё внутри командира ударников похолодело.

Солдат уткнулся лицом в промёрзлую землю — его настиг выстрел стрелка-чеха. Именно его винтовка разродилась выстрелом, опередив австрийскую. Выстрел словно разбудил ударников: они заволновались, забегали взад-вперёд, принялись выкатывать пулемёты на позиции. Бывалый лейтенант Кудасов даже пушку предложил к бою подготовить. Мало ли? Вдруг сунутся революционеры, а мы их ка-а-ак встретим!

Беда пришла, откуда не ждали, ворвавшись вместе с Дитерихсом в ряды ударников.

— Иван Антонович! — на Иогане лица не было.

Хотя…Было оно, лицо. Иссечённое морщинами усталости и волнений. Из бледного, как у покойника, оно становилось серым как у висельника, взобравшегося на последнюю ступень эшафота.

Дитерихс в несколько шагов преодолел добрых пять саженей и несколько рядов солдат. Последние с любопытством, а кто-то даже с тревогой следили за "траекторией движения" офицера.

— Иван Антонович, — обычно невозмутимого остзейского немца пронял холодный пот. — Какая-то сволочь кинула ручную бомбу в паровоз…

Дальше можно было не продолжать. Всё и так ясно.

— Угу, — только и ответил Хворостовский.

Удивительная вещь: словно бы это известие придало сил и уверенности Ивану Антоновичу. Но, как ни странно, это была самой что ни на есть правдивой правдой. Командир ударников всегда успокаивался в гуще битвы, в аду сражения. Здесь всё было ясно: кто за кого и кто против кого. Надо было только воевать. Что ж, случай ему представился! Отряд Русской Императорской армии прямо в самом сердце рушащейся прямо на глазах Австро-Венгрии. В нескольких часах хода — последний Габсбург. Вокруг — враги. Цель — доставить Габсбурга целым и невредимым в Триест. Подумаешь! Они до вечера успеют ещё до русской границы и обратно! Кто-то даже до неба, но только вот с билетом в один конец без права обмена…

— Есть машинисты из второго состава, мы можем посадить их на паровоз, — нашёлся Дитерихс. — Вряд ли бомба уничтожила машину полностью…Можем завести её…Только ремонт нужен…Дотянуть-то совсем немного осталось…

— Всё равно, всем не поместиться. Двойную нагрузку наш поезд не выдержит. —

Хворостовский, невозмутимый, как статуя бескрылой Ники Самофракийской, обращался к солдатам дивизии. — Слушай мою команду! Вместе с батальонами из второго состава…

Иван Антонович кивнул в сторону тормозившего поезда. Некоторые из ударников успели спрыгнуть на полотно, желая выяснить у начальствующего, что происходит. В общем-то, картина побоища была более чем красноречива и "словоохотлива", но приказы-то у трупов не узнаешь…

Хворостовский раздумывал некоторое время над заключительной частью приказа. Что будет, пойди они в боевом построении к Шёнбрунну? Будет кровь…Вся Вена ополчится против них. Как им уходить? Как им прорываться к Триесту? Может, проще закрепиться где-то здесь? Занять оборону? Окопаться…А в Шёнбрунн отправить "летучий отряд". Известить Карла, затем по железнодорожному полотну дойти до какой-нибудь узловой станции, с боем взять поезда и направиться в Триест?

С другой стороны."Летучий отряд" могут окружить и перебить. Национальная гвардия, конечно, не бог весть какая сила, но числом может задавить. А вместо этого можно прорваться, всем вместе, к габсбургскому дворцу, и уже оттуда уходить на Триест. Целый полк здесь некому остановить…Разве что гарнизон поднимется…А даже если не поднимется, сколько здесь останется лежать человек? Десять? Сто? Тысяча?

Нет, решено!

— И окопаться вокруг состава! Приготовить орудия к бою! Пулемётным расчётам — занять позиции! Стрелять по врагу после предупреждения! Сорок добровольцев — ко мне! Пойдём в Шёнбрунн, а вернёмся уже с Габсбургом. После — сразу же уходим отсюда. Выполнять!

Хворостовский выдохнул. Старые раны заныли пуще прежнего. Капля пота упала на нос.

Добровольцев оказалось больше половины полка. Пришлось тратить время на то, чтобы выбрать нужное количество и успокоить "оставшихся за бортом".

— Я мигом, Иван Антонович, — Дитерихс хотел взять из вагона хранимую "на самый торжественный случай" автоматическую винтовку Фёдорова.

Патронов к ней у Иогана было мало, на долгий бой не хватит, но для такого случая…

— Вы остаётесь здесь, Иоган Карлович, — отрезал Хворостовский. — Если что, выведете полк отсюда.

— Но…Иван Антонович! — Дитерихс остолбенел. — Здесь…

— Здесь у Вас меньше шансов погибнуть, чем со мною. Вам уже сказали, что пуля меня остерегается? Так вот, тех, кто рядом, она бьёт с удвоенной силой и смелостью, — Иван Антонович покачал головой. — У меня погибло слишком много товарищей, чтоб я отправил на смерть ещё одного. Вы останетесь здесь и замените меня, Иоган Карлович. Это приказ. Возражения, сами понимаете, я пропущу мимо ушей.

Дитерихсу показалось — или в самом деле Хворостовский состарился в эту минуту? Морщина задумчивости пролегла по его лбу, а вокруг…

Иоган не верил в мистику, но в тот момент почудилась ему тень, опустившаяся на Ивана Антоновича, та тень, которая сопровождает гроб, спускаемый в могилу. Остзеец встряхнул головой, и наваждение пропало, словно и не было ничего.

— Есть! — козырнул Дитерихс.

Хворостовский кивнул и взялся за устроение "летучего отряда". В нём оказалось много чехов, сносно говоривших по-немецки, а кое-кто мог и по-венгерски что-нибудь сказануть. Оставалось только надеяться, что сами мадьяры поймут, что же там презираемые ими славяне говорят.

Несколько минут — и отряд ушёл, исчез в городском нутре.

Пошёл дождь, мелкий и оттого ещё более противный.

Ударники оттащили от железнодорожного полотна. В окнах окружающих домов то и дело мелькали силуэты. Жители? Национальная гвардия? Интересно, сообщили венскому Совету о бое?

Целую роту отправили "прошерстить" склады (или что это были за серые громадины) в поисках чего-нибудь пригодного для обороны.

В это время стрелки занимали позиции у кромки каменной ограды. Дыры в ней закрыли всяким хламом. Расставили пулемёты. Жалко, мало патронов, чертовски мало! Для настоящего боя не хватит! Остаётся надеяться, что местный гарнизон так и будет бездействовать. Но если всё-таки сюда двинут…Ух…

Дитерихс наблюдал за тем, как разворачивают орудие. "Окопную" пушку десяток солдат дотащили до холмика. Нет, даже не холмика — большой кочки. Её кое-как обложили мешками (артиллеристы, небось, прятали для "лучших времён", как в воду глядели!), даже выкопали яму для зарядного ящика. Бойцы действовали деловито и слаженно. Не скажешь даже, что в самом сердце вражеской страны, в окружении врагов. Может, храбрятся? Ищут отдохновения в подготовке? Кто знает.

Дитерихс, конечно, старался не показываться собственного волнения. Подумаешь, они один на один с Веной. Бывало и похуже. Тем более австрийская столица сейчас хуже разворошенного осиного гнезда, вот-вот все против всех начнут драться, как "первые люди" в гоббсовских трактатах.

Иоган решил занять позицию рядом со своими солдатами, напротив переулка, в котором скрылись "разведчики". Здесь уже вовсю командовал прапорщик Анищенко, Алексей Михайлович. С первого взгляда он мог показаться худым — но только с первого. Если кто присмотрится, то поймёт: это поджарость, никак не худоба. Прапорщик был скуп на слова и движения, но нижние чины ловили каждый его приказ.

— Винтовки проверить, — бросает он, и тут же начинается возня, перезарядка и прочее, прочее, прочее.

— Подобраться, — и вот уже цепочка стрелков залегает на позиции змейкой.

— Ваше Благородие, к бою готовы, — Анищенко козыряет.

Седые, короткие волосы его обрамляют загорелое, обветренное пороховыми тучами и бурями артобстрелов лицо. Глаза, умные, с хитрецой, знамениты во всём Ударном полку прищуром, особым таким, со смыслом. Да, с такими прапорщиками не грех и на Берлин идти! Анищенко из "старых": он начинал Великую войну ефрейтором, но так и не поднялся до офицерского звания. Дело в том, что не мыслил себя Михалыч (как его звали уважительно не то что офицеры — едва знакомые чехи) никем, кроме солдата. Прапорщик — вот тот максимум, на который он хотел подняться. Его мечта исполнилась, да и как иначе? Кто из офицеров такого помощника захочет потерять?

— Спасибо, — кивнул Дитерихс. — Как думаешь, выдержим, если что?

Иоган спросил вполголоса, чтобы солдаты не слышали. Не надо им волноваться почём зря.

— Выдержим. И не такое бывало. Отступать некуда. До конца стоять будем. Да и…У меня дед при Николае Первом мадьяровских бил. Меня австрийцы били. Есть нам о чём потолковать с тутошними, — хитро улыбнулся Анищенко, редко позволявший себе какое-либо проявление эмоций.

— Спасибо, — облегчённо выдохнул Дитерихс.

На душе стало спокойнее. И в самом деле, что им терять? Нечего терять, они сражаются за то, чтобы больше не было войн, а это дорогого стоит! Жизни не жалко будет.

— Эй! Эй! — раздался окрик со стороны складов.

Можно было увидеть, как бойцы отряда, посланного обследовать соседние постройки, бежали сломя голову.

— Идут! Немцы! Немцы идут!

— Товсь!!! — Дитерихс вскочил на кочку. — Товсь!!!

Люди были готовы, только винтовки покрепче сжали да плечи расправили. Бой — так бой. Не впервой. На бой, последний бой.

Все ждали, когда же подойдут австрияки.

Дитерихс раздавал приказы — даже старшие по званию, зная, что Хворостовский

назначил его своим заместителем, послушно их выполняли (редкость!) — когда из переулка показались парламентёры.

Они до боли напоминали русских, тех, что шли на баррикады Петрограда. Рабочие тужурки, студенческая форма, латанные-перелатанные шинели запасных батальонов. Всё повторялось. Все революции были похожи одна на другую: несколько кукольников — и тысячи людей, невидимыми нитями-цепями прикованные к этим немногим.

Подошли на десяток шагов. Трое. Держатся уверенно. Лица непроницаемые. Они знают, что за их спиной — товарищи, они помогут, они выручат. А если что — отомстят. Тот из парламентёров, что в одежде поприличней (наверное, инженер какой-нибудь) выходит вперёд. Во весь голос сообщает требования "Народного правительство Австрии".

Ага. Предлагают сдаться. Гарантируют жизнь и безопасность. И то хорошо.

— Ну-ну, — комментирует Анищенко, и безо всякого перевода знающий, что от них требуют. — Пусть сперва зубы покажут. А там поглядим, что да как. Забыли, что такое русские солдаты.

— И чешские, браче, — залёгший в цепи чех не может удержаться.

— И чешские, — вторит Анищенко. — И чешские…

Дитерихс передаёт отказ. Тогда "представители народного правительства Австрии" удаляются, дав двадцать минут на размышления. После они открывают огонь.

Солдаты, видя, что парламентёры удаляются не солоно хлебавши, заняты последними приготовлениями к бою.

Дитерихс чувствует, что надо что-то сказать, подбодрить отряд. Многих из тех, кто сейчас смотрит на командира, не станет спустя двадцать минут. Они должны знать, за что погибают. Они должны знать, что погибают не зря. Должны знать, что никогда не погибнут они, последние герои Великой войны.

И тогда Иоган, ведомый душевным порывом, который невозможно описать словами — только чувствами — каким-то чудом, лихо взбирается на вагон неподвижного поезда. Он не думает, что его может убить снайпер, спрятавшийся в одном из окрестных домов.

— Офицеры! Солдаты! Товарищи!

И пусть его, Дитерихса. Могут потом заклевать за "левацкое" обращение, но за годы эсеровского террора забыли, что можно быть товарищами не только по партии, но и по оружия. И сейчас Иоган обращался к ударникам именно как к "братьям по винтовке".

— Через двадцать минут начнётся бой. Мы должны выстоять. Почему? Потому что наша задача — спасти человека, Карла Габсбурга, благодаря которому закончилась Великая война. Наша победа — на пятую часть заслуга этого человека. И сейчас мы должны спасти его, помочь. Как нас вспомнят потомки, если мы не сделаем этого? Как предателей? Как последнюю сволочь, знаменитую чёрной неблагодарностью? Или как людей, помнящих, что такое долг и честь? Знающих, какова была цена этой победы и какова должна быть награда за неё? Да и вообще!

Дитерихс лихо сорвал фуражку с головы и поднял её высоко-высоко.

— И вообще! Кто из нас не мечтал пройтись парадом по Вене? Четыре года назад началась Великая война — и здесь она заканчивается. Мы закончим её. Мы выдержим. Мы отомстим за наших погибших друзей и родных. Мы вспомним Галицию, Сандомир, Стоход, Луцк! Мы вспомним окопы и обстрелы! Мы вспомним бои за Россию! И мы покажем все миру, на что мы способны! Ради того, чтоб больше не было войн — мы дадим свой последний бой. На нас смотрит Россия. На нас смотрит мир. Покажем им всем!!!

Громкое "ура!". Такое странное "ура", нёсшееся со всех сторон. Люди, лежавшие в стрелковых цепях, одним глазом косившиеся на мушки винтовок, а другим — на остзейского немца-патриота России, не были полны угара боя. Они своими возгласами отвечали: "Умрём. За мир. За Россию". Они знали, на что идут и за что будут драться.

И скажите на милость: разве можно победить таких людей?..

Бой начался внезапно, можно сказать, буднично: враг просто пошёл в атаку…

Проснулись пулемёты, им вторили винтовки. Австрийцы залегали в укрытиях,

прятались за каждым углом, но всё надвигались и надвигались на наши позиции. Они сражались за свой город, за свою правду, и одно это придавало им невероятные силы.

А нашим просто некуда было отступать…

"Максимы" дали беглую очередь по залёгшим австрийцам. Зачиркали, загудели, засвистели пули, выискивая жертвы. Отбивая каменную и кирпичную крошку, ударяясь о землю, разбивая стёкла — пули, не все, настигали-таки людей. И люди гибли, или оказывались ранены, или просто задеты. Но остановить их пулемёты оказались не в силах.

Тогда в дело вступили винтовки. Дружный залп трёхлинеек — и повалились, попадали на землю снопами "народные гвардейцы". Обагрились кровь плохонькие шинельки и пиджачки. В глазах застыла боль, перемолотая ненавистью. А они шли. И шли, и шли…

Пулемётчики начали беречь патроны: лент было слишком мало, чтобы истратить их в эти минуты.

Дитерихс не в силах был смотреть на это. Ещё несколько секунд — и австрийцы перейдут в рукопашную, и придётся работать штыками. Надо ударить первыми, перехватить инициативу! Да, в атаку!

Анищенко обогнал командира.

Михалыч поднялся во весь рост. Он, казалось, совершенно не беспокоится за свою жизнь. А пуля уже проделала дыру его фуражке, и вот вот-вот подружка её могла сделать то же самое с сердцем вечного прапорщика. Но Анищенко было всё равно.

— Ребята! В штыки! — и, для острастки, с чувством, добавил, грозя кулаком-молотом наступавшему врагу: — Сарынь на кичку, сволочи!

Этого момента все ждали с нетерпением: ударники (многие даже не примкнув штыки) — все, разом, от Дитерихса до рядового, кинулись в бой. Пулемётчики — и тех хотели было присоединиться, но вовремя опомнились.

Ударники не врубились даже — просто смешались с австрийцами, и бой обернулся побоищем. Кулаки, ножи, кастеты, штыки, приклады, зубы — всё шло в дело, всё кидалось в бездонную глотку кровавой рукопашной. Дитерихс застрелил в упор какого-то австрийского солдата, а через миг уже повалился на землю, сбитый ударом рабочего. Тот навис над Иоганом с зажатым в руке ножом. Остзеец, не в силах шевельнуться, смотрел на клинок, как кролик смотрит на удава.

"Ну что ж, пора прощаться…" — без тени грусти, буднично, скучно подумал Дитерихс.

А рабочий меж тем навалился на несостоявшуюся жертву: в его боку набухала кровью рана. Солдатский штык поработал на славу…

В какой-то момент стало понятно, что ударники побеждают: австрийцы отступали, пятились, не в силах справиться с закалёнными Великой войной солдатами.

Да и — доннерветтер! — эти проклятые русские ударили с тыла!

Несколько десятков человек с невозмутимым Хворостовским решили исход боя. Дитерихс, не веря глазам своим, смотрел на то, как жалкая кучка солдат ударила в самый центр отряда "национальной гвардии". Впереди, флегматичный, деловитый, шествовал Иван Антонович. Что-то бормоча под нос, он шёл в полный рост. Он не дрался даже — хватало одного вида револьвера (совсем не того, с которым командир ушёл в разведку) и солдатских штыков, чтоб проложить ему дорогу.

Австрийские цепи рассыпались окончательно, смешались — и бежали, бежали, бежали, скрываясь в окрестных домах.

Иоган радостно обнял Хворостовского, когда они встретились ровно посередине поля боя.

Иван Антонович, всё такой же серьёзный, отстранил остзейца.

— Ушёл Габсбург…Шёнбрунн пуст…Зря только отбивали грузовики…Зря силы тратили…Он уехал в Триест сам…Зря это всё…

И такая безнадёжность слышалась в этом голосе, что Дитерихса морозом пробрало.

В ушах зашумело. Звук выстрела застыл…Звук…Выстрела? Что?!!

— Выводить надо ребят, выводить, — устало выдохнул Хворостовский. — Ну вот и

кончилась война…

Хворостовский, живший только войной, ушёл вместе с нею. Последний выстрел боя достался Ивану Антоновичу…

Ударники смогли отбить паровоз, прицепить с другой стороны к составу и покинуть город. Они уходили налегке, ведь нельзя же излишним грузом назвать тела погибших товарищей и любимого командира…

Многие годы спустя Хворостовский ударный полк будет славен на весь мир своими героями, презиравшими опасность и шедшими в бой в полный рост, медленно, как сам Иван Антонович…

Глава 8

"...у нас должна быть одна и главная
цель — это завоевание Константинополя,
чтобы раз навсегда утвердиться на
проливах и знать, что они будут
постоянно в наших руках..."
Из письма Александра III ген. Обручеву

Эта ночь выдалась бессонной. Едва прервался телефонный разговор с Боткиным, как регент приказал приготовить "Литеру А" к поездке в Царское село. Срочной поездке. Причём Кирилл вёл себя очень нервно, говорил невпопад, и окружающие поняли: медлить нельзя. Через полтора часа поезд уже покидал Петроград, на всех парах несясь в Царское.

Прямо там, в вагоне, Сизов-Романов готовил кое-какие документы. Вот-вот в его руки должны были попасть (как он надеялся) документы, подтверждающие противоправительственную, даже изменническую деятельность членов военно-промышленных комитетов и некоторых деятелей Земгора. Надо было нанести удар, который был бы одновременно и неожиданным, и по-настоящему всеохватывающим. Причём подготовить атаку требовалось помимо Совета министров, так, чтобы никто из них не узнал о готовящейся атаке. Также предстояло каким-то образом, под благовидным предлогом, загодя отстранить от деятельности Гучкова и компанию. Едва ли не половину правительства, таким образом, предстояло быстро заменить. Кирилл надеялся, что сейчас, в дни его триумфа, эффект от этого будет не таким катастрофическим, каким мог быть ещё год назад. Предстояло усыпить "общественное мнение". Но, впрочем, на его сторону должны перейти многие россияне. Кто раньше объявлял о столь масштабных реформах из государственных деятелей? Кто может гарантировать их исполнение? У кого ещё хватит выдержки и твёрдости воплотить в жизнь задуманное? Ведь Кирилл, по сути, пообещал исполнение мечты многих людей. Чего желали правые кадеты? Преобразований в сфере образования и экономике. Парламент как таковой им не был нужен, им требовалось только орудие нажима на власть. В известной Сизову истории многие из тех, кто вопил о правах Думы в дни февральского переворота, отвернулись от неё, едва получив власть. Даже Милюков — и тот высказался против восстановления работы этого законодательного органа. Только Гучков и Керенский, какая ирония, из министров возлагали надежды на Думу или хотя бы не отказались от того, что прежде были депутатами. Чего хотели монархисты и многие правые? Церковной реформы, победы в войне, стабильности. Это им будет дарована. Чего хотели рабочие? Достойной жизни. Чего хотели крестьяне? Земли. С последними двумя требованиями будет, конечно, посложнее: нельзя сразу создать идеальную жизнь для миллионов людей. Однако регент надеялся на это. Он хотел, он правда хотел, он страстно желал, чтобы русский народ не жил в бедности, не голодал, чтобы он получил возможность спокойно работать. Он даст всё это людям. А взамен Кирилл надеялся на поддержку. Ведь ещё Ленин говорил, что подари крестьянам землю временщики — и не было бы Октябрьской

революции. Правда, нельзя было у всех десятины отобрать и поделить, нужно было несколько лет, а то и десятилетий, чтобы наделить крестьян. За двадцать лет население практически удвоилось, естественно, земли не хватает, а вместе с нею и продовольствия. Но Кирилл попробует изменить это. Он сделал главное: дал полную свободу действий и гарантию исполнения всех задумок дельным людям. Кривошеин, всецело поддержанный регентом, способен добиться многого. Сизов-Романов прочил сподвижника Столыпина в премьеры, на место не слишком способного, но зато очень болтливого Родзянко. Только найти бы предлог…Пора дать по-настоящему трудолюбивым, способным людям занять свои места. К сожалению, Гучков и компания не совсем те, кто надо. Они больше любили шантажировать власть, чем помогать ей и созидать. Только народ понял это слишком поздно, когда и царя свергли, и временщиков арестовали…

Наконец, Кирилл приехал в Царское. Там было пасмурно и скучно: ранняя весна превращал это село дворцов в нечто вроде заброшенного поместья. Грязь, с которой ничего нельзя поделать, опустевшие хоромы, редко встречавшиеся на пути люди. С того дня, как Петроград принялись "освобождать" от излишних учреждений, а Великих князей и вообще всех тех, кто принести беспокойство, под благовидными предлогам удалять от столицы, Царское потеряло былой блеск. Здесь остался единственный центр жизни: резиденция Алексея. По правде сказать, и этого места коснулись значительные изменения. Подъезды к дворцу были перегорожены, охрана силена впятеро, то тут, то там попадались пулемётные гнёзда и доты. У посетителей и даже тех, кто просто проходил мимо, тщательнейшим образом проверялись документы. У ворот, на всякий случай, всегда дежурило два броневика, экипажи которых доказали свою верность престолу. Кириллу совершенно не хотелось, чтобы в случае чего дворец оказалось легко взять. Тут был и запас продовольствия, и спешно оборудованная электростанция, располагавшаяся под защитой пулемётов ещё одного бронеавтомобиля. Во дворце и флигелях устроили казармы для батальона лейб-гвардии Кирилловского полка, самой верной правительству части. Сизов-Романов намеревался подтянуть сюда же и в Петроград другие надёжные части. Замысел этот уже начал реализовываться: послезавтра ожидалось прибытие Дикой дивизии, недавно влитый в третий конный корпус. Последний был расквартирован в Царском селе и окрестностях. В общем, были приняты все меры для того, чтобы защитить императора, его мать и дочерей.

Но Кирилл серьёзно ограничил круг общения августейшей семьи, и без того не то чтобы широкий. Всё это было сделано для того, чтобы Александра Фёдоровна не подверглась влиянию каких-нибудь авантюристов, как это было во времена распутинщины.

Регент с довольной улыбкой осматривал укрепления и охрану, салютовавшую приехавшему Верховному Главнокомандующему. Между Однако на лицах солдат и офицеров нельзя было не заметить тени волнения. Похоже, слух о недуге императора всё-таки пошёл гулять. Значит, ещё день-другой, и об этом станет известно в столице. А ещё в течение недели — во всех губернских городах Европейской России. Надо было срочно действовать. Может быть, следует использовать такую волнительную новость для удара по оппозиции? Тогда следует на каждом углу кричать о том, что Алексей на краю смерти, что император серьёзно болен, и эта новость затмит другие, возможно, ещё более важные? А пока суд да дело…

Да, так и следует поступить.

— Ваше Высокопревосходительство! — Боткин находился в отвратительном расположении духа.

Он до белых костяшек сжимал кулаки, ходил из угла в угол, не обращая внимания на мятый пиджак и всклокоченную бородку. В глазах его застыла тревога, так сказать, высшей пробы.

— Скажите, как он?

Кирилл кивнул на двери покоев императора. Оттуда раздавались девичьи всхлипы. Кажется, Анастасия плачет…А может, Мария…Молодые княжны боятся, что потеряют брата.

— Мы не можем остановить кровь, идущую из носа, поминутно меняем ватные тампоны: они насквозь пропитываются. Ещё день, а может, два, и…И, боюсь, наступит непоправимое.

Боткин, не выдержав волнения, ударил кулаком по столу. И Кирилл, и охрана, и придворные с медиками сделали вид, что ничего не заметили.

— Может быть, требуются какие-то лекарства? Только скажите, и я всё привезу, — регент заложил руки за спину и тоже принялся ходить по приёмным покоям.

Раз в минуту-другую они встречались посередине, бросали друг на друга многозначительные взгляды и расходились. Так продолжалось долго, очень долго. Наконец Боткин произнёс:

— В общем-то, пора издавать бюллетени о состоянии здоровья Его Императорского Величества…Однако мы будем бороться за его жизнь. Попробуем кое-какие лекарства. Будем молиться, чтобы кровь перестала идти. Уже не раз и не два Господь проносил, и здоровье Алексея Николаевича оказывалось вне опасности.

— Хорошо. Я не буду беспокоить императора, скажите, если случай представится, сообщите о моём визите. И, прошу Вас, сделайте всё возможное, чтобы спасти императора!

Кирилл с надеждой посмотрел на Боткина. Тот остановился, не успев занести ногу для очередного шага, и совершенно спокойно ответил:

— Можете быть уверены: я сделаю всё, от меня зависящее, чтобы сохранить Его Императорское Величество для России!

В Боткине говорила гордость придворного врача и уверенность в собственных силах. Да пусть хоть петухом кричит, только бы спас Алексея! Только бы всё обошлось и на этот раз!

— Всецело полагаюсь на Вас, — кинул регент и направился к начальнику отделения Службы имперской безопасности в Царском селе.

Пробыв там около получаса и отдав приказания, касающиеся обеспечения охраны императора, Кирилл отбыл в Петроград. Он прибыл как раз вовремя: ровно через день должна была открыться мирная конференция…

Уже на вокзале, едва ступив на перрон, Великий князь оказался в гуще событий. Вокруг мельтешили люди, спешившие побыстрее покинуть поезд и оказаться на Невском проспекте, где назначен был парад моряков и солдат особо отличившихся в ходе войны частей. Сюда брали "с бору по сосенке": проспект должен был окраситься в червонно-чёрные цвета георгиевских ленточек и зазвенеть от бесчисленных медалей и орденов. Батальон лейб-гвардии Кирилловского полка должен был возглавить шествие, тут же должны были оказаться и бронеавтомобили.

Кирилл, ни на что не отвлекаясь, устремился в Штаб отдельного корпуса жандармов: здесь должно было собраться совещание, на котором решится исход предстоящих событий…

Как ни странно, в то же время, буквально в ту же минуту, в одном из залов Таврического дворца собрались "либеральные" министры. Здесь были Милюков, Гучков, Коновалов, Терещенко, Львов и, конечно же, Родзянко. Звали и Мануйлова, но тот был всецело поглощён работой над готовившейся реформой образования. Во всяком случае, именно под таким предлогом министр народного просвещения отказался придти на "частный и конфиденциальный разговор". Господа совещавшиеся оказались взвинчены до предела. Даже обычно спокойный, даже меланхоличный, Гучков кусал губы от волнения, ходил из угла в угол, заложив руки за спину, и бубнил себе что-то под нос. Терещенко, в невероятно дорогом фраке, выписанном прямо из Лондона, смежил веки и делал вид, что ушёл в глубокие раздумья. На самом деле он просто ждал, чтобы кто-нибудь всё-таки начала разговор. Милюков, единственный, кто хранил спокойствие из собравшихся, протирал пенсне, изредка бросая вопросительные взгляды на игравшего желваками Родзянко и устремившего в пустоту взгляд Львова.

— Господа, может быть, мы всё-таки начнём наше импровизированные заседание Совета министров? — первым таки не выдержал Коновалов.

Постоянная работа плохо сказалась на его нервах. Прежде спокойный, флегматичный, он стал дёрганым, огрызающимся на любые упрёки и даже намёк на критику. Ещё чуть-чуть, и его вполне можно назвать вторым Протопоповым — то есть, попросту говоря, свихнувшимся от напряжения.

— Отчего бы и не начать? — подхватил Гучков, наконец-то прекративший нервировавшие министров хождения из угла в угол. — Кирилл что-то затевает. Неделю назад его план реформ, даже не оговорённый с нами, опубликовали во всех газетах. И что же? Народ, похоже, радостно воспринял все те фантазии, о которых говорил регент.

— А не кажется ли Вам, Александр Иванович, что эта программа — как раз то самое, чего Вы просили от Николая в пятом году? — спросил Милюков, водрузив пенсне на законное место. — Лично меня, конечно же, насторожили все эти словеса про земельную реформу. Это не похоже на шаг к окончательному решению аграрного вопроса, верно. Но что касается образования — то здесь учтены все наши пожелания. Рабочий вопрос также начнёт решаться потихоньку.

— Нет, нас ждёт рабочая революция, как только всё это начнут воплощать в жизнь, — встрял Коновалов.

Будучи создателем и вдохновителем рабочей группы при военно-промышленных комитетах, он мнил себя величайшим специалистом по рабочему вопросу и представителем интересов всякого трудящегося. В общем, Владимир Ильич от деловых кругов, никак не меньше.

— Власть сейчас крепка, как никогда. Чего стоит проведение мирной конференции не в Париже или Лондоне, а в Петрограде? Здесь, в столице России, утрут нос немцам, огласят какой-нибудь документ о присоединении Царьграда — и толпы взвоют от счастья, примутся качать на руках регента. Во всяком случае, я рад, что мы наконец-то обрели вожделенные проливы, — парировал Милюков.

— Павел Николаевич, когда это Вы стали черносотенцем? — не выдержал Львов. — Неужели Вы с распростёртыми объятиями встретите любое предложение регента? Но ведь его политика заведёт нас…

— Она привела нас к победе, господа, надо смотреть фактам в лицо. Четыре года мы говорили о сильной власти — и вот она, у нас под носом, в лице Великого князя воплотилась. Он созывает Думу, и хочет изменить закон от третьего июня. Такого даже Вы, Александр Иванович, не требовали.

— Я требовал другое, более полезное для дела государственного, — огрызнулся Гучков.

Да, сильно же его вывело из себя то, что регент не захотел оговорить программу реформы с ним, выразителем интересов общественности! Великий князь даже товарищей министра — Шуваева и Маниковского — назначил без того, чтоб поставить Александра Ивановича в известность. Да, Гучков не спорил, что как минимум Маниковский — блестящий специалист, талант, но здесь дело касалось принципа! Кроме того, большинство идей министра оказалось регентом загублено ещё, буквально, во младенчестве. Что Кирилл себе позволяет? Сколько это может продолжаться? Надо к чёрту убрать его подальше от престола, иначе он наворотит дел! Он погубит Россию, Львов здесь прав, как он прав!

— Тем более…Мы теряем контроль над ситуацией, — озвучил общую идею Коновалов. — Настроить общественность против Великого князя будет очень трудно. Победителей, как говорится, не судят. Но…Если так будет продолжаться и дальше…Кто знает — может, он исполнит желание Николая вернуться к самодержавию и задавить всех инакомыслящих?

— До меня дошли слухи и о том, что вот-вот начнут ревизию военно-промышленных комитетов и Земгора, — произнёс голосом, полным смятения, Львов. — Если это так, то…

— То нам грозят неприятности, — продолжил Гучков. — Большие неприятности. Господа, не пора ли нам отнять руль у безумного шофёра и передать его в надёжные руки? Иначе нам грозит…

— Гибель грозит, Александр Иванович, — Родзянко "изобрёл велосипед. — Но как? Сейчас не февраль семнадцатого, Петроград не подымется на войну с протопоповской полицией, не бросится на штурм "тёмных сил". Или вы сами, господа, забыли, чем обернулись те выступления? Не забыли, что сами мы оказались под угрозой гибели? Помните ли Вы крики опьянённой "волей" толпы? Помните выстрелы у самого Таврического дворца? Помните погибших на площадях и проспектах?

— Всякая политическая борьба сейчас исключена, — подытожил Львов. — Нам нужно бороться с регентом другими методами.

— Какими? — прищурил глаза Гучков.

Он ждал, что его идею "устранения" озвучить кто-либо другой.

— Другими, Александр Иванович, — с нажимом повторил нынешний министр по делам местного самоуправления. — Вспомните Вашу идею физического устранения тирана.

— Вы сами об этом вспомнили, Георгий Евгеньевич…

— Господа, боюсь, сейчас не тот момент. Народ не поймёт подобного шага…Если нам кто-то и захочет помочь, кто-то из окружения Кирилла, то что будет, если раскроется наш замысел? Каракозовцев и народовольцев — и тех будут теплее вспоминать. И тем более — уподобиться эсерам? Марать руки в крови? Сейчас, когда мы победили германцев? Зачем? Вот-вот объявят точный день выборов в Думу. Подождём. Мы, министры, при которых была достигнута победа, соберём немало голосов!

— Павел Николаевич, я Вас, признаться, не узнаю, — вдруг сказал Терещенко. — Где Ваша храбрость, где боевой задор? Уж не Вы ли сказали речь о глупости или измене?

И правда, что же случилось с Милюковым? Прежде готовый объединиться с эсерами и польскими националистами, лишь бы пробиться на политический Олимп, критиковавший власть всегда и везде, в кого он превратился? А вс ё дело было в том, что Кирилл смог исполнить заветную мечту лидера кадетов: покорить Царьград и Проливы для России. Тем более, ещё в конце шестнадцатого года Павел Николаевич колебался, решая, принять ли участие в заговоре или нет. В нём проснулась та струнка души, которая редко, чрезвычайно редко играла: струнка эта была монархической. Он мечтал о конституционной — но всё же монархии. А сейчас, при малолетнем императоре, регентом при котором никто бы из по-настоящему деятельных людей стать бы не смог — маячила опасность крушения той идеи, которая скрепляла Россию. Разум историка, поддержанный душою патриота, заговорил с сердцем политика, И, похоже, последнее проиграло.

"Как странно…Неужели я настолько изменился? Мы с Александром Ивановичем поменялись местами, какая прелесть…Интересно, что скажут об этом историки? О чём умолчат? А может, самому написать книгу об этих днях…"

— Нет, господа, я против физического устранения регента. Как хотите, но я остаюсь лидером кадетов, и если на моей репутации окажется ТАКОЕ, — всплеснул руками Милюков, — пятно, то как же будут относиться к партии народной свободы? Нас поставят в один ряд с социал-демократами, а мне этого не нужно. Увольте.

— Что ж, мы справимся сами, Павел Николаевич. Можем ли мы надеяться, что ни слова о том, что Вы сегодня услышали, не окажется известно Кириллу?

— Я даю слово, — кивнул Милюков. — Прощайте. Меня ждут дела. Конференция…Проливы…

Едва за министром иностранных дел закрылись двери, как Гучков поднялся с места.

— Итак. Решено. Мы должны устранить Кирилла, пока он не изничтожил нас и не превратил русский народ в "чёрную сотню".

Александр Иванович говорил спокойно и уверенно. Сказался опыт: не впервой ему было выступать организатором переворота. В тот раз всё, правда, вышло не так гладко, как хотелось, но в этот! Уж сейчас-то всё пройдёт как по маслу. Благо, у них есть кое-какое влияние на правительство и бюрократию, на армию. Он лично знаком с офицерами некоторых полков, которые пройдут парадом по Невскому. Надо будет ещё договориться с дражайшим господином…

Гучков оборвал себя буквально на середине мысли. Имя, так им и не названное даже "про себя", коробило, действовало на нервы военному и морскому министру. Но что делать? Если этот человек мог помочь — то необходимо его использовать. Ради великой цели, ради устранения диктатора и установления нормального правления, оздоровления строя.

— Мы избавим Россию от тирана. Вот как следует действовать… — и Гучков начал излагать план, лишь в деталях отличавшийся от одной из заготовок заговора против Николая Второго…

Наконец, когда совещание уже подходило к концу, Львов вдруг предложил запасной вариант.

— Господа, быть может, ещё не всё потеряно. Можно решить это мирным путём. Предъявим ультиматум: или Кирилл меняет программу реформ и выполняет другие наши требования, или мы подаём в отставку.

Повисло гнетущее молчание.

— Вы предлагает идти ва-банк? — сощурил глаза Гучков.

Да, это было ему по душе! Кровь быстрее текла по жилам, сердце рвалось из груди, — жизнь больше не казалась пресной! Он снова оказался в родной стихии авантюр и приключений.

— Именно, — утвердительно кивнул Львов. — На завтрашнем заседании Совета министров предъявим ультиматум. И дело с концом. Разве пойдёт он против общественности?

"Пойдёт, этот не струсит" — невесело подумал Родзянко. Он решил, что в случае чего не присоединится к мятежным министрам. Всё-таки, теперь сбылось его желание: он стал премьером. Должность министра внутренних дел, правда, тяготила его, но регент вроде как хотел подобрать человека для решения этой проблемы. А он, как того когда-то хотел Столыпин, оставит за собой только премьерский пост. Если, конечно, Великого князя в этом убедить. А может, и вовсе…Предупредить его? Пусть знает, что Родзянко на стороне монархии и престола, что он не станет бунтовщиком! Тем более сейчас не семнадцатый год, сейчас подобного выступления никто не поймёт. Вся эта выходка — мятеж обречённых…Да, надо немедленно рассказать обо всём Кириллу!..Но…о готовящемся покушении- ни слова…Всё-таки…Надо только намекнуть…Иначе меня посчитают замешанным в этом…Надо только намекнуть…

Сизов-Романов принимал доклад Спиридовича. Тот был взволнован как никогда, рассказывая о ходе расследования, что поминутно дёргал себя за усы.

— Жаль, что Бобрев лично не смог прибыть с докладом, — вздохнул Кирилл. — Как его успехи?

— Он вплотную работает с одним из работников военно-промышленного комитета, точнее, работницей, — как бы между делом сказал Александр Иванович.

— Да? — бровь Кирилла поползла вверх.

"Шустёр!" — подумал регент.

— Да. Возможно, в ближайшие дни он сумеет подобраться к документации комитетчиков, и тогда…

— Надо, чтобы уличающие Гучкова и компанию документы были на этом столе уже завтра, Александр Иванович, Вы меня понимаете?

Сизов-Романов требовал невозможного, но иного выхода у него не было. Толстяк Родзянко всё рассказа о готовящемся демарше министров.

— Гучков и некоторые другие члены Совета вот-вот предъявят мне ультиматум, естественно, начнётся кампания в прессе и на общественных собраниях. Нам нужен упреждающий удар.

— Кирилл Владимирович, признаться честно: я давно ждал подобных слов от Вас, — улыбнулся Спиридович.

Да, многие годы он ненавидел Гучкова, даже на дуэль вызывал, но та сорвалась. Теперь

же…А что, если снова попробовать бросить ему вызов? Известнейший бретер, лидер октябристов не откажется. Особенно если его снимут с поста министра. Правда, шум поднимется! Но величайший заговорщик России будет, наконец-то, настигнут возмездием!

— Вы что-то замышляете, судя по блеску Ваших глаз, Александр Иванович, — Кирилл приблизился к Спиридовичу. — Что именно?

— Ваше Высокопревосходительство, я прошу Вашего разрешения на дуэль с Александром Ивановичем Гучковым! Я собираюсь стреляться с ним!

Сказать, что Кирилл был ошеломлён — ничего не сказать. Он принялся ходить по комнате от волнения, что бывало с ним редко. На людях он вообще не любил показывать свои чувства, свои сомнения, он хотел создать образ сильного правителя, всегда уверенного в себе. Наверное, Николай Второй хотел того же самого, но не получилось, не получилось. Не вышла из сына Александра Третьего копия последнего. Не вышел характером, к сожалению.

"Что же мне ответить? Дать ли согласие? Какой фурор поднимется! Какой крик! Крик…Он заглушит многое…И если Спиридович убьёт или тяжело ранит Гучкова, то это будет словно гром среди ясного неба. Этакое возмездие за всё то, что совершил октябрист в пору своего политического взлёта. Месть за распускаемые слухи о царской семье, месть за ту ложь, которую распространял Александр Иванович о власти, и которая сильно ударила по её авторитету в труднейшую для России годину. Месть за измену, на которую он пошёл, прикрываясь громкими словами о патриотизме, но на самом деле лишь желая потешить свои политические амбиции. Да, это будет нечто…"

Кирилл замер, не в силах ни шагу сделать.

"Но что, если Гучков убьёт Спиридовича? Будет потерян ценнейший работник, патриот. Мало на кого сейчас я могу всецело положиться, и если погибнет…Да…Что же делать?"

Наконец, Сизов-Романов решился.

— Я даю Вам своё согласие. Пусть Бог рассудит Ваш давний спор, — Кирилл тяжело опустился на кресло.

В висках стучало от напряжения, перед глазами то возникали, то исчезали разноцветные круги.

— Благодарю, — поклонился Спиридович. — Но, если меня постигнет неудача, и я погибну на дули…Могли бы Вы исполнить моё предсмертное желание?

"Интересно, чего он захочет?" — напрягся Кирилл.

— Да, всё, что в моих силах, — из уст регента при императоре Всероссийском это звучало весьма и весьма многозначительно. — Чего Вы желаете?

— Я бы хотел, чтобы моя жена была обеспечена до самой смерти. И… — Сприидович с трудом подбирал слова. Видно было, что волновался без меры. — Я хочу, чтобы Дмитрий Петрович Бобрев, если всё-таки пожелает сыграть свадьбу, был бы всемерно поддержан Вашим Высокопревосходительством.

— Объяснитесь…

Так. Бобрев "разрабатывает" девушку из комитета…Неужели он влюбился? Господи, он же казался профессионалом! Неужели поступит как мальчишка? Он же…Хотя…С комитетами скоро будет покончено…А Бобрева надо вознаградить за его труды…Только исполнение желания о счастливой любви — настоящая награда, всё остальное — подачки.

— Хотя…Я, кажется, знаю, о чём Вы говорите.

Великий князь и Спиридович обменялись понимающими и очень красноречивыми взглядами.

— Она, надеюсь, самая красивая девушка на свете? Иначе мальчишество я отказываюсь понимать, — улыбнулся Сизов.

Он тоже был одинок всю жизнь, и где-то в глубине его души ему захотелось подарить счастье хоть кому-то из своих коллег.

— Я бы сам был бы рад соединить с Анной Канторович свою жизнь, — совершенно

серьёзно ответил Спиридович.

— Тогда я прикажу, чтобы её не трогали. И отдам необходимые распоряжения касательно обустройства их будущего гнёздышка. Надеюсь, у них всё получится. Александр Иванович, — Кирилл был настроен на романтику сегодня. — А у Вас нет ощущения, что мы исполняем роль свах? Или родителей молодых?

— С первой минуты, как я узнал о чувствах Бобрева к этой девушке, меня это ощущение не покидает, — улыбнулся Спиридович.

— Надо же…

Кирилл задумался.

— Что ж, совет им и любовь. Вы свободны, Александр Иванович. Передайте Дмитрию Петровичу мои пожелания любви и счастья, и всего остального, что сочтёте нужным.

— Всенепременно. Благодарю Вас, — цокнул каблуками сапог Спиридович и вышел из кабинета.

Через мгновение к регенту влетел барон фот Коттен, начальник Службы имперской безопасности. Кирилл вызвал его ещё утром, но только сейчас тот сумел оставить на минуточку дела.

— Ваше Высокопревосходительство!

Фон Коттен раскраснелся. Он весь был погружён в работу. Ещё бы! Столько всего нужно было сделать! Манифест распечатать, и наладить его распространение по губерниям.

Что за манифест? О, это была страшная тайна, которая вот-вот раскроется, в ту же минуту, как начнутся аресты членов военно-промышленных комитетов и Земгора, замешанных в растрате, государственной измене, антиправительственной агитации и многих других преступлениях.

— Барон, здравствуйте, — Кирилл жестом предложил верному служаке присесть. — Как продвигается подготовка к операции?

— Идёт полным ходом. Возникли, правда, некоторые трудности: не хватает людей. Киевское и Московское отделения могут не справиться с делом одновременного ареста всех преступников. Прошу у Вас санкции на привлечение к операции всех сил полиции и армии.

— Вы могли бы и не спрашивать этого, делайте всё, что сочтёте нужным, — довольно ответил Кирилл.

Дело всей его жизни вот-вот должны было завершиться.

— Что там с обеспечением охраны конференции? Что с парадом?

— Войска пройдут по Невскому. Вы выступите с речью. Желательно, чтобы рядом был император…

— К сожалению, он болен, — как бы между делом сказал регент.

Фон Коттен на мгновение замер.

— Всё так серьёзно?

— Более чем. Впрочем, как обычно, — вздохнул Кирилл. — Как там начальник войсковой охраны города Занкевич? Что Кутепов?

— Докладывают, что всё спокойно и готов к предстоящему торжеству. Правда, агентов охраны меньше, чем нам того хотелось бы. Не все участки, скажем так, можно обезопасить.

— Тогда сосредоточьте силы на главных участках. Пусть меньше агентов оберегает мою персону, а сосредоточится на других целях.

— Ваше Высокопревосходительство! — фон Коттен буквально подпрыгнул. — Этого ни в коем случае нельзя допускать! Ваша персона…

— Мне ничего не грозит. Все, кто мог бы нанести мне вред, будут к тому времени задержаны. На параде меня тоже вряд ли тронут: на виду-то у всего мира…

Сомнение кольнуло регента, но он отбросил его прочь.

— Пусть больше агентов будет направлено на устранение военно-промышленных комитетов. Все их члены, замешанные в преступлениях, должны быть арестованы одновременно, так, чтобы никто не мог скрыться. Списки у Вас уже есть?

— Так точно, — кивнул фон Коттен. — Нам даже не нужны новые доказательства,

документов и так хватает, чтобы…

— Завтра мы добудем последнюю часть мозаики доказательств. Завтра. Там наиболее важные материалы — бухгалтерия Центрального Военно-промышленного комитета. Причём ни Гучков, ни кто-либо ещё не будет знать о том, что эти бумаги уже у нас на руках.

— Ваше Высокопревосходительство, по-моему, Вы излишне перестраховываетесь. Арестуем комитетчиков. Возьмём бумаги. Что ещё нужно?

— У нас на руках уже должны быть доказательства. Я хотел бы, чтобы мы действовали в рамках закона, а для того нужны неопровержимые, чугунные факты.

Кирилл просто не хотел, чтобы кто-либо из заговорщиков избежал наказания: он намеревался судить их всех открытым судом. И чем больше доказательств к тому моменту будет собрано, тем лучше.

— На всякий случай, я подготовил указ о наделении Вас чрезвычайными полномочиями, — Кирилл вручил лист гербовой бумаги барону. — Вы вольны будете действовать так, как сочтёте нужным, если…со мной что-то всё же случится.

— Мы примем все меры, чтобы ни единого волоса не упало с Вашей головы! Жизнью отвечаю за Вашу безопасность!

Если бы они только знали, что ещё с февраля семнадцатого года господин Занкевич вошёл в число заговорщиков. Именно был тем "жандармом", который посетил кружок Керенского, именно он заявил Хабалову, что войск для обороны Петрограда нет, и что вооружённая борьба бессмысленна. Кирилла его так и не сумел раскрыть…

***

Но великие дела тем утром делали не только во дворцах. Двое влюблённых снова встретились. Зима сказала жителям столицы последнее "прости": выпал снег, правда, мокрый. Улицы побелели, а дворники потемнели от предвкушения работы. Ещё бы, снег-то им расчищать! Да в придачу похолодало!

Однако Бобрев не обращал совершенно никакого внимания на окружавшую его действительность. Он снова и снова прокручивал в памяти вчерашнюю прогулку с Анной. Боже, как она прекрасна! Сердце замирало, когда она с невыразимым изяществом, так мило запускала ладошку в свои очаровательные волосы. А улыбка, её улыбка! Она — Дмитрий готов был поклясться — могла растопить даже льды Арктики. Но великолепней всего был её смех, не громкий и не тихий, ничуть не раздражавший, но даривший радость и ощущение теплоты.

"Нет, всё же, лучше всего у неё выходят поцелуи" — не без удовольствия подумал контрразведчик.

Канторович всю ночь — она сомкнула глаза лишь незадолго перед рассветом — думала о прошедшем, поистине фантастическом дне. Он всё никак не могла понять, отчего ей так легко и свободно дышится рядом с этим человеком? Да и, вообще, как она, взрослый уже человек, могла по уши, словно курсистка, влюбиться в совершенно незнакомого человека? Конечно, Дмитрий рассказал ей во время прогулки практически всё. И о рано умерших родителях, и об учёбе в кадетском корпусе, и в юнкерском училище, и о службе в Западном Крае, и об участии в войне. Только о ранении не любил он говорить: видно было, что Саше больно об этом вспоминать.

"Саше…Вот я его и назвала ласково, будто бы знакома с ним давным-давно" — с улыбкой подумала Анна. Через секунду она уже спала, тихо и мирно, и снились ей такие нежные розы и замечательный человек, их подаривший.

Проснулась она, уже глубоко убеждённая в том, что любит Дмитрия, и хочет провести с ним всю оставшуюся жизнь. И всё же Анна боялась — Боже, как она боялась! — вновь обжечься. Вдруг этот человек не такой, каким кажется? Вдруг он обманывает её, вдруг это не любовь, а флирт, роман, затеянный с одной, прекрасно известной Канторович целью? Надо обо всём подумать. Может быть, стоит познакомить его с Винавером? Максим Моисеевич самый умный из известных ей людей, он уж точно сможет сказать: любит Дмитрий её или

заигрывает? Да, обязательно надо их познакомить! Прямо сегодня! Не к чему медлить!

Честно говоря, Канторович была не из тех девушек, которые готовы тратить недели, а то и месяцы, ожидая решительных действий от молодых людей. Она совершенно не хотела, чтобы хоть самая короткая секундочка оказалась потеряна. Ведь если всё сложится хорошо — её ждёт счастье, то самое счастье, которое она искала все эти годы!

Анна очень рано потеряла отца: когда ей было пять, он ушёл из семьи, бросил жену с ребёнком на руках. Будучи не последним человеком в обществе, Павел Канторович смог легко и быстро устроить развод. Но никакие связи не могли бы подарить дочери процветающего адвоката счастье. Ещё тогда в сердце Анны зародилась пока ещё смутная, робкая даже, мечта о новом папе. Годы шли, и образ этот преобразился: теперь мадмуазель Канторович виделся муж-рыцарь, без страха и упрёка, верный, сильный, мужественный, заботливый и романтичный. Ещё в юности девушка славилась красотой, и у неё не было недостатка в поклонниках, а то и в женихах. Но годы шли — а образ так и не обрёл воплощения. У подруг Анны мечты потихоньку потускнели, и они вышли замуж отнюдь не за тех мужчин, которые соответствовали бы девичьим идеалам. Но не такова была Анна: она ждала исполнения заветной мечты. И вот, похоже, дождалась! Она наконец-то нашла родственную душу и не собиралась её потерять!

— Надо бы показать его Винаверу, — дошло наконец-то до мадмуазель Канторович.

Старый еврей-юрист заменил Анне родителей, помог получить образование, работу. Она, ничуть не боясь, делилась с Максимом Моисеевичем всеми секретами (ну, почти всеми). Винавер, мудрый Винавер не раз и не два помог ей советом и средствами. И вот теперь настал решающий час: вот-вот судьба Анны изменится, и только её друг может помочь ей.

— Да, их обязательно следует познакомить друг с другом! — воскликнула Канторович, и побежала на службу.

Дмитрий ждал её у парадной, с букетом цветов, на этот раз жёлтых тюльпанов. Едва завидев Анну, Бобрев расцвёл, не хуже, чем подсолнух, подаваясь навстречу рассветному солнцу. Он в несколько шагов преодолел путь от коляски извозчика до дверей, из которых показалась любимая.

— Здравствуй, Анна, — незаметно перешёл он на "ты", а Канторович была, конечно же, только рада этому.

— Здравствуй, Дмитрий.

Она, глядя прямо в глаза Бобреву, взяла его за руку, согрев теплом ладоней. Ветер зашелестел в лепестках цветов, наполнив всё вокруг ароматом весны и радости. Так они стояли долго, не в силах сказать друг другу ни слова. Да и к чему нужны были слова? Наконец, Анна нарушила молчание:

— Я хотела бы, чтобы ты поехал со мной и познакомился с Максимом Моисеевичем Винавером, моим начальником и, — Канторович замялась, — лучшим другом. Я хочу, чтобы вы просто поговорили…

Дмитрий замешкался на секунду. Зачем Анне это? Да, ему известно, как много Винавер значит для этой девушки, но…

"Но это же шанс! Ты получишь доступ к его кабинету, в этом не может быть никаких сомнений! Только что ты будешь там делать? Воровать папки? В кабинете, скорее всего, есть несгораемый шкаф, и именно там должны храниться все необходимые регенту бумаги. Шкаф, без сомнения, заперт. Даже если нет, то бухгалтерию просто так не вынести. Если его застанут за таким занятием — Анна навсегда будет для него потеряна. Нет. Должен быть другой выход. И всё же…Зачем она хочет меня с ним, практически отцом ей, познакомить…Отцом…Неужели…Да! Да! Да!"

— Конечно, я согласен! Хоть на край света, — выдохнул Дмитрий.

Всё шло даже быстрее, чем он надеялся, в сотни раз быстрее. И он был этому несказанно рад.

— Какой ты у меня храбрый, — улыбнулась Анна. — Поехали!

Они сели в коляску, держась за руки.

— На Литейный, к военно-промышленному комитету! Гони! — радостно воскликнул Бобрев.

— Будь сделано, Ваше Благородье! — отозвался ямщик, и они помчались навстречу судьбе.

"Кучер" всю дорогу удивлялся, почему Анна и Дмитрий замолкли. Что это с ними? Но едва он обернулся, как сразу всё понял: влюблённым было не до слов, они общались поцелуями.

"А он всё-таки не играет влюблённого, он на самом деле любит…Эх, дело молодое! Совет им да любовь!"

— Приезжай-ка сегодня в шесть часов сюда, забери нас обратно. Сколько возьмёшь за это, а?

Бобрев протянул несколько мятых купюр "ямщику".

— Так эт, Ваш Благородь, тут два двугривенника, никак не меньше, — лихач отстранил руку Дмитрия.

Контрразведчик почувствовал, что коллега вложил ему что-то в ладонь.

— Но ради тебя, можно и за бесплатно, мил человек! — расхохотался ямщик.

Но его умные глаза, глаза еврея, сражавшегося против иностранных разведок, когда Бобрев ещё только начинал карьеру, оставались серьёзны.

— На секунду вставь это в замочную щель, — шёпотом сказал Ивушка Манасевич, всё это время блестяще игравший лихача. — Потом отдай мне. Спиридович просил передать, что брак Ваш благословил Сам. Понятно?

Сам регент позволил ему действовать! Дмитрий улыбался во все тридцать два зуба.

— Ай, спасибо! — хлопнул он по плечу "лихача", да так, что тот едва не свалился с козел. — Жду!

— Эх, прокачу! — на прощание воскликнул Манасевич и укатил, наверное, в Штаб.

— Пойдём, — Анна потянула его за руку, ничуть не обращая внимания на многозначительные взгляды прохожих, многие из которых были её сослуживцами.

Швейцар поклонился гостям и широко распахнул перед ними двери военно-промышленного комитета. Дмитрий оказался, можно сказать, в самом сердце врага. К счастью, ни Анна, ни Винавер, лишь недавно ставшие здесь работать, не были причастны к тёмным делишкам пятнадцатого и шестнадцатого годов. Иначе бы ему не так легко дался путь до кабинета Максима Моисеевича.

Хозяин встретил их с распростёртыми объятиями. Прямо из воздуха взялась бутылка французского коньяка.

"Может, они родственники? — подумал Бобрев, наблюдая за манипуляциями Винавера. — Так ловко управляются со спиртным!"

— Будьте как дома Дмитрий Петрович, располагайтесь! Милая Анна Павловна столько рассказала о Вас, что, право, даже из половины сказанного можно понять, что Вы — лучший человек в мире.

Бобрев хотел было возразить, но Винавер замахал руками.

— Нет-нет, не смейте спорить! Вы лучше пейте, пейте сию животворную влагу! — Максим Моисеевич протянул бокал контрразведчику, а потом повернулся к сиявшей Анне. — Голубушка, принесите-ка, пожалуйста, мне отчёт за последнюю неделю. А я пока поболтаю о всяких глупостях с Вашим другом. Вы не будете против?

Старый, умный еврей многозначительно улыбнулся.

— Да, конечно же, — Канторович всё поняла и быстро удалилась, шепнув на ухо Бобреву: — Не волнуйся, он хочет нам только добра.

— Благодарю, — кивнул Винавер, и продолжил, едва закрылась дверь за Анной. — Итак, молодой человек. В сущности, мне не так важно, кем Вы были до сего момента, героем ли, или ещё кем. Если Вы что-то…не совсем правдиво рассказали дорогой Анне Павловне, то вряд ли что-то изменится в Вашем рассказе для меня.

Дмитрий хотел было возразить, но Винавер замахал руками.

— Не принимайте близко к сердцу! Я просто слишком долго жил на этом свете, чтобы верить даже самым честным людям. Меня волнует другое. Каковы Ваши намерения относительно Анны Павловны? Любите ли Вы её? Готовы ли оберегать её? Признаться, прежде она никогда так не влюблялась в практически незнакомого человека. Но, может, оно и к лучшему. Не на этой земле заключаются браки между любящими людьми, — Винавер смахнул слезу. Старик расчувствовался. — Итак, Ваше слово?

Бобрев поднялся, вытянувшись как на параде. Нет, даже лучше, чем на параде.

— Я хочу соединить мою жизнь с жизнью Анны. Вот моё единственное желание, — просто и коротко ответил Дмитрий.

Винавер молчал. А потом…Потом взялся на сердце, растрогался, расплакался как ребёнок, обнял Бобрева.

— Простите мне мои чувства, я просто очень стар, никаких приличий уже не соблюдаю, — трогательно заговорил Максим Моисеевич. — Простите…Я покину Вас на мгновение, надо кое-что сказать помощнику: надо ведь отпраздновать этот знаменательный день не жалкой бутылкой коньяка, а чем-то более серьёзным! Не скучайте! Я скоро!

Всё внимание Дмитрия сфокусировалось на массивном несгораемом шкафе, стоявшем по правую руку от занавешенного окна, в углу. Словно яркий ореол, нимб даже, возник вокруг замочной скважины. Надо было срочно, немедленно использовать ту штуку, которую Бобрев спрятал под бинтами. Как она работает, интересно?

Мгновение. Он достаёт нечто вязкое, похожее на глину. Следующее мгновение. Он утапливает "блинчик" в скважину. Сзади раздаётся стук шагов. Хозяин возвращается.

Дверь скрипит. Она откроется вот-вот!

Что делать?

Пальцы от волнения перестают слушаться. Он дёргает "блинчик", не в силах его вытянуть. Ещё раз. Ещё. Тщетно! Ну же!

Дверь вот-вот откроется. Винавер уже что-то говорит…

Белая глина наконец-то выходит из замочной скважины и оказывается в руке у Бобрева. Что делать! Дверь уже открыта!

И тут пальцы сами собой ложатся на занавеси, отдёргивая их.

— Максим Моисеевич, прошу прощения, что хозяйничаю у Вас, но мне просто стало душно, захотелось открыть окно, — сглотнул Бобрев.

— О, я Вас понимаю!

Хорошо, что Винавер всегда до мозга костей был адвокатом, а не следователем: он инее подумал ничего "такого", когда увидел едва знакомого гостя, стоявшего спиной к нему, рядом с несгораемым шкафом, и что там трогавшим.

— Я сам с трудом здесь дышу. А тем более такое дело! Да! Такое дело! — за спиной улыбавшегося, красного как рак Максима Моисеевича показалась Анна. — Я сейчас открою…

Винавер подошёл к окну и, делая вид, что помогает открыть форточку, шепнул Бобреву:

— Молодой человек, сейчас самое что ни на есть правильное время для того, чтоб сделать предложение. Поверьте старому еврею.

— Да…Да… — воротник кителя стал невероятно узким, дышать было практически невозможно. И всё же.

Бобрев повернулся к Анне. По её взгляду, по её подавшемуся вперёд телу, по её сиявшей улыбке было видно, что она ждёт чего-то от Дмитрия. Она хотела услышать Те Самые Слова. И она их услышала.

— Анна…Я люблю тебя…Согласна ли ты стать моей женой?

В висках стучало. Слова эти будто сами себя произнесли.

Винавер положил руку на плечо Бобрева. Дмитрий не видел лица временно исполняющего обязанности начальника Центрального военно-промышленного комитета,

иначе бы навсегда запомнил, как старики умеют озорно подмигивать.

Анна ничего не ответила. То есть…она ничего не сказала. Она просто подошла и поцеловала Дмитрия в губы. Здоровой рукой Бобрев обнял любимую за талию, желая, чтобы никогда больше не пришлось им расставаться.

— Это самый счастливый момент в моей жизни, — сказал Винавер…

Все, кто был в те часы в здании комитета, отложили все дела. Максим Моисеевич ("Раз пошло такое дело, то таки надо праздновать!") закатил пиршество. Тосты и здравицы молодым сыпались не реже, чем вопросы: "А кто этот офицер? А почему мы раньше о нём не знали?". Тогда же возникла легенда, что это её давнишний знакомый, ещё с младых лет, что их судьба разлучила, и что теперь они снова вместе. Но правда, как всегда, оказалась фантастичней вымысла.

Когда Дмитрий и Анна вышли рука об руку из здания, их встречал всё тот же лихач. Он улыбался во всю бороду, задорно приветствуя их.

— Хорошо время провели, да-с! Уважаю, Ваше Благородье, уважаю! Куда?

— Ко мне домой! — скомандовал нетвёрдым голосом Бобрев. — Вези так, чтоб не ехали, а летели! Давай! Последнее отдам!

— Полетели! — рассмеялась Анна, ещё крепче прижавшись к Дмитрию.

И вновь Ивушка не слышал не единого звука от голубков, но на этот раз оборачиваться не стал. Зачем? Пусть радуются!

— Прилетели! — расхохотался "лихач". — Выходи. Ваше Благородье! Платить даже не надо, любые вы мне, ай, любые! Свадьбу, наверное, сыграете! Подарком свадебным считайте!

— А это так заметно? — заулыбалась ещё сильнее Анна. — Спасибо!

— Да, спасибо! — вторил любимой Дмитрий, тряся за руку Ивушку. — Спасибо!

"Блинчик" перекочевал из рук в руки. Манасевич довольно подмигнул Дмитрию.

— И ещё…Скажи, что я ухожу со службы… — шёпотом сказал Бобрев. — Не хочу врать о том, кто я…Поэтому стану отставным офицером…Да и не хочу опасности подвергать её…

— Совет вам да любовь! — от чистого сердца сказал Манасевич, и его обычный тон едва не пробился сквозь завесу "простонародного говорка". — Совет да любовь! Бывай, Ваш Благородь, авось, встретимся ещё!

— И ты бывай! — помахал вслед Дмитрий.

— Ну что, показывай свои казармы, — смеясь и грозя пальчиком, сказала Анна. — Там, наверное, хуже, чем после бомбёжки!

— Нисколечко! Ты всё сама увидишь! — с наигранной укоризной сказал Бобрев.

Они шли вместе, рука об руку, провожаемые закатным солнцем…

Русские корабли вот уже два дня стояли на рейде Триеста. Адриатика встретила гостей приветливо: только однажды попали в лёгкий шторм, но вышли из него быстро, без потерь и повреждений. От этого становилось только скучнее. На Колчака напала жуткая тоска, которую делали ещё хуже непростые размышления.

Что делать после подписания мира? В профессиональном плане, конечно, всё было понятно: потребуется долгая и упорная работа. Будут обустраиваться гавани и порты Стамбула, строиться базы на Островах и в Проливах, создадут наконец-то Северный флот, первым кораблём которого стал поднятый со дна морского японцами и выкупленный у них два года назад "Варяг". На флоте нужно будет сделать несколько перестановок, поднять боевой дух, оживить работу.

Но как же быть в личной жизни? Сердце адмирала разрывалось между семьей и любимой, незабвенной Анной Васильевной. Разве может дальше продолжаться это? Люди косо смотрят на близких ему людей. В обществе ходят самые разнообразные толки и пересуды. В конце концов, недавно Анна захотела приехать к нему. Софья — тоже. А что же

Ростислав? Ростислав уже задаёт вопросы, а подрастёт — начнёт понимать, что отец его любит отнюдь не его мать…

Как же быть?

Кулак Александра Васильевича обрушился на поручень. Зазвенел металл. Рука отозвалась тяжёлой, нудной болью. Надо что-то решать! С кем ему быть? Как ему быть? Расторгнуть брак? Великий князь пойдёт ему навстречу. Да чего уж говорить: герою войны многие двери открыты. Его, должно быть, даже смогут понять. Но поймёт ли Ростислав? Как будет жить дальше Софья?

Анна…Её тоже нелегко: у неё муж, сын, скоро он станет совсем взрослым. Что же за жизнь такая, почему двое влюблённых не могут быть вместе? Проклятье!

Ещё один удар. Колчак вышел из себя, начинался столь известный на флоте "шторм" адмирала.

Как же поступить? Какую дорогу избрать?

Или, может, всё к чертям бросить — и жить дальше так, как жилось, а судьба рассудит? Нет, это выбор труса. Хотя, конечно, это самый простой способ решения проблемы…Но что дальше будет? Тучи начнут сгущаться, и Софью, и Анну начнут презирать, Ростислава — тоже могут. Как будут относиться к нему, Колчаку, Александру было плевать. Но близкие…

Итак, какое решение принять?

Адмирал замер на мгновение. Глаза его сузились. Решение было принято.

Он поговорит с Софьей, честно скажет ей то, что чувствует к Анне, и они вместе решат, как быть дальше. Его жена, конечно же, знает, что объединяет Колчака и Тимирёву, но по душам об этом они никогда не говорили. Значит, время пришло.

Поднялся ветер, прохладный, прогнавший все тяжкие думы Колчака. Адмирал не заметил даже, как на железной дороге, проложенной прямо к пирсу, показался поезд. О, это был не товарняк, исхлёстанный дождями, изъеденный ржавчиной, позабывший, что такое краска. И не обычный пассажирский, в эти дни заполненный доверху народом. Это был чёрный, чернее ночи, состав из трёх вагонов. Что-то знакомое, кто-то говорил об этом…

Колчак напрягся. На счастье, бинокль висел на шее: адмирал воспользовался им, чтобы разглядеть получше странный поезд. Тот как раз остановился у самой пристани.

Так…Габсбургские короны и орлы на стенках. Целая толпа собралась у дверей вагонов. Нет, расступилась! Шныряют туда-сюда солдаты в чёрных мундирах, это, кажется, австрийская гвардия или что-то вроде. На их знамёнах можно разглядеть "адамову голову" — череп. Да, точно! Он слышал об этом соединении. Такого эскорта удостаивается только монарх или кронпринц!

Смотри-ка! Кто-то выходит из головного вагона.

Адмирал пригляделся. Мгновение — он отложил в сторону бинокль. Всё было ясно.

— Подготовиться к встрече императора Австро-Венгрии Карла Габсбурга! Оркестр, играйте гимн! Гимн!

Отрёкшийся император Карл вместе с женой Цитой и горсткой верных придворных покидал родную державу навсегда. Вот, значит, кого Кирилл просил встретить в Триесте. Да…

Адмирал мысленно пожал руку Великому князю…

"Новое время"
Мир! Мир! Мир!

В Петрограде открывается мирная конференция, которая положит конец Великой войне. Четыре года испытаний и тягот — и вот Россия наконец-то может вздохнуть спокойно.

Открыться конференция должна парадом, который, против обыкновения, пройдёт не на Марсовом поле, а на Невском проспекте. Особо отличившиеся в дни Великой войны

солдаты и офицеры пройдут строем по улицам Петрограда. Это будет символом того, что армия, сыны Отечества, наконец-то возвращаются домой, неся победу на своих штыках. Кроме того, планируется…

"Утро России"
Крайний выпуск

К сожалению, спешим вам сообщить, что наша газета прекращает на неопределённое время свой выход. Причина — организационные проблемы. Но не было бы счастья, да несчастье помогло. Наш верный друг, великий деятель русской промышленности, Павел Павлович Рябушинский уехал в Америку для руководства отделением отечественной фирмы по производству сельскохозяйственных машин.

К другим новостям…

Глава 9

Наступает минута прощания,
Ты глядишь мне тревожно в глаза,
И ловлю я родное дыхание,
А вдали уже дышит гроза.
Дрогнул воздух туманный и синий,
И тревога коснулась висков,
И зовёт нас на подвиг Россия,
Веет ветром от шага полков…
"Прощание славянки"

Александр Иванович Спиридович дожидался окончания заседания Совета министров. О чём он только не думали в тот час! Чего только не вспоминал! Кажется, вся жизнь прошла перед глазами. Теперь же наступала минута, которая станет венцом борьбы за безопасность России. Он мысленно репетировал сцену вызова Гучкова на дуэль, но, как всегда, план сорвался, едва дошло до настоящего дела.

Последние двадцать минут из-за двери доносился разговор министров и регента на повышенных тонах. До Спиридовича долетали обрывки фраз, вроде "Не посмеете!", "Произвол!", "Глупость!", "У вас этого никогда не получится!". В конце концов, дверь кабинета хлопнула, и министры, раскрасневшиеся, взволнованные, начали покидать заседание.

Гучков казался чернее тучи. Он играл желваками, бил рукой по воздуху, не обращая внимания на происходящее вокруг. Октябрист взял себя в руки только когда кто-то преградил ему путь.

— Здравствуйте, Александр Иванович, давно не виделись, — посередине коридора возвышался Спиридович.

— Здравствуйте, здравствуйте, Александр Иванович, — небрежно ответил Гучков. — Собственно, и не хотелось с Вами видеться. Извините, но мне пора идти. Моё почтение.

Из-за скандала обычное самообладание оставило лидера военного и морского министра (точнее, уже бывшего министра), и он говорил, не скрывая своих чувств.

— Если уж Вы честны со мною, то и я буду честен с Вами. У Вас нет никакого почтения ни ко мне, ни к кому-либо в мире, — Спиридович вызывал бурю.

И она грянула.

— Да как Вы смеете оскорблять меня? Вы?! Вы, не сумевший обеспечить охрану Столыпина, проглядевший десятки террористических актов, смотрите за собой.

Былая вражда проснулась. Мир принялся вертеться вокруг их двоих.

Бывший начальник личной охраны Николая знал, как можно так уязвить Гучкова, что тот вовсе выйдет из себя и не сможет не принять вызов.

— Вы сами — негодяй и подлец, Александр Иванович. Так считает Николай Александрович, так считаю и я, — гордо и спокойно парировал Спиридович.

— Это оскорбление! Я вызвал бы за такое на дуэль, но в прошлый раз Вы не дали мне сатисфакции! — глаза Гучкова сыпали молниями.

— В этот раз я — свободный человек, не состоящий на службе, начальство мне помешать не сможет. Я вызываю Вас, Александр Иванович.

Спиридович снял с правой руки перчатку и бросил под ноги Гучкова.

Тот, вскинув голову, надменно ответил:

— Принимаю Ваш вызов. Будьте уверены, Вы ответите за свою спесь!

— Тогда — через час. В саду Таврического дворца. На пистолетах. С пятидесяти шагов, — холодно предложил Спиридович.

— Да хоть через платок! — махнул рукой Гучков. — Я немедленно начну готовиться. Пора покончить с этим!

— Александр, уймись! — окликнул его Коновалов. — Сейчас не время…

— Сейчас самое время! — отрезал Гучков. — Я сделал все дела. Если умру, ничто не изменится.

Это был знак того, что покушение уже готово, фигуры расставлены, и труба заиграла "Подъём".

Гучков был взбешён: его посмел оскорбить чёртов агентик охранки! За это он ответит!

— Замечательно, — удовлетворительно кивнул Спиридович. — И да рассудит нас Бог.

— Посмотрим! Посмотрим! — уже бывший военный и морской министр поспешил удалиться, по дороге плюясь и сквернословя. В таком диком гневе его ещё никто не видел.

— Александр Иванович, удачи Вам, — шепнул проходящий мимо регент. — Если что, мы отомстим за Вас…

— Не придётся, — сказал то ли Кириллу, то ли самому себе Спиридович.

Он шёл по коридорам Таврического дворца, переполненным народом: все спешили покончить с делами и поскорее уйти на парад. Всего час оставался до начала зрелища, каких-то жалких шестьдесят минут!

"Увижу ли наших героев? Останусь ли жив?" — как бы между прочим подумал Спиридович. Он вышел прочь из здания и сел на скамейку в саду. Ещё пятьдесят минут. Каких-то пятьдесят минут, и кому-то из двух Александров покинуть миру, а кому-то — остаться в живых. Интересно только, кому?..

***

Кирилл закончил последние приготовления. Фон Коттен, с которым они утром созванивались, доложил: манифест будет зачитан завтра. В каждой церкви, на каждой площади по всей стране народ оповестят о преступлениях военно-промышленных комитетов и Земгора. Одновременно пройдут аресты тех изменников, которые ещё даже не подозревают о предстоящих событиях. Но доказательства уже собраны и растиражированы! Ещё ночью люди фон Коттена незаметно проникли в здание Центрального военно-промышленного комитета, вскрыли несгораемый шкаф Винавера и раздобыли все необходимые бумаги. Бобрев, без которого операция не прошла бы столь гладко, награждён: его и вправду произвели в офицеры (а точнее, в штабс-капитаны, минуя сразу несколько званий) лейб-гвардии Финляндского полка. Что ж, теперь Дмитрию предстоит не так уж и много лгать своей будущей жене. Кирилл уже распорядился выделить средства двум влюблённым, какая-никакая, но дачка в окрестностях Петрограда им обеспечена.

Следующий час пролетел незаметно. Он, кажется, пожал руку тысячам людей. Представители Антанты и общественности, члены Государственного Совета и распущенной Думы, консерваторы и либералы — все спешили поздравить регента с успехом и пожелать

удачи и многих лет. Кирилл задумчиво и немногословно благодарил. Всего помыслы были связаны сейчас с операцией "Комитет", которая вот-вот начнётся…

Наконец, время настало…

***

Спиридович дождался этого момента. Наконец-то! Сколько лет? Пять? Или шесть? Сколько прошло с первого вызова Гучкова на дуэль? Ах, неважно! Неважно!

Решено было стреляться без секундантов: благо, сад был просто-напросто переполнен народом. Каким-то чудом весть о том, кто будет стреляться, облетела Петроград, и люди пришли поглазеть на историческое зрелище. Тем более, они ещё успели бы к началу парада, когда исход поединка уже решился бы.

Гучков выглядел уверенным в себе и спокойным: он всё-таки взял себя в руки, справился с гневом. Замечательно. Шансы на победный выстрел уравниваются.

— Александр Иванович, готовы? — окликнул бывшего министра Спиридович.

— Готов, — коротко ответил октябрист. — Начинаем расходиться…

— Раз… — выдохнула толпа…

***

Кирилл занял место на трибуне. Именно отсюда, с Адмиралтейской набережной, должны были двинуться к Невскому полки.

Какое чудесное это было зрелище! Ровные квадраты войск застыли напротив, готовясь сделать первый шаг. Вот-вот они примутся чеканить, топтать мостовые, одним видом своим срывая аплодисменты и чепчики с не в меру чувствительных дам. Вот застыл напротив Кавалергардский полк, красавцы! Некогда — краса и гордость всей гвардии, ныне они подрастеряли прежний задор в бесконечных боях Великой войны. Многие из старых служак погибли, нынешние пока не поднабрались опыта. И всё же — ему было поручено наравне с лейб-гвардии Кирилловским полком возглавить парад. Да, чудесное зрелище!

Ближе всех к трибуне находился князь Вяземский, ныне получивший командование над Кавалергардским полком. Боже, как он волновался! Регент заметил это по искривлённой физиономии. Князь кусал губы. Ещё бы! На него будет равняться целый полк, а на последний, в свою очередь — все остальные войска, участвующие в параде. Ответственность велика как никогда.

Вяземский поймал на себе взгляд Кирилла — и отвёл глаза в сторону. До чего же волнуется…Да…Может, отпуск ему дать после? Да, непременно!

"И самому бы не мешало!" — подумал регент. Он устал, слишком устал…

***

— Всё! — выдохнула толпа, напрягшись.

Противники заняли позиции. Кто-то из офицеров вызвался бросить платок — сигнал к началу дуэли.

— Господин Спиридович, стреляйте первым! — воскликнул Гучков.

— Нет, Александр Иванович, благодарю! Первый выстрел — за Вами!

— Что ж, благодарю!

— Всегда рад!

Господа противники решили напоследок обменяться любезностями.

***

Вяземский ждал удобного момента исполнить замысел Гучкова. Выстрел должен был раздаться и убить проклятого тирана. Но князь медлил, идея этого убийства в сознании его становилась всё менее и менее привлекательной. Да и не так уж был плох тиран, который привёл Россию к победе…

Кирилл начал речь, давным-давно им заготовленную. Собственно говоря, из-за неё

одной и затевался весь этот парад. Что ж, пора. Побольше воздуха в грудь…Только бы успеть…Только бы в назначенное время звонари выполнили его просьбу…

— Ну вот и кончилась Великая война. Что ждёт нас дальше? Будущее туманно и непонятно. В Европе бушуют революции и восстания, идёт перекройка мировой карты. Целые народы подхвачены этой бурей. Но Россия должна выстоять. Монархист или социалист, консерватор или либерал — не важно, кто. России нужны не сотни группок и партий — России нужен единый народ. Мы призываем вас к единству, единству, которое сделает наш народ непобедимым. Дружно встанем, чтобы сделать нашу страну лучше в мире, сильнейшей в мире, богатейшей дарованиями и талантами. Мы должны дать каждому работу и достойную жизнь. Но это будет нелегко. Пройдут годы великих трудов, может, целые века. Сейчас мы должны сделать первый шаг навстречу будущему, будущему, в котором наш народ будет един и непобедим. Император Алексей надеется на вас, русские люди. Вы готовы идти под русским знаменем навстречу опасностям и трудностям, ради России, ради того, чтоб больше не было войн и голода? Будем драться за Великую, Единую и Неделимую Россию! Встанем вместе — станем непобедимы!

И тут раздался колокольный звон, чуть раньше, чем планировалось, но…

Все колокола Петрограда зазвонили разом, и воздух наполнился малиновым перезвоном. Он звал людей вперёд, на великие свершения — и никто не мог противиться этому зову…

Голос Кирилла дрогнул…Вяземский просто не смог выстрелить, иначе бы почувствовал себя последней подколодной змеёй. Князь тоже не смог не прислушаться к словам регента, не замечтаться о грядущей России…

***

Люди выдохнули все. Разом, не сговариваясь, когда Гучков, цепляясь уже немеющими руками за окровавленное горло, повалился наземь…

Спиридович, довольно хмыкнув, наконец почувствовал, что ранен, а может, уже и умирает, и закрыл глаза. Он привалился к пеньку. Больше в этой жизни его ничто не волновало…

***

Звонили колокола, зовя на новую, невиданную доселе войну за Россию. Все чувствовал: начиналась новая эпоха — и никто не знал, что она принесёт…

Эпилог, или Я — служу!

...Догоняют, настигают, наседают,
Не дают нам отдыхать враги,
И метель серебряно-седая
Засыпает нас среди тайги…
Брали станции набегом:
Час в тепле, а через час — поход.
Жгучий спирт мы разводили снегом,
Чтобы чокнуться на Новый год…
Арсений Несмелов

Молча склоняю голову и перед его могилою.

Настанет день, когда дети наши, мысленно созерцая позор и ужас наших дней, многое простят России за то, что всё же не один Каин владычествовал во мраке этих дней, что и Авель был среди сынов её.

Настанет день, когда золотыми письменами на вечную славу и

память будет начертано Его имя в летописи Русской земли.
Иван Бунин

Первый роман цикла начинался историей о Колчаке — значит, последнему роману суждено завершиться тем же…

Вчера умер Каппель. Мог ли я ещё неделю назад поверить, скажи кто нечто подобное?

Вчера умер Каппель. Даже в предсмертном бреду — он оставался истинным командиром: "Фланги…Фланги закруглите…Не растягивайте фронт…На соединение с армией Войцеховского…На соединение" — шептал Владимир Оскарович, не давая Смерти забрать его.

Вчера умер Каппель. Вы думаете — это конец? Вы скажете: "Оглянись назад, посмотри, здесь же на одного здорового бойца — трое, четверо обмороженных или больных тифом! Проиграли! Всё потеряно!". Вы ошибаетесь: мы дойдём до Иркутска, мы сможем, несмотря ни на что, назло врагам и "друзьям"-злопыхателям, мы сунем кукиш под нос союзничкам-чехам. Мы сможем! Мы всё сможем! Которую неделю мы идём по старому Сибирскому тракту, на восток, к солнцу — и Адмиралу. Быть может, когда-нибудь поэты, а вслед за ними и историки воспоют наш поход. Да, должно быть, получится красиво, нечто вроде: "Снег громко хрустел под ногами. Он протестовал против того, что какой-то человек топтал его безупречные кристаллики. Хруст был воем снега, плачем по уничтоженному великолепию". Да, поэтам легко рассуждать о красоте сибирских просторов, сидя в тёплом уютном кресле и марая бумагу. Никто ведь и "певца истории" не осудит, что наполнил страницы магистерской диссертации пафосом и дифирамбами выдержке каппелевцев. Но — пусть сперва они, поэты и летописцы пройдут через тайгу нашим путём. Пусть они выдержат метели и морозы, пусть за шанс часок побыть в тепле, у огня, выдержат очередной (какой уже — десятый?сотый?тысячный?) бой с партизанами. Пусть сперва эти краснобаи хлебнут спирта, разведённого таёжным снегом, пусть полежат в телеге рядом с умирающим тифозным больным. Вы думаете — откажутся? О, нет, согласятся, но сошлются на дела, на иную историческую ситуацию, на то, что "прежде и люди крепче были, и морозы слабей". Вздор: люди всё те же…И трусы есть, и храбрецы. А есть — рыцари…

Вчера умер Каппель. Ради чего он отдал свою жизнь, спрашиваете? Ради чего…Глупые, не ради чего, а ради — кого. Наш Адмирал — эти два слова придавали нам сил, двигали вперёд. Когда начинало казаться: "Всё, отвоевался" — воспоминание о нашей цели помогало мне собраться с духом, и словно крылья вырастали на моей спине. То-то, наверное, на спине шинель у меня вся в дырах: крылья проделали.

Вчера умер Каппель — но Адмирал был всё ещё жив. Ради него все мы шли вперёд, на бой. Пускай мы проиграли войну, пускай Самара, Казань и Омск потеряны для нас — но Адмирал должен жить. Если оставим его — я не смогу в глаза смотреть близким, друзьям и потомкам. "Как посмели бросить Адмирала?" — этого вопроса мне не вынести. Нет, лучше остаться в этих снегах подыхать, к партизанам угодить, нежели отдать себя на растерзание совести.

Вчера умер Каппель — он умер ради Адмирала. Мы запомним этот завет. Мы дойдём до Иркутстка, чего бы нам это ни стоило. Многие уже оплатили полной мерой за спасение Адмирала. Мой, друзья-однополчане Казимир Сташевский Мишин Гриша, Задувалов Олежек, Александровский Михаил, Лабунцов Сашка, Бутенко Харитон и многие, многие другие, сложившие головы свои в этом походе. Их лица встают в моей памяти: серьёзные и шкодливые, молодые и старые, грустные и радостные. В голове не укладывается, что их уже нет среди живых, что тайга и партизаны отняли их…

Но вот — снова бой. Где-то там, впереди, у деревни окопались красные, крови никак не избежать. Уж нету сил обходить посёлок, предстоит атаковать в лоб. Осталось только

подсчитать патроны, хватит…На сколько же хватит? На бой? Два? Три? Четыре, и то — край. Главное, чтоб штык не подвёл. Молодец был Суворов, знал, чем и как нужно воевать. Пуля — дура, да и маловато дур этих в запасе-то.

В атаку шли молча, словно поминая погибших. Нас встретили хлипким винтовочным залпом да пулемётной трелью, задевших одного-двух воткинцев да кого-то из сибирской дивизии. Я прошёл возле их трупов, даже не остановившись, не бросив прощальный взгляд: за годы войны нагляделся, очерствел, попривык. Увидел мелькнувшего среди домов партизана — выстрелил. Ухмыльнулся: попал, кажется. Надо же, начал радоваться чужим смертям. Сперва — врагов, а вскоре буду рукоплескать гибели своих. Скоро, очень скоро. Проклятый поход, выпивший душу из всех нас. Но да ничего, вон там, за косогорами — Адмирал. Дойдём! Обязательно — дойдём! Во что бы то ни стало!

Ну вот, всё как обычно: несколько выстрелов, разбежавшийся "гарнизон" — и несколько часов спокойствия и тепла. А после — всё сызнова…

****

Сколько же дней назад ушёл в лучший мир Каппель? Я, кажется, сбился со счёта. Да и мысли мои были заняты другим. Мы продолжаем наш поход, ставший крестным путём. Я оглядываюсь по сторонам — и вижу новые, незнакомые лица: мы наконец-то объединились с шедшими иной дорогой сахаровцами. Вовремя: мы вот-вот подойдём к станции Зима. Какое весёлое название…Какое многообещающее, какое холодное и вьюжное…

Ха! Вот наконец-то увидел эшелоны! Ба! Чехословаки! Сколько же их здесь? Видны и польские, и румынские вагоны, но воздух пестрит развевающимися чехословацкими знамёнами. А ещё какие-то красные полотнища…Красные! Снова! К бою! К бою, друзья!

Вновь — уже ставшие привычными действия: пересчитать патроны, перекреститься и дождаться сигнала к атаке. Где-то там, у вокзала, уже идёт перестрелка. Пулемёты соловьями заливаются, расстреливая…Кого? Красных? Наших? Чехов? Проклятье, ничего не разобрать, кто с кем сражается…Сейчас бы в атаку — и забыться, забыться…

Есть сигнал! Урррра! Обмороженные, уставшие, мы встаём в атаку, в полный рост, как на параде, только вместо музыки — стрельба, а вместо мундиров — лохмотья. Хороший парад! Урррра!

Господи, что же творится на Земле? Да это же чехи, чехи с нами! Тоже с красными воюют, чудны дела твои, Господи! Покажем мы красным, кто есть кто, чья это земля…

Мы взяли вокзал, бросившись в безумную атаку на "льюисы". И смогли, смогли пройти! А вот чехи…Те отступили обратно к своим поездам, подчиняясь неожиданно пришедшему приказу командования. Эх, чехи, чехи…Ну да ладно, мы здесь хотя бы отогреться можем…Сейчас бы поспать часок-другой…

****

Двенадцать дней назад умер Каппель — и вот-вот может погибнуть Адмирал. Мы всё-таки пробились к Иркутску: я до самого последнего момента не верил, что всё будет настолько легко. Атака, снова атака, ещё раз атака, и опять…А потом — тихо. Очень и очень тихо: красные отходили к окраине Иркутска, устанавливали пулемётные гнёзда, сколачивали "дружины". Я сам видел, как человек десять-двенадцать парней, не старше лет двадцати, в тужурках и плохоньких шинелях суетятся вокруг "виккерс-максима". Смешно, право: одной гранаты хватит, чтобы превратить в ошмётки и саму дружину, и пулемёт. Да вот только — нельзя. Адмирала могут убить: городские власти пригрозили смертью бывшему Верховному правителю России. И ведь не дрогнет рука, не допустят они ошибок прошлого правительства. Это Адмирал мог отпустить на все четыре стороны Авксентьева с Зензиновым, отдав сто тысяч рублей каждому "на жизнь". Нынешние "правители" России разве что на тот свет отпустят с радостью, пустив пулю в лоб.

Вечером, как сказал нам майор Колотозов, состоялось совещание штаба Каппелевской армии. Как звучит-то! Три тысячи усталых солдат и ещё тысяч двадцать больных,

раненых и умирающих. Армия…Вот она, наша Россия, съежившаяся до размеров вокзала и пары вёрст железнодорожного полотна. Погибла Россия…Нет, ещё не погибла! Отставить грусть и трусость! Адмирал! Пока жив Адмирал — жива и прежняя Россия. Только бы спасти его…

Колотозов принёс ещё какое-то известие, только вот я совершенно не расслышал его слов. Что-то там про обходной манёвр, об ударе с тыла…Ага, в атаку на Иркутск идём! Отобьём Адмирала! Наконец-то — в бой, чтобы не бояться, чтобы не мёрзнуть. И — чтобы не думать…

Ставшие давным-давно привычными сугробы и трескучий мороз. В новинку разве что полная луна, освещающая наш путь. Лучше б и не было её: иркутским легко заметить вооружённый отряд, идущий возле самого пригорода. Проклятье! Заметили! А. нет…Не успели знак подать: снег принял троих красных дружинников в свои морозные объятия. Я всё-таки посмотрел на них: простые люди, рабочие, не будь этой проклятой Смуты…Эх, да что уж там! Ещё битвы, ещё! Чтоб не думать, чтоб тупо выполнять команды, чтоб сражаться за Адмирала!

Блестит Ангара — или не Ангара? Вроде она здесь протекает, ныне закованная в ледяную броню. Эх, смотри-ка, поэтому становлюсь, романтиком…Давно ли копал в промёрзшей земле могилы для умерших от гангрены однополчан? Воспоминание отбило всякий поэтический настрой.

Внезапно скомандовали залечь. Поднявшееся было волнение унял, умыв лицо снегом. Хорошо стало! Да, хорошо! Мысли сразу в порядок пришли, да и внимание переключилось на…

Кто же это там? Кого…

Я подполз поближе, чтобы увидеть холм, ребёнком выглядящий на фоне крутой горы. А там, на холме, высокий человек в серой папахе возвышался перед расстрельной командой. Ещё ближе, ближе, ближе…Подползти, надо подползти поближе…Этот человек показался мне до боли знакомым. Да он там не один, ещё кого-то вот-вот расстреляют…

Где-то вдалеке раздался пушечный выстрел — и словно этот громовый отзвук придал ясности моим мыслям: там, на холме, был…Адмирал! Да, это он! Адмирал!

Я едва удержался, чтобы не подняться во весь рост и не побежать к нему, чтоб закрыть телом…

— Кто Вы по званию? — слышу я уверенный, спокойный, ледяной голос Адмирала, обращенный к начальнику расстрельной команды.

— Комиссар!

— Нет такого звания. Боюсь, что по уставу Вы не можете командовать моим расстрелом, здесь нужен старший либо равный по званию, — всё так же заметил на возглас красного комиссара Адмирал.

— Так что же тогда прикажете делать? — издевательским тоном произнёс командир палачей.

— Командовать своим расстрелом буду я, — отчеканил Адмирал. — Готовсь!

Майор Колотозов поднял руку — знак изготовиться к бою. Ага, ну сейчас мы…Приклад послушно прижался к плечу. Мушка глядела прямо на одного из палачей, вон того, в тужурке с красным околышем.

— Цельсь! — возвысил голос Адмирал, готовясь произнести последнее в своей жизни слово.

— Пли!

Адмирал застыл…Он стоял секунду, две, три…Он, наверное, не понимал, почему же не он упал в снег — а красные…

Колотозов обогнал Адмирала — и вся расстрельная команда отправилась на тот свет…

— Александр Васильевич! Александр Васильевич! — майор первым поднялся из сугроба и побежал к Адмиралу. — Александр Васильевич!

Адмирал, не в силах побороть охватившее его волнение, покачнулся и едва не упал в снег.

— Александр Васильевич! Уходим! В часе отсюда — Войцеховский! Уходим, Александр Васильевич! Нам больше нечего здесь делать! — Колотозов, обыкновенно спокойный и обстоятельный, теперь более походил на юнкера, прошедшего через первый в своей жизни бой. — Александр Васильевич!

Но, признаться, мне самому хотелось пожать руку Адмиралу, посмотреть в эти глаза — и…

— Я не считаю возможным покинуть Иркутск, — взяв себя в руки, отрезал Адмирал. Он вглядывался…куда?

Я проследил его взгляд — он падал на какой-то из городских кварталов, там же и темнела громада…тюрьмы? Неужто и вправду тюрьма?

— Я понимаю, что Вам сейчас нелегко, мы только что избежали смерти, но…помилуйте! Надо уходить! — дородный Пепеляев надеялся образумить бывшего Верховного Правителя России. Шальной взгляд премьера метался: Пепеляев, видимо, не желал возвращаться, не желал вновь увидеть застенки. — Опомнитесь! Там же красные!

— Там — Анна Васильевна. Пока она находится в Иркутске — я не в силах покинуть город, — лицо Адмирала напряглось, посерело…

Я наконец заметил, что он поседел, и теперь более походил на старого орла. Не только мы прошли крестный путь, но и Адмиралу досталась своя дорога на Голгофу.

— Проклятье! Ваше Высокопревосходительство, разрешите выполнять! — взял под козырёк майор. — Я берусь спасти заключённых. Клянусь Вам: Анна Васильевна…

— Верю, охотно верю — я пойду с Вами, майор. Дайте мне оружие, — именно в тот момент я готов был охотно поверить, что Адмирал когда-то смог успокоить митинг революционных матросов. Этот взгляд…Этот голос…Металл был мягче.

— Но, Ваше Высокопревосходительство…Александр Васильевич…

Вы когда-либо видели, чтобы мужчину, спешащего к любимой, кто-то мог остановить? А уж особенно бывшего Верховного Правителя России…

Зато я могу поклясться: вам никогда не доводилось видеть отряд человек из сорока, решивший взять штурмом самое охраняемое здание Иркутска. Наверное, в иное время впору было бы снимать картину-синема о наших похождениях…

По дороге встретился патруль красных…Наконец-то — бой! Не думать! Не думать о том, что вот-вот нас могут окружить "дружинники", что мы в самом центре вражьего гнезда…

А ведь какие юнцы были среди "дружинников"…Точно такие же парни воевали у Тобола и под Самарой…Эх, Самара-городок, сколько же ребят там полегло…Почудилось, что среди красных был и Пашка Милорадовский, лихой поручик, нашедший последний приют в братской могиле Челябинска…Вылитый Пашка! Такой же молодой — и такой же горячий. И погиб первым…

И снова — бег по улицам просыпающегося Иркутска, снова стрельба…И оборачиваться- нельзя: там, позади, пятеро наших осталось. И, знаете, я был даже рад за них: наконец-то отдохнут…

Но вот и настал конец нашей беготне: впереди громоздилась тюрьма, оцепленная дружинниками, улыбающаяся пулемётными дулами.

— Надо всё сделать быстро, иначе… — Адмирал не закончил фразу, но нам и без того было понятно: перестреляют заключённых, опоздай мы хоть на минуту.

— С Богом! — Колотозов дал сигнал к атаке. — За Россию! За Адмирала!

Он сделал несколько шагов — и, смешно всплеснув руками, повалился на снег. Вот и он наконец-то сможет отдохнуть…

То, что было после, и боем назвать-то трудно: кранные просто разбежались, дав дорогу обезумевшим от ярости "белякам". Нам, то бишь…И всё-таки — ещё семеро из нас остались лежать, окрашивая снег в багрянец. Отвоевались…Не думать…Не думать…Не

бояться…В атаку! В бой! На смерть!

Я видел, как Адмирал, со смесью радости, ярости и волнения на лице, отпер дверь одной из камер — и заключил уже в свою темницу, темницу любви, даму…Да, это была Анна Васильевна, жутко худая, испуганная, — но счастливая. Слышно было, как она плачет, но лица её не было видно: Адмирал прижал к себе возлюбленную и что-то шептал ей.

Сзади послышались торопливые шаги и короткие команды, выкрикиваемые гнусавым голосом. Ага, ещё солдаты революции подоспели…

Я развернулся — и увидел дуло трёхлинейки, направленное прямо на Адмирала. Время…Время…Его никогда мне не хватало…

Надо успеть…

Не думать…

Выстрел…

Наверное, я улыбался, падая в небытие: я всё же успел. Несмотря ни на что…Мы всё же…устроили красным настоящий реванш за крестный путь…И теперь — можно отдохнуть…Наконец-то отдохнуть…Как хорошо и тепло…

Послесловие

Вот и дописана последняя страница цикла "Рыцари Белой мечты". Начатый романами "За Русь святую!" и "Гром победы, раздавайся!", он завершился этой книгой. Работа над заключительной частью проходила в напряжении и трудных условиях, особенно в моральном плане.

Скоро вот уже сто лет, как началась Первая мировая. Через семь лет мы отпразднуем вековые юбилеи Февраля и Октября. Многое ли мы узнали, что мы поняли за целое столетие? Я могу говорить только за себя. Прошло пять лет работы над циклом, поиск информации, размышления — но для меня постижение тех событий только-только начинается.

Один из способов понять те времена — предположить, что было бы, пойди история по другому пути. Что мы потеряли бы? Что обрели бы? В книге я попытался вместе с читателями найти ответы на эти вопросы.

Кто знает, вдруг мы сможем, всматриваясь в прошлое, сделать настоящее хоть чуточку лучше?

И не могу не сказать пару слов о Приложениях к роману. Во-первых, вас ждёт биографическая справка об основных — исторических, а не порождённых фантазией автора — персонажах книги. Материалы мною брались, если это не оговорено сносками или какими-либо другими примечаниями, с сайте "Библиотека Хроноса" (www.hrono.ru), но в большинстве случаев мне приходилось вносить некоторые корректировки в использованные статьи. Кроме того, вниманию читателя представлен ряд очерков по вопросам, затронутым в романах цикла, но так и не "раскрытым" по причине того, что это всё-таки художественные романы, а не исторические исследования. И, наконец, размещены краткая информация об авторе и отрывок из следующего произведения, чистой альтернативной истории Гражданской войны.

Персоналии

Российская империя
Офицерство

Алексеев Михаил Васильевич (3 ноября 1857 года, Тверская губерния, — 29 сентября 1918 года, Екатеринодар) Генерал-майор (с 28 мая 1904 года). Генерал-лейтенант (с 7 октября 1908 года). Генерал от инфантерии (с 24 сентября 1914 года). Окончил гимназию в

Твери, Московское пехотное юнкерское училище (1876) и Николаевскую академию Генерального штаба (1890). Участник русско-японской войны 1904–1905: генерал-квартирмейстер 3-й Маньчжурской армии. В период Первой Мировой войны: начальник штаба Юго-Западного фронта, с августа 1914 года по март 1915. Командующий Северо-Западным фронтом с 22 марта 1915 по 18 августа 1915. По сведениям А.И. Спиридовича, Алексеев проявил нерешительность и, без преувеличения, панику во время "Великого отступления". Его подчинённые, офицеры штаба, даже подумывали над убийством струсившего командующего. Приказы Алексеева вносили панику и неразбериху в войска. Вмешательство Великого князя Андрея Владимировича сняло напряжение, но ненадолго. После того, как Николай II принимает пост Верховного Главнокомандующего, Алексеев назначается начальником Штаба Ставки.

Заговорщики посвящают Алексеева в свои планы, но тот не докладывает о происходящем царю. В февральские дни настоял на отречении Николая. Существует легенда о том, что при отъезде отрёкшегося императора он взял под козырёк, когда напротив проезжал царский вагон — и поклонился в пояс вагону, в котором ехали представители Временного правительства.

После отречения Николая II назначен Временным правительством Верховным Главнокомандующим, с марта по август 1917 года (позже будет сменён Корниловым). За критику политики Временного правительства (которому, фактически, помог добиться власти) переведен вновь на пост начальника штаба Верховного Главнокомандующего; сделал все, чтобы спасти генерала Корнилова от расправы, отправив его в тюрьму Быхова; после чего подал в отставку; сдал должность генералу Духонину. Многажды критиковал офицерский состав армии, говоря о нерешительности и неисполнительности. Между тем сам участвовал в назначении тех же самых офицеров, которых критиковал. Гучков вспоминает, что Алексеев выступил против назначения Корнилова на высшие посты, так как тот был слишком молодым и не занимал постов. Которые открыли бы ему путь "наверх". Основными достоинствами при назначении, более того, считал наличие необходимого стажа и "старшинство". Мягко говоря, это не соотносится с его критикой офицерства: в указанные выше достоинства сам Алексеев талант и не включал.

В Белом движении: создал "Алексеевскую организацию" (20 октября 1917 года) в Петрограде — будущую основу Белой армии; 2 декабря 1917 создал и возглавил Добровольческую армию в Новочеркасске — Верховный руководитель (при главкомах Корнилове и Деникине), с 27 декабря 1917 по 25сентября 1918 года. Умер в Екатеринодаре. Похоронен в Белграде. Пользовался авторитетом среди большинства деятелей Белого движения.

Использованы материалы кн.: Валерий Клавинг, Гражданская война в России: Белые армии. Военно-историческая библиотека. М., 2003.

Брусилов Алексей Алксеевич (19 августа 1853, Тифлис, — 17 марта 1926, Москва). Из дворян. В 1872 окончил младший спец, класс Пажеского корпуса: к переводу в старший, спец. класс по результатам учёбы не допущен. Участник Русской-турецкой войны 1877-78. Окончив Офицерскую кав. школу (1883), преподавал там же (в 1902-06 нач. школы). В 1881 г. Алексей Алексеевич покинул Тверской драгунский полк и поступил на учебу в Петербургскую кавалерийскую школу. С увлечением штудировал кавалерийскую науку, особенно любил практические занятия, побывал в лучших кавалерийских частях русской армии. Курс наук он закончил с отличием и получил назначение адъютантом школы. В 1884 г. Брусилов женился на дальней родственнице, через три года у него родился сын.

Проявляя неутомимую энергию в улучшении организации обучения кавалерийских офицеров, Брусилов после службы адъютантом последовательно занимал должности старшего учителя верховой езды и выездки лошадей, начальника отдела эскадронных и сотенных командиров, помощника начальника школы, вырос в чинах до генерал-майора (1900 г.), был причислен к штату лейб-гвардии. Его знали и ценили руководители Военного

министерства, главный инспектор кавалерии великий князь Николай Николаевич. Брусилов пишет статьи о кавалерийской науке, посещает Францию, Австро-Венгрию и Германию, где изучает опыт верховой езды и работы конных заводов. В 1902 г. Алексей Алексеевич по праву был выдвинут на должность начальника Петербургской кавалерийской школы. "Лошадиная академия", как ее шутливо называли в армии, под его руководством сделалась признанным центром подготовки командного состава русской кавалерии.

В 1906 г. Брусилов был назначен начальником 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, где заслужил большое уважение подчиненных своим командирским искусством и уважительным отношением к офицерам и солдатам. Но личная драма — смерть жены, а также гнетущая обстановка петербургской жизни после революции 1905–1906 гг. подтолкнули его к решению уйти из рядов столичной гвардии в армию: в 1908 г. Брусилов получил назначение в Варшавский военный округ командиром 14-го армейского корпуса с производством в генерал-лейтенанты. Три года он начальствовал над корпусом и за это время заметно подтянул его боевую подготовку. В 1912 г. Алексей Алексеевич принял предложение занять пост помощника командующего Варшавским военным округом. Вскоре стал полным генералом — получил чин генерала от кавалерии. Трения с генерал-губернатором Скалоном и другими "русскими немцами" в штабе округа вынудили его покинуть Варшаву и занять должность командира 12-го армейского корпуса в соседнем Киевском военном округе. Брусилов писал жене (в 1909 г. он вторично женился): "Не сомневаюсь, что в войсках Варшавского округа мой уход произведет сенсацию… Ну! Что сделано, то сделано, и я рад, что вырвался из этой клоаки скалоновской придворной атмосферы".

В 1906–1912 командир 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, командир 14-го армейского корпуса; ген. от кавалерии (1912). Во время 1-й мир. войны в 1914–1916 команд, 8-й армией; ген-адьютант (1915). С 17 марта 1916 главнокоманд. армиями Юго-Зап, фронта; в мае — авг. руководил наступлением, получившим позднее название Брусиловского прорыва — одной из крупнейших операций на рус. — герм. фронте. Верил в неотвратимую предопределённость событий, (увлекался оккультизмом и мистикой; испытывал сильное влияние идей основательницы Теософич. об-ва Е.Л. Блавацкой).

Именем Брусилова названа (в советское время, до революции её именовали Луцким прорывом) одна из разработанных им военных операций в ходе Первой мировой войны, — Брусиловский прорыв: 22 мая 1916 г. после массированного артиллерийского удара русские войска двинулись в наступление и в ряде мест сразу прорвали австрийские позиции. 25 мая русские войска заняли Луцк, 5 июня овладели Черновцами. Фронт был прорван на протяжении 340 км, глубина прорыва доходила до 120 км. В этих боях австрийцы понесли тяжелые потери — около 1,5 млн. убитыми, ранеными и пленными.

Брусиловский прорыв поставил Австро-Венгрию на грань военной и политической катастрофы. Чтобы спасти австрийский фронт от полного развала, Германия перебросила с запада большие силы, остановив наступление у Вердена.

Однако успех Юго-Западного фронта не дал решающих стратегических результатов, так как не был поддержан наступательными операциями других фронтов. И после подхода крупных резервов противника война здесь вновь приобрела позиционный характер. Кроме того, определённую роль сыграла непоследовательность Брусилова в отдаче приказаний: несколько раз он командовал остановить наступление, боясь, что противник перейдёт в контратаку (не имея на то каких-либо сил и времени).

Был одним из трёх представителей высшего офицерства, безоговорочно поддержавших отречение Николая II (два других — Алексеев и Рузский). Остальные главнокомандующие перед дачей своего согласия на отречение ожидали решения Ставки (т. е. Алексеева).

После Февральской революции Брусилов как сторонник продолжения войны до победного конца был назначен Верховным главнокомандующим, но из-за несвоевременности его требования введения смертной казни на фронте и провала июньского наступления был заменен Корниловым. В первые годы гражданской войны находился не у

дел. Во время боев в Москве Брусилов был ранен в ногу осколком снаряда, попавшим в его моек. квартиру. Брусилов отказался поехать на Дон и примкнуть к М.В. Алексееву, А.И. Дутову, А.М. Каледину. Краткий арест ВЧК в 1918 не отвратил Брусилова от большевиков. Ему, монархисту и верующему, было нелегко принять новую власть, но он был убежден в необходимости всего происшедшего. Единственный сын Брусилова Алексей, служивший в Красной кавалерии, был взят в плен белыми и расстрелян. В 1920 Брусилов стал служить в Красной Армии: руководил кавалерийской допризывной подготовкой, был инспектором кавалерии; с 1924 выполнял особо важные поручения при РВС СССР. Умер от воспаления легких. Автор мемуаров из двух частей: "официальной" и "неофициальной", в последней критиковал советскую власть.

Использованы материалы кн.: Шикман А.П. Деятели отечественной истории. Биографический справочник. Москва, 1997 г.; И.В. Объедкова в кн.: Политические деятели России 1917. биографический словарь. Москва, 1993; Ковалевский Н.Ф. История государства Российского. Жизнеописания знаменитых военных деятелей XVIII — начала XX века. М. 1997 г.

Деникин Антон Иванович (4 декабря 1872, Лович, близ Варшавы, — 7 августа 1947. Анн-Арбор, шт. Мичиган, США). генерал лейтенант Генштаба. Сын офицера пограничной стражи, выслужившегося из солдат. Окончил Ловичское реальное училище, военно-училищные курсы при Киевском пехотном юнкерском училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1899). Из училища вышел во 2-ю артиллерийскую бригаду. В 1902 г. был переведен в Генеральный штаб и назначен на должность старшего адъютанта 2-й пехотной дивизии. С 1903 по март 1904 г. — старший адъютант штаба 2-го кавалерийского корпуса. Во время русско-японской войны в марте 1904 г. подал рапорт о переводе в действующую армию и был назначен штаб-офицером для особых поручений при штабе 8-го армейского корпуса, где исполнял обязанности начальника штаба 3-й Заамурской бригады пограничной стражи. Подполковник. С сентября 1904 г. — штаб-офицер для особых поручений при штабе 8-го армейского корпуса, где 28 октября того же года получил назначение на должность начальника штаба Забайкальской казачьей дивизии генерала Ренненкампфа. В феврале 1905 г. вступил в должность начальника штаба Урало-Забайкальской дивизии в составе конного отряда генерала Мищенко. В августе 1905 г. назначен начальником штаба Сводного кавалерийского корпуса генерала Мищенко. Награжден орденами Св. Станислава и Св. Анны 3-й степени с мечами и бантами и 2-й степени с мечами. Произведен в чин полковника — "за боевые отличия".

После окончания русско-японской войны с января по декабрь 1906 г. занимал должность штаб-офицера для особых поручений при штабе 2-го кавалерийского корпуса, с декабря 1906 г. по январь 1910 г. — штаб-офицер при управлении (начальник штаба) 57-й пехотной резервной бригады. 29 июня 1910 г. назначен командиром 17-го пехотного Архангелогородского полка. В марте 1914 г. назначен и. д. генерала для поручений Киевского военного округа и в июне того же года произведен в генерал-майоры.

В начале Великой войны назначен на должность генерал-квартирмейстера 8-й армии генерала Брусилова. По собственному желанию перешел в строй и был назначен 6 сентября 1914 г. командующим 4-й стрелковой ("Железной") бригады, развернутой в 1915 г. в дивизию. "Железная" дивизия генерала Деникина прославилась во многих сражениях во время Галицийской битвы и на Карпатах. Во время отступления в сентябре 1915 г. дивизия контратакой взяла Луцк, за что генерал Деникин был произведен в генерал-лейтенанты. Вторично генерал Деникин взял Луцк во время Брусиловского наступления в июне 1916 г. Осенью 1914 г. за бои у Гродека генерал Деникин был награжден Георгиевским оружием, а затем за смелый маневр у Горного Лужка — орденом Св. Георгия 4-й степени. В 1915 г. за бои у Лутовиско — орденом Св. Георгия 3-й степени. За прорыв неприятельских позиций во время Брусиловского наступления в 1916 г. и за вторичное взятие Луцка — снова награжден Георгиевским оружием, осыпанным бриллиантами с надписью "За двукратное освобождение

Луцка". 9 сентября 1916 г. назначен командиром 8-го армейского корпуса. В марте 1917 г. при Временном правительстве назначен помощником начальника штаба Верховного Главнокомандующего, а в мае того же года — Главнокомандующим армиями Западного фронта. В июле 1917 г., после назначения генерала Корнилова Верховным Главнокомандующим, назначен на его место Главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта. За активную поддержку генерала Корнилова в августе 1917 г. отрешен от должности Временным правительством и заключен в Быховскую тюрьму.

19 ноября 1917 г. бежал из Быхова с бумагами (кроме бумаг и старого пиджака, кальсон и т. д. не имел никакого имущества) на имя польского помещика и прибыл в Новочеркасск, где принял участие в организации и формировании Добровольческой армии. 30 января 1918 г. назначен начальником 1-й Добровольческой дивизии. В 1-й Кубанский поход выступил на должности заместителя Командующего Добровольческой армией генерала Корнилова. 31 марта 1918 г., когда во время штурма Екатеринодара был убит генерал Корнилов, вступил в командование Добровольческой армией. В июне 1918 г. повел Добровольческую армию во 2-й Кубанский поход. 3 июля 1918 г. взял Екатеринодар. 25 сентября (8 октября) 1918 г. после смерти генерала Алексеева стал Главнокомандующим Добровольческой армией. 26 декабря 1918 г. после встречи на станции Торговой с Донским атаманом генералом Красновым, признавшим необходимость единого командования и согласившегося подчинить Донскую армию генералу Деникину, — стал Главнокомандующим Вооруженными Силами Юга России (ВСЮР). В 1919 г. из штаба ВСЮР в Таганроге генерал Деникин осуществлял главное командование Кавказской Добровольческой армией генерала Врангеля, Донской армией генерала Сидорина, Добровольческой армией генерала Май-Маевского, а также руководил действиями главноначальствующего на Северном Кавказе генерала Эрдели, главноначальствующего в Новороссии генерала Шиллинга, главноначальствующего в Киевской области генерала Драгомирова и командующего Черноморским флотом адмирала Герасимова. Управление занятыми областями, кроме казачьих, осуществлялось при участии Особого совещания, созданного еще генералом Алексеевым. После отступления войск ВСЮР осенью 1919 р. — зимой 1920 г. генерал Деникин, потрясенный катастрофой во время эвакуации Новороссийска, принял решение созвать Военный совет для того, чтобы он избрал нового Главнокомандующего. 22 марта 1920 г. после избрания на Военном совете генерала Врангеля, генерал Деникин отдал последний приказ по ВСЮР и назначил генерала Врангеля Главнокомандующим.

Получил прозвище "царя Антона", позже критиковался за "либеральничество" и "слабохарактерность" на посту Главкома.

23 марта (5 апреля) 1920 г. генерал Деникин выехал с семьей в Англию, где оставался недолго. В августе 1920 г. — переехал в Бельгию, не желая оставаться в Англии во время переговоров с Советской Россией. В Брюсселе он приступил к работе над своим фундаментальным пятитомным трудом "Очерки Русской Смуты". Эту работу он продолжал в трудных условиях жизни на озере Балатон, в Венгрии. 5-й том был закончен им в 1926 г. в Брюсселе. В 1926 г. генерал Деникин переехал во Францию и занялся литературным трудом. В это время вышли его книги "Старая армия" и "Офицеры", написанные главным образом в Капбретоне, где генерал часто общался с писателем И. О. Шмелевым. В парижский период своей жизни генерал Деникин часто выступал с докладами на политические темы, и с 1936 г. начал издавать газету "Доброволец". Объявление войны 1 сентября 1939 застало генерала Деникина на юге Франции в деревне Монтэй-о-Виконт, куда он уехал из Парижа, чтобы приступить к работе над своим последним трудом "Путь русского офицера". Автобиографическая по своему жанру, новая книга должна была, по замыслу генерала, служить введением и дополнением к его пятитомным "Очеркам Русской Смуты". Германское вторжение во Францию в мае-июне 1940 г. вынудило генерала Деникина, не желавшего оказаться под немецкой оккупацией, срочно покинуть Бург-ла-Рэн (под Парижем) и выехать в направлении испанской границы на машине одного из своих соратников — полковника

Глотова. Беглецы успели доехать только до виллы друзей в Мимизане к северу от Биарица, так как здесь их перегнали германские моторизованные части. Генералу Деникину пришлось покинуть виллу друзей на пляже и провести несколько лет, до освобождения Франции от немецкой оккупации, в холодном бараке, где он, нуждаясь во всем и часто голодая, продолжал работать над своим трудом "Путь русского офицера". Генерал Деникин осуждал политику Гитлера и называл его "злейшим врагом России". В то же время он надеялся, что после разгрома Германии армия свергнет коммунистическую власть. В мае 1946 г. водном из своих писем полковнику Колтышеву он писал: "После блестящих побед Красной армии у многих людей появилась аберрация… как-то поблекла, отошла на задний план та сторона большевицкого нашествия и оккупации соседних государств, которая принесла им разорение, террор, большевизацию и порабощение… — Далее он продолжал: — Вы знаете мою точку зрения. Советы несут страшное бедствие народам, стремясь к мировому господству. Наглая, провокационная, угрожающая бывшим союзникам, поднимающая волну ненависти политика их грозит обратить в прах все, что достигнуто патриотическим подъемом и кровью русского народа… и поэтому, верные нашему лозунгу — "Защита России", отстаивая неприкосновенность российской территории и жизненные интересы страны, мы не смеем в какой бы то ни было форме солидаризироваться с советской политикой — политикой коммунистического империализма" 1).

В мае 1945 г. он вернулся в Париж и вскоре, в конце ноября того же года, воспользовавшись приглашением одного из своих соратников, отправился в США. Его обширное интервью опубликовано в "Новом русском слове" от 9 декабря 1945 г. В Америке генерал Деникин выступал на многочисленных собраниях и обратился с письмом к генералу Эйзенхауэру с призывом остановить насильственную выдачу русских военнопленных. Скончался от сердечного приступа 7 августа 1947 г. в больнице Мичиганского университета и был похоронен на кладбище в Детройте. 15 декабря 1952 г. состоялось перенесение останков генерала Деникина на Св. Владимирское православное кладбище в Касвилле, Нью-Джерси. Ему принадлежат:

Очерки Русской Смуты: В 5 т. Париж: Изд. Поволоцкого, 1921–1926. Т. 1. 1921; Т. II. 1922; Берлин: Слово, 1924. Т. III; Берлин: Слово, 1925. Т. IV; Берлин: Медный Всадник, 1926. Т. V.

Книги: "Офицеры" (Париж, 1928); "Старая армия" (Париж, 1929. Т. 1; Париж, 1931. Т. II); "Русский вопрос на Дальнем Востоке" (Париж, 1932); "Брест-Литовск" (Париж, 1933); "Кто спас Советскую власть от гибели?" (Париж, 1937); "Мировые события и русский вопрос" (Париж, 1939).

Воспоминания: "Путь русского офицера" (Нью-Йорк: Изд. имени Чехова, 1953).

Многочисленные статьи в журнале С. П. Мельгунова "Борьба за Россию", в "Иллюстрированной России", в "Добровольце" (1936–1938) и др. Последняя статья генерала Деникина — "В советском раю" — была опубликована посмертно в N 8 парижского журнала "Возрождение" за март-апрель 1950 г. И т. д.

Использованы материалы кн.: Николай Рутыч Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. Материалы к истории Белого движения М., 2002

Каледин Алексей Михайлович *(* 12 октября 1861, хутор Каледина станицы Усть-Хопёрской области Войска Донского — 29 января 1919 года, Новочеркасск). Сын полковника. Закончил в 1879 году Воронежский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище в 1882 году, академию Генштаба в 1889 году. Генерал от кавалерии, начальник 12-й кавалерийской дивизии, командир 12-го армейского корпуса, После боёв подо Львовом 26–30 августа 1914 года награждён Георгиевским оружием. В октябре 1914 года получил Орден Святого Георгия 4-й степени, за прорыв вражеской линии под Бендерами в середине февраля 1915 года — Орден Святого Георгия 3-й степени. Восьмая армия, которой командовал Каледин, сыграла главную роль в Луцком

(Брусиловском) прорыве. Войска наступали активно и успешно, однако наступление приказали остановить. Брусилов 26 мая издал приказ "подровнять армию" — то есть закрепиться на позициях. Шанс окончательно разбить отступавшего противника был упущен. Снят с поста и назначен членом Военного совета 29 апреля 1917 года за сопротивление "демократизации" армии. 19 июня 1917 года избран Донским атаманом

Подозревался в участии в "мятеже" Л.Г. Корнилова, однако единственным доказательством этого были слухи, распространявшиеся Советами рабочих и солдатских депутатов в августовские дни 1917 года. Было принято решение о предании его суду, но Донское правительство и Донской круг решения Временного правительства не признали, указ был отменён: "С Дону выдачи нет".

После Октябрьской революции объявил военное положение в углепромышленном районе и пытался поднять казачество на борьбу с большевиками. Каледину этого не удалось, и тогда он совершил самоубийство: застрелился. Однако некоторые исследователи придерживаются мнения о насильственном характере смерти Донского атамана. Поводом к этому служит, кроме всего прочего, могила Каледина: он захоронен у церкви, справа от входа в неё. Православие выступает против захоронения самоубийц рядом с церковью, в пределах кладбищенской ограды. Для казаков такое нарушение канона нехарактерно. Сам настоятель Гермоген не верил в самоубийство Каледина, и атамана отпевали в Войсковом Вознесенском Храме.

Как бы то ни было, после смерти Каледина многие казаки приняли участие в борьбе с большевиками.

Келлер Фёдор Артурович (12 октября 1857 — 21 декабря 1918, Киев), граф, генерал от кавалерии (15.1.1917). Племянник героя русско-японской войны графа Ф.Э. Келлера. Образование получил в приготовительном пансионе Николаевского кавалерийского училища, выдержал офицерский экзамен при Тверском кавалерийском юнкерском училище (1878). С началом русско-турецкой войны 1877–1878 годов ушел добровольцем на фронт, за выдающуюся храбрость был награжден солдатскими Знаками отличия ордена Св. Георгия 3-й и 4-й степени. Выпущен в 1-й лейб-драгунский Московский Его Величества полк. Командовал эскадроном, Крымским дивизионом. С 16.2.1904 командир 15-го драгунского Александрийского полка (Киев). Во время волнений в 1905-07 исполнял обязанности временного Калишского генерал-губернатора, был ранен и контужен взрывом брошенной в него террористами бомбы. С 6.11.1906 командир лейб-гвардии Драгунского полка, с 14.6.1910 командир 1-й бригады Кавказской кавалерийской дивизии, с 25.2.1912 — 10-й кав. дивизии, с которой вступил в мировую войну. Келлер выделялся среди других кавалерийских начальников своей личной храбростью и пользовался большой популярностью в войсках. В начале войны дивизия К. вошла в состав 3-й армии ген. Н.В. Рузского. 8 авг. в бою у Ярославице разбил 4-ю австро-венгерскую кавалерийскую дивизию. В ходе Галицийской битвы организовал преследование неприятеля и 31 авг. (13 сент.) взял у Яворова 500 пленных и 6 орудий. За боевые отличия награжден орденами Св. Георгия 4-й (сентябрь 1914 года) и 3-й (мая 1915) степени. С 3.4.1915 командир 111 конного корпуса (10-я кавалерийская, 1-я Донская и 1-я Терская каз. дивизии). В ночь на 17(30) марта атаковал неприятельскую группу, осуществлявшую обход левого фланга 9-й армии Юго-Западного фронта, и нанес ей поражение под Хотинам. Во время проведенного в конце апреля 1915 года армией наступления сыграл выдающуюся роль в Заднестровском сражении 26–28 апреля (9-11 мая). 27 апреля (10 мая) провел знаменитую конную атаку у Баламутовки и Ржавенцев силой 90 сотен и эскадронов в конном строю, взяв ок. 4 тыс. пленных. Во время общего наступления Юго-Западного фронта в 1916 корпус Келлера входил в состав 9-й армии ген. П.А. Лечицкого. В начале июня на корпус Келлера вместе с корпусом ген. М.Н. Промтова возложено преследование отходившей южной группы 7-й австро-венгерской армии. 10(23) июня занял Кымполунг, взяв 60 офицеров, 3,5 тыс. нижних чинов и 11

пулеметов. По убеждениям монархист. Узнав об отречении Николая ii, Келлер направил ему телеграмму, предлагая свои услуги и свои войска для подавления мятежа. Когда был получен текст присяги Временному правительству, Келлер отказался приводить к присяге корпус. 5 апреля был уволен "за монархизм" и, оставив службу, уехал в Харьков. Здесь летом 1918 года ген. Б.И. Казанович тщетно убеждал уехать на Дон в Добровольческую армию. Вскоре Келлер переехал в Киев. 5.11.1918 назначен гетманом П.П. Скоропадским главнокомандующим войсками на территории Украины с подчинением ему также и гражданских властей, однако уже13 ноября перемещен на пост помощника ген. князя А.Н. Долгорукова. Видел будущее России в восстановлении монархии и возрождении "великой и неделимой" империи. В конце ноября принял предложение возглавить формирующуюся в Витебской и Полтавской губерниях белую Северную армию, но не успел отбыть к месту ее развертывания. Накануне занятия Киева войсками С. Петлюры взял на себя руководство обороной, ввиду невозможности сопротивления распустил вооруженные отряды. После занятия города петлюровцами расстрелян на Софийской площади у памятника Богдану Хмельницкому (подробнее- см. "За Русь святую").

Использованы материалы кн.: Залесский К.А. Кто был кто во второй мировой войне. Союзники Германии. Москва, 2003.

Колчак Александр Васильевич (4 ноября 1874, село Александровское Санкт-Петербургского уезда, — ночь с 6 на 7 февраля 1920 г., г. Иркутск).

Фамилия Колчак турецкого происхождения, в переводе означает "боевая рукавица". Основатель рода Колчак, серб, принявший ислам, воевавший против наших войск в 1711 г., Илиас-паша Колчак стал известен как комендант крепости Хотин, сдавший её русским войскам под командованием графа Миниха 20 августа 1739 года. Основатель рода (история любит повторяться и не любит изобретать что-то новое) был упомянут М.В. Ломоносовым в оде, посвящённой Анне Иоанновне:

…Кто скоро толь тебя, Калчак,
Учит Российской вдаться власти,
Ключи вручить в подданства знак
И большей избежать напасти?..

Позже Илиас-Паша уехал в Правобережную Украина к своему знакомому магнату, графу Потоцкому. Однако вопрос о родстве бывшего коменданта Хотина и предками Александра Васильевича Колчака остаётся спорным. Во-первых, Ростислав Александрович Колчак, сын белого адмирала, сомневается в этом. Во-вторых, фамилия Колчак (в форме "Кольчак") была довольно-таки распространена в казачьей среде.

Упоминания о Колчаках вновь появляются в источниках: только в 1803 году: в образованном Бугском казачестве служил Лукьян Колчак, получивший за боевые заслуги надел в Херсонской губернии в Ананьевском уезде. У сотника было двое сыновей, Лукьян, служивший "по гражданской части", и Фёдор, ставший военным, дослуживший до подполковника.

У Лукьяна Ивановича было три сына: Василий, Александр и Пётр, ставшие флотскими офицерами. Пётр умер в 1903 г., дослужившись до капитана 1-го ранга. Александр в Крымскую войну служил на Балтике, затем плавал по Амуру, позже — у берегов Америки. Его сын сражался в Порт-Артуре, за что получил орден Святой Анны 4-й степени. 24 мая 1915 г. он погибнет на минном заградителе "Енисей". Дядя Александра Александровича, жандармский офицер, будет убит террористом в 1907 г., двоюродный брат Пётр Аркадьевич, белый офицер, погибнет в Киеве в 1918 г.

Василий Александрович участвовал в Крымской войне, оборонял Севастополь, сражаясь на Малаховом кургане, был награждён солдатским "Георгием" лично князем Васильчиковым. 27 августа, раненный, он оказался в плену. Содержался на Принцевых островах в Мраморном море. Пребывая в плену, был произведён в прапорщики. В 1904 г. вышла его книга, посвящённая Крымской войне и, в частности, боям за Малахов курган,

"Война и плен 1853–1855 гг. Из воспоминаний о давно пережитом".

Два года учился Институте корпуса горных инженеров, командирован на Златоустовский завод. После работал на Обуховском заводе, об истории которого позже им была написана книга.

В начале 70-х женился на Ольге Ивановне Посоховой. Она была в родстве с морскими офицерами. Контр-адмирал Сергей Андреевич и генерал-майор Андрей Андреевич Посоховы позже, в годы Гражданской войны, эмигрируют во Францию, и семья Александра Васильевича найдёт у них своё пристанище. В 1874 году у них родился сын Александр, в следующем — дочь Екатерина. Другая дочь, Любовь, умерла во младенчестве.

В 1885 г. отец отдал Александра в Шестую классическую гимназию, где одноклассником будущего адмирала стал сын статского советника, Вячеслав Рудольфович Менжинский, будущий сотрудник ВЧК и участник операций по поимке Б.Савинкова и С.Рейли. Оба не достигли успехов в экзаменах, Менжинский был оставлен на второй год, Колчак же, проучившись в следующем классе, поступил в 1888 г. поступил в Морское училище. Здесь Колчак проявил лучшие стороны своей натуры и показал замечательные успех, став одним из первых в выпуске. Только по минному делу оценка была "четыре", а не "пять". В перерывах между учёбой работал на Обуховском заводе. "Пушечный" король У.Д.Армстронг предложил ему перебраться в Англию и начать работу на его заводе, однако Колчак отказался. На допросе, рассказывая историю своей жизни, Александр Васильевич, начал со слов "Я родился на Обуховском заводе…". Заинтересовался на некоторое время "рабочим вопросом", но позже позабыл о своём "увлечении".

15 сентября 1894 г. Колчак был произведён в мичманы: закончилось его обучение морскому искусству. Звание первого на курсе должно было достаться именно Александру Васильевичу, но он отказался, указав на Д.Филиппова как на более знающего. Комиссия удовлетворила "просьбу" Колчака, и, тем самым, будущий адмирал оказался вторым на курсе.

В 1897 г. Александр Васильевич направил рапорт начальству о переводе его на канонёрскую лодку "Кореец", однако получил назначение на другой корабль, клипер "Крейсер", где занимался обучением боцманов и унтер-офицеров. Затем последовали назначений на другие корабли, в том числе "Петропавловск", ныне печально известный. В начале англо-бурской войны решил принять в ней участие на стороне буров, уже отправился в Африку, доплыл до греческого Пирея — но повернул обратно, получив известие о приглашении его в экспедицию Толля. В ходе неё занимался гидрологическими исследованиями, итогом которых стал выход таких работ, как "Краткий обзор исследования морского пути вдоль северных берегов России", "О производстве гидрографического исследования Северного Ледовитого океана от Берингова пролива до устья реки Лены",

Целью экспедиции был поиск знаменитой Земли Санникова, найти которую так и не удалось. Из-за плохих погодных условий экспедиции пришлось разделиться на две части: Толль и ещё несколько человек остались на застрявшей во льдах "Заре", другая часть пошла за подмогой. С того дня Толля в живых никто не видел. Колчак организовал спасательную экспедицию (9 янв.1903-26февр. 1904 г., пытался найти несчастного Толля, но усилия оказались тщетны. В ходе спасательной экспедиции занимался научными исследованиями, дал многим географическим объектам имена участников экспедиции Толля. Позже остров в Таймырском заливе назовут в честь Колчака. Вернувшись в Петербург и узнав о начинавшейся Русско-японской войне, подал рапорт Великому князю Константину Константиновичу, руководившему Академий наук, об "отчислении" от Академии и передаче в военно-морское ведомство. Великий князь удовлетворил просьбу Колчака, перед этим попросив выступить с отчётом о проделанной работе, проведённых исследованиях и т. д. В 1906 г. за участие в экспедиции и проведённые изыскательские работы Колчак был награждён Константиновской медалью, высшей наградой Академии наук, и, кроме того, сам П.П.Семёнов-Тян-Шанский оценил экспедицию как важный географический подвиг.

5 марта 1904 г. произошло ещё одно радостное событие — свадьба Александра

Васильевича и Софьи Фёдоровны Омировой. Они договорились пожениться, когда Колчак вернётся из полярной экспедиции, но Софья, сгорая от нетерпения, отправилась навстречу мужу, в Устьянск на берегу Ледовитого океана. Свадьбу сыграли в Иркутске.

И снова судьба решила посмеяться: среди предков Софьи Омировой был обер-гофмейстер барон К.В. Миних, брат того самого Миниха, которому паша Колчак сдал Очаков.

С 18 марта по 20 декабря 1904 г. Колчак воевал в Порт-Артуре. С 20 марта по 17 апреля на крейсере "Аскольд". В ночь на 30-е марта Колчак оказался свидетелем гибели "Петропавловска" вместе с адмиралом Макаровым на борту. Неизвестно, о чём Колчак думал в те минуты: может быть, о том, что и сам мог быть на борту гибнущего флагмана?

с 17 по 21 апреля Александр Васильевич — на минном транспорте "Амур", с 21 апреля по 2 ноября командовал миноносцем "Сердитый", со 2 ноября по 20 декабря — артиллерийской батареей в Скалистых горах. К счастью для потомков, сохранился дневник Александра Васильевича, повествующий о событиях тех дней. С 21 декабря 1904 по конец апреля 1905 раненый Колчак пребывал в плену у японцев, а 4 июня 1905 г. вернулся на Родину. Позже, 12 декабря 1905 г., за доблесть в боях за Порт-Артур Александр Васильевич будет награждён золотой саблей с надписью "За храбрость" (с 1913 г. будет приравнена к Ордену Святого Георгия). С 27 июня по 28 декабря 1905 г. — отпуск для лечения. С 29 декабря 1905 г. по апрель 1906 г. Колчак будет прикомандирован к Академии наук для обработки материалов Русской полярной экспедиции. С 1 мая 1906 г. — служба в Морском генеральном штабе (с 26 мая — завотделением русской статистики Моргенштаба). Колчак стоял у истоков создания этого учреждения, которое сыграет значительную роль в возрождении русского флота. Позже, в 1912 г., напишет интересную во всех отношениях работы "Служба Генерального штаба" И "Какой России нужен флот", основанные на материалах, собранных в период работы в Моргенштабе.

С 29 мая 1908 г. назначен командиром строящегося ледокола "Вайгач": идёт подготовка к новой полярной экспедиции. С 28 октября 1909 г. по 20 октября 1910 г. — принимает участие в экспедиции, из Петербурга через южные моря доходит до Арктики, но возвращается во Владивосток: его вновь зовут в Моргенштаб в ожидании предстоящей "большой программы" по возрождению флота и морской обороны Балтики. В том же1909 г. выходит его книга "Лёд Карского и Сибирского морей".

(Дальнейшие события относительно подробно показаны как в данном цикле, так и в художественных фильмах, поэтому подробно описаны будут только наиболее важные даты)

24 февраля 1910 года — рождение сына Ростислава.

15 апреля 1912 года — вступает в должность командира эскадренного миноносца "Уссуриец". Через год, в апреле 1913 года, умирает отец, Василий Колчак. С 17 мая 1913 по 3 марта 1914 — командование эскадренным миноносцем "Пограничник". С 14 июля 1914 г. — флаг-капитан по оперативной части Штаба командующего Морскими силами Балтийского моря. В начале 1915 года знакомится с Анной Васильевной Тимирёвой. С 19 декабря — командующий минной дивизией Балтфлота. Награждён Орденом Святого Георгия IV-й степени. 10 апреля 1916 года — произведён в контр-адмиралы. 28 июня 1916 — производство в вице-адмиралы и назначение командующим Черноморским флотом. Вместе с Колчаком на Черноморский флот был переведён его друг М.И. Смирнов, участвовавший в неудачной для союзников Дарданелльской операции. Втроём с А.Д. Бубновым они придали окончательную форму плану Босфорской операции. 4 июля был принят Николаем II, после чего направился в Севастополь.

Узнав о Февральской рев., расценил ее как возможность довести войну до победного конца, считая это "самым главным и самым важным делом, стоящим выше всего, — и образа правления, и политических соображений".

"Моя точка зрения была просто точкой зрения служащего офицера, который этими вопросами не занимался. Я считаю, что при нашей присяге моя обязанность заключается в

несении службы так, как эта присяга того требовала. Я относился к монархии как к существующему факту, не критикуя и не вдаваясь в вопросы по существу об изменениях строя. Я был занят тем, чем занимался. Как военный, я считал обязанностью выполнять только присягу, которую я принял, и этим исчерпывалось все мое отношение. И, сколько я припоминаю, в той среде офицеров, где я работал, никогда не возникали и не затрагивались эти вопросы".

А.В. Колчак.

Столкнувшись с "новой дисциплиной", основанной на классовом сознании, Колчак определил ее как "распад и уничтожение русской вооруженной силы". В июле 1917, передав свои полномочия контр-адмиралу В.К. Лукину, Колчак приехал в Петроград к А. Ф. Керенскому и был командирован в качестве начальника морской военной миссии в США. Узнав в Сан-Франциско об Октябрьском перевороте, не счел его заслуживающим внимания. В ноябре 1917в Японии Колчак узнал о намерении Сов. правительства подписать с Германией мир и решил не возвращаться на родину: "Как адмирал русского флота я считал для себя сохраняющими всю силу наши союзные обязательства в отношении Германии". Колчак был принят на британскую службу и в 1918 приступил к формированию вооруженных сил для борьбы с "германо-большевиками". В ноябре 1918 приехал в Омск, где был назначен военным и морским министром правительства эсеровской Директории. В дек. 1918 Колчак совершил переворот, объявив себя "Верховным правителем России", и поставил себе цель "победу над большевизмом и установление законности и правопорядка". Обладая половиной золотого запаса России, получив военную поддержку Англии, Франции, Японии, США, повел успешную борьбу в Сибири, на Урале и Дальнем Востоке. К весне 1919 в армии Колчак находилось до 400 тыс. человек (на фронте, однако, фактически воевало не более ста пятидесяти тысяч человек, в том числе рабочие отряды ижевцев и воткинцев, воевавших под красными знамёнами). Его власть признали А. И. Деникин, Н. Н. Юденич, Е. К. Миллер. Восстанавливая частную собственность на предприятия и землю, Колчак предоставил право командующим военными округами закрывать органы печати, выносить смертные приговоры, что вызвало сопротивление в тылу Колчака. Финский генерал К. Маннергейм предложил Колчаку двинуть на Петроград 100-тыс. армию в обмен на независимость Финляндии, но Колчак, выступавший за "единую и неделимую" Россию, отказался. К лету 1919 главная группировка войск Колчака была разбита. Курс Колчака на реставрацию дореволюционных порядков привел к массовому партизанскому движению. Потерпев поражение, Колчак передал власть А.И.Деникину и атаману Г.М. Семенову, 15янв. 1920 Колчак был арестован чехословаками, которые передали его эсеро-меньшевистскому "Политическому центру". После перехода власти к большевистскому ВРК по тайному предложению В.И. Ленина иркутский ревком постановил расстрелять Колчака. Тело Колчака было спущено в прорубь.

Практически все партизанские командиры, принявшие участие в борьбе с Колчаком, позднее будут уничтожены советской властью. Подробно о последних годах жизни А.В. Колчака можно прочесть, в частности, в двухтомнике С.П. Мельгунова "Трагедия адмирала Колчака", в книге Г.К. Гинса "Сибирь, союзники и Колчак" (см. ниже точные библиографические данные) в протоколе допроса А.В. Колчака, доступном в Интернете и в книге А.В. Квакина "Окрест Колчака. Документы и материалы", М.2007. 512с.

Использованы материалы кн.: Шикман А.П. Деятели отечественной истории. Биографический справочник. Москва, 1997 г.

Курлов Павел Григорьевич (5января 1860 года, Новгородская губерния, — 7 июня 1923года, Берлин), шталмейстер Высочайшего Двора, генерал-лейтенант, правый государственный деятель, тов. министра внутренних дел, один из руководителей российских спецслужб, организатор политического сыска.

Из дворян, родился в Новгородской губ. Дед выслужился из солдат до звания генерал-майора, отец — генерал от инфантерии. Как вспоминал позже сам Курлов, "духовным

основанием нашей семьи всегда была вера в Бога, любовь и бесконечная преданность Государю". Окончил по первому разряду Николаевское кавалерийское училище (1880) откуда был выпущен прапорщиком в л. — гв. Конно-гренадерский полк (сослуживец А. Д. Протопопова). В 1883 был переведен в Корпус пограничной стражи, а с 1884 служил в С.-Петербурге. Окончив Военно-юридическую академию (1888), продолжал службу в военно-судебном ведомстве в Москве, Костроме, Твери, Одессе, Владимире, Вологде. В мае 1892 вышел в отставку в звании подполковника и поступил на службу в Министерство юстиции. Служил прокурором Вологодского окружного суда, и тов. прокурора Московской судебной палаты (1900–1903).

В 1903 по предложению В. К. Плеве перешел на службу в МВД с последующим назначением курским вице-губернатором. В Курске решительно пресек крестьянские погромы, применяя телесные наказания, за что подвергся травле со страниц революционной и либеральной прессы. С мая 1905 — Минский губернатор. В этой должности также проявил себя как решительный борец с революцией, в результате чего, стал жертвой двух покушений. Первый раз в его дом была брошена бомба, которая тяжело ранила чиновников и охрану из драгун (сам Курлов находился на втором этаже и не пострадал). А 14 янв. 1906 эсерами на него было совершено второе покушение, однако брошенная прямо в Курлова бомба, не взорвавшись, лишь оцарапала ему голову и, не причинив вреда, скатилась по рукаву мундира к ногам губернатора. Как стало известно позже, о готовящемся теракте знали в охранке и доставленную при помощи своего агента бомбу заранее обезвредили, но чтобы не раскрывать своего человека в боевой организации эсеров, дали покушению состояться, не поставив Курлова о нем в известность. Несмотря на свои правые взгляды, Курлов являлся сторонником введения равноправия для евреев, считая, что проводимая правительством политика ограничений нецелесообразна, т. к. лишь озлобляет евреев и революционизирует их. Такая позиция Курлова не встречала поддержки у большинства правых. Выступал против "центральной агентуры" — вербовки агентов среди высших эшелонов левых партий, не раз и не два ссылаясь на печальный опыт работы с Е.Ф. Азефом.

В 1906 был назначен членом Совета министра внутренних дел и управляющим Киевской губ. В 1907 пожалован шталмейстером Высочайшего Двора и назначен (14 апр.) и. о. директора департамента полиции, а также начальником Главного тюремного управления (с 26 окт.). В этих должностях выдвинулся как один из наиболее усердных деятелей контрреволюции. 1 янв. 1909 был назначен тов. министра внутренних дел у П. А. Столыпина и командиром Отдельного корпуса жандармов (с 26 марта) с производством в генерал-майоры. В этой должности много сделал для организации работы секретных спецслужб и охраны Императорской Семьи, неоднократно сопровождал Императора Николая II Александровича в поездках по стране и за рубежом. В 1910 был произведен в генерал-лейтенанты.

По поручению Столыпина курировал вопросы, связанные с негласным следствием подрывной деятельности масонских лож в России. Под руководством Курлова готовился специальный доклад о деятельности масонства, который Столыпин собирался представить Царю. Однако после убийства Столыпина в сентябре 1911 Курлов был отставлен с поста тов. министра, а материалы к докладу сданы в архив. Сам же Курлов после убийства Столыпина был обвинен в бездействии и ряде нарушений при принятии мер охраны, однако Государь велел дело прекратить, без всяких для него последствий, собственноручно написав на обратной стороне телеграммы, посланной Курловым в которой последний благодарил за милость и клялся в преданности: "Благодарю. В верности генерала Курлова никогда не сомневался". Однако против Курлова была развернута травля в прессе и Гос. Думе со стороны либерального лагеря и он был вынужден оставить гос. службу.

С началом Первой мировой войны вновь, после личной просьбы к Государю, был возвращен на службу и назначен генерал-губернатором Восточной Пруссии, однако из-за скорого ее оставления русскими войсками Курлов даже не успел прибыть к месту назначения. В к. 1914 был назначен помощником главного начальника Двинского военного

округа (ведал контрразведкой и военной цензурой). Занимался в Риге делами по гражданскому управлению Прибалтийского края на правах генерал-губернатора. В 1915 был отчислен в резерв Петроградского военного округа. С осени 1916 — тов. министра внутренних дел Протопопова (без официального назначения) и заведующий делами департамента полиции. 3 дек. 1916 вышел в отставку.

В первые дни Февральской революции был арестован и заключен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости, затем в Выборгскую одиночную тюрьму, откуда в авг. 1917 по болезни сердца был переведен под домашний арест. В своих мемуарах описывает звонок одного из членов ещё царского правительства, в завуалированной форме предлагавшего Курлову занять пост министра внутренних дел. Возможность, однако, так и не была использована.

В авг. 1918, после убийства Володарского, опасаясь репрессий, бежал за границу. В Берлине участвовал в деятельности различных монархических организаций."Я был и остался до сего дня убежденным монархистом <…> единственною, соответствующую характеру русского народа, формою правления может быть только абсолютная монархия", — отмечал Курлов в эмиграции. В мемуарах остался верен этой формуле, практически во всём защищая Николая II. Указывал на преувеличенную в либеральных кругах роль Распутина при дворе. Вспоминал о финансовых махинациях в земствах, которые те пытались скрыть от правительства. Похоронен в Берлине на кладбище Тегель.

Использованы материалы кн.: Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900–1917. Отв. редактор О.А. Платонов. М., Крафт+, Институт русской цивилизации, 2008; Курлов П.Г. Гибель императорской России. М., 2002.

Куропаткин Алексей Николаевич (17 марта 1848 — 16 января 1925, село Шешурино). Получил военное образование в Первом Павловском училище (1866 год) и Николаевской академии Генштаба (закончил в 1874 году). Участвовал в Туркестанских походах 1867–1868 и 1875–1876 годов, в Алжирской кампании в 1874 году. С 1877 года прикомандирован к Генеральному штабу. За участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов награждён Орденом Святого Георгия 4-й степени и Георгиевским оружием. В 1878–1879 годах заведовал Азиатской частью Генерального штаба. С первого января 1898 года — управляющий Военным министерством, с первого июля 1898 года по седьмое февраля 1904 года — военный министр. Назначен командующим Маньчжурской армией. Предпочитал оборонительные бои и выжидание, что несколько раз сыграло отрицательную роль в войне с японцами. Позиция Куропаткина привела к поражению в Мукденском сражении, в связи с чем он был отозван в Петербург. Обратился к императору с просьбой вернуть его на фронт, и 8 мая 1905 назначен командующим Первой Маньчжурской армией.

После окончания войны оставлен в Свите Его Императорского Величества. В 1914 году долгое время просил назначить его в действующую армию, что встречало отпор со стороны Николая Николаевича. 12 сентября 1915 назначен командиром гренадёрского корпуса.

С 6 февраля 1916 года заменял заболевшего Рузского на посту главнокомандующего армиями Северного фронта. Во время Луцкого прорыва проявил нерешительность, отвёл для защиты от предполагаемого немецкого десанта значительную часть резервов, так и не начав наступления в указанные сроки. Между тем немцы отвели большую часть сил на юг, для поддержки австро-венгерских войн, всего лишь одна линия-заслон — могла быть сломлена ударом Северного фронта.

Назначен 22 июля 1916 года туркестанским генерал-губернатором 30 февраля 1917 года отстранён от занимаемого поста. С мая 1917 года живёт в своём имении Шешурино в Псковской губернии. Создаёт сельскую школу, где работает простым учителем. В 1964 году на его могиле установлен памятника: "Основателю сельскохозяйственной Наговской школы".

Использовались материалы из книги: Залесский К.А. Кто был кто в Первой мировой войне. М., 2003. С. 337–340.

Кутепов Александр Павлович (16 сентября 1882-06 мая 1930?) Полковник (09.1916). Генерал-майор (11.1918). Генерал-лейтенант (06.1919). Генерал от инфантерии (12.1920; произведен генералом Врангелем после эвакуации из Крыма в Галлиполи, Турция). Один из самых заслуженных генералов Белой Гвардии. Окончил Архангельскую классическую гимназию и Петербургское пехотное юнкерское училище (1904). Участник русско-японской войны 1904–1905: офицер в рядах 85-го Выборгского пехотного полка. С 1907 — офицер лейб-гвардии Преображенского полка. Участник Первой Мировой войны: капитан, командир роты и батальона лейб-гвардии Преображенского полка, 08.1914–1917; командир лейб-гвардии Преображенского полка (1917). В конце 1917 пытался разоружить солдат Лейб-гвардии Волынского и Литовского полков, перешедших на сторону большевиков. За время войны, 1914–1917, трижды ранен. В Белом движении: командир роты и батальона Корниловского полка; Начальник гарнизона Таганрога. Участник 1-го Кубанского Ледяного поход; 12.1917 — 03.1918. Помощник командира 1-го Офицерского полка, 15.03–30.03.1918. Командир 1-го генерала Корнилова полка; 30.03–12.06.1918. Командир 1-й бригады в 1-й пехотной дивизии, 02.07–13.08.1918. Черноморский генерал-губернатор после захвата 13.08.1918 Новороссийска, 13.08–24.12.1918. Командир 1-го армейского корпуса, 26.01.1919 — 04.1920. Командир 1-го армейского корпуса в Русской армии генерала Врангеля, 04–09.1920. Командующий 1-й армией; 04.09–16.11.1920. Эвакуирован из Крыма (11.1920) в Галлиполи (Турция). В эмиграции с 11.1920: Турция, Болгария (с 1921 г.), Сербия (с 1923 г.), Франция (с 1924 г.).

Руководитель Русского Обще-Воинского Союза (РОВСа) после смерти генерала Врангеля; 1928–1930. Исчез 26.04.1930 в Париже. (Выкраден агентами НКВД совместно с французскими резидентами (включая агентов бывшего царского, а позже советского военного атташе в Париже генерала графа А.А. Игантьева, за что Игнатьев по возвращении в СССР в 1937 г. получил награды от Сталина и позже произведен в генерал-лейтенанты Красной армии). По одной из версий, на стоявшем в Гавре в тот момент пароходе "Нефтесиндикат" привезен в Ленинград 03.05.1930 в бессознательном состоянии после чрезмерных доз уколов для парализации возможного сопротивления. Доставлен 05 мая 1930 в Москву; умер, не приходя в сознание.

Использованы материалы кн.: Валерий Клавинг, Гражданская война в России: Белые армии. Военно-историческая библиотека. М., 2003.

Маннергейм Карл Густав Эмиль *(* 4 июня 1867 года, поместье Лоухисаари, в сорока пяти километрах от Турку — 28 января 1951 года, Лозанна, Швейцария). Родители Густава имели шведско-финсские корни, но сам род происходил из Голландии: предки перебрались в середине XVII века в Швецию. В 1880 году отец Густава разорился, бросил семью и уехал в Париж. В январе 1881 года умерла мать Густава, графиня Хедвиг Шарлотта Хелена Маннергейм. В 1887–1889 годах на учёбе в Николаевском кавалерийском училище в Петербурге. С сентября 1889 по октябрь 1890 на службе в пятнадцатом драгунском Александрийском полку. В январе 1891 года переведён в Кавалергардский полк. 2 мая 1892 года женился на Анастасии Николаевне Араповой. 23 апреля 1893 года родилась дочь Анастасия. 7 июля 1895 года — дочь София. В мае 1896 года участвует в коронации императора Николая II. В сентябре 1897 года переведён в Придворную конюшенную часть. В 1903 года разрывает отношения с Араповой. В 1904–1905 годах сражается добровольцем в Маньчжурии. В 1906–1908 годах возглавляет военно-научную экспедицию в Китай. В ходе подготовки к экспедиции знакомится с секретными отчётами Н.М. Пржевальского и М.В. Певцова, проходит подготовку у своего двоюродного брата Эрланда Норденшльда, исследователя Южной Америки, П. К. Козлова, изучавшего Центральную Азию и так далее. За заслуги назначен приказом от 5 января 1909 года командиром тринадцатого уланского полка. В 1910 года присутствует на свадьбе генерала Брусилова, своего друга. С февраля 1911 года по декабрь 1913 года — командир лейб-гвардии уланского полка, генерал-майор

свиты Его Величества. В августе 1914 года награждён золотым Георгиевским оружием за бой с австрийцами. 18 декабря награждён орденом Святого Георгия 4-й степени. С марта 1915 по март 1917 года — командир двенадцатой кавалерийской дивизии. 25 апреля 1917 года произведён в звание генерал-лейтенанта. С мая по сентябрь командир шестого кавалерийского корпуса. Освобождён от командования и зачислен в резерв. 30 декабря 1917 года уезжает в Финляндию (за двадцать четыре дня до того Финляндия объявила о своей независимости). В ночь на 28 января 1918 года проведена операция по разоружения последних отряд бывшей царской армии в Финляндии. Данная операция стала прообразом эпизода в "За Русь святую!". 16 мая 1918 года Маннергейм командует парадом в Гельсингфорсе. С 12 декабря 1918 года по июль 1919 года — регент Финляндии. В 1933 году — фельдмаршал Финляндии. С 30 ноября 1939 по 13 марта 1940 года Верховный Главнокомандующий финской армии. В ноябре 1941 года Финляндия — член Антикоминтерновского пакта.

2 августа 1941 года отказывается наступать дальше Ханко несмотря на угрозы генерал-фельдмаршала Кейтеля, объявляет об остановке продвижения финских войск далее старой государственной границы. Категорически против окружения Ленинграда. 7 сентября 1941 года — приказ о переходе к обороне Карельского перешейка. В дальнейшем на этом направлении только двадцать третья советская дивизия оставлена в качестве заслона. Боевые действия практически прекращены. С 4 августа 1944 года по 11 марта 1946 — президент Финляндии. 5 октября 1944 года начинаются официальные переговоры между СССР и Финляндией, во главе советской делегации — А.А. Жданов. Последний служил в Первую мировую войну в дивизии, входившей в корпус генерала Маннергейма. Официальная встреча плавно перетекает во встречу двух фронтовых "друзей". Происходит обычная в таких случаях дегустация алкоголя (в данном случае — грузинского вина).

Готовит проект Договора о взаимопомощи между СССР и Финляндией.

Союзная контрольная комиссия не вынесла в отношении Маннергейма обвинения, в отличие от подавляющего большинства лидеров стран Оси. В 1948–1951 годах — пишет мемуары. 28 января 1951 года умирает в госпитале Лозанны. До самой смерти в кабинете на письменном столе хранил фотографию царской семьи.

Радко-Дмитриев (Радко Русков Дмитриев, 25 сентября 1859 года, село Гадец Сливенской округи, Болгария — 18 октября 1918 года, Пятигорск). В 1876 году участвовал в борьбе за независимость Болгарии. В 1877 году зачислен в лейб-гвардии Уланский полк. Помощник начальника штаба Западного корпуса во время сербско-болгарской войны 1885 года. Один из организаторов заговора против Александра Баттенберга, до того правившего Болгарией. В августе 1886 года уезжает в Румынию, участвовал в восстании в Силистрии прорусской части офицерства, закончившемся неудачно. После этого переходит на русскую службу. В 1898 году возвращается в Болгарию. В 1900–1904 годах — начальник оперативного отделения Генштаба. В 1904–1907 годах — начальник Генштаба. Во время болгаро-турецкой войны 1912 года разбил турецкие части, командовал атакой на Чаталджинские позиции. В 1913 году — помощник главнокомандующего болгарской армией. После — постоянный посланник в Петербурге. В ответ на присоединение Болгарии к Германии во время войны принимает русское подданство. Принимает участие в Галицийской битве. За бои 28–29 августа 1914 года награждён ордено Святого Георгия 3-й степени. Заменил Н.В. Рузского на посту командующего третьей армией. Участвует в Перемышльской операции. Его части ведут бои на реке Сан, отбивают наступление австро-венгерских армий, переходят Карпаты. Под ударами врага, не получив от Генштаба подкреплений, армия в полном порядке уходит из Карпат. Во время одного из боёв в плен попадает генерал Л.Г. Корнилов.

С двадцатого марта 1916 года командует двенадцатой армией в районе Риги. Предлагает план совместного удара пехотных частей и десанта в тыл германских войск. Идея поддержана ген. А.Н. Куропаткиным (всегда осторожный Куропаткин прекрасно понимает,

что немецкий флот, не восстановившийся после Ютландского боя, не сможет помешать высадке десанта), но Н.В. Рузский, назначенный главнокомандующим Северным фронтом, отменяет подготовку к десанту. Рузский вместо этого предпринимает чисто сухопутную операцию, и при трёхкратном перевесе над вражескими частями в численности отвоёвывает лишь небольшой плацдарм.

Двадцатого июля 1917 года Радко-Дмитриев снят с должности и переведён в резерв. Уезжает на Кавказ, в Пятигорск, на лечение. В сентября 1918 года взят в заложники большевиками и расстрелян вместе с Н.В. Рузским после мятежа И.Л.Сорокина.

В его честь названо село в Болгарии.

Использовались материалы из книги Залесского К.А. "Кто есть кто в Первой мировой войне", М., 2003.С. 509–513.

Рузский Николай Владимирович (6 марта 1854 -18 октября 1918) , генерал от инфантерии (29.3.1909), генерал-адъютант (22.9.1914). Образование получил во 2-м Константиновском училище (1870) и Николаевской академии Генштаба (1881). Будучи командиром роты (июль-окт. 1877 и март-июль 1878), участвовал в рус. — турецкой войне 1877-78, был ранен. С 5.12.1881 помощник старшего адъютанта штаба Казанского ВО. С 11.3.1882 по 26.11.1887 старший адъютант штаба Киевского ВО. В мае-окт. 1881 командовал батальоном 131-го пех. Тираспольского полка. С 26. ii. 1887 начальник штаба 11-йкав. ас 19.3.1891 -32-й пех. дивизии, С 23.7.1896 командир 151-го пех. Пятигорского полка, с 13.12.1896 окружной генерал-квартирмейстер штаба Киевского ВО, с 10.4.1904 начальник штаба Виленского ВО. Во время рус. — японской войны 1904-05, при образовании нескольких армий после Шахейского сражения, Р. 28.9.1904 назначен начальником полевого штаба 2-й Маньчжурской армии. По возвращении в Россию, Р. с 6.10.1909 командовал xxi АК. 31.1.1909 по слабости здоровья снят с корпуса и назначен членом Военного совета. Принимал участие в разработке уставов и наставлений, автор Полевого устава 1912. 7.2.1912 его вновь призвали к активной деятельности и назначили (с оставлением членом Военного совета) помощником командующего войсками Киевского ВО. С началом мировой войны Р. 19.7.1914 назначен командующим 3-й армией Юго-Западного фронта. В состав армии (при начальнике штаба ген. В.М. Драгомирове) вошли xxi АК (ген. Я.Ф. Шкинский), xi АК (ген. В.В. Сахаров), ix АК (ген. Д.Г. Щербачев), X АК (ген. Ф.В. Сивере), а также 9-я, 10-я, 11-я кав., 3-я Кавказская казачья дивизии. В армии имелось 685 орудий. Кроме того, подвозился iii Кавказский АК (генерал-лейтенант В.А. Ирман) и 8-я кав. дивизия. В Галицийской битве армия Р. наступала на Львов по фронту Куликов-Миколаев. 6 авг. перешел границу и, сократив фронт с 120 до 75 км, предпринял лобовой удар по австро-венгерским войскам. Несмотря на поступавшие ему сообщения о неудачных действиях рус. армий на Томашевскоми Люблинском направлениях, Р. продолжал упорное движение на Львов, который считал важнейшей целью своего наступления.

13(26) авг. на р. Золотая Липа у Золочева вступил в бой с частями 3-й австро-венгерской армии ген. Р. Брудермана, 14(27) авг. нанес ей решительное поражение и отбросил по всему фронту. 16(29) авг. в ходе сражения под Перемышлянами-отбил атаки 3-й армии, а 17(30) авг. X АК прорвал австро-венгерский фронт. Однако, Р. не выделил сил для преследования отступающей 3-й армии. 19 авг. (1 сент.) XXI АК разгромил у Куликова австро-венгерскую группу, предназначенную для обороны Львова, и 20 авг. (2 сент.) подошел вплотную к Львову. 21 авг. (3 сент.) части армии взяли Львов. После занятия города двинулся главными силами в район Равы-Русской, где 24 авг. (6 сент.) XI и IX АК столкнулись с VI, IX и XVII корпусами 4-й австро-венгерской армии. 26 авг. (8 сент.) армия Р. попала в тяжелое положение из-за оторвавшегося XXI АК., кроме того, на левом фланге был отброшен X АК и у Вальдорфа был прорван фронт армии. 29 авг. (II сент.) австро-венгерские войска прервали сражение. Занятие Львова создало Р. популярность в общественных кругах. 23 авг. за успешные действия награжден сразу орденом Св. Георгия 4-й и 3-й степени; был первым кавалером ордена Св. Георгия в мировую войну. 3.9.1914

назначен главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта. Считал, что действия рус. войск в Галиции должны носить оборонительный характер, а все усилия необходимо направить против Германии. Вступив в должность, отвел 1-ю армию за Неман, 10-ю — за Бобр, 2-ю — за Нарев. После совещания в Холме передал 2-ю армию для проведения Ивангородской операции. 30 сент. (13 окт.) под командование? переданы 2-я (ген. С.М. Шейдеман) и 5-я (ген. П.А. Плеве) армии, действовавшие на Варшавском направлении. Предоставив командующим армиями "действовать по своему усмотрению", Р. сосредоточил основные усилия на формировании Принаревской группы для защиты Варшавы со стороны Восточной Пруссии, сосредоточив здесь XXVII, VI и 1 Туркестанский АК. В середине окт. перевел на Млавское направление 1-ю армию. За Галицийскую битву 25.10.1914 награжден орденом Св. Георгия 2-й степени. 15 (28) сент. начал силами 1-й и 10-й армий проведение Августовской операции. 16(29) сент. предписал армиям фронта выйти к 22 сент.(5 окт.) на линию Сталлупенен-Сувалки-Граево. В ходе Лодзинской операции 9(22) нояб. отдал приказ об отступлении, несмотря на успешное развитие событий и резкие протесты ген. Плеве и П.К. Ренненкампфа. Результатом действия Р. стал выход из окружения группировки ген. Р. Шеффер-Бояделя. Всего в Лодзинской операции наши войска потеряли ок. 110 тыс. чел. и 120 орудий, противник — ок. 50 тыс. чел. и 23 орудия. На Седлецком совещании 15(28) нояб. настоял на приостановке успешного наступления Юго-Западного фронта и на подтверждении своего решения об отводе войск. Обвинив в своих неудачах подчиненных, добился отстранения от командования ген. Шейдемана и ген. Ренненкампфа. Добивался от Ставки разрешения отойти на Варшавские крепостные позиции, но потерпел неудачу. В янв. 1915 Р., поддавшись на проведенные герм. командованием демонстрации сил у Воли-Шидловской и Ломжи, бросил на второстепенные направления все резервы (гвардейский, II, XXVII корпуса). Также по настоянию Р. 10-я армия провела Ласденскую операцию, не давшую результатов, но поглотившую остававшиеся резервы. В февр. — марте армии фронта вели тяжелые бои у Гродно и Прасныша. При этом действия Р. во многом стали причиной катастрофы, постигшей 10-ю армию Ф.В. Сиверса в Августовских лесах. Затем, благодаря успешным действиям 12-й армии ген. Плеве, поддержанной частями 1-й и 10-й армий, герм. армиям был нанесено поражение во 2-м Праснышском сражении. Однако несмотря на достигнутый тактический успех, армии фронта понесли тяжелые потери более чем в 3 раза превышавшие потери герм. войск. 13.3.1915 Р. заболел и покинул ТВД, сдав командование ген. М.В. Алексееву. 17.3.1915 назначен членом Государственного, а 20 мая также Военного советов. По выздоровлении 30.6.1915 получил 6-ю отдельную армию, а 18.8.1915, когда Северо-Западный фронт был разделен на два, назначен главнокомандующим армиями Северного фронта, прикрывавшего пути на Петроград. В состав фронта вошли 5-я, 10-я и 12-я армии, Р. отличался большой осторожностью; он старался притягивать к себе возможно большее число войск, но избегал решительных действий. В дек. 1915 Р. заболел и 6 дек. сдал фронт, с 16.5.1916 также был председателем Всероссийского общества памяти воинов рус. армии, но 1.8.1916 опять вернулся на должность главнокомандующего армиями Северного фронта. Получив назначение, сразу же отменил проведение 12-й армией Р.Д. Радко-Дмитриева операции и высадки десанта в тыл герм. армии. В течение 1916 армии фронта занимали пассивную позицию. При планировании кампании 1917 Р. предложил нанести удар на стыке Северного и Западного фронтов в районе Вильно-Сморгонь. Решительно выступил против плана, разработанного ген. В.И. Гурко и А. С. Лукомским. По новому плану ген. Алексеева фронту отводилась вспомогательная роль, а главный удар наносила 5-я армия ген. АМ.Драгомирова на Свенцяны. Принял выдающееся участие том давлении, которое оказали высшие командиры на Николая II, чтобы побудить его отречься от престола (подробнее см. соответствующую главу в "За Русь святую"). В марте провел перегруппировку фронта. 25.4.1917, когда началось "распадение" армии, Р. покинул пост и уехал лечиться в Кисловодск. В сент. 1918 взят Кавказской Красной армией в число заложником и после мятежа И.Л. Сорокина вместе с ген. Радко-Дмитриевым и др. расстрелян в Пятигорске, перед расстрелом сам рыл себе могилу.

Использован материал из кн.: Залесский К.А. Кто был кто в первой мировой войне. Биографический энциклопедический словарь. М., 2003

Спиридович Александр Иванович (5 августа 1873, Кемь Архангльеьской губернии — 30 июня 1952, Нью-Йорк) — русский офицер корпуса жандармов, сотрудник охранного отделения, начальник императорской дворцовой охраны, генерал-майор корпуса жандармов) В 1884–1891 учился в Аракчеевском кадетском корпусе в Нижнем Новгороде. Избрав военную карьеру, поступил в Павловское пехотное училище в Петербурге, учился там в 1891–1893. Окончив училище и получив офицерский чин, служил в 105-м Оренбургском пехотном полку в Вильно.

В Отдельном корпусе жандармов с 1899 года, прикомандирован к Московскому (работал под началом знаменитого Зубатова), а с 1902 — к Киевскому губернскому жандармскому управлению. В 1903–1905 начальник Киевского охранного отделения. 28 мая 1905 г. был ранен, после чего 26 июня прикомандирован к штату отдельного корпуса жандармов. В начале 1906 г. откомандирован в распоряжение дворцового коменданта и назначен начальником дворцовой охранной агентуры; полковник. После убийства П. А. Столыпина привлечен к расследованию по обвинению в непринятии мер охраны премьер-министра, и, хотя его карьера считалась уже законченной, не потерял в итоге доверие Николая II и не был отставлен от должности. Вызывался на дуэль А.И. Гучковым. Во время Первой мировой войны сопровождал Николая II во всех поездках. Оставил описание восторженного приёма всеми слоями населения (в том числе рабочими) императора. 15 августа 1916 г. назначен ялтинским градоначальником. В февральские дни вызван в Петроград по поручению Протопопова.

Во время Февральской революции был арестован, допрашивался Чрезвычайной следственной комиссией.

Жил в Толстовском доме в 333 квартире. Впоследствии в эмиграции, жил сначала во Франции, а затем в США. Занимался литературной деятельностью. Несчастен в браке (подробнее — в тексте романа). Несколько раз был ранен агентами, лично им завербованными. Упоминал о том, что царская власть спонсировала российскую социал-демократическую, надеясь использовать её в противовес эсерам.

Умер в Нью-Йорке 30 июня 1952 года.

Использованы материалы книги Колоколов Б.Г. Жандарм с царём в голове. М., 2009.

Слащов Яков Александрович *(* Слащов-Крымский, 29 декабря 1885 года, Санк-Петербург — 11 января 1929 года, Москва). Из семьи отставного подполковника. В 1903 окончил реальное училище Гуревича, в 1905 — Павловское военное училище.

В.А. Оболенский, знавший Слащова по Крыму, сообщил с чужих слов о тех годах Якова Александровича. Он редко участвовал в кутежах, водки не пил, а любил сладкое, принося с собою в офицерское собрание плитки шоколада. За это товарищи добродушно над ним посмеиваясь, называя красной девицей… Тогда же зачислен поручиком в лейб-гвардии Финляндский полк. В 1911 году окончил Николаевскую военную академию. С 1912 года преподаёт тактику в Пажеском корпусе. В Первую мировую ранен пять раз, награждён Орденом Святого Георгия 4-й степени и Георгиевским оружием, в ноябре 1916 года произведён в подполковники, в июле 1917 года назначен временно командующим гвардии Московским полком. В декабре 1917 года оставляет службу и уезжают на Юг, в Новочеркасск. В январе 1918 года вступает в Добровольческую армию. С июня 1918 года — начальник штаба Первой Кубанской пластунской бригады, с августа — начальник штаба Второй Кубанской казачьей дивизии. С марта 1919 года — командир бригады пятой пехотной дивизии. В апреле произведён в генерал-майоры. С августа — начальник четвёртой пехотной дивизии. В ноябре 1919 года назначен командиром третьего армейского (с января 1920 года — Крымского) корпуса. В апреле 1920 года произведён в генерал-лейтенанты.

Обороняет Крым от красных атак практически без поддержки, причём успешно.

Слащов применяет следующий приём. В холода отводит войска на отдых, в тёплые квартиры. В это время красные войска ещё только наступают и стремятся выйти в Крым. На подступах к Сивашу вражеских сил Слащов возвращает войска на позиции. Естественно, те отражают атаки уставших красноармейцев. Благодаря храбрости и таланту Слащева Крым остаётся в руках белых.

В августе 1920 года — поражение под Каховкой. Обостряются отношения с генералом П.Н. Врангелем. Красноречиво об их взаимоотношениях говорят рапорты Слащова главнокомандующему.

Рапорт получен 4 августа 1920 года.

"Срочно. Вне очереди. Главкому.

Ходатайствую об отчислении меня от должности и увольнении в отставку. Основание: 1) удручающая обстановка, о которой неоднократно просил разрешения доложить Вам лично, но получил отказ; 2) безвыходно тяжёлые условия для ведения операций, в которые меня ставили (особенно отказом в технических средствах); 3) обидная телеграмма N 008070 за последнюю операцию, в которой я применил все свои свои силы согласно директиве и обстановке. Всё это вместе взятое привело меня к заключению, что я уже своё дело сделал, а теперь являюсь лишним.

N519, х. Александровский, 23 часа 2 августа 1920 года. Слащев"

Ситуация повторялась: в подобном роде высказывался сам П.Н. Врангель в последние дни командования А.И. Деникина. Теперь Слащев критиковал главкома за неумелые действия, считая, что оказался бы более удачливым во время боёв с красными.

В Крыму Яков Александрович предстал уже совершенно другим человеком. Славился своими кутежами, употреблял кокаин. Высокий молодой человек, с бритым болезненным лицом, редеющими белобрысыми волосами и нервной улыбкой, открывавшей ряд не совсем чистых зубов. Он поддерживал отношения с "рядовым Варенькой" — Нечволодовой Ниной Николаевной, зачисленной ординарцем. В июле 1920 года они обвенчались.

После эвакуации из Крыма осел в Константинополе, пытался зарабатывать на жизнь разведением куропаток. Сохранилась фотография, на которой запечатлён Слащов в их "окружении". Здесь он открыто критиковал П.Н. Врангеля, за что был судим так называемым судом чести и лишён права носить мундир. В ноябре 1921 года Слащов возвращается в Россию, в июне следующего года зачислен в состав РККА, преподаёт тактику (как добрый десяток лет назад) в школе "Выстрел".

Сохранилась легенда о том, как Слащов относился и к РККА, и к своим коллегам-офицерам. Во время одной из лекций, на которой присутствовали герои Гражданской войны, Яков Александрович жёстко раскритиковал действия красных войск, в особенности их командования. Будённый не выдержал и открыл стрельбу из нагана, но промахнулся. Слащов хладнокровно, с издёвкой, заметил: "Вот как Вы стреляли — так Вы и воевали".

11 января 1929 года застрелен у себя на квартире Коленбергом, якобы мстившим за гибель расстрелянного по приказу Слащова брата. Однако представляется маловероятным, чтобы рядовой "мститель" проник через охрану на квартиру Слащова. Всей подоплёки гибели "спасителя Крыма" мы пока ещё не знаем.

Смирнов Михаил Иванович (18 июня 1880 —? Лондон) — морской офицер. В 1899 г. закончил Морской кадетский корпус. В 1900 г. — младший флаг-офицер Штаба начальника Эскадры Тихого океана. В 1906 — 09 гг. — обер-офицер Морского Генштаба (МГШ). В 1909–1910 гг. — исполнял должность штаб-офицера высшего оклада МГШ. В 1910 г. — помощник старшего офицера линкора "Слава"; в 1910–1911 гг. — исполнял должность старшего офицера на линкоре "Слава". В 1911–1912 гг. — исполнял должность старшего офицера на линкоре "Пантелеймон". В 1914 г. окончил курс Николаевской Морской академии и вступил в командование эсминцем "Выносливый". В 1915–1916 гг. — командовал эсминцем "Казанец". В 1916 г. произведен в капитаны 1-го ранга и назначен начальником штаба командующего Черноморским флотом. Награжден Георгиевским

оружием в 1916 г., семью русским и иностранными орденами, тремя медалями. В 1917–1918 гг. — начальник морского отдела Русского заготовительного комитета в США, с прикомандированием к русскому посольству в Вашингтоне. С 20 ноября 1918 г. — контр-адмирал и управляющий морским министерством в правительстве Колчака. Подготовил к боевым действиям Речную Боевую флотилию (РБФ) из захваченных в Перми грузовых, пассажирских пароходов и барж: в составе ее были 3 дивизиона речных боевых кораблей, дивизион тральщиков, гидроавиабаза и служба связи с более чем 40 кораблями и 12 несамоходными плавсредствами. Снаряжение для РБФ ему пришлось разыскивать по всему востоку России, включая Владивосток, а также заграницу. Принял меры к подготовке в машинно-моторной школе Томска личного состава РБФ. Провел другие мероприятия по работе министерства (ноябрь 1918 — март 1919 гг.), в том числе — по созданию бригады Морских стрелков (12 декабря 1918 г., лично ввел для нее форму — смесь сухопутной и морской), ряда учебных заведений для флота, повышению боеспособности Сибирской флотилии на Тихом океане. Несмотря на то, что многие его мероприятия носили положительный характер, он настоял на выделении Морского министерства из Военного министерства, хотя в распоряжении Смирнова было лишь несколько боевых морских кораблей, и чтобы Морское министерство было укомплектовано по штату царской России, что вело к большому перерасходу средств правительства. Один из членов группы Михайлова, имевшей особое влияние на выработку того или иного решения правительственных вопросов. С весны 1919 г. — начальник Камской белогвардейской флотилии (РБФ). С апреля по июнь 1919 г., возглавляя РБФ, вел активные боевые действия, помогая сначала наступлению Колчака, затем прикрывая отступающие войска. В это время Смирнов силами РБФ поддерживал артогнем сухопутные белые части в основном против 2-й Красной Армии, обеспечивал переправу через Каму и прохождение транспортных судов, перевозил военные грузы. По общим отзывам, с этими задачами он справлялся успешно. Силы Смирнова 24 мая 1919 г. потопили красные канонерские лодки "Терек" и "Рошаль", пытавшиеся обеспечить переправу красных войск и тралить минные заграждения белых. По приказу Гайды 27 мая 1919 г., РБФ должна была содействовать войскам южной группы Сибирской армии генерала Вержбицкого, действуя на Каме между деревней Тихие Горы и устьем реки Белая. Смирнову пришлось выделить часть сил РБФ для предотвращения переправы красных на Белой. Для выполнения этой задачи, Смирнов 28 мая 1919 г. сосредоточил основные силы РБФ у устья реки Ик, в тоже время, отправив часть сил на Белую и Каму. Находясь на пароходе "Волга", в этот день руководил артиллерийским поединком между РБФ и Волжско-камской красной флотилией, завершившимся отходом красной флотилии. Смирнов 29 мая 1919 г. прикрывал отход левофланговых частей 4-го корпуса. В этот день красным удалось перерезать связь между РБФ и 4-м корпусом и пересечь Белую, создав, т. о., опасность захвата белой флотилии, но попытка переправы большевиков через Каму была отбита. В этот же день Богословский просил телеграммой Смирнова обеспечить отход частей левого фланга Южной группы Сибирской армии у Пьяного Бора и оказать им огневую поддержку в районе Чеганда-Пьяный Бор до устья реки Иж. Для этого РБФ обеспечила успешную минную постановку у Пьяного Бора и переправу через Белую ударного корпуса. Прорыв по участку реки в Чеганду, простреливавшемуся красными, был осуществлен ночью 30 мая 1919 г. Корабли Смирнова, прикрывая тихоходные баржи, переоборудованные в плавбатареи и плавбазы, подавили красную пехоту, пулеметчиков и артиллерию, пытавшихся не допустить прорыва белых. С отходом Сибирской армии, Смирнов решил уходить к Сарапулу. Утром 31 мая 1919 г. РБФ обеспечивал эвакуацию вспомогательных судов и плавсредств из Каракулино в Сарапул, в то же время, прикрывая фланг отхода 15-й дивизии и переправу на левый берег Камы 4-го корпуса у Николо-Березовки, для чего с двух сторон приказал выставить минное заграждение. На судах Смирнов эвакуировал остатки 58-го Акмолинского Сибирского стрелкового полка — 340 штыков и 2 орудия. В это время Смирнов потерял связь с Вержбицким и для ее установления, отошел на пароходе службы связи "Соликамск" 1 июня

1919 г. в Сарапул, где застал картину спешной эвакуации города. В это время создалась новая угроза захвата РБФ красными, так как возникла опасность взрыва ими моста в Сарапуле, в результате которого русло реки было бы перегорожено упавшими конструкциями и стало бы непригодным для прохода судов от Николо-Березовки. Под гаубичным огнем Смирнов прорывается в Николо-Березовку для эвакуации флотилии и обеспечивает охрану от взрыва сарапульский мост, выслав для этого флагман 3-го дивизиона РБФ — корабль "Грозный" и пароход "Кент". В ночь с 1 на 2 июня 1919 г. РБФ под руководством Смирнова прорвалась к Сарапулу. Корабли, по его приказу, шли двумя кильватерными колоннами — вооруженные суда прикрывали невооруженные. Во время прорыва РБФ 3 раза обстреливалась красными батареями. Одна из них, на холме у села Мазунино, была подавлена ответным огнем РБФ. С другой батареей, находившейся выше Мазунино, флотилия Смирнова выдержала 4-х часовой бой. У Сарапула РБФ сражалась сразу против 3 батарей красных гаубиц и трехдюймовок и пехоты, которые частично были подавлены. Так как скорость судов Смирнова была едва больше 8 километров в час, то в корабли было много попаданий, результатом чего стало потопление 2 июня 1919 г. парохода РБФ "Статный", но основные ее силы прорвались невредимыми. Смирнов сравнивал прорыв РБФ из Сарапула со знаменитым прорывом эскадры адмирала Фаррагута в бухту Мобиль в 1864 г. во время Гражданской войны в США: "этот не бывавший в истории речной войны со времен Мобиля прорыв слабо защищенных судов мимо целого ряда батарей кончился для нас крайне удачно". До начала июля 1919 г. Смирнов во главе РБФ прикрывал сухопутные белые войска, осуществлял для них огневую поддержку. С падением Перми, Смирнов отвел РБФ в устье реки Чусовой, где она была разоружена из-за невозможности действовать на мелководье и вскоре сгорела. Красные обвиняли Смирнова "в уничтожении народной собственности", но по его версии, корабли сгорели из-за разлива нефти. Член Особого Совещания в Сибири. Выступал противником сдачи Омска без боя, считая, что в случае его потери престиж белых в Сибири резко пошатнется. Просил лично Колчака не отправлять его в эвакуацию в Иркутск, а оставить при себе, но тот отклонил эту просьбу, сказав, что присутствие Смирнова в Иркутске необходимо для контроля над деятельностью правительства и подготовки речных сил для весенней кампании на Енисее. Видя неспособность чиновников Министерства Путей Сообщения, взял на себя задачу составления эшелона для эвакуации Совета Министров в Иркутск, что успешно выполнил. 18 ноября 1919 г. прибыл с Советом Министров в Иркутск. 24 ноября 1919 г. задержан восставшими эсерами в пригороде Иркутска Глазкове, но вскоре отпущен. Эмигрировал в феврале 1920 г. в Харбин. Переехал в США, жил во Франции, Великобритании. Скончался в годы Второй мировой войны. Автор ряда статей и воспоминаний о Колчаке.

Использовались материалы сайта А.В. Квакина http://akvakin.narod.ru/

Щастный Алексей Михайлович (4 октября 1881 года, Житомир, Волынская область — 22 июня 1918 года, Москва). В 1892–1896 годах учился во Владимирском Киевском кадетском корпусе. Окончил Морской корпус, по успеваемости — второй. С 1901 года — мичман. Воевал в Русско-японскую. Награждён Орденом Святой Анны 3-й степени с мечом и бантами. В 1905–1906 году — служит в Кронштадской крепости, в морском отделе штаба. В 1905 году окончил Минный офицерский класс. В 1906–1909 читает курс лекций по радиотелеграфному делу. В 1908 году участвует в Электротехническом съезде в Москве. В 1912–1914 года — постоянный член межведомственного радиотелеграфного комитета. В феврале-мае — штаб-офицер для поручений при штабе командующего Балтфлотом. С июля 1917 года — капитан 1-го ранга. С января 1918 года фактически руководит Балтийским флотом. Немцы наступают на Ревель и вот-вот возьмут базу флота: Щастный в подобных условиях приказывает начать перебазирование в Гельсингфорс, что спасает корабли от уничтожения. Затем — Ледовый поход через замёрзшее море в Кронштадт. Практически все корабли удалось спасти от передачи в руки немцев. 5 апреля назначается начальником морских сил Балтийского моря. Готовит к выходу третий отряд из кораблей, которые

необходимо перевезти в Кронштадт. Ни одного корабля не потеряно. 27 мая арестован по приказанию Троцкого. Суть обвинения: "Щастный, совершая геройский подвиг, тем самым создавал себе популярность, намереваясь впоследствии использовать ее против советской власти". Против расстрела яростно выступают Мартов и Дыбенко. Коллонтай требует исключить её и "мужа" (то есть того же Дыбенко) из коммунистической партии. Дело в том, что партия большевиков выдвигала в качестве одного из требований отмену смертной казни. Однако в июне она была восстановлена, и первой жертвой стал именно Щастный.

Главным и единственным свидетелем против Щастного выступил Троцкий. Щастный был расстрелян "за спасение Балтийского флота". 21 июня 1918 года приговорён к расстрелу. В 4 часа 40 минут утра 22 июня приговор приведён в исполнение.

30 июля Дыбенко по этому поводу заявил: "Неужели нет ни одного честного большевика, который публично заявил протест против восстановления смертной казни? Жалкие трусы!". Вышло, что честных большевиков не нашлось: сам Дыбенко в 1921 году будет участвовать в расстрелах кронштадских моряков.

Использовались материалы Дмитрия Митюрина: Обыкновенное чудо Ледового похода. // Невское Время, 24 апреля 2003; Вадим Вадима Кулинченко: Спаситель Балтийского флота. // Российский кто есть кто: Журнал биографий Рус. биогр. ин-т, N 2 2006

Политические деятели

Гучков Александр Иванович (14 октября 1862, Москва — 14 февраля 1936, Париж) — из московской купеческой семьи. Прадед за верность старообрядчеству выслан в Петрозаводск. Дед избирался московским городским головой. В 1853 году перешёл в единоверие — течение в православие, сторонники которого придерживались старых обрядов, но признавали Русскую Православную Церковь. Отец — почётный мировой судья и совладелец торгового дома "Гучкова Ефима сыновья". Мать из французских евреев. Один из братьев, Фёдор Иванович, будет затем одним из создателей партии октябристов и руководителем газеты "Голос Москвы".

Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1886), слушал лекции по истории и философии в Берлинском и Гейдельбергском университетах. Член Московской городской управы, затем гласный городской думы. Служил младшим офицером в казачьей сотне в охране КВЖД (1897–1899), уволен за дуэль. Вступил добровольцем в вооруженные силы буров, в 1900 году попал в плен к англичанам, в 1903 году был в Македонии во время восстания против турок. Во время Русско-японской войны — главноуполномоченный Красного Креста в действующей армии, весной 1905 оказался в плену у японцев, так как не счел возможным уйти вместе с отступающими от Мукдена русскими войсками и оставить находящихся в госпитале раненых. В 1902–1908 годах директор Московского учетного банка, предприниматель (к 1917 г. имел состояние порядка 600–700 тыс. руб., за что получил прозвище "неторгующего купца"). Действительный статский советник.

Был представлен Николаю II в качестве "консультанта" от промышленников во время Первой русской революции. П.А. Столыпин предложил Гучкову портфель министра промышленности. Выдвинув довольно-таки серьёзные требования, при исполнении которых он согласился бы принять назначение, Гучков отказался работать вместе с

Один из создателей партии "Союза 17 октября", с 1906 г. председатель ее ЦК. Сторонник "единой и неделимой империи", Гучков признавал некоторые элементы автономии только за Финляндией и считал допустимым лишь для отдельных народов право на культурную автономию. В 1907 г. избран в Госсовет, затем — в III Думу. Возглавлял думскую фракцию октябристов — парламентскую опору кабинета П.А. Столыпина. В 1908 г. произнес речь против вмешательства великих князей в государственное управление, потребовав от них "отказа от некоторых земных благ и некоторых радостей тщеславия",

вызвавшую гнев Николая II. Стремился к расширению компетенции Думы "явочным порядком". С 08.03.1910 г. по 14.03.1911 г. председатель Думы. Инициатор думской кампании против Г.Е. Распутина. Произнёс речь против военного министра Редигера, после которой тому пришлось покинуть свой пост. В ответ на несогласие военного министра Сухомлинова согласовывать политику министерства с октябристами обрушил волну критики.

Более того, Гучков целенаправленно искал доказательства "измены" Сухомлинова ещё в 1912 году.

В своём письме А.И. Савенко Гучков пишет следующее:

"Дальнейшее пребывание Сухомлинова у власти представляет прямую опасность для армии и для России. Нужно употребить все усилия, чтобы доказать это тем, от кого зависит. Не пришлёте ли Вы мне Ваше показание? Может быть найдёте ещё что-нибудь?"

Одновременно, поддержанный Милюковым и Шингарёвым, выступал против "милитаризма" в стране. В 1912 году проводит "операцию" по назначению Поливанова военным министром. Суть её сводится к следующему: от имени полковника Мясоедова, служившего тогда в корпусе жандармов, издаётся памфлет. Дума давит на императора и вынуждает его отстранить от должности Сухомлинова. На его место становится Поливанов. Однако схема не сработала. Позже А.И. Гучков вызовет на дуэль Мясоедова, а ещё позже — устроит показательную казнь последнего: суд, на который оказывалось давление, не найдя достаточных доказательств вины Мясоедова, всё-таки вынесет смертный приговор по обвинению в шпионаже. При этом Гучков, якобы имевший веские доказательства вины Мясоедова, отказался огласить их все и указать на источники информации. Позже он провернёт ту же схему во время кампании по дискредитации Николая в конце 1916 года.

Пиком их противостояния можно считать разговор, произошедший между Сухомлиновым и Гучковым. При дворе, по имевшейся информации, считали лидера октябристов распространителем писем Александры Фёдоровны и Великих княжон к Распутину. Текст копировали и использовали в качестве пропаганды против царя. Сухомлинов передал Гучкову слова Николая о том, что Александр Иванович — подлец.

Оставил председательское кресло в знак протеста против оскорбительного для достоинства народного представительства перерыва в заседаниях Думы, осуществленного Николаем II под нажимом П. А. Столыпина для проведения в чрезвычайном порядке Закона о земстве в западных губерниях. Выборы в IV Думу по Москве проиграл. После начала мировой войны работал в учреждениях Красного Креста. Организатор военно-промышленных комитетов, с июля 1915 года председатель Центрального военно-промышленного комитета. Рассматривался, наряду с М.В. Родзянко и кн. Г. Е. Львовым в качестве возможного кандидата на пост премьера правительства, пользующегося доверием оппозиционного большинства Думы. 16 сентября 1915 г. избран по торгово-промышленной курии в Госсовет, вошел в состав Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства, где возглавил Комиссию по пересмотру норм санитарного и медицинского снабжения армии. В 1916 — начале 1917 года один из организаторов заговора, имеющего целью совершение дворцового переворота. 28 февраля 1917 г. избран членом (позднее председателем) Военной комиссии Временного комитета Государственной думы. В дни революции — комиссар ВКГД по Военному министерству. 2 марта 1917 года вместе с В. В. Шульгиным принял в Пскове отречение Николая II от престола. Однако, узнав об отречении Михаила, отказался продолжать работу и занять пост военного министра. Став, фактически, инициатором отречения Николая, добившись желаемого, он, едва его планам что-то начало мешать, проявил несдержанность и неумение работать. Он понял, куда зашёл, но было уже поздно: вместо правительства доверия при императоре осталось просто правительство, против коего ополчился и Совет, и значительная часть населения, и сами министры, не справлявшиеся со своими обязанностями.

Со 2 марта по 2 мая 1917 военный и морской министр Временного правительства. После Октябрьской революции участник Белого движения. С 1919 г. в эмиграции. Его дочь

позже станет агентом Советского Союза. Известие об этом подкосит здоровье Александра Ивановича Гучкова. Он умрёт в Париже в 1936 году, пожиная плоды своих авантюр.

Использованы материалы книги: Дневник Распутина. М., ЗАО "Олма Медиа Групп". 2008. (Этот текст принадлежит составителям книги — канд. ист. н. Д.А.Коцюбинскому и канд. ист. н. И.В.Лукоянову).

КеренскийАлександр Фёдорович *(22.4 (4.5).1881, Симбирск, — 11.6.1970, Нью-Йорк).* Родился в семье директора гимназии. В 1889 семья переехала в Ташкент. В 1899 Керенский окончил Ташкентскую гимназию и поступил на историко-филологический ф-т Петербург, ун-та, спустя год перешел на юридический ф-т, более всего увлекаясь театром. В 1902 Керенский во время студенческой сходки произнес речь ("До сих пор не могу понять, что толкнуло меня к этому выступлению") с призывом помочь народу в его борьбе, за что был ненадолго отправлен к родителям ("Мне льстило, что отныне я стал ссыльным студентом"). По окончании ун-та в 1904 Керенский стал помощником присяжного поверенного; сблизился с членами "Союза освобождения", объединявшего либеральных земцев и интеллигенцию. Манифест 17 октября 1905 Керенский воспринял как начало конституционной монархии в России. Во время рев. 1905–1907 давал юридические консультации рабочим, печатался в проэсеровском бюллетене "Буревестник".

В дек. 1905 Керенский был арестован за хранение эсеровских листовок и находился в тюрьме до весны 1906. Вскоре после освобождения он стал популярным адвокатом, выступавшим на полит, процессах. В 1912 был избран депутатом IV Гос. думы от "Трудовой группы" (трудовиков) и, став лидером фракции, вошел в масонскую организацию, объединившую различные антисамодержавные силы, стремившиеся к демократическому обновлению России. Был инициатором резолюции протеста коллегии адвокатов Петербурга против сфабрикованного дела Бейлиса, за что был приговорен к 8 мес. тюрьмы. Один из активных деятелей Февральской рев. 1917, Керенский выдвинулся в один ряд с полит, лидерами П. Н. Милюковым и А.И. Гучковым, участвовал в создании и работе Временного комитета Гос. думы, заявив о себе как о стороннике демократического республиканского строя ("Я испытывал чувство пьянящего восторга").

Керенский был заместителем председателя Петроградского Совета рабочих депутатов, вошел во Временное правительство и стал членом партии эсеров. Керенский — единственный из состава Временного правительства находился у власти от февр. до окт. 1917, последовательно занимая посты: министра юстиции, министра-председателя и военного и морского министра.

Ораторский талант Керенского покорял аудиторию, не способную анализировать его пылкие речи. Он предлагал осуществлять рев. преобразования "согласно закону"; обещал, что "землю' народ должен получить в полном объеме", но решение этого вопроса сможет принять Учредительное собрание; провозглашал, что "8-часовой рабочий день должен быть нормои работы для всех трудящихся", но при этом недопустимо падение объема производства; утверждал, что "мир должен быть заключен всеми народами на равных условиях и на равных положениях", но прийти к нему надо постепенно. Керенский сделал необычайно много для организации Июньского наступления на фронте, а после его провала объявил виновниками большевиков. Керенский ввел на фронте смертную казнь и учредил военно-рев. суды. В авг. Керенский и министр внутренних дел Н.Д. Авксентьев получили полномочия на аресты и высылку из страны полит, противников режима Временного правительства. Попытка Л. Г. Корнилова установить военную диктатуру свидетельствовала о слабости власти Керенский. Неспособность Керенского стабилизировать положение в стране, его отказ поддержать Корнилова вызвали ненависть правых. Борьба с большевиками — противодействие левых сил.

Режим Керенского, рассчитанный на несостоявшуюся коалицию демократов от кадетов до эсеров, не получил поддержки. Имя Керенского в общественном сознании осенью 1917 ассоциировалось с суррогатом денег — "керенками", не имевшими номера, серии, года

выпуска и стремительно обесценивавшимися. После Октябрьского переворота Керенский выехал на фронт встречать вызванные им, но не появившиеся войска. В Гатчинском дворце, переодевшись в матросскую форму, бежал от матросов Дыбенко.

В Пскове Керенский встретился с П.Н. Красновым, двинувшим свои силы на Петроград. Этот поход оказался безуспешным, и Керенский до лета 1918 находился в подполье в Петрограде, Финляндии, Москве. В июне 1918 выехал за рубеж для организации интервенции против большевиков. До 1940 Керенский жил во Франции, активно сотрудничая в эмигрантских организациях. Издавал газ. "Дни" и "Новая Россия", Постоянно выступал против сталинской диктатуры, но в первые же дни Великой Отечественной войны заявил о поддержке СССР. С 1940 жил в США. С 1956 Керенский сотрудничал с Гувёровским ин-том войны, революции и мира при Стэнфордском ун-те. Керенский был профессором, совместно с Р. Браудером в 1961 опубликовал три тома документов "Российское Временное правительство"; он автор кн. "Россия на историческом повороте. Мемуары" (М., 1993). До конца жизни Керенский верил в "возрождение свободы" на родине. Его попытка в 1968 получить разрешение на приезд в СССР не увенчалась успехом. Зарабатывал на жизнь гонорарами за свои произведения и случайными заработками. Умер, уморив себя голодом в больнице Керенский был похоронен в Англии, где жили его сыновья.

Использованы материалы кн.: Шикман А.П. Деятели отечественной истории. Биографический справочник. Москва, 1997 г.

Коновалов **Александр Иванович** (17 сентября 1875 — 28 января 1949). Из семьи крупных фабрикантов Костромской губ. В 1894–1895 учился на физико-математическом факультете Московского университета, потом в профессионально-технической школе прядения и ткачества в Мюльгаузене (Германия). С 1897 председатель правления товарищества "Иван Коновалов с сыном*. Принадлежал к числу богатейших людей России: владел фабрикой стоимостью ок. 1 400 000 руб., домами, а также 6830 дес. земли. Один из создателей торгово-промышленной партии (1905). С 1908 товарищ председателя Московского биржевого комитета. Член ЦК партии прогрессистов (1912). Избран в iv Думу от Костромской губернии. Масон, входил в так называемую думскую ложу, член Верховного совета "Великого Востока народов России". В октябре 1913 — мае 1914 товарищ председателя Думы. С июля 1915 товарищ председателя Центрального военно-промышленного комитета. В Прогрессивном блоке принадлежал к левому крылу, пытался обеспечить поддержку блоку со стороны рабочего движения в форме "рабочих групп" при военно-промышленных комитетах. 27 февраля 1917 избран членом Временного комитета Государственной думы. Со 2 марта по 18 мая 1917 министр торговли и промышленности в первом составе Временного правительства. 25 сентября 1917 назначен заместителем министра-председателя и министром торговли и промышленности Временного правительства. Арестован при взятии Зимнего дворца и заключен в Петропавловскую крепость; освобожден в январе 1918. Затем — в эмиграции во Франции, руководил Русским коммерческим институтом. После оккупации Парижа фашистами бежал в Португалию. С июня 1941 жил в Нью-Йорке; скончался в Париже.

Использованы материалы библиографического словаря в кн.: Я.В.Глинка, Одиннадцать лет в Государственной Думе. 1906–1917. Дневник и воспоминания. М., 2001.

КривошеинМихаил Иванович (19 июля 1857 — 28 октября 1921). Сын подполковника, выслужившегося из рядовых. Окончил С.-Петербургский университет со степенью кандидата прав. Службу начал по Министерству юстиции, с 1887 — в Земском отделе Министерства внутренних дел. С 23 декабря 1904 — начальник Переселенческого управления. 8 июня 1905 назначен товарищем главноуправляющего землеустройством и земледелием; с 8 июня 1906 по 27 июля 1907 и.д. главноуправляющего этим ведомством. 6 мая 1906 назначен членом Государственного совета. С 6 октября 1906 товарищ министра финансов, управляющий Дворянским и Крестьянским поземельным банками. С 21 мая 1908

главноуправляющий землеустройством и земледелием; в этой должности играл ведущую роль в проведении в жизнь столыпинской крестьянской реформы. Гофмейстер Двора (1909). Статс-секретарь (1910). В годы мировой войны возглавлял группу либеральных министров, считавших необходимым опираться на поддержку либеральной общественности и учитывать в правительственной политике требования Прогрессивного блока. С 17 августа 1915 как главноуправляющий возглавлял Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу. 26 октября 1915 уволен от должности главноуправляющего. Как отмечает С.П. Мельгунов (см. "На путях к дворцовому перевороту" и "Легенда о сепаратном мире), главной причиной отставки послужила поддержка Кривошеиным оппозиции. После отставки с этого поста — главноуполномоченный Российского общества Красного Креста. После Октябрьской революции видный деятель антибольшевистского движения. В 1920 возглавлял правительство Юга России при П.Н. Врангеле в Крыму, которое попыталось провести аграрную и земскую реформы. Однако свидетели тех реформ отмечали, что проект земской реформы был одобрен Кривошеиным уже "пост-фактум". Пытался установить привычные порядки: успел создать только штат, соотносимый по числу служащих с министерством времён Николая ii. После разгрома Врангеля — в эмиграции. Скончался в Берлине.

Использованы материалы библиографического словаря в кн.: Я.В.Глинка, Одиннадцать лет в Государственной Думе. 1906–1917. Дневник и воспоминания. М., 2001.

Львов Владимир Николаевич (2 апр. 1872–1934). Из дворян. Крупный землевладелец Бугурусланского у. Самарской губ. Окончил юридический и историко-филологические факультеты Московского университета (после университета готовил себя к поступлению в монастырь), вольнослушатель Московской духовной академии. В 1905 участвовал в организации в Самаре и Самарской губ. отделений "Союза 17 октября", сотрудник газеты "Голос Самары". Гласный Бугурусланской уездной и Самарарской губ. земских управ с 1907. Чл. партии "октябристов". Делегат 3-й Государственной Думы (во фракции "Союза 17 октября", затем — независимых националистов) и 4-й (пред. фракции центра) Государственной Думы от Самарской губ. (в Думе числился под фам. Львов 2-й). В обеих Думах пред. комиссии по делам Рус. правосл. церкви. В авг. 1915 вошёл в Прогрессивный блок. Из шести списков будущего пр-ва, составленных и опубликованных в 1915, фигурировал в четырёх в качестве обер-прокурора Св. Синода.

Во время Февр. рев-ции 1917 избран 27 февр. членом Врем. К-та Гос. Думы. 2 марта вошёл во Врем. пр-во как обер-прокурор Св. Синода. 3 марта участвовал в переговорах с вел. кн. Михаилом Александровичем о его отречении от престола. 14 апр. реорганизовал состав Синода. Выступал за созыв Св. Собора Правосл. Рос. Церкви и восстановление патриаршества. 21 июля вслед за А.Ф. Керенским подал в отставку и на заседании Врем. пр-ва вместе с представителями ЦК партий меньшевиков, эсеров и кадетов заявил, что "видит спасение в сильной власти с Керенским во главе, с условием, что он привлечёт в правительство лиц по своему выбору, хотя бы вопреки желанию партий и организаций." Проходил главным свидетелем по "Делу Корнилова". Четырежды менял показания, ссылаясь на то, что ранние показания были даны под нажимом А.Ф. Керенского (см. "Дело генерала Корнилова" в 2ТТ.). Медицинская экспертиза вынесла заключение о развитии душевной болезни. В ноябре 1921 примкнул к "сменовеховству", выступил в Париже с докладом на тему "Советская власть в борьбе за русскую государственность", изданным в 1922 отдельной брошюрой в Берлине; признал Советскую власть и в 1922 вернулся на Родину, до 1927 работал в Высшем церковном управлении. Принимал активное участие в движении "Живая церковь". 2 февраля 1927 арестован по уголовному делу и по постановлению Коллегии ОГПУ от 29 апреля выслан в Томск на 3 года. В сентябре 1929 из ссылки освобожден и остался на жительство в Томске.

Использованы материалы статьи М.Е.Глостенова и В.Н.Сачкова в кн.: Политические деятели России 1917. биографический словарь. Москва, 1993.

ЛьвовГеоргий Евгеньевич *(21 окт. 1861, Дрезден- 7 марта 1925, Париж).* Происходил из древнего княжеского рода. Окончил Поливановскую гимназию в Москве и юридический ф-т Моск. ун-та. Успешно сочетал хозяйственную деятельность в своем имении с судебной в Тульском окружном суде. Относившийся с восторгом к Александру II, Львов не принял реакционной политики Александра III. Находясь с 1891 в должности непременного члена губернского присутствия в Туле, Львов вступился за жестоко наказанных начальником крестьян, что привело его к разрыву с местными административными властями и выходу в отставку. Принял активное участие в земском движении и в 1900 был избран председателем Тульской земской управы. Львов стал широко известен во время русско-японской войны 1904–1905, когда он возглавил уполномоченных земских организаций по оказанию помощи раненым на полях сражений. В 1905 Львов был избран в 1 Гос. думу. Убежденный толстовец, Львов полагал, что главная человеческая задача — содействовать "постепенному обновлению общественного строя в целях устранения из него господства насилия и установления условий, благоприятных доброжелательному единству людей". Львов участвовал в борьбе с голодом, пытался оказать помощь переселенцам во время аграрной реформы П.А. Столыпина, ездил изучать переселенческое дело в Канаду и США. В 1913 Львов был избран городским головой Москвы, но его кандидатура была отклонена правительством. С началом первой мировой войны Львов, проявив себя как человек недюжинных организаторских способностей, возглавил Земский и Городской союзы, к-рые занимались оборудованием госпиталей и санитарных поездов, поставляли одежду и обувь для армии. После Февральской рев. 1917 Львов стал главой Временного правительства и министром внутренних дел. В условиях двоевластия, в распадающемся гос-ве попытка Львова реорганизовать органы местного самоуправления привела к ослаблению правительственного аппарата, не могла помешать аграрным беспорядкам, классовой розни, посягательствам против личности и делала самого Львов лишь символом "зачатой, но нерожденной власти". Когда в июле 1917 министры-социалисты опубликовали правительственную декларацию с обещанием объявить Россию республикой, созвать Учредительное собрание, приступить к разработке законов о земле и др., Львов заявил о своей отставке, полагая, что министры узурпировали права Учредительного собрания, а их выступление носит демагогический характер. Секретарь Львова записал его слова: "Я ушел потому, что мне ничего не оставалось делать. Для того чтобы спасти положение, надо было разогнать Советы и стрелять в народ. Я не мог этого сделать. А Керенский может". Львов удалился в Оптину пустынь. Узнав об Октябрьском перевороте, изменил фамилию и бежал в Тюмень, где в февр. 1918 был арестован ЧК, но сумел бежать в Омск, а оттуда уехал в США, где безуспешно пытался получить оружие и деньги для белой армии. Львов переехал в Париж, где им было создано "Русское политическое совещание", пытавшееся стать центром "белого дела". Львов страдал от ностальгии, надеялся на скорое падение большевиков и оказывал помощь беженцам из России. Нерешителен, склонен к критике вкупе с нежеланием содействовать преодолению недостатков критикуемого им режима или человека. В.Д. Набоков вспоминал о Г.Е. Львове следующее: "Он не только не делал, но и не пытался сделать что-нибудь для противодействия всё растущему разложению. Он сидел на козлах, но даже не пробовал собрать вожжи. Он чужд был честолюбия и никогда не цеплялся за власть". Толстовец и пацифист, что сыграло отрицательную роль в судье России.

Использованы материалы кн.: Шикман А.П. Деятели отечественной истории. Биографический справочник. Москва, 1997 г.

Манасевич-Мануйлов Иван Фёдорович (1869–1918) , надворный советник, "выкрест", стал видным чиновником Департамента полиции. Его имя известно широкой публике в связи с Распутиным, к которому он был близок. Историкам спецслужб он известен как сотрудник русской контрразведки.

Манасевич происходил из бедной еврейской семьи. Отец его был по приговору суда за подделку акцизных бандеролей сослан в Сибирь на поселение. Иван в 7 лет был усыновлен богатым сибирским купцом Мануйловым (существует также версия, предполагающая, что настоящими родителями Манасевича были князь П. А. Мещерский и еврейка Х. Мовшон). Затем он принял лютеранство, окончил реальное училище в Петербурге, поступил на службу в департамент духовных дел. Надо отметить, что своей карьерой он был обязан покровительству известного издателя газеты "Гражданин" князя В.П. Мещерского, друга юности императора Александра ill, близкого ко двору и при Николае II. С 1890 г. сотрудничал в газетах "Новое Время" и "Новости" и одновременно в Санкт-Петербургском охранном отделении. В качестве секретаря редакции газеты "Новости" в 1894 г. ездил в Париж для сбора по поручению Санкт-Петербургского охранного отделения сведений о положении заграничной агентуры. В 1899 г. был назначен агентом департамента духовных дел в Риме. Одновременно по поручению Департамента полиции вел с 1901 г. наблюдение за русскими революционными группами. В 1902–1903 гг. временно командирован, по приказанию министра внутренних дел В.К. Плеве, в Париж для информации и подкупа французской печати ("Echo de Paris", "Gaulois", "Figaro"), причем финансирование шло из сумм, отпущенных лично Николаем II. В итоге влиятельные парижские газеты печатали заказные статьи против русских эмигрантов. Манасевич также в течение нескольких месяцев издавал в Париже газету "La revue russe" ("Русское обозрение").

И хотя Иван Федорович не сработался с заведующим Заграничной агентурой Леонидом Ратаевым и, игнорируя его, вел все сношения непосредственно с министром Плеве, удачно выполненное задание стало ступенью его дальнейшей карьеры. Немного забегая вперед, отметим, что в 1906 году, в разгар революции, русское правительство осуществило во Франции крупный денежный заем — несмотря на агитацию либеральной французской печати и при содействии газет, ранее "прикормленных" Манасевичем-Мануйловым.

В июле 1904 г. по приказу директора Департамента полиции А. А. Лопухина Манасевич-Мануйлов организовал и возглавил Отделение по розыску о международном шпионстве (в составе Особого отдела Департамента полиции), в задачи которого входило, кроме наблюдения за иностранными шпионами, добыча шифров иностранных государств.

"Это отделение, не имевшее определенного штатного расписания и каких-либо письменных инструкций, было временным образованием, в которое кроме самого Мануйлова был включен жандармский ротмистр М. С. Комиссаров, дешифровщик В. И. Кривош, отряд филеров, а также навербованная Мануйловым "внутренняя агентура", в основном из обслуживающего персонала зарубежных посольств в Петербурге. В соответствии с его названием мануйловское отделение интересовали не только и не столько японцы, сколько вообще все иностранцы, чье поведение и связи вызывали подозрения. В июле-августе 1904 г. отделение установило наблюдение и контроль за перепиской шведско-норвежского морского атташе Г. Ф. Краака, итальянского военного агента графа Л. Руджери, ряда американцев и англичан… Результаты не заставили себя ждать. Наблюдение за Крааком, например, обнаружило его частые встречи с американцем Х. Бергом, который по заданию Морского министерства России заведовал постройкой подводной лодки на Балтийском судостроительном заводе. Перлюстрация же донесений шведского морского агента показала, что ему известны некоторые секретные сведения, источником которых является Берг. В результате правительство отказалось от услуг американца, которому не помогли и его особо доверительные отношения с великим князем Александром Михайловичем, ведавшим вооружением вспомогательных судов флота…

Отделение быстро развернуло свою работу, и уже во второй половине августа Мануйлов представил в Департамент добытый "агентурным путем" шифр американского посольства, а в начале сентября — китайский".

Позднее были добыты шведский, болгарский, румынский шифры и часть японского дипломатического шифра.

В октябре 1904 г. "было получено еще 4 китайских шифра, а также фотокопия книги

посольских донесений. В результате появилась возможность контролировать всю переписку китайской миссии. Если же учесть, что через Петербург шли депеши МИД Китая к его представителям в странах Западной Европы, можно утверждать, что перехватывалась и большая часть корреспонденции китайского внешнеполитического ведомства".

Во время русско-японской войны Манасевич-Мануйлов занимался за границей разведкой и внешней контрразведкой, устроив внутреннюю агентуру при японских миссиях в Гааге, Лондоне и Париже, в американскую миссию в Брюсселе и в итальянскую в Париже, получив часть японского дипломатического шифра, благодаря чему "были получены указания на замысел Японии причинить повреждения судам Второй эскадры на пути следования на Восток".

Его заслуги были оценены в Петербурге, в доме 16 по набережной Фонтанки. Директор Департамента полиции А.А. Лопухин докладывал 3 августа 1904 г..

"При открытии военных действий на Дальнем Востоке Департамент полиции при посредстве чиновника особых поручений при министре внутренних дел Мануйлова стал пытаться организовать правильное наблюдение за представителями японского правительства в западноевропейских государствах, и уже в феврале месяце благодаря полному содействию начальника французской секретной полиции Кавара и начальника Разведочного бюро при Министерстве внутренних дел Моро удалось получить копии всех телеграмм японской миссии в Париже, а также, ввиду существующей во французском Бюро секретной агентуры в японской миссии, г-н Мануйлов регулярно стал получать значительное количество документов из парижской миссии. Затем, по предположению французской полиции, г-н Мануйлов расширил свою деятельность и установил правильное наблюдение при посредстве домашней прислуги в японских миссиях в Лондоне и Гааге". В итоге только до конца июля было добыто более 200 японских документов.

В октябре 1904 г Манасевич-Мануйлов был вновь командирован в Париж с заданием "организовать разведочное бюро в Вене и Париже по наблюдению за действиями японцев" и по разработке грузинского революционера-эмигранта Г. Г. Деканози, подозреваемого в шпионаже в пользу Японии. Русским военным атташе во Франции, Италии и Австрии предписывалось оказывать ему "возможное содействие и помощь". По мнению современного исследователя, "речь, таким образом, шла о развертывании самостоятельного агентурного наблюдения за японскими дипломатами в Западной Европе, что, однако, не означало прекращения сотрудничества Департамента полиции с французскими специальными службами. Необходимость учреждения новой агентуры была вызвана еще и тем обстоятельством, что действовавшая в Западной Европе заграничная агентура Департамента полиции многие годы наблюдала за русской революционной эмиграцией, и осуществление "военных разведок", по признанию ее заведующего, было для него делом совершенно "необычным"… Выбор Мануйлова для этой цели объяснялся его опытом работы во Франции, а главное — успехами возглавлявшегося им Отделения по розыску о международном шпионстве. Уже в сентябре 1904 г. он… был неофициально признан "заведующим японскими делами" департамента".

В Париже Манасевич-Мануйлов (при содействии дружественных французских спецслужб, предоставивших ему возможность использовать своих агентов, ранее завербованных в японских миссиях, а также с помощью привлеченных им самим к сотрудничеству новых источников информации) смог получить доступ к переписке послов Японии во Франции, Англии и Голландии с министром иностранных дел, донесениям в Токио военных и морских атташе из Парижа и Берлина, документам японских консульств в Амстердаме и Марселе. К лету 1905 г. "агентура" Мануйлова, состоявшая из 10 французов, давала информацию о шведской, сербской, китайской и английской миссиях в Париже, румынском и китайском посольствах в Лондоне, японской и английской миссиях в Брюсселе, германской — в Мадриде и японской в Гааге. "Кроме того, выполнялись разовые поручения департамента и продолжались тесные контакты с французской секретной полицией, по-прежнему снабжавшей Мануйлова копиями телеграмм японских дипломатов".

Наблюдая за грузинским эмигрантом Деканози, Манасевич-Мануйлов "вышел" на японского разведчика, бывшего военного атташе в Петербурге М. Акаси и установил его связи с русскими либералами (в частности, кадетами; восклицания членов "Союза меча и орала" из "12 стульев": "Кадеты Финляндию продали, у японцев деньги брали…" ближе к действительности, чем кажется читателям) и эсерами.

Служебные успехи Манасевича-Мануйлова были вознаграждены орденом Св. Владимира IV степени. В то же время новое руководство Департамента полиции не согласилось с его предложениями об учреждении "наблюдения" в важнейших западноевропейских портовых городах, (поддержанными послом в Париже А. И. Нелидовым. 28 июля 1905 г. Ивану Федоровичу было приказано вообще "ликвидировать дела по возложенным на него поручениям" и вернуться в Россию. В итоге после назначения генерала Д.Ф. Трепова товарищем министра внутренних дел и П.И. Рачковского — заведующим политической частью Департамента полиции Манасевич-Мануйлов был освобожден от своих обязанностей и откомандирован в распоряжение председателя Совета министров графа С.Ю. Витте. 1 сентября 1906 г. он был уволен в отставку, после чего занимался журналистикой в "Новом времени" и "Вечернем времени".

Затем карьера пошла на спад и даже 21 января 1910 г. по распоряжению товарища министра внутренних дел и командира Отдельного корпуса жандармов генерала П.Г. Курлова у Манасевича-Мануйлова был произведен обыск в виду поступивших сведений о его контактах с В.Л. Бурцевым и продаже ему секретных документов Департамента полиции, но обыск оказался безрезультатным и дальнейших последствий не имел.

В 1915 г. Манасевич-Мануйлов был личным информатором товарища министра внутренних дел С.П.Белецкого, осведомителем следственной комиссии генерала Н.С. Батюшина и одним из близких к Распутину людей. В конце того же года был причислен к Министерству внутренних дел, а после назначения в январе 1916 г. Б.В. Штюрмера Председателем Совета министров откомандирован в его распоряжение. Карьера его дала трещину после отставки Штюрмера (который планировал назначить Манасевича-Мануйлова заведующим Заграничной агентурой Департамента полиции). Но вместо Парижа осенью 1916 года Иван Федорович попал в тюрьму. Петроградским окружным судом 13–18 февраля 1917 г. по обвинению в шантаже товарища директора Московского соединенного банка И. Хвостова Манасевич был признан виновным в мошенничестве и приговорен к лишению всех особых прав и преимуществ и к заключению на 1,5 года, но уже 27 февраля 1917 г. был в числе прочих заключенных освобожден "революционерами Февраля" из Литовского замка (в котором уже начался пожар).

Не приняв Октябрьскую революцию, Иван Федорович в 1918 году пытался бежать с документами на имя иностранного гражданина за границу, но на финляндской границе был опознан одним из членов пограничной комиссии и арестован. Точку в биографии журналиста, религиоведа, контрразведчика и авантюриста поставила ВЧК, вынесшая ему расстрельный приговор в том же 1918-м. 7)

Использованы материалы кн.: В.Абрамов. Евреи в КГБ. Палачи и жертвы. М., Яуза — Эксмо, 2005.

МануйловАлександр Апполонович (22 марта 1861, Одесса- 20 июля 1929, Москва). Из дворян. Окончил в 1883 юрид. ф-т Новороссийского ун-та (Одесса). В 1885 уехал в Германию и 2 года слушал лекции в Берлине и Гейдельберге. В кон. 90-х гг. ездил в Англию и Ирландию для изучения агр. отношений. С этого же времени примыкал к либеральному народничеству. С 1885 преподавал полит, экономию в Моск. ун-те: ректора, в 1905-08 проректор, с 1908 ректор. Чп. Гос. совета от АН и ун-тов (1906-11). Чл. партии кадетов и её ЦК с 1905. Проект агр. реформы Мануйлов лег в основу агр. программы кадетов. Был ред. "Рус. Ведомостей". В 1911 подал в отставку с поста ректора. В своём заявлении об отставке писал, что поскольку полицейская власть распоряжается в ун-те самостоятельно, ректор в таких условиях является бесполезным: получил широкую известность в связи с этим. Вместе

с Мануйловым в отставку ушли св. 30 ведущих профессоров, в т. ч. П.Н. Лебедев, В.П. Сербский. В.И. Вернадский, М.М. Хвостов, СА Чаплыгин, К.А. Тимирязев. С 1914 пред. Экон. совета Всерос. союза городов. Во время подготовки Прогрессивным блоком в 1915-16 "пр-ва обществ, доверия" взамен царского пр-ва в одном из вариантов предполагался министром нар. просвещения.

После Февр. рев-ции 1917 Мануйлов вошёл в первый состав Врем. пр-ва в качестве мин. нар. просвещения (ушёл в отставку в июле). Забота о скорейшем возобновлении занятий проявилась в его первом циркуляре, адресованном попечителям учебных округов. 11 апр. поддержал проект гос. страхования уч-ся вузов (не был доведён до конца). Циркуляром от 15 апр. предоставил ф-там вузов право самостоятельно устанавливать способы замещения вакансий. В мае ректорам вузов предложено уволить с проф. должностей всех лиц, назначенных после 27 авг. 1905 без представления ф-тов и советов: отменено исключение из гимназий и реальных уч-щ без права поступления в др. учебные заведения (все ранее исключенные могли поступать на общих основаниях): попечители учебных округов должны были начать (в соответствии с циркуляром, содержавшим осн. правила упрощения) реформу рус. правописания. Считал невозможной и бесперспективной деятельность пр-ва в условиях пост. конфронтации с Советами РСДполагал, что Врем. пр-во в такой ситуации должно уйти, объяснив стране, почему оно считает свою деятельность бесплодной. До того как он пришёл к такому выводу, Мануйлов в апр. настаивал. на принятии декларации-воззвания, где социалистам предлагалось принять участие в пр-ве, в результате чего в состав пр-ва вошли И.П. Церетели и М.И. Скобелев.

В.Д. Набоков в воспоминаниях "Врем. пр-во" писал: "Мануйлов как-то скорее других проникся безнадёжностью в отношении деятельности Врем. пр-ва вообще и чаще других говорил о необходимости ухода Врем. пр-ва ввиду невозможных условий работы, создаваемых контролем и пост. помехой со стороны Совета РД.-По существу, он не был боевой натурой, борцом. Он и раньше гл. методом борьбы избирал отставку. — Среди др. министров Мануйлов имел исключительно "дурную прессу". На него нападали и справа и слева: справа — за бездеятельность и апатию перед растущей рев. волной… Слева его обвиняли в бюрократизме, в сохранении канцелярской рутины, в призыве деятелей старого режима… Мануйлов не умел отбиваться и огрызаться. Он приходил в уныние и отчаяние. В сущности говоря, он, может быть, был вполне прав. признавая положение безнадёжным. Но и в этом случае ему следовало действовать иначе: решительнее- я бы сказал — демонстративнее" ("Наше наследие". 1990, N6, с. 69–70).

В июле на 9-м съезде партии кадетов сделал доклад, в к-ром перед партией ставилась задача сформулировать "экон. программу чисто практического характера": "Мы должны открыто и громко сказать, что развитие нар. х-ва базируется на свободе личного почина. Мы должны сказать, что в области пром-сти, так же как и в агр. программе, не отрицаем личную собственность" ("Речь", 1917, 27 июля). После ухода из пр-ва вернулся в "Рус. Ведомости" на должность гл. редактора (газета после Октября не раз меняла своё название). На расширенном заседании ЦК кадетов 11–12 авг., большинство к-рого склонялось к установлению воен. диктатуры для "спасения страны от анархии", Мануйлов заявил: "Уговорами управлять нельзя… Остаётся утвердить власть на физич. силе" (Думова Н.Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции, М., 1988, с. 195).

После Окт, рев-ции Мануйлов выехал (без семьи) в Тифлис, откуда направил письмо В.И. Ленину о своём желании сотрудничать с Сов. властью. По возвращении в Москву в янв. 1918 преподавал в Моск. ун-те, в 1919-20 консультант наркома финансов, активно участвовал в проведении ден. реформы 1922. С 1924 член правления Госбанка.

Использованы материалы статьи Н.Л.Тумановой в кн.: Политические деятели России 1917. биографический словарь. Москва, 1993.

Милюков Павел Николаевич (15 января 1859, Москва -31 марта 1943, Франция).

Лидер кадетской партии, историк. Род. в семье архитектора и преподавателя. Обучаясь в 1-й московской гимназии, проявил незаурядные лингвистические способности и свободно овладел пятью языками. В 1877 поступил на историко-филологический факультет Московского университета. В 1881 был арестован за участие в студенческом движении и исключен, но на следующий год завершил обучение и был оставлен в ун-те на кафедре рус. истории под руководством В.О. Ключевского, одновременно преподавая в гимназии и на Высших женских курсах. В 1892 получил степень магистра за диссертацию "Государственное хозяйство России в первой четверти xviii столетия и реформа Петра Великого", удостоенную премии С.М. Соловьева. В последующие годы вышли в свет его "Очерки по истории русской культуры", "Главные течения русской исторической мысли", "Разложение славянофильства" и др. Полагая, что "существует ряд основных закономерных эволюций разных сторон социальной жизни", Милюков не считал возможным объяснять исторический процесс развитием производства или "духовным началом". Он стремился рассматривать единую историю как ряд взаимосвязанных, но разных историй: политической, военной, культурной и т. д., внеся свой вклад в рус. историографию. В 1895 Милюков был уволен из университета за "дурное влияние на молодежь" и административно выслан в Рязань, а через два года — в Болгарию, где ему была предоставлена кафедра истории Софийского ун-та. В 1898 обвиненный по ничтожному поводу в недостаточной почтительности к Николаю ii, по требованию рус. правительства, был отстранен от преподавания; принял участие в работе археологической экспедиции. В 1899 Милюков смог вернуться в Петербург. За участие в собрании, посвященном памяти П.Л. Лаврова, Милюков был осужден на 6 мес. тюрьмы без права жизни в столице. В 1903–1905 путешествовал в Англии, на Балканах, в США, читал лекции, встречался с рус. эмигрантами П.А. Кропоткиным, Е.К. Брешко-Брешковской, В. И. Лениным и др. В 1905, узнав о рев., приехал в Россию ("я возвращался "домой" с репутацией начинающего политического деятеля"). Вскоре Милюков стал широко известен как председатель объединенных профессиональных организаций — Союз союзов. Он был одним из организаторов и лидеров конституционно-демократической (кадетской) партии, председателем ее ЦК, редактором газ. "Речь". Милюков полагал, что "единая и неделимая Россия", получив после созыва Учредительного, собрания конституцию, сможет обеспечить гражданам политические права и реформистский, либеральный путь развития, 8-часовой рабочий день, свободу профсоюзов, решение аграрного вопроса путем распределения среди крестьян монастырской, государственной земли и выкупа части помещичьих владений. Могущественное, правовое государство с парламентской монархией — вот что намечалось партией в случае ее выхода на широкую политическую арену. После роспуска i Государственной думы Милюков был среди подписавших Выборгское воззвание, призывавшее население к гражданскому неповиновению. Будучи избран в iii и iv Государственную думу, Милюков стал официальным лидером партии. В 1915 Милюков, видя неспособность правительства успешно вести военные действия, стал инициатором создания "Прогрессивного блока", требовавшего включения своих представителей в правительство для обеспечения победы и проведения либеральных реформ. В 1916 выступил в Думе со знаменитой речью "Глупость или измена?", направленной против окружения монарха и вызвавшей ярость черносотенцев. В феврале 1917, обладавший огромной работоспособностью и политической гибкостью, Милюков вошел во Временное правительство в качестве министра иностранных дел; был сторонником сохранения монархии после отречения Николая ii. Милюков выступал за продолжение войны "до победного конца". За требование территориальных захватов получил кличку Милюков-Дарданелльский, в апреле 1917, после правительственного кризиса, был вынужден уйти в отставку. Активно выступал против большевиков, поддержал мятеж Л.Г. Корнилова и оказался одинаково ненавистен правым и левым. После Октябрьского переворота выехал на Дон, где вошел в состав "Донского гражданского совета", став автором декларации Добровольческой армии, сформулировав ее цели и принципы. Неудачные действия против Сов. правительства заставили Милюкова в 1918

искать содействия в Киеве у германской армии. Несогласие кадетского ЦК с позицией Милюкова привело последнего к сложению с себя обязанностей председателя. Милюков осенью 1918 признал ошибочной свою пронемецкую позицию и приветствовал интервенцию государств. Антанты. С конца 1918 находился в Румынии, Франции, Англии. В 1920 поселился во Франции. С 1921 стал редактором газ. "Последние новости", ставшей наиболее читаемым органом росс. эмиграции. Понимая необратимость происшедших событий в России, Милюков считал, что крестьянство станет той силой, которая взорвет большевистский режим изнутри. Эмиграция должна способствовать "эволюции советской системы". В 1922 на Милюкова было совершено неудавшееся покушение. В 1929 в Париже было устроено грандиозное празднование 70-летия Милюкова. Отстаивая идею державности, Милюков был готов поддержать любой режим, способствующий воплощению этой идеи в жизнь. Во время советско-финляндской войны он занял сторону СССР, заявив: "Мне жаль финнов, но я за Выборгскую губернию". В канун второй мировой войны Милюков утверждал, что "в случае войны эмиграция должна быть безоговорочно на стороне своей родины". Ненавидя фашизм, Милюков мучился судьбой Франции и переживал за Россию. В 1943 писал, что за разрушительной стороной рус. рев. нельзя не видеть ее творческих достижений в укреплении государственности, экономики, армии, управления, и даже находил, что в народе пробудилось чувство независимости и достоинства. Милюков — автор "Воспоминаний", работ по истории рев. В.Д. Набоков, отец известного писателя, погиб, закрыв собой Милюкова от выстрела монархиста-эмигранта.

Использованы материалы кн.: Шикман А.П. Деятели отечественной истории. Биографический справочник. Москва, 1997 г.

Родзянко Михаил Владимирович (19 марта 1859, Екатеринославская губ., - 24 января 1924, Югославия). Из потомственных дворян Екатеринославской губ., сын полковника гвардии (вышедшего в запас в чине генерал-лейтенанта) Владимира Михайловича Родзянко (1828–1893); впоследствии в анкетах в графе "народность (по родному языку)" писал "малоросс". Крупный землевладелец: в 1910 за ним и его женой значилось в общей сложности 2653 дес; "однако указываемые в формулярах данные были сильно занижены, т. к. по др. данным на начало 1916 только в Боровичском уезде Новгородской губ. он владел 4822 дес. Окончил Пажеский корпус, после чего в 1877 вступил корнетом в л. — гв. Кавалергардский е.в. полк. В 1882 вышел в запас в чине поручика. Жил в Екатеринославской губ., где в 1883 был избран почетным мировым судьей, в 1886–1891 был предводителем дворянства Новомосковского уезда. В 1884 женился на кн. Анне Николаевне Голицыной, дочери сенатора и обер-гофмейстера Двора. У них было трое сыновей — Михаил (1884–1956), Николай (1887-?) и Георгий (1890–1918). В 1891 М.В. Родзянко вышел в отставку "по домашним обстоятельствам" и несколько лет провел в имении в Новоторжковском уезде Новгородской губ., где был избран земским гласным. В 1892 пожалован в звание камер-юнкера, в 1899 — в звание камергера. С 1901 председатель Екатеринославской губернской земской управы. Действительный статский советник (1906). Являлся одним из организаторов "Союза 17 октября" и членом его ЦК. В 1906–1907 член Государственного совета по выборам от екатеринославского земства. В связи с избранием от Екатеринославской губ. в III Думу 31 ноября 1907 сложил звание члена верхней палаты. В Думе с 1910 возглавил фракцию октябристов, а 22 марта 1911 сменил А.И. Гучкова на посту председателя Думы. После раскола партии октябристов на рубеже 1913–1914 входил во фракцию земцев-октябристов. Переизбранный в IV Думу, Родзянко, умело лавируя между фракциями и группировками палаты, стал ее председателем и в дальнейшем ежегодно переизбирался на эту должность. Значительную роль сыграл в годы мировой войны. Начав с почти безоговорочной поддержки власти в первые месяцы военных действий, под влиянием поражений на фронте перешел в оппозицию. С июля 1915 один из лидеров Прогрессивного блока; принадлежал, наряду с А.И. Гучковым и Г.Е. Львовым, к числу наиболее вероятных кандидатов блока на пост премьер-министра. Был одним из инициаторов учреждения 17

августа 1915 Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства; с 26 августа 1915 возглавлял образованную Особым совещанием Эвакуационную комиссию. 27 февраля 1917 избран председателем Временного комитета Государственной думы. От имени комитета вел по телеграфу переговоры со Ставкой, завершившиеся отречением Николая II и созданием Временного правительства, в которое, однако, Родзянко не вошел. Затем оставался во главе быстро утрачивавшего влияние Временного комитета; под руководством Родзянко в апреле-августе 1917 проходили так называемые частные совещания членов Думы, обсуждавшие политическую и экономическую ситуацию в стране. Находился на посту председателя Думы вплоть до ее роспуска 6 октября 1917. После Октябрьской революции уехал на Дон, участвовал в создании белого движения. Скончался в эмиграции в Югославии. Автор воспоминаний: Государственная Дума и февральская 1917 года революция // Архив русской революции. М., 1991. Т. 6. С. 5–80; Крушение империи: (Записки председателя Русской Государственной Думы) // Архив русской революции. М., 1993. Т. 17. С. 5–169.

Использованы материалы библиографического словаря в кн.: Я.В.Глинка, Одиннадцать лет в Государственной Думе. 1906–1917. Дневник и воспоминания. М., 2001.

Терещенко Михаил Иванович (18 марта 1886, Киев, — 1 апр. 1956, Монако). Отец из казаков-торговцев, владелец сахарорафинадных з-дов. Терещенко окончил Киевский и Лейпцигский (Германия) ун-ты. Крупный землевладелец, владелец сахарных з-дов, финансист. После 1910 масон; входил в известную "масонскую пятёрку" (А.И. Коновалов, А.Ф. Керенский, Н.В. Некрасов, И.Н. Ефремов). Чл. 4-й Гос. Думы; беспартийный, примыкал к прогрессистам. В 1912-14 владелец частного изд-ва "Сирин" в Петербурге. Во время 1-й мир. войны участвовал в создании госпиталей Кр. Креста, в 1915-17 пред. киевского обл. Воен. — Пром. к-та и тов. пред. Всерос. Воен. — Пром. к-та. Участвовал в подготовке заговора с целью смещения Николая ii. Друг ген. А.М. Крымова.

После Февр. рев-ции 1917 со 2 марта мин. финансов Врем. пр-ва. В апр. вместе с Керенским и Некрасовым активно боролся за создание межпарт, правительств. коалиции с социалистами. С 5 мая мин. иностр, дел после ухода П.Н. Милюкова и продолжатель его курса во внеш. политике: отказывался опубликовать секретные договоры из-за боязни разрыва с союзниками, не раз подтверждал обязательства России перед ними, формально выступал за заключение мира без аннексий и контрибуций в единении с союзниками, за усиление боевой мощи России. 25 мая в телеграмме рус. послам предлагал "всячески подчёркивать твёрдую решимость пр-ва… всеми средствами организовать оборону и продолжать войну, дли чего будут принесены все нужные средства" ("Рев-ция 1917", т. 6, с. 154). Участник 1-го Всерос. съезда Советов РСД (июнь). В кон. июня в составе делегации пр-ва (Керенский, Некрасов, И.Г. Церетели) участвовал в переговорах с укр. Центр. Радой и подготовке проекта декларации, послужившего одной из причин правительств, кризиса. 7 июля заявил (вместе с Некрасовым) представителям печати, что Врем. пр-во чрезвычайно недовольно публикацией материалов по обвинению В.И. Ленина в гос. измене. По его предложению пр-во приняло обращение к союзным державам, в к-ром говорилось: Мятеж подавлен и виновники его привлечены к ответственности. На фронте приняты все меры для восстановления армии- Страна будет делать все нужные приготовления для дальнейшей кампании" (там же, т. 3, с. 193). 16 июля вместе с Керенским участвовал в совещании в Ставке по определению дальнейшей воен. политики. 21 июля на заседании пр-ва заявил, что "Приказ N 1 (Петрогр. Совета РСД — Автор) есть величайшее преступление и что "честь и достоинство России были восстановлены наступлением" (там же, с. 204). 1 сент. в связи с чрезв. обстоятельствами и до окончат, формирования пр-ва назначен чл. Директории, с 5 сент. зам. мин. — председателя. 12 сент. подал заявление об отставке (в письме Керенскому говорилось: "Контрреволюция, хотя и не непременно монархическая, представляет единств, надежду спасти гос-во от развала" — Думова-2, с. 208) и 20 сент. выехал в Москву для личных переговоров с моек. группой промышленников о составе пр-ва. 22 сент. на совм.

заседании Врем. пр-ва, моек. группы промышленников, представителей Демокр. совещания и членов ЦК партии кадетов резко протестовал против предполагаемого обращения Демокр. совещания к демократии всего мира как "обидного для нац. самолюбия", констатировал перелом в настроении страны в сторону нац. самосознания и высказался против Предпарламента, к-рыи "кроме слов, ничего не даст" ("Рев-ция 1917", т. 4, С. 258). 25 сент. назначен мин. иностр. дел. 11 окт. на заседании пр-ва вместо формулы "война до победного конца" выдвинул другую — "война до боеспособности армии" (там же, т. 5, с. 68). Врем. пр-во поручило ему выступить в Предпарламенте с заявлением, что оно действует в полном согласии с союзными державами. Доклад Терещенко о внеш. политике 16 окт. не встретит одобрения ни в одной из полит, группировок Предпарламента, а все газеты, в т. ч. и правые, подвергли его выступление критике как совершенно неопределённое и неудовлетворительное. Тогда же Терещенко вступил в конфликт с воен. мин. Д.И. Верховским. заявившим о невозможности для России продолжать войну.

25 окт. арестован в Зимнем дворце и направлен в Петропавл. крепость. 26 нояб. вместе с др. членами Врем. пр-ва обратился с письмом на имя 'пред. Учред. Собр., в к-ром они просили предоставить им возможность явиться в Учред. Собр. для дачи полного отчёта о своих действиях как членов пр-ва. В письме подчёркивалось, что они вошли в пр-во "по соглашению с представителями правомочных органов рев. демократии и наравне с нашими товарищами-социалистами свято исполняли провительств. программу" ("Рев-ция 1917", т. 6, с. 217). Выпущен из крепости весной 1918; бежал в Зап. Европу (Норвегия, Франция). Поддерживал "белое движение". Один из организаторов иностр. воен. интервенции против Сов. России. В 20-30-е гг. крупный финансист во Франции и на Мадагаскаре.

Использованы материалы статьи В.Е.Голостенова в кн.: Политические деятели России 1917. биографический словарь. Москва, 1993.

ШульгинВасилий Витальевич (1 января 1878, Киев — 13 февраля 1976, Владимир). Полит, деятель, публицист. Род. в семье профессора истории Киевского ун-та, основателя правой газ. "Киевлянин", умершего в год рождения Шульгин. Мальчика воспитал отчим Д.И. Пихно в патриотическом и монархическом духе. Окончил гимназию и юридический ф-т Киевского ун-та. В 1900 был избран земским гласным, почетным мировым судьей, начал журналистскую деятельность. В 1907 был избран от Волынской губ. депутатом ii Гос. думы. Последовательно выступал от фракции правых националистов, поддерживая правительство П.А. Столыпина, Депутатскую деятельность в Гос. думе совмещал с работой в газ. "Киевлянин", к-рую возглавил в 1913. Шульгин выступал против еврейских погромов, печатно выразил протест в связи с фальсифицированным делом М. Бейлиса — еврея, обвиненного в ритуальном убийстве рус. мальчика, за что был приговорен к тюремному трехмес. заключению. В 1914, отправившись добровольцем на фронт, был ранен. Стал одним из руководителей "Прогрессивного блока", требуя создания "правительства доверия". После Февральской рев. 1917 Шульгин был избран членом Временного комитета Думы и принимал участие в формировании Временного правительства. 2 марта 1917 Шульгин вместе с А.И. Гучковым принял отречение Николая ii в пользу вел. князя Михаила Александровича, а затем присутствовал при отказе последнего от престола. После Октябрьской рев. Шульгин стал одним из организаторов и идеологов Добровольческой армии ("Добровольческая армия должна покончить со всякими колебаниями, оставить мысль об Учредительном собрании и народоправстве…"), представляя монархизм высшей идеей России. Активный соратник А. И. Деникина и П.Н. Врангеля, Шульгин пропагандировал "белую идею" спасения Родины и монархии в основанной им газ. "Великая Россия". Во время гражданской войны Шульгин потерял своих братьев и сыновей. В 1920 бежал из Крыма в Югославию. Талантливый публицист, Шульгин написал кн. "Дни", "1920". В 1925–1926 тайно побывал в Сов. России, увидел нэповскую страну и описал увиденное в кн. "Три столицы", отдав должное успехам новой власти. Вскоре выяснилось, что ОГПУ наблюдало за ним во время его поездки, что

подорвало доверие к Шульгину в эмиграции. С 1931 жил в Югославии, отойдя от политики. В окт. 1944 г. Сремски Карловцы был освобожден Сов. Армией, в 1945 Шульгин был арестован и за антисов. деятельность приговорен к 25-летнему заключению. В 1956 Шульгин не только освободили, но и позволили заниматься лит. работой. Живя в г. Владимире, в 1961 в кн. "Письма русским эмигрантам" Шульгин написал: "То, что делают коммунисты в настоящее время, то есть во второй половине XX века, не только полезно, но и совершенно необходимо для 220-миллионного народа, который они за собой ведут. Мало того, оно спасительно для всего человечества, они отстаивают мир во всем мире". Принял участие в фильме "Перед судом истории" и был гостем XXII съезда КПСС.

Использованы материалы кн.: Шикман А.П. Деятели отечественной истории. Биографический справочник. Москва, 1997 г.

Дом Романовых

Николай II (19мая 1868 года -17 июля 1918 года,), русский царь, российский император, мученик, сын царя Александра iii. Воспитание и образование Николай ii получил под личным руководством своего отца, на традиционной религиозной основе, в спартанских условиях. Преподавание предметов велось выдающимися русскими учеными К.П. Победоносцевым, Н. Н. Бекетовым, Н. Н. Обручевым, М. И. Драгомировым и др. Большое внимание было уделено военной подготовке будущего царя.

На престол Николай II взошел в 26 лет, раньше чем ожидалось, в результате преждевременной смерти отца. Николай II сумел достаточно быстро оправиться от первоначальной растерянности и стал проводить самостоятельную политику, чем вызвал недовольство части своего окружения, рассчитывавшей влиять на молодого царя. Основой государственной политики Николая II стало продолжение стремления его отца "придать России больше внутреннего единства путем утверждения русских элементов страны".

В своем первом обращении к народу Николай Александрович возвестил, что "отныне Он, проникшись заветами усопшего родителя своего, приемлет священный обет пред лицом Всевышнего всегда иметь единой целью мирное преуспеяние, могущество и славу дорогой России и устроение счастья всех Его верноподданных". В обращении к иностранным государствам Николай II заявлял, что "посвятит все свои заботы развитию внутреннего благосостояния России и ни в чем не уклонится от вполне миролюбивой, твердой и прямодушной политики, столь мощно содействовавшей всеобщему успокоению, причем Россия будет по-прежнему усматривать в уважении права и законного порядка наилучший залог безопасности государства".

Образцом правителя для Николая II был царь Алексей Михайлович, бережно хранивший традиции старины.

Однако время, в которое выпало царствовать Николаю II, сильно отличалось от эпохи первых Романовых. Если тогда народные основы и традиции служили объединяющим знаменем общества, которое почитали и простой народ, и правящий слой, то к н. XX в. российские основы и традиции становятся объектом отрицания со стороны образованного общества. Значительная часть правящего слоя и интеллигенции отвергает путь следования российским основам, традициям и идеалам, многие из которых они считают отжившими и невежественными. Не признается право России на собственный путь. Делаются попытки навязать ей чужую модель развития — либо западноевропейского либерализма, либо западноевропейского марксизма.

Трагедия жизни Николая II состояла в неразрешимом противоречии между его глубочайшим убеждением хранить основы и традиции России и нигилистическими попытками значительной части образованных слоев страны разрушить их. И речь шла не только о сохранении традиционных форм управления страной, а о спасении русской национальной культуры, которая, как он чувствовал, была в смертельной опасности. События последних восьмидесяти лет показали, насколько был прав российский император.

Всю свою жизнь Николай II чувствовал на себе психологическое давление этих объединившихся враждебных российской культуре сил. Как видно из его дневников и переписки, все это причиняло ему страшные моральные страдания. Твердая убежденность хранить основы и традиции России в сочетании с чувством глубокой ответственности за ее судьбу делала имп. Николая II подвижником идеи, за которую он отдал свою жизнь.

"Вера в Бога и в свой долг Царского служения, — пишет историк С. С. Ольденбург, — были основой всех взглядов императора Николая II. Он считал, что ответственность за судьбы России лежит на нем, что он отвечает за них перед Престолом Всевышнего. Другие могут советовать, другие могут Ему мешать, но ответ за Россию перед Богом лежит на нем. Из этого вытекало и отношение к ограничению власти — которое Он считал переложением ответственности на других, не призванных, и к отдельным министрам, претендовавших, по Его мнению, на слишком большое влияние в государстве. "Они напортят — а отвечать мне".

Воспитатель наследника Престола Жильяр отмечал сдержанность и самообладание Николая Александровича, его умение управлять своими чувствами. Даже по отношению к неприятным для него людям император старался держать себя как можно корректней. Однажды министр иностранных дел С. Д. Сазонов высказал свое удивление по поводу спокойной реакции императора в отношении малопривлекательного в нравственном отношении человека, отсутствия всякого личного раздражения к нему. И вот что сказал ему император: "Эту струну личного раздражения мне удалось уже давно заставить в себе совершенно замолкнуть. Раздражительностью ничему не поможешь, да к тому же от меня резкое слово звучало бы обиднее, чем от кого-нибудь другого".

"Что бы ни происходило в душе Государя, — вспоминает С. Д. Сазонов, — он никогда не менялся в своих отношениях к окружающим его лицам. Мне пришлось видеть его близко в минуту страшной тревоги за жизнь единственного сына, на котором сосредоточивалась вся его нежность, и, кроме некоторой молчаливости и еще большей сдержанности, в нем ничем не сказывались пережитые им страдания".

"Во внешности Николая II, — писала жена английского посла Бьюкенена, — было истинное благородство и обаяние, которое, по всей вероятности, скорей таилось в его серьезных, голубых глазах, чем в живости и веселости характера".

Характеризуя личность Николая II, немецкий дипломат граф Рекс считал царя человеком духовно одаренным, благородного образа мыслей, осмотрительным и тактичным. "Его манеры, — писал дипломат, — настолько скромны и он так мало проявляет внешней решимости, что легко прийти к выводу об отсутствии у него сильной воли; но люди, его окружающие, заверяют, что у него весьма определенная воля, которую он умеет проводить в жизнь самым спокойным образом". Упорную и неутомимую волю в осуществлении своих планов отмечает большинство знавших царя людей. До тех пор, пока план не был осуществлен, царь постоянно возвращался к нему, добиваясь своего. Уже упомянутый историк Ольденбург замечает, что у "государя, поверх железной руки, была бархатная перчатка. Воля его была подобна не громовому удару. Она проявлялась не взрывами и не бурными столкновениями; она скорее напоминала неуклонный бег ручья с горной высоты к равнине океана. Он огибает препятствия, отклоняется в сторону, но в конце концов с неизменным постоянством близится к своей цели".

Долгое время было принято считать, что царь подчинял свою волю царице, поскольку она обладала более твердым характером, духовно руководила им. Это неправильный и очень поверхностный взгляд на их взаимоотношения. Можно привести множество примеров, в их письмах они встречаются часто, как государь неуклонно проводил свою волю, если чувствовал правильность своего решения. Но его можно было убедить отменить свое решение, если он обнаруживал свою ошибку и справедливость утверждений царицы. Государыня не давила на супруга, а действовала убеждением. И если она чем-то и влияла на него, то добротой и любовью. Царь был очень отзывчив на эти чувства, так как среди многих родственников и придворных он чаще всего ощущал фальшь и обман. Читая царские письма, убеждаемся, с какой настойчивостью Николай II проводил свои планы и отвергал

предложения любимой им жены, если считал их ошибочными.

Кроме твердой воли и блестящего образования Николай обладал всеми природными качествами, необходимыми для государственной деятельности, прежде всего, огромной трудоспособностью. В случае необходимости он мог работать с утра до поздней ночи, изучая многочисленные документы и материалы, поступавшие на его имя. (Кстати говоря, он охотно занимался и физическим трудом — пилил дрова, убирал снег и т. п.) Обладая живым умом и широким кругозором, царь быстро схватывал существо рассматриваемых вопросов. Царь имел исключительную память на лица и события. Он помнил в лицо большую часть людей, с которыми ему приходилось сталкиваться, а таких людей были тысячи.

Имп. Николай II, отмечал Ольденбург, да и многие другие историки и государственные деятели России, обладал совершенно исключительным личным обаянием. Он не любил торжеств, громких речей, этикет ему был в тягость. Ему было не по душе все показное, искусственное, всякая широковещательная реклама. В тесном кругу, в разговоре с глазу на глаз, он умел обворожить собеседников, будь то высшие сановники или рабочие посещаемой им мастерской. Его большие серые лучистые глаза дополняли речь, глядели прямо в душу. Эти природные данные еще более подчеркивались тщательным воспитанием. "Я в своей жизни не встречал человека более воспитанного, нежели ныне царствующий император Николай II", — писал граф Витте уже в ту пору, когда он, по существу, являлся личным врагом императора.

Царствование Николая II — самый динамичный период в росте численности русского народа за всю его историю. Менее чем за четверть века население России увеличилось на 62 млн. человек. Быстрыми темпами росла экономика. За 1885–1913 промышленная продукция выросла в пять раз, превысив темпы промышленного роста наиболее развитых стран мира. Была построена Великая Сибирская магистраль, кроме того, ежегодно строилось 2 тыс. км железных дорог. Народный доход России, по самым преуменьшенным расчетам, вырос с 8 млрд. руб. в 1894 до 22–24 млрд. в 1914, т. е. почти в три раза. Среднедушевой доход русских людей удвоился. Особенно высокими темпами росли доходы рабочих в промышленности. За четверть века они выросли не менее чем в три раза. Общие расходы на долю народного образования и культуры выросли в 8 раз, более чем в два раза опережая затраты на образование во Франции и в полтора раза — в Англии.

Личность Николая II играла огромную роль в церковной жизни России, гораздо большую, чем роль его царственных предшественников. Глубокая вера царя, его постоянные паломничества к православным святыням сближали его с коренным русским народом. В царствование Николая II было прославлено больше святых, чем за весь XIX в. И, прежде всего, канонизирован св. Серафим Саровский. Были построены тысячи новых церквей. Число монастырей увеличилось с 774 в начале царствования до 1005 в 1912.

Время Николая II — это не только период национального подъема, но и время энергичной организации антирусских сил, проникновения их во многие жизненно важные центры России. Воспользовавшись навязанной России войной и трудностями, связанными с нею, внутренние враги России совершили государственный переворот. Царь был принужден отречься от престола и попал в заточение. Содержался сначала в Царском Селе, затем в Тобольске и Екатеринбурге, где был вместе с семьей злодейски убит еврейскими большевиками. Как видно из материалов следствия, проведенного по указанию А. В. Колчака следователем Н. А. Соколовым, убийство последнего русского царя носило ритуальный характер и имело для его организаторов мистический смысл как особое действие в акте разрушения Русского Православного государства.

О. Платонов

Александра Фёдоровна (25 мая 1872 — 16 июля 1918). Урожденная Алиса-Виктория-Елена-Луиза-Беатриса Гессен-Дармштадтская. Дочь вел. герцога Гессенского, по материнской линии внучка английской королевы Виктории. 14 ноября 1894 вступила в брак

с российским императором Николаем II. После начала Первой мировой войны встала во главе Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов; с мая 1915 стояла во главе Особого комитета по оказанию помощи русским военнопленным. После Февральской революции содержалась под стражей в Царском Селе. Расстреляна в Екатеринбурге вместе со своей семьей.

Александра Федоровна.1872–1918. Императрица Всероссийская (1894–1917), урожденная принцесса Алиса Гессен-Дармштадтская, супруга Императора Николая II. Во время Мировой войны работала вместе с дочерьми сестрой милосердия в Царскосельском госпитале, где участвовала в самых тяжелых операциях; занималась сбором средств для раненых и увечных воинов; в периоды отъезда Царя в Ставку принимала доклады министров; была избрана заговорщиками объектом постоянной травли (обвинения в "измене", "связях с Распутиным" и так далее); после отречения Николая II была арестована генералом Корниловым; оставшись один на один с заговорщиками, проявила удивительное мужество; вместе с мужем и детьми сослана Временным правительством в Тобольск, а затем большевиками в Екатеринбург, где была расстреляна со всей семьей 17 июля 1918 г.; причислена Русской Православной церковью к лику святых (2000).

Использован справочный аппарат кн.: Мультатули П.В. "Господь да благословит решение мое…" — СПб.: Сатисъ, 2002.

Алексей Николаевич, (30 июля 1904, Петергоф — 17 июля 1918 года, Екатеринбург)наследник-цесаревич и великий князь, сын императора Николая ii. Расстрелян большевиками. Канонизирован Русской православной церковью(2000). Николай Соколов, следователь по делу об убийстве царской семьи, упоминает о дневнике Алексея Николаевича. К сожалению, Н. Соколов погиб при загадочных обстоятельствах, а его архив оказался потерян. Возможно, он ещё не уничтожен, и нас ждёт возможность ознакомиться с бесценными материалами. Если же нет, то люди выкравшие архив, совершили преступление не меньшее, чем убийство ни в чём не повинных детей Николая ii и царской четы безо всякого судебного разбирательства, неожиданное и подлое.

Михаил Александрович (22 ноября 1878 г., Санкт-Петербург — в ночь с 12 на 13 июля 1918 г., район Мотовилихинского завода г. Перми) — великий князь, 3-й сын Александра III, младший брат императора Николая II. До рождения в 1904 г. у Николая II сына являлся законным наследником российского престола. С Николаем II у него были натянутые отношения, которые обострились после морганатического брака Михаила с Натальей Вульферт, ради любви и счастья с которой он, фактически, отказывался от престола. Особенно отношения между братьями обострились после рождения у Вульферт сына Георгия в 1910 г. До этого они тайно обвенчались в маленькой церкви в Австрии. Николай II пытался воспрепятствовать их свадьбе, приведя для этого в действие механизм дипломатических и внутренних служб России. Во многом это было из-за воздействия на мужа императрицы Александры Федоровны, опасавшейся заговора со стороны Михаила и смещения им Николая II. Однако чтобы сгладить возникший конфликт в династии Романовых, Николай II пошел на примирение и даровал жене Михаила графский титул. С этого момента она именовалась "графиней Брасовой", такую же фамилию получил ее сын. Вырос в атмосфере роскошного императорского двора, но в строгой, почти спартанской обстановке. Воспитывался "без слабостей и сантиментов" со стороны родителей. Для него был установлен жесткий распорядок дня, с обязательными каждодневными уроками, посещением служб в церкви, визитами к родственникам, обязательным участием во многих официальных церемониях. Спал на простой солдатской койке с жесткими подушками. По утрам принимал холодные ванны, завтракал овсяной кашей, часто оставаясь голодным. В раннем детстве его воспитанием занимались няни и бонны, затем — учителя-наставники. С 1899 по 1904 гг. — наследник престола (до рождения цесаревича Алексея, сына Николая II). В 1898–1911 гг. служил в гвардии. Во время I-й мировой войны командовал Кавказской

туземной ("Дикой") дивизией, во главе которой совершал лихие рейды и удары по врагу, храбро, с обнаженной шашкой несясь на противника впереди конной лавы, чем вызвал глубокое уважение со стороны горцев. Николай II просил его прекратить рисковать собой во время таких действий, поручив ему командование кавалерийским корпусом. В начале 1917 г. назначен генерал-инспектором кавалерии. 2 марта 1917 г. стал императором России после отречения Николая II. Михаил Романов 3 марта 1917 г., также по манифесту, коротко говоря, отложил своё восшествие на престол до созыва Учредительного собрания. Юридически отречением сей акт назвать нельзя: был просто применён отлагательный срок. И здесь Михаил проявил нерешительность: полноценно он отречься не смог. Милюков П.Н. долго уговаривал Великого князя принять престол, но не сумел.

В феврале 1918 г. арестован большевиками в Гатчине, увезен ими в Пермь. Расстрелян вместе с немногочисленными верными ему людьми. Канонизирован Зарубежной Русской Православной Церковью как святой вместе со всеми представителями династии Романовых, павших от рук большевиков. Здание в Перми, где он содержался последние дни и откуда его везли на казнь, а также место его предполагаемой гибели обозначены памятной доской. Там православное духовенство часто совершает поминальные службы.

Использованы материалы сайта А.В. Квакина http://akvakin.narod.ru/

Кирилл Владимирович (30 сентября 1876, Царское Село — 13 октября 1938, Париж, Франция), великий князь, контр-адмирал Свиты (23.2.1915). Старший сын великого князя Владимира Александровича. Образование получил в Морском кадетском корпусе (1896) и Николаевской морской академии. Выпущен в гвардейский экипаж. Плавал на корветах "Россия" (1897-98), "Генерал-адмирал" (1899), "Ростислав" (1900), "Пересвет" (1901–1902). В 1902–1903 годы старший офицер крейсера "Адмирал Нахимов". С 9.3.1904 начальник военно-морского отдела штаба командующего флотом Тихого океана. Участник русско-японской войны 1904–1905 годов. Во время взрыва на броненосце "Петропавловск", где погибло большинство штаба, спасся. В 1905 году исключен со службы за вступление в недозволенный брак с двоюродной сестрой, разведенной женой брата императрицы Александры Федоровны — Викторией герцогиней Саксен-Кобург-Готской. В 1909–1910 годы старший офицер, 1.1-14.9.1912 командир крейсера "Олег". С 25.7.1914 штаб-офицер для делопроизводства и поручений военно-морского управления при Верховном главнокомандующем. С 16.3.1915 командир гвардейского экипажа, одновременно с 23.2.1915 начальник морских батарей в действующей армии. Во время февральских событий 1917 года в Петрограде во главе экипажа прибыл в здание Государственной думы и объявил о своей поддержке новой власти. В июне 1917 года уехал в Финляндию. Затем жил в Швейцарии, Германии и, наконец, во Франции. После смерти Николая ii и великого князя Михаила Александровича остался прямым наследником императорского престола. 8.8.1922 провозгласил себя блюстителем престола, а 13.9.1924 — императором.

Использованы материалы кн.: Залесский К.А. Кто был кто во второй мировой войне. Союзники Германии. Москва, 2003

Мифология войны и революции

(Ссылки, в большинстве случаев, по причине значительного количества литературы, использованной при написании очерков, не даются — источники, которыми пользовался автор, смотри в разделе "Библиография").

Очерк первый: Февральскую революцию готовили много лет.

Многие до сих пор считают, что Февральская революция возникла как стихийный мятеж, вызванный недовольством петроградского населения плохой продовольственной обстановкой и просчётами правительства.

Однако это далеко не так.

На самом деле, можно сказать, что всё началось ещё с петровских времён, когда общество раскололось на две части: народ и прослойку европейски (запомните — именно европейски) образованных людей. Подробнее о этом можно прочесть в таких книгах, как "Народная монархия" И.Л.Солоневича и "Судьба России" Н.А.Бердяева, не говоря о трудах славянофилов и западников.

Кадетская и октябристская партия были созданы интеллигентами, ориентированными на западные "идеальные формы правления". Учитывая, что представление о зарубежье, особенно Франции и Англии, складывалось идеализированное (поездки за рубеж были недешёвыми и в ту далёкую пору), а о своей стране — очернённое (благодаря нашей же литературе, всегда любившей показывать не достоинства, а в основном только недостатки), то возникло стойкое убеждение: надо жить, как "Там" (не правда ли, знакомо?). А как жить? Естественно, стоит только создать такую же государственную систему, как во Франции (господа декабристы, например, добивались создания этакого аналога революционной Франции) — и вуаля, всё будет хорошо. Подобную ошибку совершил ещё Пётр I, уничтожив старую систему госорганов и не создав полноценной взамен (например, несколько лет "столица" была в Ставке Петра, любившего разъезжать по городам и весям России, что было чревато…). Но было ещё одно: боязнь русского населения, его непонимание. Сам П.Н. Милюков несколько раз признавался, что боится, как бы выборные от народа не заполонили представительные органы "попами да фельдшерами". Тот же Милюков, кричавший о Думе направо и налево, тут же забудет о ней, едва царское правительство будет свергнуто. Государственная Дума не будет собираться после Февраля, но не будет и распущена, до самой осени 1917 года.

Что мешало воплотить мечты определённой группы лиц в России? Как заметил Й.А.Шумпетер, мешала стабильность системы: человеку "революционного склада ума" (то есть любящему уничтожать, а не медленно отстраивать) делать в России было нечего. И потому систему решено было сломать.

Ломали её в несколько этапов. Наиболее яркий пример — Первая русская революция. Идёт русско-японская война. А пленных японцев встречают цветами, конфетами, барышни без ума от них. Русских солдат встречают настороженно, если не сказать — враждебно. Выше я уже привёл цитату из одного журнала тех времён: либеральные круги просто боялись, что Россия победит в войне, и тогда снова будет утерян шанс расшатать систему, чтобы затем построить "царство правды" в России.

Практически все оппозиционные партии (кроме большевиков) соберутся на конференции, устроенной на японские деньги, в 1904 году и примут решение добиваться революции всеми доступными им средствами. П.Н. Милюков и П.Б. Струве, видимо, радостно забудут вспомнить своё участие в создании тех самых Советов, что погубят "республику".

Но снова что-то шло не так. Россия ещё дралась, Россия не проиграла. Несмотря на череду поражений, мы собирали войска. Япония — и та почти зачахла. Редкий случай: японские призывники в последние месяцы войны (вроде бы победной для самих же японцев) поднимали бунты и не хотели ехать на войну. Думаю, это о многом говорит.

Под давлением либеральной общественности министром внутренних дел был назначен Святополк-Мирский. Он, в общем-то, со своими обязанностями не справился, и в последние месяцы своего пребывания на посту министра внутренних дел практически бездействовал. Но…

Но именно тогда случилось Кровавое воскресенье.

Гапон, зная о желании рабочих выступить с демонстрацией поддержки царю, предупреждал, просил принять министра меры — но его представителей даже не приняли.

Царю же сказали, что возможны небольшие манифестации, но существует опасность покушения. Безопасность Николаю не гарантировали (ещё бы, среди демонстрантов могли быть японские шпионы, которые способны были на многое) — но и не упомянули о масштабе запланированной манифестации. Тогда же солдатам раздали (по приказу министра внутренних дел) боевые патроны и отдали приказ стрелять, когда манифестанты приблизятся на указанное в уставе как "опасное" расстояние. Приготовили конные отряды.

Рабочих также никто не уведомил, что царя в Зимнем нет. Царю никто не сказал (а царь, как и любой человек, не может знать о том, о чём у него нет информации, ни малейшей), что происходит, что отдан такой приказ. И — началось…Кровавое воскресенье…

Николай, обычно сдержанный, в своём дневнике пишет очень прочувственно о той боли, которую испытал при этом известии. Для сравнения можно привести одно высказывание В.И. Ленина, звучащее примерно так: "Пусть умрёт девяносто процентов населения России — лишь бы остальные десять дожили до мировой революции".

Начались волнения. Заинтересованные в обострении обстановки люди получили следующее: народ шарахнулся от царя. Царь начал терять контроль над ситуацией. Тыл был дезорганизован. Армия лишилась полноценного снабжения. Возвращаясь с фронта, боевые солдаты и офицеры ждали целыми днями, а то и неделями, лишь бы сесть на поезд, идущий домой…

Кадетам и октябристам предложили занять министерские посты. Последовал отказ — самих кадетов. Все требовали Думы, той трибуны, с которой они могли бы критиковать власть.

В.Маклаков написал две книги — "Первая Государственная Дума" и "Вторая Государственная Дума" — с подробным описанием того, как поливалась грязью власть, как ни один соответствующий Основным законам закон не был принят или даже написан, а большинство депутатов (от левых партий и кадетов) требовали эффектных, а не эффективных поступков. Что делать с законодательным органом, который не хочет заниматься своим основным делом — законодательством? Распустить и собрать новый. Получилось только на второй раз, и то благодаря долгой и кропотливой работе. Но ещё и благодаря тому, что даже либеральные круги увидели, до чего довели страну.

Когда пишут о массовых репрессиях со стороны власти — лгут.

"Красный архив", Т. 8, 1925, с. 242 % в 1905 году убито 233 и ранено 358 представителей власти. В 1905–1907 годах суммарно убито 2223 "служивых людей" и ранено 2490. Приговоров было вынесено в отношении 2261 человека, приведено в исполнение — 1293 человека. То есть террористов пострадало вчетверо меньше, чем представителей государственной власти.

Кстати, после Февральской революции 1917 году из тюрем будет выпущено, а с каторги возвращено в общей сложности 88 тысяч "политзаключённых" (практически все "госпреступники", а также многие уголовники). Для сравнения. По данным академика РАН Ю.А. Полякова, выселено в СССР было в 1930–1931 годах 1 803 392 человека, с 1921 года по 1940 год за контрреволюционные и другие особо опасные государственные преступлении осуждено было 3 080 574 (три миллиона восемьдесят тысяч пятьсот семьдесят четыре человека), только в 1937 году было осуждено 790 665 (семьсот девяносто тысяч шестьсот шестьдесят пять) человек. Сравните, какой из режимов и какими методами боролся с "контрреволюцией" (учитывая, что пик "контры" пришёлся на период между 1917 и 1921 годами, точных данных о жертвах "борьбы с контрой" и "контры с властью" за который у нас нет).

Режим слишком мягко поступал с оппозицией. И оппозиция этим воспользовалась. Отплатила, так сказать.

Во время Первой мировой войны под эгидой Гучкова и Рябушинского создаются военно-промышленные комитеты (об этом см. в романе), под эгидой земств — Земгор. Там скапливаются оппозиционно настроенные элементы.

В 16-м году Гучков идёт на создание заговора против царя. За что?

За то, что мешает его амбициям воплотиться. Снова будет система стабильна: ведь в 1917 году. Весной, планируется наступление, которое не может не быть успешным, тогда же намечена Босфорская операция, которая поднимет престиж власти. Это была бы Курская дуга Первой мировой. Австрийцы уже говорят Людендорфу, что не в силах сражаться, и вот-вот выйдут из войны. Удар России они не выдержат. Драться будет только Германия, но она долго не устоит.

Алексеев постоянно выступает против Босфорской операции. Алексеев, по словам того же Гучкова, уже давно посвящён в заговор…

Милюков выступает с речью, в которой на основе заметок зарубежной (!!!) прессы обвиняет в "трусости или измене" правительство и самого царя. Ни единого доказательства, кроме слов, Милюков не представляет. Он играет в парламентаризм, тогда как в Англии, этом оплоте парламентаризма, объявлена цензура на любую заметку, могущую повредить авторитету британской короны или армии. Во Франции — то же самое. Милюков критикует, и критикует, и критикует. И знает, что ошибается. И готовит свой заговор вместе с Гучковым.

Рябушинский призывает ещё в 1915 году промышленников захватить власть и законодательную, и исполнительную. Его комитеты срывают поставки снарядов, патронов, даже патронных ящиков.

Гучков критикует военного министра за то, что он не сообщает о нехватке ружей и боеприпасов. Но его комитеты в ответе за это. Гучков это знает. Он поёт дифирамбы комитетам. То же самое делают "прогрессивные круги общественности". Газеты осыпают критикой правительство.

Опровержение Правительства, данные о том, что комитеты не справляются со своими заданиями, в печать отказываются принять.

При комитетах создаются "рабочие группы", основной состав которых — из большевиков. Готовится восстание. Оно назначено на 17-е февраля.

На складах Петрограда есть мука, но она не поставляется в магазины.

Готовится, впервые за многие годы, празднование Всемирного женского дня. Он никогда прежде не праздновался. Теперь его решено провести — "рабочая группа" решает это сделать.

Алексеев отказывается перевести верные престолу гвардейские полки поближе к Петрограду. То, что сейчас там стоит — это не войска. Это новобранцы, не желающие умирать, а, следовательно, не желающие и воевать. Кто скажет, что он не даст им воевать — тот станет их кумиром.

Прогрессивный блок требует министерства народного доверия, во что бы то ни стало, говоря, что Россия гибнет. Россия и вправду погибнет — потом, когда такое министерство будет создано.

Министр внутренних дел Протопопов, за несколько месяцев до того товарищ (заместитель) председателя Государственной Думы, представитель промышленников — не делает ничего, чтобы унять это.

Идёт война. И эти люди идут на измену. Идёт война, а они хотят гражданской войны, хотят переворота…Идёт война с внешним врагом — а они становятся врагами внутренними…

Что это всё, глупость или измена?

Неужели оно всё случайно сошлось именно в Феврале?

Принимая отречение, Николай запишет, что вокруг — измена…Это правда. Те люди, которые считали себя спасителями России (во всяком случае, называли себя так), изменили ей, России…

То, что провернули "думцы", потом сделают, но куда более быстро и эффективно большевики. Революция пожрёт своих детей. Но это будет совсем другая история…

Очерк второй: Когда и как началась Гражданская война?

Думают, что Гражданская началась в тот день, когда четыре тысячи добровольцев, почти без патронов, порой с винтовкой на двоих, без еды и тёплой одежды двинулись из Новочеркасска навстречу судьбе, в Ледяной поход.

Нет, на самом деле настоящая Гражданская вспыхнула вместе с мятежом сорока тысяч белочехов, отдохнувших, хорошо вооружённых, без труда освободивших половину России от большевиков за считанные дни.

Но что толкнуло белочехов на мятеж?

Между Совнаркомом и Антантой было заключено соглашение: белочехов пропускают во Владивосток, чтобы те смогли воевать на Западном фронте. Заодно англичанам дали санкцию на высадке десанта в Архангельске для охраны военных складов.

Зачем эта охрана?

Россия уже вышла из войны. Был март 1918 года, был Брест, по которому Россия потеряла территорию с десятой частью своего населения, третью промышленности и т. д., и т. п. Россия. Вынесшая на своих плечах тяжесть войны, как было это в Великую Отечественную, выходила из боя проигравшей.

Но. Совнарком ведёт переговоры с немцами. Это "Второй Брестский мир", о котором так много писал В.Г. Сироткин. Большевики отдают немцам товаров, золота и сырья на 6 (шесть) миллиардов золотых рублей. Это в шесть раз дороже золотого запаса империи.

За что это? Все знают, что немцы вот-вот выйдут из войны. США уже высаживают войска во Франции, а у немцев нет подкрепления, австрийские дивизии, лучшие, ходят по фронту без обуви, не то что уж там уж…

Шесть миллиардов…Ни за что…Или есть за что?

Возможно, за немецкие войска, которые можно бросить на подавление выступлений оппозиции. Красная гвардия, что бы о ней не говорили, не справилась даже с добровольцами: они побеждают при десятикратном превосходстве большевиков. Даже Екатеринодар почти берут, но мешают просчёты Корнилова и нехватка боеприпасов, да ещё несколько факторов.

Шесть миллиардов золотых рублей…за солдат — солдат, которые сражаться в Гражданской войне. Неплохо.

Почти тогда же проходят выборы в "Малый Совнарком". Ленин и Троцкий не получают портфели.

Эсеры, узнав о переговорах, решают их сорвать. Они устраивают покушение на немецкого посла и разыгрывают арест Дзержинского (вчитайтесь в материалы, повествующие о тех событиях, и вы узнаете много интересного о неприкосновенности Дзержинского, в одиночку (!) отправившего арестовывать восставших эсеров — что это, уверенность в силке своего авторитета или предварительная договорённость с эсерами).

Нужно что-то этакое. Что-то, что позволит создать ситуацию, при которой власть удержится в руках Ленина и Троцкого. И — решение находится. Издаётся приказ, который в принципе нельзя выполнить (некому выполнять и нечем гарантировать исполнение) — разоружить белочехов. Сорок тысяч солдат. Больше, чем корпус, пусть и растянутый на много сотен километров по железным дорогам. Представьте, что вы, скажем, получили приказ окружить и разоружить ослабшие в Сталинграде войска Паулюса, имея от силы дивизию-две. Представили? Вот можете представить себе лицо солдат, получивших приказ разоружить белочехов.

Но белочехи терпят. Искрой становится брошенный непонятно кем в голову одного из солдат корпуса камень. Начинается заварушка. Сорок тысяч белочехов ополчаются против советской власти. Опасность революции, контра идёт! — и Ленин с Троцким могут с лёгкой душой принять все необходимые для ликвидации оппозиции меры. Кто же знает, что Добровольческая армия окрепнёт и дойдёт до самого Орла? Кто же знает, что безлюдная Сибирь соберёт под бело-зелёный флаг стотысячную армию и бросит в Волге? Кто же знает, что жалкие тысячи солдат Юденича пойдут на Петроград?..Никто не знает. Но ветер уже

посеяли…

Очерк третий: Колчак сохранил для России царское золото.

Золотой запас России перед Февральской революцией хранился в двух местах, одно из которых известно — это Казань. Потом это золото отвоюет Каппель, и оно в 1920 году попадёт в руки большевиков. Сам Колчак будет не против этого. На предложение Антанты отдать им золото на хранение, он ответит просто: "Пусть лучше оно достанется большевикам".

Но что же со второй его частью, как назвал её В.Г. Сироткин, карманом?

Оно уходит в Германию по "Второму Брестскому миру". Уходит так, что к составу приходится подсоединить два паровоза: один паровоз не может сдвинуть состав с места. Переливают на металл канделябры, монеты, серебряные вилки, даже пуговицы.

Попутно за рубеж уходит достояние России: драгоценные камни уходят за бесценок. А.М. Горький состоит во главе комиссии "по оценке" собранного. Это потом он будет говорить, что прожил в Советском Союзе (а до этого говорил, что большевики поступили преступно, расстреляв мирную рабоче-солдатскую демонстрацию в поддержку Учредительного собрания) — а сейчас он осматривает камни, украшения…

После это уйдёт за рубеж, при помощи Хаммера и его коллег. Уйдёт, по большей части, в зарубежным компартиям и т. д. Но многое осядет "на верхах". Например, такова "смета доходов" Якова Свердлова — опись содержимого личного сейфа второго человека в Советской Республике:

— Золотых монет царской чеканки на сумму сто восемь тысяч пятьсот двадцать рублей.

— Золотых изделий, многие из которых с драгоценными камнями, — семьсот пять предметов.

— Семь чистых бланков паспортов царского образца.

— Семь паспортов, заполненных на различные имена.

— Годичный паспорт на имя Горена Адама Антоновича.

— Немецкий паспорт на имя Сталь Елены.

— Кредитных царских билетов на семьсот пятьдесят тысяч рублей

Хороший запас на "чёрный день", или заначка, или карманные деньги — не находите ли? Люди умирали от голода. Перебивались случайными заработками, погибали за то, что хранили не сданное "органам" золото или деньги сверх установленного СНК минимума. А тут держал под рукой второй человек в стране, наверное, самое дорогое для сердца своего…Может быть, где-то что-то ещё держал, в т. ч. на счетах в заграничных банках (ведь все банки "здесь" были национализированы, а их ячейки более полугода вскрыть не могли, мастеров не было…)

Яков Свердлов, правда, в могилу это с собой так и не унёс. И

Что же взял в последний путь с собою (не считая золотого запаса царского правительства, затем Омского правительства, который не желал отдавать врагам) Колчак? Об этом красноречиво говорят данные описи изъятых из вагона Колчака вещей, произведённой 7 февраля 1920 года.

Шуба. Шапка. Подушечка, 2 носовых платка, 2 щётки, электрический фонарик 1 платок носовой, чемодан с мелкими вещами (… - идут всякие мелочи, составляющие скарб путешественника) 2 простыни, 2 рубахи, 3 носовых платка, Георгиевский крест, серебряный кинжал, 228 открыток, 27 серебряных монет (сравните с кол-вом монеток у Свердлова), 21 медная монета (товарищ Свердлов медью, видимо, гнушался), 29 икон, 1 лампада, 2 портрета, 8 картин (и так далее) — всё своё имущество возил с собой Колчак, вечный скиталец. Но немного у него этого имущества и было…

Информация об авторе

Андреев Николай Юрьевич. Родился 21 июля 1990 года в Воронеже, прожил двенадцать лет в Богучаре, самом прекрасном, уютном и спокойном городе из известных мне.

В данный момент — студент юридического факультета Воронежского государственного университета и, благодаря труду и участию профссора, доктора юридических наук Марины Валентиновны Сенцовой (Карасёвой), заведующей кафедрой финансового права, обучаюсь именно на данной кафедре.

Публиковаться начал с 2008 года: в изд-ве "Лениздат" вышел роман "И маги могут быть королями". В 2009 году в издательстве "Яуза" вышли два романа: "За Русь святую!" и "Гром победы, раздавайся" — соответственно первая и вторая части цикла "Рыцари Белой мечты". Настоящий роман является заключительной его частью.

Библиография

— 1917. Разложение армии / Авт. — сост. В.Л. Гончаров. М., 2010.

— 1918 год на Украине. Составление, научная редакция, предисловие и комментарии д.и.н. С.В. Волкова. М., 2001.

— Адмирал Колчак и суд истории. По ред. В.А. Благово и С.А. Сапожникова. М., 2009.

— Айрапетов О.Р. Генералы, либералы, предприниматели: работа на фронт и на революцию. [1907–1917]. М., 2003.

— Акунов В.В. Белый бог войны. // Наследие предков N 1(17), 2003.

— Акунов В.В. Белый бог войны. // Рейтар N 19 (7/2005).

— Акунов В.В., Кузнецов Н.А. Белый бог войны: барон Р.Ф. фон Унгерн-Штернберг и Азиатская конная дивизия // Доброволецъ N 2, 2003.

— Атаман Семенов. [Семенов Г.М.] О себе: Воспоминания, мысли, выводы. М., 1999.

— Багдасаров Р.В. Мистика огненного креста. М., 2005.

— Бадмаев П.А. За кулисами царизма. Минск, 2001.

— Барон Унгерн в документах и мемуарах. / Составитель С.Л. Кузьмин. М., 2004

— Бароны Врангели. Воспоминания. По ред. В.А. Благово и С.А. Сапожникова. М., 2006.

— Басов А.В. Самурай. М., 2000.

— Белов Е.А. Барон Унгерн фон Штернберг: Биография. Идеология. Военные походы. 1920–1921 гг. М., 2003.

— Белая борьба на Северо-Западе России. Составление, научная редакция, предисловие и комментарии д.и.н. С.В. Волкова. М., 2003.

— Белое дело: Избранные произведения в 16 книгах. Кн.11: Белый Крым. М., 2003.

— Бенуа А. Мои воспоминания. Кн. I–III. М., 1993.

— Бовыкин В.И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. М., 2001.

— Больных А.Г. Величайшее морское сражение Первой мировой. Ютландский бой. М., 2010.

— Боханов А.Н. Романовы. М., 2004.

— Брусилов А.А. Мои Воспоминания М., 2001.

— Брюханов В.А. Заговор против мира. Кто развязал Первую мировую войну. М., 2005.

— Бубнов А.Д. В царской ставке. М., 2008.

— Будберг А.П. Дневник. Часть первая. М., 2003.

— Булгаков М.А. Белая Гвардия. М., 2010.

— Бычков Р.В. Воля к Средневековью. М., 2005.

— Бьюкенен Джордж. Моя миссия в России. М., 2006.

— Бэттс Р., Марченко В. Духовник Царской Семьи: Святитель Феофан Полтавский, Новый Затворник. М., 1996.

— Валентинов Н. (Н.Вольский). Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания. М. 1991.

— Великая забытая война. М., 2009.

— Вениамин, митрополит (Федченков). Между двух эпох. / Комментарии С.В. Фомина. М., "Правило веры". 2004.

— Винберг Ф. Крестный путь: Корни зла. Мюнхен, 1922.

— Волков С.В. Под знаменем белого адмирала / Офицерский корпус вооруженных формирований А.В. Колчака в период Гражданской войны. Иркутск, "Сарма", 2005.

— Вооружённые силы на Юге России. Составление, научная редакция, предисловие и комментарии д.и.н. С.В. Волкова. М., 2003.

— Восточный фронт адмирала Колчака. Составление, научная редакция, предисловие и комментарии д.и.н. С.В. Волкова. М., 2004.

— Волков С.В., Егоров Н.Д., Купцов И.В. Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны: Биографический справочник. М., 2003.

— Волков С.В. Офицеры Российской Гвардии: Опыт мартиролога. М., 2002.

— Волков С.В. Офицеры Российской кавалерии: Опыт мартиролога. М., 2004.

— Волков Е.В., Егоров Н.Д., Купцов Н.В. Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны.

— Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 1993

— Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 2001

— Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги. М., 2007.

— Галковский Д.Е. Магнит. Псков, 2004.

— Галили Зива. Лидеры меньшевиков в русской революции. Пер. с англ. М., 1993.

— Ганин А. Генерал Бакич: серб на русской службе. М., 2005.

— Генерал Дитерихс / Редактор и составитель: В.Ж. Цветков. М., 2004.

— Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. 1918–1920 гг.: Впечатления и мысли члена Омского правительства. М., 2007

— Гончаренко О.Г. Последние битвы Императорского флота. М., 2008.

— Граф Келлер. М., 2007.

— Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX века). Новые подсчёты и оценки. Пер. с англ. М., 2003.

— Грицкевич А.П, Западный фронт РСФР 1918–1920.Борьба между Россией и Польшей за Белоруссию./ Науч. ред. А.Е, Тарас. Мн., 2010.

— Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. М., 2007.

— Де Мадариага И. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002.

— Деникин А.И. Очерки Русской смуты. Том 1. Минск, 2003.

— Деникин А.И. Старая армия. Офицеры. М., 2006.

— Деникин А.И. Путь русского офицера. Статьи и очерки на исторические и геополитические темы. М., 2006.

— Деникин А.И. Очерки русской смуты. В 3Т. М., 2006.

-

— Дело генерала Корнилова. Август 1917-июнь 1918. В 2ТТ. М., 2003.

— Джанибекян В. Тайна гибели Столыпина. М., 2001.

— Дитерихс М.К. Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале. М., 2007.

— Дмитриев И.С. Бензольное кольцо Российской империи. СПб., 2005.

— Донская армия в борьбе с большевиками. Составление, научная редакция, предисловие и комментарии д.и.н. С.В. Волкова. М., 2004.

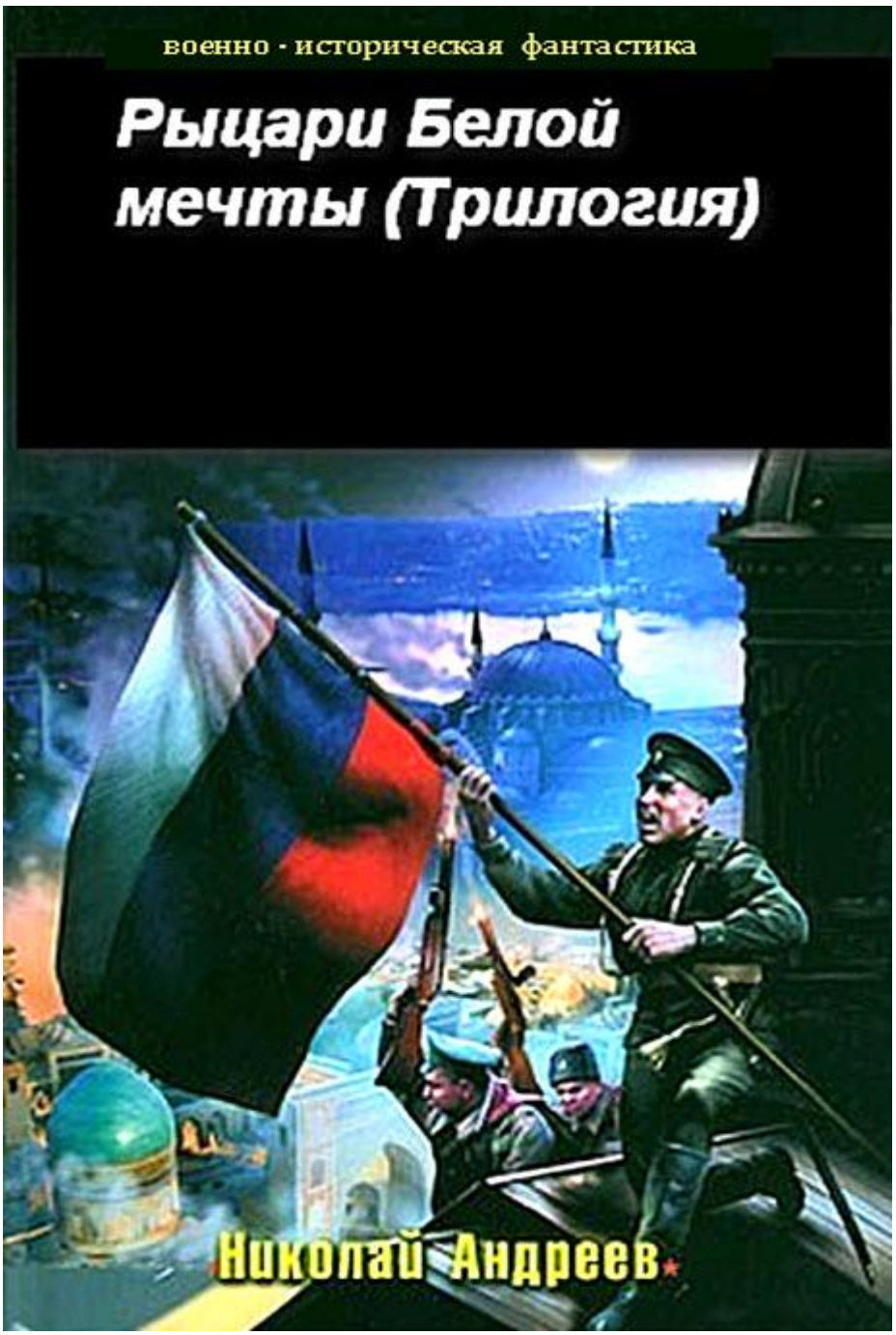
— Дубаев М.Л. Харбинская тайна Рериха. М., 2001.

— Дубельт Л.В. Заметки и дневники // Российский Архив. М., 1995.

— Дуров В.А. Ордена России. М., 1993.
— Елисеев Ф.И. Лабинцы. Побег из красной России. М., 2006.
— Жуков А.В. Петербургская военная ложа // Европеецъ. 2004. N 2(5)
— Жуков А.В. Эсхатологический монархизм // Социально-экономические и правовые основы российской государственности. М., 2004.
— За Советы без коммунистов. Крестьянское восстание в Тюменской губернии.1921. Сборник документов. / Составитель В.И. Шишкин.
— Залесский К.А. Кто был кто в Первой мировой войне. М., 2003
— Захаров В.Н, Петров Ю.А., Шацилло М.К. История налогов в России. IX — начало XX в. М., 2006.
— Звягинцев В.Е. Трибунал для флагманов. М., 2007.
— Илюшин С. Жизнь за Царя // Родина. 1996 N 6.
— Император Николай II и революция. / Автор-составитель Сергей Фомин. М., 2004.
— Исторические портреты. Белое движение. (Сост. А.В. Кручинин). М., 2004.
— Капитонов К.А. Голгофа русской эскадры: последний поход барона Врангеля. М., 2009.
— Каппель и каппелевцы. М., 2003.
— Касвинов М.К.Двадцать три ступени вниз. М., 1978.
— Какурин Н.Е. Как сражалась революция. В 2Т. М., 1990.
— Катков Г.М. Февральская революция/ Пер. с англ. А.А. Игоревского. М., 2006.
— Керенский А.Ф. Прелюдия к большевизму. М., 2006.
— Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. М., 1991.
— Киган Д. Первая мировая война. / Пер. с англ Т. Горошковой, А. Николаева. М., 2002.
— Кин М. Рыцарство / Пер с англ. И.А. Тогоевой. М., 2000. 520 с.
— Кобылин В.С. Император Николай II и заговор генералов. М.,2008.
— Колчак В.И., Колчак В.А. Избранные труды. СПб., 2001.
— Козырев Ф.Н. Распутин, которого мы потеряли. С.Пб, 2001.
— Косинский А.М., Чишфиц, А.Г., фон. Моонзунд 1917. Последнее сражение русского флота. М., 2009.
— Коломиец М.В. Броня русской армии. Бронеавтомобили и бронепоезда в Первой мировой войне. М., 2008.
— Краснов П.Н. За чертополохом. М., 2002.
— Краснов П.Н. Воспоминания о Русской Императорской армии. М., 2006.
— Краснов П.Н. На внутреннем фронте. Всевеликое войско Донское. М., 2006.
— Красный террор глазами очевидцев. Составл., предисл. д.и.н. С.В. Волкова. М., 2009.
— Красный террор в годы Гражданской войны. Сборник документов. (под ред. Ю.Г. Фельштинского) М., 2004.
— Кручинин А.С. Атаман Г.М. Семенов и "союзники". М., 2002.
— Кручинин А.С. Генерал-лейтенант Р.Ф. Унгерн-Штернберг // Белое движение. Исторические портреты. М., 2004
— Кручинин А.С. Адмирал Колчак: жизнь, подвиг, память.
— Крым Врангель. 1920. (Сборник статей). М., 2006.
— Кто развязал Первую мировую войну. Тайна сараевского убийства / Ред. — сост. В.Л. Гончаров. М., 2010.
— Кузнецов Н.А. Русский флот на чужбине. М., 2009.
— Легендарный барон: неизвестные страницы гражданской войны. / Составитель С.Л. Кузьмин. М., 2004.
— Леонтьев К.Н. — Фуделю И.И. 6-23.07.1888 // Россия перед Вторым пришествием. Т. 2. М, 1998.
— Ломакина И.И. Великий беглец. М., 2001.
— Ломакина И.И. Грозные Махакалы Востока. М., 2003.

— Любимов С.В. Титулованные роды Российской империи. М., 2004.
— Маклаков В.А. Первая Государственная Дума. Воспоминания современника. 27 апреля — 8 июля 1906 г. М., 2006.
— Маклаков В.А. Вторая Государственная дума. Воспоминания современника. 20 февраля -2 июня 1907 г. М., 2006.
— Мельгунов С.П. Красный террор в России. М., 2006.
— Мельгунов С.П. Легенда о сепаратном мире. М., 2006.
— Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 года. М., 2007.
— Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. М., 2008.
— Мельгунов С.П. Как большевики захватили власть. "Золотой немецкий ключ" к большевицкой революции. М., 2005.
— Мельгунов С.П. Красный террор в России (1918–1923). Чекистский Олимп. М., 2008.
— Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. В 2Т. М., 2004, 2005.
— Мельгунов С.П. Судьба Императора Николая после отречения. Историко-критические очерки / Составление, предисловие, приложение Дмитриев С.Н. М., 2005.
— Молчанов Л.А. Собственными руками своими мы растерзали на клочки наше государство. М., 2007.
— Мосолов А.А. При дворе последнего императора. М., 2006.
— Ненахов Ю.Ю. Кавалерия на полях сражений XX века: 1900–1920 гг. Минск, 2004.
— Никитин Б.В. Роковые годы. М., 2007.
— Никольские С. и М. Бомбардировщики "Илья Муромец" в бою. М., 2008.
— Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М., 2005.
— Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг.
— Оссендовский Ф. "И звери, и люди, и боги" / Пер. с английского В. Бернацкой. М., 1994.
— Палеолог Морис. Дневник посла. М., 2003.
— Пайпс Р. Россия при большевиках. М., 1997.
— Пайпс Р. Россия при большевиках. М., 1997.
— Петр Столыпин. Сборник / Сост-ль Лысцов Г.И. М., 1997.
— Последние бои на Дальнем Востоке. Составление, научная редакция, предисловие и комментарии д.и.н. С.В. Волкова. М., 2005.
— Поляков А.И. Донские казаки в борьбе с большевиками. 1917–1919. М., 2007.
— Пресняков А.Е. Русские самодержцы. М., 1990. С. 265.
— Пчелов Е.А. Романовы. История династии. М., 2004.
— Россия перед вторым пришествием. Материалы к очерку Русской эсхатологии: В 2 тт. / Составители: Сергей и Тамара Фомины. М., 1998. Том 1. Том 2.
— Рощин С.К. Маршал Монголии Х. Чойбалсан. М., ИВ РАН, 2005.
— Рощин С.К. Политическая история Монголии (1921–1940 гг.). М., ИВ РАН, 1999.
— Руденко-Миних. Дроздовский и дроздовцы: Крестоносцы распятой Родины. Белая Россия. Спб-М., 2002.
— Русская эмиграция в борьбе с большевизмом. М., 2005.
— Русская армия на чужбине. Составление, научная редакция, предисловие и комментарии д.и.н. С.В. Волкова. М., 2003.
— Серебренников И.И. Гражданская война в России: Великий отход. М., 2003
— Сибирская Вандея. Том 1.1919–1920. Том 2 1921–1922 / Составитель В.И. Шишкин. М., 2000.
— Сибиряков Н.С. Конец Забайкальского казачьего войска // Минувшее N1. Париж, 1986.
— Сикорский Е.А. Деньги на революцию: 1903–1920 гг. Факты. Версии. Размышления. Смоленск, 2004.
— Сироткин В.Г. Золото Колчака. М., 2010.

— Сироткин В.Г. Почему слиняла Россия? М., 2004.
— Сироткин В.Г. Золото и недвижимость России за рубежом. М., 2000.
— Скорбный путь Михаила Романова: от престола до Голгофы: Документы, материалы следствия, дневники, воспоминания. / Составители: В.М. Хрусталев, Л.А. Лыкова. Пермь, 1996.
— Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ. Том 1. 1918–1922. Документы и материалы. / Под редакцией А. Береловича, В. Данилова. М., 2000
— Сопротивление большевизму 1917–1918 гг. Составление, научная редакция, предисловие и комментарии д.и.н. С.В. Волкова. М., 2001.
— Соловьев Ю. Могила Рюрика и возвращение Государя. Брянск, 2004.
— Спиридович А.И. Великая война и февральская революция (1914–1917). Минск, 2004.
— Сухомлинов В.А. Воспоминания. Мемуары. Мн., 2005.
— Тепляков А.Г. "Непроницаемые недра": ВЧК-ОГПУ в Сибири 1918–1929. М., АИРО, 2007.
— Тери Э. Экономическое преобразование России. Пер. с фр. А.А.Пешкова. М., 2008.
— Т.Г. Масарик и "Русская акция" Чехословацкого правительства / Отв. ред. М.Г. Вандалковская. М., 2005.
— Томпстон Стюарт Росс. Российская внешняя торговля XIX — начала XX в.: организация и финансирование. Пер. с англ. Ю.А.Петрова. М., 2008.
— Уорт Роберт. Антанта и русская революция. 1917–1918. Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М., 2006.
— Уткин Антон. Не отрекаются любя: Николай П стремился сохранить монархию. // "Версия", N 11. 2003.
— Федосеев С.Л. Танки Первой мировой. М., 2010.
— Федосеев С.Л. "Пушечное мясо" Первой мировой. Пехота в бою. М., 2009.
— Федосеев С.Л. Пулеметы Русской армии в бою. М., 2008.
— Финне К.Н. Русские воздушные богатыри И.И. Сикорского. М.;Мн., 2005.
— Хатунцев С. Унгерн фон Штернберг: буддист с мечом // Черный корпус. М., 2004.
— Хайруллин М.А., Кондратьев В.И. Военлеты погибшей Империи. Авиация в Гражданской войне. М., 2009.
— Хорошилова О. Войсковые партизаны Великой войны. С.-Пб, 2002. С. 96–104
— Черкасов-Георгиевский В.Г. Генерал П.Н. Врангель. Последний рыцарь Российской Империи. М., 2004.
— Черкашин Н.А. Последняя любовь Колчака. М., 2008.
— Черкашин Н.А. Кровь офицеров. М., 2001.
— Чувардин Г.С. Старая Гвардия. Орел, 2002.
— Шамбаров В.Е. Белогвардейщина. М., 1999.
— Шацилло В.К. Последняя война царской России. М., 2010.
— Шенталинский В. Удел величия // Огонек. 1990. N 45
— Шерстюк С.А. Украденная книга. М., 2002.
— Ширендыб Б. История Монгольской народной революции 1921 года. М., 1971.
— Ширендыб Б. Хатанбатор Максаржав. М.,1980.
— Широпаев А.А. Я — барон Унгерн… // Черный корпус. М., 2004.
— Шишкин О.А. Убить Распутина. М., 2000.
— Шкуро А.Г. Гражданская война в России: Записки белого партизана. М., 2004.
— Шулдяков В.А. Гибель Сибирского казачьего войска. Т. 1 1917–1920. Т. 2 1920–1922. М., 2004.
— Шульгин В.В. Дни. 1920. М., 1989.
— Эвола Ю. Люди и руины / Пер. с итальянского В. Ванюшкиной. М., 2002.
— Юзефович Л.А. Самодержец пустыни. Феномен судьбы барона Р.Ф. Унгерн-Штернберга. М., 1993.


военно - историческая фантастика
Рыцари Белой мечты (Трилогия)
Николай Андреев